Н.И.БУХАРИН

Избранные произведения

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Н. И. БУХАРИН

Избранные произведения

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 66.61(2)2
Б94

Редакционная коллегия:
Г. Л. СМИРНОВ (руководитель), В. В. ЖУРАВЛЕВ,
Л. Ф. МОРОЗОВ, В. П. НАУМОВ

Бухарин Н. И.
Б94 Избранные произведения.— М.: Политиздат, 1988.— XII, 499 с., 1 л. портр.
ISBN 5—250—00634—5

Предлагаемый сборник выходит в 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина — видного деятеля Коммунистической партии, крупного ученого в области общественных наук, имя которого длительное время несправедливо предавалось забвению. Из обширного литературного наследия Бухарина в издание вошли его наиболее актуальные статьи, доклады и другие выступления по вопросам марксистско-ленинской теории, экономической политики, внутрипартийной борьбы и культурного строительства. Особое внимание уделено его работам середины 20-х годов, посвященным пропаганде ленинского кооперативного плана и новой экономической политики, критике позиции троцкистов по вопросам социалистического строительства. Содержащиеся в этих произведениях идеи о методах хозяйствования, применяемых социалистическим государством, в определенной части сохранили свое значение и в современных условиях.

Издание, подготовленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, рассчитано на исследователей, пропагандистов, партийных, советских, комсомольских работников, всех, кто интересуется историей КПСС и Советского государства.

Б $\frac{0902030000 — 331}{079(02)—88}$ ББК 66.61(2)2

ISBN 5—250—00634—5

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.
Предисловие, составление, научно-справочный аппарат

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые вниманию советского читателя Избранные произведения Николая Ивановича Бухарина подготовлены Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и представляют первую попытку дать более или менее цельное представление о творческом наследии большого ученого, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

В течение долгих лет, вопреки ленинским оценкам Н. И. Бухарина как теоретика партии, превосходно образованного экономиста, его общественно-теоретическая деятельность являлась запретной темой. До недавнего времени существовало фактическое вето на любую непредубежденную дискуссию о его творчестве. Многие работы разнопланового бухаринского наследия были похоронены в специальных хранилищах, ученые не имели к ним доступа, а то и вовсе не знали об их существовании.

Непросто проследить сегодня становление и развитие Н. И. Бухарина как ученого и теоретика, раскрыть его исследовательскую лабораторию. Особенно трудно охарактеризовать последний этап деятельности Бухарина, поскольку практически все первичные материалы, рукописи, документы были изъяты и уничтожены при его аресте, многое окончательно утрачено.

Имя и труды Николая Ивановича до сих пор обременены большим количеством мистификаций и искажений периода сталинской эпохи. В существующих представлениях сохраняется немало путаного, зачастую неверного. В трактовках его творчества наблюдается отход от подлинного авторского понимания рассматриваемых проблем. Предстоит непростая работа по восстановлению исторической правды, возвращению трудам Бухарина их подлинного значения.

Чтобы дать полное представление о характере трудов Н. И. Бухарина, об их научной, исторической и политической ценности, необходимы совместные усилия философов, экономистов, историков по строго научному непредвзятому прочтению бухаринских

текстов. Его идеи ждут серьезного изучения и оценки с точки зрения их актуальности и практической значимости в современных условиях, сопоставления с интернациональным опытом социалистического строительства и революционного движения.

Предстоит также проанализировать теоретическую деятельность Н. И. Бухарина на протяжении всей его творческой жизни, показать эволюцию его взглядов, неадекватность, а порой и полярность теоретических воззрений на ранних и последующих этапах. Многие проблемы из обширного наследия Н. И. Бухарина требуют размышлений, обмена мнениями, дискуссий. Это необходимо, потому что путь современной исторической науки к бесспорным, очевидным, лишенным догматизма и фальсификаций суждениям о Бухарине как теоретике, политическом деятеле и практике пролегает через такое сопоставление взглядов и суждений, в ходе которых будут устранены и односторонность, и неточности, достигнута полнота охвата всего его многогранного творчества.

Следует ли из этого, что к публикации трудов Н. И. Бухарина нужно подходить с позиций произвольного «изъятия» каких-либо работ, либо их обстоятельного толкования? Должны ли мы игнорировать эти работы на том основании, что на определенных этапах он расходился с В. И. Лениным? Так, возможно, и считают некоторые читатели, но так никогда не смотрел на это сам Ленин. Тщательно проанализировав книгу Бухарина «Экономика переходного периода», опубликованную в начале 1920 г., и высказав по ней достаточно серьезные замечания и пожелания, Ленин тем не менее рекомендовал ее к печати *.

Сегодня, когда смело открывается завеса лжи и идеологических фабрикаций, служивших «от имени» науки политике отлучения и остракизма, застоя и торможения в развитии марксистско-ленинской теории, настало время избавиться от методов замалчивания творчества таких идеологов и теоретиков, как Н. И. Бухарин. Очень важно при этом правильно определить методологию исследования тех или иных позиций.

Н. И. Бухарин много и основательно учился у В. И. Ленина, настойчиво обращался к идеям К. Маркса и Ф. Энгельса. В одной из работ о Ленине Николай Иванович рассказал, как он впервые познакомился с ленинскими идеями о различиях в становлении социализма и капитализма. «Мне случилось, — писал он, — в одной из своих статей довольно подробно разработать вопрос о том, какое большое принципиальное отличие существует между вызреванием социалистического строя внутри капиталистической системы и вызреванием капиталистического строя внутри феодального общества... Но после того, как я эту статью написал и совершенно

* См.: Ленинский сборник XI, с. 402.

искренне считал, что здесь, в этой маленькой теоретической области, в определенном разрезе, сказано некоторое новое слово, которое раньше не говорилось,— я увидел, что все это заключается буквально в четырех строках одной из речей Владимира Ильича, произнесенных им на VII съезде нашей партийной организации, во время прений по Брестскому миру *. Я думаю,— продолжает Бухарин,— что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать Сочинения Владимира Ильича,— они, несомненно, откроют в этих Сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными и теоретической обширности которых мы не понимали» **.

Издание произведений Н. И. Бухарина совпадает со столетием со времени его рождения. Он прожил большую жизнь революционера и крупного ученого, с юных лет связавшего свои помыслы и надежды с делом Коммунистической партии.

Н. И. Бухарин родился 27 сентября (9 октября) 1888 г. в семье московских учителей. Будучи гимназистом, он познакомился с марксистской теорией, которая покорила его своей стройностью и логичностью. В 1906 г. в обстановке бурных событий Первой российской революции он вступил в большевистскую партию. И уже спустя два года был введен в состав ее Московского комитета. Линию в своей работе он проводил ленинскую, борясь на два фронта — и против ликвидаторов, призывающих к отказу от революционных, нелегальных форм деятельности, и против отзовистов, выступивших с левацкими лозунгами отказа от участия в работе легальных учреждений.

В 1907 г. Н. И. Бухарин поступил в Московский университет, где занимался на экономическом отделении юридического факультета. Но последовавшие в 1909 и 1910 гг. аресты, а затем ссылка в Архангельскую губернию помешали окончить университет. Тем не менее зародившийся там интерес к экономической теории послужил толчком для последующего глубокого изучения марксистского экономического учения.

В 1911 г. Н. И. Бухарин бежал из ссылки и эмигрировал в Германию. Осенью 1912 г. под фамилией Орлов прибыл в Краков, где впервые встретился с В. И. Лениным. По предложению Ленина он стал сотрудничать в газете «Правда», в теоретическом журнале «Просвещение» и в других большевистских газетах.

Помощь со стороны Владимира Ильича сыграла большую роль в занятиях Н. И. Бухарина экономической теорией. В эмигра-

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 5—6.
** См. настоящее издание, с. 50—51.

ции он написал ряд трудов, содержащих анализ новых явлений в развитии капитализма и критику ревизионистских извращений марксизма. К этому периоду относится одна из наиболее крупных экономических работ Бухарина «Мировое хозяйство и империализм», которая редактировалась Лениным, написавшим к ней предисловие. Содержащаяся в ней формулировка о сращивании финансового и промышленного капитала положительно оценивалась в ленинском классическом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Помощь В. И. Ленина проявлялась и в товарищеской критике ошибок, допускаемых Н. И. Бухариным, в том числе по национальному вопросу. Речь шла при этом о воспитании молодого ищущего товарища, заблуждающегося в некоторых вопросах теории.

В 1917 г., после Февральской революции, завершился эмигрантский период в жизни и деятельности Н. И. Бухарина. В мае 1917 г. он прибыл в Москву и сразу окунулся в революционную работу, снова войдя в состав Московского комитета партии и возглавив там сторонников курса на переход к новому, социалистическому этапу революции в России, провозглашенного В. И. Лениным в Апрельских тезисах.

Заметную роль сыграл Н. И. Бухарин на VI съезде РСДРП(б), на который был делегирован Московской организацией. Там он выступил с докладом о войне и международном положении, а также с речью против явки В. И. Ленина на контрреволюционный суд. Съезд огромным большинством голосов принял по этому вопросу резолюцию, основу которой составил проект, предложенный Бухариным *.

В послеоктябрьский период Н. И. Бухарин выдвинулся в число ведущих идеологических работников партии. Он становится ответственным редактором «Правды», издает ряд работ по вопросам теории революционного движения. Одновременно ведет большую хозяйственную работу: вошел в состав президиума ВСНХ, позже являлся заместителем председателя ВСНХ.

Теоретическая деятельность Н. И. Бухарина, по его словам, знаменовалась возрастанием влияния на него В. И. Ленина. Обращает на себя внимание то, что даже в период острейшей полемики Ленин внимательно рассматривал выдвигаемые Бухариным спорные положения, стремясь помочь ему встать на правильные позиции. Так было при заключении Брестского мира, когда Бухарин выступил во главе «левых коммунистов», и тогда, когда вырабатывался план приступа к социалистическому строительству и Бухарин возражал против использования государственного капитализма, допуская и в этом случае левацкую ошибку **. Так

* См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков): Протоколы. М., 1958, с. 34—36.
** См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 305, 306 и др.

было и год спустя, при выработке Программы партии на VIII съезде РКП(б), когда Бухарин продолжал отстаивать свою ошибочную линию в вопросе о праве наций на самоопределение. И в том и в другом случае Бухарин признал вскоре свою неправоту в споре с Лениным.

Колебания Н. И. Бухарина в известной мере отражали свойства его натуры, характера. Отмечая это обстоятельство, В. И. Ленин во время профсоюзной дискуссии, когда Бухарин в поисках примирения сторон фактически подпал под влияние Л. Д. Троцкого, говорил: «Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: «мягкий воск». Но это его качество, продолжал Ленин, мог использовать любой «беспринципный» человек *. В «Письме к съезду», характеризуя Бухарина как ценнейшего и крупнейшего теоретика партии и как любимца всей партии, Ленин в то же время указывал, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» **. Эти недостатки, по мысли Ленина, могли быть преодолены. Свои замечания в адрес Бухарина он делал с оговоркой, что они относятся «лишь для настоящего времени» ***. И эти надежды Н. И. Бухарин во многом оправдал в своей последующей практической работе, в которой проявились и сильные и слабые его стороны. В течение ряда лет он входил в руководящее ядро партии, будучи вплоть до 1929 г. членом Политбюро ЦК партии и ответственным редактором «Правды». Большую работу вел в Исполкоме Коминтерна: являлся его секретарем, написал проект программы Коминтерна.

Плодотворно Н. И. Бухарин трудился на теоретическом фронте. Его перу принадлежат большой философский труд «Теория исторического материализма», работы, посвященные ленинскому идейному наследию, и ряд произведений по вопросам марксистско-ленинского экономического учения.

Заметную роль он сыграл в защите ленинской теории социалистической революции, приняв активное участие в борьбе с троцкистами и другими оппозиционными группировками левацкого направления, ставящими под сомнение возможность построения социалистического общества в СССР в условиях капиталистического окружения.

Вопросы социалистического строительства привлекали внимание Н. И. Бухарина еще в период гражданской войны. В своей известной книге «Экономика переходного периода» он

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 242.
** Там же, т. 45, с. 345.
*** Там же, с. 346.

писал, что надо отказаться от мысли, будто бы прогресс производительных сил как непременное условие существования нового общественного строя начнется сразу, с самого начала пролетарского переворота. «Социализм придется *строить*. Наличные вещественные и личные ресурсы являются лишь *отправным пунктом* развития, которое обнимает собою целую громадную эпоху» *.

В связи с этим Н. И. Бухарин проводил различие между генезисом капитализма и социализма: «Капитализм не строили, а он строился... Если процесс создания капитализма был стихийным, то процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным процессом... Эпоха коммунистического строительства будет поэтому неизбежно эпохой планомерной организованной работы; пролетариат будет решать свою задачу как общественно-техническую задачу постройки нового общества, которую сознательно ставят и сознательно решают все» **.

В. И. Ленин, всесторонне рассмотревший эту работу Н. И. Бухарина, положительно оценил тезис «социализм придется строить», сделав пометку на полях книги: «очень верно!» ***.

Постановка вопроса о необходимости строить социалистическое общество способствовала преодолению распространенных в первые послеоктябрьские годы представлений о самопроизвольном возникновении социалистического общества. Но какими методами следует его строить, в период гражданской войны ясности не было.

Перелом в решении этого вопроса наступил с переходом к разработанной В. И. Лениным новой экономической политике — нэпу. Н. И. Бухарин сразу выступил как наиболее последовательный ее сторонник, становится одним из первых ее популяризаторов и пропагандистов. Новый курс экономической политики Бухарин определил «как грандиозную, на ряд лет рассчитанную, *стратегическую операцию пролетариата на хозяйственном фронте*», основной задачей которой являлось построение крупной социалистической промышленности при временном усилении мелкобуржуазных и крупнобуржуазных хозяйственных форм ****.

Многие труды Н. И. Бухарина были посвящены проблемам социалистического преобразования сельского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана. Исходным пунктом для него в решении этой задачи явился принцип добровольности кооперирования путем сочетания личных и общественных интересов крестьянства. В связи с этим особое внимание обращалось им на

* *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода. М., 1920, с. 58.
** Там же, с. 60.
*** Ленинский сборник XI, с. 363.
**** См. настоящее издание, с. 29.

простейшие виды и формы кооперации, наиболее доступные пониманию мелкого крестьянина. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в целом рисовалось в виде постепенного врастания кооперации в социалистическую систему. Такой подход соответствовал отстаиваемой Бухариным концепции эволюционного развития общества в переходный от капитализма к социализму период. «При капитализме,— писал он,— пролетариат за *революцию* против данного порядка вещей. При пролетарской диктатуре рабочий класс за *эволюционное* движение к коммунизму, ибо государство пролетариата не разрушается, а «отмирает» *.

Тезис об эволюционном характере общественного развития связывался Н. И. Бухариным с вопросом о темпах социалистического строительства. Он считал, что в условиях капиталистического окружения, без помощи международного пролетариата «мы пойдем *медленнее* в своем развитии, *но мы все же будем неуклонно идти вперед*» **. Но так трактовался им этот вопрос в общей его постановке. При конкретном же рассмотрении условий, в которых предстояло строить социализм, Бухарин считал необходимым усиливать темпы и с этой целью ускорить развитие экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством, чтобы город хозяйственно оплодотворял деревню, а деревня город. В этом он видел самый глубокий смысл новой экономической политики ***.

Вопросы взаимоотношений с крестьянством, упрочения рабоче-крестьянского союза были в центре полемики, которую вел Н. И. Бухарин с группой Г. Е. Зиновьева и с троцкистской оппозицией, принижающей значение союза рабочего класса с крестьянством. Особенно много внимания он уделял критическому анализу так называемого закона социалистического накопления, выдвинутого Е. А. Преображенским, указывая на неправомерность сопоставления капиталистического первоначального накопления, для которого характерно разорение крестьянства, с процессом социалистического строительства.

Активно участвовал Н. И. Бухарин в отстаивании генеральной линии партии и по вопросу о возможности победы социализма в одной стране. В этой полемике он доказывал, что если для окончательной победы социализма усилий одной страны недостаточно, то это вовсе не исключает возможности построения полного социалистического общества в пределах одной страны, в условиях капиталистического окружения. Гарантией этого являлся союз рабочего класса с трудящимся крестьянством.

* Большевик, 1925, № 1, с. 27.
** См. настоящее издание, с. 227.
*** См. там же, с. 126.

Оценивая деятельность Н. И. Бухарина в период от перехода к нэпу вплоть до второй половины 20-х гг., можно с достаточным основанием сказать, что она во всем главном соответствовала политике партии. Являясь одним из лидеров партии, он разделял ответственность за проводимую Центральным Комитетом линию. Однако в конце 20-х гг. произошло резкое обострение разногласий между группой Н. И. Бухарина и большинством членов ЦК, возглавляемых И. В. Сталиным. Бухарин решительно выступил против выдвинутого Сталиным в это время курса на обострение классовой борьбы.

Непосредственным поводом для дискуссии внутри ЦК послужили хлебозаготовительные трудности зимой 1927/28 г. Чрезвычайные меры, принятые для их преодоления, сопровождаемые многими нарушениями законности, встревожили Н. И. Бухарина и его единомышленников, расценивших это как отход от нэпа. Возникли острые разногласия по вопросу о методах социалистического строительства.

Несмотря на заявление Н. И. Бухарина, сделанное на апрельском (1929 г.) Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), что никакой оппозиции он и его единомышленники создавать не намерены, к нему были применены организационные меры в виде отстранения от работы в редакции «Правды» и в Коминтерне, а в ноябре 1929 г. его вывели из состава Политбюро.

Условия, в которые был поставлен Н. И. Бухарин, затрудняли его общественно-политическую деятельность. Почти каждое бухаринское выступление ставилось под сомнение, почти в каждом из них изыскивались скрытые намерения продолжать нападки на политику партии.

Применение своим силам Н. И. Бухарин нашел в области науки и в решении проблем технического прогресса. В 1929 г. ему была предоставлена должность начальника научно-технического управления в Высшем совете народного хозяйства, а с реорганизацией ВСНХ — в Наркомате тяжелой промышленности. К этой новой для него работе он отнесся творчески, рассматривая развитие производительных сил в перспективе. Представляют интерес высказанные им в начале 30-х гг. мысли о грядущей научно-технической революции.

Осуществление социалистической индустриализации Н. И. Бухарин связывал с развитием естественных наук. «Индустрия без роста естествознания не будет расти...— писал он.— работа научно-исследовательской мысли должна, наконец, занять соответствующее место в системе общественного труда» *. Немалую роль играл Бухарин в развитии советской науки. В 1929 г. он был избран действительным членом Академии наук СССР и вошел

* *Бухарин Н. И.* Этюды. М.; Л., 1932, с. 213.

в состав ее президиума, возглавив институт истории науки и техники. Значительными были его выступления на сессиях Академии наук и на международных научных конгрессах, направленные на разъяснение задач советской науки и утверждение марксистского метода познания. Бухарин был в числе первых, кто обосновал необходимость планирования научно-исследовательской работы. Исходным в этом большом деле он считал крутой поворот всей сети научно-исследовательских учреждений к практике социалистического строительства.

Последний этап деятельности Н. И. Бухарина был связан с редактированием газеты «Известия». Под его руководством эта газета стала живее, интереснее. К ее изданию были привлечены многие лучшие публицисты и журналисты того времени.

Пристальное внимание Н. И. Бухарин обращал на развитие советской культуры. Этому были посвящены его доклад на первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934 г.) «Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР», статьи о кризисе капиталистической культуры и проблемах культуры в СССР.

Многогранная деятельность Н. И. Бухарина, честное партийное выполнение своих обязанностей получали заслуженное признание. Однако на декабрьском (1936 г.) и февральско-мартовском (1937 г.) Пленумах ЦК Бухарин был обвинен в контрреволюционной деятельности. Он категорически отвергал эти обвинения и даже объявил голодовку протеста накануне февральско-мартовского Пленума. Тем не менее по предложению Сталина Пленум высказался за передачу его дела следственным органам НКВД, которые подготовили судебный процесс 1938 г. о «право-троцкистском контрреволюционном блоке», возглавляемом якобы Бухариным. На основании сфальсифицированного обвинения он был приговорен к расстрелу. В марте 1938 г. приговор был приведен в исполнение.

Теперь Н. И. Бухарин полностью реабилитирован. Комитет партийного контроля, рассмотрев вопрос о его партийности и учитывая необоснованность политических обвинений, предъявленных ему при исключении из партии, реабилитацию в судебном порядке, а также принимая во внимание заслуги перед партией и Советским государством, восстановил Н. И. Бухарина в рядах КПСС (посмертно).

* * *

В настоящее издание включены шестнадцать работ Н. И. Бухарина. Они охватывают в общей сложности около двадцати лет его творческой деятельности. Выбор обусловлен актуальностью многих идей, заложенных в них, стремлением дать читателю представление об их авторе как теоретике, партийном трибуне, та-

лантливом полемисте и журналисте. Здесь — газетные и журнальные статьи, доклады и выступления, труды, посвященные теоретическим проблемам. Особую ценность представляют произведения Н. И. Бухарина, в которых на основе ленинской методологии раскрывалась сущность новой экономической политики, исследовалась аграрно-крестьянская проблема, освещались закономерности переходного от капитализма к социализму периода. К числу таких трудов относится ряд брошюр и статей: «Новая экономическая политика и наши задачи», «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», «Заметки экономиста» и др. Содержащиеся в них положения о сочетании личных и общественных интересов, о значении товарно-денежных отношений, о необходимости считаться с экономическими закономерностями сохраняют актуальность до настоящего времени.

В сборник включена и часть философских трудов Н. И. Бухарина. Работы «К постановке проблем теории исторического материализма», «Ленин как марксист», «Теория пролетарской диктатуры» и др. выросли из многолетних научных и исторических изысканий и показывают колоссальный объем работы, проведенной автором, ее широту и добросовестность.

Работы «Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. К вопросу об экономическом обосновании троцкизма», «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР», «Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда» и ряд других помогут читателю ощутить всю остроту политической борьбы на начальном этапе социалистического строительства.

В издание не включены выступления и работы Н. И. Бухарина, связанные с проблемами международного коммунистического движения, требующие особого рассмотрения.

Работы в книге расположены в хронологическом порядке. Цифровой материал приводится так, как он дан у Н. И. Бухарина. Сокращенные слова раскрыты без квадратных скобок. Правописание слов приводится в соответствии с новой орфографией.

В конце книги даны примечания. В издание включены основные даты жизни и деятельности Н. И. Бухарина.

Издание подготовили: А. Л. Водолагина, М. Ф. Кишкина-Иваненко.

В подготовке книги принимали участие: Г. А. Багатурия, И. П. Донков, С. Л. Леонов.

Научно-справочную работу осуществляли Л. М. Держицкая, Т. Н. Кузнецова и А. Ю. Ватлин.

Основные даты жизни и деятельности Н. И. Бухарина составили Л. М. Держицкая и М. Ф. Кишкина-Иваненко.

ТЕОРИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ
1919 г.

«В конечном счете» *всякая* теория имеет практические корни. Но если это верно по отношению к любой науке, это «верно в квадрате» по отношению к общественным наукам. Они являются направляющей всем видимой двигательной силой, и тут особенно ярко сказывается положение Маркса, что «и теория становится силой, если она овладевает массами».

Но, чтобы теория двигала массы по правильному пути, нужно, чтобы она сама была правильной теорией. А чтобы она была правильной теорией, для этого она должна удовлетворять некоторым общим «методологическим» требованиям.

Таким требованием для общественно-теоретических построений является требование *историчности*. Это значит, что всякую полосу общественного развития нужно понять в особых, ей, и *только* ей свойственных чертах; духу настоящей общественной науки прямо претит бестолковое повторение «вечных истин», прогорклая жвачка, достойная ученых коров либерализма.

Однако этой по существу своему глубоко *революционной диалектической* точки зрения не могут усвоить себе ни буржуазные ученые, ни пустопорожние болтуны из «живых трупов» распавшегося II Интернационала [1]. Типичным образчиком их служит *Каутский* [2].

С началом империалистической эпохи, когда история поставила перед рабочим классом задачу, во-первых, *понять* новый цикл развития, а во-вторых, так или иначе на него *реагировать*, Каутский окончательно растерялся, и тот жалкий лепет, та невинная (и вместе с тем ядовитая) розовая водица, которою он кропил немецкий пролетариат, теоретически оказались *проституированием* марксизма, а практически вели к полному *ренегатству*. Каутский абсолютно не понял *особенностей* империалистской эпохи, ее специфического характера. В империализме он видел лишь историческую случайность, какой-то «грех» капиталистического развития, патологическое явление, которое можно было излечить

заклинаниями и формулами третейских судов и разоружений — формулами, взятыми напрокат у убогенького буржуазного пацифизма. Известно, каков был результат. Не кто иной, как Каутский, пугал рабочих «вражеским нашествием» и благословил политику шейдемановцев — подлую политику «защиты» разбойничьего буржуазного отечества.

Теперь наступает опять *новая* историческая полоса. Кривая империалистского развития, все время шедшая вверх, начинает катастрофически падать вниз. Наступает эпоха *разложения капитализма*, за которой непосредственно следует *диктатура пролетариата*, рождающаяся в муках *гражданской войны*.

Это — период, еще более «неудобный» для трусливых и подлых душ. Здесь все летит насмарку, все старое, гнилое, отжившее. Здесь не может быть места ни теории, ни практике буриданова осла. Здесь нужно выбирать и *действовать*.

И опять мы видим, что Каутский, который все время войны занимался — правда, умеренным — лизанием генеральского сапога и проповедовал «осторожность», теперь занимается благородной задачей обстрела большевиков и изливанием помоев на Советскую республику, благо это весьма одобряется начальством. Если рассматривать его — sit venia verbo * — «взгляды» с логической стороны, опять-таки обнаружится полное неумение *исторически* проанализировать вопрос, подойти к нему не с точки зрения общей фразы, а с точки зрения революционной диалектики.

Советская республика — это величайшее завоевание пролетариата — должна быть рассмотрена как форма *пролетарской диктатуры*, как особая форма *государственной власти*, неизбежно возникающая в определенный исторический период, несмотря на то, хотят или не хотят иметь ее господа Даны [3], Керенские [4], Каутские и Шейдеманы [5].

Но для того чтобы понять историческую правомерность диктатуры пролетариата, необходимо, как говорят немцы, «провентилировать» сперва вопрос о государстве вообще.

1. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Если даже оставаться в плоскости чисто теоретических оценок, можно заметить, какой громадный шаг назад сделали многие «выдающиеся мыслители» за время войны как раз в *этой* области. То, что раньше, и по заслугам, обозначалось как беспардонное пустозвонство, котируется сейчас как величайшая ценность на бирже воинствующей «науки»

* С позволения сказать *(лат.)*. *Ред.*

наших дней. Взрослые люди залепетали, как двухлетние ребята. Нечленораздельные звуки, которые издаются теперь Шейдеманами и Данами всех стран,— лучшее тому доказательство. И поэтому пусть не посетует на нас читатель, если мы прежде всего постараемся напомнить кое-какие «забытые слова».

Существует бесконечное множество всяких «дефиниций» государства. Мы проходим мимо всех тех теорий, которые видят в государстве какую-либо теологическую или метафизическую сущность, «сверхразумное начало», «реальность моральной идеи» и т. д. Неинтересны для нас и многочисленные теории юристов, которые, рассматривая дело с ограниченной точки зрения формально-юридической догматики, вертятся в порочном кругу, определяя государство через право, а право — через государство. Такие теории не дают никакого положительного знания, потому что они лишены социологического фундамента, они висят в воздухе. Государство же невозможно понять иначе, как явление социальное. Необходима, следовательно, *социологическая* теория государства. Такую теорию и дает *марксизм*.

С точки зрения марксизма государство есть наиболее общая организация господствующего класса, основной функцией которой являются защита и расширение условий эксплуатации классов порабощенных. Государство есть отношение между людьми, и притом — поскольку мы говорим о классах — отношение господства, власти, порабощения. Правда, уже 2500 лет до Р. Х., в знаменитом вавилонском кодексе Хаммурапи [6], было заявлено, что «целью правителя являются обеспечение в стране права, уничтожение дурного и злого, дабы сильный не вредил слабому» *. В существеннейших чертах эти идиллические благоглупости с серьезнейшим видом преподносятся и теперь **. Сия «истина» совершенно аналогична утверждению, что целью предпринимательских союзов является повышение заработной платы рабочих. В действительности, поскольку имеется сознательно регулируемая организация государственной власти, поскольку можно, следовательно, говорить вообще о постановке *целей* (что предполагает уже известную высоту общественного и государственного развития), эти цели определяются интересами господствующих классов, и *только ими*. Так называемые «общеполезные функции» суть лишь conditio sine qua non ***, необходимые условия существования государства; точно так же и любая синдикатская

* *Gumplowicz L.* Geschichte der Staatstheorien. Innsbruck, 1905, S. 8.

** См., напр.: *Loening.* «Der Staat» в Handwörterbuch der Staatswissenschaften; *Wygodzyns'y.* Staat und Wirtschaft. Handbuch der Politik etc. Или из новых книг: *Jerusalem.* Der Krieg im Lichte der Gesellschaftslehre, S. 61.

*** Непременное условие *(лат.)*. *Ред.*

организация ставит себе *целью* (мы подчеркиваем именно эту сторону дела: *цели* организации) отнюдь не производство an und für sich *, а получение прибыли и сверхприбыли, хотя *без* производства не могло бы жить человеческое общество. «Общественно полезные» функции буржуазного государства суть, следовательно, *условия* максимально длительной и максимально успешной эксплуатации классов угнетенных, в первую голову пролетариата. Эволюция этих функций определяется двумя моментами: во-первых, непосредственной заинтересованностью командующих классов (без железных дорог невозможно развитие капитализма — отсюда постройка железных дорог; чрезмерное вырождение нации лишает государство необходимого ему солдатского материала — отсюда санитарные мероприятия etc.); во-вторых, соображениями стратегии против угнетенных классов (так называемые «уступки» под давлением снизу) — здесь предпочитается наименьшее с точки зрения верхов зло. И в том и в другом случаях действует «принцип экономии сил» в целях создания наилучших условий для эксплуатационного процесса. Регулятивным принципом поведения для государственной власти служат интересы господствующего класса, которые лишь прячутся под псевдонимом интересов «нации», «целого», «народа» и пр. Всюду государство является организацией «наиболее могущественного, господствующего экономически класса, который благодаря ему становится и политически господствующим, приобретая себе таким образом новое средство для обуздания и эксплуатации классов порабощенных» [7] **.

Являясь наиболее общей организацией господствующего класса, государство возникает в процессе общественной дифференциации. Оно есть продукт *классового* общества. В свою очередь, процесс социального расслоения есть производная экономического развития, а отнюдь не простой результат голого насилия со стороны групп победителей иноземного происхождения, как то утверждают некоторые экономисты и социологи (Гумплович [8], Оппенгеймер [9]), которые в данном пункте по существу дела лишь повторяют пресловутого Дюринга [10]. Вот как определяет «историческое государство» *Франц Оппенгеймер*.

«По форме,— пишет этот автор,— оно (государство) есть правовая институция, навязанная победоносной группой группе

* Само по себе *(нем.). Ред.*

** *Engels Fr.* Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates. 3 Aufl., 1889, S. 137. «Государство есть организация владеющих классов для обороны против классов, не имеющих собственности» [11] (ibid., 138). «La politique n'est qu'une méthode de persistance, un instrument de conservation et d'extension de la propriété» [12] (*Achille Loria.* Les bases économiques de la constitution sociale. 2 éd. Paris, 1903, p. 362).

побежденной. Его *содержанием* является планомерная эксплуатация («Bewirtschaftung») подчиненной группы» *.

«Классы созданы при помощи политических средств и могли быть созданы только политическими средствами» **.

Таким образом, классы являются, по Оппенгеймеру, лишь трансформированными группами победителей и побежденных, а вовсе не законным дитятей экономического развития. Их появление связано *исключительно* с «внеэкономическим фактором».

В этой теории «происхождения классов» и государства верно лишь одно — что конкретная история есть история насилий и грабежа. Но этим вопрос отнюдь не исчерпывается, ибо в действительности ни «правовые институты», ни производственные отношения определенного типа не могут возникнуть и *удержаться*, раз в экономическом развитии данного общества нет для этого достаточной почвы. В частности, для появления классов и упрочения их в качестве основной общественной категории этим базисом являлась хозяйственная дифференциация в связи с ростом *разделения труда и частной собственности* ***.

Образование классов *логически* отнюдь не предполагает завоеваний, и история приводит нам примеры образования классов помимо всякого «завоевания». Таково образование государства в Северной Америке. Правда, обычно недооценивают зародышей североамериканского феодализма и господства поземельной аристократии ****. Однако эволюция капиталистических отношений Америки становится совершенно непонятной с точки зрения «чистой теории завоевания».

Кажущийся радикализм аналогичных теоретических конструкций имеет весьма апологетические корни, ибо здесь идет нападение не на основы товарного хозяйства — частную собственность, а лишь на монополистическую форму этой последней, как будто эта монополистически превращенная форма не есть логическое и историческое продолжение элементарной формы простого товарного хозяйства. На самом деле государство, как и классы, «никоим образом не является силой, навязанной обществу извне...

* *Oppenheimer F.* Staat und Gesellschaft. Handbuch der Politik, S. 117. См. также: *Его же.* Der Staat. О развитии политики и экономики у О. см. его: Theorie der reinen und politischen Oekonomie. 2 Aufl. Berl., 1911.

** Staat und Gesellschaft, S. 115; Der Staat, S. 9.

*** См.: *Schmoller G.* (Jahrbücher, 1890, S. 72). «Das Wesen der Arbeitsteilung und der socialen Klassenbildung», где Шмоллер критикует Гумпловича, перегибая, однако, палку в сторону «смягчения» действительной исторической картины; также: *Schmoller G.* Die Tatsachen der Arbeitsteilung. Jahrbücher, 1889. Общие теоретические соображения у *Durkheim'a*, «De la division du travail social», Paris, 1893.

**** См. об этом. *Mayers.* The History of great american fortunes.

оно есть, наоборот, продукт этого общества на известной ступени развития» [13] *.

Если конститутивный признак государства, его «сущность» видеть в том, что оно есть всеобщая организация господствующего класса, то необходимо признать, что государство есть категория историческая. Таков был взгляд Маркса и Энгельса. Точно так же, как капитал, по Марксу, не есть вещь, именно средства производства an und für sich, а общественное отношение, выраженное в вещи, «сущность» государства заключается не в его технически-административной роли, а в *отношении господства*, которое скрывается под этой административно-технической оболочкой **. Но так как это отношение господства есть выражение классовой структуры общества, то вместе с исчезновением классов исчезнет и государство. Таким образом, государство имеет не только свое историческое начало, но и свой исторический конец. «Даже радикальные и революционные политики,— писал *Маркс*,— вскрывая ограниченную точку зрения своих современников, ищут корень зла не в сущности (Wesen) государства, а в определенной государственной форме, на место которой они хотят поставить другую государственную форму» [14] ***. Еще решительнее говорит Энгельс. «Все социалисты,— утверждает он,— согласны в том, что государство, а вместе с ним и политическая власть (Autorität) исчезнут в силу грядущей социальной революции,— другими словами, что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, блюдущие общественные интересы» [15] ****.

В «Анти-Дюринге» [16] Энгельс заявляет, что государство должно «отмереть» (absterben). В «Происхождении семьи etc.» он помещает государство в музей древностей будущего общества «наряду с бронзовым топором и прялкой». Приведенные цитаты (а их можно было бы, конечно, увеличить) вовсе не случайны,—

* *Engels*. Der Ursprung, S. 135. Что возникновение теории à la Оппенгеймер имеет ту социальную подкладку, о которой мы говорили выше, показывают и «система» практических требований Оппенгеймера, и его «либеральный социализм», который на самом деле означает возврат к простому товарному хозяйству, со «справедливой» куплей-продажей «по труду».

** Кстати, *г. Реннер* [17], один из виднейших представителей так называемого «австромарксизма», который в своих внешне блестящих статьях в «Kampf» побил, пожалуй, все рекорды фальсификации марксова учения, обосновывает лозунг «самозащиты» тем, что капитал, по Марксу, есть отношение между двумя одинаково *необходимыми* полюсами общества — рабочими и капиталистами. Реннер позабывает только тот пустяк, что Марксу никогда и в голову не приходило *увековечивать* эти отношения, да еще в их ограниченной пределами данного государства формулировке.

*** *Marx*. Kritische Randglossen etc. *Nachlass*, B. II, S. 50.

**** *Engels*. Dell'Autorità.— Neue Zeit, XXXII, I, S. 32; нем. пер. с итал. *Н. Рязанова*.

наоборот. Здесь выступают специфические особенности марксова метода, который рассматривает общественные явления не как вечные и неизменные категории, а как преходящие явления, возникающие и исчезающие на определенной ступени общественного развития. Это, таким образом, не вопрос терминологии, как хотят изобразить дело некоторые критики, точно так же, как вовсе не терминологическое словопрение заключается в споре, есть ли палка дикаря капитал или просто палка *. Для Маркса критерием различения, логическим fundamentum divisionis ** было *различие типов отношений между людьми*, а не фетишистски извращенная «поверхность явлений». Понять общественное развитие как процесс непрерывного изменения этих типов («социально-экономических структур») и было собственно задачей Маркса. Таким же путем подходил он и к вопросу о государстве как *политическому выражению широкой социально-экономической категории — классового общества*. И точно так же, как буржуазные экономисты, точка зрения которых статична и неисторична, не могут понять специфической точки зрения Маркса на экономические категории,— так и юристы и социологи буржуазии не понимают и марксистского взгляда на государство. «Теория Маркса,— говорит, напр., Гумплович,— содержит новое и в значительной степени правильное понимание государства». Но... «ужасная ошибка социализма коренится в том, что он верит, будто государство делает себя излишним» ***. Так говорит «радикальный» Гумплович. Другие его коллеги могут уже ex officio **** не понимать Маркса *****.

Итак, *коммунистическое* общество есть *безгосударственное* общество, потому что это есть общество *бесклассовое*. Но если коммунизм отрицает государство, то что же означает завоевание

* *Adolph Wagner*, напр., пишет (Staat in national-ökonomischer Hinsicht. Handw. der Staatswissenschaften), что социалистическое «государство» имеет все признаки государства в «высочайшей степени» (in höchster Potenz), ибо классовый налет современного государства есть лишь «эксцессы» и «злоупотребления». Вся эта галиматья имеет *полную аналогию* в теоретических конструкциях современных буржуазных экономистов (*Бём-Баверк, Кларк и К°*); капитал, по их мнению, не есть отношение господства, а просто средство производства; «злоупотребления» (ростовщичество, напр.) вовсе не существенны; в будущем обществе тоже будут и капитал, и прибыль, и т. д.

** Коренным различием (*лат.*). *Ред.*

*** *Gumplowicz*, l. c., S. 373.

**** По обязанности, по должности (*лат.*). *Ред.*

***** См., напр.: *Jellinek*. Allgemeine Staatslehre. 3 Aufl. Berlin, 1914, S. 89, 194, 195 etc. Любопытно признание, что «Machttheorie» внушает «безумие и ужас», ибо «sie öffnet der permanenten Revolution die Wege» («прокладывает дорогу перманентной революции», с. 196), и что «die praktischen Konsequenzen der Machttheorie bestehen nicht in der Begründung, sondern in der Zerstörung des Staates» («практические последствия силовой теории состоят не в обосновании, а в разрушении государства», с. 195).

государственной власти пролетариатом? Что означает диктатура рабочего класса, о которой так много говорили и говорят марксисты? На этот вопрос ответ дается ниже.

2. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ЕЕ НЕОБХОДИМОСТЬ

Предварительно одно небольшое замечание. До каких пределов может доходить ренегатство бывших социалистов, видно из специальной брошюрки Каутского, выпущенной против большевиков (*Karl Kautsky*. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918, Verl. Ignaz Brand).

В этом «элаборате» отреченской мысли мы находим, между прочим, такое поистине классическое место: «Тут (т. е. для оправдания своей диктатуры.— *Н. Б.*) вспомнили (большевики) кстати *словцо* о диктатуре пролетариата, которое Маркс *однажды*, в 1875 году, употребил *в одном из писем*» *. Для Каутского все учение о диктатуре, в котором сам Маркс видел *основу* теории революции, превратилось в пустенькое «словцо», случайно оброненное «в одном из писем»! Немудрено, что в теории диктатуры Каутский видит *«новую»* теорию.

Эту «новую» теорию, однако, мы почти целиком имеем у Маркса.

Маркс ясно видел необходимость *временной* государственной организации рабочего класса, его диктатуры, потому что он видел неизбежность *целого исторического периода*, целой исторической полосы, которая будет иметь специфические особенности, отличающие ее и от капиталистического периода, и от периода коммунизма как рационально построенного безгосударственного общества.

Особенности этой эпохи состоят в том, что пролетариат, разбивший государственную организацию буржуазии, вынужден считаться с ее продолжающимся в разных формах сопротивлением. И именно для того, чтобы это сопротивление преодолеть, необходимо иметь сильную, крепкую, всеобъемлющую и, следовательно, *государственную* организацию рабочего класса.

Маркс ставил вопрос о диктатуре пролетариата более абстрактно, чем ставит его конкретная действительность. Как в своем анализе капиталистического производства он брал капиталистическое хозяйство в его «чистой» форме, т. е. в форме, не осложненной никакими пережитками старых производственных отношений, никакими «национальными» особенностями и т. д., точно так же и вопрос о диктатуре рабочего класса у Маркса

* *Kautsky K.* Die Diktatur des Proletariats, S. 60: «Da erinnerte man sich rechtzeitig des Wörtchens von der Diktatur des Proletariats, das Marx einmal 1875 in einem Briefe gebraucht hatte».

ставился как вопрос о диктатуре рабочего вообще, т. е. о диктатуре, уничтожающей капитализм в его чистом виде.

Иначе и нельзя было ставить вопроса, если ставить его абстрактно-теоретически, т. е. если давать самую широкую алгебраическую формулу диктатуры.

Теперь опыт социальной борьбы позволяет конкретизировать вопрос по самым разнообразным направлениям. И прежде всего этот опыт указывает на необходимость самой решительной, действительно *железной* диктатуры рабочих масс.

Социалистическая революция, тот *насильственный переворот*, о котором говорил еще «Коммунистический Манифест», не совершается по мановению дирижерской палочки сразу во всех странах. Жизнь гораздо запутаннее и сложнее «серой теории». Капиталистическая оболочка лопается не одновременно повсюду, а начинает расползаться в тех местах, где буржуазная государственная ткань наименее крепка. И тут перед победившим пролетариатом ставится проблема отражения внешнего врага, чужеземного империализма, всем ходом развития неизбежно толкаемого на разрушение государственной организации пролетариата.

Одна из величайших заслуг товарища Ленина состоит в том, что он первый во всем марксистском лагере поставил вопрос о *революционных войнах* пролетариата *.

А между тем это — одна из самых важных проблем нашей эпохи. Ясно, что грандиозный мировой переворот будет включать и оборонительные, и наступательные войны со стороны победоносного пролетариата: оборонительные — чтобы *отбиться* от наступающих империалистов, наступательные — чтобы *добить* отступающую буржуазию, чтобы поднять на восстание угнетенные еще народы, чтобы освободить и раскрепостить колонии, чтобы закрепить завоевания пролетариата.

Современный капитализм есть *мировой* капитализм. Но этот мировой капитализм не есть организованная единица, а анархическая система борющихся всеми средствами государственно-капиталистических трестов **. Однако он есть *мировая* система, все части которой связаны друг с другом. Как раз поэтому европейская война превратилась в *мировую войну*. Но, с другой стороны, относительная дробность мирового хозяйства, соединенная с *различным* положением империалистских государств, вызвала мировую войну не как единовременно наступившее явление, а как *процесс постепенного втягивания* в войну одной

* См. статьи, появившиеся во время войны в «Социал-демократе» [18], «Коммунисте» и «Сборнике «Социал-демократа» [19]. Их перепечатку можно найти в издании Петр. Совета: *Зиновьев и Ленин*. «Против течения».

** Анализ структуры мирового капитализма см. в *нашей* работе «Мировое хозяйство и империализм» (Спб.: Изд-во «Прибой»).

капиталистической страны за другой. Италия, Румыния, Америка выступили значительно позднее. Но как раз выступление Америки и превратило войну в войну, захватившую оба полушария, т. е. в *войну мировую*.

Аналогично развивается и *мировая революция*. Это есть процесс деградации капитализма и восстания пролетариата, где одна страна следует за другой. При этом причудливо переплетаются самые различные моменты: империалистской войны, национально-сепаратистских восстаний, гражданской войны внутри стран и, наконец, классовой войны между государственно-организованной буржуазией (империалистскими государствами) и государственно-организованным пролетариатом (советскими республиками).

Однако, чем дальше развиваются события, тем резче выступает на первый план момент *классовой войны*. Знаменитый «союз народов», о котором буржуазные пацифисты прожужжали все уши, все эти «лиги наций» и прочая дребедень, которую напевают с их голоса социал-предательские банды, на самом деле суть *не что иное, как попытки создания священного союза капиталистических государств на предмет совместного удушения социалистических восстаний* *. Маркс правильно указывал, что партия революции сплачивает партию контрреволюции. И это положение верно по отношению к мировой революции пролетариата: мировой революционный процесс, или, как его теперь называют с полным правом, «мировой большевизм»,— сплачивает силы международного капитала.

Но подобная *«внешняя»* конъюнктура не может не иметь громадного *«внутреннего»* значения. Если бы не было наличия империалистских сил вовне, побежденная отечественная буржуазия, опрокинутая в открытом столкновении классов, не могла бы надеяться на буржуазную реставрацию. Процесс *деклассирования* буржуазии шел бы более или менее быстро, а вместе с тем исчезала бы и необходимость в специальной организации противобуржуазной репрессии, в государственной организации пролетариата, в его диктатуре.

Однако действительное положение дел как раз обратное. Буржуазия, уже сваленная, уже разбитая в какой-нибудь одной или каких-нибудь двух-трех странах, имеет еще громадные *резервы в лице иностранного капитала*. А отсюда вытекает, что ее сопротивление *затягивается*. Опыт русской революции блистательно подтверждает это. Саботаж, заговоры, мятежи, организация кулацких восстаний, организация банд с бывшими генералами во главе, чехословацкая авантюра, бесчисленные «правительства» окраин, опирающиеся на иноземные штыки и кошелек, наконец, карательные экспедиции и походы на Советскую Россию со стороны всего капиталистического мира — это явления одного и того же порядка.

* Это откровенно высказал в свое время мистер *Тафт* [27], американский империалист first class (первого класса *(анг.).— Ред.)* и в то же время один из основателей пацифистской лиги. Под «миром» он разумеет прежде всего *гражданский* мир, и поэтому он готов утопить в крови его нарушителей, т. е. рабочих.

Из такого совершенно неизбежного *неотвратимого* хода исторических событий можно и должно сделать *два* вывода: во-первых, перед нами целый *период* ожесточеннейшей борьбы не на живот, а на смерть; во-вторых, для того чтобы этот период был изжит возможно скорее, необходим режим *диктатуры вооруженного пролетариата*. Тактическое правило выводится здесь из научно поставленного прогноза, для которого есть все данные.

Конечно, все на свете можно оспаривать. Есть жалкие софисты, жизненное назначение которых состоит в бесконечном схоластическом переливании из пустого в порожнее. Таков как раз Каутский. Он не мог понять смысла *империализма*. Теперь он не может понять смысла следующей фазы, эпохи социалистических революций и пролетарской диктатуры. «Я ожидаю,— пишет сей «рабочий» вождь,— что социальная революция пролетариата примет совершенно особые формы, чем революция буржуазии; что пролетарская революция, в противоположность буржуазной, будет бороться «мирными» средствами экономического, законодательного и морального порядка повсюду, где укоренилась демократия» *.

Трудно, конечно, спорить с ренегатами, которые переучились настолько, что в военных ботфортах Тафта видят демократию.

Но у нас перед глазами пример действительно демократической страны, где демократия действительно «укоренилась», это — Финляндия. И пример этой *единственной* страны показывает, что гражданская война в более «культурных» странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключающей всякую почву для «мирных» и «законодательных» (!!) методов.

Каутский пытается установить, что под диктатурой Маркс подразумевал не диктатуру, а что-то совсем другое, ибо, мол, слово «диктатура» может относиться только к отдельному лицу, а не классу. Но стоит только привести мнение *Энгельса*, который отлично видел, чем должна быть диктатура пролетариата, чтобы понять, как далеко ушел Каутский от марксизма. Энгельс писал против анархистов:

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством

* *Kautsky K.* Die Diktatur des Proletariats, S. 18.

ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. *И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством страха, который внушает реакционерам ее оружие.* Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, *упрекать* Коммуну *за то, что она слишком мало пользовалась своим авторитетом?* [21] (Здесь нужно перевести: «своей властью «autoriatà».— *Н. Б.*)*

И Энгельс, и Маркс прекрасно понимали грядущее положение. Теперь, когда у нас налицо опытное подтверждение этого взгляда, говорить о «мирных» и «законодательных» путях просто смешно.

Начавшаяся *эпоха революции* требует соответствующей ориентировки. Если эпоха эта есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в *классовые войны*, то совершенно естественно, что политическая форма господства рабочего класса должна носить своеобразно *милитарный* характер. Здесь должна быть новая форма власти — диктаторской власти класса, «штурмующего небо», как говорил Маркс о парижских коммунарах.

По Каутскому, Маркс писал не о «форме правительства» (Regierungsform), а о «фактическом состоянии» (einem Zustande), когда он писал о диктатуре. На самом деле Маркс писал о чем-то *большем*, чем «форма правительства». Он писал о новом совершенно своеобразном *типе государства*. На той же странице, где Каутский «опровергает» тезисы о диктатуре, написанные автором этих строк **, он приводит цитату из Маркса, который говорит о том, что Коммуна была, «наконец, открытой *политической формой*» *** пролетарской диктатуры, а вовсе не случайным «состоянием».

Итак, между коммунизмом и капитализмом лежит целый исторический период. На *это время* еще сохраняется государственная власть в виде пролетарской диктатуры. Пролетариат является здесь *господствующим классом*, который, прежде чем распустить себя как класс, должен раздавить всех своих врагов, перевоспитать буржуазию, переделать мир по своему образу и подобию.

---

* *Энгельс.* Dell'Autoriatà.— Neue Zeit, 1913—14, XXXII, B. 1, S. 39. Русский перевод мы цитируем по великолепной книжке тов. *Ленина* «Государство и революция». Ввиду необычайно тщательного подбора цитат из Маркса и Энгельса в этой книжке, мы считаем излишним повторять их здесь и отсылаем читателя к работе Владимира Ильича (курсив Н. И. Бухарина. *Ред.*).

** «Thesen über die sozialistische Revolution und die Aufgaben des Proletariats während seiner Diktatur in Russland». Verl. Freie Jugend, Zürich («Тезисы о социалистической революции и задачи пролетариата во время его диктатуры в России». Изд. Свободная молодежь. Цюрих. 1918. *Ред.*). Вышли также польский, финский и другие переводы.

*** *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 346 (курсив Н. И. Бухарина) *Ред.*

3. КРАХ ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Одним из самых существенных вопросов, которые играют крупнейшую практическую роль, является вопрос о соотношении между «демократией» и диктатурой рабочих.

Марксисты не выдумывают из головы чисто рационалистическим образом «форм правления». Они улавливают основные тенденции развития и свои цели сообразуют с этими тенденциями. Так, и только так нужно подходить и к вопросу о диктатуре.

При этом нужно помнить, что политическая форма есть «надстройка» над определенной экономической структурой, что она выражает определенное соотношение *между классами* и что политическая скорлупа неизбежно разлетается в прах, если она не находит себе опоры в структуре классовых соотношений.

Выше мы дали общую оценку начавшейся эпохи. Это — эпоха все более и более нарастающих гражданских войн, переходящих в организованную классовую войну. Поэтому первый вопрос, который мы должны задать, это вопрос о том, совместима ли *гражданская война* с демократическими формами или нет.

Но предварительно одно маленькое замечание. Наши противники, и в их числе Каутский, толкуют о демократии, как о чем-то существующем. Но это *заведомая ложь*. Сейчас не существует демократических государств. То, что существует сейчас в Европе, Америке и Японии, есть *диктатура финансового капитала*. Именно это — исходный пункт развития.

Следовательно, вопрос должен быть поставлен так: *можно ли в эпоху гражданской войны организовать пролетарское государство в формах старой буржуазной демократии, везде и всюду уничтоженной финансовым капиталом?*

Демократия, поскольку мы подразумеваем под этим словом определенный политический строй, была до сих пор одной из форм — самой утонченной формой — господства буржуазии. В чем состояла основная предпосылка демократического устройства? В наличии ряда *фикций*, которые чрезвычайно ловко использовались для систематического обмана масс. Основной такой фикцией было понятие *общенародной воли*, «нации», «целого». Вся система демократических учреждений покоится на «общенародности». Нетрудно понять классовый смысл «общенародных» норм. Понятно, что в действительности есть *классы* с противоположными непримиримыми интересами; понятно, что ни о какой «общенародной» воле, которая объединяла бы и рабочих, и капиталистов, в действительности нет и речи. Но буржуазии нужна, ей *необходима* фикция «общенационального». Буржуа-

зия — правящее меньшинство. Но как раз потому, что она — меньшинство, ей приходится, чтобы держать массы в повиновении, говорить от имени «всей нации», ибо она не может *открыто* говорить от имени кучки. Таким образом возникает фетиш общенародной воли, и *буржуазия* выступает как *нация*, как «страна», а *буржуазная государственная организация* — как общее всем *«отечество»*.

Пролетарская революция есть, однако, разрыв гражданского мира — это есть *гражданская война*. Гражданская же война вскрывает истинную физиономию общества, расколотого на классы. Как раз в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш, а классы размещаются с оружием в руках по различным сторонам революционной баррикады. Поэтому не удивительно, что в процессе революционной борьбы пролетариата неизбежно возникает *распад* всех тех форм, всех учреждений и институтов, которые носят видимость «общенационального». Это есть опять-таки совершенно *неотвратимый*, исторически абсолютно неизбежный процесс, хотят его или не хотят отдельные люди, отдельные группы или даже некоторые промежуточные классы, ибо гражданская война имеет свою внутреннюю логику, и, раз она дана, тем самым дан и процесс распада старых форм, где буржуазия господствовала под псевдонимом всего общества.

Эти соображения, выдвигавшиеся некоторыми товарищами и до Октябрьской революции, получили теперь опять-таки опытное подтверждение. Какую область ни взять, всюду и везде мы видим одно и то же: общенациональные, «общедемократические» институты *немыслимы*, при данном соотношении сил они *невозможны*.

Возьмем одну из главных составных частей всякой государственной власти — *армию*. Для всякого неутописта ясно, что общенациональная армия *теперь* немыслима. Пролетариат не может пускать в свою армию буржуазию, и Советская республика организует рабоче-крестьянскую *красную армию*. Но и для буржуазии все более опасно становится пускать в свою армию принудительно набранных рабочих и крестьян; поэтому она вынуждена организовать *белую гвардию*. Там же, где пробуют сорганизовать «общенациональный» военный аппарат, с буржуазными контрреволюционерами во главе (ср., напр., «народную армию» чехословацко-белогвардейских сил), этот аппарат неизбежно разлагается и погибает, ибо конструкция его по *теперешним* временам внутренне противоречива.

То же самое происходит по всей линии, вплоть до экономики: на фабрике становится невозможным «межклассовое» сожительство буржуа и пролетария; общие «домовые комитеты» распадаются и заменяются домовыми комитетами *бедноты*;

деревенские общие советы разрушаются, и на их место ставятся комитеты *деревенской бедноты* [22]; в муниципалитетах не могут ужиться рядом те, кто на улицах стоит друг против друга с оружием в руках, и муниципалитеты заменяются отделами рабочих классовых советов; Учредительное собрание [23] по той же причине существовать не может; старые парламенты взрываются вместе со всякой «общенациональной» конституцией.

Можно, конечно, сказать, что во всех этих рассуждениях есть логическая ошибка, что все это — только petitio principii *, что здесь вместо доказательства правомерности действий большевиков *описываются* эти действия.

Но это не так. Наши враги, яростные сторонники «Дум» и «Учредилки», только на словах стоят за общедемократические формулы. Ведь вместо Учредилки есть один только *правый*, т. е. *классовый*, сектор, а во всех Думах и пр. Сибири и «Чехословакии» торжественно заявлялось, что там есть всеобщее избирательное право, но *нет места представителям антигосударственных партий*, т. е. большевикам, а следовательно, рабочему классу.

Было бы смешно думать, что все это — случайные, «патологические» явления. На самом деле здесь происходит распад того, что могло быть связано лишь при одном условии: при таком положении вещей, когда пролетариат находится под гипнозом буржуазной идеологии, когда он не сознает себя еще как класс, ниспровергающий буржуазию, когда он рассматривает себя как часть не подлежащего изменению целого. Победа пролетариата, полная и окончательная, его *мировая* победа, восстановит *в конце концов* единство общества на новых началах, на началах деклассирования всего общества. Тогда осуществится полный безгосударственный коммунизм. Но до этого периода предстоит пройти через жестокую борьбу, которая не мирится ни с какими иными формами, кроме диктатуры: если побеждает рабочий класс, тогда будет *диктатура рабочих;* если побеждает буржуазия, это будет *диктатура буржуазии и ее генералов*.

Можно подойти к вопросу и с несколько другой точки зрения, хотя по существу здесь будет речь идти о том же. Можно выделить основные классовые силы и посмотреть, кто же будет носителем власти. Каутский, который в 1905—1906 гг. писал о русской революции как о революции не буржуазной, а «своеобразной», теперь, через 12 лет после того, как в России сформировался финансовый капитал, пишет о в сотни раз более зрелой Октябрьской революции как о революции буржуазной. Но если, по Каутско-

* Аргумент, основанный на выводе из положения, которое само требует доказательства (*лат.*). *Ред.*

му, историческое развитие идет так же, как и развитие самого Каутского, то есть *вспять*, то, следовательно, у власти должна стоять буржуазия. Но буржуазия хочет военной диктатуры генералов, чего абсолютно не хочет пролетариат. Мелкая буржуазия, интеллигенция и пр. не могут быть властью, это — азбука для марксиста. Крестьянство сейчас дифференцировано — у нас происходит революция в деревне. Но ни один слой крестьянства не может играть самостоятельной роли. Остается один пролетариат. Власть пролетариата, однако, ставит на дыбы не только крупную буржуазию, но и «среднее сословие». Тем не менее пролетариат достаточно силен, чтобы, ведя за собой деревенскую бедноту, разбить своих врагов. При таком положении не может быть иного выхода, как *диктатура пролетариата*.

Предатели социализма больше всего боятся «беспокойства». Таков и Каутский. Он проповедовал «мирный» капитализм, когда этот капитализм убивал десятки миллионов на полях сражений. Теперь он проповедует «мирную революцию», чтобы удержать пролетариев от восстания против капитала. Он всерьез пишет «о безопасности и покое», которые нужны для революционного строительства, и потому он изо всех сил протестует против «самой страшной» *гражданской* войны. Предпосылкой его поистине чудовищной по своему ренегатству критики является жажда мещанского спокойствия. Демократия, т. е. такая форма *господства буржуазии*, которая предохраняла бы наилучшим образом от возмущения пролетариата,— вот его *конечный* идеал.

Что это так — ясно видно хотя бы из одного замечания: «В боях за... политические права возникает современная демократия, зреет пролетариат; вместе с тем возникает новый фактор: *охрана меньшинства, оппозиции* в государстве. Демократия означает господство большинства. Но в не меньшей мере она означает охрану меньшинства» *. А потому теперь, по Каутскому, и необходима демократия.

Стоит взглянуть только на это великолепное рассуждение, чтобы увидеть, что Каутский ровно ничего не понимает в текущих событиях. Разве можно советовать русскому пролетариату охранять права «меньшинства», т. е. права *контрреволюции*, мягко называемой добреньким Каутским «оппозицией»? Охранять права чехословаков, царских охранников, генералов, спекулянтов, попов, всех тех, кто идет с бомбой и револьвером против пролетариата,— это значит либо быть дураком, либо быть политическим шарлатаном. Но это нужно делать с точки зрения тупого мещанина, стремящегося примирить классы и не понимающего,

* *Kautsky*, l. c., S. 15.

что крупная буржуазия, поддержанная им, расправившись с пролетариатом, пожрет и его, своего помощника *.

Всякое государство есть орудие насилия. В моменты острых классовых битв это орудие должно действовать особенно интенсивно. Поэтому в эпоху гражданской войны тип государственной власти неизбежно должен быть диктаторским. Но это определение есть определение формальное. Важен *классовый характер* государственной власти. И поскольку государственная власть находится в руках пролетариата, постольку до его решающей победы во всем мире она неизбежно должна носить характер диктатуры **. Пролетариат не только не дает никаких «свобод» буржуазии — он применяет против нее меры самой крутой репрессии: он закрывает ее прессу, ее союзы, силой ломает ее саботаж и т. д. и т. п., точно так же, как буржуазия в свое время делала это с агентами помещичье-царского режима. *Но зато пролетариат не на словах, а на деле дает широчайшую свободу трудящимся массам*.

Этот пункт нужно особенно подчеркнуть. Все «демократические свободы» носят *формальный, чисто декларативный* характер. Таково, например, демократическое «равенство всех перед законом». Это «равенство» прекрасно воплощается в формальном «равенстве» продавца рабочей силы рабочего, и покупателя ее — капиталиста. Это есть *лицемерное* равенство, за которым скрывается действительное порабощение. Здесь равенство провозглашается, но, по сути дела, *фактическое* экономическое неравенство превращает равенство формальное в пустой призрак. Немногим лучше и свобода печати, прессы и т. д. для рабочих, которая дается буржуазной демократией. Здесь провозглашают «свободу», но рабочие ее не могут реализовать: фактическая монополия на бумагу, типографии, машины и т. д. со стороны класса капиталистов превращает почти в ничто печать рабочего класса. Это напоминает приемы американской цензуры: она часто не просто запрещает рабочие газеты, а «всего-навсего» запрещает почте их

* Жажда социального мира так сильна у Каутского, что он гражданскую войну между большевиками и правыми с.-р. «объясняет» не различием классов и групп, а различием «тактических методов». Все русские «социалисты», по его мнению, «хотят того же самого». Это напоминает рассуждения старых либералов, которые уверяли, что и они стремятся к «счастью человечества», но только другими путями...

** Эта необходимость подавления эксплуататоров была ясна не только Марксу и Энгельсу. *Плеханов* [21] когда-то говорил, что мы отменим всеобщее избирательное право, если этого потребует революция. Тот же Плеханов высказывался за массовый террор и против всяких свобод для низвергнутых классов при известных условиях. См. его брошюру о «Столетии Великой Революции». Ее весьма не мешало бы знать каждому товарищу.

распространять, и таким образом формальная «свобода печати» сводится к полному ее удушению.

Точно то же происходит с рабочими собраниями; рабочим предоставляется «право» на собрания, но им не предоставляется *помещений* для этой цели, а уличные собрания воспрещаются под предлогом «свободы уличного движения».

Диктатура рабочего класса уничтожает формальное равенство *классов*, но тем самым она освобождает рабочий класс от материального порабощения. «Свобода договора» исчезает вместе со «свободой торговли». Но это нарушение «свободы» капиталистического класса дает *гарантию действительной свободы* для трудящихся масс.

Центр тяжести переносится именно на эти *гарантии*. Советская власть не просто прокламирует свободу рабочих собраний, а предоставляет все лучшие залы городов, все дворцы и театры для рабочих собраний, для организаций рабочего класса и т. д. Она не просто прокламирует свободу рабочей печати, а предоставляет в распоряжение рабочих организаций всю бумагу, все печатные станки, все типографии, реквизируя и конфискуя все это у прежних капиталистических владельцев. Простой подсчет домов под рабочими и крестьянскими организациями — партийными, советскими, профессиональными, фабрично-заводскими, клубными, культурно-просветительными, литературными и т. д., которых *никогда* не было так много, покажет, *что* делает Советская власть для этой действительной свободы и действительного раскрепощения трудящихся масс.

Чрезвычайно характерно, что Каутский, критикующий наши тезисы, мошенническим образом обрывает цитату *как раз* на том месте, которое говорит об этих *гарантиях* свободы для рабочего класса. Самое существенное Каутский выбросил для того, чтобы еще раз *обмануть* пролетариат.

Нам остается рассмотреть здесь еще один вопрос, а именно вопрос о том, почему коммунисты стояли раньше за буржуазную демократию, а теперь идут против нее.

Понять это нетрудно, если стоять на *марксистской* точке зрения. Марксистская точка зрения отрицает все и всяческие абсолюты. Она есть *историческая* точка зрения. Поэтому совершенно ясно уже a priori, что конкретные лозунги и цели движения всецело зависят от *характера эпохи*, в которой приходится действовать борющемуся пролетариату.

Прошлая эпоха была эпохой накопления сил, *подготовки* к революции. *Теперешняя* эпоха есть эпоха *самой революции*. Из этого основного различия вытекает и глубокое различие в конкретных лозунгах и целях движения.

Пролетариату нужна была раньше демократия потому, что он

не мог еще реально помышлять о диктатуре. Ему нужна была свобода *рабочей* прессы, *рабочих* собраний, *рабочих* союзов и т. д. Ему и тогда были вредны *капиталистическая* пресса, черные *капиталистические* союзы, собрания локаутчиков. Но пролетариат не имел сил выступить с требованием роспуска буржуазных организаций,— для этого ему нужно было бы свалить буржуазию. Демократия была ценна постольку, поскольку она помогала пролетариату подняться на ступеньку выше в его сознании. Но пролетариат *вынужден* был тогда облекать свои *классовые* требования в «общедемократическую» форму,— он вынужден был требовать не свободы *рабочих* собраний, а свободы собраний вообще (следовательно, и свободы контрреволюционных собраний), свободы прессы вообще (а следовательно, и черносотенной прессы) и т. д. Но из нужды нечего делать добродетели. Теперь, когда наступила эпоха прямого штурма капиталистической крепости и подавления эксплуататоров, только убогий мещанин может довольствоваться рассуждениями о «защите меньшинства» *.

4. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ФОРМА ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Выше мы уже отмечали, что длительный характер затягивающейся гражданской войны требует не просто единичных мероприятий против буржуазии, но и соответствующей *государственной организации*. Мы рассматривали эту организацию только как *диктатуру*, т. е. форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти.

Теперь нам необходимо выяснить особенности *пролетарской* диктатуры как совершенно нового *типа государства*.

Необходимость нового типа государства отлично понималась и Марксом, и Энгельсом. Именно поэтому они и стояли не на точке зрения завоевания *буржуазного* государства (в том числе и *демократии*, гражданин Каутский!), а на точке зрения *взрыва* (Sprengung), *ломки* (Zerbrechen) государственной машины. Они с величайшим презрением относились к «государственному хламу», к «народному государству» («Volksstaat»), о котором так заботились оппортунисты **.

Чем же определяются особенности нового государственного типа?

---

* См. выше.

** Эта чрезвычайно существенная сторона дела блестяще изложена у тов. *Ленина*: «Государство и революция» [23].

Они зависят от двух причин:

Во-первых, пролетарское государство есть диктатура большинства над меньшинством страны, тогда как всякая иная диктатура была диктатурой кучки *; во-вторых, всякая прежняя государственная власть ставила своей целью сохранение и упрочение *процесса эксплуатации*. Наоборот, совершенно ясно, что большинство не может жить за счет кучки и пролетариат не может эксплуатировать буржуазию. Целью пролетарской диктатуры являются *ломка старых производственных отношений и организация новых отношений в сфере общественной экономики*, «диктаторское посягательство» [26] (Маркс) на права частной собственности. Основной смысл пролетарской диктатуры как раз и состоит в том, что она есть *рычаг экономического переворота*.

Если государственная власть пролетариата есть рычаг экономической революции, то ясно, что «экономика» и «политика» должны сливаться здесь в одно целое. Такое слияние мы имеем и при диктатуре финансового капитала в его классически законченной форме, форме государственного капитализма. Но диктатура пролетариата перевертывает все отношения старого мира,— другими словами, *политическая* диктатура рабочего класса должна неизбежно быть и его *экономической* диктатурой.

Все вышесказанное вызывает прежде всего тот признак Советской власти, что *это есть власть массовых организаций пролетариата и деревенской бедноты*. В «демократии», столь любимой Каутским, все участие рабочего и крестьянина-бедняка в государственной жизни покоилось на том, что он раз в четыре года опускал билетик в избирательную урну и уходил потом спать. Здесь опять-таки яснее ясного виден буржуазный обман масс путем систематического вколачивания в их головы разнообразных *иллюзий*. По *видимости* рабочие принимают участие в управлении государством, *фактически* они полностью *изолированы* от какого бы то ни было участия в управлении государством. Допустить такое участие буржуазия не может, но создавать фикцию она при известных условиях должна. Вот почему всякая форма правления меньшинства, будь то феодально-помещичье, торгово-капиталистическое или финансово-капиталистическое государство, неизбежно должна быть бюрократична. Она всегда, при всех и всяких условиях изолирована от масс, а массы изолированы от нее.

Совсем иное видим мы в Советской республике. *Советы* — непосредственная классовая организация. Это — не забронированные учреждения, ибо проведено право отзыва каждого депутата: это — сами массы в лице их выборных, в лице рабочих, солдат и крестьян.

Но дело не только в одних Советах, составляющих, так сказать, верхушку всего государственного аппарата. Нет, *все* рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих — важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении экономической диктатуры — Высшем совете народного хозяйства [27], фактически ведущие работу Комиссариата труда; фабрично-заводские комитеты — нижние ячейки государственного регулирования; комитеты деревенской бедноты — один из важнейших органов местной власти и в то же время распределительного аппарата страны; рабочие кооперативы — точно так же ячейки этого последнего. Все они принимают участие в выработке всяческих проектов, решений, постановлений, которые потом проходят через центральный аппарат — Центральный Исполнительный Комитет [28] или Совет Народных Комиссаров [29].

В одной из самых замечательных своих брошюр * тов. Ленин писал, что задача пролетарской диктатуры заключается в том, чтобы приучить даже каждую кухарку к управлению государством. И это был вовсе не парадокс. Через организации пролетариев города и деревенской бедноты,— организации, которые все глубже и глубже захватывают самую толщу народных масс,— эти массы, боявшиеся когда-то и думать о своей власти, начинают *работать* как органы этой власти. Никакое государство никогда и нигде не было таким близким к массам. Советская республика есть в сущности громадная организация самих масс.

Мы подчеркиваем здесь и *другую сторону дела*, а именно то, что это — организация не только *рабочая* по преимуществу, но и *работающая*. В «демократических республиках» высшим органом является «парламент», в переводе на русский язык — «говорильня». Власть делится на законодательную и исполнительную. Путем посылки депутатов от рабочих в парламент (раз в 4 года) создается опять-таки фикция, что рабочие принимают участие в государственной *работе*. Но на самом деле этого не делают даже депутаты, ибо они говорят. Все же дела вершит специальная бюрократическая каста.

В Советской республике законодательная власть соединена с исполнительной. Все ее органы, от самого верхнего до самого нижнего, суть *работающие коллегии*, связанные с массовыми

* Всевозможные благоглупости фактического характера, которые имеются в изобилии у Каутского, усиленно обрабатываемого меньшевистскими клеветниками, опровергать, конечно, не стоит.

* *Ленин И.* Удержат ли большевики государственную власть? [30].

организациями, опирающиеся на них и втягивающие через них всю массу в дело социалистического строительства.

Таким образом все рабочие организации становятся *правящими* организациями. Их функциональное значение изменяется. Иначе и не может быть в период пролетарской диктатуры, когда господином положения является рабочий класс, когда само государство есть *рабочая организация*.

Нужно иметь безнадежное тупоумие наших меньшевиков или Каутского, чтобы протестовать против превращения Советов в органы власти. «Теория» их состоит в сказке про белого бычка. Пусть Советы будут органами борьбы против правящей буржуазии. А дальше, когда победят? Пусть тогда они распустят себя, как органы власти, и снова начинают «борьбу», чтобы... не сметь побеждать.

Но возражения против власти Советов, против того, чтобы профессиональные союзы стали «казенными» учреждениями и т. д., имеют и другую сторону. Ни Каутский, ни меньшевики не хотят, чтобы *массовые организации* управляли государством и принимали *активное* участие в государственном строительстве. Таким образом, они стоят, что бы они ни заявляли, за комбинацию «говорильни» *плюс оторванная от масс бюрократия*. Дальше этого старого хлама их горизонт не распространяется.

Таким образом, советская форма государства есть *самоуправление масс*, где любая организация трудящихся является составной частью всего аппарата. От центральных коллегий власти тянутся организационные нити к местным организациям по самым разнообразным направлениям, от них — к самим массам в их непосредственной конкретности. Эта связь, эти организационные нити никогда не обрываются. Они — «нормальное явление» советской жизни. Это — то *основное*, что отличает Советскую республику от всех решительно форм государственного бытия.

Связь между политикой и экономикой, между «управлением над людьми» и «управлением над вещами» выражается не только в максимально тесной кооперации между экономическими и политическими организациями масс, но и в том, что даже выборы в Советы производятся не по чисто искусственным территориальным округам, а по данным *производственным единицам*: фабрикам, заводам, рудникам, селам, на местах работы и борьбы. Таким образом достигается постоянная *живая связь* между коллегией представителей, «*рабочих* депутатов», и теми, кто их посылает, т. е. самой массой, сплоченной общими трудовыми усилиями, сконцентрированной самой техникой крупного производства.

Самодеятельность масс — вот основной принцип всего строительства Советской власти. И достаточно посмотреть, какую роль сыграли рабочие Петербурга, Москвы и других городов в деле

организации Красной Армии, с величайшим энтузиазмом дав на фронт тысячи товарищей, организаторов, агитаторов, бойцов, которые переделали и поставили армию на ноги, или взглянуть на рабочих, которые выросли на несколько голов, воспитались на деловой работе в разного рода советских экономических учреждениях, чтобы понять, какой колоссальный шаг вперед сделала Россия со времени октябрьской победы *.

Советам принадлежит будущее — этого не могут отрицать даже их враги. Но эти последние жестоко ошибаются, когда думают, что заграничные Советы поставят себе исключительно лакейские задачи и смогут стоять лишь на запятках господина капитала. *Советы — это совершенная, открытая русской революцией форма пролетарской диктатуры*. И поскольку это так — а это безусловно так,— постольку мы стоим на пороге превращения старых разбойничьих государств буржуазии в организации пролетарской диктатуры. Третий Интернационал, о котором так много говорили и писали, придет. Это будет *Интернациональная Советская Социалистическая Республика*.

Печатается по книге: Бухарин Н. Атака: Сборник теоретических работ. М.: Госиздат, 1924, с. 91—114

* Каутский, ничего не понимая, пишет о страшной «апатии масс» как неизбежном следствии советской диктатуры. Но давно известно, что ignorantia non est argumentum (неведение не аргумент (*лат.*). *Ред.*)

НОВЫЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1921 г.

Целью настоящей статьи является выяснить *общий смысл* нашей новой экономической политики, ее причины, ее цель, ее значение в общей *перспективе* развития нашего народного хозяйства к коммунизму.

Ибо то, чего недостает многим нашим товарищам по партии, — это именно перспективы: как будто она утрачена, как будто ясные и отчетливые линии расплылись в чем-то туманном и в высшей степени неопределенном.

I. ПРИЧИНЫ ПОВОРОТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Причины «нового курса» лежали глубоко в сфере нашей экономики и внешним образом проявились в необычайно остром социально-политическом кризисе весною 1921 года [1].

Наша хозяйственная политика эпохи так называемого «военного коммунизма» по существу дела *не могла* быть политикой, направленной на развитие производительных сил. «Ударной» и притом всеобъемлющей задачей была задача красной обороны страны. Сюда шло все: материальные ресурсы, организаторские силы — словом, все квалифицированные элементы хозяйствования. По отношению к народному хозяйству при таком положении вещей основным лозунгом была не забота об его прочном восстановлении (всякая «мелиорация» реализуется не «сию минуту»), а немедленное получение продукта, *хотя бы ценой подрыва производительных сил*. Не «произвести», а «взять»; взять для того, чтобы снабдить в кратчайший срок Красную Армию, рабочих оборонных заводов и т. д. Это, и *только* это стояло в центре внимания. Победа над силами контрреволюции есть историческое оправдание этой политики. При таких условиях «плановая нецелесообразность», поскольку ее элементы были налицо, неизбежно превращалась из плана развития *производства* при правильном распределении в

план экономного *потребления* при второстепенном значении производства.

Чрезвычайно ярко это сказывалось на сельском хозяйстве. Наша хозяйственная политика здесь сводилась почти исключительно к политике Наркомпрода, т. е. к реквизиционной системе продразверстки. При этой системе, однако, индивидуальный производитель, крестьянин, лишался интереса, стимула, к расширению производства: все равно возьмут, кроме части на прокорм, сколько ни расширяй запашки. Таким образом, здесь был налицо конфликт между потребностями развития индивидуального хозяйства и нашей политикой. Но так как сельское хозяйство России есть *крестьянское* сельское хозяйство (государственное хозяйство совхозов играет в общем и целом очень незначительную роль), то наша хозяйственная политика стояла — и не могла во время войны не стоять — в объективном противоречии с *развитием* всего сельского хозяйства: кризис сельского хозяйства должен был обостриться, и он обострился в действительности. А так как базисом нашей индустрии у нас является сельское хозяйство, то в общем и целом это было и обострением *кризиса народного хозяйства вообще*.

Отсюда неизбежно вытекало и следующее. То равновесие между классами, которое установилось во время гражданской войны, опиралось не на «нормальный» хозяйственный процесс, а на взаимную военную заинтересованность пролетариата и крестьянства. Конечно, этот военно-политический союз был обоснован и экономическими мотивами: пролетариат получал хлеб за защиту крестьянской земли от помещика. Но в то же время совершенно ясно, что, как только отпал факт войны, чисто экономические противоречия должны были обостриться до крайности. На очередь стали проблемы хозяйства, развития производительных сил, мыслимого по отношению к сельскому хозяйству лишь в форме роста *мелкобуржуазного* хозяйства. Правильное соотношение между пролетариатом и крестьянством в экономике, т. е. такое соотношение, которое давало бы простор *развитию* производительных сил, стало в порядок дня со всей остротой.

Это основное противоречие всей революции — процесс развития к коммунизму при мелкобуржуазном характере страны — выразилось в резком *социальном кризисе*.

При общем процессе экономической разрухи город разоряется быстрее деревни; тот, кто командует хлебом, получает экономически преимущество над тем, кто командует продуктами городской промышленности. Экономически деревня высвобождается из-под власти города в той мере, в какой происходит разрушение производительных сил. Это происходило повсеместно во всех странах во время войны. Это же происходило и в России, где удельный

экономический вес крестьянина повысился по сравнению с экономическим весом рабочего. К тому же в России, где рабочий класс стал у власти, *именно потому*, что он стал у власти, ему пришлось разбросать свои силы (для управления 160 млн населения, для Красной Армии и т. д.). Промышленная же разруха превратила значительную часть рабочего класса в деревенских ремесленников, а часть рабочих, оставшихся в городах, в мелких производителей другого порядка (выделка зажигалок, самостоятельная работа на себя и т. д.).

При развитии производительных сил мелкая промышленная буржуазия превращается в пролетариат. При разрухе пролетариат превращается в мелкую буржуазию. Выделыватель зажигалок заинтересован в свободной торговле прямо и непосредственно, так же, как ремесленник, или кустарь, или крестьянин.

Из 5 млн рабочих * вряд ли около миллиона вместе с 700 тыс. коммунистами были против свободной торговли. При таком положении вещей мелкобуржуазный напор на кадровый пролетариат, напор, за спиной которого были к тому же реальные противоречия экономики военного коммунизма, грозил снести диктатуру пролетариата. Так экономические причины и причины политические слились в одно целое. Партия пролетариата вынуждена была учесть изменившееся соотношение классовых сил. Партия пролетариата должна была в этой изменившейся конъюнктуре поставить перед собой *новую* задачу, задачу *поднятия производительных сил*. Процесс демобилизации, отмена блокады и т. д. давали уже реальную возможность для этой работы. Наступила новая полоса. Стал необходим «новый курс».

II. ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА «НОВОГО КУРСА»

При всех и всяких условиях, при любом курсе экономической политики для строительства коммунизма основными интересами являются интересы *крупной промышленности*. Крупная промышленность есть исходный пункт всего *технического* развития; крупная промышленность есть база *экономических* отношений коммунистического общества; крупная промышленность есть опора *социальной* силы, осуществляющей коммунистическую революцию, индустриального пролетариата. Поэтому основной задачей хозяйственной политики, идущей по линии развития производительных сил, является *укрепление крупной промышленности*.

Но как только мы ставим вопрос об укреплении крупной промышленности, сейчас же мы сталкиваемся с одним «больным»

* Эта цифра профстатистики к тому же явно преувеличена.

вопросом. Для укрепления крупной промышленности нужны «фонды» (фонды продовольствия, сырья, дополнительного оборудования и т. д.). И здесь нам грозит опасность очутиться в таком порочном кругу: для промышленности нужны продукты, для получения продуктов нужна промышленность. «Земля на китах, киты на воде, вода на земле; земля на китах» и т. д.

Отсюда ясно: *для поднятия крупной промышленности нужно увеличить количество продуктов во что бы то ни стало и какими угодно средствами*.

Во что бы то ни стало! Потому что иначе у нас не будет элементарнейших предпосылок для этого подъема. На призывах к трудовому энтузиазму без сырья, без продовольствия и т. д. далеко не уедешь, как показал опыт предыдущего.

Какими угодно средствами! Потому что это *дополнительное* количество продуктов, которое должно влиться в нашу крупную индустрию, должно быть взято *извне*, не из сферы самой крупной индустрии, находящейся в руках рабочего государства, а со стороны, из других, внешних источников, какой бы ценой мы эти источники ни оплатили.

Это увеличение количества продуктов есть верховный закон текущего экономического момента. В вышеприведенном положении сказывается «вся мудрость» нового курса, его основа. На этот вопрос нужно ответить: да или нет. Здесь третьего не дано.

Какие же источники дополнительного количества продуктов мы можем иметь? Эти источники суть следующие: крестьянское хозяйство, мелкая промышленность, аренда, концессии, внешняя торговля.

Крестьянское хозяйство есть, как всем известно, хозяйство индивидуалистическое, мелкобуржуазное. Но выше мы уже видели, что без *усиления* роста, подъема этого мелкобуржуазного хозяйства нам не обойтись. Наоборот, его подъем есть необходимое условие роста нашей крупной индустрии. Совершенно неправильно рассматривать крестьянское хозяйство вне его связи с остальным миром, и втройне неправильно делать это теперь. Извлечение дополнительного количества продуктов из этой сферы предполагает ее рост, который — временно, в текущую фазу развития — есть не что иное, как рост буржуазных отношений. Но этот рост дает возможность получить добавочное количество продуктов.

С мелкой промышленностью дело обстоит точно так же, как и с крестьянским хозяйством.

Аренда мыслима в двух формах: в виде капиталистической аренды (сдача предприятия капиталисту) или же в виде сдачи предприятия рабочим коллективам. Во втором случае перед нами не будет капиталистической опасности, но у рабочих коллективов

обычно не будет хватать оборотных средств. В случае капиталистической аренды предполагается, что перед нами — не спекулятивный арендатор, а организатор производства, который имеет в той или другой форме капитал. Извлекать сырье, продовольствие и т. д. он должен будет не из государственных складов, а из сферы крестьянского хозяйства и мелкой промышленности. Так как в аренду будут сдаваться главным образом предприятия бездействующие, плохо работающие и т. д. и так как в виде арендной платы пролетарское государство будет иметь добавочное количество реальных ценностей, то эти ценности войдут в состав необходимого фонда крупной социализированной индустрии.

Концессии представляют собой по существу ту же аренду. Но здесь мы будем иметь перед собою капиталистических арендаторов более высокой марки, которым придется ввозить и части *основного капитала* (машинное оборудование, постройки и пр.).

Долевое отчисление со стороны концессионеров в пользу республики составит точно так же один из источников добавочного количества продуктов в фонд социализированной промышленности.

В связи с концессиями стоит отчасти и *внешняя торговля*, поскольку концессионеры будут платить нам за аренду ввозом иностранных продуктов.

Исходя из основной нашей задачи — увеличения количества продуктов, пролетариат идет на рост *непролетарских* (мелкобуржуазных и крупнобуржуазных) форм хозяйствования для того, чтобы сохранить, подкрепить, развить формы *пролетарского* хозяйства, социализированную крупную машинную индустрию.

III. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ И ОПАСНОСТИ «НОВОГО КУРСА»

В этом росте непролетарских, буржуазных, капиталистических форм таится большая опасность. И здесь заложено точно так же объективное противоречие нашего «текущего момента». С одной стороны, мы заинтересованы в том, чтобы увеличить дополнительное количество продуктов, а это можно сделать лишь в виде усиления буржуазных тенденций развития; с другой — именно это усиление представляет опасность для коммунизма, опасность, так сказать, с другого конца, с точки зрения *конкуренции хозяйственных форм*.

В самом деле, усиление мелкобуржуазного хозяйства означает не что иное, как выделение на основе товарооборота скупщика, торгового капиталиста, предпринимателя. Капиталистический

арендатор, концессионер и т. д. будут точно так же иметь в растущей экономически мелкобуржуазной стихии свою прочную базу. Как же представляется при таких условиях картина всего дальнейшего развития?

Эта картина будет вполне ясна, если мы поймем новый курс экономической политики как грандиозную, на ряд лет рассчитанную, *стратегическую операцию пролетариата на хозяйственном фронте*.

Нам кажется, что на этом фронте пролетарской борьбы мы имеем положение, весьма похожее на наше положение во время Брестского мира на фронте вооруженной борьбы с международным империализмом.

Каково было это положение? И какова была наша стратегия в борьбе с сильнейшим врагом? Тут были такие элементы:

1) Основная опасность — германский империализм, ставивший под угрозу существование диктатуры пролетариата;

2) основная задача для нас — построение наших вооруженных сил, нашей Красной Армии;

3) основной лозунг для этой цели — мир во что бы то ни стало, всеми средствами, какой угодно ценой;

4) основное содержание работы: использование передышки для построения Красной Армии;

5) опасность производная: внутреннее влияние германского империализма;

6) завершение стратегической операции: когда построена Красная Армия, можно поворачивать руль в другую сторону.

Сравните с этим положение дел на нашем хозяйственном фронте. Тут мы увидим те же самые элементы.

1) Основная опасность — разруха, которая тоже ставит под угрозу все строительство коммунизма;

2) основная задача для нас — построение нашей красной промышленной армии, т. е. нашей крупной социализированной промышленности;

3) основной лозунг для осуществления этой цели — увеличение дополнительного количества продуктов всеми средствами, хотя бы ценой временного усиления мелкобуржуазных и крупнобуржуазных хозяйственных форм;

4) основное содержание работы: использование дополнительного количества продуктов для построения крупной социализированной промышленности, для приведения ее «в полную боевую готовность»;

5) опасность производная: внутреннее влияние растущих буржуазных форм хозяйства;

6) завершение стратегической операции: когда построена на основе использования дополнительного количества продуктов

крупная социализированная промышленность, можно поворачивать руль в другую сторону.

Чем объяснялся успех нашей брестской политики? Тем, что нам удалось построить Красную Армию, и тем, что германский империализм был подорван революцией изнутри. В чем будет гарантия нашей победы на фронте борьбы с хозяйственной разрухой? В том, что мы сумеем *поднять нашу социализированную крупную промышленность*.

Достигнув этого, мы — так говорили выше — «поворачиваем руль». Но этот новый поворот руля в обратную сторону отнюдь не будет означать возврата к прежнему, т. е. к продразверстке и т. д. Ибо эти методы, приспособленные к регулированию потребления на основе *падения* производительных сил, *падения* экономической мощи города относительно деревни, будут совершенно неподходящими к положению вещей, коего основа заключается в *развитии* производительных сил, особенно же в *растущей мощи крупной промышленности*. «Поворот руля» будет состоять в постепенной экономической ликвидации крупного частного хозяйства и в экономическом подчинении мелкого производителя руководству крупной промышленности: мелкий производитель будет втянут в обобществленное хозяйство не мерами внеэкономического принуждения [2], а главным образом теми хозяйственными выгодами, которые будут ему доставляться трактором, электрической лампочкой, сельскохозяйственными машинами и т. д.: он будет опутан (с пользой для себя) *электрическими проводами*, несущими с собой оплодотворяющую хозяйство животворящую энергию.

IV. ПРОБЛЕМА ТРУДА В КРУПНОЙ ИНДУСТРИИ

Выше мы видели, что главной нашей задачей является организация крупной национализированной промышленности. Но эта задача имеет свою внутреннюю сторону — вопрос о труде и его интенсивности. В период «военного коммунизма» рабочий класс в значительной степени играл роль резервуара организующих сил, которые «брались» на фронты во все возраставшем количестве. Оставшиеся поддерживались более или менее равномерно, независимо от того, выполняли они или не выполняли на деле свою производительную функцию. В результате, при общем понижении энтузиазма и работоспособности (от голода, истощения и т. д.), при росте мелкобуржуазных настроений и, следовательно, личных мотивов хозяйствования, получилось неизбежное *падение интенсивности труда*.

Mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) здесь отчасти получилась такая же картина, как в сельском хозяйстве:

отсутствие личной и групповой *непосредственной* материальной заинтересованности в производстве привело к падению производства; при наличии излишних, поддерживаемых государством с грехом пополам рабочих рук производственный эффект падал.

Отсюда с неизбежностью вытекало и средство лечения этого недуга: *введение момента личной и групповой заинтересованности рабочих в выработке*. Другими словами: необходимо было поставить снабжение рабочих в зависимость от количества вырабатываемого продукта. Это и дается тем или иным применением так называемого принципа «коллективного снабжения».

Принцип коллективного снабжения играет при этом двоякую роль: с одной стороны, он, давая стимул непосредственной заинтересованности, толкает рабочих к повышению интенсивности труда и к повышению, таким образом, *производительного эффекта*; с другой стороны, он становится рычагом *качественного улучшения состава пролетариата*. При его применении будет происходить постоянный отбор настоящих кадровых рабочих, которые и составят основной стержень крупной промышленности. И наоборот, мещанские, непролетарские элементы будут отсеиваться и распыляться, уходя в мелкобуржуазную среду. Реорганизованная и развивающаяся крупная промышленность будет иметь и соответствующий кадровый пролетариат.

V. «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ» ПРИ СИСТЕМЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Нам остается сказать, в целях полной ясности, несколько слов о «государственном капитализме» при системе пролетарской диктатуры. Мы лично считаем этот термин неправильным. Но так как дело не в терминах, а в «сути вещей», не в слове, а в понятии (а здесь в рядах партии нет никаких разногласий), то эту «суть вещей» необходимо подчеркнуть.

Государственный капитализм в его, так сказать, западноевропейском и американском значении есть доведенное до крайнего предела *всемогущество буржуазии*, когда производство сосредоточено в руках *буржуазного* государства. В таком случае собственником и верховным распорядителем всех средств производства является *буржуазия* в лице *ее* государства.

Когда *пролетарское* государство сдает в аренду концессионеру предприятие (т. е. при таком небывалом еще в истории случае, когда капиталист является арендатором у рабочего), *собственником* предприятия все время остается *рабочий класс*.

Из этого проистекает совершенно различный характер развития.

При государственном капитализме в настоящем смысле этого слова вся прибавочная ценность [3] поступает в распоряжение буржуазного государства, т. е. буржуазии. При *нашем* «государственном капитализме» (концессия, аренда и т. д.) прибавочная ценность немедленно расщепляется на две части: одна поступает как прибыль в карман капиталисту; другая принимает форму долевого отчисления или арендной платы и поступает нашему государству, т. е. переходит в руки *пролетариата*.

Чем больше мы будем расти сами, тем более выгодные договоры мы будем заключать, тем больше будет *пролетарская* доля, которая, все увеличиваясь, в конце концов поглотит долю капиталиста. Это и будет конечной победой коммунизма. Тогда окажется, что иностранный капитал, помимо его воли и желания и несмотря на его волю и желание, сыграл в нашем общем хозяйстве роль «спеца», который помог вытащить из трясины колымагу советского хозяйства.

Государственный капитализм европейско-американской марки пролетариат должен сломать путем революции. Наш «государственный капитализм» изживется совершенно мирным путем, если мы только правильно выполним свой стратегический план.

VI. ОСНОВНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ «НОВОГО КУРСА»

Основные возражения, которые делаются иногда против нового курса экономической политики, основаны на непонимании всего «плана стратегической операции» и как две капли воды напоминают те возражения, которые некоторые товарищи («от них же первый есмь аз») делали против совершенно правильной тактики Брестского мира или которые делались против Брестского мира открытыми противниками пролетарской диктатуры.

Главным «возражением» являлся вопрос о *«пределах уступок»*. Где кончается предел уступок? Если мы сдаем Минск, сдадим ли Смоленск? Или Москву? Ясно, что вопрос был нелеп. Пределы уступок не могли быть *заранее* определены: они зависели от конкретных условий. Лишь бы была возможность *строить свои силы* — вот как стоял вопрос.

То же и теперь. «Пределы» концессий, вплоть до фабрики и завода, *нельзя* определить. Ибо здесь можно сказать лишь *в общем:* база крупной промышленности и транспорта должна остаться непосредственно в наших руках, что не исключает передачи того или другого предприятия или территории концессионеру.

Вторым возражением было: мы переродимся. А враги говорили: идя на уступки, вы превращаетесь в партию германского империализма. Ясно, что это был вздор.

Но теперь рассуждают иногда так же: *если* вы делаете уступки мелкой буржуазии, *тем самым* вы превращаетесь в *партию* мелкой буржуазии. Если это так, то, напр., английское правительство, сделавшее уступки углекопам, является правительством рабочих или, по крайней мере, «общенациональным». Рассуждение не марксистское.

Конечно, мы находимся в опасном положении. Конечно, *если мы не построим крупной промышленности*, то *тогда* мы или переродимся, или будем свергнуты. Но мы *построим* на страх врагам нашу крупную индустрию. Пусть буржуазные «порядочные люди» смеются и предвещают нам близкий конец. Мы надеемся еще спеть над *их* могилой «вечную память».

Печатается по книге Бухарин. Новый курс экономической политики. Пб.: Госиздат, 1921

ЖЕЛЕЗНАЯ КОГОРТА РЕВОЛЮЦИИ

1922 г.

Пять лет стоит у власти российский пролетариат, и даже противники его видят, что крепнет эта власть, пускает прочные, мощные подземные корни, охватывает ими рыхлую российскую землю, переделывает российский народ, железной рукой великана ведет миллионы людей по тернистому, кровавому пути, через проволочные заграждения, под ураганным огнем врага, по голодной степи — к светлой победе всеединого человечества.

Как совершилось это историческое чудо, на которое, разинув рот от удивления или истекая бессильным бешенством, смотрит всесветное мещанство?

Конечно, здесь «виноваты» прежде всего общие исторические рамки, внутри которых шли чугунным шагом черные трудовые батальоны, свергающие ненавистный режим. История дала русскому рабочему классу необычайно благоприятные условия для его победы: расшатанную войной дьявольскую машину российского самодержавия, слабую буржуазию, которая не успела еще отточить себе острых империалистских клыков и была настолько глупа, чтобы во время войны дезорганизовать силы царизма; могучие стихийные пласты крестьянства, не «дорвавшегося еще до патриотизма», с дикой ненавистью к помещику и с необузданным желанием земли, уже пропитанной сплошь крестьянским потом. Вот что дало победу пролетарскому орлу, который взмыл в небо, расправив свои молодые крылья.

Но наряду с этими условиями было еще одно — наличие беззаветно героической железной когорты революции, нашей партии, такой партии, какой еще не было в истории великих классовых битв. Партии, которая прошла через суровую школу подпольной работы, в пороховом дыму закалила свою классовую волю, в муках, лишениях и страданиях вскормила своих сынов, воспитала и поставила на ноги первоклассных рабочих — крепышей, которым суждено переделать и завоевать весь мир...

Для того чтобы понять, каким образом создавалась такая

партия, нужно бросить беглый взгляд на некоторые основные черты в ее развитии.

Прежде всего, несколько слов об ее *главном штабе*. Теперь уже признано нашими противниками, что у нас первоклассное руководство. Один крупный идеолог немецкой буржуазии и властитель дум современной Германии, граф *Кейзерлинг* [1], пишет даже в своей книге «Wirtschaft, Politik, Weisheit», что крепость советской России объясняется исключительно тем, что эта Россия имеет руководителей, которые «далеко превосходят» всех руководителей буржуазных стран. Это, конечно, преувеличение. «Исключительно» дело к этому не сводится. Но что *многое* этим объясняется, не подлежит никакому сомнению. В чем же здесь дело? Дело в *тщательном подборе* вождей, подборе, который бы гарантировал и надлежащую их квалификацию, и абсолютную сплоченность, и единство воли. Вот под этими лозунгами и закладывались основы партийного руководства. Здесь партия многим обязана т. Ленину. То, что филистеры оппортунизма считали «антидемократизмом», «заговорщичеством», «личной диктатурой», «глупой нетерпимостью» и пр., — на самом деле было прекраснейшим организационным принципом. Подбор группы единомышленников, горящих одной и той же революционной страстью и в то же время совершенно единых по своим взглядам,— было первым необходимейшим условием для успешной борьбы. Это условие было обеспечено беспощадным преследованием всяких уклонений от ортодоксального большевизма. Но это беспощадное преследование, постоянная самочистка, сплотило ряды основной партийной группы в такой кулак, который нельзя разжать никакими силами.

Дальше, вокруг этого кулака, сплачивались и остальные, т. е. *основные партийные кадры*. Суровая дисциплина большевизма, спартанская сплоченность его рядов, его строжайшая «фракционность» даже в моменты временного сожительства с меньшевиками, крайняя однородность взглядов, централизованность всех рядов — были всегда характернейшими признаками нашей партии. Все партийные работники были крайне преданы партии; партийный «патриотизм», исключительная страстность в проведении партийных директив, бешеная борьба с враждебными группировками всюду — на фабриках и заводах, на открытых собраниях, в клубах, даже в тюрьме — делали из нашей партии какой-то своеобразный революционный орден. Оттого так неприятен был тип «большевика» всем либеральным и реформистским группам, всем «безголовным», «мягким», «широким», «терпимым». И в то же время от членов партии требовалась *настоящая* партийная работа в массах, работа при всех условиях, несмотря ни на какие трудности. Вспомним, что именно на этом пункте нача-

лись первые разногласия с меньшевиками. Именно здесь шел процесс *подбора кадров*. Не из болтунов, не из «симпатизирующей» интеллигенции, не из «попутчиков», которые сегодня здесь, а завтра — там, а из людей, готовых для революции, для развертывающейся борьбы, для победы партии пойти на все: на каторгу, на баррикады, на скитанья и постоянные преследования. Так закладывался, так смыкался второй круг нашей партии: *основные кадры рабочих — большевиков*.

Но при всем этом наша партия никогда не была *сектантской*, замкнутой, варившейся в собственном соку. Вот это нужно подчеркнуть со всей решительностью. Она никогда не смотрела на себя как на самоцель. Она смотрела на себя как на стальной инструмент, обрабатывающий мозги *массы*, сплачивающий массу, руководящий массой. Ибо все искусство политической диалектики состоит в том, чтобы, имея ряды сплоченные и сомкнутые, не замкнуться в себе, не быть сектой, не вертеться на холостом ходу, а быть действенной двигательной силой, вращающей гигантские колеса механизма всего класса и всей массы трудящихся. И здесь история нашей партии, а в особенности история ее за революционный период, показывает, как чутко относилась партия к запросам массы. Кто энергичнее всех действовал среди солдат империалистической армии, рискуя быть растерзанным офицерами? Большевик. Кто без устали сплачивал, агитировал, организовал? Большевик. Не упускал *ни единой возможности* воздействия на массу, используя царскую Думу и профессиональный рабочий союз, массовку и клуб, воскресную школу и фабричную столовую,— всюду, везде был всепроникающий и вездесущий большевик, тот, который, по выражению современного беллетриста, «эргично фукцирует»[2]. Он всегда «эргично фукцировал», этот большевик. Ибо наша партия всегда была партией *класса* и через него *партией масс*.

Так складывался третий и четвертый круг, *уже выходящий из рамок партии: круг рабочих организаций, стоявших под влиянием партии, и круг всего класса и массы, через все эти организации руководимый своим партийным авангардом*.

Нужно теперь остановиться на некоторых чертах нашей партийной политики, которые точно так же объясняют громадные успехи РКП.

Прежде всего, теоретическая *марксистская выдержанность*. Недаром однажды, после весеннего кризиса 1921 года, г. Мартов[3] объяснял сохранение большевистской диктатуры тем обстоятельством, что партия «как-никак прошла марксистскую школу». Да, партия прошла хорошую марксистскую школу. Теоретическое предвидение хода событий, анализ классовых группировок, «счет миллионами», который, как замечательно определяет

это тов. Ленин, и составляет суть политики,— все это характеризует наше партийное руководство в высочайшей степени. Но здесь нужно отметить одну специфическую особенность, которая персонифицируется раньше всего в тов. Ленине, как признанном руководителе всей партии. Никогда марксизм не застывает у нас в мертвую догму, а всегда является живым *орудием практики*. Не текст, а дух. Не схоластика и талмудизм, а гениальное понимание марксовой диалектики как орудия *практической борьбы*. У нас есть марксистское учение, но нет «марксистских» *предрассудков*. У нас есть великолепный инструмент, которым *мы* владеем, а не который владеет нами. И этот живой революционный марксизм действительно помогает делать чудеса!

Отсюда — величайшая *эластичность тактики*. Громадное большинство политических ошибок состоит в перенесении методов, правильных в одной обстановке, в другую обстановку, когда они становятся вредными. Непонимание *конкретности* обстановки, а следовательно, и необходимости величайшей конкретности в *тактике* составляют основу для доброй половины всех ошибок. И вот тут как раз наша партия может почитаться образцовой.

Она умела быть *чрезвычайно терпеливой*, когда приходилось считаться с «добросовестным» заблуждением масс. Вспомним период непосредственно после Февральской революции, когда нужно было «терпеливо разъяснять» и с величайшей *выдержкой* завоевать массы под свое влияние.

Она умела быть беззаветно *смелой и решительной*, необычайно *быстродействующей*. Так вела себя партия в дни Октября. Здесь история поставила партию перед водоворотом. Нужно было, трезво учтя всю обстановку, броситься в водоворот, чтобы всплыть на гигантской волне. Малейшее промедление, колебание, нерешительность были бы гибельны. Нужно было величайшее дерзание, беззаветная смелость и решимость. Партия бросилась в водоворот и стала у власти.

Она умела *круто поворачивать руль*, когда это было нужно. Эта часть партийной политики особенно поучительна. Если мы вспомним, как партия оперлась на крестьянство, целиком и дословно взяв крестьянскую, с.-р. составленную программу[4]; или как был повернут партийный, а вместе с тем и весь государственный руль в 1921 г. от «военного коммунизма» к «новой экономической политике», то этих двух примеров будет достаточно, чтобы понять всю эластичность партийной тактики, соединяющей весь реализм с уверенным шагом к нашей конечной цели.

Рабочий класс не может в рамках капитализма вырасти в силу, уже совершенно вызревшую для руководства всем обществом. Рабочий класс задавлен и порабощен капитализмом. Выпрямившись во весь рост, он может только раздробить капиталистическую

оболочку общества. Он готовит свои силы, он организует своих администраторов, он вырастает в настоящего «управителя» всем обществом лишь в период своей диктатуры. Здесь, за этот период, он «переделывает свою собственную природу», из раба превращаясь в руководителя и творца. Эта огромнейшая работа требует величайшего напряжения сил и от всей массы, и от ее классового авангарда. Наша партия может гордиться: она создала своих полководцев и красных воинов, она создала своих администраторов из рабочих, правящих страной; она создает свой кадр на культурном фронте и на фронте хозяйственной борьбы. Новое поколение, подрастающая молодежь, уже попадает сразу в огромную лабораторию Советского государства. Пережив ужасную гражданскую войну, голод и мор, становится на ноги великая Красная страна, и труба победы зовет призывным зовом рабочий класс всего мира, колониальных рабов и кули на смертный бой с капиталом. Впереди несметной армии идет мужественная фаланга бойцов, в рубцах и шрамах, под славными знаменами, пробитыми пулями и разодранными штыком. Она идет впереди всех, она всех зовет, она всеми руководит.

Ибо это — железная когорта пролетарской революции — РКП.

Печатается по книге: За пять лет. 1917—1922: Сборник ЦК РКП. М., Изд-во «Красная новь», 1922, с. 3—6

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

(Беглые заметки)

1923 г.

В своей книге «Теория исторического материализма» [1] я пытался не только повторить то, что было сказано и раньше, но, с одной стороны, дать некоторые *другие формулировки того же самого*, с другой — *уточнить и развить* положения теории исторического материализма, *продвинуть дальше* разработку его проблем. Как известно, Энгельс незадолго до своей смерти говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великих учителей является разработка проблем теории. Но такова уже сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи *. Между тем постановка и решение таких проблем является *злобой дня*. Литература противников возросла в огромной степени. Контратака с нашей стороны необходима, и притом *на все повышающейся основе наших собственных теоретических положений*. В настоящих «беглых заметках» я попытаюсь набросать мотивировку тех «новшеств», которые имеются в моей книге, — новшеств, которые все — и это утверждаю — идут по линии «наиболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса» **.

1. *«Механическое» и «органическое»* [2]. До последнего времени в нашей среде эти понятия *противопоставлялись*. В области общественных наук мы, марксисты, протестовали против «механиче-

---

* *Плеханов* в предисловии к «Критике наших критиков» пишет: «Статьи гг. субъективистов и народников... убедили меня в том, что они, запомнив наши термины, не дали себе отчета в п о н я т и я х... Чтобы убедить в этом также и читателей, я решил изложить нашу теорию д р у г и м и с л о в а м и. Вышло то, чего я ожидал. Один из самых крупных противников наших, не разобрав, в чем дело, закричал, что я отказался от «экономического материализма»... Что противники попались, об этом я, разумеется, не жалел, но вот что было печально. Меня не поняли также и некоторые *единомышленники — они, как видно, тоже запомнили одни слова...*» (I. c., с. 6). (*Н. Бельтов*. Критика наших критиков. Спб., 1906, с. VI. *Ред.*). К сожалению, порода единомышленников, запоминающих одни слова, не перевелась еще даже в *Советской России*... Но об этом — в другом месте.

** *Бухарин Н.* Теория исторического материализма. Предисловие.

ского объяснения», предпочитая говорить об «органических» связях и т. д., хотя отнюдь не разделяли предрассудков так называемой «органической школы» в социологии.

С тех пор появилось два решающих фактора: во-первых, *переворот в представлениях о строении материи;* во-вторых, чрезвычайный рост *идеализма в официальной буржуазной науке.* Революция в учении о строении материи в корне изменила представление об атоме как абсолютно изолированной единице. Между тем именно это старое представление об атоме переносилось на индивидуум (и «атом», и «индивидуум» — по-русски переводятся одним и тем же словом: «неделимое»). Робинзонады в общественных науках в точности соответствовали атомам старой механики. Между тем в области общественных наук речь и шла как раз о *преодолении* робинзонад. Нужно было выдвинуть со всей силой и решительностью *общественную* точку зрения, что и было гениально выполнено Марксом в противовес индивидуалистическим теориям буржуазии, включая сюда и блестящих «классиков» политической экономии (Смит и Рикардо) [3]. Правильны ли были протесты против «механического» в области общественных наук? Конечно, да.

Но нельзя запоминать одни термины, не понимая сути дела. *Теперь* правильное диалектически превращается в свою собственную противоположность. Ибо современное представление о материи *опрокинуло* старые взгляды. *Изолированный* и бескачественный атом скончался. Элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д., восстановлен во всех правах. *Противопоставление* «механического» и «органического» с *этой* точки зрения стало бессмысленным.

С другой стороны, рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к «органическому» *мистицизму.* Понятие «жизни» стало мистическим (Бергсон [4], Дриш [5] and C°). Что же следует отсюда? Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если только мы хотим всерьез бороться за *материалистическое* мировоззрение вообще и *материалистическую* общественную науку в частности.

2. *Диалектика и теория равновесия* [6]. Маркс, как известно, освободил диалектику от мистической оболочки, выставив положение, что диалектика, как мыслительная категория, есть отражение диалектики в процессе реального, *материального* становления, ибо «идеальное» есть лишь переведенное в человеческом мозгу на специфический язык материальное. Однако до сих пор — и притом в возрастающей степени — делаются попытки *оторвать* мыслительный процесс от процесса материального,— попытки превратить диалектику в исключительно мыслительную конструкцию, в некоторый метод, которому не соответствует какая бы то ни было реальность. Типичным является в этом отношении «австромарксизм» с Максом Адлером [7] во главе. Как нужно бороться с этим извращением марксизма — извращением явно *антиматериалистическим?* Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т. е. *в формах движущейся материи находить то, чему «соответствует» диалектическая формула Гегеля.* Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д.— вот что *реально* соответствует гегелевской триединой формуле [8]. Что «нового» вносит это толкование? По существу, это то же самое. Но здесь указывается на *материальный* процесс и на движение *материальной* формы. Другими словами, здесь — диалектика *материального* становления, идеально выражаемая гегелевской триадой.

Совершенно неправильным является упрек в механичности такой формулировки. Неправильным он является потому, что *нельзя* современную механику *противопоставлять* диалектике. Если механика не диалектична, т. е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики? Наоборот. *Движение* составляет, если так можно выразиться, материальную душу диалектического метода и его объективную основу.

Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в *действии,* т. е. материалистически *применяя* диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его такого же теоретическо-систематического обоснования. Это и дается *теорией равновесия.*

Теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от *телеологического* привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на *саморазвитии* «Духа». Вместо эволюции (развития), и *только* эволюции, она позволяет видеть также случаи *разрушения* материальных форм. Тем самым она является и *более общей и очищенной от идеалистических элементов* формулировкой законов движущихся материальных систем.

3. *Теория равновесия и производительные силы.* Основным для теории исторического материализма вопросом является вопрос о том, почему производительные силы привлекаются в качестве объясняющей все («в конечном счете») последней причины. Здесь в марксистских рядах (в том числе и в наших, ортодоксально-марксистских, коммунистических рядах) царит довольно сильный разнобой... Очень часто дело сводят к явно негодной «теории факторов», причем производительные силы заменяются производственными отношениями («экономический фактор»). Часто по существу поднимают вопрос о курице и яйце с точки зрения их «генезиса».

Даже решение *Плеханова* (в «Монистическом взгляде») явно неудовлетворительно. Как он ставит вопрос? Он берет контроверзу между двумя направлениями мысли: одним, которое утверждает: «мнения правят миром», и другим, которое полагает, что «условия жизни создают человека». В наших терминах можно говорить о надстройках и базисе. Влияет надстройка на базис? Да. Базис на надстройку? Тоже да. И Плеханов соглашается, что в такой постановке вопроса не решить. Где же решение? По Плеханову, оно в том, что обе эти взаимодействующие величины зависят от *третьей* величины (производительных сил). И вот это обстоятельство-то и решает всю проблему.

Однако не трудно видеть, что вопрос таким образом может быть *отодвинут*, но не решен. В самом деле, влияют надстройка и экономика обратно на производительные силы? Да. Производительные силы на экономику и надстройку? Тоже да. Вопрос «воспроизводится на новой основе» — только и всего.

Это же есть *центральный* вопрос социологии. Ибо если не дать на него ответа в духе методологического *монизма* и пытаться найти себе убежище под крылышком «теории факторов», то тогда, как совершенно справедливо замечает буржуазный немецкий профессор E. Brandenburg, речь будет идти «лишь о количественной разнице при оценке хозяйственных и духовных влияний» *. А это, во-первых, будет теория, которая ровно ничего не объясняет; во-вторых, это будет все, что угодно, но только не марксизм.

Проф. Brandenburg делает в сторону такого марксизма изящный реверанс. А по отношению к настоящему материалистическому пониманию истории сей профессор пишет: «Оно хочет свести все движение (alle Wandlungen) совместной жизни людей к переменам в области производительных сил; но оно не может объяснить, почему эти последние сами должны постоянно меняться и почему это необходимо должно происходить в направлении к социализму» **.

Вот на этой формуле г-на профессора всего лучше можно заострить нашу *собственную* методологию при решении данной, повторяю, центральной социологической проблемы.

Ответ на этот вопрос — ответ, который я считаю единственно правильным, таков: производительные силы определяют общественное развитие *потому*, что они выражают собой соотношение

---

* *Brandenburg E.* Prof. an der Universität, Leipzig. «Die materialistische Geschichtsauffassung, ihr Wesen und ihre Wandlungen», 1920. Verl. von Quelle & Meyer in Leipzig. S. 58: «...— so handelt es sich nur noch um Gradunterschiede in der Bemessung wirtschaftlicher und geistiger Einflüsse» («...речь идет всего лишь об уровне различия в измерении экономического и духовного влияния» *(нем.). Ред.)*.

** Ibid., 1. c., 58.

между обществом как определенной реальной совокупностью и его средой... А *соотношение между средой и системой есть величина, определяющая в конечном счете движение любой системы*. Это есть один из общих законов диалектики движущейся формы. Это есть та рамка, внутри которой происходят молекулярные перемещения сил, завязываются и развязываются бесчисленные узлы взаимодействий и противоречий. Пусть производительные силы испытывают изменения *под* влиянием «базиса» и «надстроек». Констатирование этих влияний не изменяет ни капли основного факта: соотношение между обществом и природой, количеством материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может как угодно трансформироваться в процессе общественной жизни, есть всякий раз определяющая величина.

Так, и только так может быть решен основной вопрос теории исторического материализма.

4. *Производственные отношения*. Производственные отношения, по Марксу, есть *материальный* базис общества. Между тем у целого ряда идеологических группировок в марксизме (или в «марксизме») существует непреодолимое стремление «спиритуализировать» этот материальный базис. Победное шествие *психологической* школы [9] и психологического метода в хоромах буржуазной общественной науки не могло не «инфицировать» марксистских и полумарксистских кругов. Это явление шло нога в ногу с повышавшимся влиянием школьной идеалистической *философии* вообще. Под *материальный* базис Маркса стали подводить «идеальный», психологический базис австрийской школы (Бём-Баверк) [10], Л. Уорда и tutti quanti *. Застрельщиком и здесь выступил теоретически растленный австромарксизм. Материальный базис стали трактовать *в пикквикском* смысле [11]. Экономика, способ производства оказались нижним рядом *психических* взаимодействий. Твердый костяк *материального* исчез из-под общественного здания.

В русской литературе эта «психологизация» марксизма была очень последовательно проведена в сочинениях *А. А. Богданова* [12]. По Богданову, даже *техника* — это не вещи, а *уменье* людей работать при помощи определенных орудий труда, их, так сказать, психологический тренаж.

Совершенно очевидно, что такой психологизированный марксизм есть явное отклонение от подчеркиваемого con amore Марксом *материализма* в социологии.

Но как все же трактовать *материальность* производственных отношений?

Мне кажется, что точного ответа на этот вопрос в марксистской

---

* И всякие другие *(лат.). Ред.*

литературе не давалось, и отчасти поэтому «психологические» конструкции, которым нельзя отказать в известного рода цельности и продуманности, оказывают влияние на марксистские умы *.

Как же решить эту задачу? Противник выставляет ряд дельных аргументов. Самым важным аргументом является то соображение, что понятие *отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие*. Таким образом, трудовая связь есть связь психически трудовая. Так как не подлежит никакому сомнению, что процесс создания, а равно и поддерживания этих отношений является процессом психическим, который складывается из психических актов, объективирующихся в общественном масштабе, то тем самым установлен общественно-психический характер «базиса».

Я утверждаю, что против этой аргументации в нашей среде не было выставлено контраргументации. Поэтому мной предлагается новое, *материалистическое* решение задачи, идущее по линиям марксовых решений. Это решение таково.— Под производственными отношениями я разумею трудовую *координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени*. Система этих отношений настолько же *«психична»*, как система планет вместе со своим солнцем. *Определенность места* в каждую хронологическую точку — вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, нисколько не разрушает и не нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим. Без него, кроме того, нельзя дать ответа Адлерам и К°.

5. *Надстройка и идеология. Структура надстроек*. Анализ этих общественных явлений в их статическом разрезе ** был крайне недостаточным. Отсюда происходил целый ряд недоразумений, ошибок, а также теоретических тупиков и ложных «кажущихся» объяснений. Например: исследователи натыкались на научную лабораторию, с ее орудиями труда, своеобразными трудовыми отношениями и т. д. Отсюда вывод: лабораторный (rsp., всякий научный) труд относится к производству. Развивая дальше это положение, приходили к тому, что всякий общественно полезный труд есть

* При «понятливости» некоторых критиков я должен оговориться: здесь речь идет о плоскости *логической*, которая, конечно, имеет свой социально-экономический эквивалент.

** Для «понятливых» критиков, могущих поднять шум, анализ типичных черт *структуры* и есть статический «разрез». Это, конечно, не снимает обязанности анализировать данную структуру и с точки зрения ее движения, т. е. в динамике.

производительный труд. В результате все тонуло в этом «производстве», и марксистская теория превращалась в нелепое объяснение части целым, не более. Или не знали, куда девать в архитектурной схеме Маркса такие явления, как научная ассоциация, бюрократический аппарат, философское общество, астрономическая обсерватория.

Поэтому я предложил в своей книге прежде всего отделить понятие *идеологии и надстройки*, взяв надстройку как понятие более широкое и общее. Идеология — система мыслей, чувств, образов, норм и т. д. Надстройка включает в себя и многое другое. А именно, в надстройках мы должны отличать три *главные* сферы:

1) Техника данной надстройки, «орудия труда» (лабораторные инструменты в науке; дома, пушки, счеты, диаграммы etc. в госаппарате; кисти, музыкальные инструменты и т. д. в искусстве и пр.).

2) Отношения между людьми (научное общество, бюрократическая организация, людские отношения в художественной мастерской, координация людей в оркестре).

3) Системы идей, образов, норм, чувств и т. д. (идеология).

Я пытался далее провести этот анализ еще дальше, т. е. пытался наметить вехи еще большего дробления и дифференциации (на примере музыки и др.). Тем самым отпадает целый ряд трудностей, которые были раньше, и историко-материалистический метод становится точнее и острее.

6. *Зависимость надстроек от базиса*. Вышеописанная точка зрения намечает гораздо более конкретную постановку вопроса о зависимости надстроек от базиса и через него от производительных сил. Основной недостаток, если так можно выразиться, *сплошной* постановки вопроса состоял и состоит в неопределенности понятия «зависит» или «определяется». Именно на этой почве возникали «уклоны» в среде марксистской и марксистообразной публики. Стоит вспомнить работы тов. *Шулятикова* [13] («Оправдание капитализма в западноевропейской философии») или *Элевтеропулоса*, а также многих других. Критические фаланги врагов не раз использовали этот разнобой. Между тем если мы внутри каждой надстройки различаем ее элементы, то не трудно показать, какова *конкретная* зависимость этих элементов — 1) друг от друга, 2) от элементов других надстроек, 3) этих последних от базиса, 4) непосредственно от базиса, 5) непосредственно от техники и т. д. и т. п. Всякие «уклоны» или упущение, вульгаризация, «сплошная» постановка вопроса тем самым отпадают. Зато, правда, на исследователя возлагается обязанность очень глубокого «погружения» в анализ данной надстройки, т. е. очень кропотливого труда. Но, само собою понятно, это не есть аргумент против моих «новшеств».

7. *Надстройки как сферы отдифференцированного труда.*

Я ставил своей задачей также анализировать надстройки *с точки зрения труда*. Маркс недаром говорил об «интеллектуальном производстве» и «идеологических сословиях» (ideologische Stände). Не буду говорить здесь о практическом значении этих вопросов специально для нашего времени и специально для нашей партии. Ограничусь чисто теоретической мотивировкой такого «аспекта».

Во-первых. Такая точка зрения прекрасно освещает вопрос о соотношении *материального* производства с производствами «интеллектуальными» и наглядно демонстрирует всю нелепость «сплошной» постановки вопроса и в этой области (все «полезное» — производство); в частности, при таком решении вопроса ясно, что интеллектуальный труд постоянно как бы *вытекает* и затем *обособляется* от материального производства; казуистические хитроумные вопросы относительно категорий, лежащих на самой границе этих областей, методологически отпадают совершенно так же, как якобы «ужасные» вопросы о промежуточных социальных группировках и других текучих величинах.

Во-вторых. Такая постановка вопроса позволяет объяснить необходимость как появления тех или иных видов надстроечного труда, так и своеобразную диспозицию различных отраслей этого труда, т. е. относительные размеры их в данном обществе (такие вопросы, как, напр., вопросы пропорции между материальным и нематериальным трудом; о пропорции между различными видами «духовного» труда и т. п., мне кажется, ранее не ставились вообще; между тем это необходимо для объяснения целого ряда существеннейших явлений; ср., напр., практическую ценность для нас вопроса о материальном производстве и административно-бюрократическом аппарате).

8. *«Способ представления» и формирующие принципы общественной жизни.* Я считал своей теоретической обязанностью поставить на первый план *забытое всеми* положение Маркса о *«способе представления»* («Vorstellungsweise») [14]. Не подлежит никакому сомнению, что это понятие было у Маркса понятием, соотносительным со «способом производства». Другими словами, определенному способу производства соответствует, определяясь им, и адекватный *способ представления*. Маркс не разработал вопроса о способе представления так же логически ясно и точно, как вопрос о способе производства. Но из его отдельных замечаний (напр., о том, что нужно разработать вопрос об «интеллектуальных сословиях» и т. д. и т. п.) совершенно ясно вытекает, как он смотрел на постановку этих проблем. Этим решается вопрос о едином основном «стиле» общественной жизни снизу доверху и об исторически относительном характере всяких и всех идеологий, взятых не с точки зрения отдельных их положений (которые могут

быть вечны), а с точки зрения *типов связи* между ними, тех особых принципов координации, которые и составляют конститутивный признак понятия о «способе представления».

9. *Физиология человека и законы общественного развития.* Бесконечные споры о соотношении между законами биологии и социологии и т. д. я пытался поставить на совершенно иную почву. А именно, физиологические особенности людских групп, а равно и соответствующие им особенности психологические я рассматриваю как *квалификацию определенных рабочих сил общества* (психофизиологические особенности крючника, музыканта, организатора производства, купца, шпиона, шофера, офицера и т. д.). При таком решении проблемы не получается того нелепого *удвоения* «законов», которое встречается на каждом шагу даже в лучших марксистских работах (с одной стороны законы биологии, физиологии и т. д., с другой — законы общественного развития). На самом деле одно есть «инобытие» другого. Одно и то же явление рассматривается с разных точек зрения. Психофизиологическая структура крючника и квалификация его рабочей силы — не *две разные* величины, а два разных способа рассматривать одну и ту же величину. Особенно ясно вскрывается это при изучении тейлоризма, психотехники и т. д.

10. *Материализация общественных явлений.* «Новшеством» с моей стороны является и развиваемая мною теория материализации общественных явлений, своеобразный процесс аккумуляции культуры, когда общественная психология и идеология уплотняются и оседают в виде *вещей*, имеющих оригинальное общественное бытие. Эта материализированная, образно выражаясь, уплотненная до степени материального, общественная психология и идеология становится, в свою очередь, отправной точкой для всякого дальнейшего развития (книги, библиотеки, галереи, музеи и пр. и пр.). Если материализация общественных явлений есть один из основных законов развивающегося общества, то ясно, что в соответствующих областях (т. е. надстройках) анализ нужно начинать отсюда. Материалистическая точка зрения и здесь получает свое новое подтверждение*.

11. *Закономерность переходного периода и закономерность упадка.* Одним из центральных возражений против исторического материализма является указание на якобы мистическую сущность производительных сил у Маркса, которые должны, неизвестно почему и неизвестно отчего, во что бы то ни стало развиваться. Грех утаить, что последнее «требование» к производительным силам предъявлялось не раз в сочинениях марксистов. Но сам Маркс в этом нисколько не повинен, потому что он не раз указывал

* Кстати сказать: как умно выглядят те из наших критиков, которые упрекают меня в совсем противоположных «тенденциях»!

на случаи «гибели обоих борющихся классов», вместе с ними — всего общества, вместе со всем обществом, следовательно,— и его производительных сил. Вопрос о том, суждено ли обществу развиваться или погибнуть, не может быть решен абстрактно в ту или другую сторону. Он может быть решен только на основе конкретного анализа.

Точно так же эмпирически доказано, что переходные периоды, сопровождаемые революциями, связаны с временным, более или менее длительным *падением* производительных сил.

Следовательно, обычная формулировка основ теории исторического материализма, начинающаяся со слов: «рост производ. сил», слишком узка, ибо не охватывает ни эпох упадка, ни переходных революционных периодов.

Я поэтому и здесь считал своей теоретической обязанностью дать анализ закономерности этих явлений, игравших и играющих немаловажную роль. Сделать это было тем более необходимо, что без такого анализа нельзя понять и современность. Социологическая характеристика этих периодов как периодов отступления производительных сил под влиянием надстроек *с постоянной лимитацией этого влияния предыдущим состоянием производительных сил;* другими словами, характеристика основной закономерности их как растянутого во времени процесса обратного влияния надстроек (в случаях переходного периода до момента установления нового общественного равновесия) дана со всею определенностью и уложена в общетеоретические рамки.

С другой стороны, я старался дать и формулировку необходимых *фаз* в процессе революции, опираясь отчасти (как и в «Экономике перех. периода») на замечания тов. *Крицмана*[15], которому принадлежит приоритет в решении данной задачи. Таким образом, телеология была изгнана из своего последнего убежища.

* * *

Я коснулся в данной статье лишь своих *главных* «новшеств». Мог бы перечислить и целый ряд других: в учении о классах, о соотношении между вождями и партией, в учении о революции и пр. К сожалению, у меня нет времени, чтобы останавливаться на всем этом. Приходится извиниться перед читателем даже за фрагментарный характер данных «беглых заметок». Задачи, стоящие перед нами, как видно и из них, очень сложны. По мере сил я старался их решить. Всякому понимающему человеку, а тем более большевику, ясно, что общая тенденция моих «нововведений» идет по линии развития ортодоксального, революционного и материалистического понимания Маркса. Я принял бы с благодарностью всякое ценное указание, ибо широкое сотрудничество здесь обязательно так же, как и во всякой другой области.

Но, быть может, читатели воскликнут:

«А почему же о всех этих проблемах, действительно серьезных и действительно основных, ни один из ваших критиков даже не упомянул, если не считать исключений за правило?»

— «Спросите у ветра в поле»... как посоветовал однажды Кнут Гамсун по совсем другому поводу...

Печатается по книге: Бухарин Н. Атака. Сборник теоретических работ. М., Госиздат, 1924, с. 115—127

ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ

Доклад на торжественном заседании Коммунистической академии
17 февраля 1924 г.

В довольно широких кругах нашей партии, да и за ее пределами обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения; что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что теперь уже пора произвести в этом пункте некоторую небольшую, а может быть, и даже очень большую, ревизию. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина как теоретика обусловливается известной психологической аберрацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положения, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин, делались в значительной мере, на $^{9}/_{10}$, от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его Сочинений, и, как это нетрудно понять,— именно потому, что они разбросаны, именно потому, что они не преподнесены нашей читательской публике в сжатом, закругленном, уточненном виде,— именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин как теоретик в значительной мере уступал Ленину-практику. Но эта мысль, я думаю, будет разбита в течение ближайшего будущего, а в течение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только как гениальнейший практик рабочего движения, но и как гениальнейший его теоретик. Я приведу один маленький примерчик, если это мне будет разрешено, из своей собственной работы, из своей собственной «теоретической практики», если можно так выразиться. Мне случилось в одной из своих статей довольно подробно разработать вопрос о том, какое большое принципиальное отличие существует между вызреванием социалистического строя внутри капиталистической системы и вызреванием капиталистического строя внутри феодального общества. Потом соответствующие положения, которые я опубликовал в журнале «Под знаменем марксизма» [1], стали встречаться — в целом ряде работ юридического, общеполитического и всякого иного порядка — с бóльшей или меньшей степенью теоретической заостренности. Но после того, как я эту статью написал и совершенно искренне считал, что здесь, в этой маленькой теоретической области, в определенном разрезе, сказано некоторое новое слово, которое раньше не говорилось,— я увидал, что все это заключается буквально в четырех строках одной из речей Владимира Ильича [2], произнесенных им на VII съезде [3] нашей партийной организации, во время прений по Брестскому миру [4]. Я думаю, что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать Сочинения Владимира Ильича,— они, несомненно, откроют в этих Сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными и теоретической обширности которых мы не понимали. Ленин еще ждет как теоретик своего систематизатора, и в будущем, когда эта работа будет проделана и когда все то новое, что дал тов. Ленин в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его Сочинениям, примет систематизированную форму,— Ленин станет перед нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения. Задача моего доклада и заключается в том, чтобы наметить некоторые вехи, которые могли бы служить толчком для дальнейшей работы по изучению Владимира Ильича как теоретика-марксиста.

I. МАРКСИЗМ ЭПОХИ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА

Марксизм, как всякая доктрина, как всякое теоретическое построение,— и в чисто теоретической, и в теоретико-прикладной области — представляет из себя некоторую живую величину, которая развивается и изменяется. Он может изменяться таким образом, что количественная сторона этих изменений переходит в качественную, он может, как и всякая доктрина, *вырождаться* при определенных общественных условиях, но он не находится в одном и том же состоянии, и мне кажется, что теперь, в тот период, в который мы живем, всем уже стало совершенно ясно, что марксизм пережил три большие ступени в своем историческом развитии. Эти три ступени исторического развития марксистской идеологии, или марксизма, соответствуют трем большим отрезкам в истории рабочего движения, которые, в свою очередь, связаны с тремя крупными эпохами в развитии человеческого общества вообще, европейского общества в первую голову. Первая фаза марксистского развития — это есть марксизм, как он был исторически сфор-

мулирован самими основоположниками научного коммунизма — Марксом и Энгельсом. Это есть марксизм марксовский — в собственном смысле этого слова. Социальная подкладка для этого марксизма была отнюдь не органическая и отнюдь не мирная эпоха в европейском развитии. Это была эпоха, когда Европа переживала целый ряд потрясений,— эпоха, которая нашла свое наиболее яркое выражение в революции 1848 года.

Главный материал для теоретических обобщений, то, что с социальной стороны дало заряд революционным формулировкам, именно и коренилось в условиях и катастрофическом характере европейского развития; и эпоха, в которую возник марксизм, дала совершенно своеобразную физиономию этому великому пролетарскому учению, наложив печать и на логическую конструкцию новорожденного марксизма. Мы совершенно ясно можем проследить те основные линии, которые, как я выразился здесь, дали революционный заряд марксизму Маркса и Энгельса: в первую очередь, соединение громаднейшей силы абстракции теоретических обобщений с революционной практикой. Мы знаем, что на наиболее высокой ступени теоретической абстракции, в своих тезисах о Фейербахе, Маркс выставил положение, являющееся философской платформой: «Философы до сих пор объясняли мир, а речь идет о том, чтобы этот мир изменить». Само собой понятно, что эта практическая, актуальная струя в марксизме Маркса и Энгельса имела свою социальную подкладку. Затем вся теория Маркса отличалась резко выраженным ниспровергательным характером,— она была глубоко революционна по самому существу своему, начиная от верхних этажей идеологического построения и кончая практически-политическими своими выводами. И в области чисто теоретической, и в области прикладной теории все содержание *этого* марксизма было глубоко революционным. Ведь недаром на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал, вопреки очень многим,— когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами,— Маркс отвечал, вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к *диктатуре пролетариата* [5]. Можно сказать, что та формулировка, которая обычно дается марксизму,— именно, что марксизм — это есть алгебра революции,— эта формулировка была для марксизма эпохи Маркса и Энгельса совершенно правильна. Это была чудесная машина, которая служила великолепнейшим орудием для ниспровержения капиталистического режима во всех своих, повторяю, теоретических звеньях и во всех звеньях своих практически-политических выводов.

2. «МАРКСИЗМ» ЭПИГОНОВ

Вот это была первая фаза в развитии марксизма, его первое, если можно так выразиться, историческое лицо. Но мы отлично знаем, что дальше начинается другая эпоха и другой марксизм. Этот другой марксизм можно было бы назвать марксизмом эпигонов или марксизмом II Интернационала. Само собой разумеется, что переход от этой линии марксизма, от линии марксизма Маркса к марксизму эпигонов не произошел катастрофически. Это был эволюционный процесс, и эта эволюция идеологии рабочего движения имела своей основой, имела своей базой ту эволюцию, которую переживал в первую очередь европейский, а за ним и весь мировой капитализм. В первую очередь, повторяю, европейский. После революций 1848 года наступила относительная устойчивость капиталистического режима и начался цикл органического развития капитализма, который свои наиболее яркие противоречия отодвинул на свою колониальную периферию. В основных узлах растущей крупной промышленности мы имели процесс органического роста производительных сил с относительным процветанием рабочего класса. На этой социально-экономической почве мы имели и соответствующую политическую надстройку — консолидированные национальные государства-«отечества». Буржуазия совершенно прочно сидела в седле. Началась империалистическая политика, которая особенно резко стала проявляться примерно с 80-х годов прошлого столетия; на базе повышения жизненного уровня рабочего класса, выделения и быстрого прогресса *рабочей аристократии наметился прогресс медленного врастания рабочих организаций*, внутренне, идеологически перерождающихся, в *систему общего капиталистического механизма*, который находил свое главное выражение, свое наиболее рациональное выражение, в политической головке капитала, т. е. в государственной власти господствующей буржуазии. Вот этот процесс и послужил фоном, почвой для перерождения господствующей идеологии рабочего движения. Идеология, как известно, отстает от практики. Поэтому есть известная неслаженность между развитием марксизма в идеологической области и развитием марксизма в области чисто практической. Марксизм стал перерождаться в двух своих основных формах. Наиболее яркую формулировку тенденции перерождения дало *ревизионистское течение внутри германской социал-демократии*. Поскольку речь идет о точных теоретических формулировках, мы в других странах не имеем более классического образца, несмотря даже на более решительное перерождение. В силу целого ряда исторических условий, в анализ которых я здесь входить не могу, оппортунистическая практика не получила нигде более яс-

ных и точных формулировок, чем те, которые она получила в «стране философов и поэтов». В Германии ревизионистское течение совершенно ясно уже сигнализировано, и не только сигнализировано, но очень полно выразило отход от того марксизма, который был свойствен Марксу и Энгельсу и всей предыдущей эпохе. Гораздо менее ясен был отход от марксизма другой группировки, которая называлась радикальной или ортодоксально-марксистской, с Каутским во главе[6]. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться в другом месте, и я лично считаю неправильным взгляд, что падение германской социал-демократии и Каутского начинается и датируется с 1914 года. Мне кажется (теперь мы *можем* это утверждать), что уже давным-давно, хотя и не с такой поспешностью, как у ревизионистов, у этой группировки в среде германской социал-демократии, которая долгое время задавала тон всему Интернационалу, мы совершенно ясно можем видеть отход от настоящего ортодоксального, от действительно революционного марксизма, как он был сформулирован Марксом и Энгельсом в предыдущую фазу развития рабочей идеологии.

В начале этого периода имелась известная неслаженность между теорией и практикой. Наиболее далеко идущие идеологи ревизионистского пошиба вырабатывали практику германских соц.-дем., разработав *соответствующую* теорию. Другая часть с.-д. упиралась еще в своих *теоретических* формулировках, не будучи в силах, да и не очень пытаясь, *практически* преодолеть эти вредоносные тенденции. Такую позицию занимала группа Каутского. Но в конце этого периода, когда история поставила ребром целый ряд самых принципиальных и существенных вопросов,— я говорю о начале всемирной войны,— «сразу» оказалось, что и практически и теоретически между этими крыльями нет никакой существенной разницы. По сути дела, эти два крыла — ревизионизм и каутскианство — выражали одну и ту же тенденцию *вырождения марксизма*, тенденцию приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе и которые были свойственны этому циклу европейского развития; они выражали одну и ту же теоретическую струю, которая шла прочь от марксизма в его настоящей и действительно революционной формулировке. С общей точки зрения можно характеризовать эту разницу таким образом, что ревизионистский «марксизм» в его чистом виде — это стало наиболее ясным в последние годы,— что этот ревизионистский «марксизм», или марксизм в кавычках, в его последовательной форме приобрел резко выраженный фаталистический характер по отношению к государственной власти, капиталистическому режиму и пр., тогда как у Каутского и его группы мы имеем такой марксизм, который можно было бы назвать демократически-пацифистским. Эта грань

условна, она стала за последние годы все более и более стираться, эти течения стали идти по одному и тому же руслу, которое все более решительно шло в сторону от марксизма. Суть этого процесса заключается в вышелушивании революционной сущности марксизма, в замене революционной теории марксизма, революционной диалектики, революционного учения относительно краха капитализма, революционного учения относительно развития капитализма, революционного учения о диктатуре и т. д.,— замене всего этого обычным буржуазным *демократически-эволюционным* учением. Можно было бы показать подробно, как этот уклон очень ярко проявился в целом ряде теоретических вопросов. Такой анализ отчасти я давал в речи, посвященной программе Коммунистического Интернационала, на одном из интернациональных конгрессов. Этот ревизионистский уклон встречается, между прочим, и у Плеханова, и у Каутского, в одном из центральных пунктов марксистской теоретической систематики — в теории государственной власти. Наличие такого ревизионизма в *теории государства* делает совершенно ясным, почему и каутскианское крыло заняло буржуазно-пацифистскую позицию во время мировой империалистической войны. Настоящая марксова формулировка в области теории государственной власти всем нам известна. Это учение можно выразить примерно таким образом. Во время социалистической революции происходит разрушение государственного аппарата буржуазии и начинается создание новой диктатуры — «антидемократического» и в то же время *пролетарски*-демократического государства, совершенно своеобразной и специфической формы государственной власти, которая потом начинает отмирать. У Каутского вы в этом пункте не найдете ничего подобного; и у Каутского, как у всех с.-д. марксистов в кавычках, у всех у них этот пункт освещается таким образом, что государственная власть есть нечто такое, что переходит из рук одного класса в руки другого так же, как машина, которая была в руках одного класса, а потом переходит в руки другого класса, *без того*, чтобы этот новый класс разобрал все ее винтики и потом снова их складывал *по-новому*. Из этой же формулировки, в своем роде логичной и последовательной, вытекает оборонческая позиция во время войны. Аргументацию, идущую по этой линии, можно было слышать десятки раз на социал-патриотических собраниях в начале войны, и эта чрезвычайно примитивная аргументация имела, как основа оборончества, немалый успех. Само собою разумеется, что если данное буржуазное государство будет завтра в моих руках, то нечего его разрушать, а, наоборот, его надо защищать, потому что завтра оно будет моим. Задача была поставлена совершенно по-иному, чем у Маркса. Если государство нельзя разрушать, потому что оно будет завтра в моих руках, то нельзя дезорганизовать

армию, потому что это есть составная часть государственного аппарата, нельзя нарушать никакой государственной дисциплины и пр. Все здесь слажено, и само собой понятно, что когда государства были поставлены под удары во взаимной борьбе, то и каутскианизм, и ревизионизм, в полной солидарности со своими теоретическими предпосылками, сделали соответствующий практический вывод.

Повторяю, что неправильно считать, будто бы здесь мы имеем какое-то моментальное, катастрофическое грехопадение. Оно было теоретически вполне обосновано. Мы только не замечали этого внутреннего перерождения и в так называемом «ортодоксальном» крыле, которое с действительной ортодоксальностью имело мало общего. То же самое можно было бы сказать насчет теории крушения капиталистического общества, насчет теории обнищания, насчет колониального и национального вопросов, насчет учения о демократии и диктатуре, насчет тактических учений, вроде учения о массовой борьбе, и т. д. С этой точки зрения я бы рекомендовал всем товарищам прочесть известную классическую брошюру Каутского «Социальная революция», которую мы читали, но теперь прочтем совершенно иными глазами, потому что сейчас в ней не трудно открыть целый Монблан всевозможных извращений марксизма и оппортунистических формулировок, которые совершенно нам ясны. Если эти марксистские «эпигоны» учитывали некоторые новые изменения в области капиталистического строя, в области соотношения между экономикой и политикой, если они под свою теоретическую лупу ставили какие-нибудь новые явления из области текущей жизни, то они эти новые явления всегда, по сути дела, учитывали под одним углом зрения — под углом зрения *врастания рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механизма*.

Появилась, например, новая форма акционерных компаний — сейчас же они ее привлекали для «доказательства» того, что капитал демократизируется. Появлялось на континенте улучшение положения рабочего класса — сейчас же из этого делались выводы, что, быть может, и революция не нужна, а мы мирным путем можем все сделать. Поскольку опирались на Маркса, то сейчас же хватались за целый ряд цитат, за отдельные вырванные из контекста положения и слова. Известно было, что Маркс сказал относительно Англии: «...в Англии, может быть, дело обойдется и без кровопролития». Это живо обобщалось всеми. Известно было, что Энгельс однажды выдавил не особенно хорошие вещи относительно баррикадной борьбы [7]. Из этого сейчас же делались все выводы в кавычках. Таким образом, все явления рассматривались под углом зрения врастания рабочих организаций в общую капиталистическую систему, под углом зрения, который можно

условно назвать точкой зрения гражданского мира. От революционного марксизма отлетала и отлетела в конце концов его революционная сущность; случилось то, что очень часто бывает в истории, когда мы имеем те же слова, ту же номенклатуру, те же фразы, те же ярлычки, ту же символику и, повторяю, имеем совершенно иное социально-политическое содержание. В германской социал-демократии, которая в данном случае являлась образцом, еще сохранилась марксистская фразеология, еще сохранилась марксистская символика, еще сохранилась марксистская словесная шелуха, но не было совершенно марксистского *содержания*, осталась одна словесная оболочка от того учения, которое было выработано в эпоху социальных потрясений середины прошлого столетия. Революционная душа отлетела, и перед нами, по сути дела, было уже учение, которое *соответствует оппортунистической практике* германской социал-демократии, оппортунистических рабочих партий, объективно переродившихся и подкупленных соответствующими национальными буржуазиями. Можно было бы даже нарисовать своеобразную социально-политически-географическую карту степени подлости этих «марксистов». Чем сильнее страна в области мирового рынка, чем могучее были ее позиции, чем более прожорливую и алчную империалистическую политику вела данная страна и данная национальная буржуазия, чем больше и сильнее была рабочая аристократия и чем крепче, чем более толстой цепочкой был привязан рабочий класс данной страны к своей собственной буржуазии, к ее государственной организации,— тем оппортунистичнее и тем подлее были теоретические формулировки, хотя бы они и прикрывались марксистскими ярлычками. Повторяю, мы можем такую карту нарисовать, которая могла бы чрезвычайно хорошо иллюстрировать связь между социально-политическим развитием, с одной стороны, и сферой идеологического развития, в данном случае идеологии рабочего движения, с другой.

Такова была *вторая* полоса в развитии марксизма. Физиономия *этого* марксизма представляется иной, чем лицо марксизма Маркса и Энгельса. Как мы видим, здесь имеется совершенно иное социально-политическое образование, мы имеем совершенно другую идеологию, потому что налицо в значительной мере другая опора для этой идеологии. Этой опорой является рабочий класс наиболее грабительских империалистических государств, в особенности же рабочая аристократия этих могучих империалистических государственных тел. И когда процесс вырождения в области социально-политической получил наиболее классическое выражение, тогда мы стали иметь наиболее классические формулировки, *отходящие по всей линии от ортодоксального марксизма*.

3. МАРКСИЗМ ЛЕНИНА

Я подхожу теперь к вопросу относительно ленинизма. Мне рассказывали, что на одном из знамен Института Красной Профессуры[8] написано: «Марксизм в науке, ленинизм в тактике — таково наше знамя». Мне кажется, что деление в высшей степени неудачно и отнюдь не соответствует «передовому авангарду на идеологическом фронте», как себя называют наши красные профессора, потому что так отрывать теорию от практики борьбы абсолютно нельзя. Если ленинизм как практика — это не то, что марксизм, то тогда происходит тот именно отрыв теории от практики, который особенно вредоносен для такого учреждения, как Институт Красной Профессуры. Ясное дело, что ленинский марксизм представляет из себя своеобразное идеологическое образование по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи.

Он не может быть простым повторением марксизма Маркса потому, что эпоха, в которую мы живем, не есть простое повторение той эпохи, в которую жил Маркс. Между той эпохой и этой есть нечто общее: и та эпоха не была органической эпохой, и наша эпоха в еще меньшей степени является органической эпохой. Марксизм Маркса был продуктом революционного времени. И ленинский марксизм, если можно так выразиться, является продуктом необычайно бурной и необычайно революционной эпохи. Но само собой понятно, что здесь так *много нового* в самом ходе общественного развития, в самом эмпирическом *материале*, который дается как материал для теоретических обобщений, в тех *задачах*, которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции,— так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом.

Необходимо самым решительным образом подчеркнуть, что отнюдь нельзя *противопоставлять* ленинизм марксизму, я отнюдь не хочу противопоставлять одно учение другому. *Одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого.* Но я хотел бы раньше остановиться на тех новых фактах социально-экономической политики, которые являются базой для ленинского марксизма. В самом деле, что нового в этой области мы имеем перед собой, нового в том смысле, что эти явления были недоступны Марксу, потому что их просто не было в то время, в какое жил Маркс? Мы имеем, прежде всего, некоторую *новую фазу в развитии капиталистических отношений.* Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним. Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно

сказать, классическим типом капитализма вообще. Вы отлично знаете, что только при Энгельсе начали складываться такие организации, как синдикаты и тресты. А целую новую стадию капиталистического развития, с большой переорганизацией производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал как монополистический капитализм,— сумму всех явлений, ясное дело, Маркс знать не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их теоретически выразить и обобщить.

Эти новые явления должны быть теоретически схвачены, и, поскольку они теоретически схвачены, они представляют собой *дальнейшее звено* в старой цепи теоретических рассуждений и положений. Все это — явления из области *финансового капитала*, из области империалистической политики этого финансового капитала. Вопрос о создании и сплочении мировых экономических организаций капитала и его государственной организации и целый ряд аналогичных вопросов, вытекающих из специфической структуры капитализма, как он выражен в последние годы XIX и в первые десятилетия XX столетия,— это все есть вопросы, которые не были известны Марксу и которые должны были подвергнуться теоретическому анализу. *Вторая* сумма вопросов — это суть вопросы, связанные *с мировой войной и с распадом* капиталистических отношений. Как бы я сейчас ни оценивал степень и глубину распада капиталистических отношений, какой бы прогноз я ни ставил в этом отношении, как бы я ни оценивал, в частности, теперешнюю экономическую ситуацию в Западной Европе, как бы я ни говорил о глубоком кризисе или крахе, какую бы радикальную формулировку ни привести в ту или другую сторону,— все-таки совершенно ясно, что перед вами налицо такого рода явления, которых не было раньше. Ни государственного капитализма в его специфической формулировке, ни связанных вместе с ним явлений распада и дезорганизации капиталистического механизма с совершенно специфическими явлениями в области социальной, распада по всей линии, начиная от производственного базиса и кончая явлениями из области денежного обращения,— всех этих явлений не было во времена основоположников научного коммунизма. Эти вопросы ставят перед нами ряд интереснейших и новых теоретических проблем, и само собою разумеется, что вместе с этими теоретическими проблемами необходимыми являются и соответствующие практически-политические выводы, которые на них основаны и с ними связаны. Это другой род явлений, очень большой, делающий эпоху в точном смысле слова, явлений, которые не были известны ни Марксу, ни Энгельсу. Наконец, *третий ряд явлений*, которые связаны непосредственно с *рабочими восстаниями* в период краха капиталистических отношений — в период, который получается в результате

громадного столкновения этих чисто капиталистических тел в их войнах, которые суть не что иное, как своеобразная форма их капиталистической конкуренции, специфическая формулировка, неизвестная тому времени и той эпохе, в которую жил и учил сам Маркс и его ближайшие единомышленники и друзья. Сейчас же эти вопросы непосредственно связаны с процессом социалистической революции, они тоже представляют из себя громаднейший социальный феномен, социальное явление совершенно объективного порядка, которое точно так же нужно теоретически изучить, которое имеет своеобразную закономерность, которое ставит перед нами целый ряд теоретических и практически-политических вопросов. Само собою понятно, что во времена Маркса можно было давать лишь самые общие формулировки этого, а теперешний эмпирический материал дает громаднейшее количество всевозможных новых явлений, которые подлежат теоретической обработке. Вот это есть третий род явлений, и связанных с ними вопросов, и связанных с решением этих вопросов практически-политических выводов. Это есть третий род проблем и теоретических и практических, которые не были известны Марксу, потому что они не были известны вообще той эпохе. Наконец, есть еще *четвертый* ряд, который стоит, как глыба совершенно новых постановок вопроса, это — ряд, связанный с эпохой, или *началом эпохи, господствующего рабочего класса*. Как Маркс ставил вопрос? Я напомню марксовскую формулировку, которую я приводил: «Мое учение и его сущность состоит не в том, что речь идет о классовой борьбе, а в том, что оно неминуемо ведет к диктатуре пролетариата» [9]. Вот это была граница. Когда эта диктатура пролетариата является уже фактом, то совершенно естественно, что дальше мы уже выходим за границу. Сущность марксова учения — это есть неизбежная диктатура пролетариата, и только. И здесь остановка *. Иначе не могло быть в ту историческую эпоху, потому что пролетарская диктатура не была дана как реальный факт и сопутствующие ей явления не были даны как материал чисто опытных явлений и наблюдений, которые могли бы быть теоретически обобщены и которые могли бы служить объектом теоретического анализа или практической реакции. Этого не было. Поэтому само собою разумеется, что весь цикл этих громаднейших явлений представляется совершенно новым, ибо мы уже пришли к тому, о чем Маркс сам сказал: для меня это — грань. Теперь мы имеем род явлений, стоящих за этой гранью. Чем более эти явления принципиально новы, тем более они должны являться принципиально новыми и теоретически; тем, следовательно,

* Парижская коммуна была лишь намеком, послужившим для Маркса основой для ряда гениальных предвидений. Но *разработать* вопроса Маркс, конечно, не мог.

оригинальнее должна быть та концепция, которая включает в себя общее рассмотрение и этих явлений, принципиально новых для всех предыдущих эпох. Вот это есть 4-й разрез тех явлений социально-экономических, политических и всякого иного порядка, которые должны служить и объектом теоретического рассмотрения, и теоретически-систематизированных норм поведения со стороны рабочего класса. Я привел здесь 4 ряда. Само собою разумеется, что все они представляют из себя не что иное, как некоторую колоссальную эпоху в развитии не только европейского капитализма, но и вообще всего человеческого общества. Вся эта эпоха, во всей ее сложности и конкретности, представляет из себя такое колоссальнейшее богатство всевозможных проблем, и теоретических и практических, такое богатство, такую огромную махину этих проблем, что совершенно естественно, что тот ученый диалектик и практик, который соединяет разработку теоретических вопросов с практикой на этом эмпирическом материале,— он уже выходит за пределы того, чем был марксизм в его старой формулировке.

Здесь я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология — система методов исследования общественных явлений, или — это определенная сумма идей,— скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и пр. и, *кроме того*, включаем целый ряд *конкретных* положений, т. е. берем марксизм не только как метод или теоретически сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных *приложений* этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась, как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, новая сумма конкретных положений. В этом *условном* смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом.

Так разрешаются, мне кажется, противоречия, которые в значительной мере базируются на смешении терминов, на том, что целый ряд терминов употребляется в различных значениях.

Если теперь мы спросим себя, как мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо этого *ленинского* марксизма, то мне кажется, что его можно рассматривать как соединение, *как синтез троякого порядка. Во-первых*, это есть возврат к марксовой эпохе, но не просто возврат, *а возврат, обогащенный всем новым*, т. е. это — синтез марксизма Маркса со всеми результатами анализа новейших социально-экономических явлений; сюда входит, следовательно, марксистский анализ всего колоссально нового, что дает нам новая эпоха. Это во-первых. *Во-вторых*, это есть соединение и *синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса*, и, *в-третьих*, это есть синтез *разрушительной* и *созидательной* работы рабочего класса, причем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным.

Здесь я позволю себе по поводу этого третьего положения сказать несколько слов в его разъяснение. Ортодоксальный марксизм, т. е. революционный марксизм, т. е. наш марксизм, само собой разумеется, имеет перед собой разные практические задачи в разные исторические эпохи, и соответственно этому идет и логический, идеологический подбор, потому что практические задачи в конечном счете определяют и наши теоретические суждения, и сцепления отдельных теоретических положений и звеньев в некоей системе, в теоретической цепочке. Когда рабочий класс и когда революционная партия занимают положение борющихся за власть, то во всех решительно идеологических работах, всюду и везде, мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все *противоречивые* стороны, мы должны отмечать все основные неслаженности капиталистического общества, мы должны тщательно отмечать, подбирать и перестраивать в теоретическом ряду то, что разъединяет различные элементы этого общества. По той простой причине, что для нас практически важно, выискав щели, вогнать в эти щели наиболее остро и наиболее резко действующий клин. Перед нами задача *разрушительная*, нам нужно опрокинуть капиталистический режим, и поэтому само собой понятно, что в первую очередь подбор всех теоретических положений и звеньев идет именно по этой линии. *Нам теоретически важно отмечать все противоречия*, которые практически важно углублять; нужно от общих теоретических положений идти через промежуточные звенья, через наших агитаторов, дальше, *потому что здесь перед нами основная разрушительная*, ниспровергательная задача. И весь характер всех теоретических сочинений Маркса был построен по этой линии. Когда рабочий класс *становится у власти*, перед ним встает задача *склеивания* различных частей общественного целого под определенной *гегемонией рабочего класса*. Практический интерес пред-

ставляет целый ряд вопросов, которые раньше интереса не представляли, которые теперь должны поэтому быть в гораздо большей степени осмыслены. Мы должны сейчас не разрушать, а *строить. Это совершенно другой аспект*, совершенно другой угол зрения. Я думаю, что каждый из нас, когда он сейчас читает целый ряд вещей или даже делает целый ряд наблюдений над текущей жизнью, скажет, что у него порой получается совершенно иной аспект на те же самые явления, на которые он раньше смотрел другими глазами, по той простой причине, что раньше практически он должен был разрушать какой-нибудь определенный комплекс, а теперь он должен его построить, так или иначе склеить. Вот почему мне кажется, что эта струя находит себе соответствующее теоретическое отражение и теоретическое выражение в целом ряде вопросов, относящихся к этому порядку проблем. Они не ставились раньше, в эпоху первой формулировки марксова учения — формулировки, которую давал сам Маркс. В эпоху II Интернационала они ставились под углом зрения *врастания в буржуазное государство*, и, так как они ставились под углом зрения врастания в буржуазное государство, т. е. поскольку социал-демократические оппортунистические партии ставили своей задачей мирное культурное строительство не для опрокидывания капиталистического режима, а для приспособления и молекулярно-эволюционной переделки этого капиталистического режима, ясное дело, что эти зачатки теории «строительства» встречали враждебное отношение у нас, марксистов-революционеров. Ибо все это обобщалось с точки зрения врастания в капиталистическое государство, врастания организаций в механизм капиталистического аппарата, который мы ставили своей целью разрушить. Но диалектика истории такова, что когда мы стали у власти, то, как это совершенно понятно для нас, стал необходим другой аспект, как практический, так и теоретический. Ведь нам надо, с одной стороны, разрушить, а с другой — *построить*. Мы должны были поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали *синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов в некотором едином целом*. Вот с этой точки зрения, поскольку дело идет о теоретических обобщениях, В. И. этот синтез дал. Здесь чрезвычайно для нас трудно сформулировать общие основные положения из этой области, потому что здесь опять-таки мы имеем перед собой целый ряд отдельных замечаний, разбросанных по всем решительно томам Сочинений В. И., и особенно в его речах и пр., но совершенно ясно, что *это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм как теоретическая система в дальнейшем развитии марксизма*. Конечно, было очень много сделано в области теоретического подбора по разрушительной линии, но в области созидательной

было очень мало точек опоры в прежних формулировках Маркса. Здесь также нужно было строить заново, и поэтому мне кажется, что самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма тов. Ленин, можно формулировать таким образом: у Маркса была главным образом *алгебра* капиталистического развития и революционной практики, а у Ленина есть и эта алгебра, и алгебра *новых* явлений (разрушительного и положительного порядка) и их арифметика, т. е. расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под еще более практическим углом зрения.

4. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА У ЛЕНИНА

После этих общих замечаний я хотел бы остановить ваше внимание на целом ряде некоторых черт и черточек и теоретического и практического порядка, которые будут иллюстрировать вышеизложенные положения. Мне кажется, что то обстоятельство, что Ленину приходилось свои теоретические положения формулировать разбросанно,— это обстоятельство связано, конечно, с ярко выраженным *преобладанием практики* во всей деятельности Владимира Ильича, что, в свою очередь, связано с нашей эпохой, которая, по существу, есть эпоха действия. Действовать можно хорошо тогда, когда теория представляет в ваших руках некоторый инструмент, некоторое орудие, которым вы в совершенстве владеете, и когда теоретическая система, теоретическая доктрина не представляет из себя того, что тяготеет над вами и что вами владеет. В одной из речей — не помню в какой — я выразил это таким образом, что Владимир Ильич владел марксизмом, а не марксизм владел Владимиром Ильичем. Этим я хотел сказать, что одна из самых характерных черт у Владимира Ильича, одна из самых любопытных черт заключалась в *осознании практического смысла каждого теоретического построения и любого теоретического положения*. Очень часто мы между собой иногда даже подтрунивали над слишком практическим отношением Владимира Ильича к целому ряду теоретических вопросов; но, товарищи, теперь, когда мы уже много лет варились в революционном котле и когда мы очень многое успели увидеть и испытать, мне кажется, что это наше подтрунивание целиком должно быть обращено против нас самих. Ибо в нем ведь сказалось не что иное, как специфически интеллигентская узость, привычка «книжников», ограниченность узких специалистов: журналистов, литераторов или людей более или менее занимающихся теорией, как своей собственной профессией. Точно так же, как Владимир Ильич не любил всяких словесных выкрутасов и ученостей специфических,— что иногда нам тоже не

совсем нравилось, а он над нами издевался,— точно так же он терпеть не мог ничего лишнего и чисто практически относился к теоретическим концепциям и доктринам. Имеют ли они какой-нибудь иной смысл, кроме практического? С точки зрения марксизма ясно, что никакого другого смысла они не имеют. Но в силу того, что мы были до известной степени специалистами, это претило нашей душе, и в этом отношении Владимир Ильич уходил в будущее в гораздо большей степени, чем все мы, грешные, потому что для него было органически противно то, что для нас имело ведь еще притягательную силу. И вот, мне кажется, что это осознание, совершенно продуманное осознание служебной роли всяческих теоретических построений, как бы высоки они ни были, есть необычайно ценная и положительная черта ленинского марксизма.

С этим связана другая любопытная черта, которую без первой никогда нельзя было бы понять, это — черта, которую можно было бы назвать *дефетишизированием*, срыванием всяческой фетишистской оболочки с какого угодно положения, догмата и т. д. Мы очень часто поражались вначале, с какой необычайной смелостью Владимир Ильич ставил некоторые теоретические или практические проблемы. Вспомните такие этапы, как Брестский мир, когда Владимир Ильич ставил вопрос о том, что можно у любой иностранной державы брать оружие против другой; это возмущало нашу интернациональную совесть до глубины души, причем наш «интернационализм» покоился на теоретическом непонимании того, насколько изменилась вся конфигурация, когда мы взяли власть. Вспомните лозунг: «учитесь торговать!» [10], который мозолил глаза многим и хорошим революционерам, который тоже имел теоретическую основу и был связан с целым рядом теоретических положений. На такую теоретическую смелость, прочно связанную с практикой, мог быть способен только такой человек, идеолог, теоретик и практик, который сам владел необычайно острым оружием марксизма, но в то же время никогда не понимал марксизма как застывшую догму, а как метод, как инструмент ориентации в определенной среде; — человек, который отлично понимал, что всякое новое внешнее соотношение обязательно должно иметь за собой иную реакцию поведения со стороны рабочей партии и со стороны рабочего класса. В самом деле, посмотрите, как формулировал Владимир Ильич это положение в общей форме. Я никоим образом не хотел бы утруждать вас цитатами и не принес с собой никаких выписок, и не работал даже над ними; но я вспоминаю целый ряд моментов и формулировок, которые давал Владимир Ильич. Одно из его самых общих тактических положений относительно ошибок гласит: *«Очень большое количество ошибок заключается в том, что лозунги, мероприятия, которые были совершенно правильными в определенную истори-*

ческую полосу и при определенном положении вещей, механически переносятся на иную историческую обстановку, на иное соотношение сил, на другое положение вещей» [11]. Это одна из общих тактических формулировок. Рассмотрим идеологию наших противников.— Возьмем, напр., такой вопрос, как вопрос о демократии. И мы все были в определенный период «демократами», все мы требовали демократической республики и Учредительного собрания за несколько месяцев до того, как мы его разгоняли. Естественно. Но тем не менее только те могли перейти к другой ориентации, кто понимал *относительную* общественную роль этих лозунгов, кто понимал, что при капиталистическом режиме мы не можем выставить по отношению к *капиталистам* требования: «закройте ваши капиталистические организации и дайте свободу нашим рабочим организациям!»; кто давал себе ясный отчет в том, что свобода для *наших*, рабочих, организаций неизбежно должна была принимать формулировку: «свобода для всех» — и что когда мы переходим в иную историческую полосу и ситуацию, то мы должны отказаться от этой формулировки. Кто не осмыслил этого, кто *фетишизировал* старое, тот не поспел за ходом вещей и стал по другую сторону баррикады. Это — один из маленьких примеров, но их число велико до бесконечности. Владимир Ильич в этом отличался совершенно изумительной смелостью.

Возьмем другой вопрос в его общей формулировке. Я говорил здесь относительно необходимого угла зрения эволюционности, *после* того как мы произвели революцию. Возьмите такие лозунги Владимира Ильича, как: «учитесь торговать», или: «один спец лучше стольких-то и стольких-то коммунистов» [12]. Теперь нам ясен практический смысл этих лозунгов. Они были совершенно правильны, но для того чтобы эти вещи говорить, необходимо было строгое теоретическое продумывание вопроса. Вопрос о коммунистическом кадре, о невозможности на первых порах строить иначе, чем чужими руками; вопрос о капиталистических формах и социалистическом содержании и т. д. должны были быть решены в теории предварительно, т. е. до практического выбрасывания лозунгов. Если раньше для всякого революционера слово «торгаш», «торговля», «банк» и пр. звучали как самые оскорбительные слова, то для того чтобы перейти к лозунгу «учитесь торговать», нужна была глубочайшая уверенность в правильности целого ряда совершенно новых теоретических положений крупнейшего принципиального значения. То, что *только сейчас* для нас представляется само собой разумеющейся вещью, то ведь у Ленина было теоретически продумано до самых мелочей. Ведь это только вульгарному поверхностному сознанию наших противников кажется, что В. И. был человеком, вырубленным топором, чем-то вроде статуэтки эпохи каменного века. На самом деле это — абсолютная неправда. Если тов. Ленин бросал какие-нибудь упрощенные лозунги, вроде «грабь награбленное», что звучало необычайно ужасно и варварски для всех наших «цивилизованных» противников, то ведь они были на самом деле результатом проникновенного теоретического анализа того, какой сейчас нужно лозунг бросить, какова массовая психология сейчас, что масса поймет и чего не поймет. Ленин всегда ставил вопрос, *как* можно получить смычку с максимумом народа, с максимумом людей, которые могут сыграть роль известных энергетических величин, брошенных против классового врага. Это требовало очень сложного теоретического «обмозговывания». Когда Ленин говорил: «Нужно учиться торговать!», это звучало очень парадоксально. А теперь это кажется нам само собой разумеющимся. Каждый серьезный шаг В. И. в области теоретической и в области практической был своего рода постановкой колумбова яйца. Когда яйцо было Колумбом поставлено, тогда ясно стало, что оно могло быть поставлено только так. «Простой» лозунг «учитесь торговать!» опирается на целый ряд предварительных решений сложнейших теоретических вопросов: вопроса о соотношении города и деревни, вопроса о роли процесса обращения вообще, вопроса о роли торгового аппарата в этом процессе обращения и т. д. Это был не взятый с потолка лозунг, это была просто лозунговая практическая формулировка целой цепи теоретических положений, которые были продуманы звено за звеном. Только тогда, когда вы начнете читать один том за другим и подбирать по определенным направлениям мысли В. И., только тогда перед вами вырисовывается вся картина того идеологического пути, по которому шел В. И., разрабатывая эти вопросы. Все эти большие повороты, которые так удачно Ленин делал как стратег, он мог делать только потому, что он был крупнейшим теоретиком, который совершенно ясно мог анализировать данное сочетание классовых сил, учитывать их, делать теоретические обобщения, из этих теоретических обобщений делать соответствующие практически-политические выводы. В основе основ здесь лежало мастерское владение марксистским оружием, которое никогда не застывало как нечто неподвижное, а которое было действительно могучим инструментом, поворачивающимся в руках тов. Ленина то в ту, то в другую сторону, как этого требовала *практическая действительность*. Это был такой марксизм, для которого, вульгарно выражаясь, нет ничего святого, ничего, кроме интересов социальной революции. Это есть такой идеологический инструмент, который не знает никаких фетишей и который отлично понимает значение любой теоретической доктрины, любого выступления, любого отдельного теоретического положения, который не знает абсолютно ничего застывшего. Как подходил В. И. к идеологическим вопросам? Когда у нас

в партии или за пределами партии возникали какие-нибудь теоретические уклоны от марксизма, он сразу подходил к ним с определенной *практической* меркой, потому что отлично увязывал теорию и практику и отлично расшифровывал всякую словесную оболочку. Я сказал выше, что если у Маркса была алгебра капиталистического развития и алгебра революции, то у Ленина была и алгебра нового периода, и, повторяю, арифметика его. Приведу один пример, на котором мне придется потом еще остановиться в другом логическом контексте. Анализ Марксова «Капитала» ведется таким образом, что из этого анализа в значительной мере удаляется *крестьянство*, потому что это не есть специфический класс капиталистического общества. Это есть самая высокая алгебра. Ясное дело, что для арифметического действия тут нужны другие вещи. И вот то, что отличает Ленина, это есть соединение алгебры на самой высокой ступени обобщений, которая в математике соответствует общей теории чисел или теории многообразия, и, с другой стороны, арифметики, т. е. арифметического расшифрования алгебраических формул; соединение большого и малого: заботы (в области практической) об электрификации огромной страны и заботы о сбережении какого-нибудь маленького гвоздика; и, с другой стороны, в области теоретической — занятие крупнейшими теоретическими проблемами, начиная от философских проблем, и в то же время выслеживание, выуживание каждой теоретически неправильно сформулированной мелочи, которая может быть опасна при дальнейшем развитии. Вот это *умение видеть эпоху и видеть каждую малейшую деталь*, анализировать, рассматривать такие вопросы, как вопрос о «вещи в себе», и в то же время понимать теоретическое значение отдельной формулировки в какой-нибудь резолюции (вы помните все, что Ленин писал целый ряд страниц о том, «как не надо писать резолюций», в своей брошюре о двух тактиках) [13] — вот эта несравненная способность видеть все в таких разрезах, когда самое большое и великое и самое мелкое, малейшие детали устанавливаются на шахматной доске политической стратегии и теории как раз в тех местах, где они должны быть установлены с точки зрения интересов рабочего класса и с точки зрения практического политического действия,— вот эта способность нашла свое выражение в замечательном *синтезе, объединяющем теорию и практику*.

5. ИМПЕРИАЛИЗМ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС, КОЛОНИИ

Теперь остановимся на некоторых проблемах, которые имеют значение с точки зрения, главным образом, *того нового*, что В. И. сюда внес. Один из крупнейших

вопросов — это вопрос об *империализме*. Вопрос об империализме сформулирован у В. И. в его известной работе, пересказом которой и изложением краткого содержания которой здесь заниматься совершенно не надо. Но, товарищи, я обращаю ваше внимание вот на что. Вы не можете назвать из области теоретических работ, касающихся империализма, ни одной такой работы, которая была бы так *актуальна*, как работа В. И., потому что там буквально всякое теоретическое положение и цифровые иллюстрации этих теоретических положений связаны с теми практически-политическими выводами, которые из них В. И. делает.

Перед нами простой анализ, теоретический анализ определенной эпохи: этот анализ взят под таким углом зрения, что совершенно ясно, сразу намечаются те пути, по которым рабочий класс должен идти в связи с развитием господствующего класса, в связи с развитием империализма. К этому общему вопросу непосредственно примыкает вопрос, не получивший своего разрешения в какой-нибудь теоретической книжке. Это *вопрос национальный и вопрос колоний*, колониальный вопрос. Нужно заметить, что здесь, мне кажется, Владимир Ильич произвел теоретически громаднейшую работу. Повторяю, у нас нет такой книжки, где все было бы сведено и систематизировано. Но мы имеем в целом ряде сочинений В. И. совершенно правильную постановку проблемы, и национальной и колониальной, постановку, которая подтверждена целиком нашей практикой. Здесь, действительно, Владимир Ильич создал *целую школу*. Суть дела заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установление целого ряда промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упоминал: в «Капитале» имеется анализ трех классов. Там не наша действительность, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновения различных капиталистических тел, проблемы государства, поскольку оно находится в руках нашего врага, вопрос о роли государства в экономической жизни страны, т. е. ряд вопросов более конкретного порядка в «Капитале» не анализируется. Для того чтобы привести эту теоретическую систему к практическому действию, в особенности в нашу эпоху, нужно было образование целого ряда промежуточных логических звеньев, которые *сами собой представляют очень крупные теоретические вопросы*. Кто работал над вопросами колониальной политики в эпоху оппортунизма, почти все, за очень немногими исключениями, принадлежали к наиболее ярым ревизионистам, больше всего занимались апологией капиталистического культуртрегерства в колониях. У Маркса был целый ряд отдельных заме-

чаний и целый ряд общих соображений, но поставить вопрос во всей его широте Маркс не мог, потому что тогда проблема не была еще дана с той остротой, которая была ей придана потом. Эпигоны же не могли по самой сути дела этого сделать, потому что это было святая святых буржуазной политики того времени, и прикоснуться какому-нибудь неосторожному пальцу к этой проблеме было нельзя. На авансцену выступали господа Гильдебрандты [14], люди такого типа, которые развивали всякие «марксистские» теории по отношению к колониям для того, чтобы *оправдать* политику капиталистического государства. И в этом отношении школа Ленина, которая действительно создалась, произвела полный переворот. Практическое ее значение теперь совершенно ясно. Правда, в начальной стадии своего развития это ленинское учение в национальном и колониальном вопросе не всегда и не всеми было осознано, но теперь его смысл выступает совершенно отчетливо. Перед нами — эпоха мировых войн и государства, находящиеся в периоде распада, которые нужно, по ницшеанскому правилу, «подтолкнуть». Для того чтобы их подтолкнуть, нужно поддержать все элементы распада этих тел, сепаратизм колониального, национального движения, т. е. все те разрушительные силы, которые объективно ослабляют мощь того железного государственного обруча, того государства, которое представляет из себя наиболее могущественную и рациональную организацию буржуазии. Отсюда, из этой практической постановки вопроса, вытекали как своеобразные теоретические задания, так и практические лозунги (право на отделение и т. д.). Сюда относится тот прогноз, что в ближайшую эпоху мы будем иметь целый ряд промежуточных революций, колониальных восстаний, национальных войн, борьбы за свободу угнетенных наций против великодержавия и пр. Все эти прогнозы, которые соответствуют ряду промежуточных ступеней в общем процессе распада капиталистических отношений,— все они, само собой разумеется, предполагают сложную теоретическую работу мысли, проделанную Владимиром Ильичем. Я советую прочесть интересующимся этой стороною дела полемическую статью Владимира Ильича [15] против Розы Люксембург [16], написанную во время войны. И можно удивляться, каким образом тончайшие переходные моменты, которые громаднейшее большинство из нас, если не все мы, увидело позже, когда это стало фактом, были теоретически преподнесены Владимиром Ильичем. Почему? Потому, что он был ловким тактиком и стратегом? Откуда это? Потому, что он опирался на огромное теоретическое предвидение, которое, в свою очередь, было результатом необычайно продуманного анализа существующих капиталистических отношений *во всей их сложности и конкретности*. Точно так же для другого периода развития, когда рабочий класс уже имеет

в своих руках власть, необходимо было сделать все возможное для понимания всех тех явлений, которые выражают собой продукт распада старых великодержавных империалистических отношений, историческую силу их инерции, явлений, которые должны быть теоретически учитываемыми, для того чтобы быть уничтоженными практически. Все это суть вопросы, которые были совершенно не разработаны. Решения этих вопросов разбросаны в целом ряде статей Владимира Ильича так, что мы теперь имеем полную возможность до конца понять его идеи и делать из этих идей таран против буржуазно-капиталистического общества, с одной стороны; а с другой стороны, строить, пользуясь рычагом пролетарской власти, на других принципах, новые политические образования, из которых самым крупным является наш Советский Союз. Итак, мы имеем здесь соединение теории с практикой на основе новых явлений, которые являются как продуктом распада, с одной стороны, так и продуктом нового строительства, с другой стороны. И все это подытожено и увязано в одну теоретическую систему. Это — вещь абсолютно не маленькая; она послужит нам в дальнейшем, в течение ряда ближайших десятилетий, одним из важнейших теоретических и практических орудий. Если мы только вспомним, какую роль в общем процессе распада теперешних капиталистических отношений будут играть и колониальные восстания, и национальные войны; если мы мысленно продолжим процесс революции на другие континенты, перенеся его из Западной Европы, то мы представим себе, какое могущественное орудие дает теоретическая система Владимира Ильича в этом вопросе, какую огромную силу, какие великолепные методы мобилизации масс представляет собой то учение, которое разработано Владимиром Ильичем в области национального и колониального вопросов.

6. ГОСУДАРСТВО. ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИКТАТУРА. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Я думаю, что следующим теоретическим вопросом, на котором мы должны остановить наше внимание, является вопрос относительно *государства в период социалистической революции*. Здесь, само собой разумеется, принципиально нового в концепции тов. Ленина не было, но его громаднейшая заслуга заключается в том, что он, с одной стороны, восстановил подлинное учение Маркса относительно государства и его роли в период социалистической революции,— я имею в виду теорию разрушения государственной власти и объективной исторической необходимости распада государственных связок,— а с другой стороны, дал конкретизацию вопроса, или, можно

сказать, арифметическую расшифровку вопроса о пролетарской диктатуре, то есть *учение о Советской власти как о форме рабочей диктатуры*. Сейчас уже для нас эта сторона дела представляется настолько ясной, что как будто бы об этом не нужно говорить ни одного лишнего слова. Она для нас представляется трижды ясной, потому что мы сами, своими собственными руками, государство построили на новой классовой основе и по другим принципам строительства; но нам нужно вспомнить прошлое, взять само собой разумеющееся, что сейчас так ясно для нас, в общем историческом контексте, в действительном историческом развитии. Если мы возьмем старую «марксистскую» литературу по этим вопросам, мы здесь увидим совершенно беспросветное искажение марксова учения. Не только ни одной новой мысли, которая могла бы быть названа дальнейшим развитием марксистской теории государственной власти, или марксистской теории права, или вопроса относительно изменений этих категорий в переходный период, но о самом процессе социалистической революции, о положении вещей после социалистической революции здесь ни одного слова мы не нашли бы. Восстановить точное подлинное учение Маркса, конкретизировать это самое учение, то есть дать конкретную оболочку учению о рабочей диктатуре, это была *узловая* задача рабочей идеологии, потому что, само собой понятно, вопрос об отношении к государственной власти являлся и является сейчас *центральным вопросом, является вопросом всех вопросов*. Отношение к враждебному нам классу, революционное отношение к его совокупной силе есть в первую очередь и в первую голову отношение к самой могущественной, наиболее централизованной и наиболее рационально построенной организации этого господствующего класса, каковой является его государственная власть. С другой стороны, всякому совершенно ясно, что основным рычагом для переустройства общества на иных, новых началах, динамической силой, переустраивающей существующие производственные отношения, является новая государственная власть, выдвинутая и организованная победоносным рабочим классом. Тут имеется целый ряд вопросов подсобного характера, и теоретических и практических. Сумма их в общем и целом дана в известной книжке В. И. «Государство и революция». Но это развитое Вл. Ильичем учение не есть просто возврат к той точке зрения, которую развивал сам Маркс. Это есть *синтез старой марксовой, ортодоксальной точки зрения с теоретическим обобщением целого ряда новых фактов и с предвидением того, чего еще не мог предвидеть Маркс*, когда он жил и писал свои работы. Этот вопрос, как я уже говорил, является узловым вопросом революционного рабочего движения, является центральным вопросом современности, и недооценивать этой теоретической работы В. И.

ни в коем случае нельзя. Одновременно с этим был поставлен и решен вопрос о демократии, который эпигонами марксизма, марксистами социал-демократического пошиба и II Интернационала, был совершенно фетишизирован, превращен в слепую догму, совершенно оторван от своей исторической базы и поэтому приводил к абсолютно неправильным, исторически реакционным, практически-политическим выводам. Советская власть сейчас есть уже «явление», которое признается de jure нашими наиболее крупными ожесточенными противниками из буржуазного лагеря. Теоретическое и практическое значение этой идеи, этого учения о Советской власти, поистине громадно. Если мы возьмем лозунги, бесчисленное количество лозунгов, которые циркулируют сейчас во всех частях света, то, несомненно, одним из самых популярных лозунгов, то есть таких, которые охватывают, влекут за собой и организуют наибольшее количество народа, рабочего класса, является *лозунг Советской власти*. Вы вспомните то время, когда В. И. впервые приехал к нам в Россию после долгих лет эмиграции, вспомните, какая встреча была оказана известным Апрельским тезисам В. И., когда часть нашей собственной партии, и притом не малая часть нашей собственной партии, увидела в этом чуть ли не измену обычной марксистской идеологии! Ясное дело, что здесь ничего противоречащего марксизму не было. Наоборот, для нас теперь вполне очевидно, что это было развитие марксистского учения, ортодоксального марксистского учения о диктатуре пролетариата. Жизнь убедительно доказала, что Советская власть есть наиболее устойчивая форма существования рабочей диктатуры, которая имеет целый ряд громаднейших практических преимуществ для победоносного рабочего класса. Но в то же время, если мы сравним это всеобщее признание с той встречей, которая была оказана первоначально формулировке В. И. даже в наших собственных партийных рядах, не говоря о рядах наших противников, то мы поймем, какое громаднейшее практическое и теоретическое слово было сказано здесь тов. Лениным. Часто так бывает при бешеном темпе жизни, что очень многое новое становится само собой разумеющимся. Но когда мы производим историческую оценку этого нового, нам нужно позабыть, что мы к этому привыкли; надо вспомнить, что было до сегодняшнего дня, как была встречена эта теоретическая концепция и как были встречены ее практические выводы, которые из нее проистекали. Повторяю, они не только не были встречены признанием, наоборот, они вызвали ожесточенные нападки. *Теперь* они пользуются всеобщим признанием, и это является показателем того, что и с точки зрения теоретического продумывания вопросов пролетарской диктатуры, теории государственной власти, норм этой государственной власти и с точки зрения практической здесь, действительно,

было сделано нечто грандиозное. Имейте в виду, что это не есть только практический вопрос, хотя я и говорил, что единственно решающим для нас, в конце концов, является практика. Это есть и огромный теоретический вопрос, потому что учение о формах господства классов и для буржуазии вопрос и теоретический и практический; вопрос о формах ее господства представляет выдающийся интерес, точно так же, как и для рабочего класса; только для рабочего класса во много и много раз больший интерес и бóльшие трудности, потому что различные вариации государственной власти буржуазии имеют некоторую историческую преемственность, пролетариат же этой власти никогда еще не имел. Буржуазные государства сложились давным-давно. Различные изменения в их структуре, переорганизация государственных аппаратов — опираются на громаднейшую, длиннейшую традицию, когда устанавливались формы государственного режима, приобретался громаднейший опыт и т. д. Рабочему же классу приходится строить наново, без предварительной проверки. Он не имеет непрерывных форм этого государственного бытия. Ему приходится здесь проделывать принципиально новую работу. То обстоятельство, что была найдена конкретная форма диктатуры пролетариата, которая оказалась жизненной, оказалась великолепной по своей устойчивости и обнаружила способность к сопротивлению всем враждебным влияниям и наскокам, все это говорит за громадность той теоретической и практической заслуги, которую мы должны вменить Ленину, поскольку он является теоретиком рабочего государства, его активным практическим строителем, его руководителем и его неустанным апостолом в среде международного пролетариата.

7. РАБОЧИЙ КЛАСС И КРЕСТЬЯНСТВО

Наконец, дальше стоит вопрос о *рабочем классе и крестьянстве*. Этот вопрос в нашей практической политике играет роль, о которой не нужно распространяться. Но чем быстрее мы идем вперед в развитии революции в других странах, тем больше мы видим, что этот вопрос имеет не только русское значение, что этот вопрос имеет громаднейшее значение для целого ряда других стран; можно сказать, что страны, в которых этот вопрос не имеет большого значения, составляют исключение, можно по пальцам пересчитать те страны, где бы крестьянский вопрос, в его сочетании с вопросом о революции, не играл самой выдающейся роли. Конечно, основы для решения этого вопроса были заложены в общемарксистской теории. Само собой разумеется, что методология для решения этого вопроса имеется в общемарксистских построениях. Мы знаем

формулу Маркса по отношению к Германии, где он говорит о желательном счастливом сочетании сил с точки зрения победоносной рабочей революции, когда пролетарская революция совпала бы с крестьянской войной. Маркс предвидел события, наиболее благоприятные с точки зрения развития победоносной рабочей революции. Но *специальная разработка этой проблемы*, которая с точки зрения стратегии и тактики классовой борьбы является первостепенной проблемой,— эта разработка принадлежит Владимиру Ильичу. Конечно, многое здесь объясняется тем, что В. И. родился, рос и действовал в первую очередь в такой стране, где, уже в силу социально-экономического строения, крестьянский вопрос не мог не обратить на себя громаднейшего внимания. Но имейте в виду, что здесь речь шла не о поверхностном признании его важности, а о действительной, чрезвычайно глубокой разработке этого вопроса, начиная от самых основных глубинных теоретических вопросов, кончая практически-политическими выводами. Владимир Ильич был, мне кажется, самым выдающимся *аграрным теоретиком*, который есть в среде марксистов. Аграрный вопрос в Сочинениях В. И. представляет из себя вопрос, которому были посвящены лучшие страницы в писаниях и работах В. И. С самого начала своей сознательной деятельности, как экономист и статистик, В. И. стал заниматься аграрным вопросом, и здесь ряд проблем самого абстрактного порядка, как вопрос об «убывающем плодородии почвы», об абсолютной ренте и т. д. и т. п., и вопросов практического характера, которые идут все по линии соотношения между рабочим классом и крестьянством,— ряд этих вопросов был самым детальнейшим образом проработан и разработан В. И. Мне кажется, никем не было сделано так много и так существенно много важного, как В. И., в этой области, в области аграрного вопроса. Опять-таки если бы перед нами была другая эпоха и если бы перед нами речь шла только о самой высокой ступени абстракции, то можно было бы ограничиться и анализом абстрактного капиталистического общества, где какой-нибудь остаток феодальных отношений, как крестьянство, не играет существенной роли и может быть выброшен из анализа. Но как только речь идет о том, чтобы начать расшифровывать алгебраические формулы и превращать их в формулы арифметические или в формулы некоторой категории, которые можно мысленно представить как занимающие некоторое промежуточное положение между алгеброй и арифметикой,— то сейчас же вы упретесь в этот вопрос: осознание того, что рабочий класс должен в период социалистической революции иметь на своей стороне какого-нибудь союзника, который представляет из себя большую народную массу,— осознание этой проблемы привело к анализу аграрного вопроса. И учение Влади-

мира Ильича о союзе рабочего класса и крестьянства, о соотношении между этими классами — это есть один из краеугольных камней того специфического, что внес Владимир Ильич в общемарксистское учение. Притом здесь очень интересно отметить тот факт, что это учение выработалось в борьбе на двух фронтах: с одной стороны, в бешеной борьбе против народничества, с другой стороны, в такой же бешеной борьбе против специфически либерального, если так можно выразиться, «марксизма». На двух фронтах боролся и теоретически и практически Владимир Ильич, и эта борьба на двух фронтах с политической точки зрения, с точки зрения революционной практики, находит себе совершенно достаточное и понятное объяснение, потому что здесь решался вопрос о союзнике рабочего класса; для рабочего класса, в целях победоносного развития социалистической революции, этот вопрос был связан с другим коренным вопросом, с другой коренной проблемой, которая должна быть и теоретически и практически осознана,— с вопросом о *гегемонии пролетариата*. Нужно было прощупать теоретически такое положение, которое дало бы возможность высвободить крестьянство из-под влияния либералов и всяческой иной буржуазии и соединить его с рабочим классом; крупнейшим практическим вопросом, который разделял нас с меньшевиками и эсерами, был следующий вопрос: рабочий класс с либеральной буржуазией, или рабочий класс с крестьянством, или крестьянство как величина, стоящая *над* всеми. Народническая радикальная группа ставила в первый ряд крестьянство. Либеральное народничество стояло за смычку с либеральной буржуазией, которая должна была быть гегемоном над крестьянством. Меньшевистская формулировка стояла за поддержку рабочим классом либеральной буржуазии.

Из всех этих комбинаций единственно правильной была комбинация из рабочего класса и крестьянства, но такая, где *рабочий класс ведет за собой крестьянство*. Это был практический фон для целого ряда теоретических проблем. Под этим углом зрения В. И. рассматривал и ставил все проблемы, которые объединялись под общим названием «аграрный вопрос» в его целокупности, в его большом историческом масштабе, во всех своих деталях и производных, вытекающих отсюда вопросах. В этом отношении мы тоже должны сказать, что этому вопросу предстоит еще играть колоссальную роль в будущем, потому что если он с одного бока связан с вопросом о гегемонии пролетариата, то с другого бока он связан с национальными и колониальными вопросами. Если мы приподнимемся над теперешней нашей планетой и посмотрим на всю расстановку сил в международном масштабе, на всю Европу в целом, на промышленные части Америки, если сравним всю Западную Европу в целом со всеми

колониями, с Китаем, Индией, с остальной колониальной периферией, то станет понятным, что национально-революционное движение и колониальное движение, сочетание этих движений, есть другая формулировка вопроса о соотношении рабочего класса, с одной стороны, и крестьянства — с другой. Ибо если Западная Европа в общих рамках мирового хозяйства представляет из себя великий город, собирательный город, то колониальная периферия капиталистических стран представляет из себя великую деревню. И поскольку на историческую арену выступает индустриальный пролетариат промышленных стран, поскольку он объединяет свои силы для нападения на капиталистический режим, постольку он вводит в бой миллионы крестьян и будет вводить еще резервы из сотен миллионов колониальных рабов, поскольку эти миллионы колониальных рабов есть не что иное, как великий крестьянский арьергард нашей международной революции. Поэтому проблема об отношении рабочего класса к крестьянству подводится здесь к другой проблеме, о которой я уже упомянул, к вопросу о нациях, о национальных войнах и колониальных восстаниях.

Таким образом, товарищи, этому вопросу предстоит сыграть еще колоссальнейшую роль. Первые основные слова здесь были сказаны тоже Ленинской школой. Основы вопроса, краеугольные камни теоретической концепции и практической линии, которые здесь намечаются, несомненно, даны В. И. О гегемонии пролетариата и о руководящей роли рабочего класса, я полагаю, говорить здесь излишне, потому что это есть теоретический пункт, который всем нам известен и который не нуждается ни в каких комментариях.

Таковы в общем и целом теоретические вопросы с их практическими выводами, которые были поставлены и разработаны В. И. и из которых были сделаны общие тактические выводы. Общее здание уже построено, нам нужно его доделать, нам нужно его детально разработать, учитывая, конечно, те новые факты, то оригинальное, что принесет нам развитие последующих лет.

8. СТОЯЩИЕ ПЕРЕД НАМИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ставя вопрос очень общо, мы найдем примерно около пяти основных теоретических проблем, которые наметил В. И. и которые нам необходимо разработать. Это, во-первых, учение, или намечающееся учение, о *врастании в социализм после победоносной рабочей революции*. Вообще говоря, этот термин «врастание в социализм» является для нас термином в высокой степени ненавистным. Он был ненавистен,

вершенно нового порядка, которых мы раньше не ставили, потому что раньше наша социальная позиция была позицией разрушителей. Мы были самыми решительными, смелыми и последовательными разрушителями данной системы, а теперь мы являемся самыми последовательными строителями другой системы. Аспект — другой, сумма практических и теоретических вопросов — другая. Ясно, что тут никакого разрыва со старой марксистской традицией нет, потому что речь идет о продолжении и применении марксистского метода в совершенно новых условиях, которые в своей конкретности не были известны ни Марксу, ни Энгельсу, по той причине, что не было эмпирических данных, которые позволяли бы делать те или иные обобщения.

В связи с этим, мне кажется, приобретает очень крупное значение вопрос, который должен быть поставлен и разработан с теоретической точки зрения, а именно вопрос о *культурной проблеме* в переходный период. Я думаю, что это проблема, замечания о которой рассеяны у Владимира Ильича в целом ряде работ: сюда нужно привлечь и речь его на съезде молодежи, и работы по вопросу относительно роли специалистов и использования их, и речь Владимира Ильича относительно коммунистического просвещения, и его высказывания по поводу соотношения между пролетарской культурой и старой культурой, и его суждения об определенной преемственности в этом отношении. Вся сумма этих вопросов тоже подлежит теоретической разработке, это есть точно так же одна из крупнейших проблем современности, и я полагаю, что можно уже теперь сказать, что и здесь некоторые основы теоретической концепцией Владимира Ильича уже заложены. Нам нужно продолжать это дело. Вопрос этот опять-таки совершенно новый, его никто не ставил и не мог ставить в предыдущую фазу исторического развития. И у самих революционных марксистов, и у самого Маркса этого не было. Эта задача — новая задача нашего грядущего.

Затем третий вопрос, который бы я назвал вопросом о *различных типах социализма* [17]. У нас социализм спустился с облаков на землю или, по крайней мере, приблизился к нам и стал задачей практической политики. Как мы ставили вопрос о социализме раньше? Как он ставился у Маркса? В одном из писем Маркса сказано таким образом: «Мы знаем отправной пункт и тенденцию развития» [18]. Это была совершенно безошибочная и правильная формулировка. Теперь возьмем последнюю статью Владимира Ильича относительно кооперации и разберем выставляемые им положения. Анализируя прежние взгляды на кооперацию, В. И. говорит, что теперь, с переходом власти к рабочему классу, постановка вопроса принципиально изменилась: если бы мы кооперировали крестьян под гегемонией рабочего класса, это было

бы осуществлением социализма. Но эта формула не будет годиться в такой степени для советской Англии. И Владимир Ильич неоднократно подчеркивал — и в частных разговорах, и в речах, статьях, другого рода работах,— что нам нужно быть осторожными с навязыванием таких формул для других стран. Тут может быть большое своеобразие в типе строящегося, оригинальность, которая вытекает из того, что социализм строится *на том материале, который дан*. Яснее ясного, что капиталистический режим, находящийся на пороге своей гибели, имеет общие законы капиталистического развития; но несомненно также, что, при общих чертах, в капитализме разных стран, капитализм в одной стране имеет специфическую организацию, в другой — другую. Если капитализм даже в период своего упадка, когда он в результате своего развития, продолжавшегося несколько сот лет, под страшной силой действующих нивелирующих тенденций, сохранил существенные оригинальные черты в разных странах,— то, само собою разумеется, эти оригинальные особенности будут и при строительстве социализма, потому что отправная точка этого нового развития есть не что иное, как капитализм.

И революция в разных странах имеет свои оригинальные черты, и строительство социализма неизбежно должно иметь свои оригинальные черты. Если у нас роль крестьянства была так громадна, то этого нельзя будет сказать относительно Англии, потому что у нас был другой капитализм, другая была социально-экономическая структура, другое было соотношение между классами, у нас иной был мужик. Поэтому совершенно естественно, что так как отправные пункты развития социализма различны, то и те промежуточные формы, через которые пройдет развитие социализма вплоть до его превращения в универсальную мировую коммунистическую систему, будут тоже чрезвычайно различны. Вот этот вопрос подлежит теоретической разработке, он является основанием, из которого нужно и необходимо сделать практически-политические выводы. Когда В. И. руководил Коммунистическим Интернационалом, то одним из его предостережений нам, которые работали там, между прочим, было: ни в коем случае не упускать оригинальности развития, не шаблонизировать, уметь выделять, уметь видеть самое общее и в то же самое время и частности, которые иногда играют решающую роль в деле дальнейшего продвижения по пути к коммунизму. Вот это есть третий ряд тех вопросов, которые намечены В. И., в основе решены, которые нам нужно разработать и систематизировать.

В связи с вопросом о крестьянстве и рабочем классе выступает также весьма оригинальная проблема, которая подлежит теоретическому анализу. В одном из семинариев, где я занимался, эту проблему выдвинул один из товарищей, тов. Розит. Мне ка-

жется, что его постановка вопроса заслуживает теоретического внимания, и для нее В. И. точно так же сделал очень много. Это есть вопрос о *теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре*. Два класса — это рабочие и крестьяне. Если при капитализме мы занимались главным образом вопросом об анализе трехклассового общества (буржуазия, землевладельцы, рабочий класс), если там так велся абстрактный анализ, то сейчас для теории чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах, о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само собой разумеется, что тут, по мере приближения к конкретному пути, будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые могут сильно видоизменить картину и теоретически и практически. Этот вопрос идет по той же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что крестьянство — это есть носитель определенной формы хозяйства, которая может одолеть нас, развиваться по нежелательному для нас пути и которая, с другой стороны, может пойти по пути, по которому мы *хотим* ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто экономическое значение, и вопрос о соотношении классов есть в то же время вопрос о соотношении хозяйственных форм. Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством — это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Само собой понятна вся важность этого вопроса, и мне кажется, что та постановка вопроса, о которой я здесь говорил, заслуживает очень большого внимания.

Наконец, есть еще ряд вопросов, которыми также занимался В. И., которые имеют громаднейшее значение для всех нас, для нашей партии и для рабочего класса. Напр., вопрос о всяческих, вырабатываемых в ходе нашего теперешнего общественного развития после пролетарской диктатуры *противоречиях и вырабатываемых этими противоречиями тенденциях, враждебных нам*. Из того, что после рабочей диктатуры будет идти дело таким образом, что в общем и целом это будет эволюционный ряд, из этого отнюдь не следует, что мы не будем иметь, особенно в *первую* фазу рабочей диктатуры, чрезвычайно больших противоречий, которые в некоторые периоды развития могут даже *нарастать*. Если я говорю об общей линии возможного отмирания

этих противоречий вплоть до коммунизма, то я беру масштаб очень длинного пути, весь этот путь *в общем*. Но из этого нельзя делать вывод, что в определенные конкретные исторические периоды, в особенности в начале этого пути, мы не будем иметь нарастания противоречий. Так вот, в связи с этим стоит вопрос о так называемой возможности *перерождения* для рабочего класса. Это вопрос политически чрезвычайно важный для нас всех. В. И. его ставил на съезде металлистов [19], В. И. его ставил неоднократно на целом ряде других собраний. Он первый говорил о возможности для некультурного пролетариата быть съеденным со стороны более культурной буржуазии, которая победит нас «мирно» силами своего культурного тренажа. Он прямо говорил об этой опасности, которая действительно имеет для нас громаднейшее значение. Эта опасность заложена в противоречивых тенденциях нашего развития и противоречивом положении самого рабочего класса, который, с одной стороны, стоит в низу социальной пирамиды, а с другой стороны, стоит на верху социальной пирамиды. Это противоречивое положение рабочего класса, в свою очередь, вызывает целый ряд других противоречий, которые могут быть разрешены и изжиты в течение очень многих лет, целых исторических полос. Эти вопросы поставил В. И., эти вопросы в основе своей решены В. И., эти вопросы нам нужно продолжать решать, делая соответствующие практические выводы. Вопрос о том, что всякой рабочей революции, в силу того, что рабочий класс был культурно угнетенным рабочим классом, очень опасно внутреннее перерождение, которое должно быть и будет преодолено в силу противоборствующих тенденций: анализ всех этих тенденций, вредных и полезных, в их взаимной борьбе и механике их сцеплений, — этот вопрос не мог быть поставлен в конкретной форме в середине прошлого столетия, он не мог быть поставлен в начале этого столетия. Но он мог и должен был быть поставлен тогда, когда получился известный накопленный материал, чтобы судить о конкретных формах этих опасностей и тех тенденций, которые мы должны поддержать, усилить, чтобы эти опасности преодолеть.

Я не могу останавливаться на ряде второстепенных вопросов и точно так же сейчас не могу останавливаться на вопросе относительно общих формулировок рабочей тактики и стратегии. Скажу лишь, что в этой прикладной области есть свои обобщения, обобщения прикладного марксизма; то есть в области прикладной теоретики точно так же есть свои закономерности, как, например, в прикладной механике. Владимир Ильич в этом отношении сделал колоссально много, но нет ни одной книги, где бы все это было написано, разбито по §§ и преподнесено вам. Попыткой наброска этого общего учения стратегии и тактики является его книжка

относительно «Детской болезни левизны»[20], которая сейчас читается нами совершенно другими глазами, чем раньше. Потому что, нужно сказать, мы здесь имеем зародыш или, вернее сказать, краткий набросок общей теории прикладного марксизма в революционную эпоху. В этой замечательнейшей работе даны все вехи для того, чтобы составить стратегию и тактику борьбы рабочего класса, вехи, по которым можно, как по конспекту, идти при изучении стратегии и тактики рабочего класса. И в этой области Владимиру Ильичу принадлежит пальма первенства, потому что такого колоссального опыта в различных ситуациях, когда наша партия была и маленькой группкой из нескольких человек, когда она выступила в 1905 году на политическую арену как полулегальная партия, когда она выступала в качестве загнанной в подполье партии, когда она и наступала и отступала и т. д. и т. д. и стала наконец господствующей партией,— такого опыта, такой пестрой игры различных сил, положений и ситуаций и вытекающих из них совершенно различных норм поведения нигде не было. И такого понимания оригинальности различных положений, такого выискивания разнородных путей — вы ни у одного деятеля не встретите, ни в буржуазном лагере, ни у самого Маркса. По этому поводу не может быть никакого спора. Одна из составных частей этой общей суммы вопросов прикладного марксизма, которые можно объединить,— это *организационные или внутрипартийные вопросы*. В этом отношении точно так же мы в учении у Ленина — об организационном вопросе, о строительстве партии, о соотношении между партией, классом, массой и вождями и пр.— имеем совершенно несравненные образцы, которые теперь проверены опытом нескольких революций и которые теперь вошли в значительной мере в сознание очень широких масс. Ленинизм является здесь прочным приобретением на время нашей классовой борьбы; эти положения станут ненужными только тогда, когда классовая борьба прекратится. В этом отношении и в этой области, в области прикладного марксизма, в области строительства партийной организации, соотношения партийных организаций со всеми другими организациями, с беспартийными массами, с другими классами,— в этом отношении, конечно, ничего лучшего у нас нет и не будет, потому что здесь захвачена новая эпоха с ее основными особенностями и сложным механизмом движения победоносной рабочей революции. Мы сказали, что лучше ленинского учения в этом отношении мы ничего не придумаем, но, конечно, здесь ленинская традиция продолжает применяться к *конкретным* обстоятельствам.

Ленину ничего не могло быть более противным, чем превращение ленинизма в догму. Он очень нехорошо отзывался о «старых» большевиках в дурном смысле слова, которые умеют по-

попугайски повторять то, что было написано несколько лет тому назад. В частных разговорах он их называл — старыми дураками. Он печатно порывался прибегнуть к такой не совсем академической формулировке, и решительно во всех своих построениях он требовал и от самого себя, и от других, чтобы наряду с определенной методологией, определенным методологическим содержанием все время учитывалась оригинальная конъюнктура. Тот, кто не учитывает движения событий, не учитывает оригинальной конъюнктуры, тот не создает ничего ни теоретически, ни практически правильного. Нельзя ориентироваться в новых событиях без того, чтобы не видеть парастания этого нового, потому что жизнь есть вечное движение, и она постоянно производит новые формы, создает новые ситуации и отношения. Чуять это новое есть непременная обязанность и теоретика и практика, есть обязанность всякого марксиста. И Владимир Ильич это новое чуял больше, чем кто бы то ни было. Если мы посмотрим на его деятельность, и на теоретические формулировки, и на практические лозунги, которые он давал,— мы видим то самое бесстрашие, смелость, чуткость к этому новому, которая была поистине несравненна. Огромные повороты руля нашей партийной политики и соответствующие критические формулировки, которые или предшествовали, или сливались с этими поворотами руля,— они представляли собой великолепнейший образчик *марксистской революционной диалектики*, которая не боится никаких изменений и на всякое изменение в сфере объективного отвечает соответствующим изменением, приспособлением к этому новому в тактике и стратегии пролетарской партии.

Очень часто обычно приравнивают Маркса к Ленину и ставят вопрос: кто больше — Маркс или Ленин. И отвечают, что Ленин больше в практике, а Маркс в теории. Мне кажется, что нет таких весов, которые могли бы взвесить такие крупные фигуры, по той причине, что нельзя ни складывать, ни измерять величин разнородного типа, выросших в разных условиях, игравших разную роль. Нельзя этого делать. Постановка вопроса в корне ошибочна. Но одно мы можем сказать совершенно безошибочно: эти два имени будут определять пути рабочего класса до тех пор, пока рабочий класс будет существовать как таковой. Вот это — вполне бесспорно, и мы можем утешать себя мыслью после смерти Владимира Ильича, что мы жили, боролись, сражались и победили под постоянным руководством нашего великого учителя.

Печатается по книге: Бухарин Н. Атака: Сборник теоретических работ. М.: Госиздат, 1924, с. 242—284

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ О СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ИЛИ КАК МОЖНО ПОГУБИТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК.

К вопросу об экономическом обосновании троцкизма

1925 г.

Очень часто бывает, что какой-нибудь исторический поворот вызывает идейные споры, которые прорываются сперва по совершенно «случайному» поводу, развиваются по «случайным» направлениям и на первый взгляд представляют из себя нечто совершенно непонятное. Лишь через некоторое время откристаллизовываются определенные идеологические узоры, и последующий анализ без особого труда открывает совершенно определенные классовые или групповые общественные течения, имеющие совершенно определенное социальное значение и играющие совершенно определенную социальную роль.

Мы сейчас подошли вновь к некоторому поворотному пункту в развитии нашей революции. Конец блокады, ряд признаний; в то же время заминка в развитии международной революции. Начало довольно быстрого хозяйственного подъема, и в то же время новое соотношение между рабочим классом и крестьянством. Словом — *новая* обстановка. Естественно, что в партии должна была получиться какая-то реакция на эту новую обстановку, и также естественно, что не сразу мы доходим до своего, так сказать, «самосознания».

Тов. Троцкий [1] выступил с «Уроками Октября» [2]. Казалось бы, спор чисто литературный. Но этот литературный спор вырос в целую партийно-политическую кампанию. Было бы странным видеть здесь *спор «лиц»*. Разве «лица» могли бы вдохнуть такую страстность в обсуждение, в дискуссию? Очевидно, что были и есть какие-то *объективные моменты*, которые способствовали спору, лежали в его основе и которые показались в первый момент на поверхность в виде «литературной» полемики.

Так было. А теперь уже довольно ясно видно, что подняты *глубочайшей важности принципиальные вопросы*, которые являются решающими для всей нашей партии. Эти вопросы «сомкнулись» с объективным положением в стране. Они «соответствуют» этому положению, они *вырастают* отсюда. Вот почему вся партия

сейчас мучительно разбирает такие, казалось бы, «непрактические» проблемы, как вопрос о «перманентной революции». Новая обстановка вызывает потребность в продуманной ориентации. А так как новая обстановка складывается по основным линиям развития (внешний мир, хозяйство, классы в стране), то немудрено, что партия поднимает некоторые общие вопросы: это и есть выражение генерального продумывания и обдумывания нашего пути.

Это обстоятельство находит свое выражение в том, что *отдельные* проблемы и *отдельные* разногласия увязываются сейчас в основные, «теоретические» узлы, в целые системы мыслей, в более или менее стройные «теории». То, что в прошлую дискуссию было разбросано по клочкам: денежная реформа и вопрос о поколениях в партии, вопрос о ценах и об «аппаратчиках», вопрос о «ножницах» и «внутрипартийной демократии», вопрос о «плане» и о «товарной интервенции»,— все это *теперь* сводится к некоторым основным линиям, упирается в такие общие проблемы, как теория «перманентной революции», оценка движущих сил нашей революции, общая оценка ее перспектив и т. д. А осью, около которой вертятся *все* эти сами по себе крупнейшие вопросы, является *проблема рабоче-крестьянского блока*.

Учение о рабоче-крестьянском блоке есть существеннейшая оригинальная черта ленинизма. Совершенно напрасна всякая попытка *увернуться* от ответа на вопрос о том, верно или неверно учение Ленина, верна или неверна линия большевистской партии. Тут нужно *выбирать*. Вот почему партия реагировала так бурно на работу тов. Троцкого: она увидела здесь — и совершенно справедливо увидела — попытку пересмотреть *основы* ленинского учения.

Эти попытки делались и раньше. Но они проходили незамеченными: время было военное, и все задачи стояли как задачи непосредственного боевого действия. Гораздо сложнее стали они теперь, *именно теперь*. И понятно, что, когда, под предлогом извлечения «уроков Октября», партии стремятся дать изрядную дозу антиленинских порошков, она, партия, резко протестует.

У нас *пока* известное затишье в революционном движении. По *Ленину*, эта вещь не смертельная; мы медленной дорогой пойдем себе помаленечку вперед, таща за собой крестьянскую колымагу. Ленин ведь не рассуждал по схеме: пролетарская революция, когда много промышленности, гибель пролетарской революции, когда страна мелкобуржуазна. Не раз он подчеркивал всю оригинальность нашей революции, особое сочетание исторических условий, которые дали нам победу (см., напр., его заметки по поводу книжек Н. Суханова [3]). А тов. *Троцкий*? А тов. Троцкий видел одну *гибель*, если скоро не придет мировая революция. Почему?

Потому, что была основная разница, разница в оценке движущих сил.

Ведь еще в 1922 году тов. Троцкий, *настаивая на правильности* своей теории «перманентной революции», писал: пролетариат после захвата власти «придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и *с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти*. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение *только*... на арене мировой революции пролетариата» («1905 г.», предисл., с. 4 и 5).

Ленин учил: конфликт рабочего класса с крестьянством *вовсе не неизбежен*. Троцкий учит: конфликт этот *обязателен*. Ленин учил: наше спасение в том, чтобы ужиться с мужиком, и это *вполне* можно сделать и, даже при самом долгом сроке западных побед, удержаться и укрепиться. У Троцкого другое: гибель пролетариата *неизбежна*, если не будет скоро мировой победы; пролетариат *погибнет* под ударами со стороны «широких масс крестьянства», которые когда-то помогали ему победить. У *Ленина* крестьянство на всем протяжении переходного периода должно явиться неизбежным *союзником* рабочего класса, хотя и ворчливым; у «перманентников» оно обязательно должно превратиться во врага. У Ленина отсюда вытекает — и с этим связана — своеобразная теория «аграрно-кооперативного» социализма; у сторонников другой позиции совсем *иное* представление о путях нашего дальнейшего развития.

Разве не ясно, что при таком коренном различии оно, это различие, будет неизбежно проглядывать в целом ряде самых разнообразных вопросов? Конечно. Но теперь уже делаются попытки свести воедино эти «особенности», эти отклонения от ленинской линии. Мы хотим здесь разобрать *экономическую* сторону антиленинской концепции. Она дана в работе тов. Преображенского [4] «Основной закон социалистического накопления» («Вестник Комм. академии», кн. 8). Эта работа, интересная по замыслу и по постановке вопроса, в то же самое время теоретически исходит из предпосылок, родственных предпосылкам тов. Троцкого (данное обстоятельство показывает лишь, что здесь дело не только, а может быть, и не столько в лицах). Следовательно, она исходит из теоретически *неверных* предпосылок. В то же время она делает и ряд практически-политических выводов, выводов крайне опасных для нашей партии, рабочего класса, всей страны. На критике этой теоретической работы как на *примере* неверной, совсем не пролетарской, а тред-юнионистской, цеховой, идеологии нам и хотелось бы остановиться в нашей работе [5].

I. КОММУНИЗМ ИЛИ «ЦАРСТВО ПРОЛЕТАРИАТА»?

Основной закон социалистического накопления, открытый тов. Преображенским, гласит:

«Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной (социалистической? — *Н. Б.*) революции,— тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на *эксплуатацию* досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная (социалистическая? — *Н. Б.*) революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране капиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить *неэквивалентность обмена своих продуктов НА ПРОДУКТЫ КОЛОНИЙ*, т. е. уменьшить *эксплуатацию последних*,— тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т. е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и *собственного земледелия*» (все курсивы мои.— *Н. Б.*).

Такова дословно выписанная формулировка «основного закона», данная тов. Преображенским. Здесь мы *пока* не трогаем «закона» по существу. Но мы обращаем внимание на следующие *два* положения тов. Преображенского, которые на первый взгляд кажутся лишь терминологической неточностью или же своеобразным литературным кокетством.

Первое положение: социалистическое накопление идет в той или иной мере за счет *эксплуатации* мелких производителей.

Второе положение: эти мелкие производители (т. е. совокупность их хозяйств) есть не что иное, как *колонии* пролетарской промышленности *. Вот на этих утверждениях тов. Преображен-

* Из изложения тов. Преображенского не совсем ясно, входит сюда крестьяне только *бывших колоний* или все мелкобуржуазные хозяйства. По существу это мало меняет дело, ибо, например, у нас, за исключением Великороссии, сюда войдет огромное количество крестьян. Не подлежит сомнению, что тов. Преображенский у рабочего государства видит *колонии*.

ского нам и нужно, прежде всего, остановиться. Мы здесь имели бы полное право закричать «караул!» — до такой степени противоречат эти «словесные ярлычки» всем традициям нашей марксистско-ленинской теории. Но мы полагаем, что, пожалуй, гораздо лучше *спокойно разобрать* их и посмотреть, что же скрывается за этими ярлычками и почему эти ярлычки, по сути дела, есть не что иное, как выражение целой системы *своеобразных взглядов на значение и судьбы рабоче-крестьянского блока*.

Тов. Преображенский в одном месте своей работы пишет: «Только при полной беззаботности насчет теории можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим» (с. 90).

Это замечание совершенно правильно. Но тов. Преображенский сам обнаруживает «полную теоретическую беззаботность», когда он без всякой критики и без всяких оговорок употребляет вопиюще-неправильные обозначения и *играет* аналогиями. Впрочем, как мы покажем ниже, здесь не только простая «игра».

Возьмем, прежде всего, вопрос об *эксплуатации* пролетариатом мелких производителей. Тов. Преображенский именно так и изображает дело: рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение *эксплуатации*. Эксплуататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплуатируемым — класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, проделывающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплуататорский характер пролетариата и, следовательно, тем более эксплуатируемым является мелкий производитель.

Не правда ли, *смело* нарисованная картина? А ведь она *неизбежно* получается, если принять всерьез (а научные исследования, мы полагаем, пишутся всерьез) формулировки тов. Преображенского.

Получает ли социалистическая промышленность добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей? — Да. *Это* не подлежит никакому сомнению. Есть ли здесь, таким образом, переход ценностей из рук одного класса в руки другого, господствующего? — Да. И это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом («теоретическая беззаботность»), назвать отношением *эксплуатации*? Можно ли на этом основании назвать пролетариат *эксплуататорским классом* (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)?

Нет! И тысячу раз нет! И вовсе не потому, что это «плохо звучит» или что у нас здесь обнаруживается трусость мысли перед фактами, которые мой храбрый друг смело называет их собственными именами. А потому, что такие «имена» не соответствуют — мало того, противоречат — объективной действительности и нашим историческим задачам.

В самом деле. Возьмем действительное и бесспорное отношение эксплуатации, напр. *капиталистическую* эксплуатацию. Это есть определенное производственное отношение, выражающее определенный способ производства. Класс капиталистов получает прибавочную ценность. Производство есть производство прибавочной ценности. Весь процесс в целом постоянно *воспроизводит* — и притом на *расширенной основе — это отношение эксплуатации*. Другими словами, функция накопления состоит здесь в том, что постоянно воспроизводится отношение эксплуатации. *Переход ценности из рук одного класса в руки другого класса постоянно расширяет классовую противоположность, постоянно воспроизводит отношение между капиталистическим господином и его наемным рабом*. То же самое мы видим в любом эксплуататорском обществе. Повторяем: в *любом*.

А что выражает переход ценностей от мелких производителей в руки пролетарской промышленности? Он выражает прямо *противоположную* тенденцию, а именно тенденцию к *преодолению* противоположности между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, между социалистическим и мелкобуржуазным хозяйственным кругом. Ибо мы идем вовсе не к *закреплению* междуклассовых отношений, а к их *уничтожению*. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяйственном круге и его *становящейся* социалистическою периферии, тем *быстрее* идет и уничтожение противоположности.

Можно ли *этот* процесс назвать процессом *эксплуатации* мелких производителей? — Нельзя. Ибо это и значит упускать все *своеобразие* процесса, не понимать его объективного значения, играть в аналогии, обнаруживать, говоря словами автора, «теоретическую беззаботность». А упускать *своеобразие* процесса, в свою очередь, значит не понимать его *исторической сущности*. Это — очень большой, можно сказать «смертный», грех в теории, «грех», который должен обязательно отразиться на практических, прикладных построениях «грешника».

Перейдем теперь к вопросу о *«колониях»*. Тов. Е. Преображенский берет, по-видимому, понятие колонии как совокупности «третьих лиц» (народническо-люксембургианское обозначение некапиталистических производителей в капиталистической системе). Можно, конечно, спорить, верно ли это обозначение в применении к капиталистическому строю, или оно не подходит

и к нему. Но это — вопрос особый, и нам его здесь нечего ставить и тем более разбирать. Не так существенно и то, понимает ли тов. Преображенский под колониями совокупность мелкобуржуазных хозяйств, действительно входивших в состав колоний, или *всех* мелкобуржуазных хозяйств. Суть же в том, что тов. Преображенский применяет этот термин, ни капли не смущаясь, к эпохе *пролетарской диктатуры*. Другими словами, в эту эпоху с экономической точки зрения мы, по тов. Преображенскому, имеем в социалистической промышленности пролетарскую «метрополию», в хозяйстве крестьянства (хотя бы и не всего) — мелкобуржуазные «колонии». Отношение рабочего класса к крестьянству построено и тут по типу отношений плантатора к колониальному объекту эксплуатации. Как мы видим, эта «точка зрения» *вполне «увязана»* с рассуждением тов. Преображенского об «эксплуатации». Другими словами, здесь не случайные обмолвки, не lapsus linguae, не «неудачное выражение»; у тов. Преображенского есть своя последовательность, есть своя логика; но эта «логика» и эта «последовательность» есть логика и последовательность систематически развиваемой *ошибки*.

В самом деле, в чем сущность понятия колонии? В том, что она (колония) есть объект эксплуатации; в том, что ее развитие систематически *задерживается* в интересах «метрополии»; в том, что она является, при всех и всяких обстоятельствах, объектом экономического и политического порабощения. Никогда колония не выступает в качестве союзника «метрополии», никогда «метрополия» не ставит себе задачей поднять колонию до своего собственного уровня и т. д.

Но раз это так — а это именно так,— то прямо комично определять крестьянское хозяйство и мелкобуржуазную хозяйственную периферию вообще как колонию пролетарской промышленности. Это до такой степени очевидно, что вряд ли нужно развивать нашу мысль дальше.

Только в *одном* случае формулировки тов. Е. Преображенского оказались бы правильными. А именно тогда, когда речь шла бы не о движении к бесклассовому коммунистическому обществу, а к закреплению навеки пролетарской диктатуры, к консервированию господства пролетариата, и притом к его *вырождению* в действительно эксплуататорский класс. *Тогда* понятие эксплуатации было бы безоговорочно правильно в применении к такому строю. Равным образом было бы правильным также и обозначение мелкобуржуазного крестьянского хозяйства как, с позволения сказать, «пролетарской» колонии.

Но страшен сон, да милостив бог. Своеобразная цеховая, гред-юнионистская система взглядов, которая сквозит в статье тов. Преображенского, к счастью, не опирается на реальную

практику. Это лишь некоторый индивидуально-теоретический вывих, который не пользуется — по крайней мере, сейчас — кредитом в наших рядах.

2. «ПОЖИРАНИЕ» МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО ХОЗЯЙСТВА ИЛИ ЕГО ПЕРЕДЕЛКА?

Относительно связи между социалистической промышленностью и частным хозяйством (т. е. в первую очередь мелкобуржуазным) тов. Преображенский, между прочим, пишет: нелепо считать, будто «социалистическая система и система частнотоварного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна *система должна ПОЖИРАТЬ ДРУГУЮ*. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие вперед («развитие назад» не есть развитие — *Н. Б.*), но невозможно стояние на одном месте» (с. 78).

Если сопоставить это место с концом формулы «основного закона», где тов. Преображенский говорит о «собственном (т. е. пролетарском) земледелии», то у нас будет достаточно ясное представление о том, как мыслит себе автор «основного закона» неизбежную победу социалистического режима в хозяйстве. Госпромышленность разрушает и вытесняет («пожирает») мелкое хозяйство деревни, которое замещается (каким образом — пока еще не совсем ясно) «собственным земледелием» пролетариата. Мелкое хозяйство разрушается («пожирается») путем систематической эксплуатации (неэквивалентный обмен, налоги и различные средства внеэкономического давления), а пролетариат действует по аналогии с рыцарями первоначального накопления.

Если бы перспектива была (вернее, если бы она *могла* быть) такой, какой ее рисует тов. Преображенский, то поистине странными являются наши заботы о крестьянском хозяйстве. Но, впрочем, эту тему развивать здесь рано. Перейдем прямо к делу. Правда ли, что мы обязательно пойдем через разрушение («пожирание») сельскохозяйственного мелкого производства? Верно ли это?

Мы думаем, что *в корне* неверно. Мы думаем, что эта совершенно неленинская (я говорю это отнюдь не для полемики в скучно-мелком смысле этого слова) постановка вопроса абсолютно не отвечает наметившимся путям развития в сторону социализма.

Что мы выдвигаем сейчас и на что мы ориентируемся в первую голову? На госторговлю и *кооперацию*. Какой план выдвинул Ленин, какую гениальную линию политики он дал для превращения мелкого производителя в члены будущей социалистической общины? Кооперативное объединение крестьян под руководством не буржуазии, а пролетарского государства, с *его* банками, с *его* кредитом, с *его* промышленностью и транспортом и т. д. и т. п. Согласен с этим планом тов. Преображенский или нет?

Если он *не согласен*, тогда он обязан был выставить ряд доводов против «утопичности» (или чего другого: мы уж не знаем) этого плана. Если он *согласен*, тогда все его построение никуда не годится.

Ибо ведь ясно, «как апельсин», что в *этом* случае речь идет вовсе не об уничтожении, вовсе не *о пожирании* (путем «эксплуатации» и на манер периода первоначального накопления), а *о постепенной переделке* крестьянских хозяйств на основе их экономического роста. А это песня из совсем, совсем другой оперы, отнюдь не оттуда, откуда доносится «ужасно-пролетарская» (а на самом деле цеховая) «песнь» тов. Преображенского.

И здесь у тов. Преображенского та же игра в аналогии с капиталистическим развитием. И здесь тов. Преображенский совершенно не понимает основного *своеобразия* процесса как раз для таких аграрно-крестьянских стран, о которых он в первую очередь и рассуждает. К социалистическому производству на земле мы придем не путем вытеснения крестьянских хозяйств советскими хозяйствами на почве разорения крестьянских хозяйств, а совершенно иным путем, а именно путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму здесь через *процесс обращения*, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через *кооперацию* *.

Как упомянуто, тов. Преображенский не ставит даже этого вопроса, хотя ленинские статьи были весьма убедительны.

Черного и белого не покупайте,
«Да» и «нет» не говорите.

Тов. Преображенский не говорит ни «да», ни «нет» открыто. *По существу же он говорит «нет»*.

Однако у него есть одно характернейшее местечко, где это «нет» звучит довольно открыто, хотя и не без робости. Вот что пишет тов. Преображенский по этому поводу:

* Здесь указан лишь *основной* процесс; само собою разумеется, что и сел.-хоз. коммуны, и артели, и другие производственные объединения тоже будут делать свое дело.

«Что... касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие отношения вполне возможны и должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе неокапитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и *его* (sic!) подчиненных, т. е. те элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. Но *рядом с этим* неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть *остается* мелким производством; другая — *кооперируется капиталистическим* путем; третья — в обход этого последнего процесса объединяется на основах *какой-то* (!) *новой кооперации*, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и *не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством*.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, по-видимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть» (с. 100—101).

Вот и все. C'est tout.

Прежде всего, здесь нас поражает скромность великая тов. Преображенского: прямо хоть святым его на небо возноси: он не полемизирует с Лениным, который выставил ведь определенный громадный план, являющийся в то же время *теоретическим предвидением;* он «просто» заявляет, что нельзя давать теоретический анализ «того, что еще не существует, а только должно возникнуть». По-нашему, это — увертка. Ибо вот мы в нашей стране *только-только* приступили к социалистическому накоплению (не так ли?), в других странах это лишь «должно возникнуть». А тем не менее тов. Преображенский уже поспешил ведь вывести *«основной закон» (основной* — имейте в виду!) этого социалистического накопления. А этот основной закон говорит о движении накопления, о накоплении в разных странах и пр. Так что совершенно напрасно тов. Преображенский так уж скромничает. Некруглое это выходит у него!

Ну, а по существу?

По существу эволюция крестьянского хозяйства идет у тов. Преображенского по трем направлениям:

1. Мелкое хозяйство «остается» мелким хозяйством.

2. Мелкое хозяйство через капиталистическую кооперацию становится капиталистическим.

3. Мелкое хозяйство кооперируется неизвестным пока социалистическообразным путем, причем зародышем этого является с.-х. артель и коммуна.

Мы, прежде всего, с изумлением констатируем, что здесь *нет* места для *ленинской* кооперации, ведущей крестьянство к социализму. Здесь нет кооперации в обращении, через которую, при помощи наших командных высот, мы втаскиваем *массу* крестьянства в общесоциалистическую хозяйственную систему. *Вместо* этого тов. Преображенский выставил второстепенные по своему значению и непосредственно производственные «с.-х. коммуны». *Слона* тов. Преображенский не приметил.

Далее, кого же государственное хозяйство будет «пожирать»? Очевидно, не коммуны.

Капиталистически кооперированных крестьян?

Но таких будет лишь некоторое меньшинство.

Следующий главный метод настоящей хозяйственной «социализации» есть метод «пожирания» («простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством», как в этой связи выражается тов. Преображенский). И это есть метод по отношению к главной массе мелких производителей.

Нужно ли говорить, что это — самая настоящая утопия? Тов. Преображенский и здесь не видит своеобразия тех путей, которые даны вместе с пролетарской диктатурой. Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме. На самом же деле «некапиталистическая эволюция», которую проповедовали некоторые писатели при *капитализме* («кооперативно-аграрный социализм»), становится *реальностью* при *диктатуре пролетариата*. Если в условиях буржуазной власти, буржуазных банков, капиталистического кредита, капиталистических организаторских кадров и гегемонии капиталистической идеологии в стране кооперативные организации крестьянской *массы* (даже *массы*) неизбежно «врастали» в капитализм, то совсем иное будет, совсем не туда будут «врастать» (и уже фактически «врастают») эти организации при *пролетарских* командных высотах, при пролетарской власти, банках, кредите, промышленности, кадрах, господствующей идеологии и т. д.

Этого не понял тов. Преображенский. Но и здесь у него есть своеобразная логика: «эксплуатации», «колониям» и т. д. вполне соответствует и идея «пожирания». Это опять совсем не из той оперы, не из ленинской оперы, тов. Преображенский!

3. КЛАССОВОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ ИЛИ КЛАССОВЫЙ СОЮЗ И КЛАССОВОЕ РУКОВОДСТВО?

Рассматривая соотношение сил в такой стране, как СССР, нужно понять, что диктатура пролетариата означает *одно* отношение между пролетариатом и буржуазией и *другое* отношение между пролетариатом и крестьянством. Пролетариат *господствует* над буржуазией. Но пролетариат *руководит* крестьянством, используя при этом и свою концентрированную власть. Рабочий класс *«опирается»* на крестьянство, и поэтому его диктатуру нельзя рассматривать в ее отношении к крестьянству *по тому же типу*, что диктатуру буржуазии над пролетариатом. А именно так, по сути вещей, рассматривает дело тов. Преображенский.

Государство у нас в точном смысле не «рабоче-крестьянское», а рабочее. Но рабочее государство опирается на крестьян — отношение очень своеобразное, и в этом своеобразии его нужно «теоретически схватить».

Как раз этого своеобразия и не схватывает тов. Преображенский.

Весь его анализ построен на аналогии с периодом первоначального накопления капитала. Там был грабеж крестьян — и здесь «эксплуатация». Там на основе этого грабежа утверждались предпосылки для расцвета нового порядка вещей — и здесь закон социалистического накопления требует аналогичных предпосылок. Там было катастрофически-быстрое «пожирание» старых форм — и здесь то же самое. И т. д.

Словом, совсем, как в самых порядочных семьях!

Но только на самом-то деле все обстоит не так просто и «мило», как изображает сие тов. Преображенский.

Мы до сих пор останавливались на этом вопросе с точки зрения анализа различных *хозяйственных форм*. А теперь мы поставим резко вопрос под углом зрения *классовых соотношений*.

Тов. Преображенский исходит из того, что он проводит аналогию между отношением рыцарей первоначального накопления к мелкому производителю и отношением к нему со стороны пролетариата.

Но разве это вообще не *чудовищная* аналогия? Опять-таки мы говорим это не из страха перед реальными фактами и их возможным «нехорошим» привкусом, а просто-напросто из желания хоть какой-нибудь близости к объективной действительности.

Мы кричим на все лады о рабоче-крестьянском союзе, блоке и т. д. Ведь до сих пор *никто* не говорил против этого блока. Ведь это как будто считается *аксиомой* в наших рядах. Не так ли?

А где и когда в эпоху первоначального накопления капитала была речь *о блоке* между рыцарями этого накопления и их жертвами? Пусть кто-нибудь укажет хоть что-либо подобное.

Никто не укажет. Ибо указать нельзя. Ибо само предположение такого блока есть *абсурдное* предположение.

А рабоче-крестьянский блок у нас был, есть и, мы надеемся, будет *реальностью*.

Как же можно делать такие аналогии? Как же можно на их основе строить целые теории, а потом — мы увидим это ниже — определять линию экономической политики пролетарского государства?

И опять: и эта «аналогия» тов. Преображенского «увязана» с его выше разобранными утверждениями. (Нетрудно видеть, что, если бы партия прониклась такой «преображенской» идеологией, она разрушила бы основу своей собственной силы — рабоче-крестьянский блок.)

Если уж искать аналогий в буржуазном обществе, аналогий с отношениями между рабочими и крестьянами, то нужно искать этих аналогий совсем не там, где их ищет тов. Преображенский. Постараемся найти их сами.

Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянина — фактически — земля и сельское хозяйство*; крестьянин — продавец с.-х. продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий, в общем,— наоборот. *Непосредственные* интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же — остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между промышленной буржуазией и землевладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия *крайне* условна и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии — власть и фабрики. У землевладельцев — земля. Противоречие интересов идет по линии цен. *Отсюда* их борьба, иногда, при определенных условиях, довольно острая. Но в то же время (мы говорим о периоде власти *буржуазии*) есть *блок*, союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия *руководит* этим блоком; буржуазия *опирается* на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время *эволюция* этих классов? Она заключалась в том, что через процессы обращения, через *банки*, через форму акционерных компаний и т. д. и те и другие

* Хотя то обстоятельство, что земля юридически есть собственность рабочего государства, играет громадную роль.

(т. е. и промышленные капиталисты, и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей *дивидендa*. *Дивиденд* стал, так сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода — такова, по крайней мере, была (и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

Нечто формально сходное будет происходить — если брать широкие исторические масштабы — и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это — музыка будущего. Разумеется, на очереди дня стоят сейчас иные проблемы. Но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать, куда мы хотим «гнуть» свою линию. И та перспектива, из которой исходит тов. Преображенский, *в корне* неправильна.

4. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ «ПОЛИТИКА» ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Из вышеприведенных теоретических соображений тов. Преображенский делает и соответствующие практически-политические выводы. «Установив», что неизбежно «пожирание» несчастных «третьих лиц», т. е. обитателей «внутренних и внешних колоний», тов. Преображенский пишет:

№ 1. «Таким образом, мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т. е. к политике цен, сознательно рассчитанной на эксплуатацию частного хозяйства во всех его видах» (с. 79).

Извиняясь перед читателем за последующие километрические выписки, мы все же вынуждены их сделать для того, чтобы добросовестно проследить ход мыслей тов. Преображенского. Для удобства последующей критики обозначим отдельные положения автора специальными номерками, начиная с вышеприведенной цитаты.

№ 2. С. 59. «Во всяком случае мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше *из еще большего* дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны».

№ 3. С. 69—70. «То, что будет отбито от частной торговли, при

прочих равных условиях, будет завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю: при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов. Целесообразна ли такая политика — это вопрос другой (!). Экономически же она означает, несомненно, сокращение фонда социалистического накопления и подарок частному производству — *подарок тем более тяжелый для государственного хозяйства, чем беднее это хозяйство капиталами и чем менее выгодно для него занимать в филантропической (!) по своей доходности торговле часть тех капиталов, которых не хватает в самом производстве»* (курсив самого автора.— *Н. Б.*).

№ 4. С. 99. «Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, в *пределах экономически возможного и ТЕХНИЧЕСКИ ДОСЯГАЕМОГО*), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства» (курсив наш.— *Н. Б.*).

Итак: 1) нужно вести политику высоких цен для эксплуатации крестьянского хозяйства (что важно с точки зрения социалистического накопления); 2) здесь нужно (№ 4) брать все то, что брать экономически возможно и что можно технически достать; 3) под «экономически возможной» (в высшей степени неясное выражение) политикой необходимо, однако, разуметь такую политику, которая никак не ставит своей целью брать меньше, чем брал капитализм; 4) такая политика была бы мелкобуржуазной, была бы подарком крестьянину, ущербом для промышленности, а вместе с нею и для дела социализма. Вот концепция тов. Преображенского в области «политики цен». «Бери дороже!» — вот вся премудрость, основывающаяся на «основном законе» тов. Преображенского.

Возьмем под критическую лупу эту премудрость преображенской тов. Преображенским «партийной» политики.

Присмотримся к цитате № 2 насчет мелкобуржуазной политики нашей партии (ибо всякий видит, что тов. Преображенский спускает с тетивы критическую стрелу своего анализа именно в действительную политику нашей партии). Мысль тов. Преображенского состоит здесь из двух положений: *первое* — нельзя руководствоваться целью брать меньше, чем брал капитализм, и *второе* — мы будем брать *больше*, ибо доход крестьянина будет *больше*, а будет он больше потому, что его хозяйство будет более рациональным, а стало быть, и более доходным.

Во втором положении тов. Преображенского есть много здравого смысла в хорошем значении этого слова. Но это второе положение противоречит всему остальному, является невольной данью ленинскому учению, данью, затерявшейся в горе антиленинских построений автора.

В самом деле. Если тов. Преображенский думает, что мы будем брать больше, ибо *доходы* крестьянского хозяйства будут больше («рационализация» и т. д.), то как же это примирить с теорией «пожирания»? Ведь здесь вопиющее противоречие, и притом отнюдь не диалектическое, а совершенно плоское!

Что-либо одно из двух: или ведется линия «колониальная» — на эксплуатацию, на вытягивание всего «технически достижимого»; тогда мы будем иметь *хирение* крестьянского хозяйства, *падение* его дохода, исчезновение и *разрушение* крестьянского хозяйства, его «пожирание». Но тогда неоткуда появиться «бо́льшему доходу», «рационализации» и прочему, что в двух строчках обещает «милостивец» тов. Преображенский мелкобуржуазным производителям.

Или пролетарское государство *действительно* может больше получать на основе *растущей рационализации и растущей доходности* крестьянского хозяйства. Это — действительно *правильная* политика. Но тогда все — или почти все — положения тов. Преображенского нужно перевернуть. Никакого «пожирания» мелкобуржуазных хозяйств не будет (само собою разумеется, что мы здесь говорим о главной массе середняцкого хозяйства и что это не исключает частичного исчезновения мелких хозяйств в связи с выталкиванием избыточного населения в города и процессом пролетаризации, каковой будет происходить и при строе пролетарской диктатуры). Будет их *превращение*, их трансформация на кооперативной основе. Растущая доходность, растущая рационализация и т. д. будет в *то же* время означать и *втягивание этих хозяйств через кооперацию* в общую систему нашей социализирующейся экономики. Не на *изничтожение* нужно держать курс, а на *вовлечение* крестьянского хозяйства в систему госхозяйства.

Но если мы «больше будем брать» по *мере роста доходности*, то ясно, что нам отнюдь не безразличен вопрос о *«накоплении»* (мы берем этот термин в кавычки, так как это — специфический термин *капиталистической* экономики) *в крестьянском хозяйстве*. А если мы заинтересованы и в этом накоплении, то нам нельзя ограничиться лозунгом «бери возможно больше». Тогда нам нельзя говорить о границе «выкачивания» как о «технически возможной». Тогда нельзя говорить о тяжелом для социализма «подарке» мелкой буржуазии. Тогда нам нельзя говорить о филантропии и прочем. И тогда нам нельзя формулировать и самую проблему так *грубо упрощенно*, как формулирует ее товарищ Преображенский.

В третьем № «положений» тов. Преображенский всю проблему сводит к проблеме арифметического сложения: вычитания, деления. *РАЗДЕЛИТЬ данное*, чтобы больше досталось пролетарской промышленности. *Вычесть* из крестьянского хозяйства. Нельзя вычесть *меньше*, ибо это значит *вычесть* у социалистической промышленности и *прибавить* к крестьянскому хозяйству и т. д.

Но ведь все это — поистине *младенческая* «мудрость», а вовсе не пролетарская.

Ибо дело отнюдь не ограничивается проблемой *дележа* уже *данного* «национального дохода» между рабочим классом и крестьянством (в целях упрощения проблемы мы отвлекаемся здесь от частного капитала). *Гвоздь* проблемы вовсе не здесь, не в этом. Вот чего никак не может понять тов. Преображенский.

Гвоздь проблемы заключается в *увеличении* «национального дохода», т. е. в подъеме производительных сил, и притом *в такой форме, чтобы был обеспечен рост социалистических производственных отношений*.

А это такая проблема, которая вовсе не сводится к простой дележке данного запаса, к операциям сложения, вычитания, деления над *уже данными величинами*.

Ибо задача состоит в том, чтобы эту «данную величину» «национального дохода» постоянно *повышать*. Вот почему вопрос о «накоплении» в *социалистической промышленности* выступает неизбежно как вопрос, связанный с проблемой «накопления» в *крестьянском хозяйстве*, которое образует *рынок* для промышленности и совокупность хозяйственных единиц, подлежащих втягиванию в государственное хозяйство и постепенной переработке.

Вопрос о *емкости внутреннего рынка* даже не поставлен тов. Преображенским. Между тем это — центральный вопрос нашей экономики. Только в одном месте своей работы тов. Преображенский пишет:

«Препятствия, которые встречает на этом пути (т. е. на пути тов. Преображенского.— *Н. Б.*) государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в *слабой покупательной способности частного хозяйства*» (С. 80. Курсив наш.— *Н. Б.*).

И больше *ни слова*. А между тем, казалось бы, что именно над этим вопросом и следовало бы поразмыслить.

Если такое «препятствие» *налицо*, то можно ли не считаться с этим «препятствием»? Предположим, что мы, по желанию тов. Преображенского, не «делаем вычета» «из социалист. промышленности», не занимаемся «филантропией», а, несмотря на «препятствие», проводим «линию» тов. Преображенского, гнем ее «до победоносного конца». Что мы неизбежно получим? Сокращение

спроса, кризис сбыта, застопорившийся процесс общественного воспроизводства, упадок промышленности и т. д. Другими словами: из «социалистически-пролетарской», «антифилантропической» и пр. позиции тов. Преображенского целиком вытекает *подрыв и разорение социалистической промышленности и всего народного хозяйства в целом*.

Методологический корень ошибки тов. Преображенского весьма «на виду»: во-первых, он берет вопрос *в статике*, а не *в динамике* (дележ *данного*, а не *изменяющегося*); во-вторых, он берет социалистическую промышленность *изолированно*, а не *в связи* с крестьянским хозяйством (вся «связь» у него — только в вычетах; он не понимает, что накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве).

Грубо говоря, тов. Преображенский предлагает пролетариату *зарезать* курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу — это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность!

Но крестьянство — это для пролетариата *такая* «курица», которая должна превратиться в *человека*. И пролетариат этому должен, ради своего собственного дела, *всемерно помочь*. Не видеть этой цели — значит быть своеобразным оппортунистом, не видящим основных революционных задач рабочего класса, значит — в данной связи — быть *нерасчетливым скопидомом, скрягой*, который боится выпустить в оборот копейку (как бы она не пропала!). Неправда, что нужно брать наибольшую цену. Нужно брать такую цену, которая обеспечивает не *на один хозяйственный год* возрастающий доход социалистической промышленности, стремясь постоянно к ее понижению. А такая политика цен не строится на основе примитивной формулы: бери все, что «технически достижимо». Это — вульгарное представление, которое никак не может быть положено в основу политики цен.

Тов. Преображенский в одном месте, сам чувствуя слабость своей позиции, говорит:

«(Я сознательно избегаю говорить: «на основании повышения цен», потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как раз будет происходить именно при падающих или неизменных ценах; это возможно потому, что при удешевлении себестоимости продуктов снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления)» (с. 80).

Но и это сиротливо притаившееся у тов. Преображенского в скобках местечко, «смягчающее» «промышленный» задор автора, тоже не спасает дела.

Ну, скажите, пожалуйста, не чудовищна ли сама по себе такая

«уступка» со стороны тов. Преображенского: «Я сознательно избегаю говорить: «на основании *повышения* цен».

Еще бы! Вряд ли нашелся бы хоть один смельчак, который ставил бы себе задачу все время *повышать* цены, из года в год и из месяца в месяц. Вряд ли кто мог бы выступить в защиту такого милого строя, который открыто писал бы на своем знамени этакую цель. И вряд ли нашлись бы дураки, которые этакий порядочек бы терпели. Так что *такая* декларация тов. Преображенского производит ей-ей странное впечатление.

Но тов. Преображенский рисует перспективу падающих *или неизменных* цен. Мы же говорим: нужно всемерно стремиться к тому, *чтобы цены падали*, чтобы у нас был *исключен* экономический застой и что *таким* образом в общем итоге дело социализма *выиграет*, ибо будет гораздо более быстрый темп накопления во всей стране и особенно быстрый темп накопления в социалистической промышленности, действительно имеющей возможность получать добавочную прибыль и опираться на громадную концентрированную мощь всего государственного аппарата в целом.

Два слова о путях к социализму и «филантропии». Ленин сказал:

«Собственно говоря, нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. *«Только»* это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас» [6] («О кооперации»).

И несколько раньше:

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» [7] (там же).

Приводить из Ленина цитаты, где он говорит о том, что мы должны стремиться показать крестьянину бо́льшую дешевизну нашего производства по сравнению с капиталистическим,— излишне.

Между системой взглядов, развитых тов. Преображенским, с одной стороны, и ленинским учением *о хозяйственном блоке рабочих и крестьян* — «дистанция огромного размера», как видит всякий непредубежденный читатель. Пора нам, действительно, понять, что нужно поменьше «мудрствований и выкрутас» и побольше ленинской *мудрости*, которая проста, как просто все великое, но проста особой простотой, которую нужно видеть и прочувствовать до конца.

5. МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ ПАРАЗИТИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД?

Вопрос о политике цен имеет очень крупное значение и с другой общей точки зрения. А именно: всякая монополия таит в себе некое консервативное начало. Совершенно верно отмечает тов. Преображенский, что нельзя проходить *мимо* того основного факта, что социалистическая промышленность строится на развалинах *монополистического* капитализма. Точно так же справедливо положение тов. Преображенского о том, что эта монополистическая структура при господстве пролетариата получает свое дальнейшее *развитие* и что поэтому в руках у пролетариата концентрируется громадной мощности экономический кулак.

Все это верно, и даже настолько верно, что является истиной всем известной. Но вот что позабывает тов. Преображенский, вот что он *проглядел*: монополистический капитализм имел и имеет в себе самом зародыш, который *тормозил и тормозит* развитие производительных сил. Движущим мотивом капитализма является *прибыль*. Развитие производительных сил в капиталистическом обществе шло *через механизм конкуренции*. Ибо любой капиталист, вводивший технические улучшения и т. д., получал добавочную прибыль («дифференциальную прибыль»). Конкуренция тащила других *сюда же*, борьба шла на новой основе, «передовые капиталисты вводили еще бо́льшие новшества, развертывали еще более массовое производство и т. д. *Средством борьбы* были *ДЕШЕВЫЕ ЦЕНЫ*, что и являлось рыночным выражением роста производительных сил. В этом заключалась, между прочим, одна из главных исторически прогрессивных сторон капитализма по сравнению со всеми докапиталистическими способами производства. Когда капиталистическое развитие замыкает свой предначертанный историей круг, оно приводит к *монополисто-капиталистическим* формам. «Жало конкуренции» в значительной мере исчезает. Прибыль *обеспечена* монопольной формой. Нечего спешить. Нечего двигать производство дальше тем же бешеным темпом. Ибо гарантирована добавочная, *картельная сверхприбыль*.

Правда, *международная* конкуренция не дает успокоиться. Но ее действие внутри страны парализуется высокими таможенными пошлинами. Вот почему налицо элементы так называемого «загнивания».

Посмотрите теперь на наше положение. Вот что пишет о нем тов. Преображенский. Утверждая, что мы должны вести политику, «сознательно рассчитанную на эксплуатацию частного хозяйства во всех его видах», автор продолжает:

«Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же, в результате ликвидации свободной конкуренции, приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промышленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплуатации мелкого производства и тем *подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления*. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т. е. в руках рабочего государства, *в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства*». Далее идет место о «препятствиях», в том числе о слабости внутреннего рынка, которое мы цитировали в предыдущем изложении (см. с. 79—80; курсив наш.— *Н. Б.*).

Хорошо. Что же у нас получается?

Монополистская тенденция *увеличена*.

Возможность получать «на готовенькое» добавочную прибыль *увеличена*.

Это факты. Но не вытекает ли из этого *увеличенная опасность паразитического загнивания и застоя*? И что является гарантией *против* этого застоя?

Вот над этой проблемой, проблемой громаднейшей, мы бы сказали: *исключительной* важности проблемой, нужно было бы подумать тов. Преображенскому. И если бы он над этой проблемой подумал, он бы заново перестроил всю свою теорию первоначального социалистического накопления.

Конкуренции у нас нет. Гарантированная прибыль не поступает в распоряжение частных лиц. Хозяйственники — кадр пролетарских борцов, но они тоже подвергнуты человеческим слабостям и могут соскользнуть на положение *покоя*, вместо беспокойства, тревоги и заботы о движении к коммунизму. Что же толкает наше производство вперед? Что? Где стимул, который *ЗАСТАВЛЯЕТ* (именно заставляет) двигаться вперед, *гарантирует* это движение вперед, заменяет частнохозяйственный стимул прибыли, идущей в пользу частного владельца предприятия? Где *своеобразная* механика в экономике нашей переходной эпохи?

Мы утверждаем, что гарантия лежит *в давлении широких масс*, прежде всего *рабочих*, а затем и крестьянских масс. Несмотря на то что у нас сохранилась пока капиталистическая форма «прибыли», что у нас все расчеты и калькуляция проходят в этих формах, все же *рычаги движения вперед у нас иные*. Мы сами, т. е. руководящие круги в стране, т. е. партия в первую голову, выражаем и отражаем («регулируя», «контролируя», «поправляя» и т. д.) этот рост потребностей *массы*. Другими сло-

вами, несмотря на существование рынка и капиталистические *формы* нашего госхозяйства, мы *уже* начинаем переходить от типа хозяйства, руководствующегося *прибылью*, к типу хозяйства, руководствующемуся *покрытием потребностей масс* (а это есть *один* из признаков социалистического хозяйства) [8].

Это отнюдь не означает, что у нас, при *этом* типе отношений, накопление должно идти медленнее. Наоборот (и это нужно подчеркнуть *из всех сил*!): именно потому, что нам нужно ставить своей задачей покрытие потребностей, именно потому, что будет все расти *давление* этих потребностей, именно *поэтому* руководящие круги нашей промышленности и государство в целом будут вынуждены улучшать всеми мерами производство, расширять его, делать его *более дешевым*. В *этом* заложена гарантия нашего роста. Конечно, на это могут сказать, в особенности под влиянием ряда трудностей, возникающих на пути, что мы идем по линии «против хозяйственников». Но это было бы вздором. Мы уже упоминали о необходимости «регулирования», «контролирования» т. е. «давления потребностей». Но, смотря на весь процесс объективно-исторически, нельзя не признать, что *именно здесь* лежит основной рычаг нашего хозяйственного прогресса.

Возвращаясь к политике цен в *этой* связи различных проблем, мы придем к такой постановке вопроса:

1. *Мы ведем политику повышающихся цен*, используя свое монопольное положение. С данной точки зрения ясно, что это — максимальное выражение паразитического загнивания монопольного хозяйства.

2. *Мы ориентируемся на неизменные цены*. Это будет «нормальным» загниванием, хозяйственным застоем, до крайности медленным накоплением в стране, хозяйственным прозябанием.

3. *Мы ориентируемся на все более низкие цены*. Это будет выражением роста производительных сил, расширения производства и т. д. Это будет выражением *движения вперед*, т. е. в наших условиях движением к социализму, и притом движением с максимально быстрым темпом накопления.

Здесь нужно избежать того, чтобы дать повод к неправильным возражениям.

Во-первых, нужно иметь в виду, что, как правильно указал сам тов. Преображенский, и при *понижающихся* ценах на продукты нашей госпромышленности мы можем получать *добавочную* «прибыль» за счет мелкобуржуазного хозяйства; весь вопрос как раз и состоит в том, должны ли мы, имея в кармане гарантированную монопольную прибыль, успокоиться или идти *вперед*; а идти вперед быстрым темпом *нельзя*, не понижая цен, не развивая производительных сил и т. д.

Во-вторых, было бы вздорным с нашей стороны *отказываться*

от использования нашего монопольного положения; но мы должны это использование вводить в такие рамки, чтобы не сокращать, а увеличивать емкость внутреннего рынка,— это раз; затем, всякий прирост мы должны употреблять так, чтобы от этого получалось расширение производственного поля, удешевление производства, снижение себестоимости и, следовательно, более дешевые цены в каждом последующем цикле производства.

Или иначе:

По Преображенскому, дело обстоит так:

Мы должны обеспечить возможность «на основе монополии *такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения* (причем налоги-то остаются, и у тов. Преображенского речь идет отнюдь не о замене открытых налогов скрытой их формой.— *Н. Б.*). *Препятствия*... заключаются прежде всего в слабой покупательной способности» и т. д.

По-нашему же дело обстоит совсем не так, а именно: мы должны ориентироваться *на возможно более низкие цены*, удовлетворяющие массы и т. д. Но *препятствием* этому служит дороговизна нашего производства, высокая себестоимость и т. д. *Поэтому* мы должны делать все, чтобы эту себестоимость снизить.

Нетрудно видеть всю принципиальную разницу между позицией тов. Преображенского и нашей. Нетрудно также видеть, что политика тов. Преображенского в своем развернутом виде приводит к позиции *монополистического паразитизма*.

Если теперь снова вспомнить все, что говорилось выше об «эксплуатации», «колониях», «пожирании» и т. д., то опять-таки нетрудно констатировать, что все эти теоретические положения *увязаны* у тов. Преображенского с теорией, мы бы сказали, «монополистического самодовольства», которая грозит превратиться в теорию *«монополистического паразитизма»*: «аналогия» с «загнивающим» капитализмом была бы полная, но от этой «аналогии» вряд ли поздоровится «социалистическому накоплению»! *

---

* Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения тов. Преображенского, где он (Преображенский) изображает процесс социалистического накопления как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению тов. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план.

Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т. е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то нетрудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на *развитие* производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общест-

6. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ ПОЗИЦИИ ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Из предыдущего вытекает, что позиция тов. Преображенского угрожает блоку рабочих и крестьян, блоку, на котором строилась и строится вся позиция ортодоксального большевизма. Ибо нетрудно понять, что в тот период, когда рабочий класс стоит у власти, его политическая гегемония, его политическое руководство не может быть прочным, если под него не подведен базис *хозяйственной гегемонии*. А эта хозяйственная гегемония не может быть осуществлена иначе как приспособлением промышленности к крестьянскому рынку, постепенным овладеванием этим рынком, внедрением новых методов в сельскохозяйственное производство благодаря помощи индустрии, постепенным вовлечением крестьянства в кооперативную сеть и, наконец, подведением нового технического фундамента (электрификация) по мере роста социалистического накопления.

Та политика, которую предлагает тов. Преображенский, означает разрыв рабоче-крестьянского блока или, по крайней мере, его сильный *подрыв*.

При этом чрезвычайно характерно, что тов. Преображенский как-то совершенно в духе старых «экономистов» резко отделяет экономику от политики, точно политика — это не «концентрированная экономика», а некая «вещь в себе», от которой можно отвлечься и без которой можно «делать дела» в духе «социалистического накопления».

Мы помним, как мало тов. Преображенский остановился на значении основного «препятствия» для своей политики на вопросе о емкости внутреннего рынка. Теперь добавим, что вслед за этим упоминанием мы находим у него такое место:

«Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства...» (с. 80).

И он сдерживает свое обещание: больше не говорит.

Впрочем, есть все же одно место в его работе, которое отражает всю непродуманность и эклектичность построений тов. Преображенского.

венного труда, является определенной границей для монополии. Ибо есть объективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, универсальная «монополия», т. е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановый сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у тов. Преображенского.

«Играя» своими аналогиями («играя» всерьез), тов. Преображенский, между прочим, пишет:

«Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное объединение, принципиально отвергает все насильственные методы в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.

Совсем иначе обстоит дело с эксплуатацией в пользу социализма всех досоциалистических экономических форм. Обложение (их.— *Н. Б.*)... должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз» (с. 58).

Мы не будем останавливаться на целом ряде мелких противоречий, которые есть у автора по данному вопросу. Мы возьмем быка за рога. Мы спросим у тов. Преображенского, почему же в *этом* случае (с национальностями) *политический* мотив («политика равноправия») заставляет автора подправить (впрочем, только на одной странице, ибо на других говорится не совсем то) свой «основной закон», тогда как в «случае» с рабоче-крестьянским блоком автор ограничивается заявлением: «Я *не говорю*... о затруднениях политического свойства»? Ведь это беспринципность, непоследовательность, неуменье свести концы с концами!

Это все тем более странно, что вопрос об экономической политике и политике вообще в *бывших* (*бывших*, тов. Преображенский!) колониях есть лишь *усложненный*, несколько измененный вопрос *об отношении рабочего класса к крестьянству вообще*! Ведь эта истина, казалось бы, достаточно разжевана в литературе, в решениях конгрессов и съездов. Но вот поди ж ты! И такие товарищи, как Преображенский, спотыкаются на «эфтом месте», хотя оно, это место, приведено в весьма добропорядочное состояние.

Несколько комично разбирать аргументацию тов. Преображенского по существу. Ну возьмем только для примера его положение о недопустимости «колониального грабежа» «по случаю» национального вопроса. А такие штуки, как законы «об огораживании» (конечно, не в прямом смысле слова), «допустимы» там, где *нет* «национального вопроса»? А если нет, то почему?

Стоит только поставить этот один-единственный вопрос, чтобы увидеть всю фальшь «преображенской» линии.

Эта линия противоречит *основам политики рабоче-крестьянского блока*.

Линия же на этот блок есть *существо* всей политики переходного периода. Ибо для переходного периода характернейшей чертой является в основном двухклассовое общество, где проблема города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, крупного и мелкого производства, рационального плана и анархического

рынка и т. д. и т. п. выражает главную *классовую* проблему, проблему соотношения между рабочим классом и крестьянством. *Оторвать* экономику от политики, да еще по всему фронту, увертываться от этой политики — это значит не понимать проблемы *в ее целом*, не видеть ее исторического смысла, упускать *основное*, от чего нельзя скрыться, улизнуть, спрятаться.

Или мы в переходный период ориентируемся на блок рабочих и крестьян под руководством пролетариата — тогда эта линия должна быть основным принципом нашей деятельности всюду и везде.

Или это для нас — «красное словцо». Тогда мы можем допустить те «вольности дворянства», которые намечает тов. Преображенский. Но тогда мы должны ясно видеть, что это идет *против рабоче-крестьянского блока*, что здесь *иная*, не ленинская оценка движущих сил революции, что здесь в основе иное представление о ходе всего революционного процесса.

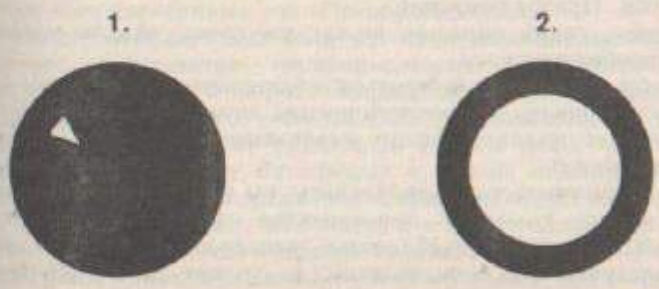
И тогда нужно *выбирать*.

Нам нечего доказывать, *каков* должен быть наш выбор. Ибо ленинизм подтвержден не только логическими аргументами, хотя бы и самыми совершенными, но и опытом трех революций, по меньшей мере.

7. «ЗАКОН» ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО В ЦЕЛОМ

Нам хотелось бы сказать теперь несколько слов по поводу общей формулировки «закона». Прежде всего, необходимо отметить путаницу в самом содержании этого «закона»,— путаницу, которая на первый взгляд скрыта, не видна, спрятана.

Представим себе два типа стран: промышленная страна с незначительным крестьянско-аграрным привеском и страна крестьянская со слабой индустрией. Для ясности изобразим дело графически:

Белая часть — крестьянское хозяйство.

Черная — промышленность и крупное сельское хозяйство, которое переходит к пролетариату.

После социалистического переворота черная часть (промышленность и крупное сельское хозяйство) попадает в руки пролетариата. Когда начинается процесс накопления, то немудрено, что в первом случае «удельный вес» прибавочного труда промышленности будет иметь большее значение для социалистического накопления, а во втором — неизмеримо меньшее. Но это положение является поистине труизмом, ибо это — только другое выражение того факта, что в первом случае «удельный вес» *промышленности* гораздо больше, чем во втором.

Однако тов. Преображенский наряду с этим ставит *другое* положение и связывает его *вместе* с «труизмом», что *неверно*, ибо не всегда обязательно. А именно, тов. Преображенский говорит об эквивалентности или, вернее, *о неэквивалентности обмена* между городом и деревней, причем выходит, будто, чем больше удельный вес крестьянского хозяйства, тем менее эквивалентен должен быть обмен, и наоборот. Однако это, как упомянуто, вовсе не обязательно. Пусть перед нами высокоразвитый хозяйственный комплекс. Пусть, следовательно, крестьянское хозяйство в нем — совершенно незначительная величина (доминирует крупное с.-хоз. производство и концентрированная промышленность). Значит ли это, что удельный вес прибавочного труда, идущего с крестьянства в фонд социалистического накопления, велик? Нет, он ничтожен. Но значит ли это, что здесь обязательно имеется эквивалентный обмен? Ничуть. Ибо как раз *неэквивалентность* может быть *очень* велика *в силу громадной разницы в технико-экономической структуре*. Даже при весьма *дешевой* цене (самой по себе) продуктов промышленности крестьянин будет получать не полный эквивалент, ибо его индивидуальные издержки на единицу хлеба будут *гораздо выше* издержек в *крупном* сельском хозяйстве, и потому неизбежно расхождение трудовых ценностей при обмене, если даже считать по «двум системам», как считает здесь тов. Преображенский.

Вопрос, таким образом, не так уж прост, как он выглядит у тов. Преображенского.

Чтобы ближе присмотреться к «закону», мы должны сперва проанализировать, что же, в сущности, понимает тов. Преображенский под «социалистическим накоплением» и т. д. Послушаем самого автора:

«*Социалистическим* накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства, а служит для расширенного

воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, *главным образом, из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства* (этот курсив наш.— *Н. Б.*). Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда... это (т. е. государственное.— *Н. Б.*) хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. ...Накопление первым способом, т. е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом *первоначального* или предварительного социалистического накопления... Основным законом нашего советского хозяйства как раз и является *закон первоначального или предварительного* (наш курсив.— *Н. Б.*) социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической розни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости. Следовательно, *мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве ЗАКОН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ*» (курсив автора; двойной курсив наш.— *Н. Б.*).

Сперва отметим ряд мелочей. Во-первых, к *капиталу* нельзя прикладывать *продукт*; во-вторых, накоплением называется присоединение не только добавочного *основного* капитала (а превращенное в капитал сырье?); в-третьих, нельзя противопоставлять («*не*», «а») «добавочное распределение среди агентов соц. производства» «расширенному воспроизводству»: если, напр., в процесс производства вступают новые рабочие, это *есть* расширение производства. Но все это, конечно, сравнительные мелочи.

Существенно серьезнее обстоит дело, когда мы перейдем к основным «определениям» тов. Преображенского.

Он резко *разделяет* два понятия: понятие социалистического накопления и понятие *первоначального* социалистического накопления. Он прямо говорит: «*социалистическим* накоплением» называется то-то и то-то. «*НАОБОРОТ, первоначальным* социалистическим накоплением» называется то-то и то-то.

Соответственно этому он говорит о законе *первоначального* социалистического накопления. Но каково же будет наше удивление, когда мы увидим, что вслед за этим, буквально через несколько строк, словечко «первоначальный» выпадает! И каково же будет наше удивление дальше, когда мы узрим, что в основной

формулировке основного закона (той, что приводили выше) это слово *тоже* исчезает! Там сказано:

«Основной закон социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства. Но, вероятно, этот закон имеет универсальное значение» (с. 92; далее следует «формула»).

Итак, скажите же, ради бога, о *каком* законе идет речь.

Читатель, может быть, думает, что здесь случайная обмолвка и что на все это не следует обращать внимания: мало ли с кем грех случается при спешной работе! Мы, однако, позволим себе поискать некоторых *корней* этой явной неразберихи.

Как мы видели, период первоначального накопления определяется как период, *главным образом*, эксплуатации частного хозяйства; длится он, как подчеркивает тов. Преображенский, пока госхозяйство не *«получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом»*.

Здесь нам дано: 1) материально-экономическое *содержание* процесса; 2) его исторические *границы*.

Попробуем теперь рассмотреть эти положения.

Казалось бы, раз тов. Преображенский говорит об основных законах и т. д., то можно было бы предположить, что речь идет о капитализме *той самой страны*, где пролетариат захватил власть.

Тогда «преобладание» («командные высоты») обеспечено довольно быстро. Это *есть* «экономическое преобладание над капитализмом», которое можно при неправильной политике *утерять*. Но оно есть, ибо в руках у пролетариата при восходящей кривой производительных сил имеется *закон крупного производства*.

Если это так, тогда, как это совершенно очевидно, не может быть дана та формулировка основного закона, которую дает тов. Преображенский. Ибо эта формулировка рассчитана на *гораздо более длительный период*.

Но предположим, что речь идет о капитализме других стран, более прогрессивных технически.

Тогда совершенно ясно, что *«первоначальное* накопление» вообще сливается с накоплением. Ибо, напр., пока в СССР мы дойдем до американского уровня, уйдет очень много времени. И все это будет значиться в графе *первоначального* накопления! Это «первоначалие» становится, таким образом, поистине перманентным!

Вот здесь зарыта собака. Тов. Преображенский незаметно превращает *первоначальное* социалистическое накопление в просто социалистическое накопление. Параллельно идет превращение закона из *«первоначального» в просто* закон. А все сие нужно для

того, чтобы политику того периода, когда *промышленность жила за счет крестьянства, растянуть вплоть до электрификации*.

Таким образом, и в этих чудесных превращениях есть *та же самая логика*, какую мы обнаружили на всех предыдущих стадиях нашего анализа. Это есть логика неправильного понимания тех взаимоотношений, которые должны складываться между пролетариатом и крестьянством, и как политически связанными классами, и как классовыми носителями определенных хозяйственных форм. Стержень у тов. Преображенского есть и здесь. Беда только в том, что этот стержень гнилой.

* * *

Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шажок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология законченных тред-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т. д. *Сюда* «растет» эта идеология. И совершенно понятно, если подавляющая масса членов партии отвергает — и притом в очень резкой форме — такие или родственные «теории». Эти «теории» могут *погубить* (если бы только они имели шанс на «овладение» массами, чего, к счастью, нет и чего не будет) рабоче-крестьянский блок, ту гранитную основу, на которой построено рабочее государство, наш Советский Союз.

Печатается по книге: Бухарин Н. И. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. К вопросу об экономическом обосновании троцкизма. М.; Л.: Госиздат, 1925

ПАМЯТИ ИЛЬИЧА
21 января 1925 г.

Сидим на пленуме Цека. Много народу, много новых, мало знакомых, мало изученных лиц. Подросли новые силы. А Ильича нет. Думаешь о нем и знаешь: нет, не придет наш мудрец. Точно живые, встают сцены из прошлого. Вот быстрой походкой, засутулившись, точно стыдясь своего собственного величия, точно желая скрыться от множества взглядов — хотя бы даже и любящих,— быстро идет, почти бежит, опустив глаза в землю, втянув голову в плечи, прикрываясь воротником шубы или просто рукой, дорогой всем человек. Такой простенький и такой крепкий; с такими добрыми морщинками около глаз — и такой железный; такой незаметный — и такой мудрый. Забьется где-нибудь в уголке, свернет пальцем ухо в трубочку, чтобы лучше слушать, скосит сверлящий глаз и высасывает каждое слово,— если только вообще есть что послушать. А потом выйдет и, с трудом отбившись от оваций, гула голосов, грохота аплодисментов, радостных взглядов, криков, восклицаний, восторгов, начнет говорить. И сразу яснеет в головах. Точно пришел Ильич и осветил все щели, все кривые закоулочки и переулочки. Как же мы этого раньше не понимали, а?

А теперь его, Ильича, нет. Не оттого ли иногда мы бессмысленно спорим, что чего-то не ухватываем? — приходит иной раз в голову.— Может быть. Ведь Ильича нет с нами...

Много лет тому назад увидел я первый раз Ильича [1]. На маленькой грязной уличке Кракова нужно было найти квартиру Ульяновых. Иду, шарю глазами по окнам. И вдруг вижу купол огромного черепа, необыкновенную голову. Ну, конечно, это Старик!

Краковская квартирка, помнится, из двух комнат. Кухня — она же гостиная. Простой, белый, чисто вымытый кухонный стол. Ильич режет хлеб, наливает чаю, усаживает, расспрашивает. Как ловко и как незаметно! С каким вниманием и с какой простотой! Выходишь — и знаешь: да ты, батенька, у него весь как на ладони. И никакого нажима, никакой неловкости перед великим

человеком! Помню, что ушел я от «Ильичей» как зачарованный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись...

Невольно сравнивал его, Старика, с Плехановым: гордая поза, по-наполеоновски сложенные руки, театральные повороты головы, нарочитые жесты, блестящие остроты и «пафос расстояния»: ты, сударь, не моги подходить ближе чем на километр! Демократ, якобинец, коммунист. Либеральный барин, хотя и блестящий «основоположник русского марксизма», «надменное чело». Нет, Плеханов не мог быть вождем пролетарской улицы.

«Когда, все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та черни великая
И сволочь та святая
К бессмертию неслась».

Оно и не вышло у Плеханова. А Ленин стал знаменем миллионов, и его имя слилось с именем Маркса...

Иногда представляют Ильича какой-то холодной счетной машиной, великим арифмометром и воплощением холодного ума и холодной воли. Это — неправда. Ильич — громадный темперамент, бурно переживавший все, что приходилось переживать. Но эту свою страстность он сжимал железными клещами своей воли, от которой не было пощады. Он мог жестоко страдать. Но я думаю, что его нельзя было «пожалеть»: это значило бы вывести его из себя, и его гнев обрушился бы на вас, как удар парового молота. Ибо вовне Ильич должен был быть полководцем с единой волей, решением, мыслью. О, он никогда не наводил «уныния на фронт» и ни одной чертой своего подвижного лица не выдавал своих собственных сомнений: он стоял посреди всех, как скала воли и уверенности в победе.

Помню гнусное время, когда в Поронин приехал Роман Малиновский [2]. Первую ночь я спал в комнатушке наверху. «Спал» я очень плохо, поминутно просыпался: еще бы! ведь дело шло о провокаторстве лидера нашей думской фракции!

И я отчетливо слышу: внизу ходит Ильич. Он не спит. Он выходит на террасу, заваривает (знаю, догадываюсь: страшно крепкий) чай и взад и вперед шагает по террасе. Он шагает и шагает, останавливается и снова шагает. Так проходит ночь. По временам моя усталая голова обволакивается туманом бессильного полусна. Но как только сознание возвращается снова, ухо тотчас ловит мерные звуки внизу.

Утро. Выхожу. Ильич аккуратно одет. Под глазами желтые круги. Лицо больное. Но он весело хохочет, жесты привычные, уверенные: «Ну, что, хорошо выспались? Хе-хе-хе. Да-с. Чаю хотите? Хлеба хотите? Гулять пойдем?» Точно ничего и не случи-

лось. Точно не было мучительной ночи, страданий, сомнений, обдумывания, напряженной работы мысли. Нет, Ильич надел кольчугу своей стальной воли. Разве можно ее чем-либо расшибить?..

Вспоминаются первые месяцы войны. Это было страшно мучительное время, когда у каждого из нас, революционеров, разбросанных по различным странам, странам, окончательно сошедшим с ума под первыми ударами империалистических пушек, выступали слезы гнева и ненависти: как жалко обанкротилась «единая, международная, освобождающая народы социал-демократия!». Какими мерзавцами оказались наши немецкие, французские, бельгийские и прочие «друзья»!

Вот приезжает в Швейцарию, наконец, освободившись из австрийской тюрьмы, Ильич. Все его душевные силы: гениальный ум, воля, страсть — собрались в один кулак против мерзавцев от патриотизма. Ильич лихорадочно работает. С беспощадной смелостью он поднимает кучи социал-демократического навозу и отшвыривает их в сторону. Коммунизм начинает свой путь...

Помню, как, точно охотник за волком, гонялся Ильич за Плехановым. Тот увиливал, уклонялся от сражения, отшучивался. Наконец Ильич «поймал» Плеханова в большом сараеобразном помещении около Лозанны, где тот читал доклад. Напряжение у всех достигло максимума. Сердца бились, руки тряслись. Ильич сам страшно волновался, и его лицо сделалось гипсовым. Когда он стал громить социал-патриотов, когда зазвучала бичующая, гневная, настоящая марксистская речь среди патриотического паскудства и блуда, наши души точно свела судорога облегчения. Как сейчас вижу: вот сидит «Абрам» (Н. В. Крыленко) [4], весь трясется, и слезы льются у него из глаз. Наконец-то мы снова берем в руки меч против изменников! Придет наше время, негодяи!..

В бернской комнатушке «мечтали» о будущем. Шутили над Ильичем, что ему придется командовать настоящими армиями. А Ильич — это в 1915 году! — уже всерьез выдвигал лозунг гражданской войны и видел неизбежность революционной грозы.

Она пришла, эта гроза, и вместе с ней Ильич, эмигрант, «фанатик», «фантазер»,— а на самом деле глубокий ученый и прирожденный массовый вождь,— стал расти с каждым днем и превратился в того революционного гиганта, фигура которого останется в веках как вечный памятник нашей героической эпохи.

Прекрасен был Ильич в минуты штурма. Но он был прекрасен и в минуты опасности, когда вражеский меч был совсем, совсем близко от наших голов.

В памяти всплывают брестские дни. Мы, «молодые», «левые», уже сделали ошибку, помешав заключить мир сразу, и продолжали упорствовать. И вот на решающее заседание Цека [3] вбегает Ильич. Он — как громадный лев, запертый мальчишками в клетку. Он

бегает по комнате, гневный, с суровой решимостью в лице, на котором подобрались и сжались все мускулы. «Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры! *Ни еди-ной секунды!*» Его «ни единой секунды!» произносится с каким-то решительным, серьезным и вместе с тем глубоко гневным присвистом сквозь зубы — это было характерным признаком того, что Ильич «свирепо» настроен. И Ильич ставит ультиматум. И Ильич ломает прежнее решение. И Ильич — могучий, грозный, железный, всепобеждающий — спасает революцию от страшных врагов: от революционной фразы и от революционной позы, которые чуть было не выдали республику немецким палачам...

Деникин [5], Колчак [6], голод... Границы советского государства сузились до последнего предела. Заговоры внутри, революция становится дыбом. Вот-вот опрокинется все на голову. Ильич считает. Спокойно. Видит возможность поражения. Шутливо называет это по-французски «culbutage» («перекувыркивание»). На всякий случай распоряжается принять такие-то и такие-то меры, чтобы начать сызнова подпольную работу. Ни капли не сомневается, что в случае поражения он погиб. Все это — «culbutage». Но вот он подходит к партийным рядам, и его голос звучит несокрушимой энергией: «паникеров — расстреливать!» И каждый чувствует, что мы победим: черт возьми, разве с Ильичем можно проиграть сражение?

А вот наш Ильич не в Политбюро, не в Совнаркоме, а у себя в Горках. В синенькой полиловевшей местами рубашонке, без пояска, с таким добрым лицом. Он роется в кучах книг и газет на всех языках и наречиях. Ходит на охоту и подползает к уткам, крича от ожидания, увлекаясь, как может увлекаться только Ильич. Вот человек!

Раз как-то вдруг Ильич засуетился и стал спрашивать садовые ножницы. Потом побежал к сиреневым кустам и стал возиться около них. Мы подошли. «Вот видите,— указал Ильич на изломанные чьей-то варварской рукой ветки,— больно, знаете, смотреть». И Ильич улыбнулся милой, виноватой улыбкой, грозный Ленин, которому «больно смотреть» на изуродованные цветы.

Знал ли Ленин себе цену? Понимал ли он все свое значение? Я не сомневаюсь ни одной секунды, что да. Но он никогда не смотрелся в историческое зеркало: он был слишком прост для этого, и он был слишком для этого прост *потому*, что был слишком велик. Характерная черточка: Ильич часто притворялся, что он чего-либо не знает, тогда как он отлично это знал. Ему нужно было узнать от своего собеседника что-нибудь дополнительное, быть может, другую сторону вопроса, другой подход, другое освещение, а заодно и прощупать этого собеседника, отложив где-нибудь в клеточках своего извилистого мозга крепкую и

плотную характеристику. Ему, Ильичу, Ленину, ведь важно было *дело*, с которым он крепко-накрепко сросся, которое стало его главной потребностью. Так причем же тут какая-нибудь фальшь или рисовка, когда речь идет о деле, деле и еще раз деле?

А потом, быть может, причиной ильичевой скромности была его огромная культурность. Ведь это только шавки всесветного мещанства до сих пор не могут понять, почему Ильич мог сделать так много. А он мог сделать так много потому, что выжал все ценное, что давал капиталистический мир, и, мобилизовав эти знания, оплодотворив их учением Маркса, развив это учение дальше, все это поставил на службу пролетарской революции. Он знал колоссально много. Но именно поэтому он понимал, как это еще мало, если мерить другими масштабами: а ведь Ильич считал миллионами и десятилетиями...

И поэтому тем больше, тем величественнее становилась личность Ленина, чем меньше обращал он внимания на свою личность. Разве кто мог заподозрить «Старика» в личном пристрастии? Разве кто мог допустить, что Ильич думает о чем-либо ином, кроме интересов великого дела? Никто, никогда, за исключением, быть может, совсем отпетых людей. И оттого, когда смертоносные стрелы разящей ленинской диалектики попадали в «цель», когда Ильич обрушивал громы и молнии, с ним — в рядах нашей партии, разумеется, — боролись, но всегда прислушивались к его аргументам. И скольких, скольких Ильич переделал, навсегда привязал к своему учению, убедил и спас от неверных путей!.. Как возился он, убеждал, боролся за людей, заботясь — разными путями — и о физическом здоровье, и об идеологической чистоте тех товарищей, кого он считал ценным «партийным имуществом»!..[2]

Дорогой учитель! Вот вспоминается его предпоследняя речь, на четвертом конгрессе Коминтерна[3]. Ильич уже пережил один удар. Он точно встал с одра смерти. Жадными руками хватался за рычажки своей постоянной деловой машины. Страшно волновался, сможет ли работать. Думал о своей речи, как об экзамене.

У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости — рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились, но блестели радостным огоньком: в них кричала жизнь, в них пела песнь о работе могучая душа Ильича!

В великой радости, в слезах, к Ильичу подбежала Цеткин[4] и стала целовать стариковы руки. Смущенный, потрясенный Ильич неловко стал целовать руку Клары. А никто, никто не знал, что

болезнь съела уже мозг Ильича, что близок ужасный, трагический конец.

Ильич, мне кажется, видел этот неизбежный конец, видел его лучше близких, товарищей и друзей, лучше докторов и профессоров. И когда второй удар свалил его с ног, он начал диктовать свое политическое завещание и на краю могилы создал вещи, которые десятками лет будут определять политику нашей партии. И еще, и еще один раз, последний раз, Ильич сказал всей партии последние вещие слова.

А потом началась нечеловеческая трагедия, о которой мы можем только догадываться. Могучая воля оказалась скованной параличом. Уста сомкнулись навсегда. Тщетно билась мысль — но она не могла выйти наружу. Это было хуже пыток. Об этом трудно писать, товарищи! Во всей истории я не знаю трагедии, более мучительной и более глубокой...

В тихий зимний вечер умирал Ильич в Горках. Еще за несколько дней все шло на улучшение. Повеселели родные, повеселели друзья. И вдруг разрушительные процессы быстро проступили наружу...

Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, — Ильич делал последний вздох. Его лицо отшатнулось назад, страшно побелело, раздался хрип, руки повисли — Ильича, Ильича не стало.

Точно время остановилось. Точно сердца перестали биться у всех. Точно на мгновение прекратился бег истории, и весь мир застонал мучительным стоном. Милый, прощай!

* * *

Год живет партия без Ленина. И суждено ей жить без него, живого. Сумеем ли мы хоть немного приблизиться к ильичевой мудрости? Сумеем, если будем непрестанно учиться у него. Сумеем ли мы приблизиться к ильичевой беспристрастности, к отсечению всего личного в политике? Сумеем, если будем учиться у него. Сумеем ли мы вести в его духе партию, с ней вместе и через нее рабочий класс и крестьянство? Сумеем, если будем учиться у Ленина, Ильича, у нашего учителя и товарища, который не знал мелочности, который был смел, решителен и осторожен. Мы *должны* суметь, ибо этого хочет рабочий класс, которому отдал жизнь свою товарищ Ленин.

Печатается по тексту газеты «Правда», 1925, 21 января

О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ И НАШИХ ЗАДАЧАХ.

Доклад на собрании актива Московской организации

17 апреля 1925 г.

I

В настоящее время наша партия и Советская власть особенно внимательно рассматривают вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством, о соотношении между нашей государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. Этот вопрос становится ныне опять с очень большой остротой в порядок дня.

Все мы ощущаем сейчас *рост* нашего хозяйства, причем темп этого роста в настоящее время никак не может быть назван медленным. Но, учитывая этот факт, необходимо иметь в виду и другое новое обстоятельство, которое ни в коем случае нельзя недооценивать.

Мы имеем в виду здесь тот процесс, который называется теперь ходовым именем «стабилизации» капитализма в Западной Европе. То, что капитализм в Западной Европе, в первую очередь в центральной Европе, сейчас вырастает и поправляет свое расшатанное войной здоровье, едва ли может подлежать сомнению. Подлежит большому сомнению только то, насколько прочен этот восстановительный процесс. Но совершенно бесспорно, что в данный отрезок времени, то есть в текущий год, в текущие месяцы, этот процесс обозначился со всей решительностью; его оспаривать нельзя, он является очевидным.

Правда, когда мы оцениваем общую мировую конъюнктуру, общее международное положение, мы видим и другие тенденции, свидетельствующие о наличии большой революционной лихорадки. В данном случае обычно говорят о Китае, о колониальных движениях и пр. Это все совершенно верно. Это тоже не подлежит никакому сомнению. Но — повторяем и подчеркиваем еще раз — в наиболее близких к нам географически капиталистических странах сейчас восстанавливается *буржуазное* хозяйство; это обстоятельство до известной степени влияет и на постановку вопроса о *нашем внутреннем* экономическом положении.

Мы живем между капиталистическими странами, мы окружены врагами. Если некоторое время тому назад мы могли говорить со-

вершенно определенно, что параллельно с нашим ростом буржуазные страны экономически и политически падают и идут книзу, то теперь этого мы сказать не можем. Мы растем, и *они* растут, вот это есть нечто новое в той всемирно-исторической картине, которая развертывается сейчас перед нами. Этого *не было* в сравнительно недавнее время тому назад, это *есть* теперь.

Отсюда сразу же необходимо сделать один вывод, который напрашивается сам собой: при таком положении вещей, когда мы растем одновременно с близлежащими капиталистическими нашими противниками, вопрос о *темпе* развития, т. е. вопрос о быстроте нашего развития, приобретает исключительное значение. Если раньше он такого значения не имел, потому что наши капиталистические враги шли книзу, а мы шли хотя медленно, но кверху, то совершенно очевидно, что в условиях одновременного подъема и у нас и у нашего противника вопрос о *скорости* подъема приобретает первостепенное значение. Вот почему наша партия, которая видит не только частности, мелочи, второстепенные конкретные детали, но которая должна и приучилась видеть за частностями и *общую* картину, должна отметить это новое в мировой обстановке.

Наша партия должна иметь в виду эту генеральную перестановку сил и сделать отсюда все необходимые выводы. Первое положение, которое отсюда вытекает, это положение о необычайной важности для нас *темпа развития нашего крестьянского хозяйства*.

Исходя из этой постановки вопроса, мы прежде всего должны прийти к такого рода заключению: нам важно сейчас дозарезу и в наше время *ускорять быстроту хозяйственного оборота*, и это ускорение быстроты хозяйственного оборота надо понимать как ту основную задачу, тот общий вопрос экономической политики, в который мы упираемся сейчас больше, чем в какую бы то ни было другую проблему.

Мы говорим, что мы должны расти хозяйственно быстрее. Это значит, что мы должны добиваться возможно более скорого накопления во всем народном хозяйстве в целом, в нашей государственной промышленности в особенности, потому что она является базой растущего социализма. Мы знаем, что сейчас от иностранного капитала едва ли можно ожидать многого. Следовательно, быстрота *нашего* хозяйственного оборота и оборота *нашего* капитала играет огромнейшую роль. Если мы ускорим движение хозяйственных соков во всем нашем хозяйстве, если мы ускорим оборот капитала, мы получим гораздо более быстрый темп нашего накопления, гораздо больший хозяйственный рост.

Это истина азбучная. Но на ней надо остановиться потому, что в эту проблему как раз и упираются все остальные вопросы хозяйственной политики.

В сущности говоря, если не считать самых первых шагов нашего хозяйственного развития, мы прошли три периода нашей хозяйственной политики, причем средняя из ее форм не представляла собой периода в настоящем смысле этого слова. Это была однодневка, которая, просуществовав некоторое время, быстро умерла.

Первая форма — *система военного коммунизма*; вторая — это как раз и есть та однодневка, о которой мы упомянули, *система свободной торговли в местном обороте*, т. е. первый шаг, который мы сделали, обнаружив, что система военного коммунизма совершенно не соответствует реальности; наконец, третья форма, к которой мы перешли с 21-го года и которую мы имеем до сего времени, необычайно живучая в своем названии и вечно молодящаяся, несмотря на свой почтенный возраст, *новая экономическая политика*.

Как уже было указано, промежуточная фаза — местного торгового оборота — оказалась, по сути дела, лишь экономической однодневкой. Это был первый шажок по пути к настоящей, правильной экономической политике пролетариата. Местный оборот отнюдь не удержался в своем местном масштабе; он был сорван, товарооборот вышел из берегов, которые ставили ему первоначальные законодательные предначертания Советской власти, выработанные нашей партией, и мы получили товарооборот, распространившийся более или менее по всей стране, поскольку этому не мешали дезорганизация рынка, плохие пути сообщения и целый ряд явлений экономического разлада.

Ленин в своей брошюре «О продналоге» [2], которую нужно читать и перечитывать — потому что каждый раз ее читаешь под новым углом зрения и каждый раз открываешь в ней то, что раньше оставалось незаметным, — замечательно определяет систему военного коммунизма как систему *«запертого»* оборота. С этой точки зрения вполне естественно обозначить новую экономическую политику как систему *«отпертого»* оборота.

Система военного коммунизма выполнила свою историческую роль, роль такой хозяйственной формы, которая должна была более или менее правильно распределить уже имеющиеся запасы, когда характерным являлось не столько развитие хозяйства и подъем производительных сил, сколько потребление уже имеющихся запасов. Система военного коммунизма определялась не тем, что промышленность оживляла сельское хозяйство и обратно; дело было не в том, чтобы внутри промышленности оживлять различные отрасли, чтобы установить условия, в которых хозяйственные факторы взаимно оплодотворяли бы друг друга. Военно-коммунистическая политика имела своим содержанием раньше всего рациональную организацию потребления, причем в первую очередь это потребление должно было охватить армию и остатки рабочего класса в городах. Эту историческую роль система военного коммунизма выполнила. Но совершенно ясно, что, когда нужно было восстанавливать хозяйство, система военного коммунизма не могла дольше существовать. В нашем партийном сознании это отражалось таким образом, что мы начали сознавать необходимость *«отпереть»*, освободить от связывавших его пут товарооборот.

Мы его сперва отперли на пол-оборота ключа; мы сказали: местный товарооборот. Но оказалось, что потребности развивающегося хозяйства или хозяйства, которое делало первые шаги к тому, чтобы развиваться, в сознании разных классов, — и что особенно важно — в сознании рабочего класса отражались, как властная потребность раздвижения рамок этого хозяйственного оборота. Отсюда мы пришли к тому, что мы должны были сделать еще полуоборот ключа, отпереть то, что было заперто в эпоху военного коммунизма. Мы это сделали и получили новую экономическую политику.

В чем смысл новой экономической политики? У целого ряда наших партийных товарищей смысл новой экономической политики сводится только к одному: крестьянин на нас наступил, мелкобуржуазная стихия взбунтовалась, мы отступили, и больше ничего — и только к этому якобы сводится все дело. Но дело, конечно, не только в этом, вернее *не столько* в этом. Смысл новой экономической политики, которую Ленин еще в брошюре о продналоге назвал правильной экономической политикой (в противоположность военному коммунизму, который он там же в этой брошюре охарактеризовал как «печальную необходимость» [3], навязанную нам развернутым фронтом гражданской войны), — в том, что целый ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга, потому что они были заперты на ключ военного коммунизма, оказались теперь в состоянии оплодотворять друг друга и тем самым способствовать хозяйственному росту.

При системе военного коммунизма крестьянин не был заинтересован в том, чтобы больше производить. Все излишки у него отбирались, легально продавать он не мог, его *личный* стимул хозяйствования был подрезан. Поэтому была полная *хозяйственная* «размычка». Товарооборот был заперт на ключ. Следовательно, неизбежно должна была стоять и наша промышленность. Но и внутри самой крупной промышленности мы имели явления отрицательного порядка, вытекавшие из недоучета личной заинтересованности. Если у нас не было сдельщины и т. п., мы тем самым заперли частный индивидуалистический стимул и тот, который есть даже в рабочем классе. Когда мы перешли к сдельщине и к другим формам оплаты, мы этим ключом открыли и фактор личной заинте-

ресованности даже членов рабочего класса, заставили содействовать развитию хозяйства.

Что значит с общехозяйственной точки зрения установление торговой связи города и деревни? Это значит, что мы сделали для города возможным хозяйственно оплодотворять деревню, а для деревни сделали возможным хозяйственно оплодотворять город. Другими словами, самый глубокий смысл новой экономической политики заключается в том, что мы впервые открыли возможность взаимного оплодотворения разных хозяйственных сил, различных хозяйственных факторов, а только на основе этого и получается хозяйственный рост. Только из этой связи и из взаимного воздействия этих хозяйственных факторов и получается этот хозяйственный рост, т. е. рост производительных сил и подъем хозяйства.

Вы можете иметь сколько вам угодно самой лучшей, самой квалифицированной рабочей силы; вы можете иметь довольно хороший инвентарь в крестьянском хозяйстве, даже не разоренном; вы можете иметь очень цветущих, здоровых «пейзан» вместо полуголодных крестьян; но, если вы не дадите возможность различным хозяйственным факторам экономически воздействовать друг на друга,— у вас будут стоять фабрики, у вас будут стоять заводы, у вас будут падать крестьянские хозяйства: у вас будет общее попятное движение.

Нужно было эти различные хозяйственные группы, эти различные хозяйственные факторы сцепить таким образом, чтобы обеспечить их взаимное экономическое оплодотворение [4]. Исходя отсюда, мы вырабатывали наши лозунги при переходе к новой экономической политике; поэтому совершенно не случайно мы пошли *по линии торговли в первую очередь*, потому что торговля-то и означает как раз ту связь, которая позволяет воздействовать одному хозяйственному фактору на другой, в первую очередь городу на деревню и обратно.

Это есть основа новой экономической политики, и если мы под этим углом зрения посмотрим на различные хозяйственные этапы, которые мы прошли, то наше движение можно определить как движение от «запертого» ко все более «отомкнутому» хозяйственному обороту.

Но этот опыт экономического движения нам показал, насколько неправильны были наши старые представления о достижениях социализма уже после завоевания государственной власти пролетариатом.

Грубо говоря, раньше мы представляли себе дело так: мы завоевываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство, какие-то там пустячки, которые топорщатся, мы частью берем на цугундер, частью преодолеваем, и на

этом дело кончается. Теперь мы совершенно ясно видим, что дело пойдет совсем не так.

Среди громадного количества нелепостей и глупостей буржуазные критики политики пролетарской диктатуры в России сказали кое-что неглупое и относительно верное. Один из самых умных критиков коммунизма, австрийский профессор Мизес [5], написавший в 1921—1922 гг. книгу о социализме, развертывает следующий ряд положений. Мы, говорит он, согласны с марксистскими социалистами, что нужно бросить всякую сентиментальную ерунду и ставить вопрос так, что лучшим является тот хозяйственный порядок, который лучше развивает производительные силы. Но так называемый «деструктивный» [6] социализм коммунистов ведет не к развитию производительных сил, а к их падению. Это происходит прежде всего потому, что коммунисты забывают о крупнейшей роли частноиндивидуалистического стимула, частной инициативы. Капитализм страдает пороками — это верно. Но капиталистическая конкуренция ведет к развитию производительных сил, которые гонятся капиталистическим развитием вперед, и в результате роста производительных сил общества больше приходится и на долю рабочего класса. Поскольку коммунисты хотят установить производство по приказу, из-под палки, постольку их политика потерпит и уже терпит неминуемый крах.

В системе военного коммунизма, рассматриваемой с точки зрения ее экономической сущности, несомненно, есть кое-что похожее на эту карикатуру на социализм, гибель которой предрекали все ученые экономисты буржуазии. И поэтому, когда мы от этой системы стали отказываться и когда перешли к рациональной экономической политике, буржуазные идеологи заголосили: здесь начинается отступление от коммунистических идей: сдали свои позиции, проиграли свою игру и теперь возвращаются к почтенному капитализму. Они так ставят вопрос, но проиграли-то, в сущности, не мы, а они.

Мы были поставлены в определенное положение, при котором мы действовали так, как нужно и можно было действовать. Но потом мы сообразили, как нужно идти дальше, и теперь можно сказать, что наши противники в этом споре проиграли. Мы отстояли в борьбе самое важное, что нужно было отстоять: диктатуру пролетариата.

Когда же мы перешли к нэпу, мы этим самым практически стали преодолевать изложенную выше буржуазную аргументацию, выставленную против социализма. Почему? Потому что смысл нэпа заключается в том, что мы, используя хозяйственную инициативу крестьян, мелких производителей и даже буржуа, допуская, таким образом, частное накопление,— мы вместе с тем, в известном смысле, ставим их объективно на службу социалистической

госпромышленности и всего хозяйства в целом. Развязав товарооборот, мы тем самым дали возможность выявиться заинтересованности мелких частных производителей, стимулировали расширение производства, поставили на службу социализму индивидуалистические стимулы отсталых слоев рабочих, которыми движут не коммунистические идеи, а частные интересы, путем введения формально прежней системы оплаты — сдельщины и пр.; заставили так работать, что, исходя из своих *частных* интересов, пролетарии способствуют подъему общего производства.

Наши прежние представления заключались в том, что мы считали возможным почти сразу достигнуть планового хозяйства.

Наши теперешние представления иные. Мы захватываем главные командные высоты, ставим *главное;* а затем наше государственное хозяйство разными путями, даже иногда конкурируя с остатками частного капитала через рыночные отношения, постепенно все больше и больше увеличивает свою экономическую мощь, все больше увеличивает свое могущество и постепенно втягивает отсталые экономические единицы разными методами в свою собственную организацию, причем проделывается это, как правило, *через рынок*.

Каким образом мы вытесняем прямых противников, частных капиталистов? Конкуренцией, экономической борьбой. Если они будут продавать дешевле, мы должны добиться положения, при котором мы продавали бы еще более дешево. В этом, между прочим, заключается наша *классовая борьба* в современной обстановке.

Таким образом, мы придем к плановому хозяйству в результате многолетней, многотрудной экономической борьбы с остатками частного капитала и пр., благодаря усилению нашей хозяйственной мощи. Это будет долгий процесс. Мы развязываем в течение некоторого времени хозяйственные силы, которые есть в стране, не только у нас, но даже у наших противников; мы должны их поставить в такое положение, что они волей-неволей будут одновременно обслуживать и наше дело.

Можно, следовательно, сказать, что если наше прежнее представление о развитии социалистического строя заключалось в том, что немедленно после диктатуры пролетариата мы уничтожаем рынок и тем самым *сразу* уничтожается капиталистическое хозяйство и *сразу* проводится плановое хозяйство,— то тут мы ошиблись. Не сразу, а в процессе *вытеснения, преодоления и переработки целого ряда промежуточных форм*. В этом процессе рыночные отношения, деньги, биржа, банки и пр. играют очень крупную роль[7].

Теперь вся коммунистическая партия без исключения признает, что именно таков будет ход развития. Это теперь зафиксировано в проекте программы, принятом Коммунистическим Интернационалом на последнем конгрессе[8].

Настоящую хозяйственную политику победоносного пролетариата, т. е. такую политику, которая использует все хозяйственные силы и которая действительно повышает производительные силы страны, мы можем вести только при таких условиях и тем успешнее, чем у нас будет более развернут хозяйственный оборот, т. е. если мы будем вести хозяйство, не на «запоре», а путем дальнейшего раздвижения рамок военного коммунизма.

Но здесь возникает целый ряд новых проблем, которые значительно осложняют вопрос. Само собой разумеется, что нам важно добиться не просто развития производительных сил и не просто хозяйственного подъема. Если бы мы сейчас взяли и за бесценок отдали бы всю нашу страну американскому капиталу, то возможно, что он, влив весь свой излишний капитал, мог бы двинуть экономически нашу страну на первых порах быстрее, чем мы (если, конечно, отвлечься от перспективы ожесточенной классовой борьбы, которую российский пролетариат привык вести против капитала в течение ряда десятилетий).

Нам нужно такое развитие производительных сил нашей страны и такой хозяйственный подъем, которые сопровождались бы ростом *социалистических форм* и постоянным вытеснением и ослаблением форм капиталистических, враждебных социализму. Нам нужно достигнуть такого развития производительных сил, которое вело бы нас к социализму, а не такого, которое вело бы нас к возрождающемуся целиком так называемому «здоровому» капитализму.

Нам кажется, что, когда мы переходили к новой экономической политике, у тов. Ленина был при разрешении этой проблемы один стратегический план, а когда он писал свою статью о кооперации, т. е. оставлял нам последнее завещание, в смысле основ экономической политики, у него был другой стратегический план. Эти оба плана не есть абсолютная противоположность, они, конечно, связаны друг с другом[9].

В чем основной мотив рассуждений Ленина в брошюре «О продналоге»? Он говорил, что в движении к социализму прежде всего необходимо преодолеть распыленную мелкобуржуазную стихию. Мелкобуржуазная стихия, мелкий хозяйчик, с точки зрения экономической — наш главный враг, и для того чтобы эту стихию и распыленность преодолеть, нужно иметь смелость использовать крупный капитал, главным образом концессионный, как посредника. Пролетариат — социалистический элемент хозяйства, плюс крупный капитал, в известном смысле, образуют экономический блок, который связывает разными нитями распыленную мелкобуржуазную стихию, являющуюся нашим главным врагом.

«Не государственный капитализм борется здесь с социализмом,— пишет т. Ленин,— а мелкая буржуазия плюс част-

нохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против "социализма»[10] (*Ленин.* О продналоге. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 204).

Вот каков был первый стратегический план. Обратите внимание на то, что в этой связи товарищем Лениным написано по поводу кооперации буквально следующее:

«Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелкокрестьянской стране) неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением»[11] (*Ленин.* О продналоге. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, с. 219).

Этот первый стратегический план совершенно ясен. Нам нужно достигнуть социализма, т. е. планового хозяйства,— это есть наш идеал. Нам нужно сделать целый ряд уступок крестьянскому хозяйству, потому что крестьянин на нас напирает. Но мелкобуржуазная стихия — наш главный враг, мы должны ее преодолеть в союзе с крупным капиталистическим союзником — концессионным капиталом, государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Кооперация в этом плане определяется как важнейшее звено государственного капитализма, потому что кооперация это есть такое звено, которое в первую очередь помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но это не страшно. Мы припаяем эти элементы посредством кооперации к системе нашего государственного капитализма, регулируемого диктатурой пролетариата, и, таким образом, в состоянии будем, держа блок с этими капиталистическими элементами, преодолевать многочисленные миллионные атомы мелкобуржуазной стихии. Таков был этот план.

Если мы сравним теперь только что изложенное с тем, что было написано в последней статье Владимира Ильича о кооперации, то мы увидим совершенно другой план. В первых строках этой статьи дается ряд пояснений о государственном капитализме. На счет кооперации там уже не говорится, что это звено государственного капитализма.

«При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но *не отличаются от предприятий социалистических*, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу»[12].

Или ниже:

«Теперь мы вправе сказать, что *простой рост кооперации для нас тожественен* (с указанным выше «небольшим» исключением) с *ростом социализма*...»[13] (*Ленин.* О кооперации. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, с. 143—144).

В соответствии с этим вся стратегическая обстановка там не такая, как в брошюре «О продналоге», а существенно иная. Основная линия плана — это блок с крестьянством, который организуется в кооперацию против крупного капитала и против остатков частного капитала вообще.

Таковы два плана, которые были выдвинуты самым крупным умом и самым крупным теоретиком и гениальным вождем рабочего класса. Наличие этих двух планов, конечно, нельзя объяснять так, что Владимир Ильич думал раньше так, а потом радикально иначе. Эти планы не находятся в *коренном* противоречии. Но за это время, от первого варианта тов. Ленина до второго варианта, до письма о кооперации, произошли громадные сдвиги. Произошел ряд событий, который раскрыл перед тов. Лениным известные новые перспективы.

Мы уже отметили, что нам нужен не рост производительных сил сам по себе, а такой рост производительных сил, который обеспечивал бы победу социалистических элементов. С другой стороны, мы указали, что рост производительных сил возможен только при самом быстром обороте. Но теперь представьте себе, что, имея магазины, в которых были почти одни только вывески с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и где не было бы ни куска товара; имея фабрики, на которых висели бы красные знамена, на которых тоже было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и в которых тоже ничего не было, и которые не были на ходу; имея банки, т. е. банковские помещения, на которых тоже было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но в которых не было почти ломаного гроша; имея очень большое количество советских знаков, в которых можно было потонуть на рынке, и на которых тоже было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и которые имели тот небольшой недостаток, что они не имели никакой ценности; если бы, имея все это, в таких условиях мы распустили абсолютно все шлюзы, весь тот оборот, о котором мы подробно рассказали, что бы тогда было? Тогда мы бы имели очень большой риск потерять и нашу экономику, и даже наши головы.

Это могло бы случиться потому, что у нас не было в настоящем смысле этих слов *экономических командных высот*; в таких условиях мелкобуржуазная стихия плюс выделяющийся постоянно из этой стихии мелкий капиталист, который становится с каждым оборотом все более и более крупным, могли бы нас захлестнуть. Обеспечивая социалистический рост производительных сил, обеспечивая главную столбовую дорогу для поступательного движения социализма, мы должны были распускать вожжи для всего этого оборота в той мере, в какой это не угрожает нам; обеспечить условия, в которых мы были бы достаточно конкурентноспособными, чтобы в процессе развертывающейся экономической борьбы, а не зажима побеждать своего конкурента. Когда мы только что вступили в теперешний товарооборот и делали робкие шаги в этом направлении, мы отлично сознавали то громаднейшее значение, которое имеют командные экономические высоты. Но, когда мы эти высоты взяли, это были почти пустышки. У нас были железные дороги, но они не ходили; банки с обесцененными деньгами и т. д. и т. п. Значит, здесь надо было быть в величайшей степени осторожным, и нам представляется, что именно поэтому у Владимира Ильича был тот план, который назван нами первым вариантом, первым его стратегическим планом. Надо было, прежде всего, как-нибудь укрепить свои командные высоты. Из чего? Единственный источник, который предполагался, это был иностранный капитал, концессии. Им предполагалось подпереть командные верхушки, чтобы себя укрепить — в результате этого приобрести известную маневроспособность.

Что произошло за время от первого варианта до второго? К этому времени выяснилось, во-первых, что иностранный капитал не очень склонен помещать себя в пределах нашего Союза. Мы сейчас имеем чрезвычайно мало концессионных договоров, но тогда их было еще меньше [14] (в скобках замечу — иностранный капитал начнет к нам приливать в значительных размерах только тогда, когда мы *сами* окрепнем). Второй факт заключается в том, что мы сами оказались в состоянии развивать наши внутренние силы так, как не рассчитывали даже очень большие оптимисты из нашей среды. Из смрада, из гнили, из голода и холода мы вылезаем довольно быстро, без посторонней помощи и без уплаты процента за оную помощь. Это стало уже ясно к тому времени, когда тов. Ленин еще был жив.

Наконец, третье, *что* стоит в связи с этим: оказалось, что командные высоты на почве хозяйственного роста укрепились в достаточной мере. Мы имеем командные высоты по-настоящему, как командные высоты, т. е. у нас железные дороги стали ходить, наша индустрия стала работать, мы начали организовывать банки, мы стали подбираться к оздоровлению нашей государственной финансовой системы.

Поскольку мы реально получили командные высоты, постольку, совершенно естественно, произошло перемещение классовых сил. Если у нас нет банков, а создается мелкобуржуазная кооперация, то она нас *давит*. А если у нас есть банки, то она от нас *зависит*; мы ее кредитуем; если мы ходим голенькими, то кулак нас побеждает экономически, а если он является вкладчиком наших банков, он нас не победит. Мы ему оказываем помощь, но и он нам. В конце концов, может быть, и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись.

Совершенно естественно, что в этой новой обстановке нужно было принять новый вариант. Получилось новое соотношение сил и новое сочетание экономических отношений. С той поры, как мы получили в свои руки живую, обросшую мясом, плотью и всем прочим, чем полагается, промышленность, должна была измениться наша политика: меньше зажима, больше свободы оборота, потому что эта свобода нам менее опасна. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы, большее развитие хозяйственного оборота. Бороться с частным торговцем не тем, что топать на него и закрывать его лавку, а стараться производить самому и продавать дешевле, лучше и доброкачественнее его.

Если мы сами сильны, если в наших руках сосредоточена действительная экономическая мощь, если мы владеем действительными могущественными экономическими, хозяйственными высотами, то развязывание экономического оборота нам не страшно. Мы сами растем.

Вот новая обстановка, в которой совершенно естественно у тов. Ленина мог зародиться план, гениально предвосхищавший ход событий и служащий нам путеводной нитью и на будущее. Сейчас дело идет о том, чтобы развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов поставить в такие условия, чтобы оно вместе с частным накоплением все в возрастающей степени обеспечивало укрепление нашего хозяйства. Раньше шло разрушение нашего пролетарского хозяйства; тогда мелкое производство было выгоднее крупного, и в самом факте обладания крупными заводами мы, по сути дела, еще не имели решающего преимущества; но когда начинается хозяйственный подъем, мы с каждой минутой, с каждым часом будем ощущать все большую силу. Чем больше будет загрузка наших заводов, тем более массовым будет наше производство, тем больше город будет вести деревню; рабочий класс тем мягче и в то же время прочнее будет вести крестьянство к социализму.

Когда идет разруха по всему фронту, тогда деревня усиливается в противоположность городу, мелкое производство получает преимущество перед крупным, когда начинается подъем, руково-

дящая роль города становится непреодолимой, и так как мы уже в эту полосу вступили, то есть все основания полагать, что, усиливаясь во все увеличивающейся прогрессии, мы достигнем очень быстрого темпа развития.

II

Среди рабочего класса и в нашей партии встречаются такие товарищи, которые настроены в отношении крестьянства цеховым образом: какое, мол, дело нам до деревни! Эту манеру рассуждений нужно оставить потому, что ничто сейчас так не вредно, как непонимание того, что наша промышленность зависит от крестьянского рынка.

Социалистическая промышленность зависит от количественных и качественных изменений в крестьянском спросе. Но что значит спрос со стороны крестьянского хозяйства? Спрос со стороны крестьянского хозяйства существует двоякий: спрос потребительский, то есть спрос на мануфактуру, ситец и т. д., и спрос производительный, т. е. спрос на с.-х. орудия, на средства производства всякого рода.

От чего зависит потребительский спрос сельского хозяйства, то есть от чего зависит, скажем, количество мануфактуры, которое спрашивает крестьянство? Оно зависит от состояния и темпа развития крестьянского хозяйства.

Платежеспособный спрос крестьянства определяется, прежде всего, состоянием крестьянского хозяйства, его высотой, развитием производительных сил этого хозяйства. Этот спрос будет развиваться в меру того, как будет развиваться и спрос *производительный*, то есть постольку, поскольку крестьянство будет улучшать свое хозяйство, двигать его вперед, вводя все большее количество лучших орудий, повышая хозяйственную технику, методы обработки и т. д. и т. д. Отсюда совершенно ясна необходимость процесса *накопления* в крестьянском хозяйстве, чтобы не все проедалось и растрачивалось, а чтобы часть средств шла на покупку сельскохозяйственных орудий и т. п.

У нас еще до сих пор сохранились известные остатки военно-коммунистических отношений, которые мешают нашему дальнейшему росту. В связи с этим стоит тот факт, что зажиточная верхушка крестьянства и середняк, который стремится тоже стать зажиточным, *боятся сейчас накоплять*. Создается положение, при котором крестьянин боится поставить себе железную крышу, потому что опасается, что его объявят кулаком; если он покупает машину, то так, чтобы коммунисты этого не увидели. Высшая техника становится конспиративной. Таким образом, зажиточный крестьянин недоволен тем, что мы ему мешаем накоплять, наш

нять работников; с другой стороны, деревенская беднота, которая страдает от перенаселения, в свою очередь, ворчит на нас иногда за то, что мы мешаем ей наниматься к этому самому крепкому крестьянину.

Излишняя боязнь наемного труда, боязнь накопления, боязнь прослойки капиталистического крестьянства и т. п. может привести нас к неправильной экономической стратегии в деревне. Мы иногда усердно наступаем на ногу зажиточному крестьянину. Но иной этого середняк боится улучшать свое хозяйство, подвергаться сильному административному нажиму; а бедняк ворчит на то, что мы мешаем ему применять рабочую силу у богатого крестьянина и т. д.

Мы также ведем очень нажимистую политику в отношении мелкой буржуазии другого порядка — кустарей и ремесленников. Мы берем с них почти половину их продукции, в виде налогового обложения. Когда наша промышленность была слишком слаба, то существовала боязнь, что мелкий производитель подточит крупное социалистическое производство. Характерным моментом современного положения в деревне является то, что в деревне мы имеем массу крестьян, которые фактически нигде не работают, но есть должны; такое же избыточное перенаселение имеется среди кустарей, и вот это избыточное (скрытое и открытое) перенаселение страшно давит на город, усиливая безработицу. Совершенно естественно поэтому, что центр тяжести проблемы безработицы лежит не столько в городах, сколько в *аграрном* перенаселении.

Ничего смертельного в этих явлениях, конечно, сейчас нет, но это есть огромная гиря на наших ногах, которая мешает идти более быстрым темпом вперед. Мы пойдем более быстрым темпом вперед, если внесем целый ряд исправлений в ту систему экономических отношений, которые складываются под влиянием нашей политики.

У нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас почти нет нэпа в самой деревне и в области кустарной промышленности.

Здесь еще в значительной мере процветает политика административного нажима, вместо *хозяйственной* борьбы. Чем дальше, тем больше мы будем пользоваться в экономической борьбе не силой административного нажима, а нашей растущей хозяйственной мощью. Одно дело подойти к частному купцу и закрыть судебным порядком его лавку; другое дело — если вы его вытесните в хозяйственной борьбе.

Настроение наших товарищей, работающих в деревне, которые воспитывались на системе военного коммунизма, таково, что они самой лучшей хозяйственной политикой считают именно политику снятия крыш за неуплату налога; если появился лавочник —

не выстраивай против него кооператива, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, «припечатай» и т. д.

Такие способы и такая система были полезны, когда нужно было прямо хватать за горло и душить кулака, который шел против нас с пулеметом; сейчас же эти методы тормозят хозяйственное развитие. Нам необходимо теперь идти к тому, чтобы уничтожить целый ряд ограничений для зажиточного крестьянства, с одной стороны, и для батраков, которые продают свою рабочую силу, с другой стороны. А борьбу с кулацким хозяйством нужно вести *другими* путями, *другими* методами, на *других* дорожках; *новыми* методами надо ее вести, и вести энергично, чтобы в результате поворота не получилась, так сказать, ставка на кулака.

В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство [15]. Только идиоты могут говорить, что у нас *всегда* должна быть беднота; мы должны теперь вести такую политику, в результате которой у нас беднота исчезла бы.

Что получим мы в результате накопления в крестьянском хозяйстве? Накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию нашей промышленности. В свою очередь, это вызовет могучий рост нашей промышленности, который окажет благотворное обратное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство.

Совершенно несомненно, что, ведя такую политику, мы должны проявить максимум осторожности. Внутри нашей партии есть такие теченьица, которые имеют несколько кулацкий уклон; люди совершенно правильно ставят проблему, когда говорят, что нужно развязать накопление даже и в зажиточном крестьянском хозяйстве; но они не видят другой стороны этой проблемы, а именно: как же при таком положении вещей компенсировать рост капиталистических элементов для нашего середняцкого крестьянства, бедняков и батрачества. Правильное разрешение проблемы должно быть мотивировано следующим образом: *и зажиточное хозяйство нужно развивать для того, чтобы помогать бедноте и середняку.* Как же это? Поясним это на примере нашей финансовой политики. Налоговые поступления с мелкой буржуазии, со средней буржуазии и частного капитала возрастают. Получаемые таким образом средства мы распределяем на государственные нужды, на нужды нашей промышленности, на нужды нашего культурного строительства, на нужды нашего советского аппарата и т. д. Мы даем торговать частному капиталисту в известных пределах, берем с него путем налога известную часть экономических ресурсов, которые он получает, и эту часть мы даем на нужды социалистического строительства через наш государственный бюджет, через наш банковский кредит и через те каналы, которые имеются в

многочисленных количествах в нашем распоряжении. Можно, конечно, запечатать лавку частного капиталиста и, запечатав эту лавку, самим не справляться с теми задачами, которые ложатся на нашу долю, и сказать: частному капиталу мы объявили войну. Мы можем сказать, что не в состоянии пока все делать сами, поэтому допускаем частный капитал, снимаем с его прибыли сливки, даем их опять рабочему классу и крестьянству. Что правильней? Конечно, правильней второй путь. Правильней и потому, что мы усиливаем мощь экономики в целом. Это с классовой точки зрения правильней потому, что мы непосредственно получаем *добавочные* экономические ценности и от обложения буржуазии (*и от роста всего народного хозяйства в целом*) и обращаем их на наше дело.

Примерно так же обстоит дело и с зажиточным крестьянским хозяйством. Могут появиться чудаки, которые предложили бы объявить крестьянской буржуазии «варфоломеевскую ночь», и они могли бы доказывать, что это вполне соответствует классовой линии и вполне осуществимо. Но одна беда: это было бы глупо в высшей степени. Нам этого совершенно не нужно делать. Мы бы от этого ровно ничего не выиграли, а проиграли бы очень многое. Мы предпочитаем разрешить буржуазному крестьянину развивать его хозяйство, но брать с него будем гораздо больше, чем берем с середняка. Получаемые от него средства мы будем давать в форме кредитования середняцким организациям или в какой-нибудь другой форме бедноте и батракам. Мы получаем от богатого крестьянина добавочные ценности, которыми мы *действительно* помогаем хозяйству массы бедного и среднего крестьянства, а не вколачиваем гвоздь в этого самого кулака, теряя экономически в этом случае *сами*; мы стремимся к тому, чтобы сумма *нашего национального дохода* возросла; чтобы движение нашего хозяйственного оборота было быстрее и быстрее; и только тогда именно, при *таких* условиях, мы не на словах, а на деле будем помогать середняцким, бедняцким и батрацким элементам. Кто не понимает *этого* смысла нашего положительного отношения к *накоплению* в деревне, а усваивает в этой политике только «разрешение кулака», тот страдает кулацким уклоном.

Из этого, конечно, не следует, что нам сейчас нужно скрывать, замазывать и бояться известного развития капиталистических отношений. Нам не нужно преодолевать их голым административным нажимом, а нужно использовать это положение для оказания хозяйственной помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству. Кто этой проблемы не видит, тот имеет кулацкий уклон.

Есть еще другой уклон, который проскальзывает сейчас у нас в печати и который сводится к следующему.

Некоторые товарищи, давая правильную оценку кое-каким

явлениям в деревне, делают такой вывод: кулака взять административным нажимом нельзя, нужно иметь такую перспективу, что в результате дифференциации у нас будут выделяться капиталисты и батраки; классовые отношения будут все более и более обостряться, и совершенно неизбежно дело дойдет до того, что мы должны будем произвести вторую революцию, т. е. насильственное экспроприирование кулака. Такая система взглядов имеет уже литературное выражение. Капитализм развивается, классовые противоречия капитализма в деревне обостряются, мы должны разжигать классовую войну в деревне и вести ее до тех пор, пока не обессилим и не экспроприируем кулака. Я считаю, что это теоретически неправильно, а практически бессмысленно. Если мы будем проповедовать в деревне накопление и одновременно пообещаем и устроим через два года вооруженное восстание, то накоплять будут бояться; это не верно теоретически, потому что рассуждающие так товарищи забывают одну небольшую мелочь, а именно пролетарскую диктатуру.

Что характерно для пролетарской диктатуры? В таких условиях, о которых я здесь говорил, эта диктатура по своему назначению не сводится только к аппарату государственного принуждения. У нас диктатура пролетариата представляет из себя мощь комбинированной политической силы и экономически-хозяйственной силы рабочего класса. У нас в число государственных органов входит и ВСНХ, у нас в государственный бюджет входит вся наша промышленность, все железные дороги, рудники и пр. Структура нашей государственной власти и под этим углом зрения отличается от структуры государственной власти буржуазного типа. Само собой разумеется, что те перемены, которые получаются во всем общественном целом после захвата власти рабочим классом, сводятся, помимо всего прочего, также к тому, что вообще сила государственной власти колоссально увеличилась, ибо к экономическому моменту присоединяется вся мощь государственной экономики, которая вместе с государственной властью является на исторических весах гирькой немалого веса.

Поэтому важно не только то обстоятельство, что рабочий класс захватил власть. Важно и то, что увеличиваются возможности в смысле того прироста силы и энергии, который получается после завоевания рабочим классом государственной власти. Поэтому совершенно естественно, что факт рабочей диктатуры в числе прочих общественных факторов, в числе прочих сил, определяющих общественное развитие, представляет собой гигантскую величину.

Очень часто говорят: экономика определяет политику. Это верно, это марксистская истина; но имейте в виду, что в нашу политику уже входит в значительной части экономика, ибо в структуре

нашей государственной власти уже заключаются важнейшие экономические факторы, в том числе и те командные высоты, о которых я говорил в первой части своего реферата. Этот факт кладет грань между развитием человеческого общества до пролетарской диктатуры и развитием человеческого общества после установления пролетарской диктатуры. В самом деле, возможно ли, что в деревне все идет так же и в том случае, если есть пролетарская диктатура с ее политическим и хозяйственным аппаратом, и в том случае, если ее нет? Конечно, невозможно.

Само собой разумеется, что факт пролетарской диктатуры неизбежно должен внести какие-то глубокие изменения. Какие? Если бы дело заключалось только в одной политической государственной оболочке, а все остальное оставалось бы таким же, как и при капиталистическом режиме, т. е. если бы существовало такое положение, что пролетариат имеет государственную власть чисто политического типа, а промышленность находится в руках капиталистов, то ясно, что в деревне отношения складывались бы по прежнему типу. Разница была бы только та, что мы административно нажимали бы изо всей силы, но результатом этого нажима был бы неизбежный крах пролетарской диктатуры.

Если бы мы не экспроприировали крупный капитал, а только маневрировали бы в области чистой политики, то, безусловно, мы потерпели бы крах. Наша сила заключается не только в том, что мы имеем политическую власть. Наша сила заключается в том, что мы эту политическую власть вовремя стали делать рычагом экономической перестройки, и сейчас наша судьба определяется уже таким соотношением сил, когда мы имеем за собой экономические командные высоты, представляющие собою составную часть нашего государственного аппарата.

И вот, товарищи, если это так (а это безусловно так), если пролетарская диктатура с ростом нашего хозяйства все больше и больше будет представлять собою руководящую хозяйственную силу — то, само собой разумеется, из этого неизбежно вытекает, что в деревенское развитие вливается такой поток, который самым существенным образом изменяет это развитие по сравнению с предшествующим историческим периодом.

В этой связи перед нами выступает вопрос, который был поставлен с такой гениальной яркостью и с такой силой Лениным в «Страничках из дневника», в его статье «О кооперации» [16], мимо которой мы не можем пройти, ибо это есть самое существенное, что было сказано о нашей политике в отношении крестьянства. Те дополнения к положениям Ленина, которые необходимо сделать теперь, благодаря накопившемуся опыту, ни на одну йоту не зачеркивают гениального стратегического плана, развернутого в этом втором варианте товарища Ленина.

Всем известно, что между нами и народниками велся очень крупный спор. Многие из русских народников, а также и иностранных, развили в своем роде довольно стройную теорию так называемого некапиталистического развития крестьянского хозяйства. Они создали теорию так называемой «некапиталистической» эволюции сельского хозяйства, причем в народническом лагере было одно превалирующее течение, которое считало, что мелкое хозяйство в земледелии вообще выгоднее крупного, что машины в земледелии не могут быть так выгодны и т. п.; но было и течение, правда очень маленькое, среди русских народников или полународников, которые соглашались с марксистами, что применение машин — это есть спасение для сельского хозяйства, которое считало, что крупное хозяйство гораздо лучше мелкого, выгоднее его, рациональнее, но которое утверждало, что в рамках капитализма сельское хозяйство крестьянина идет к крупному хозяйству совершенно особым путем — *некапиталистическим*, и в качестве этого пути оно выставляло как раз кооперацию.

Одним из довольно крупных русских теоретиков этого направления, которое признавало все преимущества крупного хозяйства, или почти все,— являлся Суханов, который в своей книге, произведшей в свое время большой шум, выставляет с своей стороны довольно стройную сеть аргументов. Марксисты правы, говорил он, когда утверждают, что крупное производство в сельском хозяйстве имеет преимущества перед мелким, но крестьянство идет к крупному производству совершенно особым путем — *через кооперацию*. Эта кооперация, кооперация трудовых крестьян, есть особое явление. Мало-помалу она вырастает в большую силу, являющуюся базой для социализма. Марксисты-социал-демократы ошибаются, утверждал Суханов, что сельское хозяйство идет по линии капитализма. Наоборот, характерна его *«декапитализация»*. Оно имеет свой особый путь *некапиталистического* развития. Этот путь есть кооперация.

Целый ряд теоретиков так называемого «аграрно-кооперативного социализма» в Западной Европе в разных вариантах развивали такую же концепцию, такую же систему взглядов. Это, конечно, совершенно неправильная система взглядов. Нужно прежде всего посмотреть, что нам дает в этом отношении интересного и поучительного капиталистический строй; как действительно обстоит там дело, каким образом буржуазия держит крестьянство в своем хозяйственном подчинении. Тут не нужно обольщаться. Мы видим, как в Западной Европе (речь идет не о колониях, а о таких странах, как Франция, Германия и пр.) подавляющее большинство крестьянства идет за помещиками и буржуазией. В этих странах буржуазно-аграрные революции против крепостничества уже давно канули в прошлое. Но каким же образом

буржуазия и помещики держат крестьянство полностью или почти полностью в своих руках?

Одним из важнейших средств, а сейчас важнейшим средством влияния на крестьянство является у буржуазии кооперация. Если мы берем такую страну, как Германия, страну, которая наиболее пострадала от войны и где, следовательно, классовый антагонизм выражен наиболее резко, и попытаемся анализировать социальные отношения в деревне, то мы натолкнемся здесь на поразительные факты.

Самой крупной организацией, объединяющей сельскохозяйственное население, является Reichslandbund *, насчитывающий больше 2 млн членов. Но характерна социальная структура этой организации; характерно, из каких слоев она состоит. Половина всего сельскохозяйственного пролетариата Германии входит в этот союз, командующую верхушку которого составляют крупные помещики графы, князья, бароны и т. д.; половина сел.-хоз. пролетариата в такой передовой стране, как Германия, входит в организацию, руководимую баронами, князьями, помещиками! Этот союз представляет собою колоссальной величины машину, которая имеет гигантский аппарат, причем чиновниками его являются, главным образом, офицеры армии, имеющие свои организации, свои централизованные правления, которые опираются на целую громадную сеть кооперативов, которые имеют в своих руках целый ряд банков, сросшихся с индустрией.

Во Франции такое же положение: 7 крупных организаций, в которых крестьяне руководятся помещиками, и одна, маленькая,— наша, которая, по сути дела, представляет почти нуль по своей числовой величине. Крупные генералы, империалисты, стоят во главе ряда крупнейших кооперативных учреждений. В Америке недавно был гигантский сельскохозяйственный кризис. В этой стране, благодаря сел.-хоз. кризису, обостренному высокими ценами на изделия промышленности, так называемыми «ножницами», усиленно раздвигаемыми американскими трестами, разорилось около 30% фермеров. Банковики сумели целым рядом кредитных учреждений взять в свои руки фермерские кооперативные организации и целиком держать их в своих руках.

В Финляндии довольно мощная крестьянская кооперативная организация целиком находится в руках двух частных банков. Каким образом это достигается? Очень ловкой кредитной политикой, очень умной политикой регулирования отношений. Получилось так, что даже в том случае, если налицо были организации не эксплуататорского типа, а объединения трудового крестьянства,— они постепенно превращались в организации, руководимые

* Имперский земельный союз. *Ред.*

помещиками и буржуазией, в конце концов влезавшие всеми своими частями в общий буржуазно-помещичий аппарат. В рамках капиталистического режима иначе и быть не может.

Возьмем, к примеру, кредитную кооперацию. Кредитная кооперация, поскольку она работает и развивается, должна иметь какие-нибудь сношения с другими институтами, банками в первую очередь, ибо у нее откладывается лишний капитал, который она не может пустить непосредственно в оборот. Хочет ли кооперация *поместить* на время за проценты свой капитал, желает ли она *иметь кредит* прямо или косвенно, она вынуждена обращаться к *буржуазному* банку, так как другого в капиталистических странах нет.

Если банк дает кредит целому ряду кооперативных организаций, он, конечно, заинтересован в их процветании; они, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы объединиться друг с другом и так постепенно они втягиваются в капиталистическую финансовую систему.

То же самое происходит со сбыто-закупочной и другими видами кооперации в условиях господства капитала.

Если помещики и буржуа могли в условиях капиталистического господства путем умной политики построить союз с крестьянами против рабочих и добиться таких отношений, когда с бароном, князем и графом сотрудничает половина сельскохозяйственного пролетариата, то мы будем круглыми дураками, если не сумеем установить союз с крестьянством, к которому мы стоим неизмеримо ближе, чем бароны. И если крестьянин вползал через кооперативные организации в систему промышленного и банковского капитала, то при нашей диктатуре, при соотношениях нашей государственной власти с сельскохозяйственными учреждениями, в условиях национализации земли, чего нет ни в одной стране мира, он может постепенно врастать в систему социалистических отношений *через кооперацию*.

Однако надо себе представлять, что это движение крестьянства к социализму будет протекать в противоречивых формах. В этой области мы пережили ряд иллюзий, мешавших правильной политической работе. Кое-что от этих иллюзий осталось еще и теперь.

Многие товарищи и посейчас склонны по военно-коммунистическому переоценивать роль коллективных производственных объединений в деле приобщения крестьянства к социализму. Что мы должны всячески пропагандировать среди крестьянства объединения в коллективные хозяйства, это — верно, но неверно, когда утверждают, что это есть *столбовая* дорога для продвижения массы крестьянства по пути социализма [17]. Как же мы должны втягивать в нашу социалистическую организацию крестьянство? Только

путем хозяйственного *заинтересовывания* крестьянства. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что она дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, то он должен получать дешевый кредит; если это кооперация по сбыту, то он должен более выгодно продавать свой продукт и быть от этого в выигрыше. Если он хочет закупить что-нибудь, то он должен это делать через свою кооперацию, он должен получать через кооперацию более добротный и более дешевый товар и таким путем строить кооперацию дальше.

Таким образом, мы заинтересовываем его, как мелкого собственника, как мелкого хозяйчика. Это ни капли не страшно, потому что, в конце концов, на этом самом своем хозяйственном росте крестьянин будет продвигаться по пути превращения самого себя и своего хозяйства в частицу нашей общегосударственной социалистической системы, так же как в капиталистическом режиме он врастает в систему капиталистических отношений. Предположим, мы имеем дело с сберегательными кассами и какой-нибудь кредитной кооперацией. Предположим, перед нами зажиточный крестьянин, имеющий лишнюю деньгу, желающий накоплять. Куда он вносит эти деньги? — В сберегательную кассу, связанную с нашими государственными банками. Крестьянин заинтересован, таким образом, в прочности нашего банка, в прочности нашего государственного режима. Заинтересован очень прочно. А если этот банк дает ему через его кредитную организацию более дешевый кредит, чем бывало при царе, то заинтересованность растет все больше. Берем пример, наименее для нас выгодный. Кулак, который эксплуатирует своих батраков, накопляет, получает прибавочную ценность, вносит вклады. Куда он вносит вклады? В конечном счете в наши банки. Получаем ли мы в этом случае какую-нибудь пользу? Получаем, потому что тем самым имеем добавочные ресурсы, рост которых дает нам возможность кредитовать *середняцкую* кооперацию и тянуть *всю* массу крестьянства к хозяйственному подъему. Вклад кулака мы используем для того, чтобы поддержать *другие* слои крестьянства.

Мы привели пример кредитной кооперции, но то же самое происходит и с закупочно-сбытовой кооперацией. Здесь тоже налицо связь ее с банками пролетарского государства, регулирующая роль последних, накопление в этих банках, в особенности в условиях растущего экспорта.

Таким образом, крестьянская кооперация будет срастаться с экономическими организациями пролетарской диктатуры, будет постепенно вдвигаться в систему социалистических отношений. Совершенно не нужно смущаться тем, что дело начинается не с производства, а с обращения. Логика вещей обязательно приведет к тому, что вслед за кооперированием в области обращения

неизбежно будет идти разными путями и кооперирование производственное.

Само сельское хозяйство неизбежно будет индустриализироваться. Так, наша маслобойная кооперация связана с маслобойными заводами или наша кооперация, охватывающая районы с производством картофеля, связывается со всевозможными заводами, занимающимися переработкой этого картофеля. Кооперативные объединения начинают иметь и будут иметь заводы по выделке консервов, по сушке овощей, маринованию и т. д.

Снабжение тракторами и расширение электрификационной сети дадут возможность перейти от кооперирования в процессе обращения *к процессу* производства. Гладко ли будет протекать этот процесс? Нет, не просто и не гладко, потому что развитие будет идти в противоречивых формах. Крестьянство у нас неоднородно. Классовая борьба в деревне сразу не отомрет. Этого никто не будет отрицать, думать это было бы бессмысленной маниловщиной. Наоборот, в ближайшее время она будет расти. Но делать из этого выводы о «второй» революции нелепо и неправильно.

Ясное дело, что в некоторых кооперативных объединениях будут преобладать бедняки, в других — середняки, в третьих — кулаки. Совершенно естественно, что в колхозах будет прежде всего бедняк, что в кредитной кооперации в целом ряде пунктов будет брать верх в первое время кулак, что мы будем с ним на выборах правлений вести ожесточенную борьбу. Это все верно, но если мы будем вести правильную политику, то нам не придется проделывать снова революции. Наша политика должна заключаться в том, чтобы из всех предстоящих выгод положения, от ускоренного хозяйственного оборота, роста национального дохода, который получается от общего роста товарооборота, от роста госхозяйства и частного хозяйства,— мы могли получить средства для помощи массе среднего и бедного крестьянства.

Можно ли и нужно ли сейчас проповедовать обострение классовой борьбы в деревне? Нет, у нас сейчас другое положение. Мы должны действовать *хозяйственными* путями, чтобы путем хозяйственных мероприятий, в первую очередь через кооперацию, двигать вперед основную массу крестьянского населения.

В заключение мы считаем необходимым сказать несколько слов об этом вопросе в связи с теорией классов.

Классом крестьянство в собственном смысле слова является лишь в феодальном обществе, и притом там оно является основным классом. В капиталистическом обществе крестьянство не класс в собственном смысле этого слова, потому что оно разлагается и выделяет сел.-хоз. буржуазию и сел.-хоз. пролетариат. Но капиталистическое общество сохраняет в себе еще значительное количество феодальных элементов. Чем больше феодальных пережитков в обществе, тем более крестьянство является классом. Вот почему в Октябрьскую революцию мы шли вместе со всем крестьянством вплоть до кулаков [18]. Это было потому, что у нас страшно сильны были остатки не только капитализма, но и феодализма. Поскольку у нас были сильные феодальные отношения, крестьянство было классом как целое. Поскольку у нас был развит капитализм, постольку крестьянство не было классом.

Поскольку у нас в момент свержения капитализма капиталистические отношения в деревне не были развиты — постольку оставалась большая серединка этого крестьянства — крестьянин-середняк. А поскольку мы произвели уравнительную дележку, этот середняк вырос в большую силу.

Поскольку мы будем хозяйственно расти и через кооперацию, налоговую систему и пр. уже не на основе грабительской дележки, выражаясь вульгарно, а на основе хозяйственного подъема, поскольку середняка и бедняка мы будем хозяйственно поднимать,— постольку мы все больше будем приближаться к тому, что уровень жизни середняка и бедняка будет приближаться к уровню более зажиточного хозяйства; а затем на основе этого подъема мы достигнем еще более высокой ступени, когда крестьянство будет исчезать и по отношению к пролетариату, как особый класс.

Вот что нужно иметь в виду как определенную перспективу, которая еще очень далека, но уже стоит перед нами.

У нас — рабочая диктатура, но эта рабочая диктатура имеет союзника в лице крестьянства, и, чем больше она хозяйственно и культурно помогает крестьянству, тем больше крестьянство будет втягиваться в нашу общую систему через кооперативные организации, тем больше крестьянство будет приобщаться к общей культуре, тем больше будет стираться разница между пролетариатом и крестьянством. Мы вообще идем к тому состоянию, когда деление между рабочими и крестьянами превратится в деление на передовой слой трудящихся и его отсталые слои.

Сейчас этого еще нет, но основная роль рабочего по отношению к крестьянству заключается в функции *руководства*.

У нас диктатура рабочего класса, но отношение диктатуры рабочего класса к буржуазии — это одно, а отношение ее к мелкой городской буржуазии — другое, а отношение к крестьянству — это третье. Это нужно помнить. С крестьянством наша диктатура находится в союзе, она должна руководить крестьянством в борьбе за бесклассовое коммунистическое общество.

Печатается по книге: Бухарин Н. О новой экономической политике и наших задачах: Доклад на собрании актива Московской организации 17 апреля 1925 г. Харьков: Изд-во «Пролетарий», 1925

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ[1]

1925 г.

I. МЫ ВЫХОДИМ ИЗ НИЩЕТЫ. МЫ СТРОИМ СВОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЗ ПОМЕЩИКОВ И КРУПНЫХ КАПИТАЛИСТОВ

Начиная с 1924 года мы, рабочий класс и крестьянство прежней царской России, начали довольно быстро вылезать из ужасной разрухи, стали залечивать тяжелые раны, стали изживать неурядицу и беспорядок, царившие в прошлые годы. Всякому — другу и недругу — теперь уже делается ясным, что хозяйство огромной страны начинает становиться на ноги. Какую отрасль производства мы ни возьмем, всюду мы замечаем оживление, подъем, продвижение вперед.

В нашей стране основой всего хозяйства является *сельское хозяйство*. *Промышленность* у нас развита сравнительно слабо, и она в своем развитии тоже зависит от роста сельского хозяйства. Сельское же хозяйство в наших условиях — это есть хозяйство *крестьянское*, больше 20 миллионов крестьянских дворов.

За годы империалистической войны, за годы войны гражданской, за годы великой разрухи это крестьянское хозяйство было подорвано, разорено, обнищало. Но теперь всякий видит, что мало-помалу деревня наша начинает накапливать силы: увеличивается запашка, растет производство, поднимаются новые культуры, крестьяне переходят от трехполья к многополью, кое-где появляются новые машины и тракторы; словом, помаленечку начинается и здесь движение вперед. Правда, царит еще море нищеты и море темноты. Но, если сравнить теперешнее положение с годами гражданской войны, нет сомнения в том, что *мы вылезаем из нищеты*.

Вспомним прошедшие годы. В *городах* большинство фабрик и заводов стояло, лучшие рабочие дрались на фронтах, не было в городах топлива, не было сырья, не было хлеба. Огромные фабрики и заводы не работали, магазины стояли пустыми, города быстро таяли, и народ из них бежал в поисках за куском хлеба в далекие деревушки, чтобы поближе быть к земле, чтобы как-нибудь отсидеться, чтобы хоть где-нибудь раздобыть кусок хлеба или мешок картофеля. Можно сказать, что все города ходили тогда «в куски», ходили побираться, растекались и расплескивались по всей стране.

А теперь мы видим, как снова быстро начинает расти город, как оживают фабрики и заводы, как начинают строиться новые дома, как кипит городская жизнь. Рабочий класс, истощенный голодухой, начинает оправляться от ужасных годов разрухи. Поднимая производительность труда, он (рабочий класс) обеспечивает себе все больше и больше лучшую жизнь. Понемногу начинаем мы строить и *новые* заводы. Понемногу идет вперед постройка электростанций, и электролампочка становится уже не такой редкой гостьей и под соломенной деревенской крышей.

Быстро подвигается вперед и развитие нашего *транспорта*. Стоит только сравнить и здесь прошлые годы с тем, что есть сейчас. Все мы помним, как ползли редкие поезда с выбитыми стеклами вагонов, все облепленные, точно муравьями, бесконечным количеством людей с мешками за спиной. Вся страна точно разбилась тогда на ряд осколков, и часто было почти невозможно в течение долгого и долгого времени перебраться с одного места на другое. А так называемые «паровозные кладбища» (груды старых, испорченных, поломанных, заржавевших покойников-паровозов, разбитых, разломанных, изуродованных вагонов) были свидетелями того хаоса, той великой неурядицы, которые царили тогда в нашем транспорте.

Теперь мы упорядочили наше хозяйство и здесь. И железнодорожный и водный транспорт делают все большие и большие успехи, начинают приносить государству прямую прибыль. Канули в вечность годы разрухи, исчезли навсегда старые неурядицы.

Вспомним также судьбу наших советских денег. Помним мы, как все падала и падала ценность наших советских знаков, которые брались уже на фунты, точно простые лоскутья негодной бумаги. На волоске этих несчастных советских знаков держалась государственная казна. Это было время, когда хозяйство и государственная казна были совсем близки к своему полному краху.

А теперь мы имеем *«твердые деньги»*, по городам и селам гуляет уже давно серебряная и медная монета, прочно стоит наш червонец. И крестьянин, и рабочий, и крестьянский двор, и завод, и фабрика, и рудник могут теперь считать, строить план своего хозяйства, знать наперед, что им нужно и можно расходовать, что им придется платить. Государственная казна может правильно считать свои доходы и расходы, составлять правильный план в своем собственном огромном хозяйстве.

Таким образом, по всем направлениям мы продвигаемся к лучшему будущему. Страна наша становится богаче, мы начинаем наносить удары бедности и нищете.

Подавляющее большинство всего того, что есть в нашей стране, *принадлежит рабочему классу и крестьянству*. Правда,

мы допустили частного торговца, купца, посредника: мы разрешили кое-где — где сами не могли справиться — вести свое дело частным капиталистам. Местами мы сдали в концессию (в аренду) крупным иностранным капиталистам кое-какие предприятия, поднять которые нам самим еще не под силу и за аренду которых иностранный капитал платит нашему государству. Но если мы будем рассматривать наше хозяйство в целом, то на долю частных, арендованных и концессионных предприятий, промышленных и торговых, придется не так уж много [2]. Подавляющее большинство хозяйств — это хозяйства рабочего государства, или хозяйства крестьян, или мелкие хозяйства кустарей и ремесленников.

О чем, прежде всего, говорят эти факты?

Эти факты, прежде всего, говорят о том, что рабочие и крестьяне одни, без помощи капиталистов и помещиков, без прежних хозяев и управителей, без тех, кто командовал в течение десятков и сотен лет, простой народ, могут строить свое хозяйство.

Это обстоятельство имеет поистине огромное значение. Никогда еще в мире не было такого великого переворота, какой произошел у нас в октябре 1917 года. Ни разу и нигде, ни в одной стране, не удавалось еще трудовым народным массам согнать с теплых местечек командиров буржуазного строя. Нигде еще рабочие и крестьяне не были в состоянии сами приняться за дело устроения своей собственной судьбы. И защитники буржуазного строя, защитники помещиков и капиталистов, постоянно жужжали во все уши, что трудовые массы — рабочие и крестьяне — не в состоянии будут, даже если бы захотели, вести хозяйство, управлять страной. Говорилось и писалось, что «простой», «неученый» народ никогда не сможет вести такого сложного дела. И после октябрьского переворота почти каждый день и каждый час предсказывалась наша неизбежная гибель. Всего за несколько дней до октябрьского переворота самый умный представитель русской буржуазии, кадет Милюков, писал, что большевики никогда не посмеют взять в свои руки власть. А когда большевики, т. е. партия рабочего класса, опирающегося на крестьянство, эту власть «взяли», то все враги трудящихся со злорадством ожидали ее падения. И тем не менее рабочий класс и крестьянство оказались в состоянии обойтись и без помещиков, которые навсегда сметены и выкорчеваны с лица нашей земли, и без крупных воротил капитала, которые доживают свои дни по заграничным столицам.

То обстоятельство, что трудовые массы *управляются сами*, имеет громаднейшее значение не только для нас, но и для трудящихся всего мира. Этот неслыханный и невиданный пример постоянно будет звать трудящихся других стран к великой переделке мира, к великой его перестройке. Этот пример на опыте, делом, опровергает россказни и басни защитников буржуазного порядка, что нельзя обойтись без капиталистов и помещиков. Этот пример вселяет бодрость и уверенность в души всех революционных борцов, в души строителей нового общества.

II. ПОЧЕМУ МЫ ДО СИХ ПОР ПОБЕЖДАЛИ? (СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН)

Если до сих пор мы оказались в состоянии выйти из всех трудностей, вывернуться из самых тяжелых положений, то это, главным образом, могло случиться потому, что в нашей стране создался против *союза помещиков и капиталистов* другой союз, *союз рабочих и крестьян*.

Во всех странах богатые (банкиры, заводчики, фабриканты, крупные помещики, владельцы железных дорог, рудников и т. д.) держатся тем, что порабощают волю значительной части трудовых масс. И только тогда приходит смертный час государству капитала и государству помещиков, когда *рабочий класс* целиком уходит из-под влияния буржуазии и когда он, этот рабочий класс, *вырывает* широкие слои *крестьянства* из-под этого влияния буржуазии, помогает крестьянству освободиться от него, помогает стать ему на новые рельсы, на новые самостоятельные пути. И только когда против капиталистов и помещиков, против этого союза богатых классов, классов нетрудящихся, вырастает союз классов трудящихся, союз рабочих и крестьян,— только тогда оказывается возможной победа над старым строем и укрепление строя нового. Эту истину нужно помнить всегда, о ней нельзя позабывать ни на одну минуту. И всякий сознательный рабочий и крестьянин должен ее прочно усвоить, ибо только при таком условии можем мы надеяться на свои дальнейшие успехи.

Эта истина подтверждается, прежде всего, в ходе самой революции у нас. Возьмем нашу октябрьскую победу и посмотрим, благодаря чему мы оказались в состоянии победить. Не трудно будет убедиться, что октябрьская победа оказалась возможной именно благодаря тому, что в ходе борьбы рабочий подал руку крестьянину, а крестьянин протянул свою руку рабочему. Что было главным требованием крестьянства? Главным требованием крестьянства было требование земли и мира. Что было главным требованием рабочего класса? Главным требованием рабочего класса было требование перехода фабрик и заводов от капиталистов в народную собственность, было требование мира, было требование Советской власти. Крестьяне никак не могли бы добиться своего, если бы они не поддержали рабочих, и рабочие, со своей стороны, никак не могли бы добиться своего, если бы

они не поддержали всей своей силой требований крестьян. Таким образом создался и выковался тот союз, тот «блок» между рабочим классом и крестьянством, который сделал сравнительно легкой победу в великие октябрьские дни. Дело было решено совместными и необычайно дружными действиями рабочих и солдат, солдат, которые были плотью от плоти и костью от кости нашего крестьянства. Солдаты хотели мира — и крестьяне хотели мира; крестьяне хотели земли — и солдаты хотели земли; крестьяне хотели расправы с помещиками — и солдаты хотели расправы с помещиками. Все эти требования поддерживались, распространялись, становились боевыми лозунгами в руках рабочего класса и его партии. Требования крестьян сплелись с требованиями рабочих. Требования рабочих сплелись с требованиями крестьян. И против этого соединенного напора огромнейшего, подавляющего большинства населения нашей страны не могли устоять никакие силы. *В этом лежит корень октябрьской победы.*

Почему победили мы, далее, в *гражданской войне*, тянувшейся целый ряд лет? Ведь после нашей октябрьской победы против нас ополчились и иностранные капиталисты, которые поспешили на помощь российской буржуазии. Ведь наша буржуазия и ее вооруженные силы были поддержаны всеми средствами — и военно-политическими, и финансовыми — со стороны целого ряда буржуазий могущественных государств. Неоднократно наша Советская страна была в огненном кольце, была окружена со всех четырех сторон войсками неприятеля. Ведь бывали минуты, когда Советская республика сводилась всего к нескольким губерниям, плотно сжатым наступающими отрядами врагов. Ведь бывали минуты, когда под непосредственной угрозой находился Петроград — передовой город пролетарской революции. Ведь было время, когда Деникин подходил к Орлу, а в Москве белые заговорщики уже формировали свои штабы и свои офицерские кадры для грядущей расправы с «коммунистическими собаками». Ведь мы переживали неоднократно целые месяцы, будучи отрезанными и от нефти, и от угля, и от хлеба. Ведь целые годы мы жили на положении со всех сторон осажденной крепости, в которой уже начался голод и мор. *И тем не менее*, мы все же победили в этой исключительной по своей жестокости и по своему напряжению гражданской войне между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между помещиками и капиталистами, с одной стороны, и рабочими и крестьянами — с другой. Где же корни *этой* победы?

Эти корни лежат, *во-первых*, в том обстоятельстве, что *трудящиеся массы Запада*, иногда сознательно, а иногда повинуясь лишь голосу своего классового инстинкта, становились на нашу

сторону, оказывали сопротивление своему начальству, своим правительствам, своим командирам и в разных формах, по-разному, мешали этим правительствам выполнять палаческое дело удушения победоносной революции в России. Не раз случалось, что отряды иностранных войск поднимали красные флаги и уходили с наших фронтов.

Второй, внутренней причиной нашей победы был опять-таки крепкий *военный союз между рабочими и крестьянами нашей страны*. Крестьяне поддерживали рабочих в их борьбе против наседавших со всех сторон врагов. Этот военный союз между рабочим классом и крестьянством был продолжением и развитием боевого союза этих классов во время Октябрьской революции.

Этот военный союз, само собой разумеется, не висел в воздухе — он опирался на связь коренных интересов. Крестьянство, борясь с врагами, защищало недавно отвоеванную от помещика землю. Вражеские войска вели за собой целый хвост капиталистов, крупных землевладельцев, князей, бароньи графов, вытуренных из своих поместий и жаждавших получить обратно насиженные в течение веков старые, родовые дворянские гнезда. И когда крестьянские сыновья — солдаты нашей Красной Армии, испытывая голод и холод, болея тифом, босые, отстаивали границы Советской страны и штыками отбивались от противника, они защищали великое дело освобождения *от ига помещиков*. Они видели, что нельзя укрепить за собой отвоеванную землю иначе, чем в союзе с рабочим классом, который посылал на фронты своих лучших сынов. Они подчинялись руководству рабочего класса, потому что видели, как в революционной, классовой схватке сыны фабрик и заводов героически отстаивают революционное дело, жертвуя всем ради победы над врагом. Они видели также, что только Советская власть является надежной опорой в этой невиданной борьбе. Со своей стороны, рабочий класс точно так же видел, что пришествие помещиков означало бы и пришествие капиталистов, и возврат всего старого режима в целом, и потерю завоеванных в октябрьской битве фабрик и заводов, и уничтожение Советской власти. Военный союз рабочего класса и крестьянства в гражданской войне опирался, таким образом, *на общность основных и коренных задач*, которые стояли на очереди перед обоими трудящимися классами нашей страны. Правда, тяжести этого времени, когда нужно было с необычайной твердостью собирать все, что необходимо было для прокормления Красной Армии, для поддержки фронта, для поддержки оставшихся в голодных городах рабочих,— тяжести этого времени не раз и не два колебали некоторые слои крестьянства. Не раз и не два эти слои крестьянства, измученные тяжестью борьбы

и не понимавшие необходимости в огромных жертвах, перебегали на сторону противника, на сторону белых, на сторону учредиловцев, на сторону колчаковцев. Но суровый опыт гражданской войны всякий раз показывал им, что в стане белых нельзя искать спасения, ибо этот стан есть стан заклятых врагов не только рабочего класса, но и крестьянства. Колчаки и Деникины вколачивали шомполами веру в правоту большевистского дела и понимание необходимости тесного содружества с рабочим классом. В результате этого мучительного опыта, опыта, завоеванного кровью, крестьянство нашей страны убеждалось все более и более в необходимости жертв ради великой победы над противником. Так выковывалась спайка между рабочим классом и крестьянством в борьбе против общего врага. И здесь лежит *второй* корень нашей победы над всеми противниками, своими, отечественными, и иностранными. *Победа над союзом помещиков и капиталистов есть победа союза рабочих и крестьян.*

Когда последние отряды буржуазно-помещичьих армий были сброшены в море, и под советским знаменем, под красным флагом революции, вновь объединилась на новых основах, на основах мирного и добровольного сожительства многочисленных трудовых народов, наша страна, началось *новое* время, стали на очередь *новые* задачи. Мы уже переставали быть осажденной, воюющей, отбивающейся крепостью. Гражданская война заканчивалась. Нужно было возможно более быстро переходить к мирному труду. Нужно было начинать чинку потрепанного хозяйства. А для всего этого нужно было перейти к другой экономической политике, которая соответствовала бы новому времени и новым задачам, ставшим в упор перед трудящимися классами нашей страны. Продразверстка нужна была для того, чтобы во что бы то ни стало прокормить армию и остатки голодного рабочего класса, без которого крахнуло бы все дело революции. Но продразверстка и запрещение торговли совсем не годились для того времени, когда нужно было перейти к подъему производительных сил сельского хозяйства и к развертыванию нашей промышленности. Так совершился переход к новой экономической политике. Мало-помалу отступали на задний план, а потом исчезали и совсем остатки вооруженной борьбы против нас со стороны капиталистических держав. Наше хозяйство стало подыматься. Мы начали все больше торговать с капиталистическими государствами, и после ряда колебаний они стали скрепя сердце признавать одно за другим Советскую власть за «законную» власть на землях бывшей царской империи. И вот здесь перед нами в новой форме встает вопрос: как обеспечить нам дело своей окончательной победы, дело укрепления власти трудящихся, дело нашего хозяйственного роста, дело строительства

нового общества, новых порядков, новых отношений? На этот вопрос мы должны ответить: мы победим окончательно, мы победим полностью и целиком, мы действительно устроим новое трудовое общество только тогда, если в этих новых мирных, не военных условиях сумеем вновь укрепить тот союз между рабочим классом и крестьянством, который обеспечивал нам победу на протяжении всей нашей революции. Вот почему мы должны вновь и вновь ставить перед собою вопрос о союзе между пролетариатом и крестьянством. Это не просто *повторение* старого вопроса, потому что речь идет о *новых* условиях, *более* сложных, чем раньше. Мы растем, мы хозяйственно становимся все сильнее и сильнее. Но зато не так виден наш общий враг, как в былое время гражданской войны. И нужно разобрать все опасности, лежащие на нашем пути, чтобы не поскользнуться и не проворонить того дела, ради которого мы сражались в течение стольких лет.

III. РАБОЧИЙ КЛАСС И КРЕСТЬЯНСТВО

В союзе рабочего класса и крестьянства, в союзе, благодаря которому мы устояли в борьбе с врагами и начали подымать наново хозяйство нашей страны, *руководящая роль принадлежала рабочему классу*. Рабочий класс в нашей стране не есть большинство трудящегося населения. Громадное большинство этого трудящегося населения состоит из крестьян. И тем не менее рабочий класс был и остается руководящей силой. Для того чтобы понять, почему это так случилось и почему это нужно для победы над помещиками и капиталистами, необходимо подробно рассмотреть положение этих классов в капиталистическом обществе.

При капитализме, при господстве буржуазии, во всех странах, в том числе и у нас, *город* всегда был кровососом по отношению к *деревне*. Все достижения техники и науки, все завоевания культуры сосредоточивались главным образом и прежде всего в городе. Деревня, сельское хозяйство были и есть на втором плане. Они неизбежно далеко отставали в своем развитии от города. Город притягивал к себе все лучшие силы, наиболее энергичных, дельных и способных людей. Деревня постоянно пустела, отдавая городу свои соки. В городе сосредоточивалась вся грамотность, все образование современного общества. В городе накапливались все сведения о том, что происходит в различных уголках земного шара. В городе находились и находятся основные узлы государственного аппарата, правительственные учреждения, все орудия сильных и мощных буржуазных государств. Деревня неизбежно обрекалась на замкнутое сущест-

вование, деревня на целые века отставала по своим знаниям, по своей грамотности от города.

Вот эта основная разница наложила свою печать на рабочих, с одной стороны, и на крестьян — с другой стороны. Но дело, конечно, не только в этом. *Рабочий класс* фабрик и заводов *не связан ни с какой собственностью*. Он продает в капиталистическом обществе свои рабочие руки хозяину. Он видит ежедневно, ежечасно, что он работает на этого хозяина. Он начинает ненавидеть буржуазию, не верить ей. А с другой стороны, каждый рабочий привыкает *работать бок о бок с другим таким же рабочим*. Рабочие живут и работают, будучи скоплены огромными массами на гигантских фабриках и заводах, в шахтах и на рудниках. Они не только научаются ненавидеть буржуазию, не верить ей, раскрывать всякий обман с ее стороны, но они научаются давать ей *общий* отпор. Они привыкают все время к мысли, что только *сообща* можно победить врага, что только *сообща* можно, свалив врага, вести по-новому все хозяйство, управлять по-новому отвоеванной у буржуазии страной. Городская культура все же дает в их распоряжение кое-какие средства, которые позволяют рабочему выстроить свои ряды в стройную армию, идущую в бой против господства помещиков и капиталистов, разгадывая все хитрости врага. Не так обстоит дело с крестьянином. Крестьянин работает сам, своим *особым хозяйством*, своей семьей, своим двором. Он не привык, за немногими исключениями (например, покосы и т. д.), работать сообща и совместно со своими односельчанами. У него особое, *частное*, хозяйство, он видит прежде и раньше всего интересы этого *своего* мелкого хозяйства. Условия деревенской жизни редко выводят его за пределы деревенской околицы. До сих пор есть еще крестьяне, которые никогда не выезжали даже в уездный город, есть и такие, которые никогда не ездили по железной дороге.

Конечно, это не «вина» крестьянина, а его беда. Но тем не менее это — факт, и с этим фактом, с этой действительностью нужно считаться, нужно принимать ее во внимание.

Крестьянство к тому же *совсем не однородно*. Крестьянином зовется и зажиточный трактирщик, деревенский ростовщик, кулак; крестьянином зовется и крепкий хозяин, имеющий нескольких батраков, получающий прибыль с их работы и держащий их в узде; крестьянином зовется и трудовой хозяин, работающий со своей семьей сам для себя, не живущий за счет чужого труда; крестьянином зовется и бедняк, безлошадный, еле-еле сводящий концы с концами и часто подрабатывающий где-нибудь на стороне; крестьянином, наконец, зовется и полубатрак, полурабочий, для которого его крестьянское хозяйство составляет лишь подсобный источник существования.

В капиталистическом строе громадное большинство крестьян обречено, по сути дела, на такое существование, когда люди лишь сводят концы с концами. Но каждый крестьянин, имеющий свое хозяйство, свою *собственность*, ищет, главным образом, выхода в том, чтобы, увеличивши свое хозяйство и свою собственность, попасть в следующий, высший разряд крестьянского населения и таким образом подниматься со ступеньки на ступеньку. Имея свою собственность и надеясь ее увеличить (хотя эти надежды, по сути дела, являются в огромном большинстве случаев пустыми надеждами), крестьянин поэтому имеет *известное уважение и известное доверие к более крупным собственникам*, а следовательно, и к буржуа. Он не научается поэтому ненавидеть богатый класс той ненавистью, которой отличается рабочий класс, стоящий лицом к лицу с капиталом. Часть крестьян даже чувствует известного рода почтение к крупным собственникам, и нужен опыт классовой борьбы и прямых столкновений с противником, чтобы развенчать в глазах крестьянина его классовых врагов. *Поэтому капиталисты и помещики гораздо скорее могут обмануть крестьянина, чем рабочего.*

А с другой стороны, крестьянин, не привыкший к постоянной совместной работе и к совместной борьбе, не в состоянии бывает давать систематический постоянный отпор своим противникам. *Разбросанное по деревням, селам и деревушкам, разбросанное и распыленное, точно песок речной, крестьянство не представляло и не могло представлять из себя той стройной и организованной армии, какую удавалось сколотить городскому рабочему.*

Если при этом вспомнить, что городская жизнь давала и дает городскому жителю гораздо *больше всяческих знаний*, грамотности, уменья распознавать хитрости врагов и т. д., то нетрудно будет сообразить, что *руководство в блоке крестьян и рабочих должно было неминуемо принадлежать рабочему классу*. Ведь из всего того, что мы только что видели, вытекает, что рабочий класс является силой, гораздо более сознательной, гораздо более организованной и гораздо более способной вести за собою широкие слои трудящегося населения. Еще и еще раз нужно подчеркнуть, что не «вина» крестьянина его меньшая сознательность, а его беда. Но точно так же ясно, что руководство со стороны пролетариата будет полезно не только для самого рабочего класса, но и для крестьянства. Без этого руководства проиграли бы не только рабочие, но и широкие слои крестьянства.

Так обстоит дело, если мы рассмотрим вопрос о таком времени, когда рабочий класс и крестьянство идут на штурм против союза помещиков и капиталистов. А как обстоит дело, когда, уже после свержения господства этих помещиков и капиталистов, приходит-

ся управлять государством и вести все хозяйство страны, отвоеванное у буржуазии и помещиков?

Здесь опять-таки нужно внимательнейшим образом рассмотреть вопрос. Рабочий класс и крестьянство не сваливаются с неба, когда они впервые завоевывают власть. Они выходят из недр капиталистического общества. В этом капиталистическом обществе и рабочий класс, и крестьянство находились на положении классов угнетенных. Даже рабочий класс не в состоянии был при капиталистическом строе подняться настолько, чтобы обучиться делу управления. Ведь вся высшая школа была в руках у буржуазии, все командные высоты в правительстве, в армии, в хозяйстве, в науке и т. д. находились в руках господствующих классов. Поэтому рабочий класс не мог никоим образом в пределах капиталистического общества выработать из своей среды все те силы, которые нужны для того, чтобы налаживать самим, и исключительно своими собственными силами, весь огромный и сложный государственный и хозяйственный аппарат страны. Когда трудящиеся массы сбрасывают господство помещиков и капиталистов, то на их плечи немедленно же взваливаются такие тяготы, с которыми раньше не приходилось встречаться. Рабочему классу и трудящейся массе вообще нужно думать теперь уже решительно обо всех областях хозяйства и управления. Им нужны техники и инженеры, химики и агрономы, судьи и администраторы, ученые и учителя — словом, все силы, без которых нельзя вести страну по пути хозяйственного и всякого иного совершенствования. А так как рабочий класс не имел и не мог иметь в своем распоряжении своих собственных сил такого рода, то, естественно, сейчас же после завоевания власти трудящимися массами на очередь становится и вопрос об *использовании* многих из тех сил, которые раньше, в общем и целом, служили верой и правдой, не за страх, а за совесть, старому, теперь уже свергнутому буржуазному режиму. Следовательно, перед трудящимися массами возникает новой сложности задача, задача *подчинения своим целям* и задача *переработки* всех вышеупомянутых сил в том духе, в каком это нужно для упрочения и укрепления нового строя.

Если у рабочего класса не оказывается сразу достаточных сил и он вынужден, борясь с врагами и неустанно искореняя их открытое и скрытое сопротивление, использовать силы, вначале ему враждебные или полувраждебные и только впоследствии переходящие на его сторону, то тем менее сил оказывается у крестьянства, которое, как мы видели раньше, в условиях капиталистического режима оказывается неизбежно *гораздо более отсталым* и гораздо менее способным разгадывать планы врагов и вести правильную политику.

Рабочий класс все же, несмотря на свою придавленность в условиях капиталистического общества, *оказывается способным руководить общей политикой*, общим направлением этой политики и, неизбежно делая ряд ошибок, все же в конце концов учится побеждать и те трудности, которые встречаются на его новом пути.

Само собою разумеется, что рано или поздно и крестьянство все больше и больше будет учиться на опыте делу хозяйственного и политического строительства. Но если уже в то время, когда задачей трудящихся классов было лишь ниспровержение союза помещиков и капиталистов, если в это время необходимой была руководящая роль пролетариата в союзе рабочих и крестьян, то *после завоевания власти* это руководство *отнюдь не становится излишним или менее необходимым*. Наоборот, можно сказать, что в особенности в *первый* период, в первую полосу укрепления и развития нового строя, когда появляются огромные массы новых и чрезвычайно сложных задач, это руководство должно быть обеспечено *во что бы то ни стало*. Дело вовсе не в том, что рабочему классу обязательно «хочется» быть на первом месте. Дело в том, что — как бы ни думали об этом некоторые слои крестьянства — это руководство необходимо и *в интересах самой широкой крестьянской массы*. Если бы рабочий класс потерял, в силу каких-нибудь причин, свое руководство по отношению к крестьянству, то тогда совершенно неизбежно дело кончилось бы победой буржуазии.

Руководство со стороны пролетариата является, таким образом, необходимейшим условием победы рабоче-крестьянского дела. Но вопрос обстоит еще более сложно, чем это кажется на первый взгляд. Дело в том, что и сам рабочий класс неоднороден. У него и внутри него есть *различные составные части*, которые хотя и не так резко отличаются друг от друга, как это имеет место между различными слоями, группами и классами внутри крестьянства, но тем не менее все же должны быть приняты во внимание. Возьмем, например, такой слой рабочего класса, как сельскохозяйственные рабочие — батраки. Они являются наемными рабочими, они большей частью не связаны ни с какой собственностью, но в то же самое время общие условия их труда (деревня и деревенские условия вообще; связанная с этим культурная и политическая отсталость; большая разбросанность в работе; большое сходство с условиями труда в крестьянском хозяйстве и т. д.) страшно затрудняют рост их сознательности по сравнению с городскими рабочими, живущими и работающими скопом в культурных центрах страны. Если мы рассмотрим весь рабочий класс в целом, то увидим, что здесь есть и выходцы из крестьянства, и выходцы из ремесленников, мелких торговцев и т. д. С другой стороны, есть и рабочие, которые уже являются рабочими, быть может, во втором или третьем поколении и с молоком матери уже всосали в себя пролетарский образ

мысли, пролетарские привычки и взгляды. Целый ряд других условий влияет по-разному на различные слои рабочего класса. И поэтому немудрено, что *по своей сознательности* рабочий класс никогда не был — и до сих пор еще не является — совершенно однородным. Наиболее сознательные рабочие, которые яснее и лучше других видят и понимают пути и основные интересы трудящихся масс, объединяются в самой передовой организации трудящихся — в *коммунистической партии*, партии, которая самым последовательным и самым умным образом ведет борьбу за уничтожение власти капитала и за постройку будущего нового общества. Если в партии объединяется наиболее сознательная часть пролетариата, то совершенно очевидно, что *внутри* самого пролетариата ей должна принадлежать, в свою очередь, *руководящая роль*. И здесь мы точно так же можем сказать: конечно, не «вина» наиболее отсталых слоев рабочих в том, что они отсталы, и в том, что они по своей сознательности уступают место другим слоям рабочего класса,— это не вина, а «беда» их. С другой стороны, совершенно понятно и очевидно, что *если бы выпало руководство со стороны партии, если бы это руководство каким-нибудь образом было уничтожено, то это в высокой степени повредило бы всему рабочему классу в целом*, ибо это означало бы уничтожение руководства со стороны наиболее сознательной, наиболее передовой и наиболее организованной части рабочего класса.

Итак, к чему мы пришли? Мы пришли к тому, что для победы рабоче-крестьянского дела, дела трудящихся масс, необходимы следующие основные условия: *во-первых, необходим союз между рабочими и крестьянами, их блок; во-вторых, в этом союзе руководящая роль должна принадлежать рабочему классу; в-третьих, в самом рабочем классе руководящая роль, в свою очередь, должна принадлежать коммунистической партии*. Если внутри рабочего класса уничтожится руководящая роль коммунистической партии или если уничтожится руководящая роль рабочего класса над крестьянством, тогда совершенно неизбежно лопается все рабоче-крестьянское дело, тогда неизбежно побеждают заклятые враги и рабочего класса, и крестьянства.

Можно, однако, поставить вопрос и о таких вещах, где интересы рабочего класса и крестьянства не совпадают, а иногда даже противоречат друг другу. Например, можно указать, что крестьянин продает хлеб, а рабочий этот хлеб покупает. Крестьянин, продающий хлеб, заинтересован поэтому в более высоких ценах; рабочий, покупающий хлеб, заинтересован в ценах более низких. Это противоречие, действительно, существует в жизни. Но мы ведь не говорили, что рабочий класс и крестьянство — это *один и тот же* класс. Мы вовсе не говорили, что между рабочим классом и крестьянством нет *никакой* разницы. Нужно смотреть правде в

глаза и не замазывать дело всякой пустопорожней болтовней. Эти *расхождения между рабочим классом и крестьянством существуют, но они отступают на задний план перед такими интересами и такими вопросами, которые имеют более коренное и более основное значение для обоих классов*. Точно так же помещики и капиталисты никогда не были одним и тем же классом; между ними были очень крупные противоречия интересов: городская буржуазия точно так же покупала хлеб и сырье у помещиков, помещики продавали ей этот хлеб и это сырье; и наоборот, буржуазия продавала помещикам продукты промышленности, и помещики покупали у нее эти продукты. И тем не менее несмотря на это довольно существенное противоречие, союз капиталистов и помещиков, в особенности за последнее время, был основным фактом общественной жизни, и всюду и везде блок помещиков и капиталистов под руководством буржуазии, т. е. под руководством этих капиталистов, являлся господствующей силой, с которой приходилось и приходится вести борьбу рабочему классу и крестьянству. Точно так же, как помещики и капиталисты, не будучи одним классом и отличаясь друг от друга, шли и идут *в блоке, в союзе* друг с другом и все больше объединяются в хозяйственной жизни и в классовой борьбе против рабочего класса и крестьянства, так и пролетариат, не являясь тем же классом, что и крестьянство, тем не менее должен идти в блоке, в тесном союзе с крестьянством; а крестьянство, со своей стороны, должно, ради собственных основных интересов, поддерживать пролетариат, быть с ним в союзе, добровольно соглашаться на руководящую роль рабочего класса, ибо только при этих условиях возможна общая победа рабоче-крестьянского дела.

IV. БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА С БУРЖУАЗИЕЙ ЗА КРЕСТЬЯНСТВО

То обстоятельство, что деревня неизбежно отстает в своем развитии от города, приводит к очень важному явлению. А именно, крестьянство обычно оказывается не в состоянии играть совершенно самостоятельную роль, *оно неизбежно подпадает либо под влияние буржуазии, либо под влияние пролетариата*. Очень часто крестьянство *колеблется* между этими двумя основными классами капиталистического общества. Со своей стороны, буржуазия, используя все преимущества своего положения, используя свои финансовые средства, свое политическое господство, свою монополию на науку, школу, газеты и т. д., ведет систематическую, упорную, никогда не прекращающуюся борьбу за то, чтобы подчинить своему господству, в том числе и своему *идейному* господству, широкие слои

крестьянства, причем проводниками этого буржуазного влияния на крестьянство являются обычно более зажиточные слои крестьянства, естественно тяготеющие к буржуазии. Рабочий класс, в свою очередь, борется за то, чтобы *высвободить* крестьянство из-под влияния буржуазии, разъяснить крестьянству необходимость борьбы с капиталистическим строем, который противоречит основным интересам широкой массы, крестьянской бедноты и отчасти среднего крестьянства. В зависимости от того, куда склоняется, в какую сторону колеблется крестьянство — в сторону пролетариата или в сторону буржуазии, — решается вопрос о том, крепко ли стоит на ногах блок помещиков и капиталистов, или же ему, действительно, грозит серьезная опасность со стороны блока рабочих и крестьян. На примере нашей революции можно прекрасно видеть, каким образом буржуазия пыталась использовать темноту крестьянства и его излишнее доверие к крупным собственникам, использовать для того, чтобы сделать из крестьянства пушечное мясо против пролетариата. И точно так же на примере нашей революции и ее развития можно великолепно видеть, как при правильной политике со стороны пролетарской партии можно вырвать крестьянство, в его же собственных интересах, из-под влияния буржуазии и создать из крестьянства добавочную, очень значительную и мощную силу, острие которой направлено против эксплуататорского капиталистического общества.

Буржуазия непосредственно после Февральской революции пыталась обмануть крестьянство в вопросе о *войне*. Буржуазия, играя на крестьянской темноте и на крестьянской приверженности к родине, пыталась изобразить империалистическую войну, которую она вела по прямой указке английских и французских империалистов, подгоняемая хлыстом этих капиталистов, как войну справедливую, как войну неграбительскую, как войну исключительно оборонительную. Буржуазия играла на патриотических и собственнических струнках крестьянства, буржуазия пыталась изобразить самую революционную партию нашей революции, партию большевиков, как сброд немецких шпионов, немецких агентов, поставивших себе целью распродажу нашей страны германскому империализму. И нужно сказать, что одно время, благодаря бешеной травле со стороны всей буржуазной печати, ей удалось достигнуть известных — с ее точки зрения хороших — результатов. Нашей партии и рабочему классу пришлось испытать тяжелые времена, когда мелкобуржуазная партия социалистов-революционеров оказалась во главе крестьянства и проводила целиком вместе с меньшевиками — другой мелкобуржуазной партией в нашей стране — ту политику, которую диктовала им *наша буржуазия*. И только энергичнейшая работа нашей партии и опыт войны и революции, из которого сами массы убеждались постепенно в полной правоте большевиков, сделали то, что буржуазный обман и буржуазная ложь относительно войны были разоблачены до конца.

Буржуазия пыталась точно так же использовать очень искусно и известные предрассудки среди крестьян в *вопросе о земле*. Широкие массы крестьянства желали получить (и это была вековая мечта нашей деревни) помещичью землю, желали страстно и упорно забрать эту землю от помещиков. Но, с другой стороны, некоторые слои крестьянства, в первую очередь более зажиточные слои, которые, с одной стороны, меньше нуждались в помещичьей земле, а с другой стороны, имели гораздо больше почтения и уважения к крупным собственникам вообще, естественно находились в состоянии колебания и нерешительности. Буржуазия через партию своих лакеев, через партию социалистов-революционеров, пыталась задержать естественное стремление крестьянства к завоеванию помещичьей земли. На все лады твердили, что нельзя забирать землю «до Учредительного собрания», что нельзя выкуривать помещика без особого закона из его помещичьих имений; пугали ужасной резней и ужасным земельным хаосом, который должен возникнуть, если крестьяне «самочинно», т. е. не дожидаясь никаких распоряжений сверху, будут забирать эту землю, выгонять помещиков, расправляться с ними так, как они этого заслужили. *Только* одна партия, партия большевиков, партия рабочего класса, стояла за *немедленную конфискацию помещичьих земель*, кричала крестьянам на всех митингах и собраниях, что крестьяне должны, ничего не дожидаясь и никого не слушая, сами забирать эту землю у помещиков. Мы помним то время, когда в правительстве сидели представители буржуазии совместно с представителями партии социалистов-революционеров и когда это правительство арестовывало крестьянские земельные комитеты за их не совсем деликатное обращение с помещичьей землей. Наоборот, наша партия вела энергичнейшую работу по разъяснению крестьянам всей необходимости разгрома помещика, изгнания его с земли. Ибо только развязав революционную энергию крестьянства (а развязывать ее нужно было прежде и раньше всего на вопросе о земле), мы могли создать действительно прочные гарантии революционной победы. Совместный план буржуазии, эсеров, меньшевиков и т. д., план *оттяжки разрешения земельного вопроса*, план, который на самом деле был не чем иным, как поддержкой всего старого режима в целом, этот план провалился потому, что в *вопросе о земле крестьянство пошло не за буржуазией, а пошло за рабочим классом*, пошло не за умеренными лозунгами буржуазии и соглашательских партий, а пошло за *последовательными революционными лозунгами, выставлявшимися партией рабочего класса*.

Эта же ожесточеннейшая борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство продолжалась и далее. Самым опасным для буржуазии было, конечно, *завоевание власти рабочим классом и укрепление этой власти*. Буржуазия отлично понимала, что это неизбежно случится, если крестьянство в решительный момент поддержит рабочий класс. Наша буржуазия отлично учитывала тот опыт, который оставил ей в наследство ниспровергнутый царский режим, она помнила, что помещичьему царю удалось разбить силы революционного народа в 1905 г. именно потому, что *тогда рабочий класс не был вовремя поддержан крестьянством:* крестьянство выступило значительно позже, уже тогда, когда разбит и разгромлен был головной отряд революционного движения — городской рабочий класс. Царизму удалось тогда покончить с революцией именно потому, что ему удалось разбить революционную армию *по частям*. Поэтому понятно, что буржуазия прилагала все усилия, чтобы разъединить рабочих и крестьян. Непосредственно перед октябрьскими днями и позже, во время борьбы Советской власти за существование, буржуазия при помощи своих агентов — эсеров и меньшевиков пыталась обмануть крестьянство *лозунгом «демократии»:* против власти Советов, т. е. против руководства пролетариата, выставлялся лозунг так называемой «демократии» и «учредилки», т. е., по существу дела, лозунг буржуазного господства и руководства, руководства частью *прямого,* частью *через* эсеров и меньшевиков. Рабочий класс и его партия обвинялись в том, что они изменяют лозунгу «равенства», лозунгу «свободы» и т. д. Время было тогда боевое. Нужно было во что бы то ни стало, твердой рукою, беспощадно и мужественно душить все контрреволюционные попытки со стороны буржуазии и помещиков. Буржуазия и помещики в нашей стране имели своих многочисленных сторонников в лице не только меньшевистской и эсеровской партии, но и в лице огромных слоев чиновничества, служащих, так называемой интеллигенции (врачей, адвокатов, учителей, профессоров, духовенства и пр.), не говоря уже об офицерских кадрах бывшей царской армии, которые в своем подавляющем большинстве совершенно открыто стояли за возвращение старых порядков. И вот в такое время, когда нужно было вести *всеми средствами* беспощадную борьбу и обезоруживать противников, буржуазия, эсеры и меньшевики выставляли лозунг «равенства» и «свободы», т. е. свободы для *заговорщиков* вести свою работу, свободы для *бывших помещиков* обманывать крестьян, свободы для *капиталистов* использовать свою денежную суму для подкупа и организации своих сторонников и т. д. Если меньшевики и эсеры не совсем хорошо понимали, что в таких условиях требование «демократии», которое выставлялось против лозунга Советской власти и диктатуры пролетариата, на самом деле означало не что иное, как требование всяческих свобод *для буржуазии*, то эта последняя прекрасно понимала, в чем дело. Она подготавливала военную диктатуру кровавых генералов, но ей прежде всего необходимо было обмануть хотя бы часть широких народных масс, оторвать крестьянство от рабочего класса, подорвать, таким образом, крепость Советской власти обманным лозунгом «демократии» и «учредилки». Буржуазия справедливо надеялась на то, что если ей удастся через своих подручных ниспровергнуть Советскую власть, уничтожить руководство пролетариата, то совсем нетрудно будет разделаться «в два счета» с эсерами и меньшевиками, которые совершенно неспособны на какое бы то ни было твердое руководство.

Опыт действительной борьбы показал, что там, где часть крестьянства шла за этими обманными лозунгами, переходила на сторону учредиловцев, там ход событий неизбежно приводил к тому, что через короткий промежуток времени воцарялся и начинал обладать безраздельной властью какой-нибудь из царских генералов. Так было на юге (Деникин, Врангель[3] и пр.), так было на востоке (Колчак и т. д.). Крестьяне, убедившись на собственном опыте в том, к чему приводит учредиловская «демократия», вновь поворачивали к Советской власти, вновь освобождались из-под руководства буржуазии и переходили на сторону пролетариата — на этот раз гораздо более прочно, решительно и беззаветно. И вновь восстановившийся союз рабочего класса и крестьянства снова проделывал поистине великие чудеса в борьбе против объединенных сил помещиков, капиталистов и иностранной буржуазии.

И сейчас, по сути дела, не прекращается эта борьба между рабочим классом и буржуазией за влияние на крестьянство. Несмотря на наш хозяйственный рост, у нас налицо громадное количество трудностей. Наследство старой разрухи висит еще тяжелой гирей на наших ногах. Рабочий класс и городская промышленность не сразу могут дать достаточное количество товаров по достаточно дешевым ценам. Советская власть и руководящая партия прилагают все усилия, чтобы возможно скорее поднять производство, снизить себестоимость и направлять в деревню возможно более дешевые товары. Но нельзя прыгнуть выше своих ушей, и поэтому лишь постепенно наша государственная промышленность оказывается в состоянии решать поставленные ей задачи.

Постройка огромного государственного аппарата, обеспечение страны необходимой обороной, налаживание всего дела управления и т. д. требуют значительных расходов. Эти расходы, в свою очередь, вызывают необходимость в налоговом обложении, в том числе и налоговом обложении крестьянства. На разоренные и обнищавшие крестьянские хозяйства эти налоги ложатся тяжелым гру-

зом. И рабочий класс не сразу, а лишь постепенно может понижать эти налоги, лишь постепенно может улучшать самую систему обложения, учитывая на опыте, каким образом облегчить крестьянству приходящиеся на его долю тяготы.

Молодое государство в начале своего рождения не имело достаточного количества умелых и знающих людей, преданных делу революции; рабочий класс и крестьянство никогда раньше не учились управлять государством. Немудрено поэтому, что и рабочие, и крестьяне, вовлекаемые в общегосударственное строительство, делали ряд ошибок, которые, в свою очередь, тяжело отражались на крестьянстве. Выработать достаточное количество людей, нужных для управления такой огромной страной, как наша,— дело вовсе не легкое. Господствовавшие прежде классы вырабатывали своих, нужных им людей в течение целых сотен лет и целого ряда поколений. А Советская власть, власть трудящихся, насчитывает всего-навсего несколько лет своего существования в нашей стране. Отсюда неизбежны недостатки в системе нашего управления, отсюда целый ряд печальных явлений и так называемых «недостатков механизма».

И вот все эти недостатки используются сторонниками буржуазии для того, чтобы *вбить клин между рабочим классом и крестьянством*, для того, чтобы расщепить и расколоть союз рабочих и крестьян, вырвать крестьян из-под руководства пролетариата и захватить хотя бы их значительную часть под руководство и идейное влияние сторонников буржуазии.

Следует вспомнить еще о том, что борьба за влияние на крестьянство, эта классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, в теперешнее время ведется, между прочим, в нашей стране в совершенно особой, совершенно своеобразной форме, а именно *в форме борьбы за хозяйственную, экономическую смычку с крестьянством*. Эта борьба ведется нашей государственной промышленностью и государственной торговлей против частного капитала, частного торговца и купца, который со своей стороны отчаянно борется за рост своего экономического, хозяйственного влияния на крестьянство, т. е. борется за то, чтобы получить с этим последним экономическую смычку. Эта борьба между пролетариатом и буржуазией ведется особыми средствами, и пролетариат сможет победить в этой борьбе лишь в той мере, в какой ему действительно удастся поднять свою промышленность, наладить хороший и дешевый торговый аппарат и показать всему крестьянству, что *государственное хозяйство в состоянии лучше удовлетворять насущные экономические потребности и нужды крестьянского населения, чем частный капиталист, частный торговец, частный купец, частный посредник*.

V. КАК МОЖЕТ ВОЗВРАТИТЬСЯ С ЗАДНЕГО ХОДА СТАРЫЙ РЕЖИМ

В руках рабочего класса, в распоряжении государственной власти находятся сейчас вся крупная промышленность, транспорт и крупная оптовая торговля. В руках у новой и остатков старой буржуазии находятся сравнительно незначительные капиталы, но зато имеются огромнейший опыт, ловкость, пронырливость, умелость. С этими средствами частный капитал ведет против нас систематическую, отчаянную, прямо бешеную борьбу. Эта борьба не проходит в формах кровавых сражений, но тем не менее она имеет крупнейшее значение для всей судьбы нашей страны. И поэтому для рабочего класса и крестьянства особенно важно понять, какие условия обеспечивают победу союза рабочего класса и крестьянства и какие условия могут привести к победе союза помещиков и капиталистов.

Мы уже сказали, что задачей рабочего класса и задачей городской промышленности является такое развитие производства, которое бы полностью и дешево удовлетворяло нужды крестьянского населения. Если этого нет и если частный предприниматель, например мелкий частный фабрикант, производит лучше или дешевле, чем государственные заводы, то само собою разумеется, что действительную смычку с крестьянством получает этот частный предприниматель, который в глазах крестьянства повышает свой хозяйственный вес, свой авторитет; наоборот, в таком случае хозяйственный авторитет государственных предприятий, а вместе с тем и всего государства в глазах крестьянства падет. Если наша государственная торговля, наши торговые агенты продают товар дороже, благодаря своей неумелости, благодаря высоким накладным расходам своего аппарата, благодаря халатному ведению дела и т. д., в то время как частный торговец, привыкший использовать всякую мелочь, продает дешевле, то в таком случае крестьянство опять-таки будет ценить гораздо выше торговлю частную, чем государственную. Хозяйственный авторитет частного торговца будет стоять выше хозяйственного авторитета государственных учреждений. Действительную экономическую смычку, действительное влияние будет получать частный капитал, а это все означает не что иное, как победу буржуазии над рабочим классом в борьбе за *экономическое влияние* на крестьянство.

Можно сказать, что вопрос стоит сейчас таким образом: смычка *кого с кем* будет происходить — частного торговца и капиталиста с крестьянством или пролетарской промышленности с этим самым крестьянством? От ответа на этот вопрос и зависит исход классовой борьбы. Совершенно не важно, что эта борьба ведется в мирных формах, что эту борьбу мы ведем без

звона металлического оружия. Несмотря на это, она имеет поистине гигантское значение, она, эта борьба, на деле решает все.

Если частный торговец и капиталист будут отвоевывать себе все большее и большее место в нашей хозяйственной жизни и если именно эти классы будут устанавливать свою хозяйственную смычку с крестьянством, то это будет означать разрыв и трещину в том фундаменте, на котором в настоящее время нужно строить весь союз рабочего класса и крестьянства. Если бы буржуазии действительно удалось все больше оттеснять *экономически* государственную промышленность и государственную торговлю, то это неизбежно повлекло бы за собою и растущее *политическое* влияние этой буржуазии на крестьянство. В настоящее время, когда кончилась гражданская война и когда главнейшей задачей является укрепление хозяйства, вполне понятно, что рост политического влияния рабочего класса на крестьянство, рост доверия этого крестьянства к Советской власти может быть обеспечен лишь в той мере, в какой Советская власть будет показывать себя способной к *хозяйственному* руководству всей страной. Если бы этого не было, если бы было обратное, то тогда *совершенно неизбежным окажется переход политического влияния на крестьянство от пролетариата к буржуазии.*

Если бы крестьянство ушло из-под политического руководства со стороны пролетариата и подпало бы под влияние буржуазии и частного капитала, то это неминуемо повлекло бы за собою падение Советской власти и водворение буржуазного режима, т. е. установление политического господства новой буржуазии и остатков старой буржуазии, разбитой во время великой революции. Первым делом такого нового правительства была бы неизбежно отмена всяческих национализаций, фабрики и заводы перешли бы в руки частных лиц, частных заводчиков и фабрикантов; была бы немедленно отменена национализация земли, и было бы введено разрешение полной *свободы торговли и спекуляции этой землей;* началась бы бешеная, горячечная *скупка этой земли,* в первую очередь той ее части, которая находится в руках бедноты, не имеющей достаточного инвентаря. Произошло бы в очень короткий срок гигантское *обезземеление крестьянства* и сосредоточение крупных земельных фондов (запасов) в распоряжении *ловких земельных спекулянтов,* которые частью сами превратились бы в *новых помещиков,* частью, перепродав эти земли другим богатым людям, способствовали бы тому, что из этих последних точно так же образовались бы *добавочные слои помещиков.* Эти новые помещики, само собою разумеется, начали бы сдавать часть своей земли в аренду крестьянам, заставляя их платить большие деньги в виде арендной платы. Таким образом, мы при-

шли бы снова к восстановлению порядков, чрезвычайно похожих на те порядки, которые смела наша революция и за уничтожение которых так героически боролись и рабочий класс, и крестьянство.

Новые правящие классы должны были бы платить полностью все долги царского правительства, все долги правительства Керенского, и, чтобы быть в состоянии выплатить эти поистине огромные суммы, они неизбежно должны были бы обложить неслыханной данью крестьянство, во много раз увеличив его налоговое обложение и беспощадно нажимая на рабочий класс для того, чтобы попытаться на хозяйских началах пустить в ход частную промышленность. Само собой разумеется, что были бы совершенно уничтожены не только советские органы, но и всякое подобие вмешательства со стороны рабочего класса в ход производства; были бы уничтожены всяческие фабзавкомы, профессиональные союзы были бы лишены прав, рабочий класс целиком и полностью был бы устранен от всяческой командующей роли в производстве. Очень скоро и крестьянство поняло бы, что оно проиграло дело, что *разрыв союза между рабочим классом и крестьянством* привел к громадному ущербу для широких масс крестьянства, что он оказался на руку только и исключительно кулацкой верхушке, эксплуататорским слоям, т. е. *сельскохозяйственной буржуазии.* Массы вновь пришли бы в великое движение, крестьянство снова стало бы точить топоры и поднимать вилы на новых помещиков, и вся история началась бы сначала, с громадными потерями, при обессилении рабочего класса и обессилении крестьянства, при гораздо большей опытности буржуазии, при гораздо большей поддержке этой буржуазии со стороны всего иностранного капитала, не разделенного, как это было в 1917 г., своей собственной империалистической потасовкой.

Конечно, на самом деле *ничего этого не будет.* На самом деле будет совершенно другое. Наша государственная промышленность, наша государственная торговля, наша кооперация будут все более и более расти, все более и более оттеснять частного торговца и частного посредника, и в конце концов на этой почве рабочий класс будет все лучше и лучше притягивать под свое влияние и свое руководство широкие крестьянские массы, вовлекая их в *дело активного строительства нового режима, нового строя.* Мы пойдем не по обычному капиталистическому пути, мы пойдем и уже идем по совершенно самостоятельному пути, по своей собственной, особой, социалистической дороге. Это становится возможным, раз рабочий класс, поддержанный крестьянством, завоевал и укрепил свою государственную власть.

VI. СТОЛБОВОЙ ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Враги рабочего класса и крестьянства доказывали, что всякая попытка осуществить социалистический строй означает на самом деле не что иное, как всеобщее обеднение и «равенство в *нищете*». Враги рабочего класса, которые в годы нашей гражданской войны душили и мучили нашу страну и тем самым вызывали ее нищету и ее разорение, говорили, что эта нищета и разорение вытекают именно из самой сущности социализма и коммунизма. Конечно, все это сплошной вздор. Задача нашей партии заключается в том, чтобы поднять на небывалую высоту богатство нашей страны, а затем и всего мира: не богатство отдельных лиц, не богатство отдельных групп миллионеров, частных капиталистов, спекулянтов, банкиров, биржевиков и т. п., а богатство всего народа, всех трудящихся в целом, богатство страны и стран, которые отвоеваны от прежних господствующих классов. Мы должны быть проводниками наилучшей техники, наилучших способов обработки почвы, наилучших методов организации труда; словом, наша роль, наше значение в такое время, когда мы отвоевали власть у капиталистов и помещиков, сводится в первую очередь к тому, чтобы быть носителями всяческих хозяйственных улучшений. Что касается промышленности, то эти улучшения сводятся к тому, чтобы строить новые, все более крупные заводы, чтобы переходить на электрическую энергию, чтобы подводить основы электрификации под работу всей промышленности, чтобы вводить более правильную, более планомерную организацию этой промышленности и труда в ней; чтобы все больше и больше идти к такому порядку вещей, когда вся промышленность была бы объединена *общим планом*, при котором ничего не пропадает зря, не делается никаких лишних трат и расходов и при котором поэтому себестоимость производства на производимые продукты становится все меньшей и меньшей. Однако такого рода *плановое хозяйство* в промышленности само по себе немыслимо: ведь наша промышленность работает в огромной степени на *крестьянский рынок*, потребителями продуктов промышленного производства являются в первую очередь наши крестьянские хозяйства. Чтобы был точный план в промышленности, для этого необходимо знать, сколько будут потреблять крестьянские хозяйства, для этого нужно строго учитывать, сколько и каких продуктов будут запрашивать эти крестьянские хозяйства от государственной промышленности. Чтобы промышленность имела все больше и больше возможностей для своего развития, для этого необходимо, чтобы развивалось и *само крестьянское хозяйство;* а с другой стороны, необходимо также, чтобы это крестьянское хозяйство было само все более и более *организованным*, было бы таким хозяйством, где отдельные дворы и отдельные маленькие хозяйства все больше и больше шли бы по пути к *взаимной связи друг с другом*. Очень часто приходится слышать со стороны крестьян жалобы на то, что они живут хуже рабочих, работают в день больше, не могут и мечтать ни о каком 8-часовом рабочем дне и т. д. и т. п. Но ведь не трудно понять, что все это происходит из-за страшной отсталости самого крестьянского хозяйства по сравнению с фабрикой и крупным производством. Крестьянское хозяйство — это то же самое, что в области промышленного производства маленькое хозяйство ремесленника или кустаря: тот тоже сидит в своем маленьком хозяйстве, трудится дни и ночи напролет и тем не менее не может выдержать никакого сравнения с крупной фабрикой, на которой есть и лучшие машины, и лучшая организация труда, и лучшее использование топлива, сырья и пр. Таким образом, если крестьянство хочет добиться всерьез и надолго крупных улучшений в своей жизни, оно должно идти *по пути к своему объединению*. Само собой разумеется, что нельзя думать, будто можно уговорить или даже будто следует уговаривать крестьянство *сразу* переходить всем до одного к *объединению своих земельных наделов*. Старые привычки и старые способы хозяйства так въелись в людей, что переломить круто эти привычки не представляется возможным. И тем не менее крестьянство, исходя *из интересов своего частного хозяйства*, отдельного и маленького двора, *неизбежно пойдет по пути своего объединения и тем самым все теснее будет смыкаться с пролетарской государственной промышленностью*. Каким образом можно представить себе это развитие? Это развитие пойдет через *кооперацию*. Любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы лучше и выгоднее *сбывать* продукты своего производства, любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы возможно выгоднее и дешевле *покупать* необходимые ему продукты городской промышленности: и по линии так называемого потребительского спроса (покупка мануфактуры, обуви и тому подобных продуктов непосредственного потребления), и по линии спроса производительного (закупка всевозможных средств производства, как-то: улучшенных семян, сельскохозяйственных орудий и пр.). Точно так же любое частное крестьянское маленькое хозяйство заинтересовано в том, чтобы иметь в случае нужды возможно более дешевый кредит. И вот это обстоятельство, которое не только не противоречит интересам частного хозяйства, но непосредственно из этих интересов вытекает и этими интересами диктуется, это обстоятельство толкает крестьянство на путь его *кооперативного объединения*. Так было решительно повсюду, решительно во всех странах мира. Чтобы выгоднее закупать продукты промышленности или продукты

сельского хозяйства других стран (например, лучшие семена или лучшие породы скота и т. д.), крестьянство организовывало закупочные кооперативные общества. Отдельные крестьяне организовывались, совместно создавали кооператив, выбирали правление своего кооператива, вносили паи и получали, таким образом, возможность гораздо более организованным путем покупать необходимые им предметы. Здесь вместо отдельных лиц, действовавших вразброд, на свой страх и риск, выступала уже целая организация, которая имела возможность лучше разузнать, где выгоднее и что выгоднее купить; которой продавец, естественно, доверял больше, чем отдельному лицу, и поэтому готов был идти на известный кредит; так как, с другой стороны, такая организация покупала гораздо больше, чем отдельное лицо, отдельный крестьянин, и так как оптовые цены всегда дешевле, чем цены розничные, то совершенно понятно, что при такого рода кооперативных закупках крестьяне-покупщики сберегали себе изрядное количество грошей; если при этом принять в соображение, что общая перевозка и организованное распределение дают тоже немало выгоды, по сравнению с тем случаем, когда каждый крестьянин отдельно должен запрягать свою кобылу, ехать в город и каждый отдельно привозить необходимый ему товар, то станет понятным, что и этого рода расходы точно так же во много раз уменьшаются при кооперативных закупках. Таким образом, отдельное крестьянское хозяйство, ни капли не нарушая обычных для него способов ведения хозяйства, в то же самое время, под влиянием своих же собственных, частных, мелкохозяйских интересов, приходит к созданию *общественных* организаций, именно кооперативов по закупкам.

Или возьмем другой случай, а именно *продажу продуктов крестьянского производства*: продажу молока, яиц, мяса, хлеба и т. д. Если отдельный крестьянин или крестьянка тащится со своей кружкой и ведром вразброд и особо на городской рынок, то это одно; если же крестьяне объединяются в общий кооператив по сбыту, то они, благодаря лучшему знакомству с запросами рынка, лучшей организации поставки, экономии на всех накладных расходах, транспорте, перевозке, хранении и пр., неизбежно выигрывают и тем самым получают больше дохода, чем в том случае, когда они выступают отдельно и неорганизованно. Общий *сбыт* продуктов своего производства в некоторых отраслях производства приводит довольно быстро и *к организации самого производства*. Так, например, почти во всех странах, в том числе и у нас, замечалось и замечается, что крестьяне, имеющие кооперативы по сбыту молока, быстро заинтересовываются в том, чтобы перейти и к совместной продаже через свои кооперативы всевозможного рода *молочных продуктов*, как-то: сыра, масла и пр. А отсюда один шаг

к тому, чтобы перейти к организации общих кооперативных *маслобойных заводов* или кооперативных *сыроварен*. Отдельные крестьянские дворы организуют общий маслобойный завод, выписывают и сообща закупают нужные машины — сепараторы и пр. В этот маслобойный завод несут молоко, производимое в их отдельных хозяйствах, и затем получают соответствующую выручку путем организованной кооперативом продажи масла, сыра и т. д. В результате эта выручка, идущая, за известными вычетами на содержание и развитие общего кооператива, в карман частного хозяйства, оказывается неизбежно выше, чем та выручка, которая получается у отдельных, не организованных в кооперативы производителей. Здесь мы видим, следовательно, такой случай, когда от организации торговли крестьяне переходят уже *к организации совместного производства*.

Так же обстоит дело, например, и в таких районах, где производится картофель. Там нередко крестьяне приходят к необходимости организовать собственные заводы, занимающиеся *переработкой картофеля*,— крахмало-терочные заводы. Сходные общие кооперативные предприятия имеются и в других отраслях: например, сушка фруктов и овощей, кооперативное производство вина в районах, где крестьянство занимается возделыванием винограда, производство консервов из рыбы в тех местностях, где крестьянство занимается по преимуществу рыболовством, и т. д. и т. п.

Наконец, кооперативные организации *кредита* точно так же ни в малой степени не противоречат интересам частного производителя-крестьянина. Наоборот, кредитные кооперативные товарищества точно так же, как и кооперативы по сбыту и по закупкам, а равно и по организации отдельных производственных отраслей, неизбежно приносят выгоду этим крестьянским хозяйствам; и поэтому совершенно не случайно, что во всех странах крестьянство идет по этому пути.

Однако есть существенная, прямо-таки гигантская разница между условиями развития сельскохозяйственной кооперации в капиталистических странах, с одной стороны, в нашем Советском Союзе — с другой. При капиталистическом режиме все виды крестьянской кооперации неизбежно подпадают под влияние капиталистического хозяйства. Громадная мощная промышленность находится в руках у буржуазии, могущественная кредитная система, во главе с чрезвычайно сильными банками, принадлежит кучке крупнейших капиталистов, транспорт, железные дороги находятся точно так же в руках либо частных капиталистов, либо буржуазного государства. Весь город, по сути дела, находится в распоряжении буржуазии; его влияние на деревню, в которой, кроме того, командуют помещичье-капиталистические верхушки, владельцы огромных имений,— это влияние является решающим.

Кооперативные организации при таком положении вещей, если они развиваются, неизбежно *подпадают под хозяйственное руководство буржуазии и помещиков*, постепенно срастаются с хозяйственными организациями этих капиталистов и помещиков и в значительнейшей мере сами превращаются в особого рода капиталистические организации, опирающиеся на использование и эксплуатацию наемного труда. В самом деле, предположим, что у сельскохозяйственной кооперации, все равно какой, имеется свободный капитал, который неизбежно образуется, если только эта кооперация развивается, а не чахнет. Само собой понятно, что в целом ряде случаев — и чем дальше, тем больше — этот свободный капитал вкладывается непосредственно или косвенно в различного рода банковые учреждения (или в частные банки, или в государственный банк, который находится в распоряжении буржуазного государства). В этом случае получается «сращивание» между *кооперативной организацией* и *буржуазным банком*. Кооперация попадает в несомненную зависимость от этого банка и через такого рода экономическую смычку *подчиняется хозяйственному (а в силу этого, политическому) руководству со стороны буржуазии*. Если мы имеем перед собою закупочные кооперативы, то этим кооперативам приходится иметь дело с буржуазными синдикатами и трестами, т. е. с организациями крупных заводчиков и фабрикантов. И здесь неизбежно получается, таким образом, *экономическая смычка и экономическая зависимость от организаций крупного капитала*, которые связываются с кооперативами целой сетью взаимных договоров относительно поставок, кредитных обязательств и т. п.

Точно так же обстоит дело, если речь идет о *кредитных товариществах*, которые еще более тесно связываются с буржуазными банками и попадают в непосредственную от них зависимость. Таким образом, общие условия развития кооперации в пределах капиталистического строя, даже в том случае, если кооперативные организации являются организациями неэксплуататорских слоев крестьянства, т. е. не кулацкими организациями, а организациями трудового крестьянства,— даже в этом случае эти кооперативы неизбежно, самим ходом вещей, в силу общих условий своего развития, в силу того, что они вынуждены работать в тех рамках, которые ставит им господство капиталистического строя, *превращаются в органы громадной хозяйственной машины капиталистического порядка, частями которой они необходимо становятся*. Кооперативные организации, таким образом, *врастают* в общекапиталистический механизм, становятся его составной частью, растут с ним, сами превращаются в своего рода капиталистические предприятия.

Наконец, огромнейшее значение имеет то обстоятельство, что в

условиях капиталистического строя, где вся наука, вся техника, все образование, вся школа и вся пресса (печать) находятся в распоряжении буржуазии, *кадровый состав кооперативов* (члены правлений, руководящие и командующие люди, советчики, агрономы, счетоводы и т. д.) происходит обычно из буржуазных слоев. Поэтому они в кооперативах гнут такую линию, которая выгодна для господствующей буржуазии, линию, которая всячески замазывает противоположность интересов между трудом и капиталом, между крестьянами и помещиками. Нередко можно видеть в Западной Европе и Америке, что во главе кооперативных крестьянских организаций стоят даже крупные помещики, попы и преданные им не за страх, а за совесть различного рода их агенты.

Если какая-нибудь кооперативная организация пожелала бы вести свою особую, самостоятельную, против капитализма направленную политику, то она неизбежно была бы тем самым обречена на гибель, она подверглась бы своеобразному хозяйственному бойкоту со стороны мощных капиталистических организаций: она не получала бы кредита или получала бы его на худших условиях, чем другая кооперативная организация, настроенная верноподданнически по отношению к капитализму; она не могла бы нигде покупать необходимые ей продукты промышленности на таких же условиях, как другие кооперативы, и т. д.

Все эти причины определяют собою путь развития крестьянской кооперации в условиях капиталистического хозяйства.

Совсем другие условия имеются налицо при нашем строе, т. е. при строе пролетарской диктатуры. Общие рамки кооперативного развития определяются у нас не тем, что фабрики, заводы, рудники, железные дороги и банки находятся в руках у буржуазии, а тем, что вся крупная промышленность, транспорт и кредитная система *находятся в распоряжении пролетарского государства*. Следовательно, если у нас, при общем развитии производительных сил в нашей стране, город все в большей степени будет становиться хозяйственным руководителем деревни и все в большей степени будет налаживать экономическую смычку, то, если будет крепнуть наше государственное хозяйство, это будет означать растущую смычку *пролетариата* с крестьянством. Крестьянская кооперация будет неизбежно *врастать* в систему *пролетарских* хозяйственных органов, точно так же, как в условиях режима буржуазного она врастает в систему органов хозяйства *капиталистического*. Если при капиталистическом режиме всякая кооперативная организация, которая захотела бы стать на путь развития, противоречащий капитализму, постепенно душилась кредитными и другими хозяйственными учреждениями буржуазии, то в условиях пролетарской диктатуры, наоборот, будут пользоваться всемерной поддержкой

именно трудовые кооперативы, кооперативы середняков и бедноты, которые будут получать льготы по сравнению с кооперативами кулаков и деревенских богатеев, т. е. сельскохозяйственной буржуазии. Наконец, *кадровый состав кооперации*, кооперативные работники, кооперативные служащие и руководители всех видов, при пролетарской диктатуре образовываются не буржуазией, а специально обучаются и готовятся в соответствующих учебных заведениях и на практике *таким* образом, чтобы все лучше и лучше вести работу, необходимую с точки зрения строительства нового общества, а не с точки зрения служения крупному капиталу. Здесь видна вся громадная разница между условиями развития деревни при господстве капитализма и условиями развития этой деревни при господстве пролетарской диктатуры. Нельзя себе представлять, что развитие при нашем строе будет таким же, как и при строе капиталистическом. Власть Советов, диктатура рабочего класса вовсе не есть только *политическая власть*, и наше государство отличается от буржуазного государства не только тем, что оно находится в распоряжении другого класса, но также и тем, что оно держит в своих руках всю крупную промышленность и транспорт и поэтому является громаднейшей, мощной экономической, *хозяйственной* силой, силой, которая накладывает свой отпечаток на все развитие страны в целом, и в том числе на все развитие деревенских отношений.

Если крестьянские кооперативы будут, в общем и целом, врастать в систему хозяйственных органов пролетарского государства, это будет означать хозяйственное руководство со стороны пролетариата, это будет означать укрепление союза рабочих и крестьян [1], это будет означать, что мы идем крупными шагами по пути к социализму.

В самом деле, при общем подъеме народного хозяйства у нас будет расти все больше и больше государственная промышленность, которая все теснее и теснее, через кооперацию, будет срастаться с крестьянским хозяйством. Само крестьянское хозяйство будет, незаметно для себя и все время с выгодой для себя, постепенно и медленно переделываться и перерабатываться. Прежде распыленные и раздробленные, ничем хозяйственно между собой не связанные, крестьянские дворы все больше и больше будут объединяться между собою на почве закупок, продажи и кредита, смыкаясь на этом деле с хозяйственными органами пролетарского государства. С другой стороны, от общественных закупок и общественных продаж, от общих организаций кредита крестьяне будут постепенно переходить к организации своих кооперативных маслобойных заводов и вообще заводов и фабрик по переработке продуктов земледельческого хозяйства и животноводства.

Этот процесс организации будет идти все дальше и глубже, по мере того как крестьянство на собственном опыте будет все больше и больше убеждаться в выгодности перехода к коллективным формам труда. Через совместную закупку машин крестьяне будут переходить и к коллективному использованию их. Отрасль за отраслью крестьянское хозяйство будет, таким образом, подобно маслобойным заводам, организовываться уже на новых началах. Вместе с этим развитие крупной городской промышленности и возрастающее накопление материальных средств государственного хозяйства дадут возможность усиленной *электрификации* сельского хозяйства. Подача электрической энергии целому ряду крестьянских хозяйств окажет, в свою очередь, еще более мощный толчок к переходу на коллективные формы обработки самой земли, потому что с переходом на электрическую энергию будет становиться уже совсем ясным вся выгода коллективных форм использования этой электрической энергии. Ибо на долю каждого крестьянского двора, на долю каждого отдельного крестьянского хозяйства будет падать гораздо меньшее количество расходов, если трата электрической энергии будет производиться не отдельным крестьянским двором, а целыми объединениями этих дворов. Таким образом, процесс организации крестьянского хозяйства, который начнется с кооперативной организации торговли, перекидывается постепенно, через организацию производства по переработке продуктов крестьянского хозяйства, и на сельскохозяйственное производство в прямом смысле этого слова. С переходом на электрификацию этот процесс получает свое наиболее полное завершение. Так растет все более и более становящаяся *организованной* система крестьянских хозяйств, которые из отдельных и распыленных единиц превращаются в одно организованное целое. Крестьянские хозяйства постепенно переделывают свою собственную природу, смыкаются вместе и срастаются в одно, еще более громадное целое с *государственной промышленностью*. А такого рода хозяйственная цепь, которая организована во всех своих частях, по сути дела, и есть социализм.

Таким путем мы приходим к социализму, несмотря на хозяйственную и техническую отсталость, которой теперь отличается еще наша страна. Конечно, этот путь в условиях технической и экономической отсталости есть путь очень долгий. Но тем не менее это есть верный путь, путь, по которому мы придем к социализму, если только будем вести правильную политику по отношению к крестьянству.

VII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДОЛЖНЫ ВЗАИМНО ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ

Общий подъем нашего народного хозяйства, подъем промышленности, с одной стороны, и подъем крестьянского хозяйства — с другой, означают одну из величайших побед, которую сделала наша революция. Но в то же самое время этот хозяйственный рост сопровождается особого рода «болезнями» роста, т. е. скрывает в себе некоторые своеобразные противоречия, которые могут быть опасны, если наиболее сознательная часть трудящихся, авангард рабочего класса — наша партия, не сумеет их вовремя разгадать и достаточно ясно объяснить их широким слоям трудящихся. Дело в том, что уже прошло время, когда крестьянин ясно помнил и постоянно имел в уме, что рабочий класс и его партия дали ему помещичью землю и помогли смести с лица нашей страны весь помещичий класс в целом. С переходом на мирную хозяйственную работу и с началом подъема крестьянского хозяйства, равно и государственной индустрии, крестьянское хозяйство все больше и больше становится хозяйством товарным, т. е. производит все возрастающую часть своей продукции для сбыта на продажу. Чем больше крестьянское хозяйство вылезает из нищеты, тем большая часть всего того, что производится внутри этого хозяйства, идет на рынок, выменивается на деньги, а на эти деньги, в свою очередь, происходит покупка других товаров, которые в крестьянском хозяйстве не производятся, но которые ему нужны. Эти продукты идут в первую очередь со стороны нашей государственной промышленности. Таким образом, крестьянин сталкивается на рынке с государственной промышленностью, находящейся в руках рабочего класса. При этом, если речь идет о продуктах сельского хозяйства, выступает как продавец, а городское население, и в первую очередь рабочий класс, выступает как покупатель. Если же речь идет о продуктах государственной промышленности, то рабочий класс, организованный в государственную власть, выступает в качестве продавца, тогда как крестьянин выступает здесь в качестве покупателя. Но, как известно, интересы покупателя и продавца на рынке противоположны: покупатель заинтересован в том, чтобы купить товар возможно более дешево, тогда как продавец непосредственно заинтересован в том, чтобы продать свой товар по более высокой цене. Чем больше развивается хозяйство в данный период, т. е. *до* осуществления единого организованного хозяйства и крестьянских дворов, и государственных фабрик, тем все более существенным вопросом становится *вопрос о ценах*: о ценах на продукты сельского хозяйства, с одной стороны, о ценах на продукты государственной промышленности —

с другой. Мы видим, таким образом, что здесь налицо имеется *непосредственное противоречие интересов* у рабочего класса с крестьянством. Это противоречие неизбежно порождает трения между обоими основными трудящимися классами нашей страны, трения, которые представляют известного рода опасность для рабоче-крестьянского блока.

В чем здесь, однако, дело? Есть ли противоречие интересов между рабочим классом и крестьянством — неразрешимое противоречие? И не скрываются ли за этим противоречием в то же самое время какие-нибудь более коренные интересы, общие у рабочего класса с крестьянством? Мы уже видели: *основной и самый общий интерес обоих классов лежит в их совместном движении к социализму*, что невозможно без упрочения союза рабочих и крестьян и без руководящей роли рабочего класса в этом союзе. Но этот основной и самый коренной интерес рабочего класса и крестьянства находит свое выражение в необходимости *взаимной помощи со стороны промышленности и сельского хозяйства, которые в самой основе своей зависят друг от друга*. Наша промышленность работает, как мы уже об этом говорили, прежде и раньше всего на крестьянский рынок. Она и раньше в своем развитии зависела от этого рынка, но в условиях пролетарской диктатуры она неизбежно зависит от этого рынка в *еще большей* степени, чем при старом режиме: во-первых, у нас отпадает *внешний рынок*, потому что мы не ведем той грабительской политики, политики захвата новых областей, которую вел царизм; во-вторых, у нас отпадают заказы на флот, военно-морские сооружения и целый ряд громадных военных заказов вообще, ибо мы неизмеримо в меньшей степени тратим на наши военные нужды, так как ограничиваемся лишь одной обороной страны, ни в коем случае не имея каких бы то ни было завоевательных целей; отсюда необходимость переоборудования ряда заводов и перевода их с производства военных предметов на производство предметов мирных, необходимых для сельскохозяйственного труда, — в первую очередь сельскохозяйственных орудий и сельскохозяйственного инвентаря; в-третьих, политическая необходимость укрепления диктатуры пролетариата и укрепления влияния рабочего класса на крестьянство диктует нам точно так же гораздо большее внимание к крестьянскому рынку.

Наша промышленность, таким образом, зависит в своем развитии от крестьянского хозяйства. Наша промышленность развивается тем быстрее, чем больше платежеспособный спрос со стороны крестьянства. *Накопление в нашей промышленности идет тем быстрее, чем быстрее идет накопление в нашем крестьянском хозяйстве*, т. е. чем скорее это крестьянское хозяйство выходит из нищеты, чем больше оно богатеет, чем больше

покупает оно сельскохозяйственных орудий и машин, чем скорее улучшает оно свою технику, чем быстрее переходит на новую форму обработки земли и чем больше поэтому становится в состоянии покупать у городской промышленности. В свою очередь, развитие крестьянского хозяйства немыслимо без развития городской промышленности. Для того чтобы идти вперед, сельское хозяйство нуждается в продуктах, которые в нем не производятся, а идут из различных отраслей нашей промышленности. Если бы в один прекрасный день кончилась жизнь нашей промышленности, тогда сельское хозяйство было бы обречено на жалкое прозябание, оно должно было бы ограничиться самыми примитивными, самыми первобытными способами обработки земли; в лучшем случае оно должно было бы вечно топтаться на месте и не в состоянии было бы сделать ни одного сколько бы то ни было заметного шага вперед. И наоборот, если развивается промышленность (*металлическая*, с выделкой сельскохозяйственных машин; *химическая*, с изготовлением разного рода удобрений и т. д.), то сельское хозяйство начинает иметь в этой промышленности своего могучего помощника и свою опору, которая сможет в конце концов перевернуть старые способы обработки земли и быстро двинуть вперед дело развития производительных сил всего сельского хозяйства. *Таким образом, промышленность нуждается для своего развития в успехах сельского хозяйства, и наоборот, сельское хозяйство для своих успехов нуждается в развитии промышленности.* Эта взаимная зависимость друг от друга есть *самое коренное*, что должно определять собою правильную политику со стороны руководящей партии, обязанность которой в первую очередь состоит в том, чтобы частные и преходящие, моментальные и временные, второстепенные и производные интересы подчинять интересам постоянным, наиболее общим, наиболее коренным и основным.

Мы должны в настоящее время помнить, что наша политика должна быть рассчитана не на один год, а на целый ряд лет. В настоящее время наша забота состоит не в том, чтобы как-нибудь удержаться у власти (ибо в настоящее время Советская власть твердо и прочно стоит на ногах); нам нужно думать о том, чтобы проводить политический план, рассчитанный на долгие, долгие годы. Если бы речь шла лишь о том, чтобы разделить между рабочим классом и крестьянством ту сумму национального дохода, которая получается в результате годового труда в нашей стране, и если бы речь шла *только* об этом и не шла бы ни о чем другом, то тогда, разумеется, нелепо было бы говорить рабочему классу: «не бери слишком много» — или уговаривать крестьянство, чтобы оно занималось самоограничением: при таком положении вещей, конечно, каждый из классов неизбежно руководствовался бы

своим *непосредственным* интересом и стремился бы забрать себе возможно бóльшую долю из совокупного национального дохода, т. е. из всего дохода страны.

Однако мы живем и надеемся жить вовсе не один год; мы надеемся жить долгие, долгие годы, мы надеемся идти все время вперед по пути к социализму. И поэтому задача, стоящая перед нами, задача, стоящая перед обоими классами, вовсе не так проста, как в только что приведенном случае. Если бы эта задача состояла только в дележе *раз и навсегда данного дохода*, общего дохода страны, который *неизменен*, который раз и навсегда определен, который представляет некоторую неизменяющуюся, *постоянную*, величину, тогда, конечно, невозможно было бы никакое быстрое развитие, мы постоянно топтались бы на одном месте. Но ведь не в этом дело. Дело заключается в том, *чтобы постоянно повышать общий национальный доход, постоянно увеличивать и увеличивать количество и ценность товаров, ежегодно производимых в нашей стране, и следовательно, увеличивать национальный доход, весь доход всего общества в целом.*

Если увеличивается общая сумма национального дохода, то тогда есть из чего производить и дележку; если из года в год эта сумма национального дохода *постоянно увеличивается и растет, то тогда ежегодно и на долю рабочего класса, и на долю крестьянства будет приходиться все бóльшая и бóльшая сумма ценностей, и материальное положение обоих классов будет быстро улучшаться.* Поэтому и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения коренных интересов крестьянства, развивающего свое хозяйство в условиях Советской власти, необходимо вести такую политику, *которая обеспечивала бы в первую голову и в первую очередь развитие производительных сил государственной промышленности и крестьянского хозяйства*, а следовательно, из года в год все быстрее идущее возрастание национального дохода.

С этой точки зрения нужно обсуждать *все* вопросы нашей экономической политики и с этой точки зрения необходимо точно так же обсуждать и *вопрос о политике цен*. Предположим, что какая-нибудь группа рабочих говорит нам: «У нас, рабочих, в руках крупная промышленность, мы вольны ставить высокие цены, давайте их ставить, чтобы получить возможно больше прибыли для нашей промышленности; если эта промышленность будет получать бóльшую прибыль, то она будет в состоянии больше платить рабочему, и поэтому в наших интересах политика высоких цен на продукцию нашей промышленности; всякое отступление от такой политики означало бы не что иное, как уступку мелкой буржуазии, означало бы отступление от чисто пролетарской линии».

Было бы правильным такое мнение? Конечно, оно было бы неправильным, а предполагаемая политика была бы вовсе не

пролетарской политикой, а была бы политикой цеховой, ограниченной, тупой, не видящей дальше своего носа, т. е. попросту была бы *глупой* политикой. Эта политика предполагала бы *непонимание основной связи между государственной промышленностью и сельским крестьянским хозяйством*, она неизбежно привела бы к тому, что сама государственная промышленность через короткий срок остановилась бы в своем развитии, наткнувшись на слабую покупательную силу со стороны крестьянского рынка. Можно было бы при такой политике получать, быть может, довольно высокую прибыль в *ближайшие* годы за счет подрыва крестьянского хозяйства, но эта политика жестоко отомстила бы за себя через небольшой промежуток времени. Государственная промышленность неизбежно *лишилась бы рынка сбыта*, который в таких условиях был бы обречен на резкое сокращение, и, вместо дальнейшего развития и непрерывного поступательного хода промышленности, настал бы жестокий кризис, который отбросил бы эту промышленность далеко назад. В случае продолжения такой политики мы имели бы хронический промышленный застой и если не попятное движение, то, во всяком случае, бессмысленное топтание на месте.

Предположим, с другой стороны, что известные широкие слои крестьянства смогли бы проводить на деле такую политику, которая путем чрезвычайно высокой цены на хлеб и сырье подрезала бы возможности дальнейшего развития промышленности. Тогда, при таких условиях, взявши довольно много за один хозяйственный год, сельское хозяйство через некоторый промежуток времени стало бы страдать от невозможности восстановления своего сельскохозяйственного инвентаря, не говоря уже о том, чтобы переходить к дальнейшему улучшению способов ведения своего хозяйства. Таким образом, и здесь близорукая, ограниченная, не видящая связи между городом и деревней политика неизбежно привела бы к падению национального дохода и тем самым к ухудшению материального положения обоих основных классов нашего советского общества.

Отсюда вытекает, что *противоречие между рабочим классом и крестьянством, о котором мы говорили выше, является противоречием сравнительно второстепенного порядка* и что с точки зрения правильно понятых интересов и рабочего класса, и крестьянства необходимо вести такую политику, которая давала бы простор наиболее полному развитию производительных сил. Рабочий класс с точки зрения своих собственных интересов должен прилагать все усилия к тому, чтобы возможно быстрее налаживать свое производство, возможно дешевле производить продукты государственной промышленности и возможно дешевле

продавать эти продукты, выигрывая, с одной стороны, на все большей массе продаваемых продуктов, а с другой стороны, обеспечивая каждый год все большее и большее расширение всего народного хозяйства.

Совершенно нельзя смешивать положение рабочего класса, *стоящего у власти*, с положением рабочего класса, который только *еще борется* за эту власть. Когда рабочий класс только борется за свою власть, *не его* забота — забота о всем народном хозяйстве в целом, *не его* забота о росте национального дохода, *не его* забота о целости всего общества. Наоборот, основной и коренной его интерес заключается в том, чтобы разломать, разбить, разрушить капиталистическое общество. Когда же рабочий класс является классом, стоящим у власти, он становится руководителем всего общества в целом, забота о росте национального дохода есть его собственная забота, забота о развитии производительных сил есть точно так же его собственная забота, интересы развития народного хозяйства точно так же суть его собственные интересы. Это нужно понять, и из этого нужно исходить при определении нашей политики. Мы видим, таким образом, что взаимно связанные промышленность и сельское хозяйство есть основной факт, из которого нужно исходить, а *необходимость взаимной помощи промышленности и сельского хозяйства есть основное условие для прочности рабоче-крестьянского блока, без которого немыслимо движение к социализму*.

VIII. РОСТ КООПЕРАЦИИ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ

Когда мы говорим, что в условиях пролетарской диктатуры рост кооперации означает, по сути дела, рост социализма, это вовсе не означает еще, что весь этот процесс будет проходить совершенно гладко, без внутренних трений. Наоборот, можно сказать, что ход развития через кооперацию к социализму будет сопровождаться, в особенности первое время, т. е. до тех пор, пока государственная промышленность не в состоянии будет подвести фундамента электрификации под все сельское хозяйство, *классовой борьбой* между различными группами и различными слоями крестьянства, которые, со своей стороны, будут находиться в разных отношениях с рабочим классом. Сейчас у нас, как мы уже об этом говорили раньше, имеется налицо целый ряд слоев в крестьянстве, неодинаковых по своему социальному положению. Эти разные слои крестьянства, несомненно, будут по-разному строить кооперацию и в ходе кооперативного строительства будут бороться между собою за влияние. Уже самые задачи и цели, которые ставят себе кооперативные

организации, несколько разнятся в зависимости от того, какой слой крестьянства имеется в виду. Если, например, мы говорим о крестьянской бедноте, о безлошадных, которые не в состоянии справиться со своими наделами, у которых нет инвентаря и самых элементарных средств производства, то нам будет совершенно ясно, что эти слои крестьянства должны неизбежно тяготеть к разного рода коллективным хозяйствам (колхозам) в непосредственном смысле этого слова. Организовывать теперь же товарищества по сбыту своих продуктов им невозможно, потому что, по сути дела, им и сбывать-то почти нечего; они должны пройти еще через такую полосу своего развития, когда они будут становиться на ноги и мало-мальски поднимать производство, чтобы потом перейти уже к сбыту все большей части своей продукции на рынок. Пока они не достигли такой ступени своего развития, т. е. пока они еще переживают время отчаянной нужды, самым важным для них является общая закупка инвентаря, рабочего скота, машин и совместное использование этого скота и этих машин на коллективных началах. Поэтому *колхозы* являются естественной формой организации *бедняцких* хозяйств. Однако нужно сказать, что непосредственный переход к такого рода хозяйству требует очень крупной ломки старых привычек, унаследованных от дедов и отцов, и поэтому вряд ли можно думать, что колхозное движение захватит собою *всю* широкую массу крестьянской бедноты. Середняцкие хозяйства, поднимаясь и становясь все более и более прочно на ноги, будут, конечно, организовываться в сельскохозяйственную кооперацию по всем трем основным линиям, о которых мы писали выше: и по линии закупок, и по линии сбыта, и по линии кредита. *Основной* массой, основным ядром крестьянства, является в первую очередь *крестьянин-середняк*. Поэтому *основной* формой кооперации является точно так же *сельскохозяйственная кооперация* соответствующего вида. Зажиточные и крупные крестьяне равным образом будут стремиться создавать свои кооперативные организации, в том числе и кредитные, и будут стараться делать эти организации своими опорными пунктами. Так как классовая борьба в деревне начнет отмирать еще только через очень значительный промежуток времени, так как в ближайшем будущем мы будем иметь перед собою процесс *расслоения* крестьянства, т. е. выделение его зажиточной верхушки, с одной стороны, и сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев — с другой, то совершенно очевидно, что будет идти классовая борьба и *между* различными ячейками общекооперативной организации, и *внутри* одних и тех же кооперативов: вопрос о выборах правления, о выборах должностных лиц, о паях и об их величине, об уставе кооперативных организаций, о политике, которую должно вести правление, и т. д. и

т. п.; на всех этих отдельных вопросах будут развиваться целые («мирные», конечно) сражения между различными слоями крестьянства [5].

Таким образом, картина будет представляться довольно пестрой. В общей сети кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки, быть может, иногда и чисто кулацкие, и бедняцкие, и середняцкие, и ячейки смешанного типа. Однако в этой картине будет все же известный *основной фон*. Ведь нужно иметь в виду, что, несмотря на процесс расслоения крестьянства, все же будет сохраняться его *основное ядро, а именно крестьянин-середняк*, эта, как выражался тов. Ленин, «центральная фигура нашего земледелия». Если даже в условиях капитализма, при капиталистическом городе и при диктатуре буржуазии, сохраняется все же относительно довольно устойчиво слой средних крестьян, то в условиях рабочей диктатуры крестьянство будет разлагаться нисколько не более быстро, а, наоборот, *более медленно*. С другой стороны, по мере того как государственная власть будет все больше и больше оказываться в состоянии подавать руку материальной помощи крестьянской бедноте и середняку, мы будем иметь *новый поворот к поравнению, но уже на совершенно иных основаниях, чем раньше*. Раньше мы в той или иной форме отнимали у зажиточных, у кулаков, и отдавали отнятое беднякам, т. е. зажиточных делали более бедными, и таким образом достигали, как это было, например, во время комбедов, известного поравнения. Теперь же будет другое, а именно: все быстрее и быстрее будет вылезать из нищеты крестьянин-середняк и бедняк при помощи своих кооперативных организаций, пользующихся особым покровительством, особыми льготами, особой поддержкой, материальной и всякой иной, со стороны государственной власти рабочего класса.

Чем больше будет двигаться вперед все народное хозяйство в целом и чем быстрее будет расти наша государственная промышленность, тем все более мощной будет поддержка именно этих слоев крестьянства, которые будут по уровню своей жизни *догонять* зажиточную деревенскую верхушку, но которые в то же самое время будут расти не за счет эксплуатации, не за счет чужого труда, а в силу *улучшенных способов ведения своего хозяйства и объединения усилий ряда крестьянских дворов через кооперативную организацию*, которые будут, следовательно, переходить ко все более и более коллективной форме хозяйствования. Таким образом, основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а *«трудового»* типа, ячеек, врастающих в систему наших общегосударственных органов и становящихся таким путем *звеньями единой цепи социалистического хозяйства*. С другой

стороны, кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д., врастать в эту же систему; но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям[6]. Что будет с этого рода кулацкими кооперациями в дальнейшем? Предположим, например, что у нас есть кредитное товарищество, во главе которого стоят кулаки, пользующиеся там всем авторитетом. Этот кулацкий кооператив, если он хочет процветать, неизбежно должен быть, так же как и все прочие, связан с экономическими государственными органами; он, например, будет вносить свою свободную наличность в наши банки для того, чтобы получать определенный процент; даже в том случае, если бы возникли свои собственные банковские организации у подобного рода кооперативов, все равно они неминуемо должны были бы быть связанными с могущественными кредитными учреждениями пролетарского государства, имеющими в своем распоряжении основные кредитные средства страны. Кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране *заранее даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры*. Если кулак является волей-неволей вкладчиком в наши банки, если он волей-неволей начинает быть связанным целым рядом отношений с нашими хозяйственными органами, то он неизбежно будет втиснут в определенные границы. Конечно, можно, вообще говоря, было бы представить себе такое положение вещей, когда кулацкое хозяйство нарвстало бы со страшной стремительностью, когда накопление в этих хозяйствах шло бы гораздо быстрее, чем во всей государственной промышленности, и когда кулак, таким образом, *перерос бы* всю остальную экономику и, сомкнувшись с частным торговым капиталом, опрокинул бы весь строй — и экономический, и политический — пролетарской диктатуры. Но это предположение является совершенно невероятным. Ибо предположить, что кулацкие хозяйства будут расти быстрее, чем вся государственная промышленность,— это означало бы предположить нечто, прямо противоположное действительности. При развитии нашего народного хозяйства в целом *быстрее всего будет развиваться ставшая уже на ноги крупная промышленность*, которая находится целиком в руках пролетарского государства. Этот рост будет определять собою все и будет служить достаточной гарантией того, что кулак, или зажиточный крестьянин, нанимающий нескольких сельскохозяйственных рабочих, должен будет подчиняться нашему общему строю.

Пролетарское государство, которое заинтересовано в росте «некапиталистических», т. е. социалистических, форм хозяйства, само собою разумеется, не может относиться одинаково к кооперативам трудовым и к кооперативам кулацкого типа; оно будет, как мы уже упоминали выше, всемерно поддерживать кооперативы бедноты и середняков. В этом, между прочим, будет выражаться классовая борьба, классовая помощь пролетариата наиболее близким к нему слоям в борьбе этих слоев против кулаков или сельскохозяйственной буржуазии.

IX. СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА И ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

В нашей стране в настоящее время имеются три класса, из которых два класса — рабочие и крестьяне — являются *основными* классами нашего общества и нашего строя, а третий класс — буржуазия (кулаки, нэпманы и т. д.) — существует лишь постольку, поскольку он «допущен» до известной степени и на определенных условиях «к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством[7]. Мы видели выше, что из того положения, которое занимает теперь рабочий класс, как класс господствующий, вытекает целый ряд основных выводов для политики рабочего государства. Основной и главный вывод, как мы об этом уже говорили, заключается в следующем: *в то время как при капиталистическом строе задачей рабочего класса является разрушение общества, в условиях пролетарской диктатуры задачей рабочего класса является не разрушение строя пролетарской диктатуры и нового создаваемого общества, а, наоборот, его всемерная поддержка, укрепление его, руководство им*. Из этого, в свою очередь, неизбежно следуют и другие выводы, а именно выводы, касающиеся *самой формы* классовой борьбы в нашем обществе. Классовая борьба, как мы отлично знаем, не прекращается и не отмирает сразу, а будет продолжаться очень и очень долгое время, пока не исчезнет навсегда деление на классы вообще. Но уже теперь мы видим, как неизбежно меняются вопрос о главном *пути* классовой борьбы и вопрос о *формах* этой борьбы. В капиталистическом обществе, где дело пролетариата заключается в том, чтобы разрушить это общество, постоянной задачей является всемерное *обострение и разжигание* классовой борьбы до тех пор, пока эта классовая борьба не примет самой ожесточенной своей формы, а именно формы *гражданской войны* и вооруженной борьбы со стороны трудящихся масс против господствующего капиталистического режима. В этой борьбе старое общество лопается сверху донизу, и положение классов в конце концов делается совершенно иным: так называемые «низшие», угнетенные классы становятся наверху, эксплуататоры становятся классом, сопротивление которого подавляется и которому приходится, после своего разгрома, подчиниться новой власти, власти пришед-

ших с низов классов. Итак, в капиталистическом строе задача рабочего класса — вести линию на обострение классовой борьбы, на превращение ее в *гражданскую войну*. Партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией *гражданской войны*. Положение совершенно перевертывается, когда рабочий класс берет власть в свои руки, опираясь при этом на широкие слои крестьянства. Поскольку диктатура буржуазии разбита и поскольку на ее место уже стала диктатура пролетариата, постольку задачей рабочего класса является укрепление этой диктатуры и защита ее от всяких на нее посягательств. Партия рабочего класса в таких условиях становится *партией гражданского мира*, т. е. требует *подчинения рабочему классу* со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп; она требует от них гражданского мира, и рабочий класс *карает* и преследует теперь *всех нарушителей* этого гражданского мира, всех заговорщиков, саботажников — словом, всех, кто *мешает делу мирного строительства нового общества*.

В своем собственном государстве рабочий класс, после того как он отбил все нападения врагов и обеспечил мирную строительную работу, уже не проповедует внутри страны гражданской войны, а проповедует внутреннее замирение на основах признания полностью новой власти, ее законов, ее учреждений и на основании подчинения этим законам и этим учреждениям со стороны всех слоев, в том числе и бывших противников этой власти. В соответствии с этим появляется и изменение в самих *формах* классовой борьбы. Покажем это рядом примеров. Возьмем, прежде всего, отношение к *буржуазии*. В пределах капиталистического строя по отношению к ней мы проповедовали развитие борьбы вплоть до применения вооруженной силы. Конечно, если бы буржуазия пыталась и теперь выступать против нас с оружием в руках, как она это делала в 1917, 1918, 1919 и т. д. годах, то мы тотчас же пустили бы в ход нашу вооруженную силу и расправились бы с таким противником так, как он этого заслуживал бы. Но сейчас у нас совершенно другое положение. Сила Советской власти и прочность ее настолько очевидны, что для буржуазных слоев нашего общества (нэпманов) совершенно очевидна полная безнадежность всяких попыток повести против нового строя активную и острую политическую борьбу. Этим слоям волей-неволей приходится мириться с существующим порядком вещей. В определенных рамках этой буржуазии разрешена хозяйственная деятельность. Мы вовсе не запрещаем теперь частную торговлю, мы допускаем ряд частных предприятий, мы не запечатываем уже частных лавок, мы даем, следовательно, известную возможность существования для этих кругов. Значит ли это, что прекращается классовая борьба? Нет, никоим образом. Но эта борьба существеннейше изменила свою

форму. Со стороны рабочего класса она продолжает вестись: наше законодательство, гарантирующее рабочее дело, обеспечивающее определенные права за профессиональными союзами, заставляющее платить частного предпринимателя страховые взносы, лишающее эти предпринимательские круги избирательных прав в политические органы власти и т. д., — это есть новая *форма классовой борьбы*. Система налогового обложения, при которой соответствующим образом облагаются доходы и прибыли капиталистических предприятий, это налоговое обложение буржуазии такое, какого нет ни в одной стране, — это точно так же новая *форма классовой борьбы*. Конкуренция со стороны государственной промышленности, государственной торговли, кооперации — это есть опять-таки новая форма классовой борьбы. Когда наше государство дает особые льготы и преимущества кооперативным предприятиям, когда это государство особо финансирует, т. е. поддерживает денежными средствами, кооперативные организации, когда оно в законодательном порядке обеспечивает за ними большие права, — все это есть новая форма *классовой борьбы*. Если в процессе конкуренции на рынке государственная промышленность, торговля, кооперация вытесняют постепенно частного предпринимателя — это есть победа в классовой борьбе, но победа не в механическом столкновении сил, не при помощи вооруженной схватки, а совершенно в новой оболочке, которой не было раньше, которая при капиталистическом режиме была совершенно немыслимой для рабочего класса и крестьянства.

Точно так же *меняется форма классовой борьбы и в деревне*. Правда, то тут, то там классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, причем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда, например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. Однако такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце концов бесследно исчезнут. Еще всего несколько лет тому назад главной формой классовой борьбы внутри деревни был непосредственный административный нажим на деревенскую верхушку: вначале постоянные конфискации и реквизиции у более зажиточного крестьянства и передача этого конфискованного добра в пользу бедноты (время комбедов); затем, по сути дела, система постоянных и произвольных нажимов, которые чрезвычайно затрудняли, а иногда и делали

Теперь мы можем перенести такого рода политику и на нашу деревню, добившись того, чтобы наши деревенские работники не практиковали системы простого административного «зажима» и «прижима» по отношению к более зажиточным слоям деревни. И опять-таки, значит ли это, что мы хотим здесь отказаться от классовой борьбы с этой сельскохозяйственной буржуазией? Ничуть не бывало. Точно так же, как мы не отказываемся от классовой борьбы с городской буржуазией (нэпманами), когда мы разрешаем ей заниматься своим «делом», так и соответствующая политика в деревне отнюдь не означает отказа от борьбы. Мы изменяем лишь форму ее. Против лавок деревенских торговцев мы должны выставлять не органы прямого принуждения и насилия, а наши хорошие кооперативные лавки. Против деревенского ростовщика, который дает взаймы деньги за безбожный процент или который сдает внаем свою лошадь безлошадному крестьянину на кабальных условиях, мы должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ, хорошую организацию дешевого кооперативного кредита и помощи со стороны государственной власти. Наши товары должны быть лучше и дешевле, чем товары частного торговца, наши кредитные ссуды должны быть больше и гораздо дешевле, чем ссуды, которые дает ростовщик, кооперация должна торговать лучше и быть более приспособленной к местному деревенскому спросу, чем частная торговля. Вот *эти* орудия должны мы выставить на передовые позиции нашей борьбы с эксплуататорскими элементами деревни.

Можно, однако, спросить себя: правильно ли переносить такую политику, которая пригодна для города, на деревню? Ведь есть одна важная для данного вопроса и крайне существенная разница между условиями хозяйственной борьбы в городе и условиями этой хозяйственной борьбы в деревне. В городе у нас уже есть более или менее хорошо организованные и хорошо работающие «командные высоты»; это ведь наша тяжелая артиллерия в борьбе с городскими нэпманами. Но где такого рода «командные высоты» в деревне? Что мы можем выставить в деревне против ее зажиточной верхушки? Где те экономические кулаки, которыми мы могли бы на почве хозяйственной борьбы барабанить по спине деревенского кулака? Не будет ли здесь такого положения вещей, что кулацкие элементы окажутся неизмеримо сильнее *экономически*, чем масса остального крестьянства, и тем самым не будут ли они в состоянии перехлестнуть через нас и очутиться, таким образом, заправилами и хозяевами всей деревенской жизни в целом?

На этот, совершенно законный, вопрос мы должны дать такого рода ответ: *командной высотой по отношению к деревенской*

буржуазии является пролетарский город. Нельзя себе представить дело таким образом, что деревня развивается совершенно самостоятельно и независимо от города. Мы уже говорили, что с ростом производительных сил в стране влияние города будет все более и более решающим по отношению к развитию нашего сельского хозяйства. А сердцевина этого города, его пролетарская промышленность, его банковая система, его законодательство и т. д. и т. п., все это обернуто «лицом к деревне», т. е. все это служит могущественнейшей опорой середняцким и бедняцким элементам деревни, опорой против ее кулацких слоев.

Промежуточным звеном между пролетарским городом и трудящейся деревней является кооперация, которая как раз и стоит на стыке между этим городом и деревней, воплощая собой в первую очередь ту экономическую смычку между рабочим классом и крестьянством, укрепить которую является основной задачей рабочего класса и нашей партии. Рост этой кооперации, в недрах которой пролетарское государство поддерживает и финансирует бедняков и середняков против кулаков и мелких сельскохозяйственных капиталистиков, означает, как мы видели, непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества. Шаг за шагом государственная промышленность и государственная торговля, смыкаясь с деревенской кооперацией, которая, в свою очередь, перекидывается с торговли на самое производство, будет вытеснять частный капитал: промышленный, торговый и ростовщический. В общую государственно-кооперативную организацию будут вовлекаться и всасываться крестьянские хозяйства точно так же, как через различные формы кооперативных организаций (в первую очередь промысловую кооперацию) будут сюда вовлекаться и всасываться мелкие ремесленники и кустари. Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т. е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся.

Частичное развитие капиталистических отношений в деревне, которое будет происходить в ближайшие годы, необходимо должно будет, однако, вызывать и *другие формы классовой борьбы, помимо борьбы чисто хозяйственной*, т. е. помимо борьбы различных хозяйственных форм друг с другом. Например, батраки, которые нанимаются у сельскохозяйственной буржуазии, могут совсем не иметь своего хозяйства, борьба у них идет не такая, какая идет, например, между середняком и кулаком или же между бедняцким

хозяйством и хозяйством кулацким. Борьба между кулаком и батраком идет по линии вопросов, касающихся условий наемного труда (величина рабочего дня, заработная плата, формы оплаты труда, общие условия работы и т. д. и т. п.). Но и здесь линия классовой борьбы со стороны батраков, являющихся частью рабочего класса, стоящего в настоящее время у власти, имеет все же другие формы, чем те формы классовой борьбы, которые были свойственны капиталистическому режиму. Это вытекает из того обстоятельства, что батрачество, которое в кулацком хозяйстве находится, так сказать, *под* своим хозяином, в то же время, как часть господствующего класса, стоит *над* ним, хотя бы отдельные батраки этого и не сознавали. В чем находит себе выражение этот факт? В том, что все законодательство нашей страны направлено своим острием против эксплуататоров и каждым своим параграфом защищает интересы рабочих; в том, что *профессиональные союзы* рабочего класса и *профессиональные союзы* батраков пользуются законом признанными правами, каких они не имеют ни в одной капиталистической стране; в том, что суды нашей страны карают предпринимателей за нарушение этих законов, и т. д. и т. п. Поэтому классовая борьба со стороны батрачества в конечном счете направлена вовсе не на то, чтобы разгромить хозяйство кулаков и разделить его между собой. Мы теперь уже не можем повторять вечно одну и ту же сказку про белого бычка. Батрачество ведет свою классовую борьбу в других формах, вынуждая через свои профессиональные организации и через свою государственную власть, власть Советов, соответствующие условия труда, и прибегает к судам своего класса, если необходимо обуздывать сельскохозяйственных предпринимателей. Точно так же батрачество помогает, будучи частью всего рабочего класса, организации не только наемных рабочих в сельском хозяйстве, но и оказывает всемерную помощь делу организации крестьянской бедноты и середняков, являясь, таким образом, живой соединительной тканью между городскими индустриальными рабочими и широкими слоями трудящегося крестьянства. Это не значит, что у нас не может быть *никаких* старых форм борьбы. К стачке, например, батракам не раз придется прибегать в их борьбе с кулачеством. Но и в случае таких столкновений дело идет по-иному, так как за батраков стоят все органы власти, оказывающие давление на частного хозяина.

X. НА КОГО НАМ НУЖНО СТАВИТЬ СВОЮ СТАВКУ?

Нам нужно разобрать те вопросы, которые мы только что выяснили, и несколько с другой стороны. Дело в том, что некоторые товарищи, не понимая сути вопроса,

недоумевают по поводу принятого нашей партией политического курса по отношению к деревне. У некоторых, например, появляются такого рода рассуждения.

Во время гражданской войны мы-де опирались на союз городского рабочего класса и деревенских полупролетариев, батраков, полубатраков, мелких крестьян, деревенской *бедноты* вообще. Эта линия нашей политики выражала «истинно-пролетарскую» линию, «левый», настоящий, чисто «пролетарский» курс. Через некоторое время мы переместили центр тяжести нашей политики в деревню. Раньше мы ставили ставку на деревенскую бедноту и опирались в деревне на такие организации, как комитеты бедноты; потом мы провозгласили лозунг «поддержки *середняка*», крестьянин-середняк стал выпячиваться, как «центральная фигура нашего сельского хозяйства»; таким образом, мы, быть может незаметно сами для себя, от *ставки на бедноту* перешли к *ставке на середняка*, т. е. повернули курс *направо, в сторону* от «чисто пролетарской» линии; прошло еще несколько времени, и мы теперь заговорили о большей хозяйственной свободе для *зажиточного крестьянина* и даже для кулака; другими словами, мы теперь повернули еще *более* «право» и, по-видимому, ставим свою ставку именно на этого зажиточного, поскольку «провалилась» наша ставка сперва на бедноту, а потом на середняка. Не есть ли это новый поворот нашей политики вправо? Не обозначает ли все это, вместе взятое, неуклонного и систематического *отступления* от пролетарской политики и все большего превращения политики нашей партии в политику постоянных и все дальше идущих уступок, сперва середняку, а потом более чем среднему буржуа? Не есть ли это, другими словами, ясно очерченная линия *вырождения* нашей партийной политики? Не есть ли это *сдача* наших позиций и *капитуляция* перед растущими капиталистическими отношениями в нашей стране?

Такого рода мысли и такого рода возможные возражения необходимо самым внимательным образом разобрать. Оставлять их без ответа никоим образом нельзя; тут нужно договориться совершенно начистоту, потому что без понимания сути нашей политики (а такое понимание невозможно, если нет ответа на только что поставленные вопросы), без этого понимания нашей политики, конечно, немыслимо вести сколько-нибудь хорошо дело руководства такой огромной страной, как наша, со столькими внутренними противоречиями и с такими сложными задачами, какие стоят на нашем пути.

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы и возражения, целесообразно будет, прежде всего, поставить вообще вопрос о так называемой новой экономической политике. Когда мы переходили от системы военного коммунизма к новой экономической

политике, то некоторым казалось, будто эта новая экономическая политика означает на деле капитуляцию перед буржуазией. Все враги коммунистической партии и диктатуры пролетариата, «свои» и заграничные, неустанно говорили и писали о *крахе* коммунизма в России, о том, что русские большевики, проделав неудачный опыт осуществления настоящего социализма, быстро разочаровались в этом опыте, ибо он показал полную неосуществимость социалистического строя, и, призвав на помощь ту же самую буржуазию, которую они хотели уничтожить, тем самым расписались в полном своем бессилии. В начале новой экономической политики заговорщики иностранные и русские, эмигрантская (белая) печать неустанно твердили, что в России сделан огромный шаг по пути к восстановлению старого порядка, что за этим шагом неизбежно будут делаться и остальные шаги по пути назад к капитализму: будут-де возвращаться фабрики и заводы, прежние владельцы будут призваны в качестве варягов, спасающих Русь и наводящих в ней порядок, исчезнут все и всяческие «национализации» и «монополизации» и вновь водворится с помощью самих «образумившихся» большевиков старый капиталистический строй, который тем самым еще и еще раз докажет свою громадней-шую жизнеспособность и все свои преимущества перед всеми и всяческими социализмами и коммунизмами. Говорилось также, что большевики, которые раньше «ставили ставку» на рабочий класс, теперь ставят эту ставку на буржуазию, старую и новую, которая вывелась под крылышком военного коммунизма, прошла сквозь огонь, воду и медные трубы, знает все ходы и выходы в новом советском строе и поэтому неизбежно окажется гораздо более приспособленной к большевистскому режиму.

Однако можно ли сказать, что новая экономическая политика означала капитуляцию перед капитализмом? Можно ли сказать, что дело трудящихся *проиграно* вместе с введением новой экономической политики? Можно ли сказать, что новая экономическая политика означала отказ от социалистического строительства, крах коммунизма и т. п.? Можно ли, наконец, сказать, что эта новая экономическая политика означала ставку на буржуазию?

Теперь, когда эта так называемая новая экономическая политика насчитывает уже изрядное количество лет, когда она уже получила проверку на опыте и когда мы можем уже подвести довольно внушительные итоги этой политики, мы ясно видим, что в результате ее мы имеем *громадный прирост сил на стороне рабочего класса и трудящихся масс вообще*, на стороне социализма в его борьбе с частнокапиталистическим хозяйством. Благодаря новой экономической политике, мы одержали крупные успехи в области хозяйства, и притом развитие производительных сил нашей страны шло в таком направлении, что все больший и боль-

ший перевес получали и получают *социалистические* формы хозяйства и формы, близкие к ним, идущие по пути к социализму. В общей сумме хозяйства нашей страны вовсе не видно того, чтобы по сравнению с государственным и кооперативным хозяйством все рос и рос частный капитал. Наоборот, позиции государственного и кооперативного хозяйства все более и более *укрепляются* на поле общего подъема благосостояния в стране. Раз это так — а это именно так,— то как же можно говорить о какой бы то ни было капитуляции? или об отступлении от пролетарской линии? или о ставке на буржуазию? Хороша «ставка на буржуазию», в результате которой выигрывает в первую голову социалистический пролетариат! Хорош «крах» коммунизма, в результате которого государственное хозяйство пролетарской диктатуры идет после целого ряда лет оцепенения и мертвого состояния к своему быстрому экономическому подъему!

На самом деле «крах коммунизма» был не чем иным, как крахом наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблуждений, связанных с периодом так называемого «военного коммунизма». Но крах некоторых заблуждений вовсе не означает краха коммунизма. Совершенно понятно, что молодой класс, взявший в свои руки государственную власть, не мог представлять себе всей сложности того пути, по которому ему придется идти. В период гражданской войны, беспощадного подавления эксплуататоров, конфискаций, реквизиций и прочего мы представляли себе, что можем почти сразу перейти к плановому организованному хозяйству, начисто и сразу уничтожив свободную торговлю всюду и везде и заменив эту торговлю организованным распределением (карточки и прочее). Опыт показал нам, однако, что такого рода задача нам не под силу, да и по существу эта задача не может быть разрешена, когда имеется в наличии колоссальное количество мелких хозяйств, которые никак нельзя сразу втиснуть в единый стройный план. Долго держаться на запрещении свободной торговли по отношению к мелкому производителю, в том числе и в первую голову по отношению к крестьянину, было нельзя; это означало такую ломку всех привычных для крестьянина отношений, которая возбуждала против себя широкие слои крестьянства и поэтому неизбежно была обречена на слом. Крестьянин и мелкий производитель вообще, который привык свободно распоряжаться своим продуктом (продавать его, если он захочет этого), теряли всякий интерес к улучшению и расширению своего производства при системе военного коммунизма. Поэтому получалось то, что сельскохозяйственное производство не могло развиваться и идти вперед при такой системе. *Не было правильного сочетания между частными интересами мелкого производителя и задачами и целями пролетарского*

социалистического строительства. Это сочетание, эту связь нужно было в первую голову найти. Новая экономическая политика и означала, прежде и раньше всего, такого рода связь и сочетание. Выше мы видели, как, зацепляя за частнохозяйственные интересы мелкого производителя, можно — через кооперацию — постепенно подводить его к социализму, не ломая сразу и круто привычного строя жизни и не возбуждая, таким образом, против себя мелкобуржуазных привычек и даже суеверий широких трудящихся масс крестьянства. Вспомним, что в нашей стране около 100 миллионов крестьянского населения, больше 20 миллионов крестьянских дворов; вспомним, что крестьянское хозяйство есть хозяйственная основа нашей государственной промышленности,— и тогда сразу станет ясным, какой толчок вперед должна была получить наша страна с переходом к новой экономической политике. Мы теперь ясно видим наш путь к социализму, который пролегает не там или, вернее, не совсем там, где мы искали его раньше. Мы думали, что мы можем одним взмахом и сразу уничтожить рыночные отношения. Оказалось, что мы придем к социализму *именно через* рыночные отношения. Можно сказать, что эти рыночные отношения будут уничтожены *в результате своего собственного развития*. Каким образом?

Нам известно, что в капиталистическом обществе, где господствует рынок, где разного рода частные предприятия борются друг с другом на этом рынке, конкурируют друг с другом, *крупное производство в конце концов вытесняет мелкое, средний капитал отступает перед более крупным капиталом*, и, в конце концов, место массы конкурирующих друг с другом предпринимателей, фабрикантов, купцов, банкиров занимают группки крупнейших королей промышленности и банков, которые сосредоточивают в своих руках всю промышленность и торговлю. Развитие рыночной борьбы приводит к тому, что число конкурентов все уменьшается и производство сосредоточивается в руках крупных капиталистических организаций. Нечто *по виду* похожее будет происходить и у нас и происходит уже и теперь, с тою только существеннейшею разницей, что у нас на месте крупнейших королей промышленности и банкиров стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство. В самом деле, у нас существуют различные хозяйственные формы, разного рода хозяйственные «предприятия»; у нас есть *государственные* предприятия, у нас есть *кооперативные* предприятия, у нас существуют, наконец, *частнокапиталистические* предприятия и т. д. *Наиболее крупное производство находится в руках пролетарского государства*. В руках частнокапиталистического хозяйства находятся гораздо менее крупные предприятия в области торговли, в первую очередь розничная торговля, тогда как оптовая торговля (торговля крупная) находится в руках государства; в промышленности крупное производство точно так же находится в руках государства, а на долю частных предприятий приходятся лишь предприятия большей частью среднего и мелкого типа. Между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела — а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем — все преимущества будут на стороне крупного государственного производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника. Мелкое крестьянское хозяйство, страдая от своей «мелкости», как мы видели выше, будет восполнять этот недостаток своей *кооперативной организацией*, поддерживаемой пролетарской государственной властью, и будет поэтому точно так же отвоевывать для себя преимущества всякого крупного объединения, используя эти преимущества и выгоды, получаемые от кооперации, *в своей борьбе против частного хозяйства кулака. Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через конкуренцию* государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, т. е. частный капитал. В конце концов развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что, поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д. и т. п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов [8].

Таким образом, наше представление о развитии к социализму в значительной мере изменилось; но эти изменения ни капли не выражают собой отступления от пролетарской политики; наоборот, они выражают собой учет громадного революционного опыта. Мы впервые в новой экономической политике нашли правильное сочетание между частными интересами мелкого производителя и общим делом социалистического строительства. *Новая экономическая политика есть не измена пролетарской линии, а единственно правильная пролетарская политика*. Теперь это стало уже яснее ясного.

Определить, не является ли наша политика отступлением от правильной пролетарской линии, вообще говоря, можно наилучшим образом тогда, когда мы привлекаем к делу *результаты* этой политики. И если результаты эти говорят, что социалистические хозяйственные формы усиливают свой вес в общем хозяйстве страны, то одного этого вполне достаточно, чтобы решить весь вопрос. Политика комбедов в деревне разрешала, по сути дела,

две задачи, которые выдвигались тогда на очередь дня: во-первых, задачу борьбы с *сопротивлением* кулаков; во-вторых, задачу *сбора хлеба по продразверстке*, без чего нельзя было прокормить *армию*. Но эта политика не решала и не могла решить *задачу хозяйственного подъема деревни*. Хозяйственный подъем в деревне, т. е. подъем громадного количества мелких хозяйств, невозможен без подъема основной хозяйственной массы крестьянства, крестьянина-середняка. Поскольку этот хозяйственный подъем имеется налицо, постольку даются и основы для подъема государственного хозяйства в городе. Значит ли это, что здесь забывается беднота? Никак не значит, ибо общий подъем хозяйства в стране и подъем государственного хозяйства дает гораздо *больше возможности* не на словах только, а на деле, не на бумаге, а в жизни, не одними декретами, а *настоящей материальной помощью оказывать содействие бедноте*. И если еще до сих пор эта помощь не оказывается в надлежащей степени, то основной причиной этого является *недостаточно быстрый ход накопления средств в нашем государственном хозяйстве*. Поэтому, именно поэтому нам нужно приложить все усилия, чтобы ускорить рост наших материальных средств, ускорить «темп» накопления в нашей государственной промышленности, ускорить приток добавочных средств в нашу государственную казну.

Для того чтобы решить эту задачу, необходимо *дальнейшее развязывание товарооборота* в нашей стране, а для этого, в свою очередь, необходима некоторая бóльшая хозяйственная свобода и для сельскохозяйственной буржуазии, т. е. *перенесение новой экономической политики на деревню*. Теперь это нам ни капли не опасно, ибо у нас, как мы говорили выше, *уже есть командные высоты*; а с другой стороны, это даст возможность, ускоряя товарооборот в стране, более быстро накоплять, даст возможность и более *быстрой помощи бедняцкой и середняцкой кооперации*, колхозам, сельскохозяйственной кооперации, потребительским обществам. *Наша действительная ставка есть ставка на нас самих, есть ставка на рабочий класс и трудящееся крестьянство, есть ставка на рост социалистических хозяйственных форм, на рост государственной промышленности — в первую очередь, на рост сельскохозяйственной кооперации — во вторую. Смычка между двумя этими основными формами есть необходимое условие нашей победы.*

XI. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ЕЕ РАЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РАЗНЫМ КЛАССАМ

Развитие нашего теперешнего общества по направлению к социалистическому обеспечивается тем, что у власти стоит рабочий класс и что у нас имеется налицо

его революционная диктатура, т. е. *его единовластие*. Общее значение диктатуры пролетариата состоит, во-первых, в том, что она есть орудие подавления эксплуататоров, орудие подавления с их стороны всяческих попыток возвратиться к власти; с другой стороны, общее значение пролетарской диктатуры состоит в том, что она есть основной рычаг экономического преобразования общества. Рабочий класс использует машину государственной власти, находящейся в его руках, для того, чтобы *все время преобразовывать экономические отношения общества на социалистический лад*. В самом начале, после захвата власти, лишь только был заложен фундамент нового государственного строя, эта власть была употреблена рабочим классом на то, чтобы «экспроприировать экспроприаторов», т. е. отнять у фабрикантов и заводчиков их фабрики и заводы и сделать их собственностью государства. Рабочая власть закрепила точно так же окончательно и раз навсегда конфискацию всей помещичьей земли и объявила эту землю собственностью всего народа (национализация земли). По мере своего упрочения Советская власть, ведя политику постоянного и систематического укрепления всех ростков социалистических — общественных и хозяйственных — форм, является, таким образом, орудием общественного преобразования. После всего сказанного в предыдущих главах можно сделать тот вывод, что, по мере роста прочности советского строя, *центр тяжести все более и более перемещается с дела непосредственного и механического подавления эксплуататоров и остатков враждебных рабочему классу общественных групп на дело хозяйственного преобразования общества, на мирно-организаторскую работу*, на хозяйственную борьбу с частными предприятиями, на дело строительства социалистических хозяйственных форм (государственные предприятия, кооперация и т. д.).

Диктатура пролетариата, т. е. рабочего класса, организованного как государственная власть, не может не относиться *по-разному* к различным слоям общества, к различным классовым группировкам. Было бы в высшей степени странным, если бы власть рабочего класса не различала этих слоев, не видела громаднейшей разницы между различными общественными классами и группами и вела одну и ту же, совершенно одинаковую, политику, т. е. находилась бы в одинаковых отношениях к этим различным классам, слоям и группам.

Роль пролетарской диктатуры по отношению к *сопротивляющимся ее режиму слоям буржуазии* состоит в *подавлении* этих слоев. Если, например, к нам приезжают из-за границы агенты российской контрреволюции создавать у нас тайные организации и кружки, ставящие себе целью борьбу с Советской властью и ее свержение, то по отношению к такого рода буржуазно-помещичьим

слоям пролетарская диктатура означает собою меч разящий, ко-
торый беспощадно расправляется с заговорщиками, желающими
подорвать всякую возможность общественного преобразования в
социалистическом духе. Совершенно другой является наша проле-
тарская власть, и совершенно другой является роль пролетарской
диктатуры по отношению к тем слоям буржуазии, которые, по вы-
ражению тов. Ленина, *«допущены к сотрудничеству» с рабочим
классом и крестьянством*. В самом деле, мы знаем, что у нас целый
слой буржуазных предпринимателей, в первую очередь торговцы,
занимаются своей деятельностью, так сказать, на законных ос-
нованиях; наши советские законы допускают эту деятельность.
В чем состоит роль пролетарской диктатуры по отношению к этим
слоям буржуазии? Она состоит, во-первых, в *ограничении* этой
деятельности целым рядом условий (рабочее законодательство и
законы о труде, права профессиональных союзов, налоговое об-
ложение различных видов и т. д.); во-вторых, роль пролетарской
диктатуры заключается в *использовании* этих элементов для дела
социалистического строительства (общее оживление товаро-
оборота, употребление налогов, получаемых с этих слоев на под-
держку социалистических хозяйственных форм, и т. д.); в-третьих,
в *хозяйственной борьбе* с этими слоями путем *конкуренции* с ними
на рынке (государственные предприятия, поддержка конкурирую-
щей с частным капиталом кооперации и т. д.). Если мы спросим
теперь себя, какова же главная задача пролетарской диктатуры
по отношению к новой буржуазии, то короткий ответ на этот вопрос
может быть выражен примерно в такой форме: эта задача есть
задача *использования и вытеснения*. Здесь имеются, следователь-
но, такого рода отношения, которые в конце концов приведут к
уничтожению частнокапиталистических форм путем их *вытесне-
ния*. Поставим теперь вопрос о роли и значении пролетарской дик-
татуры по отношению к *трудовому крестьянству* — беднякам и се-
реднякам. Есть ли здесь хоть какой-нибудь элемент борьбы?
Элемент борьбы здесь, несомненно, есть, но он неизмеримо меньше,
чем в отношениях с новой буржуазией. В чем выражается этот
элемент борьбы? Он выражается в борьбе с *колебаниями* некото-
рых слоев крестьянства в сторону буржуазии. Мы уже видели, что,
благодаря частному характеру своего хозяйства, благодаря своей
темноте и вековой забитости, благодаря тому, что крестьянство
не привыкло к коллективным формам и только-только начинает
к ним переходить, оно склонно при известных условиях, в особен-
ности в тяжелые критические моменты, к колебанию в сторону
буржуазии. И вот с этими-то колебаниями, с этими уклонами, выте-
кающими из двойственной природы самого крестьянства (с одной
стороны — труд, с другой стороны — частный характер хозяйст-
ва), пролетарская диктатура должна вести, разумеется каждый

раз в подходящей форме, решительную борьбу. Однако основной
задачей пролетарской диктатуры по отношению к трудящемуся
крестьянству является задача *помощи и переделки*, переработки
хозяйственного уклада крестьянства. Крестьянское хозяйство при
помощи пролетарской диктатуры будет превращаться, в первую
очередь через кооперирование, в *новую, высшую* форму, гораздо
более крупную, гораздо более культурную и развивающуюся по
пути к социализму. Этот процесс будет идти не через «вытеснение»,
«зажимание», «уничтожение» крестьянского хозяйства, а именно
через его *медленную переработку*. Если частнокапиталистические
предприятия в результате пролетарской диктатуры, в результате
ее политики будут вытесняться и *гибнуть*, отступая перед конкурен-
цией государственных предприятий и кооперативов, то крестьян-
ское хозяйство отнюдь не будет гибнуть, а будет *переходить* в
иные, высшие формы. Государственное предприятие *конкурирует*
с частным предприятием и в конце концов *забивает* его. Государст-
венное предприятие *не* конкурирует с крестьянским хозяйством, а
помогает ему подняться на высшую ступень, *не забивает* его в
конкурентной борьбе, а *организует* его через кооперацию.

Таким образом, у пролетарской диктатуры по отношению к
крестьянству есть такого рода связь, которую можно обозначить
словом *союз*. В этом союзе, как мы уже знаем, *руководство* при-
надлежит рабочему классу, организованному в государственную
власть.

Чтобы совершенно ясно и отчетливо представлять себе дело
так, как оно есть, нужно строгое различие между двумя вещами:
между *сотрудничеством в обществе, с одной стороны, и сотрудни-
чеством во власти, т. е. разделом* этой власти между классами, —
с другой. *Сотрудничество и даже союз*, союз крепкий и ненарушимый, не есть еще *раздел* власти. У рабочего класса с крестьянством
есть полное сотрудничество в обществе, есть отношение союза.
Это значит, что государственная промышленность и крестьянское
хозяйство должны помогать друг другу, это значит, что рабочий
класс и крестьянство вместе сражаются против помещиков и капи-
талистов, если они идут походом против советских республик;
это значит, что рабочий класс и крестьянство вместе борются на
хозяйственном фронте против частного капитала. Но это еще не
значит, что у нас есть *раздел власти*, что у нас имеется не диктату-
ра рабочего класса, а диктатура двух классов, т. е. и рабочего
класса, и крестьянства. Ведь самый союз есть союз между кем?
Между рабочим классом, организованным как государственная
власть, и крестьянством; в самой государственной власти крестья-
нства как соучастника этой власти нет, но эта рабочая власть
находится в союзе с крестьянским классом. Почему это так и поче-
му в наших условиях, т. е. в условиях перехода общества к социа-

лизму, необходима именно диктатура *одного* класса, т. е. проле-
тариата? Это необходимо потому, что *только* пролетариат пред-
ставляет из себя такого рода общественную силу, которая совер-
шенно сознательно и твердо может вести все общество к социали-
му. Мы видели выше, что руководство на этом пути, руководство
в союзе между рабочим классом и крестьянством должно принад-
лежать пролетариату и что только при таком руководстве возмож-
но победоносное продвижение вперед к социализму. Но диктатура
пролетариата, т. е. организация пролетариата в государственную
власть, и есть организация *руководства* по отношению к широким
массам крестьянства. Однако рабочий класс вовсе не ставит
своей целью вечное «царство пролетариата», он вовсе не ставит
своей задачей вечное существование пролетарской диктатуры, и
равно и свое собственное существование как постоянно и вечно
существующего господствующего класса.

Рабочий класс ставит своей действительной задачей, к которой
он медленно, но неуклонно идет и ведет за собою все общество,
переделку широких народных слоев, и в первую очередь переделку
самого крестьянства, перевоспитание его на социалистический лад,
постоянный его подъем и подтягивание к тому уровню, мате-
риальному, экономическому и культурно-политическому, на кото-
ром находятся самые передовые слои пролетарского населения. По
мере переработки широких слоев крестьянства, по мере их перевос-
питания *они будут все более и более сравниваться с пролетариа-
том*, смешиваться с ним и превращаться в одинаковых членов
социалистического общества. Разница между классами будет все
более и более исчезать. И, таким образом, самые широкие слои
крестьянства, «переделывая свою собственную природу», будут
сливаться с работниками города, диктатура пролетариата как
особого класса будет все более и более отмирать.

В капиталистическом обществе про буржуазию можно тоже до
известной степени сказать, что она, эта буржуазия, являлась
руководительницей всего общества, его самым передовым и самым
образованным классом; но руководство со стороны буржуазии и
руководство со стороны пролетариата самым резким, самым глу-
боким, самым коренным образом отличаются друг от друга. Ибо
развитие капиталистического общества, во главе которого стояла
буржуазия, приводило к тому, что разница между господствую-
щими классами и классами угнетенными, между буржуазией,
с одной стороны, рабочим классом и крестьянством — с другой,
все более и более обострялась и увеличивалась. Немыслимо и
думать, чтобы в рамках и пределах капиталистического строя ра-
бочий класс и крестьянство выравнивались по своему материаль-
ному положению, по уровню своей жизни, по своему образованию,
по своему общественному положению с буржуазией. Это противо-

речило бы самым коренным основам буржуазного общества. Нао-
борот, самая суть этого буржуазного общества состоит *во все
более резком делении его на классы*, самая коренная суть буржуаз-
ной политики состоит в том, что при ее помощи буржуазия обеспе-
чивает за собою, *исключительно* за собою, все преимущества
материального положения и все преимущества образования: бур-
жуазия имеет в странах, где она господствует, не только моно-
полию (т. е. исключительное владение) на средства производства,
фабрики, заводы, железные дороги и прочее; она имеет монополию
не только на государственную власть, к которой никого не под-
пускает; но она имеет и полную фактическую монополию на выс-
шее образование, на прессу (газеты, журналы), на науку и т. д.
Новые ученые, новые администраторы, новые инженеры, новые
офицеры и генералы, одним словом, новые *руководящие кадры*
общества постоянно воспроизводятся не из низших слоев народа,
не из рабочих и крестьян, а из слоев той же самой буржуазии и
буржуазной интеллигенции, которые без конца пользуются, фак-
тически наследственным путем, всеми преимуществами своего
положения. Буржуазия никогда не ставила и не могла ставить
своей задачей поднять и поднимать, систематически и неуклонно,
новые и новые народные пласты к культурной жизни, ибо это
означало бы падение ее собственного могущества.

Совершенно другую политику, *прямо противоположную*, ведет
рабочий класс. Его задачей является не воспроизводство того
же отношения между классами: его задачей является *преодоле-
ние* классовых различий, уничтожение этих классовых различий
путем перевоспитания широких народных масс; для этого он
пользуется всеми находящимися в его распоряжении средствами
и всем могуществом своей государственной власти. Основой этой
переделки является переделка *экономических отношений* общест-
ва, развитие этого общества по пути к социализму. А вместе с этим
и наряду с этим рабочий класс употребляет все усилия, чтобы пере-
рабатывать широкие народные слои, и в первую очередь своего
ближайшего союзника по борьбе с помещиками и капиталис-
тами — крестьянство. Это находит, между прочим, свое выражение
в политике *вовлечения крестьянства в советское строительство*.
Привлекая все большее и большее количество беспартийных
крестьян к советской работе и помогая им на этой работе перевос-
питываться, расти, переделывать свою природу, приобретать навы-
ки, необходимые для дела государственного управления, учиться
пониманию не только местных, но и общегосударственных задач
и т. д., рабочий класс тем самым постепенно начинает стирать
границу между собой и передовыми слоями крестьянства. Через
эти передовые слои будут переходить на более высокую ступень и
подниматься к новой жизни, активной и сознательной, другие слои,

новые группы крестьянства, и мало-помалу, на основе пролетарского руководства, крестьянство будет все ближе и ближе срастаться по своим привычкам, навыкам, мыслям, целям и задачам с рабочим классом. Подобно тому как через кооперацию крестьянское хозяйство будет срастаться с государственным хозяйством пролетариата и в конце концов, переработав само себя, вольется в единое плановое социалистическое хозяйство, подобно этому всем ходом жизни крестьянство будет срастаться с рабочим классом, изменять в этом процессе свою собственную природу и в конце концов сольется с рабочим классом в едином социалистическом трудящемся обществе. Если в начале этого процесса между городским рабочим классом и крестьянством проходила широкая борозда, которая отделяла рабочего, как прирожденного сторонника коллективных форм (общественных форм) труда и борьбы, от крестьянина, как сторонника мелкого частного хозяйства, то, по мере роста кооперации, по мере роста политического и общекультурного воспитания крестьянства, оно будет все более превращаться сперва в нечто похожее на просто-напросто отставший и отсталый широкий слой рабочего класса, а затем будет все более и более приближаться к нему, пока борозда, проходившая между обоими классами, не будет окончательно засыпана и оба класса не сольются раз и навсегда в едином типе трудящихся членов социалистического общества. Это будет и уничтожением (отмиранием) за «ненадобностью» самой пролетарской диктатуры. Но для того чтобы дойти до этой цели, необходима постоянная и твердая политика, которая, имея в виду эту цель, властно направляет ход общественного развития. Вот почему нужно сохранение полностью на данной ступени развития единственной действительной гарантии правильной политики, каковой гарантией является строй пролетарской диктатуры, опирающейся на крестьянство и находящейся в союзе с этим крестьянством.

XII. ФОРМЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Общая форма пролетарской диктатуры — это есть Советская власть, Советское государство, в его отличие от так называемой буржуазной демократии. Специальной особенностью этой формы государственной власти являются следующие ее отличительные черты. Прежде всего, она *не допускает* к выборам в государственные органы *представителей буржуазии*. Она ограничивает избирательные права с совершенно обратного конца, чем это делается в буржуазном государстве, где в той или иной форме прямо или косвенно, прикрыто или открыто лишаются избирательных прав или ограничиваются в своих избирательных правах представители *трудящегося* народа. Во-вторых, Советская

власть ограничивает целый ряд «свобод» или вовсе уничтожает эти свободы *для представителей буржуазии*. Она запрещает, например, политические организации буржуазии. Она запрещает этой буржуазии иметь свои политические боевые органы, в том числе и органы печати и т. д. В-третьих, зато она в небывало широкой степени *осуществляет на деле свободу рабочих* организаций, *их* печати, *их* собраний и пр., вызывая тем самым небывалый расцвет всевозможных объединений рабочего класса и трудящихся масс вообще, проводя, таким образом, на деле широкую *демократию трудящихся* в отличие и в противоположность *демократии для богатых*, демократии для буржуазии, как это практикуется в капиталистических странах. В этих последних рабочий класс и крестьянство часто имеют разного рода права, но эти права имеют в подавляющем большинстве случаев формальный (т. е. лишь на бумаге существующий, а в действительной жизни не существующий) характер. Например, на бумаге может быть признана свобода и рабочей печати, но так как все типографии, вся бумага, все здания находятся в руках крупных капиталистических собственников, то революционная рабочая газета не может найти себе фактически места: ее отказываются печатать даже в том случае, если есть материальная возможность ее издавать; или на бумаге может существовать право собраний, но рабочие организации не могут собраться за «неимением помещения» и т. д. и т. п. У нас при Советской власти последняя обеспечивает все более и более *на деле* эти свободы, т. е. осуществляет *проведение этих свобод в жизнь*, ибо Советская власть дает *гарантии* этого осуществления; она материально поддерживает рабочую печать, она предоставляет рабочим организациям лучшие помещения в городе, она дает крестьянам-передовикам возможность устройства своего клуба, отдавая лучшие помещения в деревне, и т. д. и т. п. Ее почта распространяет рабочую печать, ее милиция охраняет рабочие собрания. Словом, все организации государственной власти претворяют в жизнь то, что является необходимым для действительного осуществления самого широкого участия рабочих масс в активном строительстве нового общества.

В-четвертых, Советская власть не оторвана от организаций рабочих и крестьян; наоборот, ее существеннейшей особенностью является то, что она непосредственно связана и непосредственно опирается на огромную сеть разнообразнейших организаций трудящегося народа: профессиональные рабочие союзы, крестьянскую кооперацию, кресткомы, комнезамы, рабкоровские и селькоровские организации, всевозможные добровольные общества и объединения и т. д. и т. п. Советская власть поднимает все новые и новые слои даже наиболее отсталого трудящегося населения; например, она организует и всемерно поддерживает различные

формы объединения женщин-работниц, крестьянок, женщин, угнетенных прежде империализмом, и наиболее отсталых национальностей, всемерно пробуждая в них сознание необходимости идти к новой жизни и самим принимать участие в построении этой новой жизни. Многочисленные и разнообразные организационные ячейки всех этих объединений трудящегося народа, и прежде всего рабочего класса, связаны прямо или косвенно тесной связью с органами Советской власти, образуют, по сути дела, единую с нею систему, которая охватывает, организует, просвещает, перерабатывает громаднейшие слои трудящихся.

При капиталистическом режиме государственная власть опирается на замкнутые организации небольших слоев крупных капиталистов. Если она связана с организациями трудящихся, то исключительно в целях их *развращения* и *обмана;* в таких случаях целью этой связи является не привлечение трудящихся к установлению нового порядка, а к тому, чтобы *отвлечь* рабочий класс и крестьянство от осуществления их *самостоятельных* целей и классовых задач, к тому, чтобы заставить их лучше работать *на буржуазию* и лучше подчиняться государственной власти этой *буржуазии*.

В условиях советского режима сама Советская власть есть, по существу дела, выражение воли трудящихся масс, есть наиболее широкая и всеобъемлющая форма организации этих масс. Если государство у нас есть государство рабочего класса, если существующая у нас диктатура есть диктатура пролетариата, то связь этого государственного аппарата не только с рабочими, но и с крестьянскими организациями является его предпосылкой, является мостиком, по которому крестьянство постепенно переходит *«на точку зрения пролетариата»*.

В-пятых, Советская власть построена таким образом, что участие в политической жизни, например участие в избирательных кампаниях в Советы и работа в этих Советах, в корне отличается от избирательных кампаний и участия в так называемой парламентской работе. В буржуазных республиках граждане выбирают раз в 4 или 3 года, или в какой-нибудь другой срок, депутатов в парламент, и тем почти ограничивается их политическая жизнь. С другой стороны, депутат парламента, не могущий быть отозванным своими избирателями, представляется исключительно парламентским говоруном. В наших условиях избирательные кампании в Советы и работа в этих Советах означают вовлечение *избирателей*, и, в очень большой степени, *депутатов в действительную, настоящую работу по управлению государством*, ибо избиратели участвуют в этой строительной работе даже в самых низовых избирательных ячейках, например на фабриках или на заводах, тогда как их представители в советских органах точно

так же обязательно выполняют какую-нибудь руководящую работу по управлению государством или той или иной частью государственного хозяйства и т. д. и т. п.

Можно еще было бы указать ряд признаков, которые глубоко отличают советскую форму государства от всякой иной государственной формы. Легко видеть, что назначения, цели, задачи Советской власти, власти основного класса, переворачивающего весь старый порядок, весь старый мир, в корне *противоположны* характеру, целям и задачам буржуазных государств.

Но эта самая форма Советской власти со своей стороны испытывает *ряд изменений в зависимости от той обстановки, в которой приходится трудящимся бороться за осуществление своего дела.*

В эпоху так называемого военного коммунизма, когда вся страна была превращена в осажденную крепость, когда главнейшей задачей власти была организация вооруженного отпора противнику, когда нужно было в первую очередь быстро и решительно отбиваться от него, не столько обсуждать, сколько руководить в виде приказов и команды, *по-военному*, тогда совершенно естественно форма пролетарской диктатуры была формой *военно-пролетарской диктатуры*. Широкие органы Советской власти, пленумы Советов, фактически, на деле почти что отмерли, и руководство перешло исключительно к президиумам исполкомов, т. е. к узким коллегиям, к «тройкам», «пятеркам» и т. д. Очень часто, и особенности в местностях, близких к территории, занятой неприятелем, или в таких местностях, которые были под угрозой со стороны неприятеля, создавались, вместо «правильных» органов Советской власти, т. е. органов, действительно, на деле, выбранных всем трудящимся населением, местные так называемые «революционные комитеты» (ревкомы), которые, вместо того чтобы выносить вопрос на массовое обсуждение и на предварительное решение широких кругов трудящихся, действовали совершенно самостоятельно. Эта форма власти Советов не переставала, конечно, быть выражением интересов трудящихся; она была *необходима* для того периода, была целесообразной для того времени, когда нужно было сократить до минимума всякую говорильню, всякую дискуссию, когда нужно было временами даже поступаться задачей воспитания масс, а когда нужно было действовать, действовать и еще раз действовать на поле вооруженной борьбы с врагами трудящегося народа. В связи с этим строем *военно-пролетарской диктатуры* отдаленного периода стояло и отсутствие точно определенных и подлежащих строгому выполнению *законов*, которые по большей части заменялись приказами и распоряжениями, менявшимися в зависимости от боевой обстановки.

Методы конфискаций и реквизиций были совершенно обычными методами в это время. Все это вытекало из навязанной рабочему

классу и крестьянству невероятно жестокой гражданской войны в условиях мучительно-трудных.

С переходом к мирному времени, и в особенности с переходом нашей страны к *хозяйственному подъему* по всей линии, совершенно естественно должна вновь *измениться форма Советской власти в смысле изживания и уничтожения остатков военно-коммунистического периода*.

Революционная законность должна заменить собою все остатки административного произвола, хотя бы даже и революционного. В полосе мирного строительства, когда хозяйственная деятельность стоит на первом плане, всякое бессистемное, произвольное, случайное, непредвиденное вмешательство в ход экономической жизни может чрезвычайно печально отражаться на этой хозяйственной жизни. Начать, прежде всего, с крестьянского хозяйства. Мы сами говорим и пишем, обращаясь к крестьянству, о необходимости более правильного ведения дел в крестьянском хозяйстве, мы предлагаем переходить с трехполья на многополье, мы предлагаем целый ряд новых улучшенных способов земледелия и животноводства, мы говорим о необходимости лучшего учета всех элементов хозяйства, об их лучшем, более целесообразном и более правильном использовании; наша агропропаганда вся пропитана такого рода предложениями, и крестьянство, в особенности его наиболее сознательные и наиболее культурные слои, так называемые «крестьяне-передовики», охотно идут по этой линии. Но если мы предлагаем крестьянину лучше учитывать все то, что у него есть в хозяйстве, и лучше это учтенное использовать, то, само собой разумеется, всякий произвол и все непредвиденное, что идет со стороны Советской власти, приходит в резкое противоречие и резкое столкновение с нашей собственной пропагандой и с требованием правильности в ведении хозяйства. В самом деле, как может крестьянин *рассчитывать*, что ему необходимо сделать и какие затраты произвести, если он, например, не будет совершенно точно знать, как и в какие сроки ему придется вносить сельхоз-налог?

Как он будет правильно вести свое хозяйство, если на него может сыпаться град совершенно непредвиденных распоряжений и если нет твердой, заранее известной системы законов, подлежащих строгому и безусловному выполнению? Эта *новая* обстановка, в корне отличающаяся от военной обстановки времен гражданской войны, властно требует правильной постановки всего дела управления; она требует такого рода управления, которое упиралось бы на заранее известные законодательные постановления, могущие быть учтенными, принятыми во внимание *заранее*. *Переход к революционной законности*, к строгому выполнению декретов Советской власти, переход к уничтожению, решительному и бес-

поворотному, остатков административного произвола есть поэтому одна из основных черт, характерных для нового периода в развитии нашей революции.

Вовлечение масс точно так же становится в настоящее время задачей гораздо более необходимой, чем в предыдущий период. Общекультурный подъем и рост политической активности всех решительно слоев трудящихся, в том числе и крестьянства, гораздо большее количество свободного времени, чем раньше, в мучительные годы гражданской войны, улучшение материального положения вместе с хозяйственным ростом — все это заставляет Советскую власть обратить гораздо большее внимание на крупнейшую и благодарнейшую задачу *все более решительного привлечения к государственным делам широких слоев трудящегося населения*. Нужно иметь в виду, что в теперешних условиях, более чем когда бы то ни было, важно для рабочего класса повернуть разбуженную политическую энергию крестьянства *по тому руслу, которое укрепляет союз крестьянства и рабочего класса*. И именно для того, чтобы укрепить руководство со стороны рабочего класса, необходимо в настоящее время, т. е. в период «мирно-организаторский», употреблять все усилия, чтобы сделать все возможное для переработки крестьянства в необходимом духе. Важнейшим способом такого рода воспитания крестьянства является привлечение его, в лице его беспартийных передовиков, прежде и раньше всего, к работе в наших советских органах. Именно здесь, *учась* на этой работе пониманию общегосударственных задач, и будет происходить эта переработка, а с другой стороны, только таким путем, т. е. путем привлечения широких масс *и* в деревне, *и* в городе, можно будет с бо́льшим успехом вести борьбу против бюрократизма, язвы, которая еще до сих пор разъедает наш государственный организм.

Наконец, для наиболее активного людского ядра наших советских органов, а именно для членов нашей партии, руководителей этих советских органов, является в текущий период необходимым изживание *методов команды и приказа и решительный, полный и безоговорочный переход к методам убеждения*.

Вся эта система мероприятий послужит делу упрочения и развития советской системы как особой формы государственного строя и будет обеспечивать все более и более рост (материальный, политический и общекультурный) самых широких слоев трудящейся массы.

Можно, вообще говоря, сказать, что политический строй тем более хорош, тем более представляет собою шаг вперед по сравнению с историческим прошлым, чем *большему количеству людей он дает возможность расти*. Капиталистический строй ограничивает эти возможности слоем избранных: буржуазия, буржуазная

интеллигенция, помещики и т. п. Громадные массы трудящихся остаются за бортом этого движения. Возможности приподниматься, постоянно переходить на все более и более высокие ступеньки — этой возможности нет для трудящихся масс, т. е. для основной массы человечества, при капиталистическом режиме. Если мы будем оценивать Советскую власть с *этой* точки зрения, то мы легко увидим, что она представляет из себя *самую лучшую* из всех существовавших до сего времени форм государственной власти. Не в том дело, что мы уже достигли всего, чего хотим достигнуть (мы делаем лишь *первые шаги* в направлении к социализму и в направлении к необыкновенному культурному подъему народных низов); дело в том, *что в эту сторону повернут руль общественного развития, и рулем этим*, который определяет собою возможность такого небывалого культурного подъема и движения по направлению к нему, является *Советская власть*.

XIII. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Коммунистический строй есть высшая ступень развития человеческого общества, при котором производительные силы этого общества, степень власти человека над природой, далеко превосходят даже ту ступень технического развития, которой отличался капиталистический порядок времени своего расцвета; а наряду с этим коммунистическое общество представляет собою такую хозяйственную организацию, где господствует полное равенство между людьми и где отсутствует всякая эксплуатация человека человеком, а также и всякая команда, всякое насилие одних людских групп над другими. Стоит только сравнить между собой это состояние человеческого общества с тем его состоянием, в котором мы получаем его в наследство от капиталистического строя, чтобы понять, какую поистине грандиозную работу, работу, которой хватит на целый ряд десятилетий, необходимо произвести, чтобы подняться на эту наивысшую ступень человеческого развития. Совершенно понятно поэтому, что всего-навсего лишь через *несколько лет* после завоевания рабочим классом власти нельзя и думать об уничтожении *сразу* всякого вообще неравенства и всякой нищеты. Но в то же самое время необходимо всемерно *ускорять* наш путь к коммунизму, а для этого необходимо, в свою очередь, иметь совершенно ясное представление о том, *каким образом* будет постепенно преодолеваться существующее у нас еще до сих пор неравенство между людьми.

Рассмотрим по порядку главные виды этого неравенства, имеющиеся в настоящее время у нас в *экономической* области. Прежде

всего, бросается в глаза неравенство материальных условий существования между *городом и деревней*. Мы уже писали в предыдущих главах о том, что капиталистический способ производства неизбежно вызывает деревенскую отсталость, задерживает развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью и превращает город в исключительное сосредоточение всех основных доставленных удобств. Такое соотношение между городом и деревней остается в наследство захватившему власть рабочему классу и поддерживающему его крестьянству.

Мелкое хозяйство крестьянина чрезвычайно далеко отстает от современной фабрики с ее техническими усовершенствованиями. Мелкое крестьянское хозяйство точно так же отстает от этой фабрики и по внутреннему своему устройству, по организации труда. В результате производительность труда в этом мелком крестьянском хозяйстве чрезвычайно низка, приходится затрачивать громадные массы этого труда, чтобы получать сравнительно ничтожный результат. Каким образом может быть изжито *такого рода* неравенство между городом и деревней? Было бы совершенно бессмысленным решать его каким-либо механическим путем, одним ударом, одним каким-либо мероприятием. Можно, конечно, представить себе дикую мысль о растаскивании по кирпичикам всех крупных городов со всеми крупными городскими предприятиями, машинами, электрическими установками и т. д. Но это ведь ни капли не поправило бы дела. Прежде всего, потому, что это повлекло бы за собой подрыв и разрушение крупной промышленности, которая, как мы уже видели, служит основным источником для оплодотворения самого сельского хозяйства, поставляя ему машины, орудия труда и целый ряд предметов, необходимых для улучшения сельскохозяйственного производства, а равно и науку, которая все более и более является решающей силой в области сельскохозяйственного производства. Такого рода мысль была бы поистине безумной мыслью, и люди, находящиеся в здравом уме и твердой памяти, должны ее сразу же отбросить. Совершенно естественно, наоборот, прийти к выводу, что лишь при помощи городской промышленности, руководимой рабочим классом, этим верным помощником крестьянства, можно будет поднимать деревню; и не путем разрушения городов, а путем *сближения промышленности с деревней* и путем хозяйственной и технической помощи этой деревне мы будем постепенно заполнять ту пропасть, которую создала между городом и деревней вся предыдущая история развития человеческого общества. Задачей рабочей партии и задачей Советской власти является именно устранение этого противоречия между городом и деревней. Постепенно мы должны будем строить новые заводы, электрические станции и тому подобные крупные производственные промышленные единицы не

только в городских центрах, но и среди сел и деревень, разбрасывая эти предприятия по всей стране и делая их рассадниками и очагами культуры, грамотности, хозяйственных улучшений, политической сознательности среди крестьянского населения страны.

Техническая помощь города, в особенности *электрификация*, а наряду с этим *кооперирование* крестьянских хозяйств, которое, как мы уже знаем, определяет столбовую дорогу в нашей деревне к социализму, явятся мощным рычагом подъема, возрастания деревни, и мало-помалу материальные условия существования в городе и деревне будут выравнены, и притом, по сути дела, с *величайшей пользой для той и другой стороны*. Городской житель, запертый в каменных мешках современных городов, не видящий природы и обреченный в таких условиях, несмотря на относительное материальное благосостояние, на вырождение, выиграет от своего приближения к этой природе. И наоборот, житель деревни чрезвычайно выиграет от того, что повысится производительность его труда и что он будет наконец пользоваться всеми теми благами культуры и цивилизации, которые раньше приходились на долю одних наших врагов. Само собой понятно, что для достижения такого рода общественного строя необходимы громадные перемены, произвести которые возможно лишь в течение долгих и долгих лет. Но тем не менее мы уже сейчас видим, как мы вступили на этот путь.

Внутри города, в свою очередь, мы наблюдаем в настоящее время точно так же чрезвычайно резкое и бросающееся в глаза неравенство. Стоит только сравнить нэпманов и уровень их жизни с жизнью беспризорных и голодающих детей или даже с толпами безработных, чтобы увидеть, как далеки еще мы от того идеального состояния, которое мы поставили себе задачей. Если мы расположим различные уровни жизни в порядке их нисходящей величины, то мы получим целую лестницу разрядов, довольно резко отличающихся друг от друга. Если взять одни лишь крупные подразделения, то все эти разряды можно примерно изобразить в таком виде:

1) *Новая буржуазия* (нэпманы), получающая *прибыль* за счет эксплуатации чужого труда, будет ли то прибыль с промышленного предприятия, будет ли то торговая прибыль, или барыш поставщика, или спекулятивный барыш, или какой-нибудь другой вид так называемого «нетрудового дохода». Очень часто уровень жизни лиц этой категории подходит под тот уровень, который был характерен для не особенно крупных капиталистов довоенного времени.

2) *Высшие советские служащие*, главным образом служащие хозяйственных учреждений и хозяйственных органов (директора

трестов, члены правлений синдикатов, крупные незаменимые спецы и т. д.).

3) *Так называемые ответственные работники вообще*.

4) *Квалифицированные рабочие*.

5) *Неквалифицированные рабочие*.

6) *Безработные, люмпен-пролетариат* (люди, выбившиеся из колеи, хронические безработные, нищие и т. д.).

Вся эта картина наглядно показывает нам опять-таки, насколько мы *далеки* еще от того, чтобы достигнуть равенства даже в пределах города, который является пока что центром нашей работы и где резче всего выражено господство пролетариата. И тем не менее мы уже ясно видим, что развитие нашего общества необходимо приведет, при правильной политике со стороны нашей партии и Советской власти, к смягчению этих противоречий, к их преодолению и к их уничтожению. В самом деле, возьмем, прежде всего, наиболее яркое проявление неравенства — неравенство в материальном положении буржуазии (нэпманов) и положении рабочего класса в его целом. Как будет изживаться это неравенство? Это нетрудно сообразить после всего того, что было уже нами сказано.

Ведь подъем нашего государственного хозяйства, а равно и кооперации будет сопровождаться *вытеснением* частнопредпринимательской формы хозяйства. Еще до того, как эти формы совершенно погибнут и отомрут, сдаваясь перед победоносным шествием развивающихся социалистических хозяйственных отношений, подъем государственной промышленности будет повышать заработную плату рабочего класса, а, с другой стороны, система налогового обложения будет ограничивать дальнейший рост жизненного уровня новой буржуазии. Окончательное вытеснение частнокапиталистического хозяйства, окончательная победа над ним доведет дело до конца, и это *основное* противоречие, это *основное* неравенство в городах будет таким образом уничтожено. Довольно сложно обстоит вопрос относительно неравенства *между высшими кадрами советских служащих и руководителей*, с одной стороны, и *средним рабочим* — с другой. В числе этих высших и ответственных служащих Советской власти имеются, наряду со всевозможными специалистами, и бывшие рабочие из наиболее талантливых и культурных «рабочих-передовиков» (например, красные директора и т. п.). Совершенно очевидно, что *это* неравенство вытекает, в своей самой глубокой основе, *из культурной отсталости рабочих масс*, которые были в капиталистическом обществе классом эксплуатируемым, политически угнетенным и культурно придавленным. Для выполнения сложной работы по управлению хозяйством и для ведения целого ряда других подобных работ в других областях управления страной необходим большой запас знаний, опыта, умения. Количество людей из рабо-

чего класса, которые оказались способными выполнять такую роль и научились ей за время революции, а отчасти получивших опыт в руководстве массами и в политической борьбе еще *до* победы рабочего класса, сравнительно само по себе мало. Вполне понятно, что *далеко не вся* рабочая масса в целом могла подняться до такого уровня. С другой стороны, разного рода *специалисты*, которые были таковыми еще и при капиталистическом режиме и накопили большой опыт, научный, управленческий, хозяйственный и т. п., являясь необходимыми для жизни и для дела управления людьми в теперешних условиях, точно так же представляются до известной степени незаменимыми силами: вся рабочая масса, в целом, всеми своими составными частями, точно так же не могла еще за короткий срок достигнуть такого высокого культурного уровня. Выполнение же подобного рода работы требует само по себе довольно значительной оплаты, обеспечивающей соответствующий образ жизни. Между тем давать такую же плату всем решительно слоям рабочего класса при теперешней степени развития производительных сил представляется невозможным и несущественным. Если бы все рабочие обладали таким же высоким культурным уровнем, то руководящие должности могли бы заниматься по очереди или лишь на определенный срок, и, таким образом, на так называемых «ответственных постах» постоянно стояли бы все новые и новые работники, так как в любой деятельности можно было бы одного в любое время заменить другим. Но здесь-то и дает себя знать неравенство культурного уровня и еще большая отсталость масс. Опять-таки здесь нужно отметить, что это вовсе не *вина* этих масс, а их *беда*; таковыми их сделали десятилетия капиталистического господства. Однако задачей рабочего класса, который за годы революции чрезвычайно быстро учится в самом ходе борьбы все большему участию своему в активном строительстве социализма, а также все больше обучается в специальных учреждениях (разного рода рабочих организациях, клубах, партийных и советских школах, рабфаках и даже вузах), задачей этого рабочего класса является *преодоление такого рода отсталости в своей собственной среде*. Понятно, что не вся масса рабочего класса движется *совершенно одновременно*, всеми своими слоями. Как не все рабочие могут, при настоящих условиях, стоять на командных постах и занимать совершенно одинаковые места в системе управления, точно так же не могут, в силу совершенно понятных причин, все рабочие *поголовно* быть пропущенными через среднюю и высшую школу.

До более или менее высокого уровня современной науки и техники рабочий класс поднимается, если можно так выразиться, *пачками*, сравнительно *небольшими своими отрядами*, к которым год за годом будут прибывать все новые и новые пачки, все

новые и новые отряды, *пока развитие производительных сил нашей страны не создаст достаточного экономического фундамента для того, чтобы дети всех рабочих совершенно нормальным порядком проходили через средние и высшие учебные заведения, через соответствующую практику и, таким образом, вступали в жизнь, преодолевши всяческое, создавшееся прежде, культурное неравенство внутри трудящихся*.

В ослабленной степени то, что мы говорили только что о различии между наиболее культурными из рабочих-передовиков, а равно прежних специалистов, с одной стороны, и рабочей массой вообще — с другой, годится и для вопроса о *неравенстве между различными слоями рабочего класса*, различными в смысле различной квалификации их труда (например, металлисты, с одной стороны, землекопы, строительные рабочие и т. д.— с другой). Механика Советской власти, советского режима в целом, направление всей политики пролетарской диктатуры состоит как раз в том, чтобы, поднимая культурный уровень широких рабочих масс, тем самым *уничтожать «незаменимость» наиболее передовых слоев нашего рабочего класса*, уничтожать *разницу* культурных уровней и уничтожать разницу материальных условий существования. Конечно, мы никогда не достигнем полного равенства людей в том смысле, что люди будут совершенно одинаковы по своему уму, по своей талантливости, по цвету своих волос или форме носа, и совершенно это не нужно. Такое равенство было бы как две капли воды похоже на отчаянную скуку. Не в этом заключается цель наших стремлений. Цель наших стремлений заключается в том, *чтобы достигнуть равенства материальных условий существования, чтобы всем обеспечить нормальные условия развития и, таким образом, дать возможность идти вперед всей массе и выделяться наиболее талантливым и способным не из узкого круга «образованных людей», отделенных перегородками от остальных, а из всего огромного трудящегося человечества*.

И здесь нетрудно понять, что это неравенство, вытекающее из очень глубоких причин, не может быть уничтожено одним взмахом. Можно было бы, конечно, в один прекрасный день издать декрет, по которому все решительно высшие советские служащие, все инженеры, все профессора, все директора трестов и т. д. получали бы столько же, сколько получает простой поденщик. Но мы скоро убедились бы, что при таком положении вещей рабочий класс в целом не выиграл бы, а проиграл; он проиграл бы потому, что при таких условиях работа на этих командных должностях пошла бы неизмеримо туже, дело в значительной степени было бы дезорганизовано, и общие успехи сменились бы положением застоя или попятным движением. Рабочему классу *выгоднее лучше содержать* свою собственную верхушку, а равно и выходцев из буржуазного

мира, так называемых специалистов, ибо в таком случае он достигнет в гораздо более короткий срок общего повышения производительных сил и за счет этого повышения может гораздо быстрее улучшить свое собственное положение, а с определенного времени, используя этот рост производительных сил, начать усиленнейшее производство «образованных людей» из все более широкой массы своего собственного класса и трудящихся вообще. Из этого, конечно, не следует, что нужно перебарщивать с высокой оплатой; наоборот, с такого рода «перебарщиваниями» партия должна вести упорную борьбу.

Внутри деревни, наконец, мы имеем точно так же *различные слои крестьянства*, жизненный уровень которых отличается друг от друга довольно резко. Стоит сравнить кулака с батраком или с крестьянином-бедняком. Но это коренное противоречие, характерное для современной деревни, будет точно так же медленно уничтожаться по мере роста производительных сил и по мере подъема государственного и кооперативного хозяйства. Мы уже видели раньше, что мы будем все более и более в состоянии оказывать помощь хозяйству середняков и бедноты, которая будет переставать быть беднотой, а с другой стороны, путем целого ряда мероприятий мы будем обрезывать и хозяйственно вытеснять предпринимательские слои крестьянства, т. е. сельскохозяйственную буржуазию. Таким образом, и здесь основной линией нашего развития через определенный промежуток времени, когда начнут еще более быстро подрастать социалистические формы нашего хозяйства, является линия *на уничтожение, на преодоление экономического неравенства*, существующего теперь.

Нужно видеть всю глубину нищеты, темноты, культурной отсталости, неравенства, оставленных нам в наследство капиталистическим порядком вещей, чтобы понять, сколько времени потребуется на переделку всего человеческого материала и на преодоление этого проклятого наследства. Но уже теперь мы видим подъем социалистических форм народного хозяйства, что является главной гарантией, обеспечивающей действительную и реальную политику, ставящую своей целью осуществление экономического равенства. А с другой стороны, уже и теперь мы замечаем, как следующее поколение рабочих и крестьян во все большем масштабе сплошной массой поднимается к новой культурной жизни, чему способствует работа нашей партии, чему способствуется вся деятельность и вся политика Советской власти. Раньше лишь одиночки из рабочих и крестьян могли попадать в высшие учебные заведения; теперь с каждым годом во все более широких размерах целые большие слои подрастающего поколения трудящихся уже систематически, так сказать, «в нормальном порядке» проходят через рабфаки и поступают в наши высшие школы. Раньше

обычно лишь в зрелом возрасте трудящийся человек вступал в активную политическую жизнь; теперь мы имеем около полутора миллиона одних членов *комсомола*, сынов рабочих и крестьян, которые более или менее равномерно приобщаются с юного возраста к активной общеполитической и общекультурной работе; а поколение еще более молодое — *юные пионеры* — начинает охватывать огромные круги людей, которые уже с самого юного возраста воспитываются, растут и учатся работать на *иной* культурной основе, чем предшествующие поколения.

Завоевание власти пролетариатом не может создать исторического чуда, один только факт победы над буржуазией в гражданской войне не обеспечивает сразу и немедленно равенство между людьми. Но это завоевание власти и укрепление рабочей диктатуры в стране в конце концов создает такого рода условия, при которых отчетливым становится *наше движение по направлению* к этому экономическому равенству.

XIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО, ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ВООБЩЕ

Перейдем теперь к рассмотрению того неравенства, которое у нас имеется в области *политической*, в области политических прав. Здесь, прежде всего, необходимо перечислить те факты, в которых находит свое выражение это политическое неравенство.

1) По нашему законодательству не имеют избирательных прав люди, *живущие на нетрудовой доход* (нэпманы, кулаки, всякого рода лица, эксплуатирующие для получения прибыли рабочую силу в том или ином виде). «Страдающими лицами» являются здесь, таким образом, такие слои населения, которые по своему материальному благосостоянию и по уровню своей жизни стоят на *самой высокой* ступени, являются в нашем строе осколками прежнего капиталистического общества, прежних господствующих классов, которые теперь попали под железную руку пролетарской диктатуры.

2) *Трудовое крестьянство* не имеет таких же прав, как пролетариат, потому, что оно выбирает равное число делегатов при выборах в советские органы власти от значительно большего количества избирателей, чем рабочий класс в городах и фабричных поселках. Здесь есть, таким образом, налицо неравенство политических прав между рабочим классом, с одной стороны, трудящимся крестьянством — с другой, причем это неравенство совершенно очевидно склоняется к перевесу прав на стороне рабочего класса.

3) *Пролетариат* пользуется политическими преимуществами (привилегиями) и в нашем законодательстве занимает первенствующее положение.

Причины такого рода законодательства, закрепляющие политическое неравенство между различными классами нашего общества, довольно ясны и довольно понятны. У нас имеются налицо три класса: рабочий класс, широкая крестьянская масса и, наконец, допущенная к сотрудничеству в обществе буржуазия. Мы знаем, что если мы хотим обеспечить коренные интересы трудящихся, то необходимо обеспечить *руководство пролетариата* и его *союз* с крестьянством *против буржуазии;* мы знаем точно так же, что крестьянство склонно, в силу своего социального положения, а также в силу особых трудностей момента, переходить временами к колебаниям в сторону этой буржуазии, и, наконец, мы знаем, что если бы новая буржуазия возрастала, укреплялась, расправляла свои крылья и осиливала рабочий класс в борьбе за крестьянство, то отсюда проистекли бы неизбежные опасности подрыва всего дела революции. Рабочий класс в нашей стране является наиболее сознательной силой, но он по своей численности насчитывает примерно лишь *одну десятую* крестьянского населения. Для того чтобы руль не вырвался из его рук, необходимо на *данной* ступени развития прежде и раньше всего политически *обезвредить буржуазию* и не дать ей возможности распространять свое политическое влияние на крестьянство и на промежуточные мелкобуржуазные городские слои. Отсюда вытекает и лишение политических прав частных предпринимателей, купцов, лавочников, торговцев, кулаков, нэпманов вообще.

Из того обстоятельства, что крестьянство склонно к величайшим *колебаниям* и что существует опасность, в силу которой темнота и некультурность крестьянства, в связи с его социальным положением, может толкнуть его, иногда *вопреки его же собственным коренным интересам,* идти за буржуазией, вытекают известные преимущества и политические привилегии, имеющиеся в нашем законодательстве по отношению к *рабочему классу.* Эти преимущества и привилегии служат *добавочной страховкой,* обеспечивающей руководящую роль рабочему классу в нашей стране.

Что касается ограничения или лишения избирательных прав всяческой буржуазии, то вряд ли кто-либо из трудящихся будет против этого возражать; против этого могут возражать лишь явные или тайные приверженцы этой буржуазии, вроде меньшевиков и эсеров, которые ни капли не верят в возможность осуществления на деле социалистического строя, о котором так много болтают на словах. Им до сих пор кажется, что в России

произошла какая-то историческая случайность, что развитие нашего общества неизбежно пойдет по капиталистическому пути и что, чем скорее лопнет Советская власть, чем скорее кончится этот тяжелый сон (для буржуазии), тем будет лучше. Для всякого человека, который всерьез верит словам о социализме и для которого, следовательно, слово не расходится с делом, который верит в необходимость и возможность построения социалистического общества и который отнюдь не хочет возврата к капиталистическому строю,— для такого человека более чем понятно ограничение и лишение политических прав буржуазных элементов в нашей стране.

Неизмеримо сложнее является вопрос о *политическом неравенстве между рабочим классом и крестьянством.* Здесь люди очень часто подменяют трезвые рассуждения моральными, которые ничего общего с политикой не имеют. Говорят, например: разве крестьянин не трудится иногда больше, чем рабочий? Где же справедливость, когда вы ему даете меньше политических прав, чем городскому рабочему? Разве крестьянство не составляет огромнейшего большинства населения в нашей стране? Почему же, если большинство трудящихся состоит из крестьян, почему же пролетарское меньшинство должно искусственно навязывать свою волю огромнейшему большинству трудящихся? Крестьянин не тунеядствует, он не паразитствует, он — не буржуа, а трудящийся. Где же опять-таки здесь хотя бы самая элементарная (простая) справедливость? И не есть ли это отступление от заветов равенства среди трудящихся, на которых только и можно строить настоящий мост к социализму?

Такого рода рассуждения, кажущиеся иногда убедительными, страдают, однако, тем основным пороком, что они, вместо трезвого учета сил и вместо трезвого обсуждения вопроса, говорят лишь жалкие слова. Если уж зашла речь о справедливости, то вопрос нужно поставить таким образом:

Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы *проворонили все дело социализма?* Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы дали возможность буржуазии *околпачить нас и возвратить старый порядок вещей?* Стоит только *таким* образом поставить вопрос, чтобы получить на этот вопрос сразу же отрицательный ответ. Конечно, было бы в высшей степени «несправедливо», а попросту говоря, прямо глупо, если бы мы действительно проворонили дело социализма. Но ведь мы знаем, что дело социализма не только не противоречит коренным интересам всех трудящихся, но что в конечном счете от осуществления социализма выиграют *не только рабочий класс, но и широкие крестьянские массы.* Следовательно, и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения *коренных* интересов крестьянства провал

социализма был бы с нашей стороны прямым политическим преступлением, если бы мы провалили наше дело по своей собственной вине.

Но ведь мы знаем и мы твердо уверены в том, что мы можем прийти к социализму *только и исключительно* при условии союза рабочего класса и крестьянства; мы знаем, что мы придем к победе *только и исключительно при руководстве рабочего класса в этом союзе*. Мы знаем, что подрыв пролетарской диктатуры, т. е. подрыв этого руководства, есть подрыв всего дела социализма. Вот почему мы должны принять *все меры для того, чтобы это руководство обеспечить*. И если в настоящее время еще есть опасность известных колебаний со стороны крестьянства или его некоторой части, причем эти колебания на деле идут *против коренных интересов этого же самого крестьянства*, то мы должны пойти на известное политическое неравенство между пролетариатом и крестьянством для того, чтобы дать в руки пролетариату некоторую *добавочную* гарантию, обеспечивающую за ним руководящую роль.

В конце концов, как нетрудно понять, такого рода политика не только не противоречит, но, наоборот, выражает *коренные* интересы крестьянства, которые очень часто, благодаря отсталости и темноте крестьянского населения, *прикрыты* от его глаз пеленой *временных*, или *кажущихся*, или *второстепенных и производных* интересов, менее важных и менее существенных для крестьянства, интересов, которыми нужно уметь жертвовать ради интересов более основных и более коренных.

Рабочий класс и его партия говорят об этом политическом неравенстве между пролетариатом и крестьянством совершенно открыто, признавая перед всеми существование этого неравенства; но точно так же мы открыто говорим, что эти привилегии рабочего класса являются лишь *временными* и будут *исчезать* по мере роста сознательности и по мере переделки нашей крестьянской массы. Чем дальше будет идти вперед дело социалистического строительства, чем больше и больше будут отходить на задний план оставшиеся еще у буржуазии силы и чем больше и быстрее будут укрепляться социалистические формы нашего народного хозяйства; чем крепче, следовательно, будет фундамент экономической смычки между рабочим классом и крестьянством, а следовательно, чем больше будет политическое влияние пролетариата на это крестьянство, — *тем меньше будет необходимости в этих привилегиях для рабочего класса*. Они будут постепенно все уменьшаться и сделаются в конце концов совершенно излишними. А общее дальнейшее укрепление пролетарского влияния и переработка в социалистическом духе широких масс трудящихся сделают неопасным противоположное влияние со стороны

даже оставшихся буржуазных элементов, и, таким образом, мы в конце концов перейдем к системе всеобщего и равного избирательного права в наши советские органы.

А если мы посмотрим еще дальше, в глубь нашего будущего, то мы увидим такое время, когда все перегородки между классами отпадут, когда уничтожится грань между трудящимися города и деревни, когда исчезнет необходимость в органах государственного принуждения вообще (если только к тому времени будут низвергнуты капиталистические государства в других странах мира) и когда целиком и полностью отомрет всякая политика. Эта политика заменится одним лишь научным управлением и научным руководством общественным хозяйством.

XV. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РУКОВОДСТВА И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Мы видели уже раньше, что правильная политика обеспечивается правильным руководством, а правильное руководство обеспечивается совершенно определенным сочетанием различных общественных классов и их организаций друг с другом. Для того чтобы это руководство действительно было обеспечено, необходимо, чтобы крестьянство шло за рабочим классом, чтобы рабочий класс шел за своими профессиональными союзами, чтобы эти профессиональные союзы, в свою очередь, шли за головным отрядом рабочего класса, за его *партией*, которая должна являться основной руководящей силой всего рабоче-крестьянского блока.

В нашей жизни имеется, как мы знаем, бесконечное количество всевозможных противоречий: противоречия между классами, противоречия между рабочим классом и крестьянством, противоречия внутри самого рабочего класса, противоречия между различными по своему национальному составу частями нашей огромнейшей страны. Необходимо, чтобы существовала в недрах самого рабочего класса такая сила, которая наиболее ясно видела бы все эти противоречия, стояла бы на дозорной вышке и вовремя замечала бы все опасности, умела бы на всех ступенях развития подчинять второстепенное коренному и основному и обнаруживала бы небывалое единство воли и способности к руководству.

Такой организацией рабочего класса и является *коммунистическая партия*; этот самый передовой отряд пролетариата, отряд, вобравший в себя самые решительные, самые сознательные, самые передовые и самые смелые элементы рабочего класса нашей страны.

Именно потому, что коммунистическая партия представляет из себя головной отряд рабочего класса и основную руководя-

щую силу в стране, именно поэтому, прежде всего, по ней стреляют все враги рабочего класса: открытые белогвардейцы и сторонники возвращения к помещичье-буржуазному или буржуазному режиму, вроде российских белых монархистов, кадетов и прочих открытых сторонников помещичьего и буржуазного строя; прикрытые враги социализма и прикрытые сторонники капиталистического строя, вроде меньшевиков, так называемых социалистов-революционеров и т. п. Все они считают своей политической задачей подпилить партийные столбы для того, чтобы вслед за ними свалилось и все здание рабочей диктатуры, Советской власти и был оборван тот путь, на который рабочий класс вступил с первых же дней своей октябрьской победы.

Укрепление влияния партии есть предпосылка, необходимейшее условие пролетарской диктатуры: если нет руководящей роли со стороны партии по отношению к рабочему классу, а затем и к крестьянству, то нет и диктатуры рабочего класса; если нет связи между партией и беспартийными рабочими и крестьянами, тогда не может существовать и быть крепкой Советская власть.

Мы видели выше, что если мы будем рассматривать отношения, складывающиеся внутри рабочего класса, то мы будем иметь во главе этого рабочего класса коммунистическую партию, которая обеспечивает свое влияние на целый ряд других организаций рабочего класса, более широких по своему составу, в первую очередь на профессиональные союзы, эту чрезвычайно широкую форму организации пролетариата, а с другой стороны, на Советы рабочих депутатов, которые представляют из себя государственную форму организации этого пролетариата, опирающуюся на широкие крестьянские слои. Через эти организации, которые, в свою очередь, непосредственно смыкаются с беспартийными рабочими, партия обеспечивает правильное руководство всей совокупностью и всеми составными частями пролетарских масс.

Можно спросить себя, однако: что же соответствует у крестьянства тому, чем у пролетариата является его *профессиональная организация?*

Если мы берем таких же рабочих, как в промышленности, но только работающих на земле, то речь идет, конечно, о сельскохозяйственных батраках, о сельскохозяйственных наемных рабочих, для которых, конечно, целесообразно иметь точно так же, как и для рабочих тех или других профессий, свой профессиональный союз. Такой профессиональный союз работников земли существует, это есть Всеработземлес. Если мы спросим себя, однако, в чем состоят особые интересы («профессиональные интересы») крестьянина, то мы совершенно ясно увидим здесь, прежде всего, что крестьянин не работает, как рабочий, а работает в

своем собственном хозяйстве и его частнохозяйственный интерес, который вытекает из его положения как мелкого самостоятельного производителя, имеющего свое собственное хозяйство, заключается в том, чтобы выгоднее *продавать* продукты своего хозяйства, чтобы выгоднее *покупать* те продукты, которые поступают к нему из государственной промышленности и которые необходимы для него и в его качестве потребителя, и в его качестве руководителя своего маленького хозяйства; наконец, для него выгодно иметь более дешевый кредит, который нужен ему в хозяйственной деятельности. Его общий коренной интерес заключается в том, чтобы совместно с рабочим классом не допустить возвращения старого порядка вещей, не допустить образования новых помещиков и постепенно улучшать свое хозяйство на основе все дальше и дальше растущего кооперативного объединения крестьянских дворов. *Но ведь все эти задачи решает именно сельскохозяйственная кооперация*, а наряду с нею такого рода подобные организации, как кресткомы и пр.

Не нужно, однако, скрывать от себя, что до последнего времени крестьяне еще не получили особого доверия к кооперативному движению. Это происходило в значительнейшей мере оттого, что кооперация у нас страдала многочисленными недостатками и крестьянин не находил в ней того, что он должен был в ней находить.

Эти недостатки достались нам в наследство от времени военного коммунизма. Теперь их нужно решительнейшим образом изживать. Прежде всего, речь должна идти о полной *добровольности* кооперации и *о внутрикооперативной демократии, т. е. о выборности* правления и всех должностных лиц. Крестьянин не повезет своих паев и не будет доверять своих денег сплошь назначенным сверху лицам. Он хочет иметь людей, которых он знает, которым он доверяет. Только тогда он будет энергичным образом строить кооперацию, только тогда он будет кровно в ней заинтересован.

Чтобы кооперация сыграла ту роль, какую мы ей отводим, необходимо решить две задачи:

во-первых, задачу *хозяйственного* укрепления кооперации, т. е. задачу накопления кооперативного «капитала», задачу роста кооперативных оборотов и так далее;

во-вторых, задачу *втягивания масс* в дело кооперативного строительства; если этого втягивания масс не будет, то кооперация потеряет одну из самых существеннейших своих особенностей.

Эти задачи нельзя, однако, решить, если не будет проведена *добровольность* кооперативного членства и полная *выборность* руководителей кооперативных организаций. Разумеется, партия,

опираясь на бедняков и середняков, должна бороться на выборах *убеждением*. Но *сами* крестьяне должны выбирать. Тогда самодеятельность крестьянских масс и рост их активности неизбежно приведут к быстрому росту нашей сельскохозяйственной кооперации.

Необходимо, далее, поставить дело так, чтобы *избавить* кооперацию от *излишних* задач, которые прямо подлежат решению со стороны *государственных органов*. Кооперация, конечно, должна быть связана с органами Советской власти, но у нее свои, особые, задачи, наряду с общими задачами. Если бы, например, кооперация стала собирать налог, это было бы неправильно, точно так же, как неправильно было бы, если б в городах профсоюзы рабочих выполняли *непосредственно* задачи государственного управления фабриками и заводами. Если на кооперацию нагружают такие задачи, которые требуют больших *жертв* со стороны крестьянства, то, разумеется, туда будут идти не с большой охотой; и не так поэтому нужно вести дело. Кооперация должна стать для крестьянина *органом его хозяйственного подъема*. Тогда, при обеспечении выборности и добровольчества, кооперация станет *любимейшей* организацией крестьянства. А при связи ее с промышленностью и органами Советского государства вообще она сыграет *на деле* ту роль, которую отводит ей сейчас наша партия.

Оживление Советов и подъем кооперативного движения — основные задачи нашей партии в деревне. Если партия, а вместе с нею и через нее — рабочий класс упрочит свое влияние на крестьянские массы, тогда дело социализма будет *обеспечено у нас наверняка*.

Мы уже говорили о том, что даже у трудового крестьянина, как это принято говорить, есть «две души»: с одной стороны, он является тружеником, борется с помещиком-капиталистом, а с другой стороны, он является собственником, не прочь сам приняться, если разбогатеет, работничка и поэтому имеет известное уважение к крупным собственникам, т. е. к буржуа. Это — во-первых, а во-вторых, в среде крестьянства есть различные слои, начиная от эксплуатируемых и кончая эксплуататорами (беднота и кулаки; полубатраки, подрабатывающие частично продажей своей рабочей силы и их наниматели, зажиточные, богатые, так называемые «мироеды»). Когда крестьянина организует и на него влияет коммунистическая партия (прямо или косвенно, непосредственно включая крестьянина в свой состав или косвенно влияя на него через свое влияние на кооперативы, кресткомы и ряд других организаций), то эта коммунистическая партия организует его *трудовую душу*, переводит его постепенно на рельсы общественной работы через кооперацию; приучает к этой работе через

Советы, вовлекая его в дело социалистического правительства, через партию — непосредственно перерабатывая его в том духе, который соответствует целям и задачам социалистического строительства. Если бы в крестьянстве выросла *другая* партия *против* коммунистической партии (под каким угодно названием), она могла бы иметь и неизбежно должна была бы иметь только один смысл, только одно значение, она будет всемерно усиливать, организовывать *«нетрудовую* душу» крестьянина; она будет организовывать и усиливать как раз его уклоны в сторону к *буржуазии*; она будет холить и лелеять, растить и выхаживать как раз те черты, которые воплощают собою эти *колебания* крестьянства, *вредные* для дела социалистического строительства; она, в силу самого хода вещей, будет неизбежно, так сказать, натравливать временные и производные интересы крестьянства против коренных и основных интересов, мелкобуржуазные предрассудки против социалистической линии развития, кулацкие замашки против пролетарской солидарности; она не только не будет сглаживать трения между рабочим классом и крестьянством, а она будет *обострять* эти трения; она не только не будет вести линию на рабоче-крестьянский союз и на добровольное признание пролетарского руководства,— наоборот, она будет ставить своей задачей так называемое «высвобождение» от пролетарского руководства, *что на самом деле означает не что иное, как влияние на крестьянство и руководство крестьянством со стороны буржуазии* и идейной агентуры этой буржуазии (эсеров, меньшевиков, трудовиков и тому подобных соглашательских партий).

Таким образом, победа рабоче-крестьянского дела предполагает руководство со стороны коммунистической партии. Но это руководство, в свою очередь, должно опираться на всемерное укрепление *Советов и кооперации*, на *подъем промышленности*. Будут правильно решаться эти задачи — тогда крестьянство вновь убедится, что рабоче-крестьянский союз и руководство пролетариата необходимы, как воздух, с точки зрения коренных крестьянских интересов.

XVI. МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СССР

До сих пор мы рассматривали все вопросы исключительно с нашей *внутренней точки зрения*. Между тем мы ведь живем вовсе не одни на земном шаре, а мы окружены капиталистическими государствами, которые боятся нашего роста и которые, по сути дела, являются нашими непримиримыми врагами. До сих пор ни в одной стране, кроме нашей, рабочий класс не был в состоянии свалить свою буржуазию и захватить власть в свои руки. Естественно поэтому встает перед нами вопрос: да можем ли мы построить социализм в одной нашей

стране без прямой поддержки со стороны победоносного пролетариата других стран?

Мы сумели *захватить власть* в одной стране, мы сумели отбиться от со всех сторон наседавших на нас противников, мы сумели начать подъем нашего хозяйства, мы сумели укрепить и упрочить строй пролетарской диктатуры. Но есть ли у нас гарантия от того, что на нас не нападут иностранные хищники, что не будет никаких новых «интервенций» с их стороны? Такой гарантией могла бы явиться лишь *победа пролетариата в нескольких других капиталистических странах*. Вот почему наши интересы крепко и раз навсегда спаяны с интересами международного рабочего класса и с интересами угнетенного колониального крестьянства, которое в своих возмущениях против гнета империализма подтачивает силы наших злейших противников и врагов. Вот почему наша партия совершила бы измену и предательство по отношению к интересам нашего рабочего класса и крестьянства, если бы она перестала быть *партией международной революции*. Никогда не нужно забывать ни на одну минуту того обстоятельства, что наше мирное строительство может быть нарушено внезапным прыжком на нас со стороны ближних соседей. Никогда не нужно баюкать себя мечтой о том, будто бы мы оставлены в покое раз и навсегда. И потому неразрывной и нерушимой должна быть наша *братская связь с трудящимися массами других стран*, с массами, которые являются нашими надежнейшими союзниками и нашей могущественнейшей опорой в стане противника.

По опыту гражданской войны, по опыту прошлой интервенции капиталистических держав, которые поддерживали всех взбунтовавшихся контрреволюционных генералов, мы знаем, какую огромную помощь уже тогда принес нам международный пролетариат, все время державший за фалды свою буржуазию, не раз мешавший ей успешно проводить ее палаческое дело в нашей стране. Всем известны бунты французских матросов в Одессе, всем известно, как с архангельского фронта ушли английские отряды, все знают, что неоднократно рабочие массы Европы мешали посылке войск, снарядов и оружия, направлявшихся нашим противником для расправы с молодыми советскими республиками. Этот опыт показывает нам, что международная пролетарская солидарность, что солидарность трудящихся вообще не есть просто красное словцо, которым можно утешать себя и которым можно забавляться по праздничным дням. Нет, это самое *реальное дело*, которое имеет громаднейшее практическое значение для вопроса о всей нашей судьбе, о всем нашем будущем, о путях всего нашего развития.

Таким образом, *окончательной гарантией от восстановления*

старого порядка, принесенного на штыках иностранных армий, может служить лишь международная революция, приверженцем, сторонником и носителем которой должна быть наша партия.

Но может быть, нам суждено погибнуть не от нападения внешнего врага, а от нашей собственной отсталости, от того, что, не имея *технической* и *экономической* помощи со стороны победоносного пролетариата других стран, не имея этой помощи в течение довольно долгого срока, мы неизбежно падем *жертвой своей отсталости, своего экономического слабосилия*? Быть может, *мелкобуржуазный характер* страны, подавляющее большинство в ней крестьянского населения, незначительность рабочего класса, к тому же обессиленного долгими годами империалистической и гражданской войны, приведут с «железной необходимостью» к краху всего нашего строительства?

Такие утверждения, выражающие глубочайшее неверие в силы нашей революции, совершенно *неправильны* и ни на чем ровно не основаны. Правда, отсутствие помощи, технической и экономической, со стороны рабочего класса других стран, который, к сожалению, еще не пришел к власти, чрезвычайно *замедлит* наш хозяйственный рост, а вместе с ним и весь темп социалистического строительства в нашей стране. Получи мы такую добавочную помощь, мы, конечно, пошли бы несравненно *быстрее* по пути хозяйственного подъема, а вместе с тем сравнительно быстро стали бы развертывать все дело нашего строительства: и в области экономической, и в области политической, и в области культурно-бытовой, и в области всевозможных наук и так называемой «духовной культуры». Конечно, *без* такой помощи мы пойдем *медленнее* в своем развитии, но *мы все же будем неуклонно идти вперед, как то уже с достаточной ясностью показал опыт первых лет, свободных от гражданской войны* и от непосредственной работы на поле сражения.

В самом деле, на протяжении этой брошюры мы не раз уже говорили о том, что, поднимая производительные силы всего нашего народного хозяйства в целом, мы в то же самое время замечаем все больший рост *социалистических форм* в нашем народном хозяйстве и таких форм этого народного хозяйства, которые все более и более развиваются по *социалистическому пути*. Никак нельзя сказать, что в хозяйственной борьбе частно-предпринимательского капитала всех его видов и оттенков, с одной стороны, и государственных предприятий и кооперации — с другой, частный капитал выходит победителем. Наоборот, мы знаем, что он относительно *отступает* на задний план, что все сильнее и могучее становятся хозяйственные командные высоты и что, таким образом, дело социализма идет вперед. Если оно шло вперед [illegible] *первые* годы мирного времени, то где же основания утвер-

ждать, что в дальнейшем мы будем иметь попятное движение? Где хоть тень доказательства или тень намека на доказательство того, что в *последующие* годы условия развития будут более неблагоприятны для государственного хозяйства и кооперации, чем они были в первые годы нашего хозяйственного подъема? Наоборот, если *таких* доказательств нет, то можно, с другой стороны, указать на целый ряд причин, которые говорят о вероятности *гораздо больших успехов* в будущем. Все больше и больше будут обнаруживаться преимущества *крупного производства* вообще; все большая экономия и выгода будет получаться для государственного хозяйства от роста его *плановости*, т. е. планомерного и наиболее целесообразного использования всех материальных средств и рабочей силы этого хозяйства; все большие суммы будут находиться в распоряжении государственной власти, которая будет в состоянии с большей широтой помогать делу организации крестьянства через строительство кооперации и т. д. и т. п.

По сути дела, мы уже теперь доказали, что можно строить социализм даже *без непосредственной технико-экономической помощи из других стран*. Правда, формы нашего социализма в ближайший период его строительства будут неизбежно формами отсталого социализма [9], но это не беда потому, что даже и эти формы гарантируют нам все дальнейшее и дальнейшее продвижение вперед к формам социализма, все более совершенным и все более полным.

Нужно помнить, что даже капиталистический строй, который развивался в течение *ряда столетий*, на закате своего развития, в свою империалистическую эпоху, имел, несмотря на такой почтенный возраст, различные формы и различные, так сказать, «национальные черты». Американский капитализм еще и сейчас довольно сильно отличается от французского, германский — от английского и т. д. и т. п. Американский капитализм носит резко выраженные черты монополистического капитализма с господством банков, сросшихся с могучими организациями отечественной промышленности (тресты). Французский капитализм — это капитализм по преимуществу ростовщического типа, со сравнительно слабо развитой внутри страны промышленностью, капитализм, дающий деньги в *ссуду* другим государствам, сосущий эти другие государства и отличающийся чрезвычайно малой производственной деятельностью внутри страны, в его лоне приютились и мелкие крестьянские хозяйства, тогда как, например, в системе английского капитализма этот капитализм пожрал уже целиком хозяйство свободного крестьянина и сумел соединить черты мирового грабителя с энергичной деятельностью по развитию своей собственной отечественной про-

мышленности. Русский капитализм точно так же имел свои особые черты. Эти черты заключались, прежде всего, в том, что капиталистический строй вообще у нас был слабо развит, если брать все народное хозяйство страны в его целом. Это находило свое выражение в том, что в системе российского капитализма громаднейшее значение имело мелкое крестьянское хозяйство, барин-помещик полукрепостнического типа (вместо капиталиста-помещика, употребляющего наемный труд); громадное значение имела также мелкая промышленность (ремесленники, кустари), которую далеко не успел слопать в своем победоносном шествии крупный капитал. Но в то же самое время если взять одно лишь крупное промышленное производство, то в области этого крупного промышленного производства мы имели очень значительный процент так называемых «гигантских предприятий» (свыше 10 000 рабочих, вроде морозовских мануфактур, южнорусских сталелитейных заводов и т. п. промышленных гигантов). Это объясняется в значительной мере влиянием *иностранного капитала*, который насаждал в нашей стране огромные предприятия, оборудованные часто по последнему слову западноевропейской техники.

Вот это соединение страшного, полукрепостнического варварства и страшной хозяйственной отсталости вообще с самыми передовыми формами, до которых дошел западноевропейский капитализм, и составляло отличительную особенность российского капитализма, его, как это называют, «национальное лицо».

Но ведь движение к социализму начинается не с пустого места; движение к социализму начинается после захвата политической власти в руки рабочего класса, причем на долю этого рабочего класса *достается наследство, оставленное ему капиталистическим строем*. После вышесказанного совершенно ясно, что это наследство в разных капиталистических странах будет выглядеть *по-разному*. И если капитализм в разных странах имел свои особенности, то совершенно понятно, что и *социализм в первый период своего развития, до слияния всех стран мира в одно общее целое, неизбежно будет отличаться точно так же своими особенностями, которые вытекают из особенностей предыдущего развития*. То, что у нас налицо имелось сочетание передовых капиталистических крупных предприятий с крайне отсталыми хозяйственными формами, неизбежно накладывает свою печать и на формы строящегося в нашей стране *социализма*; из наличия мелких торговцев и мелких предпринимателей вытекает, что они останутся существовать еще известное количество времени и при нашем режиме; из наличия огромнейших слоев крестьянства, с его неизмеримо крупным хозяйственным значением в нашей стране, вытекает, во-первых, сравнительно долгий путь к достижению

полного социализма, во-вторых, огромнейшее значение *сельскохозяйственной кооперации*, как столбовой дороги развития крестьянского хозяйства к социализму; а из наличия крупных предприятий, объединяющих в своих стенах многие тысячи пролетариев, вытекает самая возможность пролетарского руководства в нашей стране.

В других странах (если не говорить о колониях), например в Англии, где крестьянское хозяйство играет совсем маленькую роль, формы организации народного хозяйства будут неизбежно другими и ход развития будет отличаться гораздо более *быстрым* темпом по сравнению с нашим. Наоборот, если мы будем рассматривать и те задачи, которые станут перед западноевропейским пролетариатом по отношению к бывшим колониям, где живет масса крестьянского населения, то там будет много задач и много хозяйственных форм, напоминающих те вопросы и задачи, которые мы решаем у себя, и те организационные формы хозяйственной жизни, которыми отличается *наше* строительство. Мы нисколько не должны стыдиться того, что наш социализм, который строим мы, является неизбежно отсталым типом социалистического строительства. Не наша в том вина; но мы можем быть вполне уверены, что у нас *есть возможности для бесконечного продвижения вперед*, для совершенствования этих форм, для изживания нашей отсталости, для все ускоряющегося перехода к действительно полному типу социалистического общества.

Наша страна сейчас еще только-только начала вылезать из поистине ужасающей нищеты, и было бы прямо безумием даже заикаться о том, чтобы почить на лаврах или начать отдыхать. Нам предстоит изжить еще ужасную нищету, остатки голода, грязи, темноты, варварства и косности; но мы уже ясно видим перед собою широкий и правильный путь, по которому мы доберемся и до нашей окончательной победы.

Печатается по книге: Бухарин Н. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М.; Л.: Госиздат, 1925

ДОКЛАД НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б) [1]

10—11 февраля 1926 г.

Товарищи! Позвольте мне прежде всего приветствовать вашу конференцию от имени Центрального Комитета нашей партии. *(Аплодисменты.)* Ваша конференция замыкает собою целый период в развитии Ленинградской партийной организации. Она является заключительным актом очень тяжелой полосы в истории Ленинградской организации и, вместе с тем, в истории нашей партии вообще [2]. На этой конференции Ленинградская организация должна — и безусловно сделает это — выравнять общий партийный фронт и всеми своими составными частями, своей верхушкой, средней прослойкой масс, широкими партийными рядами снова занять то место, которое принадлежит ей по праву в авангарде всей нашей партии и всего рабочего класса нашей страны. *(Аплодисменты.)*

Товарищи! Наша дискуссия возникла на фоне чрезвычайно сложной обстановки внутри нашей страны. С одной стороны, всем известно, что мы за последнее время переживали, как принято выражаться, полосу бурного хозяйственного роста, роста нашей промышленности, роста сельского хозяйства, роста нашего транспорта, роста нашей внешней торговли, роста оборотов внутренней торговли и т. д. В то же время совершенно бесспорным является тот факт, что в пределах и рамках этого нашего общехозяйственного роста нашей страны мы имели относительное усиление социалистических элементов нашего хозяйства, всех наших командных высот, мы имели резкое усиление главной нашей командной высоты — социалистической промышленности. Мы имели усиление в общих рамках нашего совокупного хозяйства — нашего транспорта, наших банков и наших кредитных институтов, развитие внешней торговли на принципе государственной монополии, укрепление государственной торговли, в особенности в ее головных частях, т. е. в оптовой и оптово-розничной торговле, укрепление — хотя далеко не достаточное и далеко не в той пропорции, которая нужна нам,— кооперации. Но, с другой стороны, в этом составляет главную особенность нашего положения, наше

хозяйственное развитие протекает в противоречивых формах. Мы росли, но в то же время рос и частный промышленник, мелкий, отчасти, средний; рос торговый капиталист в деревне, скупщик, кулак,— одним словом, на основе общехозяйственного расцвета и на основе продвижения нашего хозяйства вперед, одновременно с нашим наступлением, с наступлением наших командных высот в общей экономике, против этих командных высот, на основе нэпа росли и капиталистические элементы различных оттенков и различных степеней. Я считаю необходимым сказать несколько слов относительно противоречий другого типа, другого порядка, а именно о противоречиях между пролетариатом и крестьянством, о противоречиях, которые нашли свое наибольшее отражение в области товарооборота, где интересы рабочего класса как покупателя и интересы крестьянства, продающего хлеб, как продавца до известной степени противоречивы.

Нельзя забывать также о противоречиях внутри самого рабочего класса, противоречиях, которые будут давать себя чувствовать в нашей стране еще довольно долгое время. Конечно, противоречия между рабочим классом и крестьянством — не сравнимы с противоречиями, которые существуют между рабочим классом и крупным капиталом, но тем не менее они тоже суть противоречия. Несомненно, далее, что противоречия внутри рабочего класса — не то, что противоречия между пролетариатом и капиталом, и это также не то, что противоречия между рабочим классом и крестьянством, но все-таки эти противоречия внутри нашего пролетариата существуют; они отражаются и выражаются в известного рода колебаниях внутри определенных слоев рабочего класса и они, в известной мере, отражаются и находят свое выражение точно так же внутри нашей единственной в советской стране партии. Я имею здесь в виду противоречия внутри рабочего класса такого порядка, как известные противоречия между «управляющими» кадрами и «управляемыми» массами нашего рабочего класса, хозяйственниками и рядовыми рабочими, противоречия между квалифицированным трудом и неквалифицированным трудом, т. е. чернорабочими; противоречия между старыми коренными пластами рабочего класса и пластами вновь приходящих и только что вливающихся в наши фабрики рабочих и, наконец, возрастные противоречия, противоречия между взрослыми рабочими кадрами и кадрами рабочего молодняка, противоречия, обусловленные разницей жизненного опыта.

Эти последние противоречия не суть противоречия классового характера, эти противоречия имеют совершенно другую природу, чем противоречия между рабочим классом и капиталистом. Эти противоречия имеют совершенно другую природу даже по сравнению с теми противоречиями, которые существуют между рабо-

...чим классом и крестьянством. Эти противоречия суть известные ...ения внутри нашего собственного класса, но тем не менее они ..., тем не менее они порождают определенные практические ...ности, и эти трудности мы должны преодолевать в упорной ...истематической работе.

Эти противоречия внутри нашего класса, вытекающие из ...неоднородности состава самого рабочего класса, обостряются ...ближно рядом отрицательных явлений вроде хозяйственного ...растания и бюрократического извращения явлений, с которыми ...ша партия должна будет еще в течение долгого периода вести ...рьбу. Совокупность всех этих противоречий — противоречий ...жду рабочим классом и его хозяйственными формами и капиталистами и их хозяйственными формами, между рабочим классом и крестьянством и внутри рабочего класса,— все это в свою ...редь еще более обостряется в момент, когда у нас намечаются некоторые хозяйственные затруднения.

Необходимо подчеркнуть, что именно в силу роста затруднений, связанных с известными неудачами в области нашей хлебозаготовительной кампании, с сокращением нашего импортного ...ана, с необходимостью урезывания наших производственных ...рамм, с необходимостью урезывания наших сметных бюджетных ассигнований и т. д., более затруднительной является ...борьба с антипролетарскими элементами в нашей стране.

Мы имеем перед собой такого рода явление, что именно в ...зу некоторых просчетов и создавшихся затруднений в хозяйственной области выигрышные позиции на различных участках ...нического фронта заняли кое-где скупщик-хлебозаготовитель, ...частник, что в связи с обострившимся товарным голодом, ...основе новых хозяйственных затруднений, частный капиталист, купец, торговец могут извлечь для себя добавочные выгоды и, извлекая и кладя себе в карман разницу между оптовыми ...нами и розничными ценами, спекулировать на этом товарном голоде и т. д. и т. д. Словом, я хочу, товарищи, подчеркнуть ...сь ту мысль, что очень часто, именно в силу хозяйственных ...труднений, противоречия, которые и без того имеются в нашей ...ране, обостряются, усложняют стоящие перед нами задачи и ...дают благоприятную почву для некоторых колебаний в парт...ных рядах.

Для того чтобы понять весь круг ошибок новой оппозиции, ...торая дрогнула в этот период очередного нарастания трудностей, я считаю необходимым поставить вопрос о тех общих идейных истоках, у которых новая оппозиция встречается с рядом ...ших оппозиционных течений. Мне кажется, что такие общие ...ки, общие корни есть, что они у теперешней оппозиции выражены с наибольшей яркостью и что нужно их вскрыть для того,

чтобы понять, а понять для того, чтобы правильно преодолеть
Я, товарищи, поставлю здесь, прежде всего, вопрос, который на
первый взгляд не имеет прямого отношения к делу, но который,
как вы увидите, имеет самое непосредственное отношение к пра-
вильной постановке всех тех основных вопросов нашей полити-
ки, коренных и кардинальных, которые всплыли во время нашей
последней дискуссии. Это — вопрос следующий: что есть самого
нового, оригинального в ленинском учении? Вы знаете, что на
этот вопрос отвечают по-разному.

По нашему мнению на этот вопрос может быть только один
ответ. Самое новое, принципиально новое, чего не было у Марк-
са, чего не было у Энгельса и чего не могло быть ни у Маркса
ни у Энгельса, это есть постановка вопросов и проблем, которые
связаны со строительным периодом социалистической революции,
т. е. с тем периодом, когда диктатура пролетариата уже налицо,
когда она уже укрепилась, когда центр тяжести переносится
с разрушительной работы на строительную. Если вы возьмете
такой вопрос, как вопрос о диктатуре пролетариата, то убеди-
тесь, что здесь Владимир Ильич сделал колоссально много для
развития этого учения, но в основном оно было намечено Марк-
сом. А если вы себя спросите о тех задачах рабочего класса, ко-
рые идут в новой полосе строительства, уже после упроче-
ния пролетарской диктатуры, то вы легко увидите, что об этом у
основоположников научного коммунизма не написано ничего
или совсем ничего, и есть у Ленина, давшего первые наме-
ки в этой области (я имею в виду теорию нэпа, кооперации
и т. д.).

В том, что Маркс и Энгельс не смогли дать теорию перехо-
ного периода, нет ничего удивительного, ибо в их опыте, в ус-
виях тогдашнего времени для этого не было никаких предпо-
сылок.

Эту мысль с достаточной отчетливостью высказал сам тов. Ле-
нин. В своей статье «О значении золота» Владимир Ильич, оце-
нивая радикальные изменения, внесенные диктатурой пролета-
риата, писал о соотношении между реформой и революцией сле-
дующее: «Отношение реформ к революции определено точно
и правильно только марксизмом, причем *Маркс мог видеть это
отношение только с одной стороны*, именно: *в обстановке, пред-
шествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь да-
тельной победе пролетариата хотя бы в одной стране*» [3]. («О зна-
чении золота», т. XVIII, ч. 1, с. 414.) Вот эта небольшая цитата
дает очень много для уяснения соотношения между марксизмом
и ленинизмом, потому что сам Ленин совершенно точно, с совер-
шенной полной отчетливостью, ясностью и определенностью по-
ставил этот основной вопрос и сказал, что Маркс мог видеть

соотношения между реформой и революцией, между различными
основными тактическими и стратегическими методами пролетар-
ской классовой борьбы только с одной стороны, т. е. только до
того, как рабочий класс укрепил свою рабочую диктатуру, и он
не мог видеть того, что лежит после упрочения пролетарской
диктатуры.

Вот, товарищи, я прочту вам еще два отрывка из сочинений
Владимира Ильича, которые иллюстрируют его основную мысль
относительно другого бока марксизма, который обнаруживается
только в ленинизме. Тов. Ленин в своей статье «О кооперации»
пишет: «...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точ-
ки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит
в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были
класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти
и т. д. Теперь же *центр тяжести меняется до того, что перено-
сится на мирную организационную «культурную» работу*. Я готов
сказать, что центр тяжести для нас переносится на «культурни-
чество», если бы не международные отношения, не обязанность
бороться за нашу позицию в международном масштабе» [4]. («О ко-
операции», т. XVIII, ч. 2, с. 144.)

Следовательно, и здесь Ленин говорит о радикальном отли-
чии наших современных задач от тех задач, которые стояли до
завоевания политической власти пролетариатом и непосредствен-
но во время этого завоевания; он утверждает, что центр тяжести
переносится теперь на мирную культурную организационную ра-
боту и что лишь в отношении мирового пролетарского движе-
ния центр тяжести мы по-прежнему видим в содействии мировому
социалистическому перевороту, победоносному завершению граж-
данской войны. И наконец, разрешите мне прочитать еще одну
цитату, которая идет по той же самой линии. Тов. Ленин в своем
письме к Мясникову, который начал отходить от нашей партии,
а потом в конце концов совершенно от нее отошел, писал: «В на-
шей статье вы правильно применяете диалектику. Да, кто не
понимает смены лозунга «гражданская война» лозунгом «граж-
данский мир», тот смешон, если не хуже» [5]. (Письмо тов. Мясни-
кову, т. XVIII, ч. 1, с. 339.)

Вот три основных положения тов. Ленина. Первое, что в поле
нашего зрения сейчас находится другая полоса социалистиче-
ской революции, которая не была видна во времена Маркса и не
могла быть видна. Второе, что является расшифровкой этого
первого положения, состоит в том, что у нас центр тяжести внутри
страны переносится на мирную организаторскую работу. И третье
положение, которое, так сказать, является политическим выра-
жением второго положения, это то, что мы сейчас в нашей стране
являемся партией не гражданской войны, а партией граждан-

ского мира. Вот три положения, которые по данному вопросу выставляются Владимиром Ильичем.

В этих положениях вы видите в резкой форме выраженное разъяснение того, что нелепо, глупо, не по-марксистски, не по-ленински переносить все то, что мы писали до завоевания политической власти рабочим классом, на то время и на те условия, которые наступают после упрочения пролетарской диктатуры в нашей стране. Вы согласитесь, товарищи, что это ведь не шуточные вещи. До завоевания политической власти в нашей стране мы были партией гражданской войны, после завоевания политической власти и укрепления пролетарской диктатуры мы стали партией гражданского мира. До завоевания политической власти центр нашей тяжести заключался в политической революционной борьбе за завоевание власти. После укрепления пролетарской диктатуры центр тяжести нашей работы заключается в мирной организаторской деятельности. Правильно это или не правильно по существу? Конечно, правильно.

Основной задачей организованного пролетарского авангарда в капиталистическом обществе является расширение, обострение, разжигание, доведение до последнего каления классовой борьбы, чтобы по мере и в результате этого разжигания, расширения, обострения классовой борьбы в конце концов взорвать, разрушить, разбить буржуазное общество. Такова наша генеральная основная линия в капиталистическом обществе. В то же время в обществе пролетарской диктатуры наша задача заключается не в том, чтобы его укрепить, не в том, чтобы его развалинать, а в том, чтобы его организовать, не в том, чтобы выставлять лозунг гражданской войны в нашем обществе, а в том, чтобы преследовать всякого, кто пытается вызвать гражданскую войну в нашем обществе, ибо мы стали руководящей силой этого общества и наша позиция заключается теперь в том, чтобы противоречия между классами и различные, но иного рода, противоречия в господствующем классе нашей страны преодолеть, обеспечивая своим постоянным вмешательством рост социалистических форм хозяйства, стремясь к тому, чтобы на основе роста социалистических форм хозяйства, на основе роста наших экономических высот, на основе укрепления пролетарской диктатуры, которая является одним из величайших орудий современной классовой борьбы, обеспечить вытеснение и преодоление различных других хозяйственных форм, носителями которых являются другие классы.

Я, товарищи, привел вам три важнейших записки, три важнейших документа из работ тов. Ленина. Очень характерно, что у тов. Зиновьева [6] в его книге «Ленинизм» [7] все эти три цитаты отсутствуют, ибо тов. Зиновьев самых характерных черт для

теперешнего периода, самого характерного в ленинизме не заметил; все идеологи новой оппозиции ставят вопросы однобоко и в значительной мере поэтому впали в те политические ошибки, которые выразились в их выступлении на съезде [8], вокруг съезда, после него и т. д.

Товарищи, в связи с приведенными заявлениями у тов. Ленина есть еще одно заявление, где он утверждает, что наше теперешнее общество покоится на сотрудничестве двух классов: рабочего класса и крестьянства, к коему (т. е. сотрудничеству) на известных условиях допущена и буржуазия [9]. Это совершенно справедливо и тоже обусловлено особенностями переживаемого нами периода. Когда мы одни не можем справиться, например, с выпечкой хлеба и позволяем частным капиталистам открывать булочные, то в этом выражается известный факт нашего сотрудничества, и не только сотрудничества рабочего класса с крестьянством, но и на известных условиях даже с буржуазией. Но в то же самое время здесь есть и другая сторона явлений. Между рабочим классом и крестьянством есть сотрудничество, но исчерпывается ли только этим соотношение между названными двумя классами? Нет, не исчерпывается, потому что наряду с этим сотрудничеством есть и элементы борьбы. Исчерпываются ли соотношения между нами и буржуазией сотрудничеством, тем, что мы допускаем ее, например, торговать? Нет, у нас есть сотрудничество, но в десятки раз больше, даже в сотни раз больше, борьбы с ней. Мы, с одной стороны, допускаем эти капиталистические элементы, идем на сотрудничество с ними, но, с другой стороны, мы их допускаем *для того,* чтобы в конце концов радикальнейшим образом вытеснить, преодолеть и уничтожить их хозяйственно и социально. Это — тип сотрудничества, который предполагает ожесточенную, хотя и бескровную борьбу против них.

Мы в неизмеримо большее количество раз сотрудничаем с крестьянством, и в то же самое время нашей задачей по отношению к крестьянству является, во-первых, постоянное *преодоление* враждебных тенденций с его стороны, которое обеспечивало бы наше руководство им, во-вторых, переделка этого крестьянства, т. е. уничтожение его как класса мелких собственников и превращение его в составную часть работников крупного сельскохозяйственного производства,— хотя не путем превращения в батраков, а по совершенно другим линиям. Таким образом, вы видите здесь крайне сложные отношения. Из этой сложности положения вытекает то, что возможно очень легко, не учтя надлежащей диалектики и надлежащего тона, поскользнуться в правую или левую сторону от правильной позиции.

Как можно поскользнуться в правую сторону? Очень легко.

Можно, например, сказать себе так: ну да, мы есть партия граждан-
ского мира — сам Ленин сказал, что центр тяжести теперь
в мирной организационной работе. Все мы должны далее пони-
мать, что у нас классовая борьба будет постепенно уменьшаться
и уменьшаться, пока не отомрет в коммунистическом обществе
без всякой третьей революции. Это тоже ясно, но отсюда можно
сделать такой неправильный вывод, что всякий, кто говорит о клас-
совой борьбе или о том, что она обостряется, делает неправиль-
ные антиленинские выводы. Это было бы архинеправильно. Так
рассуждать — это значит поскользнуться на правую ногу и де-
лать крупнейшую политическую ошибку, совершенно сойти с ле-
нинских позиций. Почему? Да потому, что вопрос не стоит так
просто. В общем и целом у нас классовая борьба будет отмирать,
но это не значит, что на определенный промежуток времени она
не будет обостряться. Нужно иметь достаточно чуткое ухо, доста-
точно острый взгляд, чтобы сказать, что на этом отрезке времени
потому-то и потому-то классовая борьба не только не будет утя-
хомириваться, а, наоборот, будет обостряться и что наша задача
на этой определенной стадии надлежащим образом вести себя
в этой обостренной классовой борьбе.

Если, в конечном счете, в обществе переходного периода сгла-
дятся противоречия, то из этого вовсе не следует, что в каждый
данный момент они сглаживаются. Может быть такой момент,
когда они, в силу целого ряда исторических причин, будут
обостряться. И вот сейчас, мне кажется, мы переживаем такой
момент, когда у нас классовые противоречия, особенно в деревне,
обостряются. Они будут обостряться до тех пор, скажем, пока
мы не найдем в распоряжении нашего государства такого ряда
такой степени и такого количества материальных благ,— говоря
простым языком, денег,— которыми мы могли бы поднять настоль-
ко высоко коллективное хозяйство бедноты и кооперированное
хозяйство середняка, что подвели бы его жизненный уровень
на высокую ступень развития, при которой кулак не будет являть-
ся экономически мощной силой по сравнению с этими опери-
шимися благодаря нашей помощи хозяйствами, ставшими на путь
большего или меньшего обобществления. Тогда начнется другая
полоса, тогда классовая борьба начнет утихать [10]. А сейчас, пока
мы этого не можем сделать, она будет обостряться и весь этот
период, пока мы не сможем по-настоящему поднять основную
массы крестьянских хозяйств,— борьба будет продолжаться. По-
этому, если бы кто-нибудь сейчас вышел к нам и сказал, что из
ленинских положений, только что зачитанных нами, вытекает,
что нельзя говорить о классовой борьбе или что нужно сейчас
во что бы то ни стало ее свертывать,— тот поступил бы непра-
вильно, поскользнулся бы вправо.

Из этих рассуждений нельзя делать грубо прямолинейных
выводов, не обоснованных условиями того исторического кон-
кретного отрезка нашего развития, в котором мы живем. Пред-
ставьте себе, например, такое положение, что где-нибудь в каком-
нибудь из наших уездов или в ряде уездов кулак пошел бы
против нас прямо лобовой атакой.

Мы должны были бы в этом случае выставить против него
пулеметы и без особых рассуждений и сантиментов «умиротво-
рить» его так, как делали это в 1918 г. И если бы кто-нибудь
в такой обстановке сказал бы: позвольте, это же есть обостре-
ние классовой борьбы и пр., то мы ответили бы: ну да, совершен-
но верно, но надо понимать, что к чему и когда. Самое основное,
первое правило ленинской тактики заключается в том, чтобы
понимать — что к чему и когда, чтобы, выражаясь образно, не
плясать на похоронах и не голосить заунывных песен на свадьбе.
Вот как обстоит дело.

Следовательно, вы видите, товарищи, что поскользнуться здесь
страшно легко. Я изобразил вам сейчас, как можно поскользнуться
вправо, но можно поскользнуться, разумеется, и влево
(по внешности — влево) от правильной позиции. Это было бы
тогда, если бы люди не понимали разницы задач в эпоху укреп-
ления пролетарской диктатуры, с одной стороны, и задач, кото-
рые стоят перед рабочим классом до завоевания политической
власти,— с другой. Сейчас наша задача заключается не в ориен-
тации на какую-то новую третью революцию, а в том, чтобы мир-
ной организационной работой, ведя классовую борьбу преиму-
щественно в экономических формах, ведя борьбу за рост социа-
листических элементов нашего хозяйства, могучим политиче-
ским рычагом нашей пролетарской диктатуры продвигать дальше
наше строительство вперед, не отрываясь от крестьянской основ-
ной массы и выравнивая ее в общий фронт борьбы против част-
ного капитала. Вот наша установка, и если кто-нибудь этого не
понимает, тот отходит от ленинского учения с другого бока,
тот тащит нашу партию назад, тот не понимает основного и самого
оригинального, чем ленинизм дополняет марксизм, тот не пони-
мает того, что самое оригинальное, самое новое, что есть в ленин-
ском учении, связано со строительным периодом нашей социали-
стической революции, связано с эпохой, наступающей после укреп-
ления рабочей диктатуры.

Мы точно так же знаем, и это рассуждение идет по тем же
основным линиям, о которых я до сих пор говорил, что основная
форма нашей классовой борьбы сейчас есть борьба различных
хозяйственных форм. Если, например, рабочий класс укрепляет
свою социалистическую промышленность в борьбе с частнокапи-
талистической промышленностью, это есть форма его классовой

ли наших идейных разногласий, я сейчас и перехожу. Я перехожу к вопросу о наших экономических командных высотах и соотношении их с крестьянским хозяйством.

В этой связи я должен прежде всего отметить, что во время нашей дискуссии у оппозиционных товарищей очень часто проглядывал известного рода скептицизм к тому, что крестьян вообще можно привлекать к делу социалистического строительства. Между тем формулировка Ленина была здесь совершенно ясна. Ленин совершенно точно говорил, что нам нужно вести такую политику, которая обеспечивала бы каждому мелкому крестьянину возможность объективного участия в деле социалистического строительства. Вот если мы поставим этот вопрос так, что мы должны обеспечить участие мелкого крестьянства в деле строительства социализма, если мы взглянем на эту проблему, на эту постановку задачи, на этот вопрос с точки зрения обычных доленинских представлений о старой социалистической политике, то мы должны здесь сразу сказать, что эта задача сама по себе совершенно невиданная и что это — задача, которая никогда не ставилась так определенно, так в упор, как поставил ее Ленин.

Все мы отлично знаем мелкого крестьянина, знаем, что он — мелкий собственник и социализмом от него не пахнет, и тем не менее Ленин ставил проблему вовлечения этого мелкого крестьянина и мелкого собственника в строительство не чего-либо другого, а социализма. Нам, товарищи, необходимо, прежде всего, поставив перед собой во весь рост эту проблему, ее осознать, понять, что это не есть какая-то боковая маловажная проблема. Нам нужно понять, что мы от этой проблемы не можем отвертеться, что мы должны или ее решать и решить, или мы должны вообще отказаться от всего дела социалистического строительства.

Товарищи, с точки зрения доленинского марксизма эта проблема, конечно, ставилась, т. е. к ней подходили, можно сказать, на самые малюсенькие шажки, а по существу дела она как следует и не ставилась. Между тем когда рабочий класс вступил в такую полосу своей политики, когда он, действительно, в упор подошел к решению основных задач социалистического строительства, то на каждом шагу он стал наталкиваться на этот вопрос. У нас нет почти ни одной крупной политической или экономической проблемы, при разрешении которой мы не сталкивались бы в лоб с этим вопросом. И, товарищи, здесь нужно действительно выбрать одно из двух: или ставить вопрос о простой нейтрализации подавляющего большинства населения — крестьянства, или установить с основными массами крестьянства прочный союз. Существует представление, что можно ограничиться нейтрализацией основной массы крестьянства, достаточно держать

их на отлете, достаточно их увазелинить, чтобы они сделались смирными и бездейственно молчали. Но это недопустимая, нелепинская постановка вопроса. Ленинизм предполагает постоянный рост социалистических элементов и постоянную переделку большинства народа, а в конце концов и всего народа в работников социалистического общества.

Мы не можем представлять себе нашу главную строительную задачу так, что у нас где-то растет городская промышленность, хотя бы и четырежды последовательно социалистического типа, а огромные крестьянские массы существуют где-то сбоку, изолированно от города. Строительство социализма предполагает коренную переделку всего сельского хозяйства и всего населения страны. Наша задача заключается не только в том, чтобы переделать весь рабочий класс на новый культурный социалистический лад, но наша задача заключается и в том, чтобы со стороны этого господствующего и постоянно меняющего и улучшающего свою природу рабочего класса укреплялось бы и ширилось все более могущественное воздействие на основные народные массы, которые постепенно и систематически меняли бы свою классовую природу. В этом смысле господствующий пролетариат представляет собою такую творческую и руководящую силу, которая должна переделывать старый и творить новый мир.

Если мы ставим перед собой эту задачу и видим нашу страну со всей ее отсталостью, с огромным морем крестьянства, со всеми трудностями, которые из этой обстановки вытекают, то нам нужно, конечно, совершенно ясно понимать, что самый наш социализм будет отличаться в своем развитии большими особенностями по сравнению, скажем, с социализмом, который будет расти в Англии или в Германии, или в Америке. И тут ничего удивительного, ничего ужасного, ничего такого, что должно повлечь за собой нашу гибель,— абсолютно нет.

Посмотрите, товарищи, на капитализм. Капитализм растет во всех странах в течение многих сотен лет. В одной стране одну сотню лет, в другой стране две сотни лет, в третьей стране еще больше и т. д. В общем капитализм имеет очень почтенный возраст, и, несмотря на это, т. е. несмотря на то, что он имеет очень почтенный возраст, вы видите, что в разных странах имеются различные типы капитализма. Во Франции капитализм имеет свои черты. В Америке — свои черты. Американский капитализм в основе это то же, что немецкий или французский, но все же наряду с общими признаками капитализма он обладает и некоторыми специфическими чертами в отношении организационных форм и в отношении общекультурном. И наш капитализм в России имел свои особые черты. Капитализм в России, например, отличался тем, что он был капитализмом в стране, где была

масса феодальных остатков, был таким капитализмом, где капитализм вырастал зачастую сразу в высших формах под влиянием иностранного капитала. Таким образом, капитализм в нашей стране развивался в условиях крайне противоречивых: с одной стороны, у нас был капитализм, с другой стороны, значительные патриархально-бытовые остатки где-нибудь на Кавказе или в Туркестане и т. д., остатки чуть ли не дофеодальных форм. И в то же время, наряду с этим, можно было видеть довольно значительные пристройки первоклассного модернического капитализма. И само собой разумеется, что и социализм вырастает из того, что ему оставлено в наследство капитализмом. И наш социализм растет в известном смысле на иной основе, чем будет расти социализм в Америке. У нас он растет в иных — российских — условиях, а не американских и не французских. Совершенно естественно поэтому, что подобно тому, как капитализм в различных странах имел свои особые черты, так точно и социализм в этих странах вначале будет иметь свои особые черты, которые только в конце концов, когда все мировое хозяйство объединится на развернутой социалистической основе, сгладятся и выравняются [11].

Отсюда вытекает, что когда мы говорим о строительстве социализма в нашей стране, то мы должны понимать, что наш социализм в его росте, пока он не достигнет полного расцвета, будет до известной степени иметь свои особые черты, я сказал бы, если можно так выразиться, что он будет длительное время своего развития отсталым социализмом, т. е. социализмом, который будет иметь особенности, обусловленные в известной мере типом предшествовавшего ему капиталистического развития. Но все-таки он будет социализмом, потому что его развитие будет идти по совершенно определенному пути, он будет отличаться большей отсталостью его по сравнению с темпом развития американского социализма, который будет развиваться на основе американского капитализма, но все-таки он будет социализмом. Главная черта нашего социализма заключается в том, что он строится в крестьянской стране и что поэтому задача вовлечения крестьянства в дело социалистического строительства у нас особенно важна. Мы, товарищи, у нас основная масса крестьянства является середняцкой — с этим все согласны. Итак, давайте исходить из главного положения: основную массу крестьянства составляет крестьянин-середняк. Крестьянин-середняк сейчас торгует своим хлебом, продуктом своего хозяйства, выбрасывая определенную часть своего продукта на рынок. Торгует он на основе свободной торговли, введенной с началом нэпа.

Товарищи из новой оппозиции определяют положение так: «свободная торговля есть капитализм», но свободная торговля

у нас, как известно, в первую очередь введена для того, чтобы дать возможность «дышать» основной массе крестьянства, сохранить с ней союз и повести на этой основе правильную хозяйственную политику рабочего класса. Товарищи из новой оппозиции нам говорят: «Свободная торговля есть капитализм» — и ссылаются на одно место из Ильича, где написано, что «свобода торговли обозначает свободу капитализма». Выходит так, что, с одной стороны, они цитируют правильное положение Ленина, а с другой стороны, с их точки зрения, не подлежит сомнению, что крестьяне ведут свое хозяйство на основе свободной торговли, которая есть капитализм; тот, кто оспаривает это положение, идет по совершенно ложному, неленинскому пути, прикрашивает действительность, борется за нечто невыполнимое, отходит от классовой точки зрения и т. д. и т. д.

Я сперва задам предварительный вопрос, товарищи: если свободная торговля есть капитализм и если эта свободная торговля по отношению к основной массе крестьянства есть капитализм, то как же, вообще говоря, привести крестьянство к делу строительства социализма? Выходит как будто бы, что мы непременно должны привести его к капитализму, а с другой стороны, должны обеспечить социалистическое строительство. Быть может, лучше возвратиться от этой свободной торговли к военному коммунизму? Но этого тоже не говорят, и у нас получается совершенное отсутствие какой бы то ни было перспективы. Это приводит к тому, что считается второстепенной, не такой важной сама проблема привлечения крестьянства к делу социалистического строительства.

А по сути дела, товарищи, как правильно надо решить этот вопрос? Прежде всего, я должен разъяснить положение тов. Ленина, что «свобода торговли есть капитализм». Всякий, кто прочитает это место, легко увидит, что когда Ленин говорит о тесной связи свободы торговли с капитализмом, то он хочет сказать только, что на основе свободы торговли постоянно рождается капитализм. Это вовсе не значит, что он утверждает, что свобода торговли равна капитализму. Я приводил несколько раз, повторю и сейчас, такой пример: если какое-нибудь наше государственное учреждение покупает у другого государственного учреждения что-нибудь на основе свободы торговли — это никак не капитализм, никакого капитализма из этого не высосешь, потому что нет здесь капиталистических отношений, нет капиталиста, а капитализм без капиталистов не существует,— никто еще в мире не открыл такого капитализма. Но бесспорно, что на основе свободы торговли может развиваться капитализм. Если, скажем, средний крестьянин торгует, если он наживается, если он начинает нанимать рабочих, он превращается в капиталиста. Свобода тор-

говли и есть капитализм в этом смысле, т. е. в том смысле, что она приводит при определенных условиях к росту капиталистических отношений. Но, товарищи, весь вопрос заключается в том, *всегда ли, при всех ли* условиях свобода торговли приводит к капиталистическим отношениям, правильно ли из того положения, что свобода торговли ведет к известному развязыванию капитализма, делать вывод, что всегда, при всех обстоятельствах, при всех условиях, во всякой исторической обстановке она приводит к капиталистическим отношениям? Я заявляю, что это последнее утверждение неправильное и что те, которые уверяют, что это правильно, не понимают всего характера строительного периода социализма,— они прибегают к некритическому перенесению на новую обстановку тех представлений, тех речей, тех положений, которые писались, говорились, утверждались для капиталистического периода общественного развития.

Средний крестьянин покупает и продает, но он не применяет наемного труда. Всякий ли, кто покупает и продает, есть капиталист? Нет. Капиталистом является тот, кто употребляет наемный труд. Является ли крестьянин социалистом по форме своего хозяйства? Нет, потому что он — частный собственник. Является ли средний крестьянин капиталистом? Тоже нет, потому что он не употребляет наемного труда. Является ли он составной частью пролетариата? Нет, потому что он — частный собственник. Но все-таки из этого нельзя делать вывода, что он является капиталистом. Это было бы также неверно, также нелепо, также глупо, также не по-марксистски. Тов. Каменев [12] в своей речи на партийном съезде набросился на одну статью, помещенную в «Правде» [13], статью тов. Зайцева, где было сказано, что средний крестьянин не буржуа в том смысле, что он — не капиталист, но в этой статье было сказано, что средний крестьянин есть мелкий буржуа.

И вот в непонимании того, что мелкая буржуазия — это одно, а буржуазия капиталистическая — это другое, в непонимании этого таится очень многое. Почему? Потому, что я, например, товарищи, никогда не выставил бы положения, что вы должны обеспечить каждому капиталисту переход на социалистическую точку зрения. Мы с пропагандой социализма, скажем, к Рокфеллеру не идем, и, насколько мне известно, никто этого до сих пор не предлагал, а вот к крестьянину мы идем, массу среднего крестьянства на свою сторону хотим привлечь и прочный союз с ним обеспечить. Следовательно, совершенно нелепо и дико не понимать, что есть громаднейшая разница между простым товаропроизводителем, не эксплуатирующим наемного труда, и капиталистом, между мелким собственником и капиталистом. Если нелепо и преступно замазывать разницу между мелким

у нас, как известно, в первую очередь введена для того, чтобы дать возможность «дышать» основной массе крестьянства, сохранить с ней союз и повести на этой основе правильную хозяйственную политику рабочего класса. Товарищи из новой оппозиции нам говорят: «Свободная торговля есть капитализм» — и ссылаются на одно место из Ильича, где написано, что «свобода торговли обозначает свободу капитализма». Выходит так, что, с одной стороны, они цитируют правильное положение Ленина, а с другой стороны, с их точки зрения, не подлежит сомнению, что крестьяне ведут свое хозяйство на основе свободной торговли, которая есть капитализм; тот, кто оспаривает это положение, идет по совершенно ложному, неленинскому пути, прикрашивает действительность, борется за нечто невыполнимое, отходит от классовой точки зрения и т. д. и т. д.

Я сперва задам предварительный вопрос, товарищи: если свободная торговля есть капитализм и если эта свободная торговля по отношению к основной массе крестьянства есть капитализм, то как же, вообще говоря, привести крестьянство к делу строительства социализма? Выходит как будто бы, что мы непременно должны привести его к капитализму, а с другой стороны, должны обеспечить социалистическое строительство. Быть может, лучше возвратиться от этой свободной торговли к военному коммунизму? Но этого тоже не говорят, и у нас получается совершенное отсутствие какой бы то ни было перспективы. Это приводит к тому, что считается второстепенной, не такой важной сама проблема привлечения крестьянства к делу социалистического строительства.

А по сути дела, товарищи, как правильно надо решить этот вопрос? Прежде всего, я должен разъяснить положение тов. Ленина, что «свобода торговли есть капитализм». Всякий, кто прочитает это место, легко увидит, что когда Ленин говорит о тесной связи свободы торговли с капитализмом, то он хочет сказать только, что на основе свободы торговли постоянно рождается капитализм. Это вовсе не значит, что он утверждает, что свобода торговли равна капитализму. Я приводил несколько раз, повторю и сейчас, такой пример: если какое-нибудь наше государственное учреждение покупает у другого государственного учреждения что-нибудь на основе свободы торговли — это никак не капитализм, никакого капитализма из этого не высосешь, потому что нет здесь капиталистических отношений, нет капиталиста, а капитализм без капиталистов не существует,— никто еще в мире не открыл такого капитализма. Но бесспорно, что на основе свободы торговли может развиваться капитализм. Если, скажем, средний крестьянин торгует, если он наживается, если он начинает нанимать рабочих, он превращается в капиталиста. Свобода торговли и есть капитализм в этом смысле, т. е. в том смысле, что она приводит при определенных условиях к росту капиталистических отношений. Но, товарищи, весь вопрос заключается в том, *всегда ли, при всех ли* условиях свобода торговли приводит к капиталистическим отношениям, правильно ли из того положения, что свобода торговли ведет к известному развязыванию капитализма, делать вывод, что всегда, при всех обстоятельствах, при всех условиях, во всякой исторической обстановке она приводит к капиталистическим отношениям? Я заявляю, что это последнее утверждение неправильное и что те, которые уверяют, что это правильно, не понимают всего характера строительного периода социализма,— они прибегают к некритическому перенесению на новую обстановку тех представлений, тех речей, тех положений, которые писались, говорились, утверждались для капиталистического периода общественного развития.

Средний крестьянин покупает и продает, но он не применяет наемного труда. Всякий ли, кто покупает и продает, есть капиталист? Нет. Капиталистом является тот, кто употребляет наемный труд. Является ли крестьянин социалистом по форме своего хозяйства? Нет, потому что он — частный собственник. Является ли средний крестьянин капиталистом? Тоже нет, потому что он не употребляет наемного труда. Является ли он составной частью пролетариата? Нет, потому что он — частный собственник. Но опять-таки из этого нельзя делать вывода, что он является капиталистом. Это было бы также неверно, также нелепо, также неумно, также не по-марксистски. Тов. Каменев [12] в своей речи на партийном съезде набросился на одну статью, помещенную в «Правде» [13], статью тов. Зайцева, где было сказано, что средний крестьянин не буржуа в том смысле, что он — не капиталист, но в этой статье было сказано, что средний крестьянин есть мелкий буржуа.

И вот в непонимании того, что мелкая буржуазия — это одно, а буржуазия капиталистическая — это другое, в непонимании этого таится очень многое. Почему? Потому, что я, например, товарищи, никогда не выставил бы положения, что вы должны обеспечить каждому капиталисту переход на социалистическую точку зрения. Мы с пропагандой социализма, скажем, к Рокфеллеру не идем, и, насколько мне известно, никто этого до сих пор не предлагал, а вот к крестьянину мы идем, массу среднего крестьянства на свою сторону хотим привлечь и прочный союз хотим с ним обеспечить. Следовательно, совершенно нелепо и дико не понимать, что есть громаднейшая разница между простым товаропроизводителем, не эксплуатирующим наемного труда, и капиталистом, между мелким собственником и капиталистом.

Если нелепо и преступно замазывать разницу между мелким

собственником и рабочим классом, то нелепо и антимарксистски замазывать разницу между мелким собственником и крупной буржуазией, между трудовым слоем крестьянства и эксплуататорами-капиталистами. Ведь это же нужно видеть! И вот, товарищи, если мы ставим в качестве очередной, главнейшей задачи, рассчитанной на эпоху, чтобы каждый мелкий крестьянин был обеспечен возможностью принять участие в деле строительства социализма под руководством рабочего класса, то совершенно естественно, что мы закрыли бы себе всяческую дорогу, всяческий путь, всякую перспективу, если бы трактовали среднего крестьянина как капиталиста. Но средний крестьянин имеет двойственную природу, потому что, с одной стороны, он хочет, на основе частного хозяйства, поднажиться и самому пролезть в кулачки, а с другой стороны, он имеет вторую душу, трудовую, которая соединяет его с пролетариатом, и наша задача использовать это положение так, чтобы за трудовую душу тянуть его по нашему пути в то время, как кулак тянет его к себе за собственническую душу.

И сейчас происходит борьба за этого крестьянина, за крестьянина-середняка. Но возможно ли вообще перетянуть его на нашу сторону? Как нужно поставить этот вопрос с ленинской точки зрения? Если мы подойдем к этому вопросу с экономического конца, с хозяйственного конца, то надо поставить его в такой форме: при каких условиях, как и почему товарное хозяйство простого товаропроизводителя, не эксплуатирующего наемного труда, может перейти к социализму, минуя капитализм, и может ли оно это сделать? Вот как стоит вопрос. Товарищи, которые привыкли читать старые книжки и при этом плохо их читать, которые не понимают, что есть разница между капиталистическими отношениями и нашими отношениями, рассуждают очень просто. Они говорят, правда ли или не правда, что мы, большевики, всегда с давних времен боролись с иллюзиями, с неправильными, фальшивыми, замазывающими действительное положение вещей взглядами, что массы средних крестьян, средних мелких хозяйчиков могут улучшить свое положение. Они подчеркивают, что мы всегда боролись с этими взглядами, что мы всегда указывали на неизбежность роста дифференциации этого крестьянства, на неизбежность его вымывания, на неизбежность отхода небольшой сравнительно части в кулацкое лоно и другой подавляющей массы на положение пролетария и полупролетария. Они вспоминают, что большевики клеймили как обманщиков и либералов тех, кто затушевывает дифференциацию в деревне, кто затушевывает распадение среднего крестьянства на два полюса, указывали, что это не марксистская, а народническая постановка вопроса. Так мы говорили.

Правы ли мы были? Да, правы целиком, потому что в условиях *капиталистического* развития никакого другого пути для крестьянина-середняка нет, как распадаться на два полюса, вымываться с двух концов. Если он начнет лучше жить, он неизбежно, всегда и при всех условиях в обстановке капиталистического режима превращается в кулака. Если он беднеет, он идет в батраки, идет в город и пр. Но подняться своей собственной серединой так, чтобы все выше и выше идти вперед без того, чтобы не прибегнуть к наемному труду, и без того, чтобы не превратиться в капиталистика, такого пути у среднего крестьянства не было. И мы были правы, когда с этой точки зрения критиковали и кооперацию, говоря, что всюду и везде во всех капиталистических странах кооперацией верховодят капиталисты, верхушечные слои самых богатых крестьян, пользующихся наемным трудом. И мы всегда направляли острие своего критического анализа именно сюда и всегда обнаруживали, что народники, либералы, буржуазные экономисты и проч. скрывали это, замазывали дифференциацию в деревне, что они скрывали распадение середняка на две части, что они врали, говоря, что кооперация там некапиталистического характера, и утверждали, в противоположность им, что она эксплуататорского характера, что она основана на эксплуатации наемного труда, что она развивалась всегда при помощи крупных банков и пр. и пр.

Все это — абсолютная истина. Но, товарищи, Ленин совершенно правильно неоднократно говорил, что одна из основных ошибок оппозиционеров состоит в том, что они правильное для определенного исторического периода переносят на другой период, когда это правильное превращается в неправильное, и что это стало нелепо, неправильно и что этого делать нельзя, что это противоречит учению Маркса. Тов. Зиновьев пишет в своей книжке «Ленинизм», что и сейчас еще находятся некоторые чудаки, которые говорят о возможности некапиталистической эволюции. Но этот аргумент направляется не против кого другого, как именно против Ленина, против его плана кооперирования крестьянства. И тут, товарищи, я должен раскрыть все скобки. У нас в наших условиях простой товаропроизводитель стоит на перепутье двух дорог. Средний крестьянин находится у стыка так, что он может пойти и по одним рельсам, и по другим, а находится он у стыка этих двух дорог, которые расходятся в разные стороны: одна капиталистическая, а другая некапиталистическая — социалистическая. Нужно понять, что у нас сейчас не буржуазное государство, а диктатура пролетариата, что наши государственные банки находятся не в руках буржуазии, а в наших руках, что промышленность находится не у буржуазии, а в наших руках,

и что Рудзутак[14] — не Джон Пирпонт Морган, а наш товарищ Рудзутак.

Вот если мы все это соответствующим образом взвесим, если мы будем исходить из того, что командные высоты находятся в руках рабочего класса, в руках его пролетарского государства, то тогда сейчас же перед нами встанет такой вопрос: неужели деревня будет развиваться непременно и только капиталистическим путем, независимо от того, кто стоит у власти: пролетариат или буржуазия. И если бы наша деревня была под властью буржуазии, если бы наш город был под властью буржуазии, тогда бы середняк пошел по капиталистическому пути, если бы у нас не было пролетарского города, а была только одна деревня (предположим, что вдруг химическими газами отравили бы все население городов), а была бы одна деревня, она ползла бы одна, она пошла бы сначала назад, но потом сдвинулась бы, пошла по капиталистическому пути. Но у нас есть пролетарский город, есть пролетарские командные высоты. Что же это — совершенно маленькая штука, которая никакого отношения к развитию деревни не имеет? Ясное дело, так рассуждать глупо. Я утверждаю, что эти командные высоты воздействуют на деревню, на среднего крестьянина, который является простым товаропроизводителем и который сейчас стоит на перепутье двух дорог, наталкивают его на социалистический путь. Каким способом? Через кооперацию. И вот здесь уместно вспомнить тот план кооперативного строительства, который развернул тов. Ленин. Мы не желаем гнать железной метелкой середняка в коммунизм, подталкивая его пинками военного коммунизма. Это оказалось неверным, неправильным, негодным с точки зрения социализма. Мы вовлекаем его обходным путем через кооперацию, которая в его интересах. Но эта кооперация развивается не в условиях господствующего капиталистического способа производства, она смыкается не с кредитным банком капиталиста, а с кредитным банком пролетариата, не с капиталистической промышленностью, а с нашей пролетарской промышленностью, не с трестами Моргана и Рокфеллера, а с нашими пролетарскими трестами, не с капиталистическими железными дорогами, а с железными дорогами, находящимися в руках пролетариата. Кооперация будет постепенно расти, мы будем играть в ней все более и более крупную роль, будем все больше и больше направлять в основном ее политику, будем все больше и больше влиять на нее хозяйственно, поддерживая бедноту и середняка против кулака, поднимая те слои крестьянства, которые нужно поднимать с точки зрения строительства социализма. Мы имеем в своих руках рычаги, которые с каждым годом все больше и больше будут определять общее развитие страны, мы имеем в своих руках тот мостик, по которому госпромышленность соединяется с крестьянским хозяйством. Организационный мостик, имя которому — кооперация. И таким образом, поддерживая бедноту и середняка против кулака, помогая некапиталистическим формам, содействуя развитию различных способов общественного пользования машинами, а в конечном счете переходу к электрификации, мы будем систематически отводить среднее крестьянство от капиталистического пути к социалистическому.

Ленин в своей статье «О кооперации» говорит об этом очень ясно. У кооператоров старого времени, заявляет он, было много негодного, никудышного, реформистского, даже пошлого с точки зрения классовой борьбы. Почему? Потому что они не вели борьбу за захват власти. Но это мечтательное и даже пошлое становится действительностью после того, как мы политическую власть завоевали. Это есть аргумент со стороны самого тов. Ленина против того, что говорили против нас товарищи из оппозиции. Само собой разумеется, если бы у нас не было пролетарской диктатуры, если бы у нас не было экономических, политических и партийных командных высот, тогда бы этот весь план не мог быть осуществлен. Если эти высоты есть, то мы обязаны сейчас вести здесь определенную борьбу.

Нам говорят, что мы затушевываем классовую борьбу и т. д. Но, товарищи, когда недооценивают середняка и кооперативный план Ленина, то как раз в этом и выражается отказ от основной классовой задачи пролетариата. Какие социальные силы стоят сейчас на политической арене: стоит рабочий класс, стоит основная масса крестьянства, т. е. в первую очередь крестьянин-середняк, и стоит третья сила — капиталистические элементы, кулак в деревне, частник, скупщик, купец. Главная борьба сейчас идет между рабочим классом и буржуазией. За что? За среднего крестьянина. Вот как сейчас стоят основные проблемы, основные проблемы большой классовой стратегии и тактики. А в чем они выражаются? Выражаются они в том, что кулак, капиталист, частник отдирают этого среднего крестьянина от нас, стремятся повернуть его на капиталистические рельсы развития. Если это им удастся, они получат громаднейшую подмогу, а мы, с другой стороны, тянем его, этого середняка, на социалистические рельсы через кооперацию.

Более трудной классовой задачи, более острой классовой борьбы, более важной проблемы с точки зрения классовой борьбы пролетариата в нашей стране нет. Следовательно, эта задача есть самая важная задача классовой борьбы рабочего класса в текущий исторический период. Нам надо отбить, отвоевать середняка, постараться его в возрастающей степени переводить с капиталистических рельс на рельсы социалистического строи-

тельства, таким путем отбивая эту основную массу крестьянства у кулаков, который влечет его на рельсы капиталистического развития. Можно сделать второстепенные ошибки в целом ряде других вопросов. Но если в этом вопросе сделать ошибку, это значит — каюк пролетарской диктатуре. Если эту задачу не видеть, это значит не видеть основную задачу классовой борьбы в текущий период. Если эту задачу затушевать, это значит затушевать основную проблему классовой борьбы, как она стоит перед нами теперь и как она будет стоять в ближайшее время. Вот постановка вопроса относительно задачи строительства социализма и наших командных высот.

Товарищи, на очереди у меня стоит вопрос о вовлечении крестьянства в дело социалистического строительства, в связи с вопросом о дифференциации, т. е. о расслоении крестьянства. Само собою разумеется, что я должен и здесь, прежде всего, подчеркнуть сложность вопроса. Это, товарищи, быть может, и не совсем благодарная задача — все время и при каждом случае говорить о сложности вопроса, но я предпочитаю говорить о сложности вопроса, чем предлагать вам решения, по видимости простые, но по существу не имеющие за собой политической мысли и серьезного анализа.

В конце первой части своего доклада я поставил главную проблему, главный вопрос — о возможности приближения середняцкой массы крестьянства к делу социалистического строительства, к делу кооперации. Но само собою разумеется, что эта сама по себе сложная задача еще более осложняется тем, что в деревне у нас налицо вовсе не один середняк, а налицо минимум три основные группировки: кулак, середняк и бедняк и еще, кроме того, известная часть чистого, так сказать, сельскохозяйственного пролетариата, т. е. батрачества; следовательно, ко всему тому, что говорилось, прежде всего, нужно добавить ясное понимание разнородности классового состава самого деревенского населения. Раз у нас в деревне сейчас уже имеется налицо, кроме середняцкой массы, на одном полюсе — кулак, а на другом полюсе — беднота и батрачество, то само собою разумеется, что постановка вопросов и наша задача осложняется этим обстоятельством.

Если бы мы были в настоящее время чрезвычайно сильны, т. е. если бы мы были в настоящее время уже настолько сильны, что немедленно в ближайшие годы могли бы осуществить полностью наши электрификационные планы; могли бы иметь в наших руках настолько сильные и настолько мощные экономические ресурсы, что могли бы в ближайшие годы поднять бедняцкое и крестьянское хозяйство на чрезвычайно высокий уровень материального благосостояния; если бы мы уже в настоящее время

были настолько сильны, чтобы в ближайшие годы кооперировать, на основе очень хорошей работы кооперативных аппаратов, огромное большинство крестьянства; если бы мы были уже теперь настолько сильны, что наша государственная промышленность могла бы полностью и без остатка покрывать спрос на продукты промышленности, спрос, идущий со стороны сельскохозяйственного населения,— тогда мы безусловно в ближайшем же будущем могли бы подавляющее большинство, а может быть, и всех середняков отвести от капиталистического пути к пути некапиталистического, социалистического развития. Но — и это надо подчеркнуть одной, двумя, тремя чертами — мы еще настолько не выросли, и поэтому положение в деревне у нас в ближайшее время будет характеризоваться тем, что у нас будут расти капиталистические элементы, с одной стороны, и бедняцкие и пролетарские, с другой стороны, а затем, во-вторых, тем, что мы в ближайшем будущем не будем в состоянии — и тут нечего строить себе иллюзий — всю совокупность крестьян-середняков сразу перевести на некапиталистический путь. И поэтому в ближайшее время середняцкое крестьянство будет идти одновременно в разных своих частях двумя путями: будет происходить, безусловно, наряду с социалистическим кооперированием крестьян, наперекор этому, в противоречии с этим процессом и другой процесс — капиталистического разложения середняка и выделения его двух крайних социальных флангов, т. е. кулака, с одной стороны, и бедняка, пролетария и полупролетария — с другой.

Нужно заметить, что стихия мелкобуржуазного развития сама по себе стоит против нас, потому что условиями товарного хозяйства питается тенденция отслоения от крестьянской массы мелких капиталистов-кулаков. И лишь в той мере, в какой мы обеспечиваем вмешательство нашего пролетарского города, лишь в той мере, в какой мы пускаем более или менее мощные рычаги пролетарской диктатуры, хозяйственных организаций, нашей промышленности, всех наших командных высот — лишь идя против развивающейся мелкобуржуазной стихии, мы можем совлечь основную массу крестьянства не на капиталистический, а на социалистический путь развития. Отсюда совершенно естественно, что в первое время расслоение даже среди середняцкого крестьянства будет обостряться и те противоречия, которые у нас в деревне уже есть налицо (а кулацкий слой в деревне у нас уже есть налицо), будут усилены и обострены. Вот почему во всех выступлениях, которые делались с нашей стороны, в выступлениях всех ответственных товарищей, сторонников большинства съезда и решений партии, в том числе и я во всех моих персональных выступлениях,— все мы подчеркивали и подчеркиваем, что в настоящее время классовая борьба в деревне несомненно будет обостряться [15].

Значит, с одной стороны, у нас кулак уже есть теперь, как есть и широкие слои бедноты, а с другой — и самый середняк будет идти по двум путям: с одной стороны, по капиталистическому пути, т. е. по пути своего расслоения, выделения двух социальных полюсов, а с другой стороны, по нашему пути, т. е. по пути своего социалистического кооперирования, развивающегося под воздействием нашей последовательно социалистической промышленности. Вот это раздвоение пути мы будем видеть в самых разных формах, на разнообразнейших фронтах нашего хозяйства и политической борьбы в деревне. Это найдет свое отражение в том, что часть подымающегося середняцкого хозяйства будет в возрастающей степени прибегать к наемному труду, т. е. превращаться в мелких капиталистиков и кулаков, это будет иметь свое выражение и в том, что будут расти скрытые формы превращения части середняков, зажиточных середняков в кулацкие хозяйства, скрытые формы примерно такого рода, что более сильные середняки, накопившие у себя кое-что, приобретшие какую-либо машину, будут сдавать ее в аренду маломощным середнякам и беднякам и пр. и таким образом будут эксплуатировать в скрытой форме другие слои крестьянства. Это будет находить свое выражение и в том, что такие элементы, превращающиеся в кулаков, будут частью в открытой, частью в скрытой форме пролезать в кооперацию и кое-где занимать, по всей вероятности, руководящие места, несмотря на запрещение кулакам быть в правлении кооперации и т. д.

Так в борьбе хозяйственных форм, в открытых формах и в скрытых формах, в борьбе частного хозяйства и кооперации и даже в некотором смысле в самой кооперации будет проявляться борьба капиталистического начала и нашего начала, будут пересекать друг друга два пути, которые сейчас неизбежны, и борьба между которыми неизбежна. Она будет проявляться в самых разнообразных, иногда уродливых формах. Мы должны это совершенно отчетливо видеть, мы должны это совершенно отчетливо понимать. Но, товарищи, из этой пестроты и сложности отношений отнюдь не вытекает, что мы должны спасовать и сложить руки. Нет, мы с удвоенной, с утроенной энергией должны бросать всю свою организованную мощь на чашку весов социалистически-кооперативного развития против линии частнокапиталистического развития. Усиливая государственную промышленность, усиливая наши командные высоты, усиливая экономические ресурсы пролетарского государства, мы тем самым будем в состоянии в возрастающей степени давить на одну из этих чашек весов, бросать все более и более тяжелые гирьки на эту нашу чашу, и таким образом в перспективе при нашей правильной политике, при условиях единства нашей партии, при условии правильной политики

в крестьянском вопросе мы постепенно будем уменьшать шансы капитализма и в возрастающей степени увеличивать шансы победы социалистического пути.

Теперь, товарищи, я перейду к более конкретной постановке вопроса о борьбе с капиталистическими элементами в хозяйстве, на основе того, что я уже изложил в первой части своего доклада. Товарищи из новой оппозиции считают — особенно ярко это было выражено во время дискуссии Вардиным [16] на страницах «Ленинградской правды» [17],— что мы слишком увлекаемся вопросом о середняке, в то время как основная опасность надвигается на нас со стороны кулака. Я, товарищи, на всех районных партийных конференциях уже говорил, что считаю этот пункт чрезвычайно важным и прошу на меня не сетовать за то, что я повторю здесь кое-что из того, что уже говорил на районных партийных конференциях. Те товарищи, которые противопоставляют задаче привлечения середняка на нашу сторону задачу борьбы с кулаком, упрощают и не понимают действительности. В чем заключается это упрощение и непонимание? Кулак представляется им в деревне какой-то самодовлеющей, из себя самой растущей экономической и политической силой. Между тем это представление совершенно неправильно. Его надо разбить — для того чтобы вести правильную борьбу с кулаком. Всякий, кто жил в деревне, связан с ней или хотя сколько-нибудь читал о том, что делается в деревне, отлично знает, что кулак для нас опасен не сам по себе, а своей ролью по отношению к середняку. Когда нас пугают ростом кулака, то обычно приводят ряд примеров, не понимая смысла этих примеров. Нам говорят, например, что вот-де в южных казачьих станицах при перевыборах в Совет кулак в некоторых местах уже поднялся по ступенькам советской иерархии и захватил ряд крупнейших политических позиций в нашей советской организации, захватил низовой советский аппарат и поднимается по этой низовой советской организации дальше. Есть такие случаи? Есть. Опасны они для нас? Опасны. Нужно с этим бороться? Нужно. Но я спрашиваю вас, как же кулак пролез в эти самые Советы, когда он является ничтожным меньшинством в деревне? Как он пролез? Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос честно и без обиняков. Как это, несмотря на все наше законодательство, на все желания и стремления нашей партии, наших хозяйственных и прочих органов, направленные к тому, чтобы изолировать кулака, последний все-таки пролез к этим позициям. Давайте здесь рассуждать без иллюзий, без замазывания реальных соотношений и противоречий. А он пролез потому, что за него голоснул середняк, а быть может, и бедняк.

Далее возникает вопрос, каким образом и почему середняк, а иногда даже бедняк, голоснули за кулака. Как это могло слу-

читься? Когда мы этот вопрос поставим и разрешим, тогда мы поймем, как надо бороться с кулаком. А за этим явлением обычно кроется следующее: в деревне, в станице или еще где-нибудь существует наш кооператив и существует частный торговец-кулак, но кооператив торгует плохо, а кулак торгует лучше. В нашем кооперативе галош нет, а у кулака есть. Наши госорганы вели закупку хлеба гораздо хуже, оперировали хуже, а кулак, как скупщик хлеба, оперирует лучше; наш кооператив, или наше кредитное товарищество, или еще какой-нибудь орган не располагает деньгами, а кулак, хотя и дерет ростовщические проценты, но предоставляет кое-какой кредит. Эти явления далеко не единичны, в особенности, при системе растрат в кооперации, при системе безответственности руководителей кооперации, при системе слабого вовлечения масс в кооперативные органы. При таком положении вещей середняк видит в кулаке, патриархально выражаясь, отца-благодетеля, который хотя и дерет с него шкуру, но который кое-что все-таки дает, а мы кормим его хорошими декретами, прекрасными речами о Чемберлене [18], но почти ничего ему не даем. Несомненно, что в этих случаях, о которых идет речь, устанавливается фактическая хозяйственная смычка кулака с середняком, при отсутствии хозяйственной смычки нас с середняком; а если кулак завоевал на свою сторону середняка *хозяйственно*, то он тем самым завоевал его в значительной мере и *политически*.

Если мы, т. е. пролетарское государство и зависимые от нас органы, если мы плохо торгуем с середняком, то мы отталкиваем его к кулаку; если мы плохо боремся хозяйственно за середняка, то мы отталкиваем его к кулаку; если мы плохо строим кооперацию, то мы отталкиваем его к кулаку; если у нас увеличиваются растраты в кооперации, то мы отталкиваем середняка к кулаку; если у нас не изживается административная волокита по отношению к середняку, то мы его отталкиваем к кулаку; если мы вовремя не наладим ни хозяйственной, ни политической смычки с середняком, то мы оттолкнем его к кулаку. Я утверждаю — и никто не может опровергнуть этого,— что главная сила кулака и главная опасность его заключается в возможном блоке с середняком и в его гегемонии, т. е. его руководящей роли в этом блоке. И отсюда с абсолютной ясностью вытекает основная директива для нашей партии: главное средство борьбы с кулачеством лежит по линии отвоевания от кулака середняцких слоев крестьянства,— именно так должна быть определена стратегическая линия нашей борьбы против кулака. И те товарищи, которые в простоте душевной противопоставляют этой задаче борьбы за середняка другую задачу — борьбу против кулака, совершенно не понимают, что нет лучшего способа помочь кулацкому хозяйству, лучшего способа

помочь капиталистическим элементам в деревне, как упустить середняка из-под своего влияния, не посвящать достаточного внимания этой проблеме завоевания середняка и отодвигать на задний план эту хозяйственную задачу.

Само собой разумеется, что, когда перед нами стоит классовый противник — а кулак есть наш классовый противник и опасный классовый противник,— само собой разумеется, что мы должны стрелять по нему, используя все средства, находящиеся в наших руках. Среди этих средств главным является наша борьба за середняка — этого никто не может опровергнуть, никто, кто хоть сколько-нибудь считается с фактическими соотношениями классовых сил деревни и кто хоть сколько-нибудь трудится понять жизнь, экономическую жизнь, в том числе в ее далеко не простой, а чрезвычайно сложной сущности.

Я, товарищи, перехожу теперь к другому полюсу деревенской жизни и деревенской экономики — к хозяйству бедняка и к вопросу о помощи бедноте. Я позволю себе напомнить вам, что и по вопросу о кулаке, и по вопросу о помощи бедноте товарищи из оппозиции не выдвинули ни единого добавочного предложения к тем, которые были предложены со стороны большинства ЦК, которые были приняты на Октябрьском пленуме ЦК и которые потом были одобрены нашим партийным съездом. Вообще, что касается практических предложений, то новая оппозиция была в такой мере бедна этими предложениями, в какой мере богата визгами, шумом и криками по поводу позиции большинства ЦК и партийного съезда. Но, товарищи, в наших условиях эти методы визга и шума чрезвычайно мало помогают уяснить действительную сущность серьезнейших и ответственнейших вопросов, которые стоят перед нашей партией. И вот тут, когда речь идет о помощи бедноте, надо перед собой поставить в первую очередь вопрос, каким порядком, за счет чего помогать, откуда брать средства для этой помощи. Так надо ставить вопрос партии, отвечающей за свои обещания, отвечающей за те лозунги, которые она выбрасывает, отвечающей за ту политику, которую она намечает в своих резолюциях. И тут, товарищи, надо подчеркнуть, что ведь суть вопроса как раз и заключается в добыче материальных ресурсов, а не в чем-либо другом. Вопрос разрешается не тем, чтобы поговорить возможно больше о помощи бедноте или изо всех сил кричать, что беднота лучше, чем кулак, не проповедью азбучных истин, что дважды два четыре, что лошадь жует овес, а Волга впадает в Каспийское море,— весь вопрос в том, откуда добыть ресурсы, чтобы действительно помочь бедняцкому хозяйству, чтобы дать возможность машинному товариществу бедняков купить трактор, чтобы подсобить беднякам купить лошадей, чтобы дать известную ссуду на обсеменение, чтобы помочь организо-

ваться и развиваться тому или другому кооперативному объединению.

И, товарищи, отвечая на этот вопрос, мы должны перейти к вопросам нашей экономической политики вообще. На XIV партконференции [19] мы приняли решение о дальнейшем развязывании товарооборота. Это решение мы приняли для того, чтобы обеспечить усиленный темп накопления в нашей социалистической промышленности. Мы развязываем товарооборот для того, чтобы получить в нашу государственную казну на основе этого добавочное количество денег. Мы развертываем товарооборот для того, чтобы путем налоговой политики получить с капиталистически вырастающих элементов добавочную сумму денег; мы для того все это проделываем, чтобы, усиливая наши денежные капитальные ресурсы, быть в состоянии двинуть вперед накопление в нашей социалистической промышленности, с одной стороны, и для того, чтобы не на словах, а на деле помогать материальными ресурсами бедняцким хозяйствам, при этом в возрастающей степени, в тех формах, которые повлекут переход к коллективистским принципам хозяйствования на место старых, частных, индивидуалистических. Вот наша постановка вопроса. Вот если бы новоявленные пророки из новой оппозиции на вопрос о том, откуда достать добавочные ресурсы, дали бы нам какие-нибудь новые рецепты, указали бы особливые источники получения добавочных ресурсов, открыли бы не кладезь оппозиционной премудрости, а кладезь добавочных материальных средств, мы бы не только не голосовали за свою точку зрения, но на руках вознесли бы всю оппозицию до небес. Но в том-то и дело, что никакого источника у них нет, кроме огромного источника вредного и ненужного «словесного производства». *(Смех. Аплодисменты.)* Ставя вопрос о борьбе с кулаком, мы утверждаем: главное средство борьбы, правильное применение которого решит дело в нашу пользу, это завоевание середняка на сторону пролетариата. Если речь идет о помощи бедноте, то главное средство у нас — ускорение быстроты оборота и извлечение дополнительных денежных ресурсов, на основе общего хозяйственного подъема, стимулируемого решениями XIV партконференции. Если речь идет о формах борьбы, то мы заявляем, что центр тяжести сейчас, с нашей точки зрения, в экономической борьбе, в противопоставлении хорошо налаженной кооперации частнику, в материальной помощи нашего государства и определенной кредитной политике, в профсоюзной защите нашего батрачества от кулака; но эта борьба ведется и путем законодательства об охране труда, путем налогового законодательства, которым мы экспроприируем часть доходов капиталистических групп, работой нашей партии по организации деревенской бедноты в политической борьбе при

перевыборах в Советы, занятием командных высот в области нашей кооперации и т. д. и т. д.

Подытоживая эту часть своего доклада, я должен отметить, что, развязав товарооборот в деревне, развив новую экономическую политику в деревне, мы пока еще не получили значительного добавочного количества ресурсов и еще не почувствовали ощутительных результатов развития товарооборота. Точно так же, как мы, проделав огромный маневр с переходом от военного коммунизма к новой экономической политике, увеличили материальные ресурсы на основе этого перехода не в первые месяцы новой экономической политики, а лишь впоследствии,— и здесь мы будем жать свою жатву только через некоторое количество времени. Именно учитывая эти перспективы, мы приняли определенные решения на XIV партконференции. И когда в результате политики, намеченной этими решениями, будет расти наше социалистическое накопление, и когда в наших руках будет концентрировано гораздо большее количество материальных ресурсов, тогда мы в возрастающей степени будем помогать бедняцким маломощным хозяйствам в деревне, тогда мы не на словах, а на деле создадим очень мощное противодействие процессу дифференциации в деревне, ибо мы будем нищающее теперь хозяйство переводить в хозяйство, подымающееся экономически. И это вовсе не утопия. Это вовсе не неисполнимые надежды. Но, товарищи, если мы перед всей страной по этому поводу не кричим во всю глотку и не даем направо и налево тысячи и десятки тысяч обещаний, то это происходит потому, что мы сознаем свою ответственность. Нам нечего сейчас уподобляться некоему герою грибоедовской комедии, говорящему: «Шумим, братец, шумим». Нет, лучше меньше шуметь и больше делать. *(Аплодисменты.)* Подождем, выдержим, пока у нас исправится хозяйственное положение, подождем, пока у нас будут накопляться определенные ресурсы на основе нашей правильной политики, не будем направо и налево бросаться обещаниями, а когда будет, что дать, тогда и дадим. Подобно тому, как за последнее время мы создали целый ряд облегчений в области сельскохозяйственного налога, быть может, иногда не все справедливо рассчитав, мы проведем соответствующие мероприятия в отношении бедняцкого хозяйства, когда мы, благодаря нашей правильной, неистерической, а точно рассчитанной политике, получим для этого необходимые ресурсы.

Так, товарищи, обстоит дело с вопросом о дифференциации крестьянства. Вообще говоря, у нас процесс дифференциации, расслоения крестьянства сам по себе не может идти так быстро, как он идет в капиталистических странах. Он не может идти так быстро потому, что у нас налицо пролетарская власть и помощь середняку и бедноте; он не может идти так быстро потому, что

у нас земля изъята из товарооборота и национализирована. А национализация земли есть известный фактор, известное явление, которое мешает такому росту кулацкого хозяйства, который мог бы иметь место при свободной купле и продаже земли. Если бы у нас была свободная купля и продажа земли, то, естественно, богачи скупали бы земельные участки один за другим, богатели бы и таким образом вырастал и укреплялся бы новый помещик. У нас есть рычаги — командные высоты, у нас есть становящаяся сильнее кооперация, и поэтому процесс дифференциации не может идти так быстро, как в капиталистических странах. Первое время он будет обостряться по причинам, о которых я говорил, а затем застопорится. Когда мы станем настолько экономически сильными в основных наших хозяйственных узлах, то сможем уже решительно и круто повернуть основную массу крестьянских хозяйств на социалистический путь развития. Но это дело будущего, хотя и не особенно отдаленного; в настоящее же время происходит обострение классовых отношений в деревне, и поэтому дело нашей настоящей политики в деревне и дело нашей общей политики состоит в том, чтобы, осознав эту растущую дифференциацию, привести в движение все экономические и политические батареи под руководством командных пролетарских высот, под руководством нашего класса и под руководством нашей партии.

Я говорил сейчас о процессе дифференциации крестьянства и перспективах социалистического развития; теперь я перехожу к другому разделу, а именно к разделу о командных высотах и о самом рабочем классе. Рабочий класс опирается у нас и на свои экономические высоты, и на свои политические высоты, и на мощь своей внутренней организации. Из экономических высот крупнейшую роль играет наша государственная промышленность. Политические высоты — это, в первую очередь, наша партия. В той чрезвычайно сложной борьбе, которую рабочий класс должен вести в нашей стране, в условиях, когда трудности и враждебные нам силы растут, нам необходимо во что бы то ни стало сплачивать, консолидировать силы самого рабочего класса. И вот, товарищи, нужно подойти с этого конца к целому ряду взглядов, развиваемых нашей оппозицией.

Для того, товарищи, чтобы как следует вести политику, для того, чтобы давать отпор всяческим мелкобуржуазным напорам, нужно сплачивать как следует в один кулак сам наш класс, а для этого необходимо, чтобы у рабочего класса и у партии была некоторая, хотя бы элементарная уверенность в том, что мы сейчас нашим строительством продолжаем дело социалистической революции. Если мы сейчас укрепляем промышленность и хорошо торгуем в кооперативе, то не забудьте, что мы этим самым продолжаем дело социалистической революции; вот этого очень многие никак не могут понять.

Каков путь социалистической революции? Сделать социалистическую революцию — значит: низвергнуть буржуазию — раз, построить пролетарское государство — два, добить буржуазию — три, экспроприировать ее — четыре, строить общество на новых началах — пять, и в этой борьбе вести свою линию, хотя бы медленно, но последовательно и неуклонно, изменяя производственные отношения в стране, переделывая их на социалистический лад.

Что представляет собою переживаемый нами строительный период? Это есть следующий за утверждением диктатуры этап революционной борьбы рабочего класса за социализм. И когда товарищи из оппозиции сейчас по отношению к нашей строительской работе выступают с подрывом веры в это дело, то объективно это есть помеха социалистической революции рабочего класса, хотя бы соответствующие товарищи этого и не сознавали. Наша партия и рабочий класс не могут спокойно и уверенно вести эту работу и продолжать социалистическую революцию, если в ее рядах распространяются идеи о том, что в нашей отсталой стране мы технически не в состоянии будем справиться с задачами нашей революции.

Когда мы обвиняем товарищей из оппозиции за неправильную постановку вопроса о строительстве социализма в нашей стране, то в чем мы их обвиняем и против чего мы считаем нужным бороться? Мы считаем, что нужно решительно бороться против одного положения, выдвинутого тов. Каменевым и тов. Зиновьевым на заседании Политбюро,— положения, что мы погибнем из-за нашей технической отсталости, если своевременно не подоспеет экономическая помощь со стороны победоносного западноевропейского пролетариата. Нас обвиняют за это в национальной ограниченности, но этот упрек имел бы какие-нибудь основания лишь в том случае, если бы мы сказали, что мы вообще продержимся во всех условиях одни. Это было бы неправильно, это было бы национальною ограниченностью. Но ведь не было национальной ограниченности в том, что мы вели массы на октябрьские баррикады, хотя бы в одной стране? Конечно, не было. Мы защищаем настоящую ленинскую точку зрения, если утверждаем, что, несмотря на нашу техническую отсталость, несмотря на то, что у нас много крестьянства, несмотря на то, что техника и экономика еще чрезвычайно отстали, мы все-таки шаг за шагом можем строить социализм и построим его до самого конца, если этому не помешает вооруженное вмешательство со стороны капиталистических держав. Вопрос поставлен так: если бы на минуточку представить себе, что не было бы никаких капиталистических держав вокруг нас, то рухнули бы мы или не рухнули? Мы ответили бы: мы не

рухнули бы, а достроили бы до самого конца. *(Аплодисменты.)* Но ведь мы живем не в пустом пространстве, а живем окруженные капиталистическими державами. Могут ли они нас победить вооруженной силой? Мы отвечаем: «могут». Поэтому можем ли мы в действительности отказаться от курса на международную революцию? Нет, не можем. Международная революция есть единственная гарантия того, что нас не задавят капиталистические державы. Но можем ли мы из этого делать заключение, что наша техническая и экономическая отсталость погубят нас? Мы говорим: это совсем другой вопрос и кто так говорит, тот вселяет неверие в наши строительные силы, тот вселяет неверие во внутреннюю мощь нашего рабочего класса, в возможность с его стороны руководить крестьянством, тот стоит в полном противоречии с Лениным.

Если у нас нет уверенности в достаточности наших внутренних сил для построения социализма, тогда ведь нам нечего было идти на октябрьские баррикады, тогда были бы правы все меньшевики, которые говорили, что в такой отсталой стране, как Россия, нечего затевать социалистическую революцию, тогда бы оказался прав тов. Троцкий, утверждавший, что без государственной помощи со стороны победившего западноевропейского пролетариата мы обязательно столкнемся с мужиком, который нас обязательно свалит.

Некоторые наши товарищи, которые спорили против Ленина начиная с февраля по октябрь 1917 года, исходили из точно такой же предпосылки, что внутренних сил в нашей стране достаточно для доведения до конца буржуазной революции, но недостаточно для перехода к борьбе за социализм. Но ведь этим идейным шатаниям партия в свое время дала отпор. Однако если мы имеем здесь дело с известной недооценкой наших сил, то мы не можем хвастаться тем, что у нас все выполнено. Я все время старался разъяснить в своем докладе, где у нас больные места, не скрывал их, но какой смысл говорить, что у нас нет сил настолько, насколько они имеются. Это значит с другого конца подкапываться под самих себя и подрубать тот сук, на котором мы сами сидим.

Совсем коротко остановлюсь теперь на вопросе о роли нэпа. В этом вопросе, товарищи, у нас есть расхождения с оппозицией, главным образом в том, что оппозиция не понимает, что нэп есть не только отступление. Тов. Зиновьев в своей книжке, как вы отлично знаете, определял нэп только как отступление, мы же считаем, что нэп был отступлением, а теперь мы на рельсах новой экономической политики, а не на рельсах возврата к военному коммунизму, наступаем на капиталистов в нашей стране, потому что успехи нашего социалистического строительства суть не что иное, как наше наступление на рельсах новой экономической

политики. Еще на Московской губернской партийной конференции я поставил в первый раз этот вопрос в связи с вопросом о госкапитализме, к которому я потом перейду. Я заявлял тогда — и это полностью теперь подтверждается,— что если мы будем неправильно трактовать о нэпе и если мы будем неправильно говорить о госкапитализме, то тем самым мы исключаем возможность правильного воспитания новых слоев рабочего класса, и в особенности новой молодежи из рабочего класса, что тем самым мы подрываем организационные и идейные силы нашего класса. Я прочту вам сейчас кое-какие выдержки из письма, написанного одним молодым рабочим очень смело,— с подписью и пр.— для иллюстрации того, на какую мельницу льет воду наша оппозиция. Письмо под заголовком: «Что делать? Стоит ли идти в налетчики»... *(Смех.)* Не смейтесь, вы увидите, что это далеко не смешно. Сперва идут имя, фамилия, год рождения — 1909 (молодой парень — всего семнадцать лет). Затем он описывает, как он учился в школе, как ему приходилось трудно, насколько тяжело его материальное положение, описывает свои мытарства по нашим бюрократическим органам, а потом пишет: «Следует ли мне идти в налетчики и не будет ли это в ущерб моей основной цели — водворению диктатуры пролетариата,— конечно, не в виде самоцели, на всей земле и притом и немедленно?» Дальше он разъясняет идейный путь, которым он «дошел до жизни такой». «Вот,— говорит,— в двух словах, как я к этому пришел». Он пишет так:

«Большевики отказались от проведения своей классовой линии. Эпоха «военного коммунизма» и была эпохой диктатуры пролетариата, а на X съезде [20] диктатура пролетариата была подменена революционно-*демократической* диктатурой пролетариата и крестьянства. Подмен этот окончательно был завершен на XIV партконференции, и теперь дело остается только в названии. Большевики все еще называют современное положение диктатурой пролетариата, но уж и то некоторые из них предлагают не так ясно говорить: «руководство пролетариата» — крестьянам это, мол, не особенно нравится. Удержать диктатуру пролетариата, по-моему, большевики могли бы не введением нэпа, что произошло на X съезде, а объявлением революционной войны международному империализму (конечно, нас могло ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь — «или пан, или пропал»). О революционной войне много говорилось при решении вопроса о заключении Брестского мира, и Ленин, ратуя за его заключение, говорил: «Нам необходимо додушить буржуазию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки и тогда мы сможем вести революционную войну с международным империализмом» [21]. И вот к 1921 году буржуазия задушена, но большевики, забыв революционную

войну, ударяются в мирное строительство и наивно думают, что это мирное строительство — с каждодневными уступками нэпачам, кулакам, частной инициативе — доведет до социализма.

Долой мирное строительство — да здравствует революционная война!

Да здравствует диктатура пролетариата в мировом масштабе!

Да здравствует коммунизм!»

(Следует подпись и адрес.)

Правда, он смелый парень, но, по чести говоря, он додумал все до конца, больше, чем некоторые из оппозиционных товарищей. *(Смех.)* Я вам сейчас скажу — почему. В самом деле, представьте себе такое положение вещей. Человек учится по книжке Зиновьева «Ленинизм» и на всех страницах, которые я точно перечислил в своей речи на партийном съезде, он читает, что нэп есть отступление, отступление и отступление. Если мы с 21-го года только и занимаемся, что отступаем, если это отступление заключается в возрастающих уступках — тогда совершенно естественно, что у нас, за этот период, кроме черной полосы отступления ничего нет. Ведь ясно это? Тогда, конечно, совершенно ясно, что если это отступление связать с нашей технической отсталостью, то выходит, что мы едва-едва кряхтим и кряхтя отступаем все время назад, делаем все время уступки капитализму. Где же тогда строительство социализма? С этим хорошо увязывается и другой вопрос — вопрос о госкапитализме в нашей государственной промышленности. Ведь, если наша промышленность социалистическая, то тогда рассеивается мираж всеобщего постоянного отступления, потому что мы имеем рост социалистической госпромышленности, но если у нас постоянное отступление, то тогда легко примирить это положение с тем, что наша промышленность не социалистическая, а госкапиталистическая. И тогда получается, что мы сделали экспроприацию буржуазии, потом делаем ей все время уступки: нашу промышленность подняли, но не на социалистических началах, а на капиталистических, в деревне растет кулак, строительство социализма невозможно из-за нашей технической отсталости, и мы неизбежно подойдем к такому моменту, когда мы должны будем свертываться. Если нэп как общая форма нашей политики, о которой Ленин говорил как о единственно правильной политике пролетариата, является, по словам тов. Зиновьева, сплошным, самым широко задуманным отступательным движением большевизма,— что же получается? Получается, что мы из-за технической отсталости погибаем. Нэп — только отступление, мы все годы только отступаем, госпромышленность — капиталистическая, а так как госпромышленность есть головной отряд, то раз уже она госкапиталистическая, то все остальное и подавно. Куда дальше идти? Значит, у нас цепочка

событий только отрицательных. На чем сидит пролетарская диктатура? Ясно, что если под пролетарской диктатурой экономически самым твердым местом является госпромышленность, которая не есть социалистическая, то все остальное, во всяком случае, мелкобуржуазная жижа и дрянь. И совершенно естественно, что мы, сидя на такой штуке, сами не имеем уже ни грана социализма, ибо ясное дело, что ни одна власть не может выражать иную сущность, чем та, на которой она сидит. Значит, наша собственная власть не есть диктатура пролетариата, а мы только пускаем пыль в глаза рабочему. Значит, наша власть есть блок наших выродившихся хозяйственников и термидорианцев [22] по выражению тов. Залуцкого [23]. И тогда люди, которые не связаны с нашей партией, доводят эту мысль до логического конца. Что выступления, вроде тех, какими занималась новая оппозиция, поддерживают в среде рабочего молодняка, который не может продумать проблему до конца, такого рода настроения не подлежат никакому сомнению, потому что, если криво усмехаться и говорить: социализм, какой это социализм — госпромышленность? хорош социализм, когда рабочие мало получают, плюем мы на такой социализм; свобода торговли, нэп — вот вы кричите, что идете вперед, а сами широко отступаете; затем вы говорите, что свобода торговли обслуживает социализм, ничего она не обслуживает, это капитализм... Вот, если так говорить, тогда действительно уже нечем крыть. Тогда плевал я на такую власть, плевал я на такую экономику, плевал я на такую партию, которая всякой ерундой занимается. Ведь это же прямой вывод из всего этого. Вот, если бы говорили так: у нас госпромышленность социалистическая, но бедная — это было бы правильно; что мы строим социализм, но у нас трудные задачи — это было бы правильно; что у нас в общем и целом кооперация на социалистическом пути, но и тут громадные трудности — это было бы правильно. Но если говорят, что ЦК термидорианский, а термидорианцы были контрреволюционерами, которые проделали после французской буржуазной революции контрреволюционный переворот, то это вздор. Если ЦК термидорианский, то есть контрреволюционный, если наши основные партийные кадры перерождены, то наша партия ни черта не стоит, то она ведет по совершенно негодному термидорианскому пути. А я думаю, что некоторые товарищи чрезмерно начитались белогвардейских газет и очень испугались того, что они пишут, страшно испугались того, что наши противники говорят про нас, так испугались, что сами стали верить тому, что там пишут. Таких вещей допускать нельзя.

Тут, товарищи, совершенно ясно, что мы должны вести против такого рода уклонов борьбу. Мы знаем, что у нас многое чрезвычайно плохо, мы знаем, что существует тенденция к перерождению

и среди хозяйственников, и среди партийной бюрократии, но не нужно всего этого преувеличивать, а нужно рационально со всем этим бороться. Так мы ставим вопрос. Я думаю, что когда представители новой оппозиции разрушают веру в социалистическое строительство, вселяют совершенно неправильное представление об общих основах нашей политики, они подрывают доверие к нашим экономическим высотам, они подрывают и доверие к нашей общей политике, а когда они говорят о нашей партии, то они также подрывают основы политической власти рабочего класса.

Когда Надежда Константиновна [24] на партийном съезде говорит о Стокгольме [25], то она подрывает авторитет нашего партийного съезда и всей партийной организации [26]. Когда тов. Зиновьев предлагает блок всех фракций и группировок, т. е. нарушает основные принципы большевизма в организационном вопросе, он подрывает силы нашей партии. Когда товарищи противопоставляют комсомол нашей партии, они подрывают авторитет партийного руководства, они ударяют, хотя и бессознательно, по делу рабочего класса и они объективно помогают всем кулакам, нэпманам и пр., они подрывают веру в наши экономические высоты и общие принципы нашей политики; они подрывают силы рабочего класса тем, что ударяют по нашей партийной организации, выдвигая такие вещи, как рассуждения о Стокгольмском съезде, как вопрос о блоке фракций и группировок, такие вещи, как обстрел и неподчинение резолюциям партийного съезда, такие вещи, как натравливание комсомольской организации на нашу партийную организацию, все переворачивают и ставят на голову. Мы против этого будем бороться до конца. Если потакать такому якобы ленинизму в организационном вопросе и в вопросах общей политики, то это значит погубить нашу партию.

Я хочу сказать, товарищи, еще несколько слов относительно тех задач, которые стоят перед нами, специально относительно Ленинградской организации. Мне кажется, что текущая конференция должна подчеркнуть свою солидарность с решениями партийного съезда, она должна, мне кажется, показать всем ленинградским коммунарам, что во внутрипартийной истории Ленинградской организации должен быть сделан определенный поворот в сторону не фальшивой, а настоящей внутрипартийной демократии. *(Аплодисменты.)*

Мне кажется, да простят мне некоторые товарищи из бывших руководителей Ленинградской организации, что тот режим, который здесь был, можно характеризовать как соединение демагогии с фельдфебельскими методами управления партией. *(Аплодисменты.)* Нужно понимать, что наша партия стоит перед большими трудностями. Если возникают какие-нибудь серьезные вопросы и разногласия, то нам надо их как следует проработать

по существу. А вы посмотрите, что здесь делается. Спросите любого из оппозиционных комсомольцев или соберите их всех вместе и попробуйте немножко проэкзаменовать, что они читали, что они знают и что они понимают,— картина будет наверняка далеко не утешительная. Какой-нибудь из дорогих вождей прочитает доклад, а потом этот доклад сплошь и рядом механически повторяют на всех перекрестках без того, чтобы вдуматься, серьезно проработать эти вопросы, без того, чтобы воспитать чувство ответственности, без того, чтобы внимательно прислушаться к каждому аргументу своего противника, вникнуть в вопросы, уметь слушать других и т. д. Пусть будет поменьше парадов, поменьше словесной трескотни, пусть будет поменьше показного, пусть будет поменьше внешнего лоска, пусть будет поменьше внешних эффектов, но побольше работы по существу, и притом работы, проводимой более демократическим путем. Ведь всякий легко поймет, почему руководящий аппарат старого типа в Ленинграде так скоро потерял свой авторитет не только потому, что сюда понаехало много цекистов (конечно, и это имело значение), но потому, что ЦК опирался здесь на демократическое недовольство партийных низов против бюрократического аппарата ленинградских организаторов. *(Аплодисменты.)*

Само собой разумеется, что мы всему знаем границы, всему знаем меры; что мы не можем перескакивать через огромные овраги, через которые перескочить сразу не в силах, но основной курс по отношению к Ленинградской организации должен быть примерно такой: то, что мы от имени Исполкома Коммунистического Интернационала писали о необходимости нового внутрипартийного курса ЦК германской партии секретарю Рут Фишер [27], ваша конференция должна преподать всей Ленинградской организации. Я, товарищи, думаю, что если мы поведем работу так, то достигнем не очень быстрых, но значительных успехов.

По отношению к молодежи нужно обязательно проявить здесь максимум терпения, нужно, конечно, хлестать их за то, за что нужно хлестать, но нужно помнить, что они действительно — наша смена, что здесь нужен все же осторожный подход, что нужно бороться за каждого человека, чтобы его переубедить. ЦК стоит на той точке зрения, что мы не можем швыряться людьми, что мы должны сохранять людей, пока есть некоторые шансы добиться их сохранения для общего дела, для дела, ради которого мы работаем, за которое мы живем, и, если нужно, умрем. Это будет очень сложная работа, она потребует от нас добавочного внимания, она потребует от нас добавочных усилий, но эти усилия будут окупаться не механическим, а органическим сплочением рядов нашей партийной организации на основе твердого убеждения в правильности решений партийного съезда. Если сейчас нам

приходится переживать некоторые — и довольно серьезно — экономические затруднения, если на этой почве создаются благоприятные условия для различных колебаний внутри рабочего класса и нашей партии, то в рядах нашей партии необходимо крепить единство и уверенность в правильности нашего пути. Если мы наши партийные ряды сплотим по-настоящему, а мы их сплотим, то из хозяйственных затруднений, в которых мы находимся, мы вылезем (в этом я нисколько не сомневаюсь), свое положение через некоторое время укрепим еще в небывалой степени и на почве роста хозяйственной мощи дадим сильнейший толчок укреплению нашего международного влияния, влияния на западноевропейский пролетариат, влияния на внешнюю политику, влияния на растущее революционное движение колониальных народов.

Нужно помнить и быть совершенно уверенным в том, что, строя наше социалистическое хозяйство, укрепляя социалистические элементы в нашей стране, мы делаем величайшее в истории дело — международную социалистическую революцию. Мы должны помнить, что одним из главнейших факторов роста революционного движения во всем мире является укрепление нашего хозяйства, укрепление мощи пролетарской диктатуры, укрепление влияния нашей партии; это есть один из величайших, а в настоящее время главный рычаг международного пролетарского движения. Мы должны сплотить наши ряды, ибо только при условии этого единства, при условии этого единодушия ленинского руководства мы в состоянии вести за собой в такой трудной обстановке рабочий класс.

Да здравствует ваша организация!

Да здравствует вся наша партия! *(Бурные аплодисменты.)*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

11 февраля

Товарищи, вы сами видите, что мне по сути дела можно было не делать заключительного слова, так как среди выступавших выявился только один-единственный товарищ, который возражал против нашей линии. Но мне кажется, что к этому товарищу следует применить хорошую русскую поговорку: «Лежачего не бьют». *(Смех, аплодисменты.)* Затем я позволю себе допустить некоторое расхождение с моим другом тов. Кировым [28]. Он говорил, что у нас с вами была размолвка, хотя и временная. Я бы сказал, что известная размолвка у нас была не с вами, а с теми, про которых можно сказать словами стихотворения: «Одних уж нет, а те далече». *(Смех, аплодисменты.)*

Товарищи, несмотря на то, что я получил изрядную кучу

записок, я разрешаю себе, надеюсь с вашего массового благословения, остановиться лишь на нескольких вопросах, которые я считаю наиболее интересными и нуждающимися в ответе. Ответ на эти вопросы составит первую часть моего заключительного слова, а главную часть его я посвящу анализу некоторых вопросов организационного характера, на которых я в своем докладе почти не останавливался.

Первая записка, на которой я намереваюсь остановить ваше внимание, написана сногсшибательно учено, но автор оказался недостаточно грамотным для того, чтобы разборчиво подписать свою фамилию *(смех)*, что свидетельствует о его больших познаниях и о его не совсем большом мужестве, ибо чего же стесняться подписывать фамилию под запиской, в которой нет ничего ни уголовного, ни политически особливо предосудительного? Очевидно, осторожность является добродетелью этого товарища. *(Смех, аплодисменты.)*

Для большей понятности я сам сформулирую мысли и вопросы автора, нашедшие отражение в этой записке.

Товарищ говорит так: вот и в ленинской книжке и в моей книжке [29] относительно мирового хозяйства и империализма сказано, что объединения всего мирового хозяйства в одно организованное целое ожидать нельзя, а из этого он делает вывод, что при капитализме оно разбито на куски; а если оно разбито при капитализме на куски и если считать возможной победу социализма в одной стране, то она будет сперва в одной стране, потом в другой, потом в третьей, и таким образом сложатся разные социализмы, ничем не связанные между собою. Такова первая мысль товарища.

Мне кажется, что это рассуждение со всех сторон не «круглое», неправильное: прежде всего, мирового хозяйства как организованной системы не существует, т. е. нет такого учреждения, нет такого центра, который бы регулировал мировое хозяйство подобно тому, как тов. Дзержинский [30] регулирует нашу крупную промышленность, как регулируется хозяйство всех капиталистических, промышленных стран. Этого нет и не может быть при капитализме, но, товарищи, из этого вовсе не вытекает, что нет экономической связи между различными странами. Такая связь на самом деле есть, и эта связь является предпосылкой того единого мирового социалистического хозяйства; так что из того, что сейчас нет организованного мирового хозяйства, нельзя делать заключения, что вообще нет мирового хозяйства. Далее этот товарищ говорит, что если победа социализма возможна сначала в одной стране, а потом в другой, то, по-видимому, социалистические системы разных стран будут вечно несвязанными, отдельными кусками. Откуда это следует? Мы утверждаем, что социализм может победить в одной стране. Но разве мы выдвигаем такую замечатель-

ную гениальную мысль, что если в одной стране мы победим, а в другой стране не можем и не будем побеждать? И разве не ясно, что вся логика классовой борьбы в международном масштабе будет вести к хозяйственному и политическому объединению стран, возглавляемых диктатурой пролетариата.

Далее товарищ ставит вопрос, охватывающий два полвопроса. Прежде всего он вопрошает: признаете ли вы, что без наличия международной революции на дело строительства социализма в нашей стране потребуется не менее нескольких десятилетий? Это абсолютно верно. Если мы будем строить социализм одни, без прямого вторжения капиталистических государств, но в то же время и без государственной помощи со стороны западноевропейского пролетариата, то до полного социализма мы дошли бы лишь в течение нескольких десятилетий минимум [31]. Это совершенно верно — без помощи мы будем идти медленно, с помощью — быстрее, так что в этой части записки ничего порочащего нашу пролетарскую честь нет. Зато нужно остановиться на второй части записки, в которой товарищ спрашивает: неужели в ваших головах — сторонников этой теории — «не возникало вопроса о том, что до всеобщей международной революции пролетариат может победить в нескольких капиталистических странах»?

Я думаю, что такая мысль возникала у каждого, и совершенно напрасно товарищ сомневается в том, что она у нас возникала. Но что из того, что она возникала? В действительности, конечно, прежде чем мы сами дорастем до полного социализма, будет пяток, а может быть, и десяток революций. Вопрос не в этом. Разве мы когда-нибудь говорили, что сперва мы доползем до конца, и только потом будут революции в других странах? Кто это утверждал? Разве об этом шел вопрос? Не в этом вопрос заключается, вопрос заключается в том — а если будет очень длительная затяжка международной революции, можем ли мы продвигаться вперед к социализму? Вот в чем вопрос. Является ли наша техническая и экономическая отсталость такой вещью, которая нас обязательно погубит? В этом и только в этом заключается вопрос. Ясное дело, что международная революция в некоторых других странах придет раньше, чем мы доползем до конца, — это святая истина. Но из этого вовсе не следует, что мы обязательно должны, как утверждают тт. Зиновьев и Каменев, крахнуть из-за нашей технической отсталости. Мы говорим: если скоро будет международная революция, если скоро будет помощь, — мы будем двигаться скорее; не будет этой помощи — будем двигаться медленно, но двигаться будем и строить социализм будем.

Теперь, товарищи, я буду говорить о других проблемах, затронутых в записках. Я прежде всего должен, товарищи, подчеркнуть то, что я дважды, а может быть, и большее количество

раз подчеркивал в своей речи,— что задачи, стоящие перед нами, настолько сложные, что мы вечно должны ходить по острию бритвы — на полволоска ступишь влево — ошибка, на полволоска ступишь вправо — ошибка. Тут задачи настолько большие и настолько сложные, что нужно всегда учесть правильную пропорцию, чтобы определить верную линию. Вот мы говорим, что оппозиция слишком перепугалась роста кулака. Это правильно. Но если, например, говорить, как говорил один из выступавших здесь товарищей, наших сторонников, который чуть-чуть на волосок отошел в сторону и сказал, что кулак вообще нам не опасен,— это уже неправильно. Этот товарищ перегнул палку, и я должен заявить, что так говорить нельзя. Одно дело сказать — оппозиция преувеличивает кулацкую опасность. Это правильно. Но сказать, что кулак нам не опасен,— это неправильно, потому что из этого сейчас же можно сделать практический вывод — значит, не надо с ним бороться. Это неправильно. Во всех этих вещах нужна мера.

Мне была подана записка, в которой говорится, что в уездах сейчас идет разговор относительно создания особой крестьянской партии, и товарищ, наш сторонник, который нас поддерживает, не знает, как на этот вопрос ответить. Я хочу ответить на этот вопрос. Ясное дело, мы должны быть против особой крестьянской партии, потому что организация особой крестьянской партии неизбежно выросла бы в организацию, направленную против нас как партии пролетариата, которая обострила бы отношения между нами, как партией рабочего класса, и всем крестьянством. Поэтому мы должны здесь, как это ни трудно и ни сложно, объяснять, что для того, чтобы крестьянство сохранило свои революционные завоевания, сохранило землю, сохранило правильный путь своего развития, необходимо руководство рабочего класса, что это руководство не может быть без той роли, которую занимает наша партия, и что всякая любая другая партия в нашей стране неизбежно оказалась бы своим острием направленной против нашей партии, а следовательно, подорвала бы пролетарскую диктатуру. На этой теме я долго останавливаться не могу, а делаю только основную наметку.

Вот когда мы не знаем, как ответить на вопрос о крестьянской партии, когда мы не знаем или преуменьшаем опасность кулака, как это здесь проскользнуло у одного из товарищей, то совершенно естественно, что нам необходимо еще раз подчеркнуть то, что я уже говорил в своем докладе, а именно: что сейчас в деревне кулак иногда с первого раза не виден, что формы эксплуатации бывают скрытыми и что формы наемного труда у таких хозяйств бывают скрытыми. Ведь мы знаем, что кулак есть эксплуататор, деревенский капиталист, а основа деревенского капита-

листа, как и всякого капиталиста, заключается в том, что он эксплуатирует наемный труд. Но бывают такие случаи, что крестьянин-кулак сам в своем хозяйстве непосредственно наемных рабочих не имеет, но он, скажем, сдает в аренду свою жнейку, веялку или трактор и получает за это большие деньги. Что это такое по сути дела? Это значит, что наемный рабочий, или полунаемный рабочий, или превращающийся в наемного рабочего бедняк работает на хозяйской жнейке или молотилке, воображая, что он совершенно самостоятелен. Это — скрытая форма наемного труда, первоначальная ступенька, не отчетливая, но которую нам необходимо иметь в виду, чтобы распознавать по-настоящему рост капиталистических отношений в деревне. Этот вопрос я подчеркнул потому, что у меня есть несколько записок, которые говорят, что очень часто, при распределении ввозимых из-за границы машин, они попадают в руки кулацких слоев и что нужно обратить внимание на более правильное их распределение, что, конечно, совершенно верно.

Одна записка ставит вопрос о другой стороне дела — в области крестьянской политики, в отношении помощи бедноте. Товарищ, написавший эту записку, говорит таким образом: вы хотите помогать бедняку путем развязывания товарооборота. Сейчас, говорит он (он говорит про меня), вы говорите, что не в состоянии в достаточной степени помогать, но после того, как разовьете товарооборот, вы получите добавочные ресурсы, вы будете ему помогать. И он ставит такой вопрос: что же вы делаете? Ведь на основе развертывающегося товарооборота вы будете получать средства от кого? От того же бедняка. Значит, будете помогать бедняку из его же собственного кармана, а это очень нехорошо. Вы должны помогать ему из другого кармана. Я тут, товарищи, должен сказать, что эта постановка вопроса слишком упрощенная. Мы помогаем здесь из нашего общего кармана, общего кармана нашего государства, куда стекаются все добавочные суммы, получаемые от ускорения общего товарооборота, причем, конечно, эти суммы в конечном счете создаются трудом,— трудом ли рабочего, трудом ли крестьянина, трудом ли крестьянина-середняка или крестьянина-бедняка, но во всяком случае трудом,— ибо иначе ниоткуда ценности поступать не могут. Но неправильно сказать, что эти ценности идут от бедняков, потому что мы часть налогов получаем из доходов капиталистических слоев, часть получаем от середняцких хозяйств, часть с рабочего и часть мы получаем с бедноты. От разных слоев мы получаем этот приход. Если мы часть получаем через экспроприацию в налоговой форме доходов капиталистических слоев, то этим самым мы экспроприируем и перераспределяем капиталистические доходы: с богатого берем, бедному даем.

Если же мы получаем с середняка или даже частично с бедняка, то ведь, товарищи, суть нашей политики в значительной мере состоит в том, что мы из разного рода различных источников собираем доходы, держим в своих руках, для того чтобы наиболее целесообразно и по плану их распределять. И в этом ничего абсолютно плохого нет. Если мы, скажем, из общего количества прибавочной ценности, которая получается в городской промышленности, 10% отдаем на дело жилищно-рабочего строительства, так что же тут плохого? Ничего плохого нет. Но мы должны наиболее целесообразно распределять эти суммы.

Дальше неверно утверждение, что мы помогаем бедняку за счет бедняка. Нет, мы собираем жатву с различных слоев, мы берем часть с богатых, часть со средних и распределяем все из общего котла.

Меня спрашивают, какой путь преобладает в деревне, социалистический или капиталистический; я по чести вам скажу, что в настоящее время с полной уверенностью насчет деревни, какая там струя преобладает, я сказать не берусь, потому что статистика у нас поставлена не особенно хорошо, обследования у нас сделаны только по отдельным волостям детальные, а те сводки, которые имеются, не дают еще права утверждать, как обстоит дело по всему Союзу. И вот только перепись, которая предполагается на этот, 1926-й, год, позволит с большей точностью судить об этих основных соотношениях в деревне.

Товарищи, теперь я сделаю еще одно замечание в связи с некоторыми записками оппозиционного характера, правда очень немногочисленными, их было 1 или 2, которые в общем повторяют то, что говорил здесь один из выступавших товарищей. В записках этих говорится: вы сняли такого-то товарища, вы предприняли такие-то меры. Товарищи, я на это и возражать не буду, а приведу только одно-единственное соображение. Неужели товарищи не понимают, что за одно то, что люди восстали против готовых решений партийного съезда, их можно было бы без всяких разговоров исключить из партии? (*Аплодисменты.*) Разве это не так? Ведь для нас нет более высокого учреждения, чем партийный съезд, и если люди не подчиняются партийному съезду, если они оспаривают решения партийного съезда, борются против этих решений, то ведь не может же быть большего преступления против партии. (*Аплодисменты.*) За что же тогда исключать? И если тем не менее наш Центральный Комитет к этой репрессии не прибег, если он счел необходимым действовать здесь в первую очередь путем убеждения, то это он делал потому, что руководился не только формальными соображениями о своих правах, но он руководился еще очень важной заботой о том, чтобы по возможности большее количество убедить и завоевать. И он поступил вполне правильно.

Он действовал совершенно в духе той внутрипартийной политики, которую он защищал раньше. Следовательно, одно это соображение, что можно было бы, по сути дела, исключить за неподчинение решениям партийного съезда, убивает все эти аргументы оппозиции. На чем товарищи играют и чего они не в состоянии осмыслить, так это следующее: люди думают, что если они подчиняются губкому, который идет против партийного съезда, то они являются дисциплинированными членами партии, а если какой-нибудь товарищ заступится за решения партийного съезда против недисциплинированного губкома, то он разлагает организацию. Но ведь это рассуждения для собутыльников, а не для людей, принадлежащих к партии. (*Аплодисменты.*)

Теперь, товарищи, позвольте мне от этого мостика перейти к различного рода организационным задачам, которые стоят перед нами. Я буду просить у вас извинения за то, что, быть может, буду говорить с такой резкостью, которая не считается вполне парламентской и вполне приличной для порядочных людей. (*Аплодисменты. Голоса: просим.*) Я должен остановиться на одном из зол прежнего руководства Ленинградской партийной организацией, о котором я упустил сказать в своем первом реферате и которое я поэтому обязан подчеркнуть для того, чтобы исправить свое упущение, потому что всякое упущение есть своего рода ошибка. Я говорил здесь о том, что прежний метод управления Ленинградской организацией можно определить как смесь фельдфебельства с демагогией. Но в качестве третьего члена этого триединства нужно включить еще один момент — это искусственное насаждение местничества, интересов своей колокольни, отчужденности, противопоставления себя общепартийной организации. (*Аплодисменты.*) Не нужно смешивать две вещи — гордость за свою организацию, которая сделала очень много и имеет очень крупные заслуги перед партией. Такая гордость вполне законна, и в этом смысле нет решительно ничего плохого, кроме хорошего, в том, что члены организации, вспоминая минувшие дни, исторические пути, по которым организация шла, исполнены известной пролетарской солидарности, гордости, внутренней сплоченности, гордости за свою организацию, которая является передовой частью всей партийной организации и всего рабочего класса. Но, товарищи, в нашем мире все так устроено, что очень часто можно испоганить хорошее и превратить в плохое и, исходя из одного хорошего, можно из этого хорошего налепить такую мазню, которая, сросшись с телом этого хорошего, превращает его тоже в плохое. Можно использовать хорошие струнки членов организации, наигрывая на них ловкими и опытными руками так, что польза от этого льет воду на мельницу кое-чего плохого.

Для этого достаточно не заметить некоторые совсем «маленькие» вещи. Представьте себе славную Ленинградскую организацию, которой надо гордиться, но упустите на один моментик из определения того, что организация славная, одну только черту ее — постоянную верность общепартийным задачам, и тогда у вас славная организация превратится в бесславную. Если вы говорите, что у вас в Ленинграде всегда была величайшая сплоченность — один за всех, все за одного, — это великая вещь, этим можно гордиться перед всей партией, но лишь в том случае, если эта солидарность служит спайке всей партии. Но предположите, что у вас эта солидарность направлена против партии, тогда хорошее превращается в плохое. Предположите, что вы верны единственно старому губкому, повторяете старые песни и т. д.; тогда такая сплоченность из добродетели, с общепартийной точки зрения, превращается в порок. Гордость вашей собственной организации тогда правильна, когда она вставлена в рамки общепартийные. Гордость, «патриотизм» внутрипартийной организации тогда правильны и тогда законны, когда они вставлены в общепартийные рамки, подчинены общепартийному «патриотизму». Когда люди гордятся тем, что они стоят впереди партии, а не сбоку ее, тогда это хорошо. Но когда они гордятся своим сплочением, направленным против партии, тогда это плохо. Упускать этого нельзя. Такие превращения в истории неоднократно случались. В этом смысле мы имели бы дело с идеологией своих людей, компанейских начал, вместо правильного руководства парторганизацией. Это было бы местничеством, вместо правильного руководства партийной организацией, местной колокольней, вместо правильного понимания заслуг своей организации перед партией в *целом*. И вот, товарищи, мне кажется, что эту идеологию «своих людей» в управлении большой партийной организацией, этот асторийский принцип надо уничтожить, с ним нужно покончить, и только тогда можно достигнуть правильного взаимоотношения с ЦК, правильного взаимоотношения со всей партией. Вместо всех этих склок, группировок, обвинений друг друга и т. д., вместо этого будут здоровые начала управления всей партийной организацией.

Тут и т. Котов [32], и тт. Киров и Молотов [33] говорили относительно отчуждения верхушки Ленинградской организации от ЦК, которое наблюдалось раньше. Товарищ Ворошилов [34] заявлял — и многие другие товарищи говорили об этом, — что вам надо уничтожить, как некоторые грубо выражались, удельно-вечевой период, феодальные княжества в рамках нашей партии. (*Аплодисменты.*) К этому надо обязательно приступить. И это должен сделать не кто-нибудь другой сверху, а это должны сделать вы сами. (*Аплодисменты.*) Вы должны быть гарантией того, что это не повторится. Вы, товарищи, должны решительно встать на путь

внутрипартийной демократии, вы должны сделать невозможным существование таких кумановских принципов, вы имеете полную возможность это сделать, если только предпримете со всей смелостью и решительностью те мероприятия, которые необходимо сейчас предпринять для того, чтобы действительно обеспечить проведение внутрипартийной демократии в вашей организации.

Я должен сказать здесь, товарищи, что, по моему личному мнению, вы должны здесь по меньшей мере ослабить — а с моей точки зрения, и уничтожить — некоторые организационные вещи, которые въелись в вашу организацию и составляли до сих пор известную традицию,— я имею в виду принцип партийных организаторов, вместо секретарей. Вы можете их не называть секретарями, а продолжать называть организаторами — пускай они будут называться организаторами, астрономами, как вам угодно (*смех*), но совершенно естественно, что общий принцип, специфический принцип, который был, это — замена выборной должности поставленным сверху командиром; совершенно естественно, что при таком положении вещей страшно трудно осуществить внутрипартийную демократию, потому что такой метод влечет за собою неизбежно чрезмерную «твердость» аппарата, коя, будучи доведена до абсурда, может превратиться в окаменелость этого аппарата; но мы не строим каменных изваяний, а наши организационные формы должны обладать достаточной эластичностью, чтобы решать сложные задачи.

Необходимо перейти на старый метод выборных секретарей, которые — я готов лично сделать уступку — пускай продолжают называться организаторами. По этому поводу каждый может повторить слова Кузьмы Пруткова: «Если на клетке слона увидишь надпись «буйвол», не верь глазам своим». Тогда каждый, кто услышит слово «организатор», не будет верить своим ушам, а будет подразумевать, что это — настоящий, выборный секретарь. Если мы, товарищи, проделаем эту, хотя бы небольшую, реформу или даже если сделаем более или менее крепкие шаги в сторону перехода к этой правильной системе, то тем самым мы создадим до известной степени организационную гарантию против излишней окаменелости партийного аппарата, создадим известную гарантию против возникновения группировок в этом аппарате — группировок, которые будут стоять ощетинившись друг против друга даже в том случае, если они не имеют за душой никаких принципиальных разногласий. Это будет если неполной — на все 100% — гарантией, то все же известной гарантией против возникновения различных группировок внутри нашей организации. Я, товарищи, должен здесь сказать, что было бы совершенно нетерпимо с точки зрения всей партии в целом, если бы после того, как мы одержали крупнейшую победу над неправильной политической линией, в

наших рядах проявились бы разногласия без достаточных на то оснований.

Давайте сделаем все возможное для того, чтобы не только на другой день после победы, но и на третий, и на четвертый, и на следующий месяц, и на следующий год у нас было невозможным повторение остатков старой закоренелой местнической, сепаратической, вырожденческой, склочнической, беспринципной болезни. Надо сделать так, чтобы наша Ленинградская организация шла нога в ногу со всей партией и никогда не противопоставляла бы себя всей партии в целом и ее ЦК. Сделаемте так, чтобы у нас было по возможности больше гарантий непосредственной связи с ЦК и непосредственного влияния ЦК на работу Ленинградской организации. Не будем смотреть на других как на чужестранцев, варягов, гостей. Будем все-таки помнить, что нам дороже всего на свете — единство всей нашей партии и что гордость любой организации не должна иметь почвой противопоставление себя всей партии, а гордость за плодотворную работу внутри партии, без тени, без волоска, без малейшего намека на какое бы то ни было противопоставление партии. Дадим себе такое слово, включим сие в резолюцию, дадим наказ будущему губкому, наказ, который повесил бы Дамоклов меч над всяким, кто осмелится ради интересов групповой борьбы пожертвовать интересами партийного единства.

Давайте самым смелым и решительным образом проведем внутрипартийную демократию, сделаем так, чтобы большим влиянием на деле пользовались самые широкие массы членов партии. Поднимем нашу партийную организацию на более высокую ступень и в идейном смысле, в смысле идейного понимания принятых съездом решений, и в смысле возможности систематически воспитывать себя на новых рельсах, на рельсах нового курса, с таким расчетом, что все раны, все обиды, все прорехи, все грехи, все тяжелые потери, которые мы понесли за время дискуссии, были бы покрыты одним — самой крепкой сплоченностью на основе внутреннего убеждения, самой полной солидарностью всей партии. И тогда вашей гордостью, гордостью вашей организации будет то, что она, быстро поправив ошибки, снова встанет в передние ряды. Ленин говорил когда-то: не тот умен, кто не делает ошибок, а кто делает ошибки не слишком большие и кто их быстро исправляет. Мне кажется, что эти слова можно применить и к любой партийной организации: не та организация хороша, которая не делает никаких ошибок, а та, которая может их быстро поправить. Ваша организация в лице своей верхушки сделала ошибку, в лице своей массы поддалась ошибке, но она быстро эти ошибки поправила. Так сделаем же все возможное для того, чтобы в будущем этих ошибок делать поменьше и по возможности

совсем не делать. И будем помнить о том, что один ум хорошо, а семеро лучше, что одна организация хороша, а все организации, т. е. совокупность их, т. е. наша партия,— еще лучше.

И пойдем в первых рядах нашей партии, которая была, есть и будет с вашей помощью, товарищи, единой, сплоченной, железной нашей старой славной большевистской партией. (*Бурные аплодисменты.*)

Печатается по книге: Бухарин Н. И. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП (б). М.; Л.: Госиздат, 1926

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И О ВОЗМОЖНОСТИ ПОБЕДОНОСНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР

1926 г.

1. Возникновение проблемы.— 2. Вопрос о зрелости мирового капитализма. Различная критика большевизма: с точки зрения общей незрелости капитализма, с точки зрения военных разрушений, с точки зрения незрелости пролетариата.— 3. Вопрос о предпосылках социализма в России: международная социал-демократия, российский меньшевизм, Богданов — Базаров[1], Троцкий, октябрьская позиция правого крыла большевиков.— 4. Вопрос о построении социализма в СССР как вопрос о характере нашей революции.— 5. Гарантия от внешних опасностей и внутренние силы нашего развития.— 6. Итоги.

В настоящее время ряд кардинальнейших, основных вопросов нашей революции снова поставлен во всей широте, поставлен, можно сказать, ребром. Подробно разбирать причины этого здесь не представляется возможным, но нельзя не указать, что коренная причина этого состоит в том, что мы сейчас переживаем период перехода от так называемого *восстановительного* процесса к процессу *реконструктивному*. Такая терминология кажется нам, впрочем, не совсем точной и не совсем правильной. Ведь обозначение предыдущей фазы развития нашего хозяйства как восстановительного процесса предполагает — если брать это слово в строгом его значении,— что у нас подъем промышленности и подъем всего народного хозяйства идет по той же самой колее, по какой он шел и в дореволюционный период. Только при таком условии можно было бы *говорить о восстановительном* процессе в строгом смысле этого слова. На самом же деле у нас после Октябрьской революции подъем хозяйства и в первую очередь его государственного сектора шел таким образом, что наряду с восстановлением хозяйства происходила и непрерывная *переделка производственных отношений*. Наше развитие шло на *другой основе*, чем та, на которой развивалось хозяйство страны до октябрьской победы рабочего класса. Поэтому, когда мы говорим о восстановительном процессе, то нужно помнить, что это выражение берется условно. Этим мы хотим сказать, что наша продукция достигла довоенного уровня, что материальный остов производства восстановлен в размерах довоенного периода. Только в этом смысле слова и можно говорить о восстановительном процессе. И только при таком понимании можно говорить о переходе от периода восстановительного к периоду реконструктивному.

Итак, является совершенно несомненным, что сейчас перед

нами встает во весь рост задача переустройства хозяйства, задача перевода его на новую техническую основу.

Эта задача упирается, прежде всего, в задачу изыскания и приложения капитальных средств, средств, идущих на расширение производственного базиса, на постройку или закладку новых предприятий, в значительной мере на новой технической основе. Не трудно сообразить, что это — задача величайшей трудности, причем трудность ее не исчерпывается лишь сферой практики. Нет, даже взятая в теоретическом разрезе, она представляет, как говорят немцы, ein harter Nuss (крепкий орех). Эта трудность и порождает целый ряд колебаний, шатаний в наших рядах. Она же заставляет нас восходить к коренным вопросам революции.

Нелишне отметить, что вопрос об основном капитале ставился сравнительно давно (ср. вопрос об электрификации у Ленина); ставился он и некоторыми из наших противников. Между прочим, в этой связи можно упомянуть об одной работе *П. П. Маслова* [2], именно о выпущенной им в 1918 г. книге «Итоги войны и революции» *. Маслов тогда стоял целиком на меньшевистской позиции и в указанной книге проводил меньшевистскую точку зрения. Само собой разумеется, он отрицал возможность социалистической революции у нас, и отрицание это в значительной мере обосновывал невозможностью решения проблемы новой техники при отсталости технико-экономического базиса нашей страны вообще. Вот что писал он тогда:

«Стоит только познакомиться с преобладающим типом предприятий в земледелии и в кустарном производстве, занимающем *наибольшее* число рук в индустрии, чтобы прийти к заключению, что революция не может ввести социалистического строя, *пока капиталистическое производство не создаст для него материальные условия*. Великая русская революция в первые годы только *отколет* индустрию от земледелия в деревне, отколет посредством капитализма, а социализм лишь «в более или менее отдаленном будущем» снова соединит их в гармоническое целое. Не отколовшись от земледелия в мелких хозяйствах, индустрия не может технически сформироваться в общественное производство, так как первобытная техника кустаря не может сохраниться, а изменение техники расколет полуземледельческое хозяйство. *Творить же новые предприятия на новых технических началах из ничего даже и революция не в состоянии, хотя она и обладает огромными творческими силами*» **.

В этой цитате наиболее характерной и любопытной является последняя фраза, где автор мысль относительно невозможности

* *Маслов П.* Итоги войны и революции. М., 1918.
** *Маслов П.* I. с., с. 151. Подчеркнуто нами.

социалистической революции у нас связывает с мыслью о том, что нам неоткуда будет взять сил и средств для подведения под свое хозяйство новой технической базы.

На какие средства можно подвести эту новую техническую базу — вот проблема. Эта, выражаясь современным языком, «проблема основного капитала» как раз и выдвигалась П. Масловым на первый план. А так как — по мнению Маслова-меньшевика — ни о какой новой технике нечего и думать, то именно это для него и являлось решающим аргументом, чтобы вообще отрицать социалистический характер нашей революции.

Отсюда следует, что вопрос о переводе нашего хозяйства на новые технические рельсы, проблема основного капитала, вплотную подводит к вопросу о *характере нашей революции*, к вопросу *о возможности строительства социализма в одной стране*, — словом, к ряду тех вопросов, которые сейчас являются предметом спора в нашей партии. Вот почему сейчас полезно будет оглянуться назад, вспомнить, что говорилось раньше относительно социалистической революции вообще, что говорилось о возможности социалистической революции в нашей стране. Такая историческая справка вытащит на свет божий целый ряд аргументов, которые помогут уяснить теперешние споры, обеспечивая возможность проследить идейные истоки взглядов той или иной спорящей стороны.

Здесь необходимо, хотя бы и очень коротко, остановиться на вопросе о «зрелости» современного и, прежде всего, мирового капитализма в той постановке этой проблемы, как она давалась большевиками. Общеизвестна истина, что исторический прогноз и тактика большевиков всегда покоится на определенном, совершенно объективном анализе положения вещей. Три рода явлений, которые связаны между собою и обусловливают друг друга, брались большевиками в расчет при решении вопроса о зрелости мирового капитализма. Это, во-первых, его технико-экономический базис и его организационные формы. Во-вторых, соотношение классов, соотношение сил между рабочим классом, мелкой буржуазией и капиталистической крупной буржуазией. В-третьих, культурно-идеологическая зрелость пролетариата. Само собой понятно, что вопрос о культурно-идеологической зрелости пролетариата ортодоксальные марксисты ставили не с той точки зрения, что пролетариат может захватить власть лишь тогда, когда выработает свою собственную культуру, выдвинет кадр необходимых административных сил, нужных для управления государством, и т. д. Так ставил вопрос *А. А. Богданов*. Это по *его* теории пролетариат не может завоевать власть, пока не усвоит принципов «всеобщей организационной науки», не проникнется взглядами всеобъемлющего учения о пролетарской культуре. Само собой

разумеется, что при таком подходе, как у Богданова, вопрос о зрелости капитализма едва ли когда-нибудь получил бы положительное решение. Но у большевиков подход был иной, и с точки зрения этого подхода общая зрелость капиталистических отношений для перехода их в социалистические не подлежала никакому сомнению. Большевики выдвигали здесь положение о последней империалистической фазе капитализма, о достаточной степени централизации и концентрации капитала, об особых организационных формах капитализма (финансовый капитал, капиталистические монополии, банковые консорциумы и т. д.), рассматривая *самый факт* мировой империалистической войны как доказательство зрелости капиталистических отношений, потому что сама империалистическая война есть не что иное, как выражение громаднейшего конфликта между ростом производительных сил и их капиталистической оболочкой, ставшей уже тесной для более или менее нормального развития этих производительных сил в дальнейшем.

Само собой разумеется, что при оценке мирового капитализма большевики вовсе не исходили из признания, если так можно выразиться, сплошной зрелости капитализма и вовсе не предполагали, что в каждом географическом пункте земного шара степень централизации и концентрации капитала, степень концентрации рабочего класса и т. д. и т. д. всюду одинаковы и достаточны для перехода к социализму. Наоборот, в лице Ленина большевики выдвинули положение о так называемом «законе неравномерности капиталистического развития»[3]. Этот закон имеет своей базой *разнородность* структур капитализма по странам. Этот закон выдвигает и то обстоятельство, что есть строгое различие между центрами капиталистической экономики и колониальной периферией этой же экономики, что зрелость капитализма в целом, как капитализма мирового, вовсе не предполагает совершенно одинаковой высоты капиталистического развития в разных странах, одинакового темпа развития и т. д. Этот ленинский закон неравномерности капиталистического развития и *был* теоретическим обоснованием подхода большевиков к вопросу о зрелости мирового капиталистического хозяйства, о степени его подготовленности к переходу в хозяйство социалистическое, о мировой революции как сложном и длительном *процессе*, который может начаться даже в одной стране.

Так ставили вопрос большевики. Иначе подходили к нему противники большевизма. При этом должно быть отмечено, что их (противников) аргументация в «доказательство» незрелости капиталистических отношений имела целый ряд вариантов. Имеется целый ряд критических позиций, направленных против большевиков и долженствующих опровергнуть большевистский тезис

относительно зрелости капиталистических отношений в современном мировом хозяйстве. Одни говорят, что *экономически* капитализм еще не созрел; другие говорят, что он экономически созрел, но в результате мировой войны и в результате того обнищания, которое наступило за время войны, он *перестал* служить достаточной базой для перехода на рельсы социалистической революции. Наконец, третьи выдвигают ряд особо «оригинальных» соображений, указывая на *культурную незрелость пролетариата*, который не может в силу этого решить задачу мировой революции.

Первый тип критики большевизма, критики с точки зрения экономической незрелости капиталистических отношений, наиболее ярко представлен в работах *Генриха Кунова*[4]. В одной из своих брошюр, написанной в оправдание голосования 4 августа 1914 года в германском рейхстаге, он развивал примерно такую концепцию. Он говорил, что думать о переходе к социалистическому строю сейчас — значит заниматься пустыми иллюзиями и утопией. Маркс сказал, что ни одна хозяйственная форма не перестает жить, прежде чем она целиком и полностью не осуществит всех своих возможностей, пока она не исчерпает всю себя до конца. Возьмите те страны, говорил Кунов, где недостаточно еще развит капитализм; возьмите рынки, которые не целиком еще наполнены капиталистическим товарным содержанием; возьмите некоторые страны, где капитализм стоит еще в начале своего развития,— и вам станет совершенно ясно, что капитализму предстоит развиваться еще огромное количество времени. А после войны, так утверждал Кунов, благодаря частичному уничтожению производительных сил, получается еще возможность добавочного развития капиталистических отношений, потому что, поскольку производительные силы капитализма во время войны подверглись определенному разрушению, постольку даже та сеть рынков, которая и без того была велика, будет по отношению к разрушенным производительным силам еще более велика; поэтому нелепой, утопичной, антимарксистской является мысль относительно перехода общества в ближайший период на социалистические рельсы.

Здесь все так недвусмысленно и ярко, что нет нужды привлекать других критиков, идущих по той же линии; достаточно будет лишь упомянуть о другом, на этот раз русском, марксистском, или полумарксистском, литераторе, *А. А. Богданове*. В одной из своих работ, именно в брошюре «Вопросы социализма», он писал: «В подтверждение (необходимости и возможности перехода к социализму.— *Н. Б.*) указывают на гигантский рост именно тех отраслей, которые производят средства производства. И вот если взять мировое производство тех же двух основных материалов по всей промышленности — чугуна и угля и, основываясь на их цене, оплате рабочей силы и приблизительной норме ее

эксплуатации, вычислить, какая доля всей трудовой энергии, находящейся в распоряжении человечества, кристаллизуется в огромной годовой массе этих продуктов, то окажется около $2—2^1/_2$ и отнюдь не более 3%. Результат, в котором как будто нет ничего подавляющего» *.

Приведя эти свои $2—2^1/_2$% в производстве чугуна и угля, А. А. Богданов тем самым считает доказанным положение о такой фазе развития капиталистических отношений, при которой нечего и думать о том, чтобы ставить себе какие-то задачи перехода на рельсы социалистической революции и на рельсы непосредственного социалистического строительства.

Едва ли такая критика может всерьез быть принятой за критику марксистскую: это не больше, как карикатура на марксизм **. Ибо «критики» исходят здесь из крайне упрощенного, отнюдь не диалектического, представления о предпосылках гибели капитализма. По их мнению, капиталистическая форма производства погибнет только тогда, когда она целиком (или почти целиком) вытеснит другие формы производства. Между тем в действительности капиталистический способ производства гибнет гораздо раньше, ибо он гораздо раньше развивает свои внутренние противоречия, делающие нестерпимым и объективно невозможным его дальнейшее существование (ср., например, мировые войны, «Эпоху войн и революций»). Равным образом, «критики» исходят из такого положения, что материальная зрелость капитализма должна быть такова, чтобы после захвата власти налицо был почти готовенький социализм, охватывающий целиком и сразу все общество. Между тем в действительности речь идет лишь *об отправных пунктах* движения, о возможности дальнейшего строительства. У «критиков» исчезает почти весь переходный период, который есть период развития социалистических хозяйственных форм *среди* форм несоциалистических. Их («критиков») кажущийся радикализм есть оборотная сторона их глубочайшего оппортунизма. Едва ли есть нужда дольше задерживаться на этой

* *Богданов А.* Вопросы социализма. М., 1918, с. 48.

** Как на курьез, здесь можно указать на тоже «марксистскую» критику большевиков со стороны некоего *Рудольфа Шнейдера*, секретаря «Имперского Союза немецкой индустрии», побивающего в своей брошюре «Советский строй, социализация и принудительное хозяйство» не только большевиков, но и социалистов вообще, самим Марксом. «Уже 50 лет тому назад,— пишет сей ученый защитник немецких промышленников,— великий теоретик социализма К. Маркс блестяще опроверг всех таких утопистов и реформаторов мира одним-единственным замечанием» (20 с.). Когда говорят о практической реализации социализма, впадают в утопию: «Социализм совершил обратный путь от науки к утопии...» (20) (*Schneider Rudolf.* Geschäftsführer des Reichsverbandes der deutschen Industrie: «Rätesystem, Sozialisierung und Zwangswirtschaft». Dresden, 1919).

породе критиков: приведенного достаточно, чтобы перейти к другой группе возражений.

Эта последняя в общем виде примерно может быть изображена таким образом: социализм, конечно, созрел, капитализм уже создал внутри себя производительные силы, которые могут поставить в порядок дня вопрос о социалистическом перевороте, но война все разрушила, и теперь приходится брать уже иной тон, теперь нельзя ставить перед собой задачу социалистического переворота. Так ставит вопрос, между прочим, не кто иной, как *Каутский* [5], который говорил относительно огромных разрушений войны и относительно того, что на базисе разрушенного войной капитализма строить социализм невозможно. Но были и русские социал-демократы, которые точно так же ставили вопрос,— например, так ставил его очень известный русский меньшевик *Либер* [6]. В предисловии к своей брошюре, изданной в Харькове в 1919 г. под названием «Социальная революция или социальный распад», он, не преминув сообщить, что, «к сожалению», им потеряны прежние рукописи в то время, когда ему пришлось скрываться от «коммунистических охранников», выдвигает такие рассуждения: «Основные, «пессимистические» положения, развитые в настоящей лекции, защищались мною в еще «медовые» месяцы нашей революции. Уже с первых дней русской революции для меня были ясны черты *гнилостного ее распада, вызванного войной*, и перебегающие болотные огоньки ни на один момент не казались мне революционными маяками» *. Это, долженствующее быть поэтическим, описание содержит такую политическую мысль: что вы, большевики, говорите о каком-то социализме, о международной революции и пр. вещах? Что вы ставите это в порядок дня? На самом деле то, что происходит, есть не процесс революционного движения общества вперед, а есть процесс гнилостного распада, вызванного войной.

В третьей главе этой своей брошюры, расписывая «анархию», появившуюся в результате войны, в главе, названной «Грядущие перспективы и задачи», автор прямо заявляет, что его точка зрения приложима не только к России, но ее «чохом», так сказать, можно применить и ко всему миру: *«Из всего, что я сказал, ясно, что социализма теперь нельзя осуществить»* **.

Не трудно увидеть, что эта аргументация исходит из оппортунистической предпосылки о *«безболезненном»* переходе от капитализма к социализму. В полном противоречии с революционной теорией Маркса, который предсказывал рождение социализма среди катастроф («Zusammenbruchstheorie»), неизбежно связан-

* *Либер М. И.* Соц. рев. или соц. распад. Харьков, 1919, предисловие. Подчеркнуто нами.

** Там же, с. 57.

ных с разрушением производительных сил, «критики» исходят из возможности поистине идиллического хода событий. С другой стороны, разбираемая аргументация связана также *с арифметическим представлением* о предпосылках социалистического строительства: она предполагает, что отступление от определенной грани в развитии материального остова производства уже тем самым делает сразу невозможным переход к социализму. Изменяющееся соотношение классовых сил, воспитание и самовоспитание пролетариата в его боях и т. д.— все это не принимается во внимание. Нечего и говорить о том, что эмпирическая проверка этого положения, т. е. весь последующий ход событий, целиком опровергли рассуждения оппортунистов, которые просто-напросто *убегали* от решений задачи, как убегали от революции вообще.

Третья группа возражений, в форме самого ходового товара, была представлена в виде теории, которая должна была доказать, что пролетариат вообще не может взять власть, поскольку он является арифметическим меньшинством населения. Взятие власти, диктатура пролетариата, захват власти политической партией рабочего класса, строительство социализма, переход от капиталистического общества к социалистическому предполагает обязательно, по мнению этих критиков — социал-демократов, большинство, принадлежащее пролетариату. Этот вопрос очень подробно обсуждался в большевистской литературе, и останавливаться на нем здесь едва ли есть необходимость. В частности, широко известны аргументы, которые в этом вопросе направлял против Каутского тов. Ленин.

«...Главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала,— писал Ленин,— состоит в непонимании ими того, что *государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий*» [7] *. Вполне возможно такое конкретное сочетание общественных сил, когда пролетарское *меньшинство* населения может руководить массой мелкой буржуазии. С другой стороны, возможно и такое аристократическое перерождение известных слоев пролетариата, имеющего *большинство* в стране, когда пролетарская революция крайне затруднена **. Таким образом, только шаблонное, вульгарное, неконкретное, недиалектическое отношение к вопросу может

* *Ленин.* Выборы в Учр. собрание и диктатура пролетариата. Собр. соч., т. XVI, с. 447.

** См. по этому поводу замечательно интересные соображения у Ленина. Ленинский сборник III, с. 493—494.

привести к социал-демократическому взгляду на невозможность переворота при пролетарском меньшинстве.

Оригинальный вариант теории о незрелости самого пролетариата представляет точка зрения *А. Богданова*. У Богданова имеется, как известно, особая теория вызревания социалистических элементов в недрах капиталистического общества. Согласно этой теории дело обстоит так, что только тогда рабочий класс может поставить перед собой задачу завоевания власти для социалистического строительства, когда он будет уже иметь в своем распоряжении подготовленный кадр людей, могущих решать самые сложные задачи социалистического строительства. Аргументация Богданова довольно проста. Он берет, скажем, такой вопрос, как вопрос *плана*, и говорит: построить план социалистического хозяйства есть задача колоссально сложная. А если поставить задачу *мировой* организации социалистического общества, то трудность возрастет неизмеримо. Преодолеть эту трудность без соответствующих культурно-организационных предпосылок невозможно. А так как этих предпосылок еще нет налицо, то, само собой разумеется, невозможна и постановка на очередь дня самой задачи социалистического строительства.

Ввиду особой оригинальности позиции *А. А. Богданова*, приведем наиболее характерные места полностью. На с. 38 своей брошюры «Вопросы социализма» автор пишет:

«Планомерная организация человечества предполагает обобщение и обобществление организационного опыта, *его кристаллизацию в научной форме*. Если этого нет, значит — еще не назрели исторические условия для решения задачи. Оно невозможно, как невозможна была бы система машинного производства, без естественных и технических наук, обобщающих и обобществляющих технический опыт».

И далее, на с. 68:

«Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса — это вся совокупность его организационных форм и методов. Если так, то какой *злой иронией* или каким *детским неразумием* представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе! И это тогда, когда так часто на наших глазах распадаются и рассыпаются — нередко даже не от внешних ударов — его собственные организации».

В известном смысле не менее интересную точку зрения и очень близко стоящую к позиции А. Богданова развивал в те годы *В. Базаров*. Базаров исходит примерно из тех же предпо-

сылок, что и Богданов, но более конкретно и отчетливо формулирует свои *выводы*. На этих выводах, минуя их аргументацию, общий характер которой только что отмечен, и следует остановиться. Вот как они формулированы автором. Анализируя западноевропейские формы государственного капитализма, В. Базаров умозаключает:

«Ввиду всего сказанного выше, нам представляется совершенно невероятным, чтобы рабочая партия в сколько-нибудь близком будущем смогла использовать эту новую форму буржуазного строя, как орудие для создания подлинно социалистического, свободно планомерного хозяйства. Единственно доступной для нее в данных условиях задачей является задача, *формулированная германскими оппортунистами:* превращения хозяйства, основанного на извлечении прибыли, «в государственную хозяйственную организацию, рассчитанную на обслуживание потребления» в «Bedarfsdeckungswirtschaft», как гласит неуклюжий термин новейшего изобретения» *.

Сделав поправку против оппортунистов в смысле необходимости *международного характера этой организации — госкапитализма*, автор приходит к такому итоговому выводу:

«...Дело идет здесь об очень обширной и сложной организации. Но так как она нисколько не порывает с основами принудительной, буржуазно-демократической государственности, так как, с другой стороны, общие контуры этой организации уже начинают вырисовываться в стихийных процессах переживаемого нами времени,— то здесь перед современной демократией встает проблема, которую нельзя признать принципиально для нее непосильной. От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, *зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших 10-летий, а может быть, и столетий»* **.

Словом, этот базаровский аргумент о некультурности рабочего гласит: дай бог нам, по следам германских оппортунистов, поддерживать государственно-капиталистические организации, заправилами которых является буржуазия; где уж там социализм строить! На десятилетия, а то и на целые столетия, пролетариату придется довольствоваться весьма остроумным занятием: поддерживать капиталистический строй в его самом концентрированном виде ***.

---

* *Базаров В. (Руднев).* На пути к социализму. Харьков, 1-е изд., 1919, с. 21—22.

** Там же, с. 22.

*** Считаем нужным напомнить читателю, что такая характеристика базаровской точки зрения имеет в виду только соответствующий период времени.

Богдановско-базаровская «теория» культурно-организационного вызревания пролетариата в лоне капиталистических отношений насквозь неверна, противоречит основным фактам развития рабочего класса, насквозь идеалистична. Она неверна потому, что предполагает возможность для пролетариата, класса эксплуатируемого, угнетенного экономически, политически и культурно, «созреть» в рамках капитализма настолько, чтобы сразу оказаться готовым управлять всем обществом и иметь в своих рядах силы, решающие самые сложные задачи строительного периода. Богданов и Базаров не понимают всей принципиальной разницы между пролетарской и буржуазной революцией, между вызреванием капитализма в рамках феодального строя и вызреванием социализма в рамках строя капиталистического. По этому поводу мы в свое время писали:

«В рамках капиталистического строя пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры, замечательные возможности дальнейшего культурного развития человечества; но в этих рамках он, культурно угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества. Он успевает подготовить себя к «разрушению старого мира». «Переделывает свою природу и вызревает он как организатор общества *лишь в период своей диктатуры»* *.

Теория Богданова — Базарова неверна, следовательно, и потому, что она предъявляет слишком большие требования для *захвата власти*, и потому, что она не понимает значения переходного периода *как периода культурного вызревания пролетариата*. Если бы основания богдановской теории были верны, то задача пролетарской революции была бы так же неразрешима *вообще*, как задача квадратуры круга или perpetuum mobile.

В таких формах выражалась критика большевизма по вопросу относительно зрелости международного капитализма, относительно зрелости мирового хозяйства. Что же касается самого большевизма, то в этом отношении он был един и монолитен: внутри нашей партии по *этому* вопросу, по вопросу о зрелости капиталистических отношений мирового хозяйства, никогда никаких разногласий не было. Все оттенки, все течения, все направления внутри нашей партии по отношению к этому вопросу не выказывали скептицизма, ни одно выступление из среды большевиков не оспаривало положения о зрелости капитализма для социалистического переворота в международном масштабе, в первую очередь в так называемых передовых странах Европы.

---

* См.: *Бухарин Н.* Буржуазная революция и революция пролетарская: Сборник «Атака», 1-е изд., с. 232.

Но совсем иначе обстоит дело, если мы возьмем *другой вопрос*, именно *вопрос о зрелости капиталистических отношений в России*: ответ на этот вопрос уже звучит разноречиво не только тогда, когда мы берем различие между большевиками и социал-демократами, эсерами и др. соглашательскими партиями; этот вопрос ставился по-разному и по-разному решался и *внутри нашей собственной партии*. И теперь он ставится тоже по-разному. Ибо вопрос о возможности построения социализма в нашей стране есть не что иное, как вопрос о *характере нашей революции*. В такой формулировке он поднимался уже не однажды.

Здесь точно так же будет не безынтересно и совсем не бесполезно предварительно выслушать и мнения противников из *социал-демократического лагеря*.

Застрельщиком в борьбе против большевиков вокруг вопроса *о характере нашей революции* выступил, сперва очень мягко, потом по-ренегатски и, наконец, совершенно как контрреволюционер, известный папа социал-демократии, *Карл Каутский*. В ранних своих брошюрах он выступал сравнительно умеренно. Например, даже в брошюре, против которой полемизировал т. Ленин *, Каутский еще был на грани приличия, но и тогда он служил объективно роль лакейского идеологического подпевалы буржуазии *. В своих работах Каутский ставил вопрос о характере нашей революции довольно точно, ясно и определенно. В объемистой книге, носящей название «Пролетарская революция и ее программа», он прямо заявляет, что наша революция имеет в себе типичные черты революции буржуазной. С ней, собственно говоря, иначе и быть не может, так как эта революция происходит в стране, капиталистическая незрелость которой — факт общепризнанный. Еще у Маркса сказано, повествует старый начетчик, что никакое новое общество не может родиться раньше, чем старое не разовьет всех своих производительных возможностей. А стало быть, и социализм невозможен, раз предыдущая стадия общественного развития не закончена, раз старое общество еще не исчерпало себя до конца. Вооружившись так, он лихо начинает прямую атаку против большевиков, которые, с его точки зрения, очень увлеклись ролью повивальной бабки, но выполняют ее крайне неуклюже, ибо понукают родильницу разрешиться от бремени гораздо раньше, чем это ей полагается по законам природы. В сущности, большевики вовсе не акушеры, а просто шарлатаны-знахари, которые только рекламируют себя, как прошедших курс обучения в школе революционного акушерства, в школе Маркса. В действительности они к ней (школе Маркса) никакого касательства не имеют. У матушки-Руси вовсе не роды социализма: она просто объект экспериментов со стороны большевистских мошенников.

Словом, капитализм в России отсталый, недозрелый, а потому не здесь и социализм нужно строить,— так наставительно заключает одна из энциклик социал-соглашательского папы *.

Наряду с папой-Каутским необходимо рассмотреть точку зрения, занимаемую по данному вопросу *Отто Бауэром* [9], который по справедливости может быть почтен за прелата социал-соглашательства. Нужно сказать, что прелат оказался куда обделистее и изворотливее папы: точка зрения О. Бауэра и хитрее, и остроумнее позиции Каутского.

Его постановка вопроса такова. Он ни капли не отрицает, что в России — диктатура рабочего класса. Он ни капли не отрицает, что наша партия взяла власть, как партия городского рабочего класса. Он говорит, что диктатура пролетариата у нас, правда, в других формах, чем в Западной Европе, но она необходима, и она *есть*. В Западной Европе она была бы в форме демократии, а в России она приобрела совершенно особую форму, форму *«пролетарского деспотизма»*. У нас «деспотизм», но все же *пролетарский*. Но долго он не может удержаться. Его историческая задача заключается в том, чтобы всеми правдами и неправдами пробудить к культурной жизни большинство населения нашей страны; а большинство населения — это и есть *мужик*. Пробуждая к культурной жизни крестьянские миллионы, «пролетарский деспотизм» (диктатура пролетариата) своими собственными руками растит ту политическую силу, которая его столкнет. Как только этого крестьянина достаточно взрастит диктатура пролетарского меньшинства, так сейчас же он скажет: «Убирайся!». Тем самым будет выполнена историческая миссия «пролетарского деспотизма», и тогда наш народ дозреет до настоящей демократии.

---

* В этом отношении крайне интересен один отзыв, данный небезызвестным доктором *Паулем Шиманом* в брошюре, которая была издана «Генеральным Секретариатом Лиги для изучения и борьбы с большевизмом» и которая носит совершенно специфическое название «Азиатизация Европы». Этот Пауль Шиман пишет по поводу выступления Каутского буквально следующее: «Самым лучшим (по-немецки сказано еще сильнее: «das weitaus Beste») и самым убедительным, что с социально-политической точки зрения было написано о большевизме, является брошюра Каутского «О диктатуре пролетариата» (8). А *почему* это «самое лучшее и убедительное», Шиман подкрепляет своей оценкой большевизма. Он пишет по поводу большевизма: «Духовная смерть, внутреннее окостенение человечества, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы» (*Schiemann Paul.* Die Asiatisierung Europas, 1919, S. 8, 9).

* См.: *Kautsky Karl.* Die proletarische Revolution und ihr Programm, Ver Dietz, 2. Aufl., S. 78, 90.

Две следующие цитаты достаточно характеризуют позицию Бауэра. Он пишет: «В России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство *только временно*. Он должен неизбежно (muss) вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки» *. «Временное господство индустриального социализма в аграрной России есть только пламя, которое призывает пролетариат индустриального Запада к борьбе. Только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» **.

За исключением Каутского и Бауэра, некоторый интерес представляет еще позиция *Парвуса* [10] *и Штребеля* [11]. Брошюра первого («Рабочий и социализм и мировая революция — письма к немецким рабочим») содержит столько клеветы на нашу революцию, что более подлое произведение едва ли можно встретить; перлы лжи Каутского ничто в сравнении с махинациями обделистого Парвуса. Даже свою позицию 1905 года он излагает так, как будто он вовсе не говорил о социалистической революции, а говорил лишь о рабочей демократии в стиле демократии... австралийской! Разумеется, всякому понятно, что здесь налицо желание вымолить у буржуазного общественного мнения Европы извинение за грешки далекой юности,— для этого и понадобился г. Парвусу австралийский плащ.

Наша революция, с точки зрения этого подлейшего из ренегатов, ни больше ни меньше, как *оккупация страны дезертировавшей солдатской чернью*.

«Для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса» ***. Ни того, ни другого в России нет и в помине, а потому нет для нее и возможности осуществления социалистической революции, возможности строительства социализма. Историческая миссия большевиков — послужить мостом, по которому к власти придет какой-нибудь цезарь, бонапарт или кто-нибудь другой, но в том же роде. Таков клеветнический «итог», который подводит нашей революции разудалый купчик-Парвус, не раз пытавший счастье сбыть подмоченный товаришко на нашем политическом базаре.

Что касается до последнего упоминаемого нами автора *Штре-*

* *Bauer Otto.* Bolschewismus oder Sozialdemokratie. 3. Aufl. Wien, 1921, S. 7.

** Там же. Здесь не трудно подметить удивительное сходство позиции Бауэра со взглядами тов. Троцкого. Но об этом ниже.

*** *Parvus.* Der Arbeitersozialismus und die Weltrevolution. Briefe an die deutschen Arbeiter. Berlin, 1919, S. 15.

беля, то он попытался свои взгляды на нашу революцию развить в целую теоретическую «систему».

В брошюре, носящей характерное название «Не насилие, а организация», Штребель, рассуждая о «сущности русской революции», заявляет, что было бы совершенным вздором говорить о коммунистической пролетарской революции, ибо основным фактом нашей революции является укрепление частной собственности крестьянина, а укрепление частной собственности крестьянина и есть то, что все решает, что определяет *характер* этой революции. Кто этого не понимает, тот не марксист, тот «комнародник»,— выражаясь современным языком, и т. д. В итоге Штребель и сводит большевизм к *бакунизму*.

«Если большевики и воображали,— пишет Г. Штребель,— что русских крестьян можно пропагандой (Zureden) и принуждением завоевать на сторону действительного коммунизма и коммунистического способа производства, то они доказывали лишь вновь, что они обретаются в плену типичных представлений старого русского революционаризма, которые составляют специфическую сущность бакунизма» *.

«Крестьяне... представляют, по крайней мере, семь восьмых всего населения Советской России. Вес их числа и их хозяйственного значения решает в конце концов судьбу революции вообще! Сколько фантастики и сколько фанатической веры в чудеса нужно в таких условиях иметь, чтобы считать русскую революцию за революцию *коммунистическую* по ее внутреннему характеру и по ее конечному результату!» **

Не социализм строят русские большевики, а унаваживают почву для расцвета нового капиталистического строя,— таков итог анализа нашей революции, данного международной социал-демократией. В России — незрелые капиталистические отношения, это — полуазиатская страна, соответствующие классовые отношения которой находят свое выражение в колоссальном числовом перевесе крестьянства; пролетариат плавает, как муха, в крестьянском молоке, и этот пролетариат-муха, поставленный перед слоном-крестьянином, не может проделать никакой коммунистической революции. Гиря крестьянства тянет все сильнее, эта гиря и решает вопрос о характере русской революции. И какие бы маскарадные костюмы ни надевали на себя активные деятели русской революции, какие бы лозунги ни выдвигали, что бы ни придумывали,— все равно: в конце концов, так или этак, вопрос будет решать *крестьянство*. Единственный смысл всей

* *Ströbel Heinrich.* Nicht Gewalt, sondern Organisation. Berlin, 1921. Verl. «Der Firn», S. 12.

** Там же, с. 13.

революции есть укрепление частной собственности крестьянства. Объективный смысл крестьянской революции есть не что иное, как раскрепощение крестьянства от феодальных пут. Это и определяет *буржуазный характер русской революции*. Таков «отзыв» международной социал-демократии.

Теперь нелишне будет взглянуть на наших соотечественников, русских меньшевиков. Они рассуждали тоже примерно так, как рассуждали их западноевропейские коллеги. Возьмем такого классика русского меньшевизма, как Георгий Валентинович *Плеханов*, который теоретически был наиболее последовательным. В свойственном ему стиле, с «книжной простотой» оценивая характер нашей революции, он писал: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т. е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему. Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами» *. А в открытом письме петроградским рабочим от 28 октября 1917 г. Г. В. Плеханов приводил и другие аргументы. Он писал: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист» **.

Или вот мнение по этому же вопросу уже упоминавшегося *П. П. Маслова*, бывшего в то время ортодоксальным меньшевиком: «Рабочий класс в России не может взять на себя организацию производства, потому что он представляет собою меньшинство населения страны. Другие классы даже численно значительно преобладают» ***. Или в другом месте: «Происходящая революция, будучи *буржуазной революцией, т. е. сохраняющей все основы капиталистического строя*, может вместе с тем быть — и неизбежно будет — социальной революцией, которая повлечет значительный сдвиг экономических отношений не в сфере организации производства, а в сфере распределения национальных доходов между разными классами» * (т. е. рабочие будут немножко больше получать, а крестьяне будут немножко меньше облагаться налогами и т. д.).

* *Плеханов Г. В.* Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917—1918 гг.: В 2 т. Париж: Изд-во Поволоцкого и К°, 1921, т. 1, с. 26.
** Там же, т. 2, с. 246.
*** *Маслов П.* I. с., с. 143.

Так писали столпы меньшевизма, лучшие меньшевистские идеологи, еще в начале революции, давая характеристику этой революции как революции необходимо и неизбежно *буржуазной*.

Отсюда понятно, что по мере того, как все дальше и дальше шла развязка событий, как все прочнее и прочнее становилась власть большевиков, как все тверже и тверже чувствовал себя авангард пролетарской диктатуры, в конце концов должна была зазвучать — и, действительно, все настойчивее и настойчивее *стала* звучать — нотка о *неизбежности большевистского перерождения*.

Если сначала резче и громче звучала нота о неизбежной *неудаче, о гибели* большевиков, то во второй период, поскольку большевики уже закрепились у власти, все громче и громче зазвучало другое: большевики удерживаются, *но* большевики уже не те; большевики укрепляются, *но* они перерождаются под влиянием крестьянской стихии. Иначе и быть не могло: *кто признает буржуазный характер за нашей революцией, тот, естественно, до укрепления Советов должен был вопить о неизбежной неудаче пролетарского переворота, а после укрепления неизбежно должен был заговорить о перерождении*.

Эту нотку необыкновенно хорошо выразил *Далин* [12], один из видных меньшевиков вообще, один из *теоретиков* вымирающего меньшевизма — в частности. В своей книге «После войн и революций» он пишет: «Нужно понять смысл событий, нужно сорвать маскарадные одежды. Нужно смыть краски и белила; судить не по словам, а по делам; не по намерениям, а по итогам. Нужно понять объективный смысл революции» **. А этот «объективный» смысл революции вот в чем: «Та революция, которую переживает Россия вот уже пятый год (писано в 1922 году.— *Н. Б.*), с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией» ***. Ставится вопрос: «Почему таков итог коммунистической революции?» И дается ответ: *«Потому, что интересы крестьянства решали судьбу всей политики»* ****.

В этом же отношении интересна позиция уже цитировавшегося нами *Либера*, этого махрового правого меньшевика. Вот что писал Либер в той же брошюре, обобщая свои мысли о невозможности социализма в России: «...для нас, «непереучившихся»

* *Маслов П.* I. с., с. 142.
** *Далин Д.* После войн и революций. Берлин: Изд-во «Грани», 1922, с. 10.
*** Там же, с. 7.
**** Там же, с. 13.

ся» социалистов, не подлежит сомнению то, что социализм, прежде всего, может быть осуществлен в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития,— Германия, Англия и Америка — вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений (это в Америке-то «прежде всего» «есть основания для очень крупных победных социалистических движений»! — *Н. Б.*). Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов» *. Значит, большевизм это есть *народническая* теория, в борьбе с которой развивался русский марксизм. (Как тут не вспомнить «новейшие» упреки в «комнародничестве»!) Но и этого недостаточно нашему «мыслителю». Нужна еще более компрометирующая марка для представителей большевизма. Народников г. Либеру маловато. Поэтому он «углубляет» постановку вопроса и пишет: «Эта теория (большевистская теория.— *Н. Б.*) очень старая; корни ее — в *славянофильстве*» **.

Своеобразно, но в том же основном стиле решал вопрос о характере нашей революции *А. Богданов*. Большевики захватили власть, использовав слабость буржуазии после войны, которая (буржуазия) обанкротилась. Захват власти, осуществленный при помощи солдатчины, ни в какой мере не является началом социалистической революции; пролетариат еще не дозрел до социализма, а крестьян — большинство. Поэтому-то государство, которое создают большевики, отнюдь не есть государство пролетариата. Это государство технически-организаторского слоя, *интеллигенции*, которая сложилась теперь, как класс. Если даже в субъективные намерения большевиков и не входило создание *такой* власти, то *объективно* их роль сводится к строительству

* *Либер М. И.* 1. с., с. 16.

** Там же, 1. с., с. 17. Читатель видит, что г. *Либер* искажает большевистскую постановку вопроса, смешивая вопрос о том, кто раньше *«начал»*, с вопросом о высоте *типа* революции. Империалистический фронт был прорван у нас *раньше*, и пролетариат захватил власть *раньше*, что в значительной мере обусловливалось слабостью российской буржуазии. С другой стороны, *строить* нам *труднее* из-за технико-экономической отсталости страны. Все это не раз разъяснялось в большевистской литературе. Отметим также, что «новейшие» рассуждения о «национальной ограниченности» имели своих славных предшественников в рассуждениях Штребеля, Либера и К°. «Славянофильство» большевиков — это даже будет покрепче! Если г. *Либер* зачисляет большевиков в лово славянофилов, то г. *Чернов*[11] обвиняет нас в плагиировании идей т. н. «максималистов». «Русские народники-максималисты пророчески предвосхитили в своих фантазиях едва ли не все крупнейшие большевистские эксперименты» (*Чернов В.* Конструктивный социализм. Прага, т. 1, с. 162).

оригинального государства, во главе которого стоит новый класс, окончательно сконсолидировавшийся в огне революции. Подвергаясь чиновничьему, бюрократическому перерождению, выходцы из пролетариата сами превращаются в составные части этого нового класса. Объективная невозможность социализма и здесь сказала свое решающее слово, вопреки субъективным иллюзиям самих агентов революционного процесса.

Заслуживает быть отмеченным, что и *Базаров*, который не раз выступал литературным близнецом Богданова, не мог согласиться на признание социалистического характера нашей революции. В качестве социалистической наша революция выступает, по его словам, лишь в большевистских декларациях, в действительности же целая пропасть разделяет эти декларации и действительность, пропасть, на заваливание которой у пролетариата уйдет не одна сотенка лет *.

Такова в общем оценка нашей революции в том виде, как она дается русским оппортунистическим социализмом, в первую очередь *меньшевиками*. Она сводится к тому, что у нас *не созрели* капиталистические отношения; что в стране *соотношение сил* в высшей степени *неблагоприятно для пролетариата*; что характер русской революции *определяется крестьянством*; что тем или иным путем, *через* партию большевиков или *помимо* этой партии, по ее инициативе или *против* ее воли, с *сохранением* ее у власти и *перерождением или с ниспровержением* ее,— прокладывает себе дорогу *новый капитализм, опирающийся на крестьянское большинство нашего населения*. Такова социал-демократическая теория по вопросу о *характере нашей революции, или, что то же самое, о возможности построения социализма в нашей стране*.

Этим исчерпана критика большевизма по данному вопросу, исходящая из *небольшевистских рядов*. Очередь за критикой, идущей из тех групп и направлений, которые находятся *внутри* нашей партии.

Просмотр критиков этой последней категории целесообразнее всего начать с т. *Троцкого*, тем более, что критика Троцкого столь назойлива и криклива, что буквально у всех в зубах навязла. Здесь достаточно лишь напомнить два места, неоднократно приводившиеся в литературе, привести их с тем, чтобы сделать кое-какие сопоставления с критиками, только что разбиравшимися. Вот эти места из работ Троцкого: «Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во *враждебное столкновение* не только со всеми

* См.: *Базаров*, 1. с.

группировками буржуазии... *но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти.* Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение *только* в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т. е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» *.

Это первое место из работ Троцкого, относящихся к 1922 г. (!)

А вот второе место: «Без прямой *государственной поддержки* (курсив наш.— *Н. Б.*) европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. *В этом нельзя сомневаться ни минуты*» **. Если дать себе труд сравнить то, что говорит здесь т. *Троцкий*, с тем, что говорил социал-демократ *О. Бауэр*,— то невольно отмечается необычайная близость, если не сказать полное совпадение этих точек зрения. Если т. Троцкий в 1922 г. не отрицал в России наличия пролетарской диктатуры, то и для хитрого Бауэра эта диктатура — тоже факт. Но с другой стороны, если хитрый прелат социал-демократического папского престола осторожненько вводит маленькое ограничение: диктатура-то пролетарская, но весьма и весьма недолговечная, и прочность ее стоит в прямой зависимости от государственной помощи западного пролетариата,— то и трибун революции Троцкий ни на йоту не отступает от Бауэра: он тоже (очевидно, из боязни впасть в грех национальной ограниченности) не допускает и мысли, что без прямой государственной поддержки российский пролетариат *обеспечивает переход* своего временного господства в длительную социалистическую диктатуру.

Как ни хитри, как ни верти, а сходство, скромно выражаясь, бьет в нос. Позиция Троцкого в вопросе о возможности построения социализма в нашей стране (или — что то же самое — в вопросе о характере нашей революции) есть ни больше ни меньше, как русский перевод бауэровского социал-демократического варианта. Вот почему и оказался возможным тот факт, что в борьбе с ленинским ЦК русских большевиков т. Троцкий очутился в одной компании с приобретшим ныне печальную известность

* Предисловие к книге «1905 г.», 1922 г.

** *Троцкий Л.* Наша революция, цит. по кн. *Бухарина* «К вопросу о троцкизме» (Госиздат, 1925, с. 114).

ренегатом Коршем и его друзьями. Ведь сей почтенный муж, проповедью крестового похода на русскую революцию искупляющий свои грехи коммунистического падения, тоже узрел, осененный благодатью Каутского, буржуазно-крестьянский характер нашей революции и теперь вещает, что русские большевики взращивают ростки нового, американского типа, капитализма. Что же тут удивительного? Раз нет пролетарской государственной помощи с Запада, немудрено, что пролетарская диктатура начинает превращаться в «далеко не пролетарскую», немудрено, что она «сползает» с классовых рельс. Это ведь элементарно-простой вывод из бауэровско-троцкистских посылок...

Покончив на этом с Троцким, мы должны разобрать весьма своеобразный вариант «дружественной» критики ленинской точки зрения на характер нашей революции: мы имеем в виду критику Ленина со стороны тт. *Зиновьева, Каменева* и др. в период *Октябрьской революции;* своеобразие этой критики сказалось в том, что указанные товарищи противопоставляли Ленину не только свою теоретическую «линию», но выставили «по-дружески» и *политическую контрплатформу.* Но предварительно необходимо остановиться на критике ленинской точки зрения, которую (критику) давал *Каменев на Апрельской конференции 1917 г.* Это сделать совершенно необходимо, ибо апрельская позиция Каменева, выявленная особенно четко в его содокладе на Всероссийской конференции, является идейным истоком и теоретическим обоснованием всей дезертирской *октябрьской* линии названных товарищей.

На Апрельской конференции в докладе Ленина и содокладе Каменева [14] ставился вопрос о характере начавшейся революции, о тех классах, которые могут быть и являются ее движущими силами. Конференция, намечавшая линию поведения партии на ближайший период,— а период этот был периодом развертывания революции,— не могла не ответить на вопрос, какая же революция развертывается, только буржуазная или же перерастающая в социалистическую. И докладчик (Ленин) и содокладчик (Каменев) этот вопрос ставят и на него отвечают. При этом Ленин задачу будущего, и будущего ближайшего, будущего ближайших месяцев, видит в том, чтобы «сделать первые конкретные шаги к этому переходу» (т. е. переходу на рельсы социалистической революции). Для Каменева же думать, подобно Ленину, что «эта революция не буржуазно-демократическая, что она приближается к социалистической»,— думать так — значит впадать в *«величайшее заблуждение».* «Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок (между рабочим классом и мелкой буржуазией.— *Н. Б.*) *не мог бы существовать,* и перед ним никаких определенных задач не было

бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу *против* мелкобуржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы *совершенно невозможна*. И, однако, мы признаем... Советы как центры организации сил, следовательно, признаем, что есть задачи, которые могут быть выполнены союзом рабочих и крестьян. Значит, буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все вы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата. Вот тогда бы наступил момент *разрыва блока пролетариата с мелкой буржуазией* и самостоятельное осуществление самим пролетариатом своих пролетарских целей. Я думаю, что должна быть одна из двух тактик: или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может,— и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом; или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее,— и тогда мы в этом блоке участвуем и строим нашу тактику так, чтобы этот блок не разорвать. Поэтому я говорю, что пролетарская партия должна выделиться в этом блоке и наметить ясно и точно свои собственные, чисто социалистически интернациональные цели. Мы идем с блоком и еще можем сделать совместно с ним несколько шагов. Я хочу, чтобы пролетарская партия действительно поступила так» *.

Здесь попутно разрешается и другой вопрос (вернее, другая сторона той же проблемы), вопрос о роли *крестьянства в пролетарской революции*, вопрос о том, может ли еще крестьянство быть использовано в качестве силы, способной *помогать* революции. Точка зрения Каменева здесь тоже ясна: ни о какой пролетарской диктатуре, которая бы шла вместе с крестьянством, не может быть и речи; ни о какой диктатуре рабочего класса, где пролетариат занялся бы строительством социализма вместе с крестьянством, *руководя* этим последним, не может быть и речи. Каменеву, наоборот, момент взятия власти пролетариатом, момент, с которого пролетариат может приступить к фактическому строительству социализма, представляется именно моментом разрыва блока с крестьянством. Не союз с крестьянством, а *только* борьба, и борьба непримиримая — вот что мерещилось Каменеву в начале революции.

Само собой понятно, что этот теоретический анализ нашей революции, эта оценка ее движущих сил и соотношений между рабочим классом и крестьянством, это утверждение невозможности рабоче-крестьянского блока при пролетарской диктатуре и т. д.— целиком и полностью *определили позицию т. Каменева и его соратников в октябрьские дни*. Каменев, оказавшись в оппозиции Ленину и большинству ЦК в октябрьские дни, в качестве последовательного человека, делал практические выводы из своей теории, развивавшейся им, в противовес теории Ленина, на Апрельской конференции. Другие, шедшие с ним, с последовательностью или без оной, тоже ничего иного не делали, как выводили следствия из первой «дружеской» попытки теоретической ревизии ленинизма. Ведь в самом же деле, если взятие власти пролетариатом означает обязательное столкновение с крестьянством, то нельзя принимать участие в правительстве диктатуры пролетариата, нельзя звать пролетариат на восстание, ибо разгром его предусмотреть можно с астрономической точностью. Отсюда и письма против восстания, отсюда и выходы из ЦК и СНК [15].

Действительно, посмотрите, что составляет лейтмотив всех и всяческих документов, «обосновывавших» и «объяснявших» эти безобразные выходы и уходы, этот срыв партийной дисциплины, это бегство с поля битвы. Вот документ, подписанный, между прочим, и тов. Шляпниковым [16]. «Мы стоим,— говорится в нем,— на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий» (тогда под советскими партиями разумелись не те, которые стоят на «советской платформе», а те, которые тогда входили в состав Советов, т. е. большевики, меньшевики и с.-р.—*Н. Б.*). «Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: *сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора*. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к *отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью*, установлению *безответственного режима и к разгрому революции и страны*. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИКом звание народных комиссаров» *.

Вот коротенькая, но красноречивая цитата из длинного письма Зиновьева, Каменева и других: «Мы уходим из Центрального Комитета,— пишут они,— в момент победы, в момент господства

---

* Петроградская общегородская и Всероссийск. конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. Госиздат, 1925, с. 53

* Архив Революции 1917 г. Октябрьский переворот: Факты и документы / Сост. Попов, под ред. Н. Рожкова. Петроград: Изд-во «Новая эпоха», 1918, с. 408.

нашей партии, уходим, потому что мы не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата» *.

Само собой разумеется, что эти политические выводы взяты не с потолка; нет, они совершенно «правильно» сделаны, как следствия определенной точки зрения, характеризующей нашу революцию. В самом деле, раз у нас буржуазная революция еще далеко не закончена и еще не перерастает в социалистическую (а это потому, что пролетариат у нас слаб, а большинство населения страны — крестьянство — не может быть использовано в качестве силы, хотя бы только содействующей пролетарской революции), то, стало быть, и диктатура пролетариата — в данных условиях — задача неосуществимая, затея несбыточная и опасная. Конечно, можно *заставить* партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или немедленный разгром, или неминуемая гибель по истечении короткого срока ее господства. Иначе и быть не может: ведь даже и закрепившись у власти, она это положение сможет обеспечить не иначе, как голым насилием, штыком диктатуры, а позиция на штыке и непрочная, и малоудобная. Партия в таком положении не сможет предотвратить свой собственный отрыв от пролетариата, благодаря этому отрыву сузит круг революционных сил до своих собственных пределов, и, выявив, вопреки своим собственным желаниям, неразумность, бессмыслицу, недействительность своего шага, отдаст революцию на поток и разграбление.

Тут нелишне будет отметить, что среди этих первых выводов из теории *неверия* в возможность у нас социалистической революции, теории *недоверия* к силам нашего пролетариата и недооценки крестьянства, уже звучат нотки, которые потом из раза в раз будут повторяться при каждой вспышке оппозиционных настроений. Пролетариат слаб, помощи ждать неоткуда — не со стороны же деревни! — куда же думать о построении социализма?! Попытки этого построения обречены на неудачу,— они обязательно будут вырождаться в свою противоположность; упорство в их проведении приведет лишь к вырождению нового режима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии. Словом, доброго из попыток большевиков строить социализм «в одной стране» ничего не выйдет, а другого сколько хочешь: пожалуй, и до «азиатского окостенения», о котором говорил упоминавшийся немецкий буржуа, Шиман, дело может дойти!..

* Архив Революции 1917 г., с. 409.

Теперь позволительно сделать кое-какие выводы.

Прежде всего, сопоставление всех изложенных и разобранных выше точек зрения европейской социал-демократии, Богданова — Базарова, русских меньшевиков, Троцкого и Каменева — Зиновьева устанавливает *их полное совпадение в основном: в вопросе о характере русской революции, в вопросе о соотношении внутренних сил русской революции, в вопросе о зрелости экономической структуры России с точки зрения возможности определенных социалистических достижений*. В пределах этих вопросов можно говорить, нисколько не преувеличивая действительного сходства, о тождестве в основном всех этих перечисленных позиций. Само собой разумеется, что, указав на общность исходной позиции, мы не хотим тем самым указать и на одинаковость выводов, к которым приходили, отправляясь от нее, все перечисленные группировки. Нет, выводы делались разные: одни стали героями революции, другие бились против революции, третьи болтались позорно в ногах. Справедливость требует отметить, что выводы не совпадали даже в пределах одной и той же группировки. Так, например, Плеханов отходил от своих друзей, отказываясь, как теперь уже известно, от попыток расправы с пролетарской, хотя и «преждевременной», но все же пролетарской, революцией. Выводы были различны и в пределах другой группировки: Троцкий в октябрьские дни делал одни выводы, идя в передовых шеренгах бойцов, Каменев — Зиновьев — другие. *Троцкий* рассчитывал: хотя в силу внутренних причин гибель и неизбежна, но, может быть, вывезет государственная помощь западного пролетариата. Поэтому: *вперед! Каменев — Зиновьев* соображали: *именно* потому, что гибель неизбежна по внутреннему сочетанию сил, нечего идти так быстро вперед: *осади назад*.

Выводы, повторяем, различны, а теоретическая подоснова (в смысле оценки движущих сил революции, в смысле подхода к оценке рабоче-крестьянского блока, в смысле решения вопроса о сочетании сил и о возможности для маленького рабочего класса вести за собой громадную крестьянскую махину; в смысле решения вопроса о неизбежности конфликта между этими силами; в смысле решения вопроса о характере русской революции, т. е. о возможности социализма в нашей стране) — *подоснова всего этого у них одна и та же*. И эта «подоснова» настолько далека от *ленинской* постановки вопроса, что если и напоминает эту последнюю, то только по противоположности, но ни в коей мере не по сходству. Ленинская постановка вопроса о зрелости капитализма в России не так упрощенно-дубовата, как представляется многим умникам, критиковавшим Ленина. Ленин никогда не оспаривал утверждения, что материальных предпосылок для строительства социализма в России много, много меньше, чем в

Западной Европе или в Сев. Америке. Но с другой стороны, по его мнению, ни в одной стране нет такого положения, что после захвата власти коммунистами социализм сразу рождается готовым со всех решительно сторон. В каждой стране, даже в самой развитой, даже в С.-А. С. Ш., будет такое положение вещей, что пройдет довольно большой исторический этап до тех пор, пока организация хозяйства охватит целиком весь народнохозяйственный комплекс. Однако Ленин считал, что и в отсталом хозяйстве России существует островок, который может послужить для *начала* социалистических операций. Это тем более, что внутри страны мы имеем особое сочетание «пролетарской революции с крестьянской войной», сочетание, которое Марксом считалось за наиболее благоприятное условие пролетарской победы. Особые условия рождения революции из империалистской войны, особое сочетание сил внутри страны, наличность известной материальной базы как отправного пункта движения — все это по совокупности дает почву для систематического продвижения вперед на рельсах социалистической революции. Нужно лишь тщательно укреплять социалистический сектор хозяйства, превратив его в базу для своих операций, и тогда, пользуясь им, как командной высотой, планомерно и без излишней поспешности вести захват всей стихии хозяйства под социалистическое влияние.

После всего вышеизложенного нелишне будет поставить вопрос, какие должны быть сделаны выводы при последовательном применении этой точки зрения *неверия* в возможность построения социализма в наших условиях, точки зрения, *общей и* европейским социал-демократам, *и* Богданову — Базарову, *и* Троцкому, *и* Каменеву — Зиновьеву. Мимоходом мы уже касались этого; теперь необходимо подчеркнуть это еще более резко. Оказывается, что, будучи последовательно применяема, эта точка зрения неверия приводит к одному из двух возможных следующих положений: *если нет победоносной международной рабочей революции, то большевики гибнут либо в результате их низвержения, либо они гибнут в результате своего собственного перерождения.* Ничего другого быть не может. Потому что если нет *объективных предпосылок для социалистической революции*, если пролетарская диктатура, как пролетарская диктатура, *не может длительно существовать*, то она может сохранить в лучшем случае свою *форму*, меняя свое *содержание*, т. е. пролетарское государство должно становиться «далеко не пролетарским государством». Если в области социально-классовой у нас есть огромный перевес крестьянства и если столкновение с ним неизбежно, то тогда неизбежно должно получиться перерождение (*если* мы «сохраняемся») нашего государства, которое делает все больше и больше, под давлением крестьянства, уступок этому крестьянству,

идущему на поводу *зажиточных* слоев. Таким образом будет развиваться конкретная форма перерождения нашего государства, его *«окулачивание»*. Другими словами: *в тех оппортунистических предпосылках, которые были заложены еще летом 1917 г., целиком заключается идеология теперешней оппозиции, которая, исходя из факта нашего существования, толкует о тенденциях нашего перерождения.* Теоретическая установка оппозиции неизбежно влечет за собою такие выводы. Правда, эти выводы раньше оппозиционных коммунистов сделали *социал-демократы* — в этом отношении можно было бы произведения Каутского назвать vademecum * всесоюзной коммунистической оппозиции, т. е. спутником оппозиционного коммуниста. Но это обстоятельство лишь подчеркивает идейное отклонение нашей оппозиции от ленинизма. Если она говорит об «окулачивании», то *Бауэр* говорил то же самое гораздо раньше. Он и сейчас говорит, что в нашем хозяйстве есть много социалистических элементов; он считает и сейчас, что мы не совсем рабочая партия; он «только» полагает, что мы начинаем пахнуть крестьянским духом, и такова, по-видимому, наша неизбежная судьба. *Пауль Леви* [17] в предисловии к одной антиленинской брошюре тов. Розы Люксембург (брошюре, которую он издал вопреки воле покойной революционерки) пишет то же самое [18]. *Далин* пишет в своей книге, которую мы уже цитировали, что «субъективно» у нас была пролетарская революция, объективно же она есть не что иное, как буржуазная революция, ибо это революция — неизбежно крестьянская и т. д. и т. п. А другая теоретическая струя — Богданов и Базаров — разве это не теория нашего неизбежного бюрократического перерождения, теория, с которой так носится теперь объединенная оппозиция? Если социал-демократы подчеркивают в первую очередь *крестьянскую* сторону, то *Богданов* со всей решительностью подчеркивает *вторую* половинку процесса нашего «перерождения», а именно наше *бюрократическое* (технически-интеллигентская бюрократия, каста «организаторов») вырождение. В речах некоторых оппозиционеров в Коммунистической академии прозвучали нотки насчет «кавеньяков». Но и эта глупость не оригинальна: она была давным-давно «открыта» и Парвусом, и Каутским, и другими джентльменами, потому что эта компания не верит, что у нас возможна победоносная революция. А так как «проклятые большевики» не уходят со сцены, то остается одна возможность, одна надежда, одна светлая звезда: перерождение, бонапартизм, цезаризм и прочие «термидоры». *Теория перерождения стоит целиком на плечах социал-*

---

* Иди со мной *(лат.). Ред.*

демократических, богдановских, троцкистских, и каменево-зиновьево-октябрьских предпосылок...

После этого исторического введения можно заняться тем же вопросом, но в той его *особой постановке*, какую он получил в литературной дискуссии с оппозицией. Мы переходим к вопросу о «строительстве социализма в одной стране». Целесообразнее всего взять ту формулировку, которая дана т. Зиновьевым, так как эта формулировка может быть рассматриваема, как своего рода официоз нашей оппозиции.

Тов. Зиновьев ставит вопрос таким образом. Он говорит, что нужно различать две вещи, а именно: «1) обеспеченную *возможность* строить социализм — такая возможность строить социализм вполне, разумеется, *может* (!) мыслиться (!!) и в рамках одной страны и 2) окончательное построение и упрочение социализма» *.

Вот какова постановка вопроса. Тов. Зиновьев в первую очередь ссылается на цитату из Ленина. На X съезде Ленин говорил, что об окончательном успехе социалистической революции в России речь может идти «лишь при двух условиях»: 1) при условии поддержки со стороны революции в передовых странах и 2) при соглашении с *большинством* крестьянства [19].

Тов. Зиновьев приводит далее целый ряд цитат из Ленина, цитат, где Ленин утверждает, что *«окончательная победа социализма в одной стране невозможна»*.

Нет никакого сомнения в том, что у Ленина можно найти чрезвычайно много цитат, которые следует обобщенно формулировать как положение *о невозможности окончательной победы социализма в одной и именно нашей стране;* эта формулировка, в том ее понимании, которое противопоставляется нами зиновьевскому пониманию (о чем ниже), *абсолютно правильна*.

Прежде чем перейти к ее толкованию, нужно, однако, сказать, что цитатам, приводимым Зиновьевым, можно противопоставить ряд других цитат, в том числе и таких, которые приводятся точно так же и в книге т. Зиновьева. Мы приведем три следующих цитаты, которые, формально-логически рассуждая, как будто бы противоречат тому тезису, на который в первую очередь опирается т. Зиновьев. А именно у самого же т. Зиновьева, на с. 269 его книги, в связи с цитатой из Ленина о законе неравномерности капиталистического развития, приведено сдедующее рассуждение:

«Победивший пролетариат этой (вступившей на путь революции.— *Н. Б.*) страны, экспроприировав капиталистов и *организовав у себя социалистическое производство* **, встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные

* *Зиновьев Г.* Ленинизм. Л.: Госиздат, 1926, с. 26.
** Курсив Н. И. Бухарина. *Ред.*

классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» [20].

Самое интересное в этой цитате — это мысль Ленина, что пролетариат *не* только победит, но и *организует у себя социалистическое производство*. Значит, здесь т. Ленин говорит о возможности организации социалистического производства, т. е., если перевести это с иностранного на русский язык,— о возможности *построения социализма в одной стране*.

Приведем другую цитату из статьи «О кооперации». Здесь т. Ленин пишет, что у нас есть *«все необходимое для построения полного социалистического общества»* [21] *. И дальше: «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [22] **. Итак, не подлежит сомнению, что т. Ленин безусловно считает возможным построение *полного социалистического общества*, т. е. он считает возможными не только попытки строительства, но и *построение* социализма. Мы строим социализм и можем его достроить, потому что мы имеем «все необходимое и достаточное» для этого. Теперь попробуем сопоставить все, что говорится в этих цитатах. Итак, с одной стороны, говорится, что *окончательная победа социализма в одной нашей стране невозможна*, с другой — что мы можем организовать социалистическое производство и что мы имеем все необходимые условия для достижения *полностью* нового социалистического общественного строя. Как же *примирить* эти, по-видимому, противоречивые утверждения? И есть ли здесь противоречие у самого Ленина? Не стоял ли он в одном случае на *одной* точке зрения, в другом — на *другой?* Или здесь скрывается нечто, чего как раз и не понимает наша оппозиция? Если посмотреть на все выступления товарищей из оппозиции, всюду увидишь стремление опереться на *первый* ряд цитат,— они якобы подтверждают «теорию» оппозиции. Но те же самые оппозиционеры скрывают, не подвергая анализу, *другую* серию цитат, которую выдвигают против них сторонники Центрального Комитета. Где же найти ключ для разрешения всего этого? Этот ключ нужно искать у *самого Ленина*, и его можно найти чрезвычайно легко, если внимательно присмотреться к высказываниям Ленина, особенно к высказываниям, содержащимся в последних работах Ленина. Нам думается, этот ключ для решения задачи можно найти в следующей цитате, взятой из той же статьи «О кооперации».

Ленин пишет здесь: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, *если бы не международные*

* *Ленин.* Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, с. 140.
** Там же.

отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» [23] *.

Эта самая цитата и говорит о том, *как* нужно толковать ряд положений Ленина относительно того, что окончательная победа социализма в одной стране (в нашей стране.— *Н. Б.*) невозможна. Его мысль сводится к следующему. Если мы будем исходить из сочетания сил *внутри нашей страны, то, несмотря* на отсталость нашей страны, несмотря на огромные трудности, определяемые этой отсталостью, мы имеем все необходимое и все достаточное для построения социализма, мы можем строить и можем *построить* социалистическое общество. Эта ленинская позиция есть позиция, совершенно противоположная позиции социал-демократов; это есть позиция, совершенно отличная от позиции т. Троцкого; это есть позиция, в корне иная, чем позиция тех «оттенков», «течений» и «групп», которые считают, что (так как у нас огромное большинство населения составляет крестьянство) при таком сочетании общественных сил мы неизбежно осуждены на гибель или вырождение. Это есть *отрицание такой позиции по всему фронту*. Тезис Владимира Ильича относительно возможности построить полный социализм есть в то же время ответ на вопрос о *характере русской революции*. Это есть ответ на вопрос о том, можно ли или нельзя, по *внутренним* причинам, строить и построить социализм, и ответ этот есть ответ положительный. Но этот ответ еще *не весь* ответ: рядом с этим Владимир Ильич говорит: но ведь мы не живем *одни* на белом свете; кроме внутреннего сочетания сил в нашей стране, есть еще *международная обстановка*; эта обстановка чревата разными опасностями; она грозит целым рядом этих опасностей: войн, интервенций, блокад и т. д.; она связана с международным нашим долгом развивать международную революцию дальше. У нас нет поэтому в кармане гарантии, что в *действительности* мы достроим без помощи западноевропейского пролетариата социализм, что мы доведем революцию до конца, т. е. дойдем до полного социалистического общества. Итак, когда Ленин говорит о том, что *окончательная победа социализма невозможна в одной стране*, он этим хочет сказать: не позабывайте, что у вас есть еще *международное окружение*; не скулите по поводу того, что не можете строить социализма благодаря нашей технико-экономической отсталости, ибо все же у нас есть все для построения социализма; но не позабывайте, что вы не живете одни на свете, не позабывайте, что вы находитесь в международном окружении, что с *этой* стороны против вас расположены *огромные силы международного капитализма*. Именно эта мысль и выражена в той цитате, которую мы при-

* *Ленин.* Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, с. 144—145. Подчеркнуто нами.

вели, мысль, которую приводит бесконечное количество раз т. Зиновьев в разных вариантах. Если просмотреть все выдержки из Ленина (в том числе и приводимые тов. Зиновьевым в его «Ленинизме») *против* «окончательной победы социализма в одной стране», то можно без труда увидеть, что речь идет *именно* о внешних опасностях. Между тем тов. *Зиновьев* запутывает вопрос, смешивая в одну кучу внутренние и внешние опасности. В этом отношении чрезвычайно любопытно следующее. На с. 278 своей работы тов. Зиновьев пишет:

«Никто, надеемся, не упрекнет в пессимизме такую книгу, как «Азбука Коммунизма» [24]. Эта книга писалась тогда, когда революция наша шла триумфальным шагом от победы к победе. В ней мы читаем:

«Коммунистическая революция может победить только, как *мировая* революция... При таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень затруднено *экономическое* (везде подчеркнутое — в подлиннике) строительство, организация хозяйства... Если для победы коммунизма необходима победа *мировой* революции и *взаимная поддержка* рабочими друг друга, то это значит, что необходимым условием победы является интернациональная (международная) солидарность рабочего класса».

Это не «пессимизм», это — просто — *азбука коммунизма* (без кавычек).

Таким образом, тов. Зиновьев в простоте душевной полагает, что он может прикрыться азбукой коммунизма. Увы! В действительности эта азбука (равно как и «Азбука») говорят целиком *против* него.

Прежде всего посмотрим, *где* тов. Зиновьев поставил многоточие. Он его поставил *два раза*. Заглянем, что же стоит в «Азбуке» на этих местах? А вот что. Вслед за положением, что коммунистическая революция может победить лишь как мировая революция, идет следующее *выпущенное* тов. Зиновьевым место:

«Если бы получилось так, что в одной какой-нибудь стране рабочий класс стал у власти, а в других странах он был не за страх, а за совесть предан капиталу, то в конце концов эту страну крупные разбойничьи государства задушили бы. В 1917, 1918 и 1919 гг. все державы душили Советскую Россию; в 1919 г. они задушили Советскую Венгрию. Но задушить Советскую Россию они не могли потому, что внутреннее положение у самих великих держав было такое, что приходилось думать, как бы не слететь самим под напором собственных рабочих, которые требовали вывода войск из России. Значит, во-первых, самое существование пролетарской диктатуры в одной стране поставлено под угрозу, если нет поддержки от рабочих других стран. Во-вторых (далее следует приведенное Зиновьевым место о *затруднительности* —

а не о невозможности, т. Зиновьев! — экономического строительства).

За сим *второй* пропуск у Зиновьева. Восстанавливаем и *это* место. Оно объясняет *причину* затруднений: «Такая страна,— читаем мы в «Азбуке»,— ничего или почти ничего не получает из-за границы: ее *блокируют* со всех сторон».

Недурно цитирует т. Зиновьев! Удачно ставит многоточия, *как раз там*, где это ему нужно, где это идет на потребу оппозиции! Дополним азбучные цитаты еще одной. В § 45 «Азбуки» идет речь о мелкобуржуазном характере страны, о собственнических инстинктах крестьянства, об остатках этих инстинктов даже у части рабочих. Какой вывод делает «Азбука»? 1) Дело строительства коммунизма в России «есть дело величайшей трудности»; 2) различные помехи внутреннего характера «затрудняют осуществление наших задач, *отнюдь, однако, не делая невозможным такое осуществление*». Это совсем, совсем не по Зиновьеву. Это — *по Ленину*.

Итак, т. Зиновьев *превратно* толкует Ленина и уж совершенно зря ссылается на азбуку коммунизма. Напрасно т. Зиновьев *запутывает* вопрос. Было бы бессмысленным вести спор о том, есть ли у нас гарантии построения социализма при любом возможном международном положении, при наличии, скажем, интервенции со стороны капиталистических стран. Ясно, что *единственной* гарантией от внешних опасностей является *международная революция*.

По этому вопросу у нас *нет никакого спора*. *Не об этом* идет спор, *не здесь* пролегает та линия, которая отгораживает систему взглядов нашего Центрального Комитета от той системы взглядов, которую защищает оппозиция. Спор идет о том, сможем ли мы строить социализм и *построить* его, *если мы отвлекаемся от международных дел*, т. е. спор идет о *характере нашей революции*. Можем ли мы сказать вместе с Лениным, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не наши международные обязанности и т. д.? Или наша отсталость обязательно должна потянуть нас на дно? Так стоит вопрос. Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует *история* расхождений с теперешней оппозицией. Впервые разногласия наметились у нас по этому вопросу на одном из заседаний Политбюро, где т. Каменев, а отчасти и т. Зиновьев сказали, что нам не одолеть задачи строительства социализма, потому, что у нас *технико-экономическая база отсталая* *. Об *этом* мы говорили и на XIV съезде. Следовательно,

* Теперь и тов. *Смилга* [25] петушком бежит за тов. Каменевым, считая за «центральный пункт марксизма и ленинизма» положение, что в «одной технически отсталой стране социализм построить невозможно». Тов. *Смилга* делает ударение именно на *отсталости* и из этой *отсталости* заключает о *невозможности*

вопрос не стоит так просто, как это представляется с первого взгляда, и мы обязаны различать его правильную постановку от неправильной. Можно, конечно, спросить: *почему* необходимы такие тонкости, для *чего* нам нужно, с одной стороны, ставить вопрос относительно возможности борьбы с капиталистическим миром, с капиталистическими интервенциями, войнами и т. д., а с другой стороны, от этого вопроса *отделять* вопрос о внутреннем сочетании наших сил, когда в действительной жизни одно и другое марширует вместе и *реально* одно от другого неотделимо? В ответ на это следует привести ряд очень веских и очень убедительных аргументов. В самом деле, если нам предстоит пережить известную полосу мирного развития, скажем, в течение нескольких лет, то при такой постановке вопроса, которая говорит, что мы не можем построить социализм в нашей стране в силу нашей *технико-экономической отсталости*, в силу того, что у нас *крестьянство* слишком велико, мы неизбежно *должны двигаться весь этот мирный промежуток времени на оси перерождения*. Если ответить отрицательно на вопрос, который *положительно* решался Лениным, когда он анализировал *внутренние* силы нашего развития,— то тем самым нужно брать под сомнение все решительно: социалистический характер наших государственных предприятий, социалистический характер нашей диктатуры, социалистический характер динамики нашего экономического развития и социалистический характер динамики нашего государства. Ибо, если мы отрицательно отвечаем на вопрос о возможности построить социализм ввиду внутреннего сочетания классовых сил в нашей стране, то *развитие производительных сил в нашей стране обязательно будет совпадать с таким его развитием, которое, в большей или меньшей степени, дает перевес капиталистическим элементам*. Это будет «обеспечивать» такой характер развития, который наверняка будет перемещать центр тяжести в сторону крестьянства *против* рабочего класса. Это будет сопровождаться обязательно *такой* перегруппировкой людей в системе нашего государственного аппарата, при которой можно выйти на трибуну и сказать, что *сверху* мы превращаемся в бюрократию, отрывающуюся от рабочей массы, а *нижние* этажи нашего государственного аппарата затопляются кулацкими элементами. Т. е. вся «позиция оппозиции», которая намечается теперь, позиция, которая атакует партию по линии доказательства нашего перерождения, вытекает из того, что товарищи подвергают сомнению те

построения социализма. Речь идет не о трудности, а именно о *невозможности*. Воистину — «ленинизм»! (см. стеногр. отчеты о прениях в Комакадемии; см. также статью тов. *Слепкова* [26] «Противоречия в экономической платформе оппозиции», «Правда» № 232).

места из Ленина, где он прямо говорит, что у нас есть *все необходимое и достаточное для построения социалистического общества*.

Из этого же расчленения вопроса вытекает и действительно революционно-марксистская, действительно интернациональная постановка вопроса.

Если люди говорят о международной революции при каждом удобном и неудобном случае, то не всегда это выражает максимум революционности. Может быть такая постановка вопроса о *международности* революции, которая прямо противоречит революционной точке зрения. Вот, например, у того же *Либера* есть одно очень ехидное место, которое поясняет, чем отличается пролетарская революция от буржуазной. Перечисляя особые черты пролетарской революции, т. Либер пишет: «Наконец, еще одна характерная черта социалистической революции — это ее *международный характер* (подумайте только, «международный характер»! — *Н. Б.*). Социалистический строй приходит на смену капитализму. Отличительной чертой капиталистического строя является то, что он создает мировое хозяйство... *Поэтому* немыслимо представить себе осуществление социализма в одной какой-нибудь части этого хозяйства без того, чтобы *все* мировое хозяйство не было задето. Социалистическая революция мыслима лишь как революция международная, и, следовательно, она предполагает известное состояние не только в одной, двух, трех, четырех, пяти странах, *в большинстве промышленно-развитых стран*, ибо иначе произошло бы неизбежное столкновение между теми странами, которые не подготовлены к социализму, и теми, которые уже созрели для этого».

Ясно, *какая* здесь международность и как она здесь обосновывается. Вот она: «Не делай революции, не строй социализма, ибо придешь в столкновение с другими странами». Революция международная здесь представляется как известный однократный акт; будто бы сразу пролетариаты всех стран выходят на историческую арену и кричат: «Да здравствует революция!», и в два счета социализм подается им на блюде. Практически — политический смысл такого заклинания мировой революции заключается в морали: «Не иди вперед, не свершай революции в одной стране, потому что ты все равно не победишь», или, переводя на более современный язык: «Куда тебе одному в городе Глупове, на одной улице дерзать построить социализм. Зачем ты стоишь на такой национально-ограниченной точке зрения?» «Начнешь революцию в одной стране, перестанешь быть настоящим интернационалистом»,— поучает нас Либер.

Такой «интернационализм» — оборотная сторона социал-предательства.

Еще раз повторяем. Спор идет о *внутренних силах, а не об опасностях, связанных с заграницей. Спор идет, следовательно, о характере нашей революции.*

Когда мы говорим о построении социализма в одной стране, мы под этой «одной страной» имеем в виду именно *нашу* страну. Мы не можем сказать, что в *любой* стране может быть построен социализм. Если бы, скажем, перед нами была какая-нибудь *совершенно* отсталая страна, без того минимума материальных предпосылок строительства социализма, которые есть у нас, то мы наших выводов сделать бы *не* могли. Значит, речь идет относительно *нашей* страны, со всеми ее характерными особенностями, с ее техникой, экономикой, с ее социально-классовыми соотношениями, с ее пролетариатом, с ее крестьянством, с определенным соотношением между этим пролетариатом и крестьянством. *Так* нужно ставить вопрос и в *такой* постановке вопрос о возможности построения социализма в нашей стране — это и есть вопрос о характере нашей революции. Раз наша революция предполагает все же такое соотношение, при котором *строительство* социализма возможно, раз мы имеем «все необходимое и достаточное» для *построения* социализма, то, стало быть, в самом *процессе* этого социалистического строительства нигде нет такого момента, начиная от которого это строительство стало бы *невозможным*. Если мы имеем внутри нашей страны такое сочетание сил, что по отношению к каждому прошлому году идем с *перевесом социалистического сектора* нашего хозяйства, и обобществленные секторы нашего хозяйства растут быстрее, чем частнокапиталистические, то в каждый будущий год мы выступаем с *перевесом* сил. Если рассчитывать «в среднем», отвлекаясь от целого ряда возможных зигзагов и всяких случайностей, которые взаимно уравновешиваются, то в общем мы будем иметь *восходящую* линию развития. Совершенно непонятно, откуда может *изнутри* страны вылезти такая сила, которая сделает невозможным *дальнейшее* социалистическое строительство. Но так как реально жизнь протекает не на одной территории Советского Союза, так как пролетарская диктатура не находится на некоем изолированном острове, а занимает одну шестую часть света, находясь в окружении капиталистических пяти шестых, то возникает целый ряд опасностей международного характера. Если поставить вопрос, есть ли абсолютная гарантия против возможных интервенций, то должно сказать, что такой гарантии *у нас нет*. А так как в реальной жизни все находится во взаимной связи, одно влияет на другое, то, конечно, прав Ленин, когда он говорит, что окончательная победа социализма в одной нашей стране в условиях капиталистического окружения невозможна. Но когда тов. Зиновьев, Каменев, Смилга и др. эту мысль «сводят» к тому,

что невозможно дойти до полного социалистического общества из-за *нашей технической отсталости*, то это будет неправильно и против *этого* нужно изо всех сил бороться. Против такого толкования нужно бороться именно потому, что иначе нельзя защищать ту линию, которая была намечена у т. Ленина. Всякие смешки насчет социализма «на одной улице», «в Пошехонье», в «Глупове» должны претить настоящему революционеру. Люди думают, что эти гнилые шутки весьма остроумны. А не соображают, что они просто *жалки*, ибо повторяют остроты Каутского о «социализме в Туркестане», остроты Гильфердинга [27] о «социализме Бухарских мулл» и т. д. Это вздор, будто под этими социал-демократическими шутками скрывается революционный интернационализм. Здесь налицо простое дезертирство с поста в тот момент, когда трудно.

Сейчас на нас нахлынули *новые трудности*, связанные с нашей технико-экономической отсталостью, связанные с тем, что мы должны выискивать средства для наших капитальных затрат, связанные, наконец, с темпом развития, более медленным, чем тот темп, который был бы возможен при победоносной пролетарской революции в Европе. Конечно, эта победоносная революция радикально изменила бы положение вещей; темп индустриализации нашей страны через определенный промежуток времени чрезвычайно ускорился бы; мы должны были бы *иначе* реорганизовать наши производительные силы; мы получили бы *другое* соотношение между городом и деревней; мы *гораздо быстрее* смогли бы вовлекать в орбиту влияния индустрии наше отсталое земледелие. В общем, темп получился бы гораздо более быстрый. Сейчас мы идем гораздо более медленным темпом. Но этот *сравнительно* (сравнительно с темпом объединенного социалистического европейского хозяйства) медленный темп не есть отрицание возможности построить социализм в нашей стране. Этот темп выражает лишь относительно огромную трудность нашей строительной работы.

Так нужно решать вопрос относительно возможности построения социализма в одной стране. Для того чтобы привести этот вопрос в связь с некоторыми еще более общими вопросами, мы позволим себе напомнить вот о чем. Еще в полемике 1923 г. мы говорили: если тов. Троцкий прав, и наша страна без *государственной* помощи западноевропейского пролетариата не в состоянии будет сохранить пролетарскую диктатуру, из-за столкновений с крестьянством, то это обязывает к *очень* большим выводам. Ведь если мы распространим пролетарскую революцию на *весь мир*, то мы получим примерно такое же соотношение между пролетариатом и крестьянством, какое мы имеем в Советском Союзе. Ибо, когда пролетариат возьмет власть в Англии, то

ему придется иметь дело с Индией и др. бывшими английскими колониями. Если пролетариат возьмет власть во Франции, ему придется иметь дело с Африкой. Если пролетариат возьмет власть во *всем мире*, ему придется иметь дело со всеми другими крестьянскими странами. *Мировому* пролетариату *придется* решать проблему, как *ужиться с мировым* крестьянством. А если здесь имеется такое же примерно соотношение, как и в Советском Союзе, то, сделав соответствующие выводы из теории неизбежной гибели без помощи извне, volens-nolens * придешь к *куновской* постановке вопроса, которая гласит, что мир «не дозрел» до социалистического переворота. Имеется колоссальное количество крестьян, которые — по Троцкому — «неизбежно» придут в конфликт с пролетариатом. Так как в одном Китае их имеется 400 млн, то «неизбежно» революция обречена на гибель: ведь «государственной помощи» *извне* получить будет совершенно неоткуда. Вот куда ведет теория оппозиции. Если таких выводов не делают, то это происходит только потому, что не додумывают вопроса до конца, останавливаются на полдороге; когда говорят об Англии, то видят Лондон, Манчестер и забывают о других частях света, которые в настоящее время привязаны к Англии, с полупрезрением проходят мимо колоссального количества колониальных и полуколониальных народов и этим проявляют свой рафинированный «европейский» «марксизм».

Таким же образом выясняется, что вопрос относительно характера нашей революции, ее движущих сил и проч. имеет глубочайшее практическое *мировое* значение.

Итоги всего сказанного могут быть формулированы следующим образом:

Идейными истоками оппозиции являются, несомненно, *социал-демократические* тенденции. Это, конечно, не следует понимать грубо и упрощенно. Вожди оппозиции, конечно, не меньшевики; но тенденции, которые растут в сторону меньшевизма, у них *есть*. Они подают «пальчик» меньшевистскому черту,— это не подлежит решительно никакому сомнению. Из их идейной установки вытекает какая-то неисправимая потребность пророчествовать о нашей гибели. Предрекала эту гибель, как известно, в *октябрьские дни* группа Каменева — Зиновьева — Шляпникова — составная часть оппозиционного блока. За это их позиция была названа Лениным «крикливым пессимизмом» [28]. Предрекали эту гибель *весною 1921 года* (особенно тов. Троцкий). Предрекали эту гибель *осенью 1923 года* (известная декларация «46-ти») [29]. Предрекают эту гибель *теперь*, выступая сомкнутыми рядами

* Хочешь — не хочешь *(лат.). Ред.*

против партии. Все эти «пророчества», которые последовательно терпят крах за крахом, упираются в неверную теорию, которая, по сути дела, есть теория, отрицающая *объективно-социалистический характер нашей революции.*

Печатается по книге: Бухарин Н. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1926

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ НА ПОРОГЕ XV ПАРТСЪЕЗДА

Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б)

26 октября 1927 г.

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЕ ИТОГИ К XV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

ВОПРОС ВСЕХ ВОПРОСОВ — ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Товарищи!

Объединенный пленум ЦК и ЦКК, который только что закончил свою работу, был последним Пленумом [1] перед очередным, XV съездом [2] нашей партии. Совершенно естественно поэтому, что данный Пленум ставил своей задачей известное подытоживание той политики, которую ЦК нашей партии вел за 2 года, прошедшие со времени XIV партсъезда. Учет опыта, который партия получила в этот период, проверка результатов той политической линии, которую наметил последний XIV партсъезд, должны были быть неизбежно первоочередными задачами работ только что закончившегося Пленума. Это с одной стороны. С другой стороны, совершенно очевидно, что в результате этого учета опыта и в результате изменившегося положения в стране, изменившегося соотношения классов, Пленум ЦК должен был наметить политическую линию на предстоящий период времени.

Вы все отлично знаете, что главнейшим вопросом нашей политики, и особенно за последнее время, был вопрос, который в конечном счете упирается в проблему *отношений между городом и деревней.* Ясно также, что в будущем этот вопрос — о соотношении между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством — будет играть громаднейшую роль, потому что в нашей стране с ее отсталым экономическим укладом преобразовательная работа рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии — заключается в переделке двух десятков миллионов индивидуальных крестьянских дворов. Эта задача может быть решена только на протяжении значительного промежутка времени, она укладывается не в рамки отдельных лет, а в рамки нескольких десятилетий. Вопрос о соотношении города и деревни, об отношениях между рабочим классом и крестьянством, вопрос об

отношении нашей партии к различным слоям крестьянства, как вы помните, стоял в центре дискуссии, непосредственно предшествовавшей XIV партсъезду, а также и в центре обсуждения на самом XIV партсъезде, наконец, в центре политического внимания всей нашей партии и в последующий период.

СВОЕОБРАЗИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФОРМ И СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВ К XIV ПАРТСЪЕЗДУ

Нам, товарищи, нужно прежде всего вспомнить, какова была два года тому назад общая обстановка в нашей стране как по линии соотношения между различными хозяйственными формами, так и по линии соотношения между основными классами.

Мы подходили тогда только к *концу восстановительного периода нашей промышленности*. Командные высоты, ведущее начало общей экономики страны — наша социалистическая индустрия — и другие командные высоты подходили к довоенному уровню, но не подошли еще к нему целиком.

В области сельского хозяйства мы имели такое положение в стране, когда значительная часть земель была еще не обработана, когда величина посевной площади отставала от довоенной нормы, и у нас образовался фонд пустующих земель.

Нужно отметить, что среди середняцкой массы, основной массы нашего крестьянства, не было еще уверенности в том, что при Советской власти можно твердым шагом идти в сторону улучшения своего индивидуального хозяйства; в то же время не было еще достаточного стимула, чтобы переходить на сторону хозяйства кооперированного. Вы все отлично помните, что это обстоятельство упиралось в *остатки военно-коммунистических традиций* в деревне, традиций времен продразверстки, оно упиралось в целый ряд затруднений, которые стояли на пути к тому, чтобы хозяйство крестьянина-середняка поднималось и шло с точки зрения хозяйственной вперед. У середняка-крестьянина не было уверенности в том, что его, поскольку он мало-мальски начнет подниматься кверху, не начнут «рассереднячивать» по примеру раскулачивания, и это сознание среди широких масс середняцкого крестьянства было одним из крупнейших тормозов хозяйственного подъема в области нашей сельскохозяйственной продукции.

С другой стороны, мы все отлично помним, что в то время у нас отсутствовали необходимая мера и необходимая степень *революционной законности в деревне*. Крестьянство должно было переходить и переходило к более ускоренному темпу в развитии своего производства, оно требовало более точных, твердых и упорядоченных форм революционной законности. А у нас оставались еще старые хвосты от предыдущего периода, когда налоговые ставки довольно произвольно менялись в течение года, когда не было твердой регламентации отношений, касающихся крестьянского хозяйства вообще, касающихся налоговых ставок в частности. Крестьянство, более чем когда бы то ни было, было заинтересовано в том, чтобы заранее знать, сколько с него возьмут, за что возьмут, какие объекты будут облагаться налогом, какие нет и т. д.

И, наконец, это было время, когда у нас остались «военно-коммунистические» хвосты по линии слишком *большого нажима нашего административного аппарата*, в деревне сильны были остатки методов принуждения, ставших, в известной мере, уже излишними на пороге нового хозяйственного периода.

Следовательно, первым фактом, характеризующим тогдашнее положение вещей, был *подъем нашей индустрии*, не дошедшей, однако, еще до уровня довоенной нормы.

Вторым крупнейшим фактом были те черты в области отношения к нашему крестьянству, в первую очередь к его середняцкой массе, как по хозяйственной линии, так и по линии политической, о которых я только что говорил.

И, наконец, в-третьих, тогда у нас было такое положение, что с точки зрения наших материальных ресурсов и некоторых организационных предпосылок мы не в состоянии были оказывать сколько бы то ни было существенную помощь деревенской бедноте по сравнению с потребностями, имевшимися уже тогда.

ЦЕНТР ВСЕХ ВОПРОСОВ — В СМЫЧКЕ С СЕРЕДНЯКОМ

И вот на фоне этой обстановки у нас складывалось такое положение, что среди основной середняцкой массы крестьянства мы могли с полной несомненностью констатировать довольно широкое *недовольство*, которое выражалось в целом ряде, иногда довольно острых, политических фактов. Вы помните, товарищи, ту полосу убийств селькоров, отчасти и рабкоров, шедших в деревню, полосу, которая была характерна для того времени. Вы помните и целый ряд политических убийств членов ВИКов * и других работников деревни. Не подлежит никакому сомнению, что этот факт прямо и косвенно выражал собою то обстоятельство, что отдельные середняцкие слои шли за кулаком, *политически шли за кулаком*, подчинялись различным инспирациям и внушениям со стороны кулацких слоев. Кулаки

* Волостные исполнительные комитеты. *Ред.*

диктовали свою волю известным слоям середняцкого крестьянства, которые были недовольны или роптали по поводу сложившегося положения.

Итоги выборов в сельсоветы давали нам два года тому назад такую картину, которая точно так же указывала на известный кризис в отношениях между рабочим классом и середняцким крестьянством. Нередки были случаи, когда основная масса середняков в отдельных районах шла на поводу у кулака, когда даже известные слои деревенской бедноты не были достаточно противопоставлены кулацкому влиянию и шли иногда вместе с некоторыми середняцкими элементами на поводу у кулацких элементов деревни.

В то время среди середняцких слоев крестьянства в отдельных районах стала крепнуть идея самостоятельных «крестьянских союзов» в качестве политической партии крестьянства, противопоставлявшейся господствующей в нашей стране Коммунистической партии революционного рабочего класса. И, наконец, несколько ранее этого был целый ряд волнений среди крестьянства, наиболее характерным среди которых было так называемое восстание в Грузии [3]. Все эти факты укладываются в одну формулу. Все эти факты в первую очередь выражали собою *колебания середняцких масс крестьянства*; они выражали собою известный кризис в соотношении между рабочим классом и крестьянством. Они знаменовали собой довольно значительную угрозу пролетарской диктатуре, ибо стало уже всеобщей и всеми разделяемой в нашей среде мыслью, что главное для нас, для партии рабочего класса, это — удержание блока, удержание союза между рабочим классом, идущим под руководством нашей партии, и середняцкой массой крестьянства, *опираясь в первую очередь на наиболее близкие, наиболее родственные рабочему классу слои полупролетарских бедняцких крестьянских масс*.

Итак, два года тому назад, ко времени XIV партийной конференции и XIV партийного съезда, центральным вопросом был вопрос *о необходимости укрепления союза с середняком*.

Вот почему вопрос об отношениях между рабочим классом и крестьянством не мог не стать в центре общепартийного внимания. Вот почему основной политической линией, основной политической установкой со стороны нашей партии не могла не быть линия и установка на ряд мероприятий, которые помогли бы укрепить эти отношения. Вот почему наша партия не могла не решать и не ставить того вопроса, который, повторяю, был вопросом *центральным*, — вопроса о соотношении между рабочим классом и крестьянином-середняком.

ОППОЗИЦИЯ ПОСКОЛЬЗНУЛАСЬ НА ВОПРОСЕ О СОЮЗЕ С СЕРЕДНЯКОМ

Оппозиция, представленная в первую очередь, еще ранее, троцкистами, а потом так называемой «новой оппозицией», крупнейшим методом разрешения этого вопроса выставляла, с одной стороны, атаку на кулака, а, с другой стороны, так называемый метод *«сверхиндустриализации»*, — так он был назван впоследствии в наших партийных дискуссиях и в партийной литературе. Этот метод «сверхиндустриализации», по сути дела, покоится на следующем, довольно примитивном, расчете: нужно достигнуть смычки с середняком; пожалуй, это и правда, но для того, чтобы достигнуть этой смычки, нужно сократить товарный голод; для того, чтобы сократить товарный голод, нужно гораздо более быстрым темпом расширять нашу индустрию, для этого нужно возможно больше взять с того же самого крестьянства. При таком положении вещей, когда соотношение между рабочим классом и крестьянством и без того было острым, лозунг — еще сильнее нажать на крестьянство — был в высокой степени непригодным. Поэтому партия отвергла этот метод решения вопроса (я не буду говорить о целом ряде вещей, которые из этого лозунга вытекали, потому что они были достаточно освещены в предыдущих наших дискуссиях перед XIV съездом), — партия отвергла этот метод решения вопроса и взяла другой курс. Этот курс был запечатлен с большой ясностью в резолюциях нашего XIV съезда. Он состоял в следующем: 1) генеральная линия — *индустриализация страны*, т. е. развертывание нашей индустрии при возможно большей независимости от мирового рынка, но с возможно большим использованием этого мирового рынка; 2) расширение нашей промышленной базы, но таким путем, чтобы это расширение *исключало налоговое переобложение крестьянства*, чтобы оно предполагало не высокие цены, как предлагали уже тогда троцкистские оппозиционеры, а, наоборот, вело бы к *понижению цен*; 3) наш партийный съезд взял решительную линию на *укрепление союза с середняком* не только путем сравнительно более мягкой налоговой политики по отношению к середняцкой массе крестьянства и не только путем политики дешевых цен на продукты промышленного производства, но также путем ряда мер, направленных на развязывание товарности середняцкого хозяйства, целого ряда мер, направленных к тому, чтобы рассеять боязнь середняка вести свое хозяйство вперед. Мы взяли твердый курс на ликвидацию различных военно-коммунистических «хвостиков», курс на устранение причин, мешавших вовлечению в хозяйственный оборот пустующих земель, т. е. не в смысле возрождения купли и продажи земли, — у нас купли и продажи

потому что это был термин, обозначавший учение ревизионистов, эпигонов марксизма, или, если хотите, изменников марксизма, которые создали целую теоретическую конструкцию о том, что революция не необходима, что она вовсе не вытекает из объективного хода исторического развития и что рабочему классу можно прекрасно обойтись без революции, потому что органическим путем, без катастроф, в силу внутренне присущих самому капиталистическому развитию условий, капитализм переходит в такие формы, которые соответствуют социалистическим; пролетариат постепенно развивает свои щупальцы в разных направлениях, и в области экономической жизни, и в области государственного администрирования, и, таким образом, в конечном счете рабочий класс займет свои стратегические позиции и в государственном аппарате, и в области экономического аппарата, без революции, без диктатуры пролетариата.

Это учение всем вам хорошо известно, оно обозначалось ярлычком: «врастание в социализм». Но, товарищи, *после* диктатуры пролетариата ведь *начинается* органический период развития. Если вы уже имеете завоеванную рабочую диктатуру, то совершенно ясно, что меняется вся постановка вопроса, радикально меняется, как меняется постановка многих других вопросов. И вот когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собой разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну), то ответ гласит: внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе идти. Т. е., другими словами: *после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное врастание в социализм*. В. И. этого точно не формулировал. Но можно привести бесконечное количество мест из Сочинений В. И. для того, чтобы иллюстрировать эту мысль. Особенно в своих последних статьях, например в статье, где речь идет о кооперации, он прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь, в текущий период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа. Этой формулировкой он говорит то же самое, что я сейчас только что сказал; само собой разумеется, однако, что это положение нужно разработать по ряду направлений, ибо здесь вопросов бесконечное количество. Речь идет об эволюционной борьбе хозяйственных форм, речь идет об определенном процессе сперва восходящей государственной кривой, а потом нисходящей опять эволюционным путем. Мы должны сперва укрепить, сделать сильной организацию господствующего пролетариата, должны сплотить пролетарскую диктатуру, а затем таким же эволюционным путем эта государственная организация начнет отмирать. Никакой третьей революции здесь быть не может. И обратно — всякое катастрофическое выступление против такой системы пролетарской диктатуры объективно есть не что иное, как контрреволюция. Именно потому, что рабочее государство есть государство совершенно особого типа, точно так же, как и наша армия, которая в самой себе таит зародыш своего собственного эволюционного уничтожения,— именно поэтому весь порядок развития выстраивается в оригинальный эволюционный ряд. И действительно, после завоевательного периода, после начала пролетарской диктатуры, это врастание в социализм только и начинается. Само собой понятно, что здесь должна быть *особая закономерность*, и изживание противоречий этого периода должно радикально отличаться от изживаний противоречий капиталистического периода. И это по очень простой причине. Потому что, если капиталистическое развитие есть не что иное, как расширенное воспроизводство капиталистических противоречий, которые исчезают в один период для того, чтобы появиться в другой, и каждый следующий этап, каждый следующий цикл сопровождается обострением всех противоречий, которые упираются в крах системы,— в то время в новом ряде развития, который начинается от рабочей диктатуры (я не говорю о возможности уничтожения рабочей диктатуры извне, как в Финляндии), мы имеем перед собой натуральный ряд, где развитие противоречий с *известного времени* начинает изживаться, т. е. мы будем иметь перед собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма. Весь характер развития принимает совершенно иной смысл, иное принципиальное значение, чем при капитализме. Можно указать несколько мест из Сочинений Владимира Ильича, которые подтверждают эту мысль. Это есть какая-то новая полоса в теоретическом построении, с формулировкой новых закономерностей, отличных от тех, которые были в капиталистический период развития. Этому теоретически новому соответствуют свои практически-политические выводы.

Если брать совершенно конкретные вопросы о нэпе в нашей теперешней российской обстановке, то совершенно ясно, что из этих теоретических посылок нужно сделать целый ряд выводов. Мы преодолеем нэп не путем разгрома лавок в Москве и в провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций. Я беру очень маленький примерчик, но вы увидите, что тут есть сумма теоретических и практических вопросов со-

земель совсем не существует и не будет существовать,— а в том смысле, чтобы эти пустующие земли вошли в число земель обрабатываемых.

Из этого вытекал целый ряд мероприятий в области аренды, расширения сроков этой аренды и пр., установление ряда льгот, способствующих тому, чтобы крестьянство стало использовать пустующие земельные государственные фонды и т. д. и т. д. Таковы были хозяйственные меры, намеченные XIV конференцией, подтвержденные XIV съездом.

В области политической наш партийный съезд шел по двум главным линиям: во-первых, по линии установления *революционного законодательства*, необходимость которого диктовалась всем прогрессом народного хозяйства вообще и крестьянского хозяйства в частности, и по линии *оживления Советов*, что было необходимо с точки зрения укрепления политического влияния нашей партии и рабочего класса на середняка, с точки зрения организации в деревне слоев, враждебных кулачеству. Одновременно наш партийный съезд взял решительный курс *на кооперацию*. Вы все помните, какое огромное значение и какой огромный удельный вес среди других вопросов имел вопрос о кооперации в наших тогдашних партийных дискуссиях. Партийный съезд наметил ряд мер по *организации деревенской бедноты*, по созданию условий для того, чтобы в деревне у нас был гораздо более прочный, гораздо более могучий рычаг, более организованный бедняцкий оплот. Таковы были решения XIV партсъезда, диктовавшиеся тогдашним положением вещей. Теперь, через два года, мы должны в первую очередь подвести некоторые *основные итоги* взятой нами на XIV партсъезде политической линии.

ПАРТИЯ УКРЕПИЛА СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА С СЕРЕДНЯКОМ

Нам неоднократно предрекали, что наша политическая линия провалится жалким и позорным образом. Нам предрекали, что при той политике, которую принял XIV партсъезд, хозяйство нашей страны будет в возрастающей степени *регулировать кулак*[4]. Нам предрекали совершенно неслыханные хозяйственные затруднения, настолько интенсивные, настолько сильные, что они будут в состоянии чуть ли не опрокинуть диктатуру рабочего класса в нашей стране. И если не ошибаюсь, в середине 1926 г. тов. Радек [5] спрашивал, цитируя один из моих докладов, читанных как раз у вас в Ленинграде, спрашивал, что будет говорить Бухарин, когда через полгода вся партия увидит, куда политика Центрального Комитета завела всю страну. Прошли эти полгода, а ровно ничего не случилось, прошло еще

почти полтора года, и мы видим, что дело у нас стоит совсем не так, как предрекала оппозиция. И именно потому, что все идет не так, как предрекала оппозиция, именно поэтому она и обнаруживает такое истерическое бешенство по поводу неоправдавшихся своих собственных надежд.

Итак, мы должны попробовать подвести итоги нашей политике и той политической линии, которая была взята на XIV партсъезде. Мы видим, что никакого тупика не получилось. Мы должны поставить вопрос: решена или не решена в общем и целом центральная задача, которую поставил XIV партсъезд? Если мы спросим себя, решена ли в общем и целом основная проблема, проблема отношений между рабочим классом и середняцким крестьянством, улучшены ли отношения между рабочим классом и середняцкой группой крестьянства, смягчили ли мы ту остроту, которая была так характерна для времени, непосредственно предшествовавшего XIV партсъезду, добились ли мы чего-нибудь в этом отношении? Если мы поставим перед собой ряд этих вопросов, то мы можем и должны сказать, что в общем и целом этот вопрос мы *решили удовлетворительно*.

Совершенно естественно, что не может наша партия вместе с рабочим классом ту или другую проблему решить на все сто процентов. Такие случаи будут только совершенно исключительными. Но если мы сравним положение вещей в деревне, каким оно было два года тому назад, и то, что мы имеем теперь, то теперь мы не видим массовых случаев убийств, не увидим массового недовольства, серьезных попыток к тем или другим волынкам, что было характерно для предыдущего времени. Мы видим теперь *политическое успокоение в деревне*, которое несомненно имеет под собой определенный хозяйственный и политической базис. Если сколько-нибудь добросовестный наблюдатель нашей общественной жизни, исходя не из злобных побочных соображений, а исходя из интересов дела, откинув все мелочное, второстепенное, откинув все фракционное, поставит перед собой этот вопрос, то разве хватит у него смелости отрицать тот факт, что мы имеем *коренное изменение отношений* между рабочим классом и крестьянством в лучшую сторону. Конечно, и сейчас в деревне *есть целый ряд недовольств*, и сейчас есть еще целый ряд шероховатостей, и сейчас есть еще целый ряд крупных недостатков, но в сравнении с тем, что было перед XIV партсъездом, можно с чистой партийной совестью сказать, что основная крестьянская масса успокоилась. Отношения между основной крестьянской массой и рабочим классом улучшились, а поэтому рабочая диктатура в нашей стране упрочилась, упрочилась на новой базе, на базе роста хозяйства, на базе хозяйственной смычки, которая еще имеет ряд прорех, где есть еще много трудных моментов. Но в основном задача, которая

стояла так остро ко времени XIV съезда, потеряла сейчас свою остроту. Это есть основная проверка линии XIV съезда. Если бы мы в этом вопросе взяли другую линию, если бы мы не пошли на целый ряд уступок середняцким слоям крестьянства, если бы мы не провели целого ряда мероприятий в этом направлении, а взяли бы, как предлагала оппозиция, линию усиленного налогового обложения крестьянства, повели бы политику высоких цен, тогда мы таких результатов не достигли бы.

Нужно сказать, что эта задача — укрепления нашего союза с середняком, задача успокоения середняцких масс крестьянства, упрочения союза между *рабочим* классом и основной крестьянской массой — была решена не просто так, в безвоздушном пространстве, она была решена *на базисе подъема производительных сил всего народного хозяйства, на базисе растущей индустриализации страны, на базисе повышения удельного веса социалистического сектора нашего хозяйства.* Другими словами, задачу привлечения на нашу сторону середняцких слоев крестьянства мы решили не тем, что мы что-либо разбазарили, что мы уступили мелкобуржуазному индивидуальному товаропроизводителю, не тем, что мы поступились какими-нибудь основными интересами рабочего класса, мы ее решили в таких условиях, когда общее народное хозяйство и его производительные силы поднялись на несколько ступенек выше, когда индустриализация нашей страны подвинулась за эти два года вперед, когда, на базе роста сельского хозяйства и нашей промышленности, удельный вес нашего социалистического сектора, удельный вес командных высот, находящихся в руках пролетариата и рабочего класса, чрезвычайно повысился.

Итак, основной вопрос для нас был, есть и будет вопросом о соотношении основных классов в нашей стране — рабочего класса, крестьянства, частного капитала, т. е. буржуазии в городе и деревне, той буржуазной дроби [6], о которой говорил тов. Ленин. Совершенно естественно, что внутри этого вопроса основным с точки зрения классов является вопрос об отношениях между рабочим классом и середняком-крестьянином, и именно здесь два года тому назад, на перевале к периоду быстрого хозяйственного восстановления, у нас качнулось. Теперь кое-кто про это *забыл*, забыл о том, как обострились тогда отношения между рабочим классом и крестьянством, оппозиция *об этом не желает вспоминать*. А мы помним, какое паническое настроение было у теперешних оппозиционных «храбрецов», когда они непосредственно после грузинского восстания предлагали выпуск беспартийной газеты и т. д. Об этом нужно оппозиционерам сейчас напомнить. Именно здесь, в вопросе о середняке, на основе решений XIV съезда мы одержали победу, вопреки оппозиции, сломав ее политическую линию, дав собственную политическую линию. И эта политическая линия за

два года выдержала экзамен, выдержала испытание, получила определенную хозяйственно-политическую проверку. Мы можем с полной уверенностью сказать, что ход истории в нашей стране, передвижка классов, которая произошла, полностью подтвердили правильность той политики, которую определил наш XIV партийный съезд.

Теперь относительно *перспектив* и относительно той *стратегической классовой установки*, которую наметил Пленум ЦК и ЦКК [7].

Если задача, которую в основном ставил перед собою XIV партсъезд, нашей партией выполнена, то что это означает с точки зрения сочетания классов? Означает ли это, что сочетание классов в нашей стране осталось таким же, каким оно было два года тому назад, или нет? Конечно, *оно стало другим*. С точки зрения соотношения между крупнейшими общественными классами положение в нашей стране сейчас другое, чем было два года тому назад. Почему другое? Другое как раз потому, что наша политика возымела положительные результаты, потому что мы получили успокоение середняцких слоев крестьянства и упрочение блока между рабочим классом и крестьянством на новой хозяйственной базе, на базе громадного усиления хозяйственных позиций пролетарской диктатуры. Отсюда необходимо сделать вывод: если мы имеем новое соотношение хозяйственных сил, если мы имеем сейчас новое соотношение хозяйственных форм, то само собой разумеется, что перед нашей партией на ближайший период стоят несколько иные задачи. Основные задачи остаются те же самые, но наша тактика, конкретные мероприятия на ближайшее время должны определяться существенными и основными особенностями именно этого текущего момента, а вовсе не тем, что было два года назад.

УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА — БАЗИС ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО НАЖИМА НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Какие основные факты имеются здесь налицо? Основные факты следующие: *1) укрепление наших командных экономических высот; 2) рост регулирующего планового воздействия наших государственных органов; 3) рост нашей кооперации. С социально-классовой точки зрения — укрепление союза рабочего класса с середняком на основе падения роли капиталистических элементов.* Кулак абсолютно вырос, но теперь положение его в корне отличается от того положения, которое он занимал 2 года тому назад, тем, что нам удалось гораздо в большей степени изолировать этого кулака, отвоевав из-под его влияния основную середняцкую массу крестьянства. И это есть

как раз основа, базис, достаточное основание для того, чтобы теперь в другом сочетании сил, на основе укрепления нашего рабоче-крестьянского блока, мы имели гораздо больше возможностей *ограничения эксплуататорских тенденций со стороны кулака*. Вот почему, товарищи, достигнув той цели, которую поставил себе XIV партийный съезд,— а его основная цель была успокоение среднего крестьянства и укрепление блока с ним,— достигнув этой цели, решив эту задачу, получив большое приращение хозяйственно-политических сил на стороне рабоче-крестьянского блока под руководством пролетариата, под руководством нашей партии, мы можем сейчас с большим успехом, на этой новой основе, начинать наступление на капиталистические элементы города и деревни.

В противоположность тем товарищам, которые полагают, что сейчас, когда укреплены экономические командные высоты и консолидировался пролетариат,— мы имеем «термидор» [5], а в 1918 — 1919 гг. мы имели, было, мол, идеальное состояние, никакого «термидора» не было; для того чтобы показать им меру наших успехов, я хотел бы прочесть одно место из знаменитой брошюры тов. Ленина «О продналоге», место, которое бросает очень яркие лучи на наше теперешнее положение. Вот что писал, исходя из потребностей тогдашнего момента, Владимир Ильич. Он писал:

«*...все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить* оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области *наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм*, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму?

Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт» [9]. (XVIII т., ч. 1, с. 225. Курсив наш.— *Н. Б.*)

Что хотел этим сказать тов. Ленин в 1921 г.? Он хотел сказать, что мы так обнищали, мы так разорены, мы в такой мере лишены всего элементарно необходимого, что пусть хоть частнокапиталистический «черт» развивает свою инициативу, пусть он способствует получению большего количества продуктов, мы на это должны идти. И директива хозяйственной политики, данная тов. Лениным, гласила: кто достигнет в этой области, т. е. в деле увеличения продукции, наибольших результатов, *хотя бы «путем частнохозяйственного капитализма», хотя бы даже «без кооперации», а на базе частнохозяйственного капитализма*, тот сделает для всероссийского социалистического строительства гораздо больше, чем те, которые будут думать о чистоте коммунизма, а не способствовать росту товарооборота. Вот как обстояло дело тогда, в 1921 г.!

Разве можно сравнить то, что выражено в этих словах тов. Ленина, то, что было тогда, с тем, что есть сейчас, когда мы частнокапиталистические элементы загнали в некоторых хозяйственных отраслях «в лузу», когда наша кооперация, вместе с госторговлей, совершенно вытеснила в области товарооборота частный капитал из целого ряда отраслей, когда частный капитал бросился, спасая свою собственную шкуру, в кустарные промыслы, в ремесло и домашнюю промышленность и когда мы готовимся вытеснить его и с этих последних позиций, куда он бежал под давлением государственного и кооперативного кулака.

Так было дело тогда, при Владимире Ильиче, в 21-м году, в период перехода к новой экономической политике, когда у нас в социалистическом секторе, в нашей государственной индустрии почти ничего не было, были пустые заводы. В силу этого дана была главная директива: увеличить количество продуктов, невзирая на то, кто его увеличивает. Мы были вынуждены тогда идти на всемерное развязывание частного капитала: пускай хоть он помогает производить продукты,— разумеется, не на веки вечные, *а на тот период, для того времени*, когда мы обнищали до зарезу, когда у нас было мало организационных сил, когда нам нужно было во что бы то ни стало увеличить количество продуктов и усилить товарооборот, чтобы не умереть с голоду, и, хотя бы немножечко подкормившись, можно было думать начать наступление на этого частника, которого мы самого призывали.

А разве таково было положение ко времени XIV съезда? Накануне XIV съезда положение было совсем другое. Мы подходили уже к концу восстановительного периода нашей промышленности. Мы уже не могли тогда говорить так, как правильно говорил тов. Ленин в 21-м году, мы уже не могли дать такого лозунга: все равно — кто, пускай хоть капиталисты, пускай, хотя бы без кооперации, лишь бы производили новое добавочное количество продуктов! Такой директивы мы уже не могли дать. Почему? Потому, что мы стали гораздо сильнее. Тот, кто к XIV съезду стал бы давать такую директиву, которая была совершенно справедлива в 21-м году, тот обнаружил бы, что он не ведет социалистической политики. Эта директива была тогда совершенно правильной с точки зрения ужасающей нищеты, ужасающей разрухи, которая была в нашей стране; но она перестала быть правильной, стала неправильной, антикоммунистической, в условиях, когда у нас уже были возросшие командные высоты, когда наша индустрия

поднялась, стала на ноги. Тот, кто попугайски повторял бы эту старую формулу 21-го года во всей чистоте и неприкосновенности, никаких заветов Ильича не выполнял бы, а оправдывал бы известное изречение тов. Ленина, резким образом клеймившего такие попугайские повторения тех же формул, без всякого анализа конкретной исторической, хозяйственной и политической действительности.

Так вот: к XIV партийному съезду у нас был уже конец восстановительного периода, наша индустрия, наша промышленность *начала уже вести* за собой народное хозяйство; частный капитал в промышленности стал играть совершенно *второстепенную роль;* но, с другой стороны, у нас был значительный процент *пустующих земель в сельском хозяйстве*, у нас были трения с середняком, у нас было кризисное состояние между рабочим классом и середняком, который является, по выражению Вл. Ильича, «центральной фигурой нашего земледелия» [10].

НАШИ УСПЕХИ — РЕЗУЛЬТАТ ПРАВИЛЬНОГО МАНЕВРИРОВАНИЯ ПАРТИИ

Таково было положение к XIV партийному съезду, а теперь? А теперешнее положение, через два года после XIV партийного съезда, характеризуется тем, что наша промышленность и наши командующие экономические высоты *ведут за собой все народное хозяйство*. Факт это или не факт? Это есть факт. *В торговом обращении* мы за эти два года сделали целый ряд чрезвычайно *больших успехов*. Например, в области хлебозаготовок кооперация и госторговля фактически стали *монопольными торговцами*. Хлебная монополия была отменена с введением нэпа. А теперь, на базе роста наших хозяйственных организаций, на основе соревнования их с частником, мы вытеснили частный капитал из области хлебозаготовок, мы, так сказать, с другого конца, на новой базе подошли к государственной монополии в области хлебозаготовок. Госторговля и кооперация теперь почти монопольны в этой области и в ряду других отраслей нашего товарооборота. По целому ряду важнейших и крупнейших отраслей нашего товарооборота госторговля и кооперация представляют собой почти *монопольную величину на рынке*, настолько выросли и укрепились наши позиции в области товарооборота.

И, наконец, с точки зрения социально-классовой — мы укрепили союз с середняком.

Следовательно, у нас по сравнению с временем XIV партийного съезда есть *три* главные характерные особенности: 1) *экономически-командующая*, решающая и ведущая роль нашей социалистической индустрии стала фактом *неоспоримым*; этого никто оспорить не может, потому что он расшибет себе лоб, хотя бы этот лоб был чрезвычайно медным (*смех*) — о стальную гряду фактов, которые говорят, что наша индустрия ведет все народное хозяйство; 2) *в области товарооборота* мы достигли *решающего влияния*, а в некоторых местах — монопольного положения и 3) с точки зрения социально-классовой, в общем и целом, *середняк сейчас идет с пролетариатом*. Это три основных фактора, связанных друг с другом и изменяющих положение по сравнению с тем, что мы имели ко времени XIV партийного съезда, очень значительно изменяют общее положение вещей в стране. А раз изменяется положение вещей в стране и изменяется в нашу пользу, то было бы просто глупо, если бы мы сейчас говорили то же самое, точь-в-точь и «тик в тик» то, что мы говорили на XIV партийном съезде. Некоторые из оппозиционеров говорят сейчас: «Да, но вы теперь говорите не совсем то, что вы говорили на XIV съезде» — и думают, что это «убийственный» аргумент, и думают, что как раз в этом и заключается то, что мы ведем «неправильную», «зигзагообразную» политику. Это неправильно с их точки зрения, а с точки зрения анализа конкретных фактов и конкретного экономического и политического положения в стране иначе и быть не может: сделав очень крупные завоевания при помощи мероприятий, намеченных на XIV партийном съезде, мы теперь маршируем вперед на основе этих завоеваний, а если бы у нас их не было, то мы тогда провалились бы в пропасть, из которой нас нужно было бы вытаскивать за наши длинные уши. Но, к счастью, они оказались у нас не настолько длинными, как это предполагали некоторые из наших противников. (*Смех.*)

ТРОЦКИЗМ НИКОГДА НЕ УМЕЛ УЧИТЫВАТЬ СВОЕОБРАЗИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Глупо всегда и на каждом повороте говорить одно и то же. Кто сейчас повторил бы ленинскую формулу в качестве практической директивы нашей партии, кто сейчас сказал бы, что наша задача — всемерное увеличение продуктов, несмотря на то, кто их увеличивает, хотя бы без кооперации, хотя бы на основе частного капитала, кто бы решился повторить такую штуку? Никто не решился бы на это. Пожалуй, нашлись бы отдельные «умники», которые заявили бы — да это ведь отступление от ленинизма — Ленин писал не так! (*Смех.*) Но ведь на то они и «умники». У Ленина нет готовых рецептов на всякий случай жизни. И всякий, кто хочет рассматривать учение Ленина как собрание готовых рецептов, тот подходит к ленинизму с точки зрения плохо образованного аптекаря. Правильное применение ленинского учения состоит в точном и конкретном анализе

существующей действительности. Пользуясь ленинизмом как политическим инструментом, пользуясь общемарксистской теорией, мы должны в каждый данный момент вникать и обнаруживать сочетание общественных сил, конкретных для каждого данного периода, особо характерных для него, и на этом строить уже свою линию, исходя из нашей общей линии, линии на укрепление пролетарской диктатуры, на развитие социализма, на рост социальных элементов нашего хозяйства, на коммунизм.

Таким образом, анализ конкретной обстановки нам необходим. Этот анализ показывает, что ко времени XIV партсъезда все упиралось в вопрос о смычке с середняком как в главную задачу, разрешение которой, разумеется, не противопоставляется, а прямо предполагает *укрепление нашей опоры на бедноту*. Этот анализ показывает нам, что в итоге двух истекших годов на основе решений XIV партсъезда основные задачи, поставленные съездом, решены. Этот анализ показывает, что именно на основании того, что эти задачи в общем и целом были решены, у нас в настоящее время имеется другое сочетание общественных сил, другие классовые соотношения, что гораздо более могучие хозяйственно-политические позиции находятся в руках пролетарской диктатуры. И, наконец, этот анализ приводит нас к тому, что на основании этого нового положения мы должны теперь, получив приращение сил, укрепив свой союз с середняком, взяв этого середняка под руку, мы должны, мы можем, мы имеем полную возможность *сомкнутым фронтом, вместе с середняком, успешно начать более солидный нажим на нашего основного противника в деревне — на кулака*. Вот эта другая расстановка сил позволяет нам, вменяет нам в обязанность, в целях переделки крестьянского хозяйства и вытеснения капиталистических элементов, начать то, что я в своем докладе на съезде московских профсоюзов [11] назвал форсированным наступлением на капиталистические элементы, на кулацкие элементы в деревне в первую очередь.

Вот, товарищи, та стратегическая установка, которая покоится на изменившемся соотношении сил.

В заключение я хотел бы отвести одно возражение, которое пущено в ход нашими оппозиционными «друзьями». (*Смех.*) Они, например, берут намеченное нами освобождение добавочных 10% крестьян от сельхозналога или намеченное нами усиленное наступление на кулака и говорят: но вы ведь по сути-то дела «стибрили» нашу платформу. (*Смех.*) Хотя и недостаточно, не на все 100 процентов, но вы все-таки подвинулись, мол, к тому, что «мы говорили» ко времени XIV съезда нашей партии. Значит (делают они вывод), ваша политическая линия «потерпела жалкое банкротство». Значит, мы, оппозиционеры, были правы. Вы нас «обворовали», а потому уступите ваше «место» другому партийному руководству

(они все рассматривают с точки зрения «дальнего прицела»). (*Смех.*) Такого рода ход аргументов чрезвычайно характерен для всей троцкистской оппозиции. Так троцкизм рассуждает по отношению и ко всему ленинизму вообще. Ведь Троцкий так ставил вопрос: кто первый сказал «б» о пролетарской революции в России? Я, Троцкий, сказал это раньше, чем Ленин! Кто первый сказал — без царя, а правительство рабочее? Я, Троцкий! Значит, в 1917 г. ленинизм «перевооружился», как он изволил выражаться, Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот.

Это, товарищи, старая аргументация. В политике дело заключается не в том, сказать «а» или «б» или какой-нибудь другой звук. Дело заключается в том, чтобы, кроме азбуки, кроме общей генеральной линии, общего курса, который ясен вам, который необходимо взять, нужно знать, когда сказать «а», а когда «б». Нужно сказать «а» — тогда, когда это нужно. А вот если это переставить и сказать «а» тогда, когда нужно сказать «б», или сказать «б» тогда, когда нужно сказать «а», то никакого ленинизма из этого не получится. (*Смех.*) Вот если бы то, что мы говорим сейчас, мы сказали, не решив предварительно вопроса об успокоении середняцких масс, то это значило бы сказать «б» тогда, когда нужно сказать «а». Или если бы, например, сказать сейчас то, что говорил Ленин в 1921 г., значит сказать «а» тогда, когда теперь уже нужно говорить «б», а может быть и «в» и «г». В этом вся «соль». В этом основная ошибка троцкизма, которая повторялась у него уже неоднократно и которая заключается в том, что Троцкий не вовремя давал лозунги. И когда нам сейчас говорят о том, что наконец-то вы увидели кулака, мы говорим: уважаемые дяденьки, в том-то и дело, в том-то и ваша смертная беда, что вы не понимаете, когда что нужно говорить, вы не видите *основного звена*, за которое надо ухватиться. Основным звеном два года тому назад, ко времени XIV съезда, был вопрос об успокоении середняка. Не сделай мы того, что сделали мы на XIV партийном съезде, нам бы как своих ушей не видать того, что мы теперь имеем. Мы должны были предварительно решить основную, громадной важности, задачу, без чего мы провалились бы в «тартарары». Приняв политику, которая предлагалась тогда троцкизмом и так называемым «Нопом» [12], мы, может быть, от нэпа перешли бы к неонэпу.

Теперь я более конкретно перейду к тем двум важнейшим вопросам, которые стояли на Пленуме. Сперва я изложу те положительные решения, которые приняты Пленумом, не касаясь нашей оппозиции, а под конец, на «третье блюдо» (*смех*), разрешите мне поставить эти вопросы в связи с оппозицией.

Товарищи, я докладывал вам, что анализ теперешнего хозяйственного и политического соотношения и классовых сил нашей страны указывает на наш рост.

О ДИРЕКТИВАХ К 5-ЛЕТНЕМУ ПЛАНУ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА [13]

Наш *рост находит свое выражение в самой постáновке вопроса о выработке пятилетнего плана нашего народного хозяйства*. В самом деле, если бы у нас дело шло вниз, если бы не росли материально предпосылки нашего планового хозяйства,— а рост материальных предпосылок есть не что иное, как рост социалистически обобществленных элементов нашей страны,— то естественно, что ни одному из нас и вообще ни одному из не сошедших с ума людей не взбрело бы в голову приступить к решению таких проблем, как составление народнохозяйственного плана на 5 лет вперед. Самая постановка вопроса о пятилетнем плане нашего народного хозяйства выражает собою наш рост, факт этого роста. Если бы мы с этой точки зрения посмотрели на то, что мы имели раньше, посмотрели бы на то, как мы осторожно подбирались к годовым планам, подползали «на четвереньках» к тому, чтобы представить хотя бы примерную, хотя бы ориентировочную линию для нашего *годового* плана, а не пятилетнего плана, то нужно признать, что мы сделали огромный шаг вперед в области нашего планового хозяйства.

На последнем Пленуме ЦК [14] нашей партии и на Политбюро, обсуждавшем этот вопрос, до внесения на Пленум ЦК тезисов о пятилетнем плане, мы с полной откровенностью и ясностью поставили вопрос, что мы можем пока дать только директивы к пятилетнему плану, а не самый пятилетний план. С известной точки зрения нужно признать, что это недостаток: конечно, было бы гораздо лучше, если бы вместо директив к пятилетнему плану мы могли бы дать съезду более или менее точный пятилетний план нашего народного хозяйства. Но тут был ряд особых трудностей, *дополнительных трудностей*, которые заставили сперва Политбюро, а потом Пленум ЦК отказаться от того, чтобы представлять на партийный съезд точное цифровое выражение нашего народнохозяйственного плана на 5 лет вперед. Этим мы, кроме обыкновенных соображений о необходимости более осторожного обращения с цифрами, имели в виду два обстоятельства: одно очень крупное, другое — тоже довольно значительное, хотя и не такого размаха.

ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ, ВОЗМОЖНОСТЬ НЕУРОЖАЯ И НАШЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Первое обстоятельство — наше международное положение. Сейчас в кругах всей партийной массы, в массе рабочего класса стало всеобщим достоянием сознание

крайней остроты нашего международного положения. На предыдущем Пленуме ЦК [15] по этому поводу была вынесена соответствующая резолюция.

Мы все глубоко убеждены, что стоим перед крупными событиями в области международной жизни, хотя и не знаем сроков, в пределах которых эти события могут разыграться. Но 5 лет — это срок довольно достаточный. В течение пяти лет всякие осложнения международного положения очень вероятны. Если война против нас и интервенция в пределы нашей страны, на протяжении пятилетнего срока, очень вероятны, то совершенно естественно, что такого рода события неизбежно и очень здорово видоизменили бы весь наш хозяйственный план. Нам обязательно нужно будет в той или иной мере перенести центр тяжести в нашу военную промышленность; нам необходимо будет исходить из гораздо более крупных бюджетных ассигнований отраслям нашего хозяйства — и не только хозяйства,— способствующим делу повышения обороноспособности нашей страны. Нам необходимо предпринимать целый ряд мер по образованию всевозможных резервов: натуральных, товарных, валютных, которые обеспечили бы нам, на случай военных событий, возможность хозяйственно-политического маневрирования. Поэтому совершенно понятно, что пятилетний план, который мы теперь должны принимать в обстановке, насыщенной грозой, что этот пятилетний план, если бы мы его цифровым образом закрепили и если бы мы закрепили каждую цифру решением партийного съезда, то мы заранее связали бы себе руки в обстановке, в условиях, когда мы должны держать свои руки гораздо более развязанными в этом отношении.

Второе обстоятельство — это известное опасение за состояние наших урожаев в ближайшие годы. Дело в том, что у нас несколько лет подряд были урожайные годы. Предсказание урожайности и неурожайности у нас еще не настолько развито, вернее, совсем не развито, чтобы мы могли хотя бы с какой-нибудь, хотя бы с чрезвычайной приблизительной точностью заранее предсказать высоту или степень урожая. Опыт предшествующих лет за несколько десятилетий показывает, что через некоторое, сравнительно незначительное, количество урожайных лет следуют неурожайные годы. Есть вероятность, что за рядом урожайных лет, которые мы уже имели, могут наступить в ближайшие годы неурожайные годы. Может быть, этого не будет, никакой прочной закономерности здесь нет. Но нам нужна известная страховка, как вы легко поймете, нам нужна известная страховка на случай повторения неурожаев, недородов и пр. Вот почему и с этой точки зрения нам необходимо иметь в виду приблизительность нашего пятилетнего плана. Нам необходимо иметь в виду те поправки, которые могут быть внесены жизнью, поправки в худшую сторону, о которых я сей-

час только что говорил. И поэтому Центральный Комитет партии решил остановиться на том, чтобы предложить XV партийному съезду лишь некоторые общие директивы по составлению пятилетнего плана нашего народного хозяйства, а не самый этот план, т. е. изложить те основные линии, те основные мысли, те основные директивы, по которым должен быть построен пятилетний план нашего народного хозяйства. Работы по составлению этого пятилетнего плана еще не закончены. Они идут в соответствующих органах, в первую очередь в Госплане.

Одна пятилетка была выработана, она теперь исправляется в согласии с теми директивами, которые приняты. Ко времени партийного съезда мы, вероятно, будем иметь, параллельно тем директивам, которые ЦК принял, соответствующий подобранный цифровой материал, который, однако, не связывает Центральный Комитет и не будет связывать партийный съезд, но который позволит каждому из членов партийного съезда и всей партии примерно ориентироваться в тех основных итогах и основных предположениях, которые имеются у соответствующих хозяйственных органов.

Вот под углом зрения такой осторожности в составлении пятилетнего плана составлялись и те директивы, которые приняты Пленумом ЦК как тезисы для партийного съезда. Все они построены под углом зрения *преодоления некоторых основных трудностей нашего хозяйства*, тех трудностей, которые уже имеются, и тех, которые еще будут. Причем здесь нельзя было обойти и ряда таких вопросов крупнейшего принципиального значения в области хозяйственной политики, которые разделяют огромное большинство партии от оппозиционных внутрипартийных противников.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА

Прежде всего нужна была определенная установка в вопросе о соотношении между нашим хозяйством и хозяйством мировым. Этот вопрос, вы знаете, ставился у нас иногда под самыми различными углами зрения. Ну например, когда оппозиционные товарищи упрекали нас в «национальной ограниченности», они разумели не только политику Коминтерна, но и нашу хозяйственную политику. Они видели и видят до сей поры нашу «национальную ограниченность» в том, что мы выдвигаем лозунг: возможно больше хозяйственной самостоятельности по отношению к капиталистическому миру. В этом они тоже видят признак нашей «национальной ограниченности». Между тем сами они выставляют лозунг: *наиболее широкие связи с заграницей*.

Тут нужно было уже выбирать, какую директиву должны мы дать нашим хозяйственным органам в этом вопросе при составлении пятилетнего плана. Что здесь нужно считать правильным? Этот вопрос, товарищи, мы решали в связи с той линией, которую занимаем все время. В самом деле, можем мы принять лозунг, в особенности ортодоксального крыла нашей оппозиции троцкистов, лозунг максимальных связей с заграницей, и больше ничего? Мы считаем, что принять его нельзя, мы считаем, что такой лозунг пагубен и по очень простой причине. По той же причине, по какой мы не можем внутри нашей страны дать голого лозунга развития производительных сил и больше ничего, а должны говорить: развитие производительных сил, но такое, которое усиливало бы рост нашего социалистического сектора. Представьте себе, например, что мы сняли все решительно загородки и барьеры по отношению к заграннце, представьте, что мы получили огромные капиталистические займы на парочку десятков миллиардов, продав наше пролетарское первородство, сдав, скажем, крупному американскому капиталу в кабалу наши фабрики и заводы и прочее. Быть может, в ближайшие два-три года они начали бы развивать производительные силы быстрее нас, это не исключено. Но мы так смотреть не можем, мы не для того проделали революцию. Мы стоим за такое развитие производительных сил в нашей стране, которое *все время усиливало бы социалистический сектор* нашего хозяйства и било бы хозяйство противника.

Так мы говорим по отношению к хозяйству внутри нашей страны. А по отношению к заграннце? Разве мы можем сказать, как говорят оппозиционные товарищи — «максимум широких хозяйственных связей»? Если считать воплощением «интернационализма» максимум широких хозяйственных связей с заграницей, а некоторую узду в этом отношении считать «национальной ограниченностью», то получается вообще следующее. Если кто желает «максимум хозяйственных связей с заграницей», тот должен в первую очередь уничтожить монополию внешней торговли — это же ясно, «как апельсин»! Монополия внешней торговли есть барьер. Смысл этого барьера — ограждать нас от слишком широких связей с заграницей, потому что, если бы мы сняли этот барьер, на нас хлынули бы более дешевые американские товары. Это были бы «более широкие связи с заграницей»... А нашей социалистической промышленности от этого поздоровилось бы? Нет, потому что ее стукнула бы более высокая американская промышленность, с которой нам пока еще нельзя состязаться в открытую. Мы должны сохранять монополию внешней торговли. Мы растим и строим свою промышленность, которая пока еще не стоит на базе самой высокой техники в мире. В одном своем докладе я говорил, что если бы мы победили в Америке, то нам и монополия

внешней торговли не была бы, по всей вероятности, нужна, потому что мы производили бы дешевле всех. В СССР монополия внешней торговли нужна как защита от врагов, для того чтобы — хотя мы еще более нищи, чем наши капиталистические противники, — мы могли бы как муравьи со всех сторон собирать и строить. Монополия внешней торговли — это есть наша защита, и все решительно, кроме некоторых белых ворон, стоят за то, чтобы она существовала. Монополия внешней торговли целиком опрокидывает эту концепцию, этот лозунг — «наиболее широкие связи с заграницей». Вздор! Так нельзя формулировать, и это вовсе не есть «национальная ограниченность» с нашей стороны, когда мы говорим, что мы хотим строить, не впадая в излишние крайности, не выставляя лозунга «самые широкие связи с заграницей». Нам говорят, что это «национальная ограниченность». Вот если бы вокруг нас было не капиталистическое окружение, а социалистическое, тогда, разумеется, мы бы никакой монополии внешней торговли по отношению к социалистическому окружению не имели бы, мы сломали бы государственные границы ко всем чертям и объединились бы вместе с иностранными пролетарскими странами. Этим мы доказали бы свой интернационализм.

Следовательно, по вопросу относительно наших хозяйственных связей с заграницей мы не можем стоять на точке зрения голого лозунга — расширения хозяйственных связей, — и больше ничего. Мы можем стоять на такой точке зрения: расширяй хозяйственные связи в тех пределах, в тех рамках, в такой мере, в какой ты на основе такой политики можешь становиться *все более хозяйственно, политически и военно независимым от иностранных капиталистических стран.*

Если бы у нас было социалистическое окружение, то на кой шут нам была бы эта независимость, она нам совсем не нужна была бы. Но, извините, если у нас капиталистическое окружение, то нам независимость нужна, потому что мы находимся в противоречии с империалистическими государствами, потому что должны все больше на свои ноги становиться. Вздор, что это есть национальная ограниченность, так как такая линия необходима только потому, что в других странах нет еще социализма, а у нас он уже растет, поэтому он ограничен. Ограниченность наша вытекает из того, что сейчас еще ограничена победа рабочего класса, — вот что такое пресловутая наша «хозяйственная ограниченность». Совершенно понятно, что было бы вздором проповедовать другую крайность, т. е. говорить, что мы не должны ничего за границей покупать. Это было бы глупостью. Но когда и кто это проповедовал? Конечно, мы должны маневрировать, сноситься с нашими врагами, должны покупать за границей. А граница этого? Граница этого в том, чтобы не подрывать нашего хозяйства. Словом, мы должны сделать

все, чтобы расти, становиться более крепко на свои ноги. Так мы решили вопрос относительно нашей связи с заграницей.

ВОПРОС О ПРОТИВОРЕЧИЯХ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

К вопросу о противоречии между городом и деревней, т. е. к главнейшему вопросу о нашей хозяйственной политике, я хочу отметить следующее. Каждая цифра в пятилетнем плане предполагает определенное распределение ресурсов: и вопрос о ценах и об ассигнованиях на те или другие отрасли, и финансирование сельского хозяйства, и финансирование промышленности, и распределение вложений между тяжелой и легкой индустрией — все это определяется некоторой общей установкой нашей хозяйственной политики. И здесь мы должны были дать целый ряд директив, исходя из тех трудностей, величайших трудностей, которые имеют своей базой противоречия между городом и деревней (ножницы, диспропорция между промышленной промышленностью и сельскохозяйственной и т. д.). В этой области мы должны были дать совершенно определенные директивы, связанные с общими нашими хозяйственно-политическими взглядами. Мы должны были отвергнуть политику высоких цен, мы должны были отвергнуть политику переобложения середняцкой части крестьянства, мы должны были принять такого рода директивы к плану, которые исходили бы из нашего основного метода решения хозяйственных вопросов. Прежде всего, мы наметили линию на дальнейшее снижение себестоимости, на рационализацию нашей индустрии, на привлечение мелких сбережений, путем всевозможных займов, путем сберегательных касс и пр. Рационализация, реорганизация нашей промышленности, более дешевые цены — это и есть тот путь, который даст нам возможность в ближайшие пять лет несколько ослабить противоречия между городом и деревней.

Крупнейшим и мучительнейшим вопросом у нас является вопрос *о безработице*. Но и вопрос о безработице нужно точно так же решать не односторонне, как к этому имеется тенденция среди некоторых наших партийных кругов: расширение промышленности, и больше ничего. Не этим нужно решать вопрос и бороться с этой главнейшей трудностью. То расширение промышленности, которое нужно и возможно, не может удовлетворить той массы безработных, которая у нас есть и которая будет. Мы эту проблему должны решать с двух концов. Это точно так же должно лежать, в качестве краеугольного камня, в директивах по построению пятилетки: с одной стороны, расширение промышленности, с другой — рационализация этой промышленности на основании укороченного

рабочего дня (с чем товарищи из оппозиции не согласились) и увеличения количества смен, а с третьей стороны — линия, которую мы определяем как линию на рост трудоемких хозяйств в деревне, линию на индустриализацию самого сельского хозяйства. Товарищи, у нас еще чрезвычайно варварская, примитивная обработка земли, у нас имеется целый ряд районов, которые не могут идти под зерновое хозяйство и которые по самой своей природе не могут воспользоваться такими вещами, как трактор и другие крупные сложные сельскохозяйственные машины. У нас есть целый ряд отраслей сельского хозяйства, которые имеют тенденцию развиваться в более трудоемкие и интенсивные хозяйства: садоводство, огородничество, животноводство и т. д. Здесь у нас есть еще целое море работы. Путем поощрения этих трудоемких хозяйств мы можем способствовать тому, что так называемое аграрное перенаселение, которое есть в деревне и в результате которого у нас в городах увеличивается безработица, уменьшится.

ТЯЖЕЛАЯ И ЛЕГКАЯ ИНДУСТРИЯ

Целый ряд вопросов и по другим отраслям, как, например, вопрос о распределении вложений между тяжелой индустрией и легкой промышленностью, также по-разному решается нами и сторонниками оппозиции. Мы считаем, что та формула, которая говорит — максимум вложений в тяжелую индустрию, является не совсем правильной или, вернее, совсем неправильной. Если мы должны иметь центр тяжести в развитии тяжелой индустрии, то мы должны это развитие тяжелой индустрии сочетать все-таки и с соответствующим развертыванием легкой индустрии, более быстро оборачиваемой, более быстро реализуемой, возвращающей скорее те суммы, которые на нее были затрачены. Мы должны, повторяю, делать так, чтобы получить наиболее благоприятное сочетание.

То же самое относительно нового строительства. Мы должны были признать, опыт уже говорит об этом, что мы, пожалуй, сделали ошибку в деле капитальных затрат. Мы пошли очень разбросанным фронтом, стали сразу давать на многочисленные пункты нового строительства громадные суммы, которые только через долгий промежуток времени дадут более или менее солидные результаты, т. е. когда новые фабрики заработают и продукция будет реализоваться и т. д. Было бы лучше на меньшем фронте сосредоточить те же самые суммы денег для того, чтобы в более короткий срок начать получать результаты, реализовать продукцию и т. д. Повторяю, здесь масса сложнейших задач и вопросов. Мы должны исходить из соображений целесообразности, учитывая все факторы. Нельзя давать голую формулу — только на тяжелую

индустрию, или — максимум вложений в тяжелую индустрию, а надо умело сочетать все моменты, определяющие реальный поступательный ход нашего хозяйства.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ПЕРЕХОД НА 7-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

И в области индустрии, отчасти в области сельского хозяйства, мы должны со всей энергией выдвинуть сейчас *проблему рационализации*. Мы полагаем, что всякие послабления хвостистским настроениям среди рабочих — такого типа, что мы, мол, как-нибудь «по старинке» проживем, что у нас масса трудностей на новом пути — абсолютно недопустимы.

Несомненно, что рационализация несет с собою громаднейшие трудности решительно по всем линиям, но не переходя к более высокой технике, к большему применению научных сил, к более правильному разделению труда, к применению более квалифицированной силы, т. е. к большей культуре самого рабочего класса, нам нельзя догнать и перегнать капиталистические страны. Поэтому совершенно ясно, что переход на рационализаторскую систему, переход к более улучшенным методам нашей индустрии — я скажу в открытую — он предполагает *более интенсивный труд*. Чепуху разводят некоторые оппозиционные товарищи, говоря: да, высокая техника хороша, но этого нельзя сопровождать требованием более интенсивного труда, нужна только большая производительность труда. Так никогда не бывает и не может быть. Конечно, производительность труда — это не то, что интенсивность труда. Интенсивность труда означает большую затрату энергии в единицу времени, скажем, если рабочий в один час тратит энергии в полтора раза больше, чем *прежде*, то это означает увеличение интенсивности труда. Если же он в один и тот же час тратит столько же энергии, но производит больше продуктов, т. е. напряженность труда такая же, но вследствие технических улучшений (новых машин и т. д.), то это означает увеличение производительности труда. Но бывает ли в жизни так, что одно от другого отделимо? Нет. Всякая новая система требует большего внимания. Конвейер требует большего внимания и большей интенсивности. Реально всегда бывает так, что с развитием техники труд становится более интенсивным. Но новая техника создает еще один момент, который не нужно забывать, который облегчает дело, а именно, сама рабочая сила поднимается на высшую ступень, ей легче производить более напряженный труд. Это отлично знает всякий рабочий по своему опыту при переходе завода на новую систему труда, знает он и, например, когда начинал впервые заниматься об-

щественной работой. Каждый знает, как от непривычной работы, от необходимости думать быстро, рабочие от станка, переходящие на общественную работу, быстро устают. А потом они привыкают, приучаются к этой новой работе. Следовательно, труд на этом поприще становится более активным, рабочие к нему привыкают и развивают в себе большую выдержку, перерабатывают сами себя. Рабочая сила становится другой. Если вы попробуете отсталого рабочего в нашей стране заставить работать на американском заводе, то вначале он не в состоянии работать так, как работает американец. Почему? Потому что ему нужно привыкнуть, потому что у рабочего в Америке трудовая культура другая. Этот большой процесс — перевоспитание рабочей силы, поднятие ее на высшую ступень, это и есть то, что я называю: *трудовая культура*. Трудовая культура повышается, изменяется рабочая сила, изменяется человек.

Я приведу вам такой пример из совсем другой области: кто-нибудь учится играть на каком-нибудь инструменте, скажем, на рояле; он сначала должен смотреть, куда, в какую клавишу тычется палец, он должен косить глаза на ноты и на пальцы, чтобы разобрать, как различные значки должны отражаться на движении его пальцев. Это стоит большого труда, а когда он научится играть, то ставит пальцы уже механически. Или возьмем такой пример: когда человек учится читать, он читает б+а=ба, з+а=за, база или б+у=бу, з+а=за, буза. (*Смех.*) Когда дети учатся читать, они тратят много сил, от них требуется большое напряжение, чтобы сложить букву с буквой, разобрать, складывать, а потом они могут читать без того, чтобы тратить на это труд. Это вошло уже в привычку. А если особенно ловко «насобачиться» на чтении — это я знаю по самому себе — то получается такая вещь, которая в науке имеет особое название «партитурное чтение». Видишь целую страницу, целую страницу не читаешь, бегло просматриваешь и улавливаешь смысл; можно прочитать книгу, только перелистывая ее, и все-таки схватываешь самую суть вещей. Это значит, что человек так натренировался на этом деле, что развил уже способность к партитурному чтению. Я привожу такие примеры потому, что они мне более знакомы, но теоретически так же происходит и в непосредственном материальном трудовом процессе, т. е. происходит перевоспитание рабочей силы, переход ее на более высокую ступень. И в этом должен быть большой толчок рационализации промышленности. Другой тип рабочего, другой темп труда, другая интенсивность труда, но в то же время другая способность рабочей силы развивать большую интенсивность труда. И совершенно естественно, товарищи, что это есть очень крупная проблема, которую мы обязательно решим. Но мы не можем разрешать ее капиталистическим методом. Центральный Комитет выставил положение о

необходимости *постепенно переходить на 7-часовой рабочий день*. Тут не только имеет место то соображение, что мы сможем благодаря этому ввести большее количество смен, но и соображение большего производственного размаха. Если мы хотим двигать дело рационализации нашей промышленности вперед, мы должны компенсировать рабочий класс, раз он переходит в высшую ступень, компенсировать более коротким рабочим днем. Мы из 7-часового рабочего дня, поскольку он будет реализован, сделаем мощный рычаг, чтобы поставить себя на более высокую ступень развития. Мы не можем перегнать в хозяйственном отношении капиталистические страны, если мы весь темп нашего производства не переведем на несколько классов вперед.

Я не буду останавливаться на целом ряде других проблем, они изложены в опубликованных решениях.

Перехожу к изложению конкретных мер, принятых по вопросу о деревне.

ДАЛЬНЕЙШИЙ НАЖИМ НА КУЛАКА — ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ

С классовой точки зрения мы к вопросу нашей деревенской политики подходим точно так же, как к вопросу о построении пятилетнего плана нашего хозяйства. Наша основная задача — социалистическое продвижение вперед. Как я уже сказал, на основе наших достижений мы должны повести более организованное наступление на капиталистические слои деревни, на основе укрепления и упрочения союза с середняком. Тезисы, которые предложены вниманию членов партии, отмечают и общую установку, о которой я говорил, и ошибки и извращения нашей политики. В тезисах отмечены крупнейшие ошибки и крупнейшие извращения нашей политики в деревне, которые мы имели и можем иметь. Главное в тезисах заключается в тех практических мероприятиях, которые Центральный Комитет считал нужным наметить на ближайшее наше будущее для реализации намеченной тактической линии.

В чем будет выражаться линия более форсированного наступления на кулака?

Во-первых, уточнение и улучшение постановки прогрессивно-подоходного обложения в смысле уловления всех доходов кулака, в смысле перехода на этот тип обложения в волости.

Во-вторых, борьба с куплей и продажей, дарением и завещанием земель, случаи чего бывают в некоторых местах.

В-третьих, сокращение сроков аренды — сокращение прав для тех, кто не возделывает сам землю, сдает ее в аренду,— от трех до шести лет.

В-четвертых, прекращение выделов на отруба, если этот переход на отруба идет на пользу кулаку и сопровождается ростом отрубного хозяйства кулацкого типа.

В-пятых, строгое соблюдение кодекса законов о труде в деревенском капиталистическом, т. е. в кулацком, хозяйстве и так называемых временных правил в хозяйствах среднезажиточного типа, на которые эти правила распространяются.

Большее внимание и усиление кооперативных форм хозяйства с таким уклоном, чтобы от сбытовой кооперации, от кооперации по сбыту и снабжению сейчас в возрастающей степени развивать производственное кооперирование. Наши хозорганы уже сейчас зачастую дают прямые заказы крестьянству, указывают, как лучше производить, иногда дают ему сырье и, таким образом, связываются договорными отношениями с кооперированным крестьянством, ведя фактически это хозяйство по определенному производственному плану.

В области политических мероприятий важнейшее ограничение, намеченное в тезисах,— это лишение по сути дела *кулака права голоса в земельных обществах*. Это крупнейшая реформа. Дело в том, что в деревнях очень часто земельные дела решает земельное общество и, кроме того, совет, т. е. имеется как бы зародыш некоторого «двоевластия». Если кулак лишен избирательных прав в совет, а в земельном обществе, при решении земельных дел, имеет право голоса, он там голосует и может так или иначе манипулировать. Поэтому намечено лишение права голоса в земельном обществе для тех, кто лишен избирательных прав в совет. Это необходимо и с точки зрения общей линии нашей политики, чтобы совет не оторвался от производственной базы, т. е. от дел земельного общества.

Вот главные из тех мероприятий, которые идут по деревенской линии. Я не останавливаюсь на других мероприятиях, более обычного типа, ну, скажем, всемерной помощи ирригационным работам, на вопросе о землеустройстве, без разрешения которого невозможно дальнейшее развитие крестьянского хозяйства вперед, невозможно ограничение вожделений кулака, который при землеустроительной неурядице перехватывает иногда лучшую землю и т. д.

Во всех этих мероприятиях отражается та общая политическая классовая линия, которую мы наметили на основе завоеваний, полученных в результате решений XIV съезда в новой обстановке. Вы видите, что эта линия находит свое конкретное, практическое выражение в решениях Пленума, которые должны будут с максимальной настойчивостью проводиться членами партии после того, как, мы надеемся, партийный съезд эти решения утвердит.

У нас было два главных пункта в порядке дня нашего Пленума Центрального Комитета — если не считать вопроса об оппозиции — это именно: вопрос о пятилетнем плане и вопрос относительно работы в деревне.

Я коснулся здесь только *наиболее важного* по той причине, что эти темы настолько обширны, что, даже отвлекаясь от международного положения, о чем у нас обычно всегда принято говорить, все же вы видите, что тут подняты сложные, труднейшие вопросы нашей борьбы и работы.

Мне хотелось бы, чтобы из этой части доклада вы, товарищи, вынесли с полнейшей отчетливостью и ясностью одну мысль, которую я хотел провести в этой части доклада, а именно:

во-первых, что мы сейчас, в теперешних условиях должны *усилить нажим на капиталистические элементы;*

во-вторых, что эта наша политика *не случайна, а вытекает и связана с предыдущей нашей политикой;*

в-третьих, что эта увязка заключается в том, что мы не могли перейти к форсированному наступлению на капиталистические элементы деревни, *не имея вместе с собою крестьянина-середняка,* и

в-четвертых, что мы не могли приобрести на свою сторону крестьянина-середняка, не проведя тех мероприятий, которые решил XIV партийный съезд.

Теперешняя наша политика, намеченная последним очередным Пленумом Центрального Комитета, это не есть пуля, случайно выпущенная, неожиданный выстрел из револьвера, как пытается это представить оппозиция, а это *есть продолжение той политической линии, которую мы имели раньше,* на основе учета нового классового сочетания общественных сил, на основе того нового, что мы получили в результате двух лет.

Еще и еще раз повторяю,— не ленинец тот, кто говорит при каждом удобном и неудобном случае буквально то же самое. Такому виду животного имеется правильное название — «попугай». Задача ленинца — анализировать конкретное соотношение сил, конкретное положение и соответственно этому действовать. Мы перешли теперь в новую обстановку на основе нашей предыдущей политики. Новая обстановка требует от нас и некоторого нового слова. Это новое слово и намечено решениями последнего Пленума.

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ

Перехожу теперь ко второй части доклада, к вопросам, связанным с нашими разногласиями, с разногласиями между оппозицией и партией. Этот раздел своего доклада я начну со следующего. Нередко приходится слышать со стороны оппозиционных товарищей, что мы якобы

пошли им навстречу, или «стибрили» часть того, что у них написано в их платформах, заявлениях и пр. На этот вопрос я, по существу, ответил в первой части своего доклада, а здесь я хочу поставить другой вопрос. Хорошо, предположим, что мы «стибрили» их платформу, почему же тогда они *не складывают оружия*, почему же они тогда не скажут: ну, ладно, были разногласия насчет кулака, теперь партия пришла к нашим взглядам, разногласия изжиты, давайте жить в мире; были разногласия по ряду других вопросов, но теперь, благодаря тому, как Троцкий говорил на одном совещании, что Бухарин поворачивает «теоретическую кобылу» то хвостом, то мордою, в зависимости от настроения, теперь, когда ЦК, по мнению оппозиции, повернул эту самую кобылу не хвостом, а мордою, почему же вы не складываете оружия, милостивые друзья? Это совершенно естественный вопрос.

В самом деле. Предположим, что мы в течение двух лет ошибались, предположим, что со времени XIV партсъезда мы несли величайшую ахинею, предположим, что именно благодаря этому оппозиция имела морально-политическое право встать на дыбы и обрушивать на партию решительно все, что у нее было в ее арсенале, начиная от твердых мортирных снарядов и кончая довольно зловонными веществами. Для чего же нужно *сейчас* так трещать? Почему же *сейчас* всем не сплотиться, раз партия, по убеждению оппозиции, изменяет свою точку зрения? Такой вопрос нужно задать. На это оппозиция отвечает: видите, вы нас явно «обокрали», но мы не верим, что руководящие партийные кадры будут в состоянии провести ту программу, которую мы указываем; вы все здесь жульничаете, пошли налево, сделали зигзаг, повернули под влиянием критики оппозиции, но партия не в состоянии провести то, что сама признала.

Ладно, предположим, что и это так; предположим, что у нас такое положение вещей, что вся партия говорила величайшую ахинею два года; предположим даже, что теперь, став на правильную точку зрения, партийное руководство само не в состоянии будет провести эту политику. Но скажите, пожалуйста, если бы все это было так, и если бы в этих двух вопросах оппозиция была права, разве тогда не должна была оппозиция сказать: ну теперь руководство партии обнаружило свое политическое банкротство; партия, однако, этому руководству верит; мы, оппозиция, должны еще доказать всей рядовой партийной массе, что это руководство по тем векселям, которые оно дало, платить не будет. Подождемте еще годок и все увидят, что это партийное руководство по векселям, выданным им, платить не будет, политическую линию, которая теперь намечена, осуществить не сможет, тогда всякий дурак поймет, что этакое руководство надо сбрасывать, сшибать. Так тогда должна была бы рассуждать оппозиция.

А что мы видим вместо этого? Вместо этого мы видим, что как раз перемена тактической ориентировки партии в связи с новым положением сопровождается со стороны оппозиции не только криками о том, что нас-де «обокрали», но и *неслыханным обострением внутрипартийной борьбы*. Это почему? Если вы уверены, что теперешнее партийное руководство своими собственными силами не сможет провести намеченную политику, если дело обстоит так, то разве не долгом каждого оппозиционера являлось бы выждать еще известное количество времени, а не подвергать партию неслыханной опасности раскола, подвергать пролетарскую диктатуру в нашей стране различным колебаниям, идя на путь нелегальщины, переходя решительно *все рамки внутрипартийных норм и даже норм общесоветского права*.

ОППОЗИЦИЯ ОТОШЛА ОТ ПАРТИИ НЕ ТОЛЬКО В ВОПРОСАХ ТАКТИКИ, НО И В ВОПРОСАХ ПРОГРАММЫ

Из-за чего такой шум? Из-за чего такая ожесточенная атака? Из-за чего такая политика, которая по сути дела означает *выбрасывание всех организационных принципов партии в корзину? Почему* такое бешенство? Почему такая антипартийная и даже, повторяю, отчасти *антисоветская работа? Почему?* Если все так, как говорит оппозиция, то на этот вопрос нельзя найти никакого ответа, если... если не обратить внимания на другую сторону дела, если не обратить внимания на то, что сейчас, по сути вещей, оппозиционные товарищи отходят от партии не только тактически, *но и программно*. И если дело будет идти так и дальше, то ничего хорошего для оппозиции получиться не может.

Я возьму некоторые пункты, наиболее важные с моей точки зрения и, думаю, с точки зрения всех нас, и постараюсь показать, *насколько далеко в основных, элементарных, кардинальных и существенных вопросах разошлись партия, с одной стороны, и оппозиция, с другой стороны*. Я возьму, товарищи, вопрос о пресловутом «термидоре», который всем вам изрядно надоел, но о котором я все же здесь должен сказать несколько слов. Вопрос о «термидоре» есть по сути дела вопрос о том, что *собою в конце концов представляет сейчас наша страна*. Есть ли у нас революционное строительство или у нас контрреволюция, победа других классов и т. д.? Повторяю, — это вопрос о том, что сейчас представляет собою наша страна. Это не маленький вопрос! Этим вопросом определяется все. Троцкий в своей брошюре «Новый курс» [16], нападая на политику партийного большинства, в кругу которого находились Зиновьев, Каменев и др., и в то же самое

время отгораживая себя от других критиков нашей партии, именно от критиков меньшевистского и либерального лагеря, критиков, которые считали, что они первые заговорили о термидоре, которые еще в 1921 году видели в Ленине главного «термидорианца», которые в новой экономической политике видели основное грехопадение большевиков, которые еще в 21-м году в новой экономической политике видели провозвестника грядущего бонапартизма и грядущей контрреволюции,— боролся на два фронта: с одной стороны, против партийного большинства, а с другой стороны, против меньшевиков и сменовеховцев [17]. Вот что он писал: *«Исторические аналогии с Великой Французской революцией (крушение якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны»* («Новый курс», с. 33. Курсив наш.— *Н. Б.*).

Что это за аналогия с Великой французской революцией? Эта аналогия с Великой французской революцией, это есть аналогия с термидором, бонапартизмом и прочими «металлами и жупелами». Троцкий еще в 1923 году писал, что игра с этими вещами, игра с аналогией и сама аналогия *поверхностны*, т. е. недопустимы, *несостоятельны*, т. е. не годятся; а рассматривая с точки зрения социально-классовой этих говорунов о «термидорах», назвал их *либералами и меньшевиками* и писал: пусть питаются и утешаются либерализм и меньшевизм этими аналогиями.

Прошло несколько лет — с 23-го по 27-й год. Кто теперь питается и утешается этой аналогией с Великой французской революцией? Утешается ею и питается меньшевизм? Да. Либерализм? Да. Но только ли они, или еще кто-то, кто тоже питается теоретически, идейно этой аналогией? К сожалению, мы должны констатировать тот несомненный факт, что сейчас *к двойке — к либерализму и меньшевизму — присоединилась еще оппозиция в нашей партии во главе с Троцким.* А как нужно оценить с этой точки зрения наши разногласия? С этой точки зрения наши разногласия нельзя иначе оценить, как так, что по *коренному вопросу*, от которого зависит ответ на целый ряд других тактических, общеполитических, хозяйственных и прочих вопросов, оценка положения в стране, которая дается сейчас нашей оппозицией, *есть оценка, которая привела нашу оппозицию в один лагерь с либералами и меньшевиками.* Это, к сожалению, несомненный факт.

ОППОЗИЦИЯ СКАТИЛАСЬ К МЕНЬШЕВИЗМУ В ВОПРОСЕ ОБ ОЦЕНКЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Я беру второй вопрос, связанный с этим вопросом,— *вопрос о характере нашей государственной власти.* Вопрос о характере нашей государственной власти —

вопрос не маленький; вопрос о характере государственной власти есть существенный вопрос для оценки положения вещей в той или другой стране. Что мы по этому поводу имели и имеем?

Все мы знаем, что сравнительно недавно, какие-нибудь полтора года тому назад, Троцкий впервые выпустил крылатое словечко о далеко не пролетарском характере нашего государства. Когда обратили его просвещенное внимание на это «далеко не пролетарское государство», то Троцкий неоднократно позволял себе обвинять тех, кто критиковал это положение, чуть ли не в клевете. А теперь что мы видим и что теперь говорят оппозиционеры про наш строй, про государственную власть? Ни для кого не секрет документ оппозиции, в котором черным по белому написано, что с помощью руководящей группы, теперешней группы нашего Центрального Комитета, наша страна пришла к такому положению вещей, когда мы переживаем период Керенского. Это написано черным по белому. Это циркулирует в различного рода документах наших оппозиционных товарищей. Но что это означает, если мы переживаем «эпоху Керенского», а наша оппозиция стоит на точке зрения большевиков 1917 года, июля месяца? Это означает, что мы являемся контрреволюционным государством, и это означает, что настоящий революционер должен не только не заниматься защитой этого государства, а должен свергать это государство. Мы можем констатировать, что в вопросе об отношении к государственной власти теперь, пройдя через различные этапы, через положение о далеко не пролетарском государстве, оппозиция имеет решительную тенденцию переходить к вещам, которые влекут за собой выводы, политически абсолютно несовместимые и абсолютно нетерпимые (мягко выражаясь) в рядах партии революционного рабочего класса.

ОППОЗИЦИЯ ПРЕДПОЧИТАЕТ БУРЖУАЗНУЮ «ДЕМОКРАТИЮ» ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЕ

Я должен процитировать здесь один документ, который был оглашен на последнем Пленуме [18] и остался *без опровержения со стороны представителей оппозиции.* Поэтому я его процитирую здесь. Это есть заявление одного из ленинградских товарищей, Косько, который был «на приеме» у Троцкого, Зиновьева и пр. во время их последнего пребывания в Ленинграде в период сессии Центрального Исполнительного Комитета Советов [19]. «На приеме» тт. Зиновьеву, Троцкому и пр. задавались различного рода вопросы, и в том числе был задан вопрос о том, каким образом союзники теперешней нашей оппозиции — германские ультралевые в своем органе «Фане-Дес-

Коммунизмус» («Знамя коммунизма»), издаваемом всем вам известным Масловым [20], выдали нашего товарища, Ломинадзе [21], полиции. Тов. Ломинадзе работал там нелегально, а они взяли и написали, что он находится в Германии и пишет такие-то статьи. И вот этот тов. Косько описывает, что ответил на это тов. Зиновьев. Я цитирую дословно заявление этого ленинградского товарища.

«*Зиновьев* (отвечает). *Мы в этом, конечно, повинны.* Но ничего страшного тут нет. У тов. Ломинадзе ни один волос не упал с головы. Конечно, плохо, что так вышло. *Да, правду сказать, как это ни странно, в гинденбурговской* [22] *Германии свободнее, чем у нас. Я смело могу сказать, что сейчас там нет ни одного коммуниста в тюрьме.* Можешь писать и говорить, что хочешь. А у нас — сегодня скажешь на партсобрании про секретаря или против какой-нибудь ошибки аппарата, а завтра тебя исключат из партии» (курсив наш.— *И. Б.*). (Голоса: «Позор!»)

Я позволил себе процитировать этот документ, повторяю, потому, что он был зачитан на Пленуме Центрального Комитета и *не удостоился опровержения со стороны оппозиции.* Но установка, данная в документе, удивительно вяжется со всем прочим — и с «термидором», и со сравнением с керенщиной. В самом деле, если у нас есть не только «термидор», но и такая победа контрреволюции, которая роднит наше государство с государством российской империалистической буржуазии времен Керенского, после июльских дней, т. е. после временного разгрома и подавления революционного рабочего класса, то, пожалуй, по сравнению с таким государством гинденбурговская Германия не отличается особенно большими недостатками. Но, товарищи, тогда нам нужно с оппозицией договориться: *кому гинденбурговская буржуазная республика более люба, чем Советская республика рабочего класса, тому — скатертью дорога, мы не мешаем...* (Возгласы: «Правильно!» *Бурные аплодисменты.*)

ОППОЗИЦИЯ ОТРИЦАЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР НАШИХ КОМАНДНЫХ ВЫСОТ

Беру другой вопрос, который точно так же должен быть поставлен, когда мы говорим относительно кардинальных вопросов, стоящих перед каждым из нас, перед каждым сознательным членом рабочего класса и каждым членом нашей партии. Это есть вопрос *о роли командных экономических высот.* Вы вспомните, что во время XIV партийного съезда по этому вопросу, по вопросу об оценке роли командных экономических высот, у нас были разногласия с новой оппозицией, причем эти разногласия были тогда еще очень трудно уловимы. Оппозиция не давала точной формулировки, она только атаковала

наши определения промышленности как промышленности «последовательно социалистического типа», по определению Ленина, или как «социалистической индустрии». Оппозиция давала разные формулировки, очень «эластичные», совершенно неточные, но которые все клонились к тому, чтобы подорвать социалистическое значение нашей промышленности, хотя бы слегка подорвать. А в одном из последних «произведений» нашей оппозиции, а именно в оппозиционной «платформе», где речь идет о промышленности, сказано, между прочим, что теперешнее положение на фабриках имеет тенденцию восстановления отношений дореволюционного периода. Прямо там сказано об отношениях между мастерами и рабочими, но в таком контексте, который совершенно ясно говорит об общей тенденции на фабриках восстанавливать отношения между людьми, которые были свойственны *дореволюционному периоду.* А так как социальная характеристика, т. е. классовое существо того или иного строя, той или иной промышленности, определяется именно этими отношениями между людьми, то сказать, что в области нашей промышленности имеется сильная тенденция к восстановлению отношений дореволюционного периода, это значит начать *отрицать какой бы то ни было социалистический характер государственной промышленности.* Это разногласие не есть тактическое, это есть *разногласие программы,* потому что если бы на наших фабриках были отношения дореволюционного периода, то мы не имели бы никакого ни морального, ни политического, ни революционного права призывать рабочий класс поддерживать такую промышленность, а, наоборот, должны были бы призывать эту промышленность разрушать.

На XIV партийном съезде разногласия [23] по этим вопросам при всей своей величине играли сравнительно второстепенную роль, хотя эти разногласия крупные и большие. Но то, что мы имеем сейчас, обозначает огромнейшее раздвижение идеологических ножниц за последние два года, раздвижение, которое точно так же идеологически выводит оппозицию за пределы хотя бы элементарного ленинского понимания вещей.

Тов. Смилга в своей критике тезисов тов. Молотова о работе в деревне, которые Политбюро представило вниманию Пленума [24], между прочим, заявил относительно этих тезисов следующее (я цитирую *буквально по стенографической записи* прений, бывших на Пленуме ЦК): «Вместо ленинской установки, мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, *что при капитализме — так, а у нас все принципиально иначе»* (курсив наш.— *И. Б.*). В тезисах доказывается, что у нас дифференциация крестьянства идет не совсем так, как она идет в капиталистических странах, у нас цифры и статистические данные показывают, что при росте кулацких хозяйств и при пролетаризации части бедняцких хо-

зяйств, благодаря тому, что известная, довольно значительная часть бедняцких хозяйств переходит в середняцкие, *середняк у нас не вымывается*, как в условиях капиталистического строя, а середняк есть и *остается центральной фигурой нашего земледелия*; и что причина этому *пролетарская диктатура*, вся *система отношений при пролетарской диктатуре*, направление наших командных высот, т. е. *принципиально иные пути развития* возможны у нас потому, что у нас *принципиально иная структура государственной власти*.

Тов. Смилге захотелось назвать эту установку «бухаринской», в противоположность «ленинской», и он развил целый каскад соответствующих тирад насчет ревизионизма, отрицания дифференциации и всяких других «металлов и жупелов».

ТРОЦКИЗМ ПРОТИВ ЛЕНИНСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ПЛАНА

Но главное положение, которое он здесь выставил, гласит, как я вам читал: «Вместо ленинской установки мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, что при капитализме — так, а у нас все принципиально иначе». Что *все* принципиально иначе, этого я *никогда не говорил*, и тезисы тов. Молотова этого *не говорят*. Но что у нас *основное* развитие *принципиально иначе* поставлено, это до сих пор считалось *элементарной истиной* для каждого члена партии, и вы знаете это. Если бы было не так, то, позвольте вас спросить, — каким же образом мог бы найти себе место в политике партии кооперативный план Вл. Ильича? Если у нас середняк обречен, как в капиталистическом обществе, на обязательное и необходимое вымывание, если процесс дифференциации у нас идет точно так же, как в капиталистическом обществе, где нет никакой пролетарской диктатуры, если развитие сельского хозяйства идет точь-в-точь, как в капиталистическом обществе, если здесь нет принципиального поворота, то каким же образом Ленин мог ориентироваться на кооперацию, которая во всех капиталистических странах всегда врастала в совокупный механизм капиталистического хозяйственного аппарата, подчинялась и вырождалась в капиталистическую кооперацию,— каким же образом Ленин мог ориентироваться на кооперацию, как на метод развития социализма? Такими вещами тов. Смилга целиком *зачеркивает весь ленинский план*, уже не говоря о вздорности утверждения, что пролетарская диктатура не меняет коренным образом всех условий развития и всего темпа развития и его направления. Против такого рода аргументации мы находим классическое возражение, которое мне, по чести говоря, стыдно приводить, настолько оно известно каждому нашему

партийцу. Это возражение сделал не кто иной, как сам *тов. Ленин* в той же самой *статье о кооперации*, ибо он писал: «В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают *основного, коренного* значения *политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров*» [25] (т. XVIII, ч. 2, с. 139. Курсив наш.— *Н. Б.*). И дальше он пишет в конце этой статьи: «Забывают, что кооперация получает у нас, *благодаря особенности нашего государственного строя*, совершенно исключительное значение» [26] (там же, с. 144. Курсив наш.— *Н. Б.*). Он поясняет свою мысль, в чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна: «В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир)» [27]. «Но посмотрите, *как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса*, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса» [28]. «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены *признать коренную перемену всей точки* зрения нашей на социализм» [29] (там же). А у Смилги где коренная перемена? Ее нет, она исчезла.

А почему? Здесь, товарищи, ларчик открывается просто. Потому, что Смилга исходит из молчаливой предпосылки, что *нет у нас пролетарской диктатуры*, а поэтому естественно, что раз нет этого коренного рычага, то все идет не так: возникают предпосылки о термидоре, о государстве периода Керенского, о промышленности, в которой восстанавливаются довоенные отношения, о капиталистических путях развития сельского хозяйства и т. д., причем все эти вопросы завязаны в один узел, и этот узел упирается целиком в один кардинальный вопрос — *о природе государства в нашей стране*: есть ли пролетарская диктатура у нас или ее нет? Ибо вы видите, как решительно по всем направлениям так называемая оппозиционная мысль бьется под знаком отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране. Это уже не тактическое разногласие,

это есть *коренное программное разногласие*, и здесь *лучше разойтись, чем жить вместе под одной крышей, если существует такая установка у оппозиции*. (*Аплодисменты.*)

ОППОЗИЦИЯ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Товарищи, совершенно понятно, что при таких, совершенно неслыханных, идейных установках,— вы видите, что я в этом споре, который имеет совсем невеселое значение, отметаю все личное, все второстепенное и все наносное и беру только коренные вопросы,— так вот, при таких идейных установках, которые есть не что иное, как *переход нашей оппозиции в тот лагерь*, который Троцкий в 1923 году называл лагерем меньшевиков-либералов, определяется практически-политическая установка оппозиции, развитие ее платформы. И вот посмотрите, что в этой платформе сказано о рационализации нашей промышленности. Там сказано только плохое: об извращениях, о недостатках и т. д. Это плохое у нас есть. А посмотрите, что сказано положительного о рационализации нашей промышленности? По вопросу, который с точки зрения строительства социализма имеет поистине *кардинальное* и чуть ли не решающее значение... сказано всего две с половиной строчки, как «кот наплакал». Почему? Да потому, что чего же говорить о рационализации промышленности, в которой восстанавливаются «довоенные отношения». Теперь, далее, посмотрите, куда делся у Смилги кооперативный план? Его нет, потому что выпала предпосылка о пролетарской диктатуре в нашей стране. А вся установка в городе и в деревне? О деревне говорится только в смысле защиты интересов бедняка, это верно. Но этого еще недостаточно, такие же пункты есть и у меньшевиков, но у оппозиции *нет положительной задачи строительства социализма в деревне*. Где она? Она улетела, она испарилась! Все это сейчас понятно: ведь если у нас процесс дифференциации крестьянства идет точно так же, как в капиталистическом обществе, а все остальное есть «ревизионизм», то как же на этом строить социализм, расскажите вы мне, пожалуйста? Где же вы здесь осуществите ленинский кооперативный план? Его нельзя осуществить, а поэтому совершенно естественно, что речь об этом может идти так же, как и у меньшевиков. Меньшевики считают, что у нас имеется своеобразный капитализм, а поэтому можно позаботиться о том, чтобы рабочие стачкой нажали на то, чтобы им лишний рубль выплатили, или еще что, но... поддержать нашу промышленность — упаси, боже! Вот поддержка промышленности в гинденбурговской Германии, где якобы «ни один коммунист не сидит в тюрьме» (!?), это другое дело, а в нашей

стране, где имеется тенденция к восстановлению довоенного царского уровня — ни под каким видом! «Пущай» дураки из большинства этим занимаются! Вот ведь какая у них установочка. А в деревне? В деревне можно защищать батраков, а поставить задачу положительной работы, задачу строительства социализма — нет, это не наше дело; этого сделать нельзя, потому что «нет пролетарской диктатуры», а есть «термидор» и т. п. Ведь вот что получается.

ОППОЗИЦИЯ ЛОМАЕТ СОВЕТСКУЮ ЛЕГАЛЬНОСТЬ

Теперь посмотрите, да разве вместе с этим не важно то, что делается в области организационно-тактической. Все то, что позволила себе оппозиция, эта пока что внутрипартийная оппозиция, является величайшей трагедией для нее самой, ибо она *перешла рамки не только партийной легальности, но и советской легальности*.

Она поступает не только нелояльно по отношению к партии, т. е. не подчиняется партийному большинству, не подчиняется решениям партийного съезда, плюет на решения Коминтерна и т. д., но она идет еще и дальше, когда берет обложку покойного пролетарского писателя Фурманова и под этой обложкой, *обманным путем*, печатает свою платформу на казенные деньги, обманывая наши хозяйственные органы. Во-первых, Фурманов не давал мандата использовать его, покойника, для оппозиционных делишек. Это просто не особенно порядочно по отношению к умершему товарищу. (*Смех.*) С другой стороны, разве это не есть нарушение советских законов? Это есть нарушение советских законов. А что такое советский закон? Советский закон, если у нас есть пролетарская диктатура, это есть закон пролетарской диктатуры. Что такое нарушение законов пролетарской диктатуры? Нарушение законов пролетарской диктатуры есть *ломка пролетарской диктатуры*. Одно из двух — или пусть оппозиционные товарищи выйдут и открыто скажут: мы не верим, чтобы у вас была сейчас пролетарская диктатура в стране! Тогда пусть они на нас не гневаются, если мы им скажем, что тогда гнусным лицемерием является ваше заявление о том, что вы желаете защищать такую страну от внешнего врага. Если у нас нет пролетарской диктатуры, тогда рабочему-революционеру не для чего защищать такое государство, тогда его надо свергать, пользуясь вторжением внешнего врага. Если вы говорите, что вы желаете защищать наше государство, что у нас есть пролетарская диктатура, тогда вы должны нам объяснить: каким образом человек, стоящий на точке зрения, что у нас есть пролетарская диктатура, осмеливается ломать законы пролетарской диктатуры? Вот как обстоит дело. Понятно, товари-

щи, что, исходя из отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране, ломая законы пролетарской диктатуры, можно точно так же выставлять положение: главный враг — это режим, потому что, если нет пролетарской диктатуры, если у нас сейчас государство, аналогичное государству буржуазии времен Керенского после июльских дней, тогда совершенно ясно, что это и есть та мишень, в которую должен целить пулей каждый честный революционер. Тогда опять — *выйдите и скажите нам, что-де нашей установкой является борьба против режима*, который у нас сейчас есть, тогда не играйте в *двойную бухгалтерию*, тогда не говорите, что вы это государство, связанное с этим режимом, хотите защищать против внешнего врага, если у Гинденбурга лучше, чем у нас! Почему вы будете защищать наше государство, если «лучшее», гинденбурговское государство поведет свои полки против нашей красной страны? Это надо продумать. Нельзя бросаться так словами и, как фокусник, вытаскивать то одно, то другое, ни за что не отвечая. Нет, *извольте ответ держать перед партией за каждое слово*.

Совершенно естественно, что в связи с этим стоит вопрос *об отношении к партии*. Если наше государство все к черту прогнило, если режим у нас такой, что у Гинденбурга «лучше», ясно, что виновницей всего этого зла является наша партия, тогда понятно, почему можно нелегальщину устраивать, типографии заводить, ничего не чураться, тайные собрания созывать, другую партию строить и т. д. Тогда выйдите и скажите нам: пока что мы находимся в вашей партии — так же, как, скажем, одно время вы находились в гоминьдане [30] для того, чтобы вас потом взорвать, околпачить и т. д. Тогда скажите по чести. Нельзя же вести *двойную игру*, нельзя говорить: единство партии и т. д., а потом на все это плевать. Политика оппозиции в этом вопросе понятна в том случае, если предполагать элементарную логику в их головах, т. е. если они смотрят на нашу партию не как на пролетарскую, а как на гоминьдан и сидят в этой партии только для того, чтобы уловить еще остатки рабочего класса, который находится в нашей партии, а потом увести вместе с собой. Тогда это понятно.

Но тогда пусть скажут это открыто, пусть скажут нам, что наша партия, которая считается партией рабочего класса,— что она не есть партия рабочего класса, пусть скажут нам тогда это открыто, пусть они осмелятся это сказать перед рабочей массой, которая входит в состав нашей партии,— тогда мы посмотрим.

Я наперед скажу, что, получив жесточайший отпор в нашей партийной ячейке, они выдумают новую теорию: они скажут, что пролетариат устал, что он расчленен, что он развращен, что нужно

выждать десять лет и тогда видно будет, что они все-таки были правы,— они найдут себе утешение; всякая старуха находит себе утешение или в иконе, или в боге, или в болонке,— они найдут себе утешение в новой теории.

СВЯЗЬ ОППОЗИЦИИ С РЕНЕГАТАМИ И ОППОРТУНИСТАМИ

Кстати, они говорят, что за ними «миллионы». Они сказали на пленуме, что ленинградский пролетариат от партии отвернулся, что он голосовал на демонстрации за оппозицию. (*Смех.*) По этой причине они, что ли, голосовали против манифеста ЦИКа [31]. Так вот только из такой установки по отношению к партии они могут сделать вывод, который они делают, и только из такой установки понятно, что они делают в рамках Коммунистического Интернационала. Предположим, что мы переродились,— вы видите, я готов признать сегодня самые неприемлемые вещи,— предположим, что в Советской стране мы переродились и вместо красной страны, вместо пролетарской диктатуры и пр. лежит куча навоза (непонятно только, почему рабочие всех стран приезжают смотреть на эту кучу!). (*Смех.*) Вот что интересно — почему оппозиция борется в таком случае против всех партий Коминтерна. Я должен сказать, что у них можно видеть такую цепочку — все зло идет от ЦК ВКП(б), что это зло проникает во все страны и что через нашу партию идет разложение всего западноевропейского пролетариата. Непонятно — какими чудодейственными средствами должна обладать эта цекистская группа, которая оказывает на весь мир такое влияние. Но они так рассуждают. Они идут против огромного большинства партии. Троцкий на протяжении ряда лет до революции собирал всякую веревочку, всякую дрянь до тех пор, пока все не развалилось, не расползлось, лишь бы насолить большевикам. Так и сейчас делается по отношению к нашей партии, ровно так же. Если мы вспомним Августовский блок [32], то Троцкий делает теперь в международном масштабе то, что он делал в нашей партии или вне нашей партии против нее. Оппозиция говорит, что она опирается на левое крыло Коминтерна. Сейчас я приведу сводку того, на кого опирается, кого собирает вокруг себя троцкистская оппозиция. Я говорю о троцкистской оппозиции, потому что всем ясно, что Зиновьев и Каменев отнюдь не играют роль гегемона в данном случае.

Вот что мы имеем по странам: в Германии у оппозиции есть масловская группа [33], центральный орган которой выдал Ломинадзе. За последнее время есть документ — пусть попробует опровергнуть это кто угодно,— что Маслов вступил в связь с группой

Корша [34], а про Корша Зиновьев писал, что это явный контрреволюционер.

Это тот самый Корш, который требует сейчас амнистии русским меньшевикам, который решительно высказывается против того, чтобы защищать нашу страну в случае империалистической войны, так как, по его словам, защита нашей страны — это все равно, что защита любой империалистической страны, и та группировка, которая защищает нашу страну, совершает такое же падение, какое совершила германская социал-демократия в августе 1914 г. Оппозиция называла Корша контрреволюционером, теперь они понемногу подползли к этому самому Коршу.

А кто у них есть в Италии? Парижская группа итальянских политэмигрантов, а потом из более или менее порядочных людей у них есть Бордига [35]. Возьмите любой конгресс Коминтерна, на котором председательствовал тов. Зиновьев, и возьмите любую его речь по поводу Бордига; он всегда оценивал его как человека, у которого нет ни капли марксизма и ленинизма.

Но я беру еще другие вещи, которые еще более интересны, а именно: оппозиция имеет сторонников в Бельгии. Правда, не из членов коммунистической партии, но из группы Лидирса. Это социал-демократическая группа, которая сейчас борется против Профинтерна [36], которая бешено борется против бельгийской коммунистической партии и которая на последнем собрании своих сторонников решительным образом боролась *против посылки делегации* в СССР. Этот лидер объявляет себя сторонником оппозиции, издает ее документы и аргументирует оппозиционной платформой для того, чтобы повернуть стремление рабочего класса своей страны ехать в нашу страну. И понятно, почему же не ехать смотреть на гинденбурговскую Германию, когда там «лучше», «свободнее» и режим там совсем не такой «кровавый», как у нас.

У них есть теперь сторонники в Австрии. Их сторонники в Австрии — это небольшая кучка людей во главе с Фреем [37], который не так давно был исключен из австрийской коммунистической партии. За что он был исключен? Он был исключен за то, что *предлагал коммунистам во время последних парламентских выборов идти вместе с социал-демократами без всяких условий*. Он это не только предлагал, а издавал свою газету против партии, создал свою фракцию и т. д. А теперь он проповедует, что Коминтерн держался неправильной линии в венских событиях, выставив лозунг Советов, что это есть якобы анархо-коммунизм, что надо идти вместе с социал-демократами. И этот человек, который с резко *правого фланга* критиковал нашу линию, теперь является сторонником оппозиции.

Рут Фишер, оппозиционная дама, приятная во всех отноше-

ниях, заявляла недавно, что она скорее пойдет с КАП (маленькая анархо-синдикалистская группа в Германии, исключенная при Ленине из Коминтерна, резко враждебная уже много лет по отношению к СССР, пропагандирующая самым решительным образом против посылки делегаций в СССР). Вот эта оппозиционная дама Рут Фишер заявляет, что она скорее пойдет с КАП, чем с нами.

Сфера влияния оппозиции проникла и в Грецию. Там есть некий Пулиопулос, который был изгнан из коммунистической партии. Теперь он является сторонником оппозиции и издает произведения оппозиции. А исключен из партии он был за то, что проповедовал, что в Греции надо вообще закрыть коммунистическую партию.

Каждый из этих фактов вы можете проверить. Но вот букет получается недурной, букет получается очень революционный!

Упомяну еще одного, лично очень честного товарища, голландского товарища Генриэтту Роланд-Гольст [38]. Она женщина пожилая, с мистическим настроением. Не так давно она устремлялась в одно религиозно-философское общество, но под нашим нажимом ушла. Она сперва апеллировала к нам все время на предмет того, чтобы мы как-нибудь утихомирили свои страсти и как-нибудь помирились с оппозицией. Так вот эта самая товарищ Роланд-Гольст объявила себя решительной сторонницей оппозиции, но в то же время не так давно написала письмо Броквею, руководителю Независимой английской рабочей партии, в котором заявила, что она стоит за объединение II и III Интернационалов... (*Смех.*)

Я называю простые факты. Есть еще много других фактов, вроде того, что, например, в Голландии оппозиционеры зачисляют по своему «ведомству» профессиональную организацию, во главе которой стоит Сналифт, исключенный давно из Коммунистического Интернационала, он — большой оппортунист. Я не говорю уже о Суварине [39], на которого оппозиция опирается во Франции,— тоже оппортунист, исключенный за резко правые ошибки, и т. д. и т. п. Ведь это же международный Августовский блок! Здесь «всякой твари по паре». Здесь единая платформа для людей, которые обязуются ругать ВКП и начинают ругать СССР. Вот какова эта платформа. Это — международный Августовский блок. Деятельность оппозиции такого типа можно понять и объяснить себе только при определенном условии: если считать, что нет худшего врага, чем современная Советская власть в СССР,— как говорил когда-то Каутский: «Муссолини [40], Хорти [41] и русские большевики — на одной доске». До этого еще не дошло,— хорошо, если бы и никогда не дошло,— но несомненно одно, что люди идут по такому пути, что могут договориться, что главный враг —

наш режим и что поэтому его можно подтачивать и подрывать всеми средствами, какие только существуют. Вы сами понимаете, что этакие вещи ничем нельзя оправдать.

БОРЬБА ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ ПАРТИИ — РЕЦИДИВ ОКТЯБРЬСКОГО ДЕЗЕРТИРСТВА

Если спрашиваешь себя: где же истоки этих элементарных заблуждений, где логические, разумные корни, где их найти, как это понять, то, уверяю вас, я сам иногда отказываюсь понимать, что творится в головах оппозиции. Если хладнокровно вдуматься и понять всю платформу оппозиции, как-нибудь осмыслить ее, то можно прийти только к одному заключению: что в первую очередь здесь речь идет о «не случайной октябрьской ошибке». Я это говорю не для того, чтобы сделать против кого-либо выпад,— достаточно про эти ошибки говорилось и повторять это не к чему,— но как понять, что на десятом году революции, когда мы не сегодня — завтра будем праздновать 10-летний юбилей Октября, люди приходят к такого рода заключениям. Я лично не могу объяснить себе иначе, как тем, что это есть *рецидив, громадный, глубокий, нутряной рецидив той установки, которая была во время Октябрьских дней у Зиновьева и Каменева* [43].

Какие соображения тогда играли у них роль? Соображения, что наша страна экономически, хозяйственно и технически страшно отсталая, что мы не удержим власти, а если и удержим, то будем перерождаться. Эта тема развивалась неоднократно, и я не буду ее здесь развивать. Троцкий думал, что вывезет кривая международной революции, что вывезет государственная помощь международного пролетариата, а если помощи международного пролетариата не будет, то ничего из этого не выйдет. У него была такая позиция. И если сейчас этой помощи нет, то вполне понятно, почему он спустился к тем взглядам, которые отстаивали Каменев и Зиновьев.

Нам невредно вспомнить, как они вообще смотрели в Октябрьские дни на политическое положение страны. Я прочту выдержку из документа ушедших наркомов [43], писанного с благословения Каменева и Зиновьева. Что они писали? «Мы считаем, что только образование такого демократически-социалистического (т. е. меньшевистско-эсеровско-большевистского.— *Н. Б.*) правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров.

Мы на него не можем и не хотим вступать». (Слушайте, дальше особенно замечательно!) «Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны». («Архив Революции». Под ред. Рожкова. 1917, с. 408.)

Вот как они оценивали политическое положение. Они считали, что в отсталой стране, как наша, не только социализма не построить, но с политической точки зрения возникает безответственный диктаторский режим. И когда они сейчас пробуют расшатать режим, когда они сейчас становятся рупором мелкобуржуазной демократии, когда они сигнализируют, что гинденбурговская «демократия» лучше пролетарской диктатуры, они *повторяют слово в слово то, что они писали и при своем уходе от октябрьских постов десять лет тому назад*. Эта нутряная установка выявляется сейчас, эта нутряная установка дает себя знать в их бешеной борьбе против партийного руководства и теперешнего режима вообще.

Из старой брошюры тов. Троцкого «Наши политические задачи» я рекомендую вниманию товарищей одно чрезвычайно интересное место, которое я, к сожалению, сейчас не могу точно процитировать, но смысл которого я могу устно передать так, что общий смысл этого места будет ясен.

Тов. Троцкий писал еще в 1904 г. насчет пролетарской диктатуры и говорил при этом, что переходный период поставит такие сложные задачи перед рабочим классом, что *одна какая-нибудь партия, одно течение не сможет этих задач ухватить во всей сложности, что нужны разные группы, разные течения*, из которых одна подходит с одной стороны, другая подходит с другой стороны, третья — с третьей. Скажем, одна давит на кулака, а другой больше люб середняк, третьей — торф, четвертой — уголь и т. д., и только из синтеза, т. е. из объединения всех этих различных течений, направлений и партий складывается возможность решения сложнейших задач пролетарской социалистической диктатуры. Ну, а все вышло немножко наоборот.

Что касается партии, то до сих пор все большевики проповедовали, и громче всех об этом кричал тов. Зиновьев, а наряду с ним и тов. Каменев, что у нас ни в коем случае невозможна система двух партий, что такая система означала бы сползание в рамки буржуазной демократии, что две партии в нашей стране означают два правительства, две армии, два ГПУ [44], два любых административных органа и т. д., потому что раскол в нашей партии будет означать раскол всего, всего нашего механизма, ибо наша партия правит и управляет, ее пальцы воткнуты в любой хозяйственный, политический, военный и прочий аппараты, и раскол нашей

партии будет означать трещину во всей системе государственной власти в нашей стране. А почему же, спрашивается, они теперь об этом позабывают, почему они теперь идут к системе двух партий, почему они теперь не гнушаются ничем?

Это можно опять-таки объяснить только в том случае, если отрицать наличие диктатуры пролетариата в нашей стране, потому что если у нас нет диктатуры пролетариата, то какое мне дело — раскалываю я или не раскалываю ГПУ, это же есть «охранка»; раскалываю я или не раскалываю армию, ведь это есть армия «преторианцев» [45]; раскалываю я или не раскалываю государственный аппарат,— наплевать мне на этот аппарат, если это есть враждебная по отношению ко мне сила, т. е. при таких предпосылках можно позабыть все речи, которые еще полтора каких-нибудь года тому назад с таким воодушевлением произносились тт. Зиновьевым, Каменевым и иже с ними, которые теперь маршируют во главе с исконным антиленинцем, тов. Троцким.

А если в результате всего этого мы зададим вопрос — и пусть нам объяснят,— чем отличается эта точка зрения по отношению к СССР от точки зрения социал-демократической? Согласны здесь социал-демократы с нашей оппозицией? Согласны на сто процентов. Они только *раньше* это сказали. Относительно природы нашей государственной власти согласны социал-демократы с нашей оппозицией в том, что она переродилась? Согласны.

А о наших госпредприятиях — согласны ли они, что там возрождаются довоенные отношения? С этим также согласны. А о развертывании кооперативного плана, что якобы оно ведет не к социализму, а к капитализму? Все это говорит и социал-демократия. И в вопросах о положении рабочего класса, в том, что нечего рационализировать нашу промышленность, а что рабочему нужно вырывать то, что можно, и в разговорах о режиме,— во всем сейчас оппозиционеров не отличишь от меньшевиков. Мы не можем найти никакой принципиальной разницы между вами, товарищи из оппозиции, и социал-демократами. То, что вы говорите, это есть неоменьшевизм, новый меньшевизм, на новых дрожжах растущий.

А в пунктах обвинения, которые выставляют в своей платформе оппозиционеры, в пунктах обвинения, где нет ни слова правды, разве там они не повторяют социал-демократов? Главные обвинения против нашей партии, заключающиеся в платформе оппозиции,— это пункт о том, что якобы мы хотим ликвидировать монополию внешней торговли, заплатить довоенные долги; расширить политические права кулака и уйти из Китая. Ведь составители платформы великолепно знают и не смогут отрицать того, что все эти пункты лживы от начала до конца, на все сто процентов. Они же знают, что мы целиком на стороне китайской

революции. Заявляя так, они на нас клевещут. Они говорят, что мы хотим ликвидировать монополию внешней торговли, но они прекрасно знают, что это неправда. Они говорят о привилегиях, которые мы предоставляем кулакам, прекрасно зная, что кулаки не имеют ни одной привилегии, а что *мы лишили их права голоса в земельных обществах*. Они знают, что это ложь на все сто процентов. Всю эту ложь оппозиция поет с голоса либерального и меньшевистского лагеря, как совершенно справедливо заявил в 1923 г. Л. Д. Троцкий в связи с вопросом о «термидоре», и т. д. Ведь вот что получается.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ОППОЗИЦИИ

Мы можем и должны выяснить социальный базис оппозиции, что она собою представляет, что она собою выражает. Я различаю непосредственный *базис* оппозиции и *служебную роль* оппозиции, что представляет собою совершенно другое. Может быть, такая группа, базисом которой являются интересы мелкой буржуазии, а служебная роль ее такова, что она помогает крупной буржуазии. Словом, ее служебная роль не совпадает с социальным базисом.

Прежде всего — о социальном базисе оппозиции. У нас в стране не все еще утряслось. Мы шагнули далеко вперед, но развитие у нас противоречивое. Характерным для городов является безработица служащих, слоев, которые стоят между интеллигенцией и городской беднотой. Мы сейчас ставим перед собою задачу борьбы с бюрократизмом, и одна из мер этой борьбы — сокращение нашего государственного советского аппарата. Один раз мы сокращали его, теперь сокращаем его еще на 20 процентов. Анализируйте состав безработных. Вы увидите, что служащие там играют громадную роль, а мы сейчас не только не собираемся расширять наш государственный аппарат, но, наоборот, режем его. Что же вы думаете, что это даром проходит? Это огромный слой, который выталкивается сейчас в результате сжатия нашего аппарата, слой не чисто пролетарский, служивый, чиновничий и т. д., но он тоже есть хочет. Конечно, эти безработные не особенно довольны, когда все время идет чистка и сжатие аппарата, когда их рассчитывают и выбрасывают на улицу. Все же мы с вами прекрасно понимаем, что с точки зрения интересов нашего пролетарского государства в целом нам нужно упрощать наш аппарат, а это, повторяю, влечет за собой выбрасывание людей на улицу. Это не особенно приятная операция, и многим не становится легче от того, что это делается из высоких государственных соображений. Эта масса сплошь и рядом связана родственными корнями со служилой интеллигенцией, она связана другими концами с массой

городской бедноты. Вот мы много говорили о спекуляции. А вы ведь знаете, что выясняется такая картина: масса городской бедноты у нас, по Москве, спекулирует, нанимается к крупным скупщикам, стоит в очередях, иногда снабжает их кооперативными книжками, выстаивает целые дни, чтобы получить товар. По существу они являются агентурой частника, который стоит за их спиной. Вы думаете, они чрезвычайно довольны нашим режимом? Они тоже связаны с различными группами населения, более того, они связаны некоторыми своими концами с отдельными, правда незначительными, слоями рабочих и крестьян, находящимися в городах. Можем ли мы сейчас наш государственный аппарат не сокращать? Не можем. Можем ли всю нашу интеллигенцию и полуинтеллигенцию сейчас ублаготворить? Нет, не можем. Эти слои проявляют некоторое недовольство этим положением. Это есть главная база оппозиции. Когда мы сравниваем рабочие ячейки и вузовские ячейки в нашей партии, то процент оппозиционеров в вузовских ячейках выше, чем в рабочих ячейках. Почему? Потому что этот состав вузовских ячеек связан со слоями, о которых я говорил. Оппозиция идеологически выбрасывает левый флаг, а выражает напор всех этих слоев: тут есть часть наиболее отсталых безработных рабочих, не понимающих, в каком положении мы находимся, которым, конечно, трудно терпеть это положение. Но решающую роль играют и главное ядро составляют эта самая городская мелкая буржуазия и служащие, полуинтеллигентские слои, которые обладают большой настойчивостью, в особенности молодежь, которые обладают большой силой сопротивления, которые связаны с другими кругами безработных. Вот, мне кажется, социальная база нашей оппозиции, но, повторяю, сейчас не только важно знать социальную форму оппозиции, ее базу, но нужно понимать ее служебную роль.

ОППОЗИЦИЯ СЛУЖИТ ЗНАМЕНЕМ ВСЕХ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ

Мы с сожалением должны констатировать, что оппозиция, ломая рамки советской легальности, *начинает служить прямо нашим противникам*. Оппозиционные товарищи выступают против нас с такими вещами: вы, как настоящие термидорианцы, хотите еще запугать нас в ЦК, нас, настоящих революционеров, вы хотите смешать, как во времена термидора, с разной швалью, с контрреволюционерами, хотите создать месиво, «амальгаму», которую сам черт не разберет, и хотите подвести нас фуксом под разряд контрреволюционеров. Амальгама — амальгамой, а факты — фактами. На пленуме ЦК я приводил ряд мест из такого «амальгамиста», как тов. Ленин.

Я не буду приводить много мест, я приведу некоторые цитаты из известной резолюции X партсъезда об единстве партии, и приведу не те цитаты, которые обыкновенно приводятся, а несколько другие места. Вот что писал в резолюции X съезда Владимир Ильич:

«Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии едва ли не с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовала в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя Советской власти против Советского правительства России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже наиболее левых коммунистов, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские листки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают, равным образом, как меньшевики использовали разногласия и некоторые начатки фракционности внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками Советской власти лишь с небольшими будто бы поправками» [46].

В § 3 говорится: «Пропаганда по данному вопросу должна состоять, с одной стороны, в обстоятельном объяснении вреда и опасности фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата, с другой стороны, в объяснении своеобразия новейших тактических приемов врагов Советской власти. Эти враги, убедившись в безнадежности контрреволюции под открыто белогвардейским флагом, напрягают теперь все усилия, чтобы уцепиться за разногласия внутри РКП и двинуть контрреволюцию так или иначе путем передачи власти политическому оттенку, наиболее близкому по внешности к признанию Советской власти.

Пропаганда должна выяснять также опыт предшествующих революций, когда контрреволюция поддерживала наиболее близкую к крайней революционной партии оппозицию ей, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контрреволюции, капиталистов и помещиков» [47].

Тов. Ленин неоднократно выставлял эту проблему третьей силы. Если в партии обнаружилась щель? Третья сила сторожит. Великое преступление, кто прямо или косвенно поддержит эту третью силу. У нас в стране есть недовольные. Мы много пишем и говорим относительно того, что у нас будет война. И вот вы легко поймете, что среди этих группировок сейчас идет бешеная спекуляция на войне: может быть, война будет, тут мы и встанем, думают они, тут мы и покажем. И вот, готовясь к этому, они готовы использовать каждую щель.

Как дожила оппозиция до жизни такой, что она нарушает не только устав партии, но и законы пролетарской диктатуры, т. е. ломает некоторые балки пролетарской диктатуры, так что получается щель, в которую противники наши полезут с превеликим удовольствием? Это надо понять. Конечно, если оппозиция считает, что у нас нет пролетарской диктатуры, тогда разговор другой, тогда надо сказать оппозиции: уходите, образуйте вторую партию и оставьте нас в покое; будем честно драться, но не вертитесь тогда так, что ничего понять нельзя, потому что, с одной стороны, вы говорите о диктатуре пролетариата, а с другой — о «термидоре». Какой «термидор», когда диктатура пролетариата, и какая диктатура, когда «термидор»? Ведь это у вас шутовская линия, а не честное выявление своих взглядов. Давайте разойдемся как честные враги. Для чего же ломать такую бешеную комедию? Когда вы нарушаете советскую легальность, вы поощряете всякую сволочь.

Теперь о так называемом военном заговоре. Я должен сказать об этом военном заговоре, потому что оппозиция напечатала об этом в органе Маслова, назвав всякие фамилии, спугнув тем самым тех, кого мы еще не арестовали, но должны арестовать: предупредила их. У нас до сих пор бывали дела, что если какая-нибудь контрреволюционная вещь раскрывается, то об этом члены Центрального Комитета и вообще члены партии, честные, а не жулики, не такие, которые готовы выдать Ломинадзе полицейским шпионам гинденбурговской республики, а настоящие, честные революционеры, до сих пор считали своим долгом молчать до поры, до времени. А вот можете себе представить, что показания и другие материалы еще не законченного следствия недавно раскрытой контрреволюционной группы с разными ироническими замечаниями напечатаны в органе Маслова. Нам известно, кто был знаком с этими показаниями. Это были члены Центрального Комитета ВКП (б).

Я буду рассказывать в тех пределах, которые стали известны

благодаря оппозиции. Дело обстояло таким образом. В связи с раскрытием нелегальной оппозиционной типографии было установлено, что некоторые из работников этой типографии через ряд звеньев были связаны с военными группировками, помышлявшими о военном перевороте у нас, на манер переворота Пилсудского [45]. В их числе есть старые полковники Колчака, есть один коммунист-оппозиционер, который сейчас арестован, и есть еще разные другие лица. Эта самая военная братия резко антисемитски настроена. Они прямо говорят своим контрагентам, что решать в конце концов будете не вы, «чумазые», а мы, но мы вас используем пока что. Они доказывают самыми сложными соображениями, что в настоящее время необходимо спасать страну «от гибели» путем переворота, аналогичного перевороту Пилсудского, тем более, что последний удался без шума, без иностранной интервенции. Для осуществления этого переворота им нужны решительные люди и нужно использовать разногласия внутри партии. Нас ругают амальгамщиками, но я считаю, и если товарищи будут читать протоколы Пленума ЦК, то они увидят, что в этом вопросе тов. Троцкий явно попался... Я его спрашивал: есть ли в числе арестованных один беспартийный, выпуска которого оппозиция требовала? Требуют ли они все еще его освобождения? Троцкий кричит с места: «Требуем, если он судится по делу о типографии». Я спрашиваю: «А если по делу о военном заговоре?» — «Делайте с ним тогда, что угодно». — «А если он и по тому и по другому делу?» Он смешался и говорит: «Вы это добыли путем подставных лиц и пр.». Я говорю: все равно каким путем, но, если существует такое положение, что одно и то же лицо работало у вас в типографии и в то же время связано с военными заговорщиками, то вы признаете, что с ним можно делать, что угодно, т. е. тем самым вы признали, что в жизни возможна «амальгама» и что вы, следовательно,— хвост, к которому примазываются люди, обслуживающие, с одной стороны, вашу типографию, а с другой стороны, идущие за колчаковскими офицерами. Так оно на самом деле и есть.

Товарищи, прошу вас иметь в виду, что никто из нас никогда не думал обвинять оппозицию в том, что они — контрреволюционные заговорщики,— пока до этого дело не дошло. Они обвиняются с нашей стороны в том, что своей бесшабашной борьбой против партийной и советской легальности, бесшабашной ломкой законов пролетарской диктатуры притягивают всякий сброд, окрыляют его. Этот сброд цепляется за фалды оппозиции, стремится пролезть с ними в щель и объявить себя их союзниками. В ответ на это с величайшим негодованием говорят: это не наши, мы сами готовы их расстрелять, берите их к себе, делайте, что угодно. Мы знаем, что это должно быть так: оппозиционеры будут отталкивать этот

сброд, а он будет к ним опять прилипать, будет к ним идти по всяким каналам. Почему? Потому что противники нашей власти в нашей стране отлично понимают, что, ломая рамки диктатуры своей внутрипартийной борьбой, рамки, установленные партийным режимом, они открывают щель, куда идут все остальные.

Вот почему совершенно прав по отношению к теперешнему времени был тов. Каменев, который еще в январе 25-го года говорил, что «оппозиция Троцкого стала символом всех антикоммунистических сил».

Нас ругают «бонапартистами», «узурпаторами» и пр., но что скрывается за всеми этими криками? Вообще говоря, как понимался до сих пор бонапартизм? До сих пор бонапартом или бонапартистами именовали какую-нибудь сильную личность или группу таких людей, которые, *насилуя волю крупного коллектива и апеллируя к улице, делают свое дело.* У нас есть партия, миллион человек, у этой партии есть коллективная воля, вырабатываемая и воплощаемая на съездах, и есть, с другой стороны, несколько человек, которые на Ярославском вокзале апеллируют к молочницам. И вот эти одиночки, которые идут против огромного коллектива, говорят этому огромному коллективу: «Это бонапартисты, а мы воплощение воли партии». (*Смех.*)

Это как-то странно выходит. Они говорят: «Вы нарушаете волю партии», т. е. огромное партийное большинство и съезд нарушают волю партии, а они, кучка, герои Ярославского вокзала [49], являются воплощением партийной воли — «вокзальные» герои. Они говорят: мы демократы, а вы узурпаторы. Но, очевидно, «демократизм» заключается в том, чтобы не выполнять ни одного решения большинства и нарушать самым неделикатным образом свои собственные обещания. Это есть демократизм, а противоположное — это «узурпаторство», «бонапартизм» и пр. Тут не только все стоит в голове, а и ходит на голове (*смех*), и это называется оппозиционной установкой.

А смотрите, как расценивают дело наши враги. Не так давно в газетах появилась оценка Ллойд-Джорджа [50], очень умного человека. Этому человеку В. И. Ленин хотел посвятить свою брошюру «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» с ироническим подзаголовком. Я видел эту рукопись, когда Ленин мне ее прислал, с посвящением «господину Ллойд-Джорджу, за его почти марксистские речи там-то и там-то». Иронически Ленин хотел сказать: вот хитрая бестия Ллойд-Джордж, как он ловко видит опасное для себя сложение общественных сил и почти по-марксистски анализирует его. Так вот этот Ллойд-Джордж написал о Троцком, что его левые фразы — это чепуха, но если говорить о сильных личностях с намеком на бонапартизм, то они могут выйти только отсюда. Ну, конечно, этому не бывать.

ОППОЗИЦИОННАЯ ИДЕОЛОГИЯ — ИДЕОЛОГИЯ НЕОМЕНЬШЕВИЗМА

Но я должен в связи с этим сообщить вам одно интересное произведение. Правда, этого произведения у меня, к сожалению, нет текстуально, а есть в форме изложения доклада одного лица относительно взглядов его по поводу 10-летия Октябрьской революции. Это лицо пишет следующее,— я буду читать только наиболее важные места: «В СССР чувствуется всеобщее разочарование в пролетарской революции». В крестьянстве происходит процесс бонапартизации. Крестьянство ищет сильного человека или, на первых порах, коллегию людей, который или которая могли бы закрепить завоевания крестьянской революции. В крестьянстве пробуждается жажда накоплений, жажда пожить вволю, и оно начинает уже открыто враждебно относиться к рабочему классу. *«Более честные и добросовестные из большевиков сами признают эти опасности.* Так, *Каменев в 1925 г. предостерегал свою партию, указывая на быстрый рост кулачества, которое, по подсчетам Каменева, уже тогда, в 1925 г., составляло около 12 процентов всего крестьянства* [51] *и выбрасывало на рынок 60 процентов всей крестьянской продукции».* Наряду с ростом кулака растет и сельскохозяйственный пролетариат, увеличивая собой армию безработных. Нижние этажи советского государственного здания, как сказал один из честных большевиков, затопляются крестьянской стихией».

«Нужно было семь лет практического опыта, чтобы добросовестные большевики, т. е. коммунистическая оппозиция, признали этот факт в 1927 году. Она, эта оппозиция, устами Троцкого заявила в августе на Пленуме ЦК: «Пролетариат все более и более свертывается, уступая место другим классам, которые все более и более развертываются». Этим самым оппозиция Коммунистической партии признала то, о чем Мартов и вся российская с.-д. партия постоянно твердили: социалистическая революция в СССР невозможна, и если она будет начата, то потерпит крах, ввиду низкого уровня хозяйственного и культурного развития России». Совершенно прав был покойный Мартов, декларировавший, что только решительный отказ от диктатуры и переход к политической демократии спасет русскую революцию. *«Этот взгляд снова и снова,— подчеркивает докладчик,— усвоили теперь и честные большевики».*

«Наш путь,— заканчивает он,— спасения революции и ликвидации большевистской диктатуры как наивысшего препятствия к осуществлению социализма заключается в неустанной антибольшевистской пропаганде и в соответствующем давлении на рабочий класс СССР. И надо сказать, что, *несмотря на наше*

нелегальное положение в СССР, нам удалось и удается направить часть рабочего класса и даже часть членов Коммунистической партии без того, чтобы эти коммунисты отдавали себе в этом отчет, на тот путь, который нужен, на путь ликвидации большевизма».

Я это цитировал из доклада члена ЦК РСДРП Рафаила Абрамовича [52].

Товарищи, вы видите, что не подлежит сомнению глубочайшее родство всей идейной установки новой оппозиции во главе с Троцким, с меньшевиками. Оппозиция, несмотря на прикрытие левыми жестами и пр. по существу дела в коренных вопросах нашей революции переходит в лагерь, как Троцкий сказал в 1923 г., меньшевиков и либералов. Само собою разумеется, что со всей этой установкой трудно вести энергичную пропаганду защиты СССР. И нечего тут кокетничать и очень обижаться, когда мы говорим товарищам из оппозиции, что они *условные оборонцы* по отношению к нашей республике. Ведь нельзя же вдохнуть энтузиазм в рабочих, говоря им: защищайте СССР, потому что там термидорианцы. Нельзя же говорить рабочему классу других стран: направь оружие в защиту СССР, хотя в СССР хуже и меньше свободы, чем в Германии. Ведь это же позиция абсолютного лицемерия. Из этой позиции выход единственный: *или стать открыто на меньшевистские рельсы; открыто сблокироваться с меньшевиками, или открыто признать свои ошибки и преступления перед партией. Третьего пути не дано.* Мы призываем оппозицию выбрать либо одно, либо другое; открыто стать с меньшевиками или открыто стать с нами, признав свои преступления.

МЫ БУДЕМ ИДТИ ВПЕРЕД, ПОКА МЫ ЖИВЫ!

Товарищи, одна из наших задач — *это систематическая борьба убеждением,* борьба за каждого *честного оппозиционного рабочего,* ибо мы не должны не дорожить честными и действительно революционными рабочими. Одна из задач нашей дискуссии заключается в том, чтобы переубедить честных, хотя бы и немногих, но все-таки имеющихся, сторонников оппозиции. Тогда оппозиционные вожди, адмиралы швейцарского флота, оставшись без армии, или бросят свою губительную борьбу, признав свои ошибки, или открыто перейдут в лагерь меньшевиков. Последнее будет чрезвычайно плохо с точки зрения индивидуальной судьбы этих вождей. Мы всей душой не хотим этого, но мы не можем из жалости к тому или другому лицу, хотя бы и имевшему крупнейшие заслуги в нашем рабочем движении, на основании этого прошлого, жертвовать настоящими, действительными, общими интересами нашего рабочего класса.

И мы заявляем, что будем бороться со всей решительностью со всеми теми, кто попытается тащить или тащат своих товарищей в меньшевистское болото.

Не для того мы брали власть в свои руки, не для того проделывали Октябрьский переворот, чтобы задним ходом прийти к позиции октябрьских дезертиров. Мы брали знамя Октябрьской революции для того, чтобы идти вперед, и будем идти вперед, пока мы живы! (*Бурные продолжительные аплодисменты.*)

Печатается по книге: Бухарин Н. Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г. М.; Л.: Госиздат, 1927

ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*(Речь на траурном заседании памяти В. И. Ленина *)*

21 января 1928 г.

— Товарищи! На сегодняшнем траурном заседании я хотел бы взять одну лишь тему: *ленинизм и проблема культурной революции*. Я ее беру потому, что в настоящее время этот вопрос является одной из центральных, одной из главнейших проблем, которые стоят перед Советской властью и перед нашей партией. Лучшим почитанием нашего великого учителя будет, если мы в день памяти о нем, от нас ушедшем, будем снова и снова приходить к нему для того, чтобы вновь и вновь почерпнуть силы из того учения, которое Владимир Ильич нам оставил. Ибо наша задача есть задача «изменения мира», задача, которая теоретически была сформулирована гениальным основоположником научного коммунизма — *Марксом*. Нам приходится сейчас бороться и преодолевать трудности совершенно исключительного порядка, нам приходится жить и бороться в капиталистическом окружении. Это — противник, который, по сути дела, объявил нам войну не на живот, а на смерть. Это — враг сильный, уже вооруженный до зубов и все более вооружающийся. Буржуазно-капиталистическая наука и техника, организация капиталистического труда в настоящее время растут. Серийное и стандартизованное производство, электрификация, целый ряд новейших технических изобретений, жидкий уголь, улучшенное производство и подача газа, выделка искусственного волокна, которая занимает все большее и большее место в капиталистическом производстве и которая может быть, по мановению правительственного жезла, превращена в изготовку взрывчатых веществ, наконец, крупнейшие военные изобретения, самоуправляющиеся моторы на земле, под водой, на воде и в воздухе — все это знаменует собою такое техническое «переоборудование» капитализма, при помощи которого наш капиталистический противник плотнее усаживается на свой трон. Военный и послевоенный кризис нанес ему глубокие кровоточащие раны; этот кризис еще не изжит; на горизонте вырисовываются буревестники новых катастроф. Но *пока что* в рамках еще не изжитого кризиса наш противник укрепляется в основных центрах своей силы и своего могущества. Нам нужно совершенно отчетливо понять, что мы переживаем время состязания с этим еще могучим империалистическим противником. Ни на одну минуту, ни на одну секунду мы не должны упускать этого из виду. Нам суждено еще долгое время жить в кольце империалистских мечей. Нам суждена длительная борьба с этим «Священным Союзом» буржуазной контрреволюции, который не хочет и не может оставить нас в покое, ибо наш покой, наше строительство, наш мирный труд, наш рост нарушают «покой» империалистических царств. Поэтому наше строительство и те задачи, которые мы решаем внутри страны, так тесно увязаны с вопросами «большой» международной политики и реально от этих вопросов неотделимы.

Наш противник борется с нами всеми родами оружия, наш противник борется с нами и на идеологическом фронте. Одним из важнейших орудий на этом последнем фронте является спекуляция на нашей технико-экономической отсталости, на нашей некультурности, на нашей еще не изжитой нищете. Все заправилы империализма и его певцы, все враги строящегося социализма, все ненавистники железа пролетарской диктатуры, все циники социал-демократии, все путаники мелкой буржуазии, все разъеденные сомнениями и скептицизмом и кукующие о нашей гибели,— все они спекулируют на нашей отсталости. На крайнем фланге стоят матерые вожди международного капитализма, а на другом конце этой цепочки — наши всевозможные «друго-враги», которые — увы! — нередко заимствуют свое оружие из идеологического арсенала открытых противников социализма. Часто можно наблюдать, как какой-нибудь прожженный делец и идеолог капитала не без фальшивого пафоса вещает, что большевизм — это «великая чума», великая азиатская болезнь, которая грозит хлынуть на Европу. Истошными голосами кликуш вопят о том, что большевизм несет с собой «гибель всей цивилизации и культуры». Некоторые из особенно ретивых, особенно усердных и особенно лицемерных империалистских крикунов, в первую очередь бывшие «властители дум» императорской России, перейдя все грани зоологического бешенства, договариваются до того, что считают Советскую власть воплощением царства «диавола», «сатанократией». Так, распаляясь контрреволюционной злобой, пишет трубадур аристократии г-н Бердяев [1]. Наши *социал-демократические*

* Доклад на Объединенном заседании ЦК, ЦКК, МК, МКК ВКП (б), ЦК и МК ВЛКСМ, Института Ленина, ЦИК СССР и ВЦИК, губисполкома, ВЦСПС, МГСПС и других рабочих организаций, посвященный 4-й годовщине смерти В. И. Ленина. *Ред.*

противники с усердием, достойным лучшей участи, распространяют злостную басню, будто мы в полуазиатской стране, издревле привыкшей к восточному типу деспотии, создали режим, который ни капельки не отличается от режима Хорти и Муссолини. (В скобках замечу: когда некоторые молодые люди из троцкистской оппозиции ругают нас фашистами, они заимствуют целиком это отравленное оружие у своих социал-демократических единомышленников.) Вся социал-демократия утверждает, что мы, большевики, взялись за утопическое дело построения социализма, предполагающего большую культурность масс, и поэтому все наши «затеи» заранее обречены на неизбежный крах, на неизбежную гибель, как бы мы ни суетились и какие бы прекрасные лозунги мы ни придумывали. В великой исторической книге судеб предначертана наша гибель, ибо мы-де пошли против железных законов истории. И отошедшие от нашей партии оппозиционные осколочки точно так же идут по этой же линии, когда утверждают, что гибель наша, если только нас не спасет немедленный взрыв в Западной Европе и власть пролетариата там, почти «предрешена». Так, нажимая на различные клавиши, люди разыгрывают одну и ту же мелодию.

Характерным является тот факт, что довод об отсталости, о некультурности приводится не только против нас, большевиков СССР, когда наша революция делает один успех за другим и одерживает одну победу за другой. Чрезвычайно характерно то, что примерно этот же довод приводился очень и очень давно противниками рабочего коммунистического движения вообще, которые критиковали самую цель коммунизма, «доказывая», что не может осуществить ничего хорошего класс некультурный, класс придавленный, класс-парий, который способен только разрушать, разнуздывать дикую стихию и который неизбежно возвратит общество чуть ли не к доисторическим временам. Характерным является то, что даже полудрузья коммунистического движения не раз и не два, с самого зарождения коммунизма, в страхе отступали перед теми, которых они иногда сами же призывали в качестве спасителей от пороков современной капиталистической цивилизации. Такой крупный человек, такой великий поэт, как *Гейне*[2], человек, которого Маркс называл своим «другом» и который действительно находился в самых дружеских и интимно-близких отношениях с основоположником научного коммунизма, писал о коммунистах и коммунизме незадолго до своей смерти (в 1854 г.):

«Нет, меня одолевает внутренний страх художника и ученого, когда мы видим, что с победой коммунизма ставится под угрозу вся наша современная цивилизация, добытые с трудом завоевания

стольких столетий, плоды благороднейших трудов наших предшественников».

И в следующем, 1855 году этот друг Маркса, революционный поэт Германии, одна из самых радикальных фигур германской общественности, совсем на пороге своей личной смерти писал о коммунистах и коммунизме:

«Со страхом и ужасом думаю я о той поре, когда эти мрачные иконоборцы станут у власти. Своими мозолистыми руками они без сожаления разобьют мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу. Они уничтожат все те безделушки и мишуру искусства, которые были так милы поэту. Они вырубят мою лавровую рощу и на ее место посадят картофель. Лилии, которые не сеяли и не жали и все же были так же великолепно одеты, как царь Соломон во всем его блеске, будут повыдерганы из общественной почвы. Розы, праздничные невесты соловьев, подвергнутся той же участи. Соловьи, эти бесполезные певцы, будут разогнаны, и — увы! — из моей «Книги песен» лавочник наделает мешочков и будет в них развешивать кофе или табак для старушек будущего».

Интересно отметить, что такая крупная фигура нашей общественности, впоследствии ставший членом нашей партии, как *Валерий Брюсов*[3], в 1904—1905 годах написал очень красивое само по себе стихотворение, которое он назвал «Грядущие гунны», взяв эпиграфом лозунг: «Топчи их рай, Атилла». «Атилла» — здесь псевдоним коммунизма; «рай» — буржуазный рай. Здесь мы читаем такие строфы:

Где вы, грядущие гунны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугунный
По еще не открытым Памирам.
На нас ордой опьяневшей
Рухните с темных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

. . . . . .

Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Валерий Брюсов тех времен пел нам и нашему классу «приветственный гимн». Но оценивал наш класс как «грядущих гуннов».

Вот эти настроения были чрезвычайно характерны не только для мелкобуржуазных филистеров, но и для лучших голов буржуазно-капиталистического мира, даже для тех, которые, в силу своих исключительных личных свойств, пытались выпрыгнуть из сетки буржуазно-капиталистической идеологии. Даже те, кто в коммунистическом рабочем движении предчувствовали нечто

новое, исторически великое, что должно «волной пылающей крови» оживить «одряхлевшее тело» буржуазной культуры и цивилизации, *даже* они видели в рабочем классе новых «гуннов», которые разнесут все в щепки, отдадут на слом все великолепные создания человеческого гения, засеют «элементарной» рожью новые поля, стерев предварительно с лица земли все наследие старой докапиталистической и капиталистической культуры.

С тех пор как это писалось, прошло довольно изрядное количество времени. Утекло много воды и, пожалуй, еще больше крови. Это время, однако, своим железным языком сказало нам целый ряд истин, которые вряд ли подлежат сейчас сомнению для всякого мало-мальски мыслящего человека.

Оказалось, что цивилизацию и культуру, все завоевания ее и все ее ценности, которые напластовались в течение веков, ставят под нож, ставят под топор, ставят под угрозу гибели не мрачные коммунистические «иконоборцы», не гуннообразные воители коммунистического рабочего движения, а очень изящно одетые, «блестящие» и «великолепные» лейтенанты и генералы империалистских армий, вооруженных всеми приобретениями этой же цивилизации; еще более изящно одетые и лощеные дипломатические деятели христианнейших государств, с их утонченным языком, с их лайковыми перчатками, с их «благородными» заботами о боге и культуре, с их «благочестивыми» мыслями об убиении коммунизма; тузы банка и биржи, со всеми своими нежными и одетыми, подобно царю Соломону, «лилиями» как женского, так и мужского пола, их ученые, которые изощряют свой ум, свои знания, свои таланты, чтобы изобретать на потребу капитала наиболее смертоносные орудия разрушения материальных и духовных ценностей современной цивилизации; священнослужители, художники, литераторы и певцы, которые всеми способами, на разных языках обслуживают истребительную политику империализма.

В стальных осколках, в ядовитых газах, во вшах, в человеческом кале и крови грозит задохнуться «благородная» культура капитализма, готовая пожрать самое себя. И не мы, «мрачные иконоборцы» (как это к нам подходит!), несем эту гибель. Мы *спасаем* все, что есть ценного в этой культуре. Ее *ставят под удар* наши капиталистические противники. Это *против них* должен точить нож каждый честный человек, который способен размышлять над великими вопросами нашего времени.

Выяснилось и другое. Наша эпоха, наше время открыло всем и *другую* истину: выяснилось, что после периода временной разрухи мрачные «коммунистические иконоборцы» не только спасают все ценное, что остается от старого, но *самым быстрым образом*, быстрее, чем кто-либо, ведут огромную человеческую массу

вперед по культурной дороге, создают великое массовое культурное движение, перепахивают трактором культуры вдоль и поперек огромную страну, вызывают к жизни не отдельные бриллиантовые ручеечки культуры, а громадный, широкий и глубокий поток массового культурного строительства.

И наконец, *третья истина* раскрылась в течение этого времени. Перед нами распахнулись широчайшие перспективы творческого, строительного труда, перспективы, которых не знал и не мог знать капиталистический мир. В области хозяйства, в области работы среди масс, в области научного творчества, в области культуры вообще мы стали уже на пороге задач грандиозного масштаба, из маленьких комнатушек «камерной» культуры мы выходим на городские улицы и площади и шлем вестников культуры в села и деревни, во все медвежьи закоулки и уголки. Наша *наука* начинает все больше приводить в движение маховое колесо нашей практики. Она перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; она уже непосредственно соприкасается с великими задачами хозяйственного строительства, от которого она — прямо или косвенно — получает свои теоретические задания. Рабочий класс лихорадочно быстро расширяет круг своей работы. Он поднимает к исторической жизни задавленные и замученные национальности, помогает братской рукой развитию их культуры, он ставит поэтому и перед наукой новые задачи. Он увязывает в одну огромную организованную систему хозяйственное строительство, объединяя все большую и большую часть народного хозяйства своим государственным планом и единством плановой цели. Эти задачи точно так же ставят перед наукой интереснейшие проблемы, совершенно неведомые для науки буржуазного мира. Рабочий класс, наконец, обращает сугубое внимание на самого человека, на его труд, на его здоровье. Это, в свою очередь, вызывает к жизни молодые побеги новых отраслей знания, ставит новые задачи, по новым направлениям сближает теорию и практику, науку и жизнь.

Так все более властно механика рабочей диктатуры вовлекает культуру в массовый всеобщий жизненный оборот, подчиняя обогащающуюся науку новым потребностям жизни и приводя в соответствие ритм ее развития с биением пульса всего великого исторического процесса. Все это весьма далеко от тех мрачных пророчеств, которыми занимались даже лучшие умы буржуазно-капиталистического мира, и от того унылого, соединенного с злорадством нытья, которым занимаются социал-демократствующие «критики», визгливыми голосками подлаивающие против пролетарской диктатуры. Правда, за период революционных битв очень много «лилий» было пообщипано. Но еще больше «лилий» было пообщипано и еще больше «соловьев» было разогнано под

грохот пушек империалистической войны. Важно то, что если мы будем сравнивать разрушительную работу, которую обнаружил сам капитализм, с разрушительными сторонами революционного процесса, то мы можем с чистой совестью сказать, что мы с меньшими издержками творим дело, которое до конца подорвет возможность разрушительной работы лощеных варваров капиталистической цивилизации.

На первый план с точки зрения культурной работы рабочий класс и его партия поставили *массу*,— не отдельных жрецов, не отдельные экзотические тепличные растения. *Масса* стоит у нас в фокусе нашей культурной работы, и центр тяжести ее лежит именно здесь.

Как смешны, жалки и неумны обвинения, выдвигаемые против победоносного коммунизма, все эти «аргументы от культуры»!

Не кто иной, как Владимир Ильич, этот бешеный революционер, этот великий разрушитель, этот полководец рабочего класса, ведший его на штурм капиталистических крепостей, дворцов и особняков, в своих последних статьях самым резким образом поставил культурную проблему как центральную проблему нашей партийной и советской работы. Тов. *Ленин* с полным правом заявил, что после завоевания и укрепления рабочей диктатуры коренным образом изменяется наша точка зрения на социализм. Он писал:

«Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную, «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Эту мысль, во всей ее глубине и во всем ее историческом масштабе, должен понять каждый член нашей партии, каждый рабочий, который хочет ясно усвоить цели своего класса и его исторического движения. В основных чертах эта мысль была намечена еще Марксом.

Период рабочей диктатуры, период перехода от капиталистического строя к строю социалистическому и, далее, строю коммунистическому может быть рассматриваем с особой точки зрения, а именно с точки зрения *переделки самого руководящего класса, рабочего класса*. В самом деле, мы можем процесс рабочей диктатуры рассматривать с точки зрения укрепления рабочей власти, мы можем его рассматривать с точки зрения развития

хозяйственного базиса социализма, т. е. с точки зрения роста нашей социалистической промышленности, транспорта, того, что мы называем пролетарскими «командными высотами» или «социалистическим сектором» нашего хозяйства. Мы можем, однако, весь этот процесс рассматривать с точки зрения изменения *природы рабочего класса*. Мы можем рассматривать, другими словами, весь этот огромный всемирно-исторический процесс с точки зрения *переделки масс*, изменения их природы и в первую очередь с точки зрения переделки самого пролетариата.

Маркс, как известно, писал, что в великих гражданских битвах, в битвах народов, наполняющих тот бурный период, который отделяет капиталистическое общество от коммунизма, рабочий класс переделывает свою собственную природу. Ленин, который ни на одну йоту не отступал никогда от марксистского учения, а лишь развивал и углублял его, рассматривал эту проблему «переделки масс» в качестве важнейшей, труднейшей и существеннейшей проблемы, которая стоит перед нашей партией.

Как ставил вопрос Владимир Ильич, когда он подходил к расшифровке понятия *культурной революции*?

Он говорил:

«Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. *Это — задача переделки нашего аппарата*, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. *Вторая* наша задача *состоит в культурной работе для крестьянства*. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, *преследует именно кооперирование*. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (*именно крестьянства, как громадной массы*), *что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции*»[4].

Когда мы читаем снова и снова эти строки, то невольно прежде всего набегает мысль: куда же девался во всей этой установке тов. Ленина рабочий класс? Выдвинуты на целую *эпоху* (это нужно подчеркнуть: речь у Владимира Ильича идет именно об *эпохе*) две задачи: переделка *госаппарата* и поголовное кооперирование *крестьянства*. Для поверхностного «критика», всюду выискивающего «национальную ограниченность» и «крестьянский уклон», ничего бы не стоило объявить эти задачи *эпохи* выражением какого-нибудь «сползания». Как же решается, однако, вопрос по существу? Когда тов. Ленин говорит о переделке нашего государственного аппарата, то он этот вопрос берет в неразрывной связи с вопросом о культурном подъеме самого рабочего класса. Ибо что такое в самом деле государственный аппарат в СССР? Это —

остов государственной власти. А что такое государственная власть в нашей стране? Это есть, говоря языком Маркса, рабочий класс, «конституированный как государственная власть». Государство у нас — это есть самая широкая организация рабочего класса. Следовательно, переделка государственного аппарата, задача, которую тов. Ленин устаназливал на эпоху, является одной — и важнейшей — стороной нашей работы среди рабочего класса. По какой линии надо переделывать наш государственный аппарат? По линии *борьбы с бюрократизмом*, по линии воспитания рабочих масс, по линии обучения рабочих масс искусству управления. Переделка госаппарата — это есть в огромной степени *культурная* проблема. В своей речи о программе партии (VIII съезд) тов. Ленин говорил:

«Мы отлично знаем, как эта некультурность принижает советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы, наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало, необходима масса воспитательной работы, — чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадного длительного труда» [5].

Лишь понемногу рабочий класс «вызревает» в культурном отношении; он «вызревает» не сразу; он «вызревает» не всеми своими пластами одинаково; он «вызревает», если так можно выразиться, «по частям»: *не все* рабочие проходят через рабфаки и вузы; *не все* рабочие становятся красными директорами или советскими администраторами; *не все* в одинаковой степени близки органам Советской власти, и т. д. и т. п. Но, хотя по частям, все же рабочий класс поднимается со ступеньки на ступеньку. Когда его подавляющая масса будет прочно сидеть у рычажков управления, тогда бюрократия и бюрократизм умрут естественной смертью. Повышение культурного уровня рабочих есть поэтому предпосылка действительного улучшения нашего госаппарата.

Итак, весь огромный план Владимира Ильича, который беглыми, но очень четкими штрихами намечен в цитируемой статье, распадается на две огромных проблемы: первая — кооперирование крестьянских масс, для чего нужна целая культурная революция; вторая — переделка нашего государственного аппарата и заполнение всех его пор культурно-выросшими рабочими. Смычка между поголовно кооперированным крестьянством и костяком государственной власти, избавленным от ее бюрократических зол, костяком, представляющим собою действительно «конституированный как государственная власть рабочий класс», это и есть великая организационно-культурная задача *эпохи*. Для Ленина в центре всего, повторяю, стоит *масса*. У нас много лет тому

назад (и в самой нашей партии, и около партии) была целая полемика по поводу культурных задач. Владимир Ильич выступал тогда со всем своим темпераментом, со всей революционной страстью и со всеми тяжелыми булыжниками своей подавляющей логики против ошибок, намечавшихся в наших рядах. Многие после Октября сразу хотели взвиться на пролетарские небеса, слишком увлекались, яростно и горячо дебатировали вопросы пролетарской культуры, готовили немедленную революцию во всех сферах науки и техники; некоторые мечтали создать пролетарскую культуру чуть ли не опытно-лабораторным путем [6]. Владимир Ильич громил всеми родами оружия такую постановку вопроса. Почему? Теперь это более чем ясно. Он поступал как дальновидный стратег. Он справедливо опасался, что люди увлекутся надуманными, лабораторно-узкими, тепличными проблемами, отвернутся от массовых, неизмеримо более элементарных, но абсолютно насущных в своей элементарности культурных нужд. Вот почему «болтовне», «фразам» о пролетарской культуре он противопоставлял борьбу с такими вещами, как взятки, комчванство, безграмотность. *Вот враг*, говорил он, нужно бить по *нему*, сосредоточить таран ваших усилий именно здесь, и *тогда* что-нибудь да выйдет. Если мы будем замыкаться, если мы будем отъединять рабочий класс от массы, или часть класса от всего класса, или какую-нибудь маленькую группировочку из пролетариата от ее социальной пуповины, то мы сделаем огромную и непростительную ошибку. Не в том дело, чтобы сразу же перевернуть все науки, а дело в том, чтобы взять на мушку элементарнейших врагов грамотности и культуры и их подвергнуть наиболее быстрому разгрому, эти задачи поставить на первый план, на *этом* концентрировать все внимание нашей партии и *этого* врага смертным боем бить.

В связи с этим Владимир Ильич ставил *вторую* задачу, а именно задачу взять все, что можно, от капитализма. Нельзя говорить «б», не сказав «а», нельзя переносить центр тяжести на революцию в области математики, биологии, физики, не решивши, хотя бы на известный процент, задач предварительных, элементарных, тех, которые вопиют к небу, тех, без решения которых можно *свалиться и погибнуть*. Вот почему Ленин с такой сокрушительной настойчивостью ставил задачу *взять от капитализма все, что можно взять*. На митинге в Ленинграде (в марте 1919 г.) Ленин говорил:

«Масса его (т. е. капитализм.— *Н. Б.*) раздавила; но от раздавленного капитализма сыт не будешь; нужно взять всю его культуру, которую капитализм оставил, и построить социализм; нужно взять всю технику, науку, знание, искусство,— без этого жизнь социалистического общества невозможно построить. А эта

наука, техника, искусство в руках специалистов и в их головах» [7].

Нужно вспомнить, что в то время значительная часть рабочих — да и членов нашей партии в том числе — не понимала всей необходимости этого, и нужна была железная воля и железная логика Ленина, чтобы не дать «левой фразе» заесть живое дело *правильной* революционной политики, через сложнейшие зигзаги исторического пути выводившей пролетариат из лабиринта величайших опасностей.

Однако было бы абсолютно неправильным изображать дело так, будто бы Ленин считал необходимым простой *перенос* буржуазной культуры к нам во всей ее целости и неприкосновенности. *Такой* установки у него не было. Ленин неоднократно говорил, что надо заимствовать то, что *полезно* пролетариату, решительно отметая все вредное. Достаточно известно его отношение к религии, философскому идеализму, буржуазной общественной науке и т. д. Он неоднократно выступал против людей, у которых весь их головной зарядный ящик начинен буржуазными традициями. В частности, есть даже его выступления, где он говорит, что в области *искусств* у нас оказалось много выходцев из буржуазного мира, которые под видом пролетарского искусства преподносят нам нечто «совершенно несуразное». Но Владимир Ильич, как гениальнейший полководец, умел распределять *силы* в зависимости от важности того или другого *участка* культурного фронта. А это есть одно из главнейших условий правильной политики вообще, культурной политики — в частности. Ибо, по Ленину, наша «мирно-организаторская», «культурническая» и прочая работа не есть какая-то мирная идиллия, а есть особая форма *классовой борьбы* пролетариата за социализм. Даже тогда, когда Ленин говорил, что «коммунизм мы должны строить руками врагов» [8] или что «хороший буржуазный специалист лучше десяти плохих коммунистов», он говорил не о чем другом, как об этой, *особыми* методами ведущейся, классовой борьбе.

С тех пор как Ленин писал свои последние статьи, прошло уже изрядное количество времени. Каждый грядущий год будет говорить нам со все возрастающей ясностью, что у Владимира Ильича по каждому отдельному случаю будет оказываться все менее готовых рецептов. Ленинизм, однако, заключается отнюдь не в этих готовых рецептах. Владимир Ильич требовал от нас изучения того, что *есть*, во всей его *конкретности*, во всех *особенностях*. Владимир Ильич был чрезвычайно далек от мысли, что можно лозунги и мероприятия, которые мы предпринимали 2, 3 и 4 года назад, переносить на любое время. И если мы хотим действовать в духе Владимира Ильича, то мы должны отдать себе отчет во всех изменениях, которые произошли с тех пор, мы должны учесть,

часть каких задач мы уже выполнили, часть каких задач нужно еще выполнить, как эти задачи расставить по-другому, взять в иной пропорции, какие совершенно новые проблемы стали перед нами и т. д. Только так должны ставить вопрос ученики Ленина.

В цитировавшейся уже статье о кооперации тов. Ленин писал:

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться *вполне социалистической страной*, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [9].

Верными остаются *эти* положения? Конечно, верными. Но кое-какие количественные изменения все-таки с тех пор произошли. Мы сейчас не переживаем периода голодовки; мы, несмотря на чрезвычайное напряжение нашего государственного бюджета и ряд крупнейших хозяйственных затруднений, все-таки всю нашу экономику и весь наш бюджет безусловно перевели с тех пор на гораздо более высокую ступень. То, что тогда могло звучать в значительной мере как благое пожелание (увеличение материальных средств на культуру), сейчас становится для нас не только необходимостью, но и — в известной мере — такою необходимостью, которую мы, несмотря на целый ряд затруднений на других фронтах, все же должны удовлетворить. Если Владимир Ильич в одной из своих речей говорил о том, что нам нельзя скаредничать в деле просвещения, то это нужно повторить сейчас с *гораздо большим заострением*, ибо даже целый ряд вопросов хозяйственного строительства упирается сейчас в проблему культуры. Всем известно, например, что у нас есть целый ряд крупных недостатков в нашей работе по *капитальному строительству*: и просчетов, и халатности, и достаточного количества плохих проектов, и т. д. и т. п. В конечном счете это есть вопрос нашей культуры; мы страдаем даже по непосредственно-производственной линии от того, что мы не всегда достаточно следим за западноевропейским и американским опытом; что мы желаем нередко открывать Америки, которые давным-давно уже открыты; что мы не научились еще достаточно хорошо *считать*, хотя это нам важнее, чем для капиталиста, потому что у нас хозяйство большего масштаба. Мы слишком *дорого* строим и потому, что у нас очень дорог материал, и потому, что мы применяем устарелые технические приемы, тогда как объективно возможна другая строительная техника. Но это только одна из очень многих сторон дела. Разве рационализация производства не упирается в проблему большей культурности нашего рабочего, нашего служащего, наше-

го инженера, нашего администратора? Разве плохая работа нашего аппарата и в городе, и в деревне не связана с этим? Разве мы не подняли бы темпа увеличения мелких сбережений при более культурных привычках масс? Разве не шла бы успешнее борьба с бюрократизмом, который есть не только социальное зло, но и тормоз развития производительных сил нашего хозяйства? и т. д. и т. п. Словом, мы страдаем по непосредственной линии производства очень часто потому, что мы недостаточно еще культурны. Как-никак, однако, средства у нас в известном количестве теперь появились, и это есть очень крупное завоевание. Вспомните о том положении вещей, когда Владимир Ильич говорил, как о крупном успехе, о 20 млн [10], которые мы наковили. Теперь мы имеем дело с шестимиллиардным бюджетом. В этом отражается огромный прогресс, который совершило наше советское строительство.

Во-вторых, мы разбудили и подняли активность народа в высочайшей степени — и пролетариата и крестьянства. Мы подняли и культурные запросы масс. Наш крестьянин и наш рабочий — это уже не крестьянин и не рабочий дореволюционного времени. Более того, мы даже за четыре последних года видим огромнейший рост культурности нашего рабочего класса, культурности нашего крестьянства, повышения культурных потребностей масс. Один из деятелей среди крестьян и педагог, теперь член нашей партии, тов. *Шацкий* [11], рассказывал мне, что даже в такой отсталой губернии, как Калужская, в деревнях у отдельных крестьян можно встретить свои библиотечки по 400—500 томов. Иногда «мужички» рассуждают о Толстом, Тургеневе и т. д. Разве было что-либо подобное до октябрьского пришествия коммунистических «гуннов»? Мы настолько расшевелили сейчас культурные потребности масс, что нам трудненько становится уже платить по векселям, которые мы выдали по этой линии. Поэтому совершенно естественно, что наша партия, актив рабочего класса, наиболее передовые слои крестьянства должны изо всех сил *подтянуться*, чтобы этот растущий спрос широких масс удовлетворять.

Культурность масс поднялась и по линии элементарной грамотности. Культурность масс поднялась и потому, что страшно расширился кругозор масс вообще. Культурность масс небывало поднялась и по линии политического просвещения.

Если мы говорим о наших завоеваниях, то, я думаю, мы можем сказать, не погрешая против действительности, что в области *политической сознательности* — классовой сознательности такого пролетариата, как наш пролетариат, *нет во всем мире*. Пожалуй, даже можно сказать, что по *политическому* кругозору, который имеется и у нашего крестьянина, т. е. по степени его политической осведомленности в больших вопросах мировой политики, вряд ли

он стоит ниже, чем гораздо более культурный, в смысле своего хозяйства и пр., западноевропейский крестьянин.

Если мы возьмем *эту* область культуры, то мы можем сказать, что великая переделка масс, которая произошла за время революции (отчасти стихийно, отчасти сознательно: через Красную Армию, нашу политпросветительную работу, через весь механизм рабочей диктатуры), поставила эти массы политически в авангарде всех трудящихся мира.

Огромнейшая работа проведена среди рабочего класса, среди крестьянства. Огромнейшая работа произведена среди народов, которые раньше считались «инородцами». Этой стороной дела ни в коем случае нельзя пренебрегать. Она имеет значение гораздо большее, чем мы обычно думаем. Мы провели также значительную воспитательную работу среди наиболее отсталых слоев трудящихся, в первую очередь среди женщин. Всего этого нельзя было бы ни в коем случае достигнуть без диктатуры рабочего класса. Предварительным условием успеха был тот язык железа и стали, которым говорила рабочая диктатура в период гражданской войны.

Следовательно, мы можем сказать, что мы сделали очень значительные завоевания в работе *среди масс*. Мы сделали, однако, значительные завоевания и в работе над *кадровым составом* наших работников. Мы приобрели большие организационные навыки; мы приобрели больше знания; мы приобрели большой опыт. Разве мы теперь уже не выдвинули значительного количества наших собственных *военных* кадров? Выдвинули. Командный состав Красной Армии — это уже в значительной мере не старые специалисты, а квалифицированные силы, выдвинутые из социальных «низов». Костяк, скрепляющий всю армию, состоит уже из *своего* социального материала, из элементов, обработанных той великой политической машиной, имя которой есть рабочая диктатура. Мы уже начинаем выдвигать кадр наших *техников*. Мы по всей стране имеем кадр наших, уже сравнительно опытных, *администраторов*, в первую голову из рабочих, прошедших суровую школу гражданской войны, борьбы с голодом, борьбы с нищетой. Эти люди сделаны из очень крепкого, очень добротного материала. Это — рабочие, кряжистые передовики, в огне нашей революции получившие не только великолепную закалку «плеч и рук и голов», но и приобретшие огромнейший *опыт*, соединенный с известной теоретической выучкой. Они-то непосредственно и держат различные, большие и маленькие, рычажки нашего огромнейшего механизма: хозяйственного и политического, советского и партийного. Все они по своей административной культурности, по своему опыту, по своим знаниям, по своим навыкам, по своим культурным запросам весьма далеко стоят от тех очень

революционных, но мало опытных людей, которыми они вошли в период гражданской войны. Так обстоит в общем дело с нашими *кадрами*.

Но за последнее время мы начали ставить (и решать) также и те задачи, которые отодвигались В. И. на неопределенное будущее, ибо в то время их действительно нельзя было ставить. Таковы задачи, которые суммарно можно было бы назвать задачами *научной революции*, революции в науке, в ее методе, в ее системе. Несколько лет назад этого еще не было и не могло быть. А теперь эта задача не только ставится, но уже частично решается. В целом ряде наук, не только общественных, где марксизм давно уже имеет свою прочную гегемонию, но и в области *естественных*, происходит глубокая переделка: марксизм нащупывает свои позиции и там, запускает и туда свои щупальцы. Это чрезвычайно интересное явление, которое, к сожалению, чрезвычайно мало освещается в печати. У нас есть уже крупные биологи из старых ученых, которые с азартом обсуждают вопрос о марксистской диалектике в области биологии. Физика, химия, физиология — захвачены тем же потоком. То же нужно сказать о рефлексологии, психологии, педагогике. Есть даже общество математиков, которые обсуждают вопрос о методах марксизма в математике. Все это показывает, что наш культурный рост добирается до самых высоких областей культуры, что марксизм, который орудовал винтовкой, политической пропагандой, хозяйственной борьбой, развернул свою работу решительно по всему фронту культуры, забрался во все этажи культурного здания, проник до самых «святая святых» прежней культуры, переделывая ее по своему образу и подобию. То же самое происходит и в области *искусства*. Не моя задача перечислять все новые и новые завоевания в этой области, но всякому беспристрастному человеку ясно, что *новая литература*, очень близко к нам стоящая, у нас в значительной степени уже народилась. Все могут отметить также, что текущий год есть год решительного перелома в нашем *театре*. Такие постановки, как «Мятеж», «Бронепоезд», «Любовь Яровая», «Разлом», совсем не случайны.

Разумеется, все это имеет огромное практическое значение. Если искусство начинает говорить более или менее нашим языком, и притом не заикаясь, не сюсюкая и не оглядываясь по сторонам,— это означает, что значительные массы людей «заряжаются», «настраиваются» на революционный лад. Если естественные науки — не говоря уже об общественных — начинают переживать свою революцию — это значит, что они гораздо скорее станут орудием культурной и хозяйственной революции. Если широкие круги педагогов будут стоять на нашей точке зрения не «страха ради иудейска», а по убеждению, не формально, а по существу —

это значит, что новое поколение смелее пойдет за нами и скорее будет расти к социализму.

Таковы наши успехи и наши завоевания
по линии *переделки масс*,
по линии *переделки и выработки кадров*,
по линии *революции в науке и искусстве*.

Выполнена ли тем самым наша «историческая миссия»? Конечно, нет. Мы сделали только первые шажки. Мы плаваем еще по горло в целом океане нищеты и бескультурья. И работы перед нами, работы бешеной и страстной, целые горы.

Правда, некоторые «культурные» наши враги, осененные всей благодатью старого мира, предвещают нам быстрый конец, за нашей, так сказать, «исторической ненадобностью». Так, напр., пресловутый профессор *Устрялов*[12] считает, что мы победили потому, что мы были, по сравнению со всеми «белыми», людьми много более энергичными. Однако нам все же предстоит погибнуть по всем правилам устряловского гороскопа. Г-н Устрялов пишет про нас:

«Железные чудища, с чугунными сердцами, машинными душами, с канатами нервов... Куда же против них дяде Ване или трем сестрам?

Куда уж нашим «военным» фронтам против них, против их страшных рефлекторов, жгущих конденсированной энергией!

Разрушат культуру упадка, напоят землю новой волей и, миссию свою исполнив, погибнут от микробов своей опустошенности».

Г-н Устрялов предвидел, правда, кое-каких пытиков, начавших «внутренне опустошаться», в своей «опустошенности» начавших даже атаку против всего нашего дела. Но эти «микробы» были передвинуты на более северную зону. (*Смех, бурные аплодисменты.*)

Что же касается *нашей* «опустошенности», «опустошенности» нашей партии, то г-н Устрялов оказался пророком поистине никудышным. Партия настолько «опустошилась», что рабочий класс на попытку «микробов» погомозиться в пóрах партийного организма ответил посылкой *армии в сто тысяч бойцов*, которые влились прямо от станка в коммунистические ряды. «Железные чудища» разгромили белых вовсе не потому, что Колчаки и Деникины были воплощением трех сестер (то, что они тоже кричали: «В Москву! в Москву!», делало их мало похожими на провинциальных барышень: профессиональные вешатели, они имели и пушки, и иностранное золото!). «Железные чудища» разгромили их потому, что вели за собою *массы*, что опирались на *пролетариат*. И эти «железные чудища» не только не собираются помирать от каких-то дрянных микробов, а смело и твердо строят и бьются, с еще более возросшей энергией, с полным сознанием своей твор-

ческой миссии, на всех фронтах культуры, ведя массы к новым и новым победам и преодолевая со зверским упорством отчаянные трудности на своем пути.

Если мы сейчас спросим себя, что же *нам нужно делать* и какие *главнейшие задачи на этом культурном фронте борьбы стоят в настоящее время перед нами*, то, мне кажется, на этот вопрос следовало ответить таким образом: в области культурного строительства нам нужно скорее изживать период, когда «старое» разбито, а «новое» еще не построено. Есть известная закономерность во всей нашей великой революции: и в области *хозяйства*, и в области *политики*, и в области *культуры*. Было время, когда мы разворотили старый хозяйственный аппарат, разбили его, когда старая дисциплина труда покачнулась. Мы разрушили эту старую дисциплину труда, но *не сразу* наладили новую. Мы разрушили старую систему хозяйства, старую систему управления, но *не сразу* построили новую. Так было и в области армии, в области *военного дела*. Старую армию мы разложили, и это нужно было сделать: нельзя ведь изготовить яичницу, не разбив яйца. Но *не сразу* мы добились организации Красной Армии.

Так было в области *государственного аппарата*. Так сейчас происходит, *еще* происходит, в *области культуры*. Мы, например, буржуазно-мещанскую мораль уничтожили, мы ее по косточкам разложили, она сгнила у нас под руками, но сказать, что мы уже построили *собственные* нормы поведения, такие, которые бы соответствовали нашим задачам, еще нельзя. Многие с презрением относятся к старой морали (и это хорошо), но своих норм еще не имеют, болтаются в каком-то безвоздушном пространстве без узды. Это очень плохо, и от этого мы терпим величайший урон.

В области быта, в области норм, регулирующих отношения между людьми, в области искусства и в целом ряде других областей, которые, по существу дела, и составляют то, что называется «духовной культурой», мы еще не «построились», а в некоторых областях у нас нет еще и чернового чертежа постройки. Это имеет часто весьма крупное отрицательное значение. Всем известны соответствующие примеры из самых различных сфер быта и общественной жизни вообще: разрушенная (и поделом разрушенная) старая семейно-половая «мораль», но еще очень слабое воздействие вырабатывающихся новых норм поведения в этой области; отсюда, из такого промежуточного положения, вытекают некоторые уродливые и в высокой степени отрицательные черты нашего быта; разрушенная старая идеология «двадцатого числа» у служащих и чиновников, но отнюдь не вколоченная еще со всей необходимой силой идеология работы для трудящихся, уважения к «просителю», особливого уважения к трудящемуся «просителю», бережливого отношения к государственным средствам и *т. д.* и *т. п.*;

прежний «идеал» послушного начальству подданного мы разнесли в щепки, но сказать, чтобы в жизни — и в *массовом* масштабе — мы воспитали уже тип сознательного общественника, борца на всех фронтах строительства, преследующего и шкурника и подхалима,— этого сказать еще нельзя. Мы только *идем* к этому, но сделали лишь первые шаги. Вся проблема рационализации не только производства, но и быта стоит перед нами именно как проблема, как задача, которую еще только *нужно* решать или, вернее, *начать* решать. Здесь нам нужно подтянуться, идет ли речь о массах, или о кадровом составе, или даже о «верхушечных» руководителях. Здесь мы не только не доделали еще нашего дела: мы еще часто не заложили даже фундамента. Таким образом, если мы говорим о некоторых общих задачах, которые перед нами стоят в этой области, то мы можем сформулировать их так: мы должны скорее изживать остатки промежуточного положения, когда старое разрушено, а новое еще не построено. Исходя из этой установки, мы должны поставить перед собою целый ряд задач по отношению к *массе* — во-первых, по отношению к *кадровому составу*, который является передовым слоем этой массы,— во-вторых, даже по отношению к *самым квалифицированным* руководящим слоям — в-третьих. Если речь идет о *массе*, разумеется, перед нами стоит еще в качестве основной задачи задача возможно быстрее идти вперед по линии *элементарной грамотности*. В высокой степени неправильно — а это иногда бывает,— когда «сокращают» избы-читальни, библиотеки, даже школы. «Скаредничать» здесь *теперь* прямо недопустимо; воспитывать «цивилизованных кооператоров» без расширения сети образовательных учреждений нельзя. Возможно шире мы должны поставить и заботу о *здоровье* массы, в частности развернуть борьбу с алкоголизмом и сифилисом. Только безграмотные и действительно некультурные люди могут проходить мимо этих задач. Недавно я просматривал книгу одного немецкого профессора, *Бумке*, под названием «Культура и вырождение», появившуюся и на русском языке. Бумке целым рядом данных доказывает, что в послевоенный период особенно подрывает дееспособность масс именно алкоголь и сифилис, а у нас это особенно сильно чувствуется. Борьба с алкоголизмом, организация действительно разумных развлечений, надлежащая постановка кино и радио, всемерное развитие физкультуры — все это должно быть нашей задачей.

Нам необходимо, далее, из всех сил учить широкие народные массы *рационализации хозяйства* и уменью правильно *считать*. Это годится не только для рабочего класса, но и для крестьянства. Тов. Шацкий провел, например, обследование целого ряда крестьянских дворов и пришел к совершенно неоспоримому выводу, что, несмотря на низкий уровень бюджета, можно было бы — даже в

рамках этого бюджета — достигнуть много большего производственного эффекта. Приводились примеры точных обследований крестьянских бюджетов и соответствующих расчетов, которые были через школьников розданы крестьянам и произвели сильное впечатление. Эти расчеты наглядно показывают, как даже в рамках обычных бюджетов крестьянское хозяйство может прыгнуть на ряд ступенек выше. Далее, следовало бы подумать о целом ряде мероприятий, которые помогли бы крестьянину заботиться не только о *его* дворе, а, скажем, о целой волости, волостном бюджете, т. е. о хозяйстве «общественном». Мы ведь должны держать курс на то, чтобы эти волости превращались в составные части того, что Ленин называл «государство-коммуна». Вопрос о бюджете *рабочего*, о его семейном бюджете, вопрос об участии его в производстве, о более прочной заинтересованности в ходе производства, о более сознательном и социалистически-культурном отношении к этому производству есть один из крупнейших вопросов нашего хозяйства. Но нужно двинуть и дело рационализации *быта*. Нужно сказать, что мы еще в высокой степени некультурны, в особенности по сравнению с теми задачами, которые стоят перед нами. Мы иногда пальцем о палец не можем ударить, чтобы исправить мелочи, от которых многое зависит. Вопрос о развлечениях, клубах, радио, кино; вопрос о банях, прачечных, хлебопекарнях, школах и библиотеках; целый ряд других «житейских» «бытовых» вопросов нередко «решается» так, что мы нарисуем хорошую картину общих «заданий», «планов», «установок», а приведение всех этих пожеланий «во исполнение» двигается чрезвычайно медленно. Между тем еще Ленин отмечал, что наша пропаганда должна быть пропагандой *показа, примера*, делового *выполнения*, а не той «политической трескотней», которая в свое время была полезна, а теперь уже в значительной мере устарела. Есть целый ряд указаний на то, что наша работа весьма бы выиграла, если бы мы формы теперешних ревизий и бумажной отчетности заменили бы хорошим *инструктажем*. Реальная практическая помощь не разочаровывала бы ни крестьянина, ни рабочего, ни трудящегося человека вообще, тут чувствовалось бы настоящее, живое дело, а не бюрократическая волокита. Вот примерно главные задачи, которые стоят перед нами, поскольку речь идет *о массах*.

Эти задачи не могут быть, однако, решены, *если мы не подтянем наш кадровый состав*. Один крестьянин дал весьма выпуклую формулировку наших недостатков, когда сказал: «*Стремительных людей у вас, коммунистов, много, а делопроизводительных людей мало*». (*Смех.*) Это в значительной степени правильно. «Стремительность» заключается в том, что мы с большой быстротой что угодно «намечаем» и «планируем». Но *проверки исполнения* (а сколько раз эту задачу подчеркивал Владимир Ильич!) у нас

еще нет. Между тем именно практическое *выполнение* принятых хороших решений есть наилучший способ пропаганды *примером*. Внимание к практическим вопросам хозяйства и культуры в деревне, помощь на практике даже в мельчайшем «вопросике» убедительнее, лучше, чем целые горы «политической трескотни». Вот этот вид пропаганды и этот вид работы необходимо выдвигать на первый план. Но есть также многие элементарнейшие «добродетели», которые нашему кадровому составу *практически* мало известны, очень мало еще въелись в плоть и кровь. Весьма и весьма полезно напоминать те простые лозунги, которые Владимир Ильич ставил во главу угла для строительного периода: знай счет деньгам, веди экономно хозяйство и т. д. Этого в значительной мере у нас еще нет. Если бы эти необходимейшие свойства действительно были усвоены нашими кадрами, разве были бы у нас такие просчеты, какие есть теперь? Их не было бы. «Будь аккуратен» — это тоже весьма и весьма элементарное правило. Но разве можно сказать, что наш кадровый состав усвоил себе это правило, что наш кадровый состав на сто процентов аккуратен? Этого сказать никак нельзя: еще до сих пор сидят в нас остатки истинно русской растяпистости. Нужно учиться еще большей быстроте ориентации, еще большей исполнительности, еще большей деловитости. Нужно воспитывать в себе *чувство массы, чувство связи* с массами, чувство постоянной и непрерывной заботы об этой массе, всюду и везде, сидишь ли ты в кабинете треста, синдиката, профсоюза, горсовета, губкома или укома. Необходимо воспитывать еще и еще чувство *ответственности*: у нас нередко бывает, что в силу нашей организационной неразберихи совершенно неизвестно, кто и за что отвечает. Воспитание этого чувства ответственности, ответственности перед нашим классом, ответственности перед нашим государством, ответственности перед самим собой,— это тоже одна из культурных задач. В некоторых прослойках нашей партии имеются некоторые тенденции самодовольного почивания на лаврах: из голода, мол, вылезли, и слава богу! Это бюрократическое самодовольство нужно всячески громить, ибо психология самодовольства есть небольшевистская, некоммунистическая психология. С ней мы далеко не уедем. Нужно со всей энергией поставить перед каждым работником, перед каждым настоящим, верным солдатом нашей партии этот вопрос. Пока мы живем — никакого успокоения, никакого душевного «жирка»!

Нам необходим, далее, подъем *специальных знаний* в нашем кадровом составе. Мы имеем тут целый ряд прорех. Например, у нас очень мало средних техников, наши новые инженеры недостаточно квалифицированы. Средних техников, средних агрономов — вот этого персонала у нас чрезвычайно мало. Очень часто наши партийные работники, которые не знакомы с целым рядом

конкретных практических вопросов, требующих специальных знаний, не могут выполнять теперь и своих партийно-политических функций, ибо теперь ни крестьяне, ни рабочие не могут удовлетвориться такого рода политическим руководителем, который говорит о Чемберлене, но не понимает ничего ни в крестьянском хозяйстве, ни в агрономии, ни в технике. Члены нашей партии не только правят, но и управляют, не только намечают «линию», но и практически ее *проводят*,— они являются не только «политиками вообще», но и администраторами. Раз это так, то эти работники должны обладать с каждым годом все большими и большими *знаниями* по целому ряду вопросов. И здесь нужно, наряду с подъемом этих знаний, с возрастанием чувства ответственности перед массой, обратить особое внимание на так называемую проблему «мелочей».

Попробуем произвести такой опыт: вырезываем из отделов «рабочей жизни», из соответствующих корреспонденций с фабрики, заводов и т. д., корреспонденций, помещенных в «Экономической жизни», в «Труде», в «Гудке», в «Правде», в «Рабочей газете» и т. д., замечания относительно всяких недостатков и безобразий. Попробуйте теперь проанализировать эти различные недостатки, и вы придете к заключению, что $^{9}/_{10}$ различных безобразий *не вытекают* из «объективных условий», а могут быть устранимы при внимательном отношении к делу. Если среди рабочей массы есть значительные остатки несознательного отношения к государственным интересам, то, с другой стороны, мы имеем дело с некультурностью наших управляющих кадров, в том числе партийцев. Если у рабочего, который работает непосредственно на производстве, бывает иногда психология халатности, то у кадровиков частенько встречается желание «как-нибудь обойтись» («живали и хуже, как-нибудь проживем и теперь», «не так уж все плохо» и т. д.). Это *гнилая* психология. Каждый руководитель — и в первую голову *коммунист* — должен быть примером *пионера культуры*, самым внимательным образом вылавливающего все недостатки и решительным образом их исправляющего. Ни одна мелочь не должна считаться мелочью, которая лежит вне сферы нашего влияния. Таких «мелочей» не должно быть. Из этих мелочей составляется «*быт*». Эти мелочи могут стать даже политическим фактором. Сонливое, обломовское отношение к этим «мелким» недостаткам есть *чума*, которую мы должны раздавить и уничтожить. Мы должны изо всех сил нажать на всех наших работников — профсоюзных, советских, партийных, которые имеют непосредственную связь с массами. Тот не коммунист, кто относится к этим вопросам «спустя рукава». Эта халатность, это невнимание к непосредственным нуждам масс легко перерастает в гнусный бюрократизм, в самодовольство чиновника. Это есть

варварство, которое мы должны уничтожать всеми средствами. Нужно сказать всем нашим работникам, что нельзя воспитывать массу, нельзя требовать от массы, чтобы она поднималась на все более и более высокую ступеньку трудовой культуры, если ты сам подаешь пример бюрократической самовлюбленности и самодовольства. Необходимо прислушиваться к каждому критическому замечанию со стороны массы, а не объявлять всякую критику антисоветским выступлением, как иногда делают злостные дураки или бюрократические самодуры.

Что касается еще более «высоких» *руководящих кадров*, то здесь нужно выдвинуть примерно такие вопросы: бóльшее знакомство с опытом Запада и Америки, бóльшее продумывание наших крупных хозяйственных и всяких иных планов и маневров, разработка целого ряда научных вопросов по специальным линиям, периодические объезды СССР. Мы говорили неоднократно, что задачей коммунистов является *революционность и деловитость*, революционность и американизм. Но что такое революционность? Революционность — это есть соподчинение каждого шага основной революционной идее, в наших условиях идее международной революции, с одной стороны, строительства социализма — с другой. Революционность предполагает не только такую умственную, интеллектуальную установку. Революционность предполагает и определенную *настроенность*, революционную страсть, революционный оптимизм. Революционность предполагает определенную веру в свое дело, революционность предполагает отрицание нытья, пессимизма, уныния и всякого гнилья. Это гнилье *в корне* противоречит всякой по-настоящему революционной установке. Класс восходящий не может сочувствовать или быть связанным так или иначе с гнилой и упадочнической психологией. Наш оптимизм нельзя, конечно, смешивать с *глупым* оптимизмом, который утверждает, что все на свете есть благо: у Вольтера [13] был такой герой, Панглосс, который и в случае землетрясения, и в случае весьма неприятной болезни утверждал, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Мы не можем стать и на точку зрения какого-нибудь блаженного Августина, который утверждал, что господь бог создал «зло» только для того, чтобы лучше оттенять «добро». Мы — не Панглоссы и не блаженные Августины. Но мы должны решительно бороться со всякими проявлениями перерождения, упадка, разложения, проявляются ли они в литературе (есенинщина), в политике, в быту — где угодно. Естественно, что класс восходящий только тогда может выполнять стоящие перед ним задачи, творить свое великое дело, когда он полон веры в свои собственные силы и в то дело, которое он делает. Бывали в истории нашей революции очень тяжелые времена. Но наша партия потому и вышла победоносно из этих тяжелых времен, что она была несги-

баемой партией и никогда, ни при каких условиях не теряла веры в свое великое дело. В этом отношении ее вождь, Владимир Ильич, был образцом нового человека-борца. У одного из величайших поэтов, у бельгийского поэта Верхарна [14], есть замечательное стихотворение, которое называется «Трибун», где почти каждое слово может быть отнесено к Владимиру Ильичу, этому железному вождю пролетарских масс:

Что смерть ему? Свое предназначенье
Он выполнял — земное свершено...
. . . . . .
И, покидая жизненную сцену,
Он знает: кто-нибудь придет ему на смену.
Он юных духом вел с собой
Завесу поднимать над будущим счастливым.
Не он смутился временным отливом,
Всегда сменяющим стремительный прибой.
Его душа жила в грядущем так далеко,
Как только мог проникнуть взор
В его неведомый простор.
Не всем дано вместить крылатый жест пророка.
И все же мысль его оделась в кровь и плоть;
Он жизнь сумел согнуть и побороть
Он выпрямил ее, в порыве к формам новым,
Открытым в первый раз умом его суровым.

Владимир Ильич «умом своим суровым» открыл «новые формы» нашего общественного бытия. Это закреплено в лозунге, ставшем лозунгом всемирной революции: *власть Советам*! Владимир Ильич поднял перед всеми нами завесу нашего будущего, и Владимир Ильич показал в то же время образец человека, который, несмотря ни на какие препятствия, ни на какую, даже самую тяжелую, обстановку, не опускал революционного знамени и, как вылитый из стали, шел к своей цели. Мы ясно видим, какие громадные всемирно-исторические перспективы раскрываются перед нами. Земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и перечувствовали. Гигантские массы приходят в движение, все больше и больше в нашей стране распахиваются ворота к дальнейшему великому творчеству. Когда мы читаем глупые строки, продиктованные страхом перед «дикими гуннами», когда «цивилизованные» мясники международной буржуазии обвиняют нас, строителей новой жизни, в «варварстве», мы можем с полной совестью сказать: мы создаем и мы *создадим* такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

Печатается по книге: Бухарин Н. Ленинизм и проблема культурной революции: Речь на торжеств. заседании памяти В. И. Ленина. М.; Л.: Госиздат, 1928

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА.

К началу нового хозяйственного года [1]

30 сентября 1928 г.

Наступает новый хозяйственный год. И совершенно естественно, что у всякого мыслящего рабочего, а тем более рабочего-коммуниста, появляется потребность подвести известные итоги, наметить известные перспективы, увидеть всю картину нашего хозяйственного развития в *целом*. Посмотрите на письма рабочих, на записки, подаваемые во время многоразличных собраний, послушайте выступления рядовых пролетариев. Какой огромный культурно-политический рост! Какой уровень вопросов и проблем, копошащихся в головах массы! Какая жгучая потребность доискаться до «корня вещей»! Какая неудовлетворенность ходячей и стертой монетой штампованных и пустоватых фраз, элементарных, как бревно, и похожих одна на другую, как две горошины. Надо сознаться, что здесь, в этих «ножницах» между запросами массы и той «духовной пищей», которая ей подается (подается часто холодной или неряшливо едва-едва разогретой), есть большая доля вины с нашей стороны вообще, со стороны нашей печати — в особенности. Разве те вопросы, жгучие и «больные», которые сверлят мозги многим и многим, находят у нас достаточно живой отклик? Разве разного рода сомнения получают достаточное разъяснение с нашей стороны? Разве у нас достаточно удовлетворительно поставлено дело серьезной информации о нашем хозяйстве? Разве мы в достаточной степени ставим перед массой, и *рабочей* массой в первую очередь, сложнейшие проблемы нашего хозяйствования? Нет, и тысячу раз нет: здесь у нас громадный пробел, который нужно заполнить, чтобы иметь право говорить о *серьезных* усилиях по вовлечению масс в активное социалистическое строительство.

Но дело, разумеется, не только в пропаганде. Стремясь извлечь уроки из нашего собственного прошлого и непрерывно критикуя самих себя, мы должны прийти также к следующему выводу: мы и сами недостаточно осознали еще всю *новизну условий реконструктивного периода*. Именно поэтому мы так «запаздывали»: проблему своих спецов поставили лишь после шахтинского дела,

проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т. д., словом, действовали в значительной мере согласно истинно русской поговорке: «Гром не грянет — мужик не перекрестится».

Когда мы в свое время переходили от военного коммунизма к новой экономической политике, мы самым смелым, самым решительным образом стали перестраивать все наши ряды. Эта огромная перегруппировка сил, наряду с бешеной пропагандой таких лозунгов, как «учись торговать» и т. д., была предпосылкой наших хозяйственных успехов.

Переход к *реконструктивному периоду*, разумеется, не выражает принципиального сдвига хозяйственной политики, что, несомненно, было в 1921 году. Однако он имеет огромнейшее значение, так сказать, в *другом измерении*. Ибо существует величайшая разница между, скажем, простой *починкой* моста и его *постройкой*: последнее требует знания и высшей математики, и сопротивления материалов, и тысячи других премудростей. То же и в масштабе *всего* хозяйства. Реконструктивный период поставил ряд сложнейших *технических* задач (проектирование новых заводов, новая техника, новые отрасли промышленности), ряд сложнейших *организационно-экономических задач* (новая система организации труда на предприятиях, вопросы Standart'a индустрии, районирования, формы всего хозяйственного аппарата и пр.), ряд величайшей трудности задач *общего хозяйственного руководства* (сочетание в новых условиях основных элементов хозяйства, вопросы социалистического накопления, вопросы экономики в связи с вопросами классовой борьбы, опять-таки в *новых* условиях этой борьбы, и т. д.), наконец, ряд проблем, касающихся *людского* аппарата (вовлечение масс в процесс рационализации, с одной стороны, проблема квалифицированных кадров — с другой). Крупные технические завоевания капиталистического мира (особенно в Германии и Соединенных Штатах) и рост мирового производства крайне заостряют постановку наших внутренних проблем. Между тем мы не произвели необходимой перегруппировки наших сил или, вернее, производили ее не в той мере, не в том темпе и не с той энергией, как это требовалось объективным ходом вещей.

I

Истекший год подводит итог целому *трехлетию* реконструктивного развития нашей экономики. Страна сделала громадный прыжок вперед. Прямо смешно бывает читать преученые рассуждения наших беглых Бруцкусов и Загорских и различных «светил» иностранной науки, которые, подцепив

парочку газетных сенсаций из области «сведений» made in Riga [2] и напялив на себя важнецкие колпаки, с превеликим усердием тщатся доказать «крах советского хозяйства», «крах коммунизма», «крах большевизма» и прочие «крахи» на тему: что думают Чемберлены, когда им не спится. Между тем всякому непредубежденному наблюдателю, у которого сохранилась хотя бы минимальная способность объективного суждения, ясно, что, как ни верти и как ни вертись, хозяйство СССР по большинству главнейших направлений бешено мчится вперед и что самые зигзаги этого бега и как будто внезапные своеобразные «кризисы» этого хозяйства являются всем, чем угодно, но только не предвестниками любезного белым сердцам «краха большевистской системы».

За последние годы в ряде производственных отраслей, в первую очередь промышленных, мы уже подошли к серьезным техническим сдвигам: наша *нефтяная* промышленность, черное гнездо которой прочно слажено в Бакинском районе, пережила настоящую техническую революцию и почти переоборудована на американский лад; наше *машиностроение*, основной рычаг дальнейшего переворота и индустриальной переделки страны, двинулось большими шагами вперед; его особый отряд, *сельскохозяйственное машиностроение*, втрое превысил цифры довоенного уровня; выросла целая новая ветвь промышленности — *электротехническая* промышленность; заложен фундамент нашей *химической* промышленности, и впервые на нашей территории мы приступаем к добыче азота из воздуха; *электрификация*, постройка электростанций неуклонно завоевывают все новые и новые позиции; хозяйственно-техническая революция выбрасывает свои щупальцы и в деревню: мощно поддерживая и развивая кооперативные объединения крестьян, она уже выслала около 30 000 *тракторов* в поля и степи нашей страны, и тракторные колонны, как боевые дружины технического переворота, появляются уже нередко гостями на самых отсталых, поистине варварских участках нашего Союза — впервые ножи тракторных плугов поднимают целину сальских, украинских, заволжских, казахских степей, и вольный ковыль в последний раз поет свою предсмертную песнь.

Посмотрите на сухие цифры, которые своим строгим языком рассказывают нам о продолжающейся революции в нашем Союзе.

Основной капитал всего государственно-кооперативного сектора народного хозяйства СССР вырос за 3 года (1925/26—1927/28) на 4 млрд руб. по ценам 1925/26 года (+14% с лишком).

Основной капитал государственной и кооперативной промышленности за те же годы и в тех же ценах поднялся с 6,3 млрд руб. до 8,8 млрд руб., т. е. на $2^1/_2$ млрд (+39—40%), причем темп прироста достиг за последний год огромной цифры в 15%.

Эти данные говорят о реальном накоплении, т. е. о *расширенном воспроизводстве*. Если же взять *всю* сумму капитальных вложений, т. е. включать и возмещение сношенных частей «капитала», то мы получим такие цифры.

Весь обобществленный сектор: здесь цифра годовых вложений поднялась с 2 млрд до 3,4 млрд руб. по тем же ценам.

Государственная и кооперативная промышленность: здесь соответствующие цифры будут составлять 890 млн руб. в 1925/26 году и 1,5 — 1,6 млрд в 1927/28 году.

Интересно также отметить систематический рост совершенно *нового промышленного строительства*. Доля средств, идущих на это строительство, в процентах к общим ассигнованиям на промышленность неуклонно возрастает: 1925/26 год — 12%, 1926/27 год — 21%, 1927/28 год — 23%. Чрезвычайно быстро растет удельный вес промышленности во всем народном хозяйстве, удельный вес производства средств производства в промышленном секторе и т. д. Характерно при этом то обстоятельство, что доходы *крестьянства*, по последним исследованиям, почти *наполовину* состоят из доходов *промышленных* (промыслы, строительство, доходы от лесоразработок и пр.) *. Все это показывает, насколько быстро идет процесс индустриализации страны, насколько ярко идет в то же время процесс *социализации* (обобществления) всей ее экономики. Цифры, касающиеся вытеснения частника, общеизвестны. Растет товарооборот страны, в частности оборот между городом и деревней. Растет грузооборот. Растет бюджет. Из года в год увеличивается численность рабочего класса. Растет материальный и культурный уровень его жизни. И т. д. и т. д.

И в то же время рост нашей экономики и несомненнейший рост *социализма* сопровождаются своеобразными «кризисами», которые, при всем *решающем* отличии закономерностей нашего развития от капиталистического, *как будто* «повторяют», но в вогнутом зеркале, кризисы капитализма; и тут и там диспропорция между производством и потреблением, но у нас это соотношение взято «навыворот» (там — перепроизводство, здесь — товарный голод; там — спрос со стороны масс гораздо меньше предложения, здесь — этот спрос больше предложения); и тут и там идет вложение огромных сумм «капитала», которое связано со специфическими кризисами (при капитализме) и «затруднениями» (у нас); но у нас и это соотношение взято «навыворот» (там — перенакопление, здесь — недостаток капитала); и тут и там — диспропорция между различными сферами производства, но у нас типичен *металлический голод*. *Безработица* у нас имеет место одновременно с систематическим ростом численности занятых рабочих. Даже аграрный «кризис» у нас идет «навыворот» (недостаток

* См.: Контр. цифры Госплана на 1927/28 г., с. 16.

предложения хлеба). Словом, в особенности истекший год поставил перед нами проблему *наших «кризисов»*, имеющих место в начальные периоды переходной экономики в стране отсталой, мелкобуржуазной по составу своего населения, находящейся во враждебном окружении.

Маркс, как известно, дал теорию *капиталистических кризисов*. Эти кризисы он выводил из общей беспланости («анархии») капиталистического производства, из невозможности при капитализме правильных *пропорций* между различными элементами процесса воспроизводства, в том числе между производством и потреблением, или, другими словами, из *невозможности для капитализма «сбалансировать» различные элементы производства*. Это вовсе, конечно, не значит, что Маркс обходил *проблему классов и классовой борьбы*. Потребление масс, его уровень, самая ценность рабочей силы включают, по Марксу, и момент классовой борьбы. Во всей механике развертывающихся противоречий между производством и потреблением, между ростом производства и отношениями распределения, уже *включена* эта борьба классов, *напяливающая на себя костюм экономических категорий*. Оторвать классы и классовую борьбу от экономических отношений пытался известный буржуазный экономист, проф. *Туган-Барановский* [3], который в своей «социальной теории распределения» подчеркивал *только* момент «классовой борьбы», *выбрасывая за борт ее экономические определения*, а в своей теории кризисов, выбрасывая момент потребления масс, выбрасывал тем самым целиком и момент классовой борьбы. Единственно правильной является, однако, именно теория Маркса, а не буржуазная теория *Туган-Барановского*. Поэтому и к вопросу о *наших* «кризисах» можно и должно подходить с методологией Маркса, а не «социальной теорией распределения» *Туган-Барановского*, хотя она внешне и «базируется» на «классовом» принципе. С другой стороны, смешно упрекать, скажем, схемы воспроизводства во II томе «Капитала» в том, что они, эти схемы, игнорируют проблему классов: это значило бы не понимать ни теории классовой борьбы, ни марксовой теории воспроизводства.

В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное *единство*, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, «правом») можно построить, по аналогии со вторым томом «Капитала», «схемы воспроизводства», т. е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою, или, другими словами, условия *подвижного экономического равновесия*. По сути дела, в этом и

состоит задача выработки *народнохозяйственного плана*, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана, сознательно намечаемого, являющегося и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно.

Поставим теперь дальнейший вопрос: если у нас «кризисы» имеют как будто характер «вывернутых наизнанку» капиталистических кризисов; если у нас эффективный спрос масс шагает впереди производства, то *не есть ли «товарный голод» общий закон нашего развития?* Не обречены ли мы на — периодические или непериодические — «кризисы» на *обратной* основе, на *ином* соотношении между производством и потреблением? Не суть ли эти «критические» затруднения *железный закон* нашего развития?

В этой встречающейся и в нашей экономической литературе постановке вопроса уже заранее заложен определенный порок. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи: с одной стороны, отставание — в каждый данный момент — развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей («спроса» — в широком смысле этого слова), с другой — специфически острая, «кризисная», форма, а именно форма *товарного голода* (где уже идет речь о спросе *платежеспособном*). Первое явление выражает лишь тот факт, что общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является *непосредственной* двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится *средством* и т. д. Совсем другое — *моменты кризисного характера*, которые *нарушают ход воспроизводства*. Они могут лежать лишь в *нарушении* условий экономического равновесия, т. е. вытекать из *неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления)*. «Извращенный» — по сравнению с капиталистическим — характер «кризисов» определяется действительно принципиально *новым* соотношением между потребностями масс и производством. Но это соотношение не есть *развивающийся антагонизм* (наоборот, производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития), поэтому здесь нет базы для «ЗАКОНА кризисов», для закона *неизбежных* кризисов. Но здесь *могут* быть «кризисы», вытекающие из *относительной анархичности, т. е. относительной беспланости* хозяйства переходного периода.

Относительная *беспланость* — или *относительная* плановость — хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности. Поэтому и сам план имеет особую природу: это вовсе не более или менее «законченный» план развитого социалистического общества. В этом плане есть много элементов предвидения *стихийной равнодействующей* (например, исчисление урожая, товарной массы хлеба, товарной массы продуктов крестьянского производства вообще, а следовательно, и цен и т. д. и т. п.), которая становится исходным пунктом для той или другой директивы. Именно поэтому у нас невозможен «идеальный» план. Именно поэтому здесь до *известной* степени могут иметь место ошибки. Но ошибка, имеющая свое объяснение, и даже *неизбежная* ошибка, не перестает быть *ошибкой*. Это во-первых. Во-вторых, грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае с зерновым хозяйством, о чем ниже) и соответствующие просчеты *отнюдь не неизбежны*. В-третьих, если любой хороший план не всемогущ, то плохой «план» и плохое хозяйственное маневрирование вообще могут загубить и хорошее дело.

В давнишней полемике с троцкистами (см. сборник: «К вопросу о троцкизме») [4] нам приходилось доказывать, что *нельзя переоценивать планового начала* и не видеть очень значительных элементов *стихийности*; приходилось еще тогда разжевывать ту истину, что понятие пропорции между отраслями промышленности, взятой «в себе», т. е. безотносительно к крестьянскому рынку, есть *бессмысленное* понятие, что именно поэтому сила нашего плана *относительна* и структура его *своеобразна*. А в полемике с *Е. А. Преображенским* (см. «К вопросу о закономерностях переходного периода») приходилось разъяснять, что нельзя при анализе закономерности переходного периода отвлекаться от экономической политики пролетарского государства, ибо здесь огромная часть хозяйства есть *государственное* (и связанное с ним кооперативное) хозяйство, важнейшие хозяйственные организации суть *государственные* организации и т. д. Поэтому, несмотря на относительность нашего планирования, роль его поистине *огромна*: крупные ошибки хозяйственного руководства, вызывая нарушение основных хозяйственных пропорций в стране, могут тем самым вызвать к жизни и крайне неблагоприятные для пролетариата перегруппировки классов. Нарушение необходимых *экономических* соотношений имеет своей другой стороной нарушения *политического* равновесия в стране.

Из того, что «товарный голод» не есть абсолютный закон развития переходной экономики, что «*кризисные*» нарушения основных хозяйственных пропорций не неизбежны, вытекает следующее:

Чтобы добиться возможно более благоприятного (возможно более, бескризисного) хода общественного воспроизводства и систематического роста социализма, а следовательно, возможно более выгодного для пролетариата соотношения классовых сил в стране — необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом,

активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы).

Всякий отказ от этой важнейшей и наисущественнейшей задачи является *капитуляцией перед мелкобуржуазной стихией*, воплощением знаменитых исторических лозунгов мелкобуржуазной расхлябанности: «авось», «небось» и «как-нибудь». По сути дела, смешно даже доказывать эту аксиому. Но такова консервативность и рутина нашего бюрократического аппарата, что ее еще *приходится* «доказывать», ибо там сплошь и рядом еще гнездится эта изумительная идеология: раз затруднения *все равно* будут — айда на печку!

II

Реконструктивный период требует от хозяйственного руководства самого тщательного продумывания проблем текущей политики. Здесь прежде всего вновь ставится все тот же «проклятый» вопрос *о соотношении города и деревни*, и вновь разогреваются старые «рецепты», долженствующие якобы спасти нас от всяких зол и напастей: троцкистские чревовещатели, эти садовники, дергающие растение за верхушку, чтобы оно «скорее росло», и мелкобуржуазные рыцари крепкого хозяина, которые скорбят и хнычут по поводу «форсированного наступления на кулачество»,— все они загомозились на фоне затруднений в связи с хлебозаготовками, ожили, возобновили продукцию своих панацей, выступили — в который раз! — со своими пожеланиями, требованиями, предостережениями, угрозами. Рассмотрим и мы эту «проблему проблем», еще раз критически проверив свою линию.

Мы провели историческую борозду между капиталистическим миром и миром пролетарской диктатуры, но нам полезно использовать исторический опыт капитализма. Нам полезно использовать этот опыт и с точки зрения интересующей нас проблемы, тем более что все мы помним положение Маркса: различные типы соотношений города и деревни отмечают целые исторические эпохи.

В пределах и рамках капитализма нетрудно различить три основных типа отношений. *Первый* тип — наиболее отсталое, полукрепостническое *сельское* хозяйство, крестьянин-паупер, голодная аренда, беспощадная эксплуатация мужика, слабая емкость внутреннего рынка. (Пример: дореволюционная Россия.) *Второй* тип — гораздо меньшие остатки крепостничества, крепостник-помещик в значительной степени уже капиталист, более зажиточное крестьянство, большая емкость крестьянского рынка и т. д. *Третий* тип — *«американский»* — почти полное отсутствие феодальных отношений, «свободная» земля, на начальных ступенях

развития отсутствие абсолютной ренты, зажиточный фермер, огромный внутренний рынок для промышленности. И что же? Нетрудно видеть, что *мощь и размах* индустриального развития, мощь и размах роста производительных сил были максимальны именно в *Соединенных Штатах*.

Троцкисты, ставя проблему *максимальной* перекачки (взять все, что «технически достижимо»; брать больше, чем брал царизм, и т. д.), хотят поместить СССР в этом историческом ряду *«за» старой Россией*, в то время как его нужно поместить *«за» Соединенными Штатами Америки*. Ибо если Соединенные Штаты осуществляют наиболее быстрое *в пределах капитализма* развитие сельского хозяйства и движения производительных сил в целом, то мы — на *социалистическом* базисе, на основе решительной борьбы со всеми капиталистическими элементами — должны идти еще быстрее, в тесном *союзе* с решающими массами крестьянства. В своей наивности идеологи троцкизма полагают, что максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно неверно. Наивысший *длительно* темп получится при таком сочетании, когда индустрия подымается на *быстро растущем* сельском хозяйстве [3]. Именно тогда и *индустрия* дает *рекордные* цифры своего развития. Но это предполагает возможность быстрого реального накопления в сельском хозяйстве, следовательно, отнюдь не политику троцкизма. Переходный период открывает *новую эпоху* в соотношении между городом и деревней, эпоху, которая кладет конец систематическому отставанию деревни, «идиотизму деревенской жизни», которая закладывает фундамент курса на *уничтожение* противоположности между городом и деревней, которая поворачивает самую индустрию «лицом к деревне» и индустриализирует сельское хозяйство, выводя его с исторических задворок на авансцену экономической истории. Троцкисты не понимают, следовательно, того, что *развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства*.

С другой стороны, мелкобуржуазные рыцари, «защищающие» сельское хозяйство от всяких долевых отчислений в пользу индустрии, стоят, по сути дела, на точке зрения увековечения мелкого хозяйства, его убогонькой техники, его «семейной» структуры, его узенького культурного горизонта. Глубоко консервативные по существу, видящие в хуторском хозяйстве альфу и омегу техники агрономии, экономики,— эти идеологи «хозяйчика» отстаивают рутину и индивидуализм в эпоху, которая ставит на своем знамени революционное преобразование и коллективизм, и, по сути дела, расчищают путь махрово-кулацким элементам. Если троцкисты не понимают, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства, то идеологи мелкобуржуаз-

ного консерватизма не понимают, что *развитие сельского хозяйства зависит от индустрии*, т. е. что без трактора, химического удобрения, электрификации сельское хозяйство обречено топтаться на месте. Они не понимают, что именно индустрия есть рычаг радикального переворота в сельском хозяйстве и что без *ведущей роли* индустрии невозможно уничтожение деревенской узости, отсталости, варварства и нищеты.

Исходя из преодоления обоих этих флангов «общественной мысли», мы должны теперь разрешить конкретный вопрос о соотношении между индустрией и сельским хозяйством у нас в СССР в *данный* период. Основные факты, которые мозолят всем глаза, таковы: при общем росте оборота между городом и деревней — товарный голод, т. е. и недостаточное (резко недостаточное) покрытие деревенского спроса, следовательно, как будто отставание промышленности от сельского хозяйства; с другой стороны, затруднения с хлебом, недостаточное предложение хлеба по сравнению со спросом на него, т. е. как будто отставание сельского хозяйства; огромный рост промышленной продукции и огромный рост капитального строительства, и в то же время — весьма значительный *товарный дефицит*. Все эти «парадоксы» нашей хозяйственной жизни должны получить свое разрешение. От этого разрешения зависят и основные директивы нашей политики.

Троцкий в своем заявлении Коминтерну («Июльский пленум[5] и правая опасность») — документе неслыханно клеветническом и кликушеском — пытается местами *аргументировать*, опомнясь на минуту от перманентного визга. Важнейшие места аргументации: 1) «что отсталость сельского хозяйства является причиной всех трудностей, это, разумеется, бесспорно»; 2) «по типу своему нынешнее сельское хозяйство бесконечно отстало, даже по сравнению с нашей очень отсталой промышленностью»; но 3) «несмотря на несравненно более высокий свой, по сравнению с сельским хозяйством, технико-производственный тип, наша промышленность не только не доросла еще до ведущей и преобразующей, т. е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но и не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных потребностей, *задерживая* тем самым ее развитие»; 4) «поднять сельское хозяйство вверх (точно его можно подымать и вниз! — *Н. Б.*) можно только через промышленность. Других рычагов нет... Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запросов сегодняшней деревни — значит сдавать гегемонию города над деревней».

Из этих рассуждений делаются и выводы: партия с XII съезда[7] (!!) вела *правую политику*[8], политику недостаточной индустриализации и, следовательно, утери темпа, откуда и вырос кризис хлебозаготовок; партия в феврале признала, утверждает Л. Д. Троцкий, отставание промышленности, но теперь (после июльского Пленума и отмены чрезвычайных мер) партия снова взялась за старое и т. д. и т. д. *Генеральный* вывод: необходимо форсировать индустриализацию *сверх* того, что делается в настоящее время (о других «выводах» автора здесь говорить не место).

В этих рассуждениях поражает не только то, что они кричаще противоречат «музыке социализма», которую автор перманентной революции слышал в первых контрольных цифрах, появившихся, как это всем известно, *гораздо позднее* XII съезда. В этих рассуждениях поражает прежде всего полное отсутствие анализа динамики развития. Ни вопрос об основных фондах промышленности по сравнению с основными фондами сельского хозяйства, ни вопрос о величине продукции пром. и с.-х., ни вопрос о движении этих соотношений не интересуют автора. Между тем соответствующие факты кое о чем говорят даже для людей, трижды оглушенных буржуазной ложью о СССР.

Эти факты находят свое выражение в следующих цифрах * (см. таблицу, с. 402).

Из этих *рекордных* цифр по промышленности вытекает, что дело не просто в «технико-производственном типе» промышленности, который более высок, чем «тип» крестьянского хозяйства (эта святая истина вряд ли нуждается даже в упоминании), что *не только «тип»*, но и *конкретная динамика развития дает гигантский перевес индустрии* и обобществленному сектору вообще. Из этих *рекордных* по промышленности цифр вытекает также, что не в якобы низком *темпе* развития (при *данных* средствах, ресурсах и возможностях) лежит *корень* объяснения того, что наша промышленность не покрывает деревенского спроса,— темп развертывания нашей промышленности по сравнению с капиталистическими странами *неслыханно высок* (даже товарная продукция промышленности растет значительно быстрее товарной продукции сельского хозяйства); из этой картины вытекает, что дело отнюдь не в отставании индустрии от сельского хозяйства. Словом, из этих цифр вытекает необходимость искать какое-то другое, менее элементарное, но более *действительное* объяснение.

---

* Данные берем тоже из контрольных цифр Госплана, только не на 1925/26 г. (как это делал Троцкий в 1925 г.), а на 1927/28 г. (с. 520—521 — проценты вычислены нами — 464—467), кроме данных по ВСНХовской промышленности, которые взяты из «Сводного Промфинплана» на 1927/28 г. (с. 97 и 99). Необходимо иметь в виду, что данные Госплана на 1927/28 г. оказались для промышленности преуменьшенными, а для сельского хозяйства — несколько преувеличенными. Более свежие данные тт. смогут получить из «Контрольных цифр» Госплана на 1928/29 г., которые, вероятно, скоро выйдут из печати.

А. Прирост основных фондов
(в % к предыдущему году)

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
I			
Госпромышленность	+ 8,0	+10,7	+13,1
Электростроительство	+21,3	+44,1	+44,0
Госпромышленность с электростр.	+ 8,6	+12,4	+15,1
II			
Весь обобществл. сектор в целом (госпром.+электростр.+трансп.+ +жил. ком. стр.+кооперация и т. д.)	+3,5	+5,5	+7,6
III			
Сельское хозяйство	+4,6	+4,3	+4,7
В том числе частное	+4,5	+4,0	+4,3

В. Прирост валовой продукции
(в % к предыдущему году)

I			
Вся промышленность (по довоен. ценам)	+39,3	+13,7	+13,4
В том числе цензовая	+45,2	+15,1	+14,3
В том числе ВСНХовская (по опт. ценам на 1/X 1926 года)	—	+19,6	+23,1
II			
Сельское хозяйство (без лесн. хоз., рыболовства и охоты; цены довоен.)	+20,6	+3,9	+3,0
В том числе зернов. культуры	+32,4	+3,8	—1,9

С. Прирост товарной продукции
(в % к предыдущему году)

I			
Вся промышленность (цены довоен.)	+38,5	+13,5	+13,9
В том числе цензовая	+45,2	+15,0	+15,1
В том числе ВСНХовская (по отпускным ценам 1/X 1926 года)	—	+15,1	+17,6
II			
Сельское хозяйство (без лесн. хоз., рыболовства и охоты; довоенные цены)	+11,3	+8,1	+8,9
В том числе зерновое хозяйство	+30,8	+10,2	+6,8

Характерно, что Троцкий и троцкисты не только «не интересуются» всеми вышеприведенными фактами (в 1925 году они аналогичными фактами все же интересовались, правда с «музыкальной» точки зрения), но они «не замечают» и других крупнейших по своему значению фактов. Видимость аргумента у Троцкого — *непокрытие деревенского спроса.* Но он отнюдь не затрудняет себя вопросом о характере этого спроса, о структуре спроса на промтовары вообще и т. д. Между тем эти вопросы, как мы сейчас увидим, имеют *решающее* значение.

Во-первых, почему у «сверхиндустриалистов» троцкистского толка *деревенский* спрос отожествляется со спросом *сельского хозяйства,* и в частности со спросом со стороны *зернового хозяйства,*— спросом, основанным на движении соответствующей сельскохозяйственной или даже зерновой *продукции* (ибо говорить об «отставании» или «неотставании» промышленности от с. х. на основании непокрытого деревенского спроса можно только при условии такого отожествления)? Почему не делается никакой, *ровно никакой* попытки проанализировать структуру *деревенского спроса?*

Между тем уже в «Контрольных цифрах» на 1927/28 год мы читаем, что, «по последним исследованиям, сумма этих доходов (доходов не специально сельскохозяйственного характера.— *Н. Б.*) оказывается *почти равной сумме доходов от реализации сельскохозяйственных продуктов* *. В 1927/28 году доход от реализации сельскохозяйственной продукции (вне деревни) составлял 2634 млн черв. руб., а от неземледельческих занятий (вне деревни) — 2400 млн руб.**

Таким образом, действительно, *почти половина доходов крестьянства* (а следовательно, *почти половина деревенского спроса)* есть результат не земледелия, а других заработков, и в первую очередь заработков, связанных с *самой промышленностью* (строительные работы и пр.). *Поэтому делать вывод об отставании промышленности ОТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, на основе только факта непокрытого деревенского спроса,— нелепо.*

Во-вторых, делать этот вывод вдвойне нелепо, если связывать его (как это и делают г-да критики) с кризисом *хлебозаготовок,* т. е. с проблемами *зернового* хозяйства. Теперь-то и малому дитяти ясно, что оппозиционные побасенки об «ужасно-аграмадных» натуральных зерновых фондах деревни, все эти разглагольствования о 900 млн пудов разлетелись, как яркие пузыри, и лопнули навсегда. *Никто* больше этим россказням не верит. Наоборот, все яснее и яснее становится то обстоя-

* Контрольные цифры Госплана на 1927/28 г., с. 16.
** Там же, с. 468.

тельство, что *хлеба* у нас производится вообще *мало*, что у нас часто в подсчетах *смешивали* растущие доходы деревни, ее *общие* доходы с доходами от *зерна*, т. е. по росту суммарных деревенских доходов неправильно судили о *движении производства зерновых хлебов*.

Даже по предположительным данным «Контрольных цифр» на 1927/28 год, данным, которые оказались для 1927/28 года по зерну *преувеличенными*, отмечалось *сокращение* валового сбора зерновых культур. По этим данным, сбор зерновых хлебов составлял в 1926/27 году 3779 млн руб. по довоенным ценам, в 1927/28 году — 3708 млн руб.; в процентах к предыдущему году составляет для 1926/27 года прирост на 3,8%, а для 1927/28 года — *сокращение на* 1,9% (а в действительности сокращение оказалось еще больше). В червонном исчислении *оба года* показывают сокращение: в 1926/27 году на 15,5%, в 1927/28 году дальнейшее сокращение на 0,6% *.

Таким образом, *при бурном росте индустрии, при значительном росте населения, при подъеме потребностей этого населения количество хлеба в стране не растет*. Разве не ясно, что наплевистское отношение к *зерновой* проблеме являлось бы при таких условиях настоящим преступлением? И разве не ясно, что троцкистская постановка вопроса и троцкистское его «решение» вели бы прямехоньким путем к действительному, а не иллюзорному краху.

Хлебозаготовительный кризис явился выражением вовсе не *изобилия* хлеба при голоде на промтовары. Это «объяснение» не выдерживает никакой критики. Он *подготовлялся* в обстановке измельчания крестьянского хозяйства стабильностью или даже падением зернового хозяйства и *проявился*: 1) при выросшей диспропорции цен на зерно, с одной стороны, техкультур — с другой; 2) при росте добавочных доходов от неземледельческого труда; 3) при недостаточном повышении налоговых ставок на кулацкие хозяйства; 4) при недостаточном снабжении деревни промтоварами; 5) при возросшем хозяйственном влиянии кулачества в деревне.

В своем существе кризис этот связан был с неправильной политикой цен, с огромным разрывом цен на зерно и на другие продукты сельского хозяйства. В результате этого происходило перераспределение производительных сил в *сторону* от зернового хозяйства, их (относительное) *бегство* из области зерновой продукции. Само собой разумеется, что этот процесс наиболее ярко проявлялся в *производящих районах*. Вопиющим примером (не типичным, однако, примером) неправильного маневрирования с

* Контрольные цифры Госплана на 1927/28 г., с. 464, 465.

ценами является *Северный Кавказ*. Здесь валовой сбор пшеницы с десятины был: в 1925/26 году — 69,9 пуда; в 1926/27 году — 37,9 пуда; в 1927/28 году — 29,8 пуда. При этом сбор в 69,9 пуда сопровождался со стороны заготовительных органов ценой в 1 руб. 15 коп., а при сборе в 37,9 пуда — в 1 руб. 02 коп. В результате, если вычесть семена, крестьянин выручал с десятины: в 1925/26 году — 72 руб., в 1926/27 году — 32 руб., в 1927/28 году — 24 руб. Если даже допустить, что эти данные не вполне точны, все же они с достаточной ясностью характеризуют определенную тенденцию. Конечно, это — пример исключительный, по нему нельзя судить об общем положении вещей. Но он указывает на большие прорехи не только в области нашего общего планирования (просчет с зерном в масштабе СССР), но и в области нашего порайонного маневрирования.

Если процесс топтания на месте (и даже падения) зернового хозяйства наиболее резко проявлялся в производящих районах, то он не мог не отражаться в конце концов и на районах потребляющих: отсутствие снабжения хлебом этих районов должно было приводить к росту натурализаторской тенденции.

Здесь — пару слов о значении закона цен. С легкой руки *Е. А. Преображенского* идеологи троцкизма воображают, что закон социалистического накопления должен чем дальше, тем больше насиловать закон ценности [9], который есть закон равновесия *товарного* производства. Здесь не место разбирать подробно всю абсурдность этого положения. Укажем здесь, что самое противопоставление закона ценности, как закона товарного производства, и закона социалистического накопления, как заместителя и наследника закона ценности, *нелепо* уже по одному тому, что и при капитализме был закон накопления, действовавший на *основе* закона ценности: поэтому закон ценности может перерастать в наших условиях во что угодно, но только не в закон накопления. Сам закон накопления предполагает существование другого закона, на основе которого он «действует». Что это — закон трудовых затрат или что-либо иное — в данном случае для нас безразлично. Ясно одно: если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую *части* прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо *регрессирует*. Этот закон «годится» и для зернового хозяйства. Если соседние отрасли производства находятся в сельском хозяйстве в лучшем положении, происходит процесс *перераспределения* производительных сил. Если этого нет — происходит, в наших условиях, общий процесс *натурализации сельского хозяйства*. Думать, что рост планового хозяйства означает возможность (на том милом

основании, что отмирает закон ценности) действовать, как левая нога хочет, значит не понимать *азбуки* экономической науки. Эти соображения являются достаточным базисом для определения границ «перекачки». *Противники индустриализации* возражают против всякого отчуждения хотя бы части прибавочного продукта, т. е. против всякой «перекачки». Но в таком случае замедляется темп индустриализации. *Троцкисты* определяют величину перекачки в пределах «технически достигаемого» (т. е. выходить даже за пределы прибавочного продукта). Ясно, что в таком случае не может быть и речи о *развитии* сельского хозяйства или его зерновой отрасли, что необходимо для развития индустрии же. *Здесь* истина лежит посередине.

Но развитие (именно развитие, т. е. расширенное производство) сельского хозяйства вообще (в том числе и производство сырья, и зернового хозяйства) необходимо и с точки зрения *экспорта* и *импорта*. За ввоз оборудования нужно платить. То же самое за ввоз сырья. Было бы совершенно дикой вещью, если бы мы, после выпадения хлебного экспорта, на основе зернового кризиса, вообще переориентировались так, что навсегда поставили бы крест на этом экспорте. Довольно с нас временной зависимости от заграницы по линии импорта оборудования. Зависеть от нее одновременно и по оборудованию, и по сырью, и по хлебу — *немыслимо*. Мы должны, опираясь на нашу сельскохозяйственную базу и используя ее продукцию, платя за импортное оборудование «сельскохозяйственной валютой» (что, конечно, вовсе не исключает необходимости усиления и промышленного экспорта), *развивая свою тяжелую индустрию*, постепенно эмансипироваться от зависимости и по линии оборудования и становиться, таким образом, все более и более на собственные ноги (что, разумеется, не исключает необходимости дальнейшего использования международных экономических связей).

В-третьих, почему троцкисты умалчивают о *внедеревенском спросе*? Разве у нас сполна покрывается спрос *рабочего* населения? Разве у нас сполна покрывается производительный спрос *самой промышленности*? Разве у нас покрывается спрос на промтовары (металл, топливо, строительные материалы и пр.), предъявляемый *прочими отраслями обобществленного хозяйства* (транспортом, жилстроительством и т. д.)? Ведь нужно же понять, какое огромное значение имеют эти обстоятельства для понимания корней товарного голода, для понимания хода воспроизводства у нас.

Правда, в этой области у нас нет вразумительных статистических данных; наши хозяйственные органы еще не поняли всей *абсолютно неотложной* необходимости тщательного и вдумчивого

изучения *структуры спроса** на промтовары, хотя это значение с точки зрения анализа *воспроизводства* является совершенно исключительным. По чрезвычайно грубым и лишь примерным исчислениям, произведенным по моей просьбе некоторыми товарищами и дающим представление не столько о точных пропорциях, сколько о *порядке* интересующих нас величин, дело представляется в следующем виде:

	% от общего спроса на промтовары
1. Спрос на промтовары, предъявляемый самой промышленностью (как для нужд текущего производства, так и для капитального строительства)	37—39
2. Спрос прочих отраслей обобществленного хозяйства	15—16
Итого спрос всего обобществленного хоз-ва (без зарплаты)	52—55
3. Спрос лиц, живущих на заработную плату	15—16
4. » прочего городского населения	около 5
5. » крестьянства	23—25
6. Экспорт промтоваров	2—2,5

При этом спрос, создаваемый обобществленным *капитальным строительством (с включением зарплаты* строительных рабочих), входит в совокупный спрос на промтовары в размере, вероятно, 16—17%.

Таким образом, эти примерные исчисления, касающиеся структуры спроса на промтовары на предстоящий 1928/29 год, показывают, что деревенский спрос даже в *его целом* составляет лишь одну пятую или одну четвертую всего совокупного спроса на промтовары.

Что касается других частей спроса (т. е. трех четвертей или даже четырех пятых его!), то ведь *здесь налицо тоже «отставание»!* В частности, и сама промышленность, развиваясь бешено, в рекордных темпах, предъявляет и бешеный спрос на промтовары же, но *не может* его удовлетворить. Когда Троцкий говорит, что промышленность отстает от роста деревенского спроса, от роста сельского хозяйства, то этот аргумент лишь на первый взгляд может выглядеть убедительно. Но вот при внимательном анализе оказывается, что *промышленность «отстает» от самое себя!!* Что это значит? «Промышленность отстает от самое себя». Как понимать эту формулу? А это значит, что *промышленность*

* Под «спросом» в данном случае понимается не только денежный спрос, но и «спрос», удовлетворяемый, допустим, данным производственным объединением его же собственной продукцией (например, спрос передельных заводов Югостали на чугун, производимый самой же Югосталью, и т. д.).

в своем развитии натыкается на границы этого развития. Вот тот вывод, который обходится сверхиндустриалистом Троцким и замазывается рассуждениями о деревенском спросе на промтовары, рассматриваемом изолированно от всего совокупного спроса на промтовары. А «натыкаться» на границы означает следующее: 1) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между отраслями самой промышленности (напр., явное отставание металлургии); 2) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства (как промышленности, так и всего обобществленного сектора в целом); если нет кирпича и не может быть в данном сезоне его произведено (по техническим условиям) больше определенной величины, то *нельзя* сочинять программы строительства, *превышающие* этот предел, и вызывать этим спрос, который не может быть покрыт, ибо, сколько ни форсируй строительство дальше, все равно из воздуха не сделаешь фабричных зданий и жилищ (к этому вопросу мы еще вернемся при обсуждении проблемы капитальных затрат); 3) очевидно также, что границы развития даны *производством сырья*: хлопок, кожа, шерсть, лен и т. д. равным образом не могут быть добыты из воздуха. Но как ведомо всем, эти предметы суть продукты *сельскохозяйственного производства*, и их недостаточность является причиной недостаточного развития валовой продукции промышленности, которая не может, в свою очередь, покрыть целиком ни спроса городского, ни спроса деревенского населения. Если, следовательно, налицо недостача сырья плюс недостача хлеба (а это, помимо прочего, означает также «недостачу» экспорта и недостачу импортных товаров), плюс недостача строительных материалов, то нужно быть поистине остроумным человеком, чтобы требовать еще «сверхиндустриалистской» программы.

Подводя общие итоги, нужно сказать: *1) по основным фондам, по валовой и товарной продукции темп развития индустрии чрезвычайно превышает темп развития сельского хозяйства; 2) зерновое хозяйство, поставленное в крайне невыгодные условия, угрожающе отстает даже от минимально необходимых темпов; 3) спрос со стороны деревенского населения наполовину является неземледельческим спросом и сам в значительной мере порождается развитием крупной промышленности, обобществленного хозяйства; 4) дальнейшее увеличение темпов в развитии индустрии определяется в значительной мере сельскохозяйственными сырьевыми и экспортными лимитами; 5) очевидно далее, что при распределении средств внутри промышленности (а в части капитального строительства — внутри всего обобществленного сектора) нужно добиться всестороннего учета всех факторов,*

определяющих «более или менее бескризисное развитие» (из резолюции XV съезда) [10], *более правильное сочетание отраслей промышленности и отраслей обобществленного сектора.*

Из всего комплекса вытекающих отсюда проблем на первое место становятся проблемы *капитального строительства и зернового хозяйства.* Что касается последнего вопроса, то партия в своих решениях — в особенности в своих последних решениях — подчеркнула все его огромное значение: отсюда выпрямление политики цен, отсюда постановка вопроса о совхозах и колхозах, отсюда необходимость громаднейших практических усилий в данной области. Разумеется, *если бы* не было угрожающего отставания зернового хозяйства, его дробления, понижения его товарности и т. д., то целесообразней было бы, пожалуй, деньги, ассигнуемые на совхозы, вложить, скажем, в производство черного металла, которое является «узким местом» нашей промышленности. Однако даже «сверхиндустриалисты» не решаются напасть на совхозы. Почему? Потому что очевидно именно отставание зернового хозяйства. «Чисто производственная» точка зрения, т. е. точка зрения «увеличения продукции» *(Ленин)*, совпадает здесь с точкой зрения *«классового замещения»*, постепенного замещения капиталистических элементов сельского хозяйства возрастающей коллективизацией индивидуальных бедняцких и середняцких хозяйств, *укрупнением* и обобществлением сельскохозяйственного производства. Эта огромная новая проблема, которая отнюдь не предполагает пренебрежительного отношения к индивидуальному трудовому хозяйству, а, наоборот, должна решаться *на подъеме* индивидуальных хозяйств (именно так ставил вопрос тов. Ленин), требует особого внимания и особого напряжения усилий именно благодаря своей новизне. Это есть, до известной степени, крупное капитальное строительство в сельском хозяйстве, требующее и *новой техники* (тракторизация, механизация, химизация и т. д.), и *квалифицированных кадров.* Подъем индивидуального крестьянского хозяйства, особенно зернового, ограничение кулацкого хозяйства, строительство совхозов и колхозов при правильной политике цен, при кооперировании масс крестьянства и т. д. должны выправить крупнейшую хозяйственную диспропорцию, находившую свое выражение в стабильности и даже регрессе *зерновых культур* и в *слабом развитии сельского хозяйства вообще.* В общем и целом при составлении наших планов необходимо помнить *о директиве XV съезда: «Неправильно исходить из требования максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и наруше-*

ние равновесия всей народнохозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии; это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны» [11].

III

Осью всех наших плановых расчетов, всей нашей хозяйственной политики должна быть забота о постоянно развивающейся *индустриализации страны*, и партия будет бороться против всякого, кто вздумает свернуть нас с этого пути. Со всех точек зрения (развития производительных сил, развития сельского хозяйства, роста удельного веса социализма, укрепления смычки внутри страны, укрепления международного экономического веса, обороноспособности, роста массового потребления и т. д. и т. п.) индустриализация СССР есть для нас *закон*. При этом нужно постоянно иметь в виду, что наша социалистическая индустриализация должна отличаться от капиталистической тем, что она проводится *пролетариатом*, в целях *социализма*, что она *по-другому, по-иному* воздействует на крестьянское хозяйство, что она по-другому, по-иному «относится» к сельскому хозяйству вообще. Капитализм создавал *приниженность* сельского хозяйства. Социалистическая индустриализация — это не паразитарный по отношению к деревне процесс (при капитализме, несмотря на развитие сельского хозяйства под влиянием индустрии, элементы такого паразитизма налицо), а средство ее величайшего *преобразования и подъема*. Индустриализация страны означает поэтому и индустриализацию сельского хозяйства, и тем самым она *подготовляет* уничтожение противоположности между городом и деревней.

Понятно, что процесс индустриализации не может идти одинаково плавно на всех ступенях развития. Понятно также, что он ставит нас перед труднейшими проблемами: в полунищей стране необходимо собрать и производительно применить, превратив в новую технику, новые здания и т. д., огромные суммы «капитала». Проблема *капитального строительства* выдвигается поэтому на первый план. Здесь мы сталкиваемся с труднейшими и сложнейшими задачами, которые никак не могут быть решены ни криком, ни «интуицией», ни другими аналогичными качествами. Здесь нужно вдумчивое изучение проблемы, здесь неуместно какое бы то ни было дилетантство, здесь необходима коллективная проработка вопроса, здесь необходим *счет*.

* Резолюция XV съезда «О директивах» по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.

Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации. Значит ли это, что мы *все* должны вкладывать в капитальное строительство? Вопрос в достаточной мере нелеп. Но этот нелепый вопрос скрывает в себе другой вопрос, вполне «лепый», а именно вопрос о границах накопления, о верхнем лимите для сумм капитального вложения.

Прежде всего при составлении программ капитального строительства необходимо иметь в виду директиву партии о *резервах* (валютных, золотых, хлебных, *товарных*). За последнее время вошло в очередную «моду» помалкивать насчет политики резервов:

Ходить бывает склизко
По камешкам иным.
О том, что очень близко,
Мы лучше помолчим [12].

Однако, хотя «молчание — золото», а золота у нас мало, все же играть в молчанки тут никак нельзя. У нас не только нет резервов, но перебои в снабжении, «очереди» и «хвосты» стали «бытовым явлением», в значительной мере дезорганизующим и нашу *производственную* жизнь.

Мы говорим о том, что в известной мере ошибки планового руководства неизбежны, что затруднения у нас велики, что международная обстановка напряжена. Можно ли при этих условиях хозяйствовать *без резервов*? Политика, постоянным спутником которой было бы отсутствие резервов, попахивала бы авантюризмом. Именно поэтому партия в последние годы ставила проблему резервов во главу угла. Но эта директива до сих пор выполнялась явно недостаточно. *Нужно создать здесь решительный перелом*, ибо партия выносит свои резолюции вовсе не для забавы. В настоящее время нет ровно никаких оснований для ревизии решений XIV и XV съездов о резервах. Наоборот, вся обстановка диктует нам *выполнение* этих решений. Мы специально интересовались вопросом о том, как обстоит дело с выполнением этой директивы при составлении наших перспективных наметок. Возьмем, напр., последние наметки, имеющиеся в области проектировки пятилетки промышленности. У меня такое впечатление, что при составлении контрольных цифр пятилетки в ВСНХ о политике резервов позабыли и подумать. Так, из отчета *«Экономической жизни»* [13] видно, что слишком большие требования, предъявляемые пятилеткой к бюджету, делают ее *нереальной»* *. А «нереальность» — это недостаток «довольно» существенный.

Понятно, что вопрос о резервах стоит в ближайшей связи и с вопросом о *производительном* потреблении (в том числе и

* См.: Эконом. жизнь, № 188: «Проблемы пятилетнего плана».

капитальном строительстве), и с вопросом о *личном* потреблении (личном потреблении масс). Общеизвестно, что здесь у нас струна натянута крайне туго. *Натягивать ее дальше, еще более обострять товарный голод невозможно.* XV съезд и здесь дал совершенно правильную директиву:

«Нельзя... исходить из одностороннего *интереса накопления* в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий...) или исходить из одностороннего *интереса потребления*»[14].

К сожалению, и в вопросе о товарном голоде и пятилетних перспективах промышленности перед нами такая же картина, как в вопросе о резервах. Отчет *«Экономической жизни»* говорит о представленной пятилетке промышленности, что здесь *отсутствует баланс спроса и предложения* (см. речь тов. Межлаука[15]). Если план, который составляется в период кризиса снабжения, не проанализирован под углом зрения баланса спроса и предложения *, то это, конечно, не «внешний» недостаток, не «формальная» промашка, а глубокий *внутренний порок. Острота товарного голода должна быть решительно смягчена, и притом не в отдаленной перспективе, а в ближайшие годы. Первые шаги в этом направлении нужно сделать теперь же.*

Необходимо далее поставить вопрос о *материальных элементах* капитального строительства. Для того чтобы индустриализация страны проводилась в жизнь, а не оставалась на бумаге, для того чтобы капитальное строительство было реальностью, а не бюрократической «игрой в цифирки» *(Ленин)*, необходимо обеспечение не только соответствующего количества *денег*, выражающего собой спрос на строительные материалы и т. д., но и соответствующее *предложение* этих последних, их физическое, натуральное бытие, их простая наличность, притом не их будущая «наличность», а их наличность в настоящем, ибо из «будущих кирпичей» нельзя строить «настоящие» фабрики даже по Бём-Баверку. У нас, однако, часто становятся на какую-то странную точку зрения своеобразного *«денежного фетишизма»*, полагая, что деньги будут — все будет. Между тем если у нас нет налицо тех или других материалов в нужном (с учетом экономии) количестве и если для их производства требуется период, выходящий за рамки того времени, когда они должны быть производительно потреблены, то не выручат никакие деньги. Можно бить себя в грудь, клясться и божиться индустриализацией, проклинать всех врагов и супостатов, но от этого дело ни капельки не улучшится. Можно надеяться на правило: «авось проскочим!», можно играть в чет-и-нечет, «загадывать» и т. д.,

* Судя по некоторым примерным исчислениям, дефицит по КЦ (контрольным цифрам. *Ред.*) пятилетки чрезвычайно возрастает.

но, увы, объективные соотношения выползут все равно на свет божий.

Как же, однако, у нас обстоит дело здесь на ближайший год? Ответ дает следующая таблица.

Баланс строительных материалов на 1928/29 год

Материалы	Емкость	Производство	Дефицит или избыток	То же в %
Цемент (в тыс. б.)	15 100	13 460	—1 640	—10,8
Кирпич (млн шт.)	2 677	2 445	—232	—8,6
Алебастр (в т. т.)	335	281	—54	
Известь (в т. т.)	734	700	—34	
Мел (в т. т.)	250	252	+2	
Огнеупорн. матер. (в т. т.)	758	683	—45	
Материалы	**Емкость**	**Производство**	**Дефицит или избыток**	**То же в %**
Лес пиленый (т. к. м.)	10 368	10 191	—177	—
Стекло оконное (т. т.)	184,8	158,2	—32	—17,4
Балки швеллера (т. т.)	208,8	147	—61,8	—29,7
Проволока катан. (т. т.)	157,3	122	—35,3	—22,4
Сортовое жел., фасон. и сталь (т. т.)	1 246,6	958	—288,6	—23,2

Эти данные * показывают, что если по кирпичу и цементу были приняты кое-какие меры (хотя 8,6% и 10,8% все же больше, чем «достаточный» дефицит), то дефицит по стеклу, балкам и швеллерам, проволоке, сортовому железу и стали чрезвычайно высок. К сожалению, автор статьи, откуда мы заимствуем эти цифры, не объясняет, при каком именно приросте физического объема строительства будут иметь место эти дефициты. Но если это исчисление дефицитов правильно, то перед нами вырисовывается довольно сложная задача, как же *строить на деле*, если не хватает 20% строительного металла? И нельзя ли здесь иметь более точный подсчет и программы, рассчитанные на *реальные* балки и железо, а не эфирные и воображаемые?

Интересно проследить положение вещей на наиболее отсталом фронте нашей крупной промышленности, на фронте *черной металлургии*, производящей чугун, рельсы, балки, швеллера, листовое, кровельное и оцинкованное железо, жесть, трубы желез-

* См.: *Барский.* Промышлен. строит. материалов — Эконом. жизнь, № 220. Проценты вычислены нами.

ные и чугунные, катанку и др. Здесь «Контрольные цифры баланса черных металлов на 1928/29 год» дают нам такую картину развития по 3 годам:

	1926/27 г. % удовл. потребн.	1927/28 г. % удовл. потребн.	1928/29 г. % удовл. потребн.
1. Транспорт	95,1	91,0	87,0
2. Наркоматы и учрежд.	97,5	96,0	78,5
3. Металлопром ГУМП	91,5	87,4	77,2
4. » местная	75,2	87,2	66,0
5. Пр. неметал. пром.	81,3	81,8	77,5
6. Коммун. хоз. и строит.	79,4	73,6	57,7
7. Кустарн. пром.	62,4	67,8	48,5
8. Индивид. потреб. города и села	68,2	60,5	56,6
Итого	82,3	80,0	71,0 *

Таким образом, дефицит *(дефицит!!)* быстро возрастает *(возрастает!!) по всем решительно категориям потребителей!*

Для того чтобы понять, каким же это образом получается такой парадокс, что у нас идет по всей линии — и по личному потреблению, и по потреблению производительному — рост дефицита, так обостряющийся как раз на 1928/29 год, нужно посмотреть, как проектируются у нас цифры прироста капитального строительства.

Какую директиву давал на этот предмет *XV съезд партии?*

«В вопросе о *темпе* развития необходимо... иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на *ближайший* год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы *длительно* наиболее быстрый темп развития...

В области соотношения между развитием *тяжелой и легкой индустрии* равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов. Считая правильным перенесение центра тяжести в производство средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии при условии развития *легкой* индустрии» [16].

* Контр. цифры баланса черных металлов на 1928/29 г., издание (и данные) ВМС, с. 8—9.

Как мы видим, XV съезд партии был очень осторожен. В вопросе о темпе XV съезд прямо говорил *против* бешеного разгона темпа на первые годы и последующего неизбежного снижения. Как же в ходе работ выполняется *эта* партийная директива? К сожалению, у нас нет свежих материалов о предположениях по капитальному строительству всего обобществленного сектора. Но вот данные о проектировании капитального строительства по промышленности (т. е. примерно о 35% всего обобществленного строительства).

Прирост капитальных вложений в процентах к предыдущему году составляет по вырабатываемой пятилетке (*к счастью, не принятой президиумом* ВСНХ):

1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
+39,6%	+7,3%	−1%	−8,3% *.

Таким образом, здесь поступлено *«как раз наоборот»*. В 1929/30 году дан разгон почти на 40% прироста только для того, чтобы эта цифра слетела до 7, а затем до — 1 и, наконец, до — 8. Не ясно ли, что это — проектировка без *установки?* Какие предпосылки легли в основу акробатических salto mortale в области *такого* серьезного дела, как капитальное строительство? На эти вопросы нельзя найти сколько бы то ни было удовлетворительного ответа. Эти фантастические курбеты покрывают без всякого дефицита самый пылкий спрос на «товары» *плохого* качества.

Нельзя ли и здесь, в вопросе о темпе, потребовать *точного выполнения решений XV съезда?*

Ведь перенапряжение капитальных затрат: 1) не будет сопровождаться *реальным* строительством такого объема, 2) неизбежно через некоторое время поведет к свертыванию уже начатых работ, 3) крайне неблагоприятно отразится на других отраслях производства, 4) обострит товарный голод по всем линиям, 5) в конечном счете *снизит темп развития.*

Такое положение вещей в условиях стабильных и полустабильных цен имеет еще отрицательное воздействие на *денежную систему.* Но эта тема особого порядка, хотя и в *высшей степени важная.*

Для всякого коммуниста понятно, что нужно идти вперед так быстро, как это *возможно.* Понятно, что нам в высокой сте-

* Эконом. жизнь, № 188. Газета не дает процента для 1928/29 г., но, судя по более поздней информации, этот процент достигает 25.

пени нежелательно снижать *уже достигнутый* темп, который — это нужно помнить — мы достигли ценою величайшего напряжения бюджета, ценою отсутствия резервных накоплений, ценою сокращения доли потребления и т. д. Мы идем с напряжением *огромным*. И нужно понять, что если мы должны *сохранить* (а не раздуть!) этот темп и в то же время: 1) смягчить товарный голод, 2) сдвинуть вперед дело с резервами, 3) обеспечить более бескризисное развитие,— то для этого нужно принять ряд самых решительных мер, обеспечивающих большую эффективность строительства, *большую производительность всех наших производственных единиц и гораздо большую производительность новых, входящих в процесс производства предприятий*,— эффективность и производительность, серьезно превышающие теперешние требования в этой области.

Конкретные обследования РКИ [17] показали, что здесь у нас уйма непроизводительных трат и расходов. Эти faux frais *, связанные с рядом организационных вопросов, нужно свести до минимума. Нужно зверски работать над снижением индекса строительных материалов. Нужно зверски уменьшать период производства (то, что строят в Америке два месяца, у нас строят около 2 лет!). Нужно в значительной мере изменить *тип* строительства (слишком тяжелые здания и т. п.). Нужно гораздо более экономно расходовать материалы (у нас, например, расходуется в $1^1/_2$—2 раза больше металла, чем это необходимо). Вся эта рубрика в целом может дать *гигантскую* экономию, если принять во внимание, что капитальное строительство в промышленности составляет только *одну треть* совокупного строительства по обобществленному сектору (1,25—1,30 млрд руб. по промышленности без электростроительства из общей суммы в 3,4 млрд руб. за 1927/28 год).

Высвобождающиеся суммы должны пойти: 1) на смягчение напряженности на рынке, которая бьет и промышленность, и все обобществленное хозяйство, и рабочих, и крестьян (как мы это видели выше из анализа структуры спроса), и нашу денежную систему; 2) на образование *резервов*; 3) на сохранение реально нами достигнутых темпов.

Одновременно необходимо всемерно поднимать производительность наших предприятий, снижать себестоимость продукции (обеспечить действительное массовое производство продукции). Новейшие изобретения, важнейшие технические достижения вообще, серьезная рационализаторская работа, втягивание масс, развитие и применение *науки*, роль которой должна быть теперь повышена в *несколько раз*,— все это должно стоять в центре

* Непроизводительные расходы, накладные расходы *(франц.)*. *Ред.*

нашего внимания. Нужно покончить с российским провинциализмом: мы должны следить за каждым движением научно-технической мысли Европы и Америки и использовать каждый их действительный шаг вперед; мы должны научно поставить дело нашего статистического учета; мы должны кончать — и возможно скорее — с неразберихой, дерганием и пр. в системе нашего хозуправления. Мы должны научиться *культурно управлять в сложных условиях реконструктивного периода*.

Эту задачу возможно решить, лишь поняв следующее: *мы не перестроили так своих рядов, как того требует реконструктивный период*.

У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм. Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы. Мы *слишком* все перецентрализовали. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства-коммуны? Это вовсе не значит «распускать вожжи». Наоборот. Основное руководство, важнейшие вопросы должны гораздо тверже, более жестко *(но зато и более продуманно)* решаться «в центре». Но в строгих рамках этих решений действуют уже нижестоящие органы, отвечающие за *свой* круг вопросов, и т. д. Гиперцентрализация в ряде областей приводит нас к тому, что мы сами лишаем себя *добавочных сил, средств, ресурсов и возможностей*, и мы не в состоянии использовать всю массу этих возможностей, благодаря ряду бюрократических преград: мы действовали бы гораздо более гибко, маневренно, гораздо более успешно, если бы, начиная с отдельного госпредприятия, были бы в состоянии больше применяться к реальным, конкретным условиям и не делать поэтому тысяч маленьких и больших глупостей, которые в сумме «влетают в копеечку».

* * *

Хлебозаготовительный кризис сигнализировал нам крупные опасности. Экономика обернулась здесь и своей классовой стороной.

Эти опасности еще не изжиты, и нужна еще большая работа, чтобы они были изжиты. В стране, несомненно, колобродят враждебные нам силы: кулачество в деревне, остатки старых и новые буржуазные группировки в городах. В порах нашего гигантского аппарата гнездятся тоже элементы бюрократического перерождения с их полным равнодушием к интересам масс, их быту, их жизни, их материальным и культурным интересам. Если активные идеологи мелкой и средней буржуазии протягивают свои щупальцы и тихонечко пробуют колебать нашу политическую

линию (таковы противники индустриализации, противники совхозов, колхозов и т. д.), то чиновники «чего изволите?» готовы выработать какой угодно, хотя бы сверхиндустриалистский, план, чтобы завтра хихикать над нами в «узком кругу», а послезавтра идти под руку с нашими противниками. У рабочего класса есть, однако, масса козырей на руках. В борьбе с классовыми врагами, усиливающими свою политическую активность, пролетариат, опираясь на бедноту, организуя ее силы против кулачества, развертывая смелую самокритику в своих рядах, будет все успешнее преодолевать и свои собственные недостатки. Мы растем, и мы можем расти, и мы будем расти с меньшими потрясениями, если станем культурнее и научимся лучше управлять. Именно об этом говорил в последнее время тов. Ленин.

Печатается по книге: Бухарин Н. Заметки экономиста: К началу нового хозяйственного года. М.; Л.: Госиздат, 1928

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина

21 января 1929 г.

Товарищи! Творения великих людей, — а одним из величайших людей был наш покойный учитель и вождь, — представляют собою чудесную сокровищницу идей. Из замечательного многообразия этой сокровищницы приходится выбирать. Приходится ограничивать свою тему, ибо богатства идейного наследства неисчерпаемы и необъятны. Я ограничиваю поэтому тему своего выступления *политическим завещанием Ленина*, то есть совокупностью мыслей, которые Владимир Ильич оставил как свое последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово, как свою последнюю, самую продуманную директиву. Я буду говорить о проникновенном и гениальном плане всей работы, оставленном партии, которую Ленин создавал, которую он вел, которую он привел к победе, которой он руководил в героические железные дни гражданской войны, которую он перестраивал и вел снова в бой в начавшуюся эпоху *великих хозяйственных работ*.

Главнейшее из того, что завещал нам тов. Ленин, содержится в пяти его замечательных и глубочайших по своему содержанию статьях «Страничка из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» [1]. Все эти статьи, если приглядеться к ним внимательно, представляют собой не отдельные разрозненные кусочки, а органические части одного большого целого, одного *большого плана* ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной *перспективы*, которую провидел гениальный и острый взгляд полководца мировых революционных сил.

Я очень хорошо знаю, что все эти статьи неоднократно цитировались, что почти каждая фраза этих статей подвергалась изучению. Но есть до сей поры один пробел, который мне хочется заполнить на настоящем торжественно-траурном вечере. Этот пробел заключается в том, что до сих пор не было сделано — насколько мне известно — попытки разобрать все эти статьи *в их взаимной связи*, понять их именно как частицу большого перспективного плана всей нашей коммунистической работы.

На перевале к шестому году со дня мучительной кончины нашего учителя может, пожалуй, появиться опасение: не мудрствуем ли мы здесь через край, не связываем ли мы задним числом сами, и притом искусственным образом, то, что у Владимира Ильича было только отдельными, хотя и гениальными, замечаниями? В самом деле, что общего между оценкой всей нашей революции и замечаниями о том, как реорганизовать Рабкрин? А тем не менее сам автор статей смотрел на них как на выражение некоторого целостного плана.

Как раз в статье о Рабкрине — казалось бы, здесь «только» «частный» вопрос! — Ленин пишет: «Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина» [2].

Если мы внимательно присмотримся к предсмертным статьям Ленина, мы увидим, что в них есть и общая оценка нашей революции с точки зрения возможности строительства социализма в нашей стране, и общие резко очерченные линии нашего развития, и очень глубокий, хотя и очень краткий анализ международной обстановки, и основы нашей стратегии и тактики, и вопросы нашего экономического строительства, и вопросы культурной революции, вопросы об основных классовых соотношениях, о *госаппарате*, об *организации масс*, наконец, об организации нашей партии и ее руководства. В сущности говоря, нельзя назвать *ни одного* сколько-нибудь крупного вопроса нашей политики, анализ которого не находил бы себе места в этом общем плане, развитом тов. Лениным в его последних директивах. Эти главнейшие вопросы политики Ленин развивал не с точки зрения моментальной и быстро преходящей конъюнктуры: он ставил их с точки зрения «большой политики», широчайших перспектив, генеральных путей, столбовой дороги нашего развития. Его анализ — не крохоборческий анализ маленького участка, а громадное полотно, на котором с необычайной мощью, убедительнейшей простотой и выразительностью изображена тяжелая поступь исторического процесса. Из этого анализа Ленин делает громадные выводы, но этому же анализу он соподчиняет и сравнительно второстепенную организационную деталь. Изобразить весь план Ильича как целое — вот задача, которую я себе ставлю сегодня.

I. ОБЩАЯ ОЦЕНКА НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Начну прежде всего с вопроса об *общей оценке нашей революции с точки зрения возможности социалистического строительства в нашей стране*. Этому посвящена статья, которая так и называется: *«О нашей революции»*.

С первого (поверхностного) взгляда можно счесть эту статью случайной, почти рецензионной «заметкой». Это, однако, вопиюще неверно. По своим мыслям «заметка» «О нашей революции» является одним из самых оригинальных и самых смелых творений Владимира Ильича. Он, конечно, не случайно выбрал тему «о нашей революции», то есть об оценке этой революции и ее возможностей *в целом*. Он предвидел, что могут возникнуть разные сомнения относительно строительства социализма в нашей стране; он знал, что нашему рабочему классу придется, быть может, пережить не одну волну разных «атак» и со стороны партий, которые когда-то действовали в качестве активных политических врагов внутри нашей страны, и со стороны их преемников, и со стороны отщепенцев нашей собственной партии. Он отлично понимал, что различные трудности строительства могут ставить снова и снова перед колеблющимися интеллигентами вопрос о возможности социализма в нашей стране; что найдутся скрытые поклонники «нормальных», капиталистических отношений; что сменовеховские россказни о великой пользе Октябрьской революции с точки зрения уничтожения старых дворянских гербов, феодальных конюшен и царского средневековья, но в *то же* время и с точки зрения благоденствия и грядущей победы нэпмана — будут время от времени разогреваться. Мы отлично знаем, что такие сомнения были, что они кое-где есть и что они, по всей вероятности, известное количество времени *будут*.

Вот почему Ленин еще раз поставил *коренной* вопрос «о нашей революции», о *характере* нашей революции, об *оценке* ее в целом.

Тов. Ленин ставит коренной вопрос: утверждают, что у нас не было достаточных объективных экономических и культурных предпосылок для перехода к социализму. Хорошо. Но это еще не решает дела. Чего не понимают педанты-каутскианцы? Они не понимают того основного, что если с точки зрения всемирной истории проделывать пролетарскую революцию должны развитые страны, страны с чрезвычайно развитой экономической базой, вполне и вполне «достаточной» для перехода к социализму (хотя никто не может сказать, с какой ступеньки развития начинается эта достаточность), то могут быть *особые исключения*, определяемые *своеобразием* внутренней и внешней обстановки. Это своеобразие обстановки как раз у нас и имело место, ибо у нас революция была связана, во-первых, с мировой войной, во-вторых, с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов и, в-третьих, с особо благоприятным сочетанием классовых сил внутри страны, сочетанием, которое Маркс еще в пятидесятых годах прошлого века считал самым выгодным, а именно сочетанием *крестьянской войны с пролетарской революцией*. И вот эти-то обстоятельства, эта совершенно своеобразная и оригиналь-

ная обстановка была основой для всего развития нашей революции. Сделалось возможным такое оригинальное положение, что мы *сначала* завоевываем себе «рабоче-крестьянскую власть», *а потом* уж должны «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [3]. Эти чрезвычайно смелые рассуждения необходимы Владимиру Ильичу и для того, чтобы протянуть отсюда нитку для дальнейшего. *Если* у нас социалистическая революция в значительной мере держится на том *особом* сочетании классовых сил, которое было учтено еще Марксом, то это «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны» (то есть союз рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса [4]) должно быть продлено и удержано во что бы то ни стало; ибо если *лишиться* этого особо благоприятного сочетания классовых сил, то выпадает вся основа развертывания *социалистической* революции в нашей стране.

Оценивая еще раз «нашу революцию» как социалистическую, отбив самые основные аргументы людей, кокетничающих с возвратом к «здоровому капитализму», к буржуазной реставрации, охарактеризовав «нашу революцию» во всем ее объеме, Ленин с необыкновенной заботливостью ставит и самый общий вопрос *о характере развития «нашей революции»* и, следовательно, *об основах, о направлении нашей тактики*. Ленин предвидит опасность того, что люди, прикрываясь революционной фразой, не поймут всего *огромного*, решающего, принципиального изменения, которое происходит во всем развитии общества после завоевания власти пролетариатом.

II. ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАШЕГО РАЗВИТИЯ И ГЕНЕРАЛЬНАЯ УСТАНОВКА ПОЛИТИКИ

Отсюда опять-таки необыкновенно смелая, яркая, отчетливая и необычайно энергичная формулировка этого вопроса. Ее Владимир Ильич дал в своей замечательной статье «О кооперации».

В этой статье тов. Ленин пишет:

«...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Когда и где с такой резкостью формулировался этот тезис? Я утверждаю, что из всех сочинений наиболее отчетливо и со всей суровой и страстной политической энергией этот тезис сформулирован именно в статье «О кооперации».

«...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [5–6],— пишет тов. Ленин.

«Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу

революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» [7].

Это вовсе не значит, что Ленин здесь отрицает классовую борьбу, ибо «мирная организационная» «культурническая» работа есть тоже *особая форма* классовой борьбы. Это значит, что пролетариат ведет за собой *весь* трудящийся народ, что он отвечает за развитие *всего общества* в целом, что он становится великим коллективным организатором *всего «народного хозяйства»*, что направление развития *не* идет по линии раздвигания пропасти между основными классами (рабочим классом и крестьянством), что дело идет отнюдь *не* к «третьей революции» и т. д.

Разумеется, действительный ход жизни, согласно мефистофельскому изречению: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни», в действительности сложнее: сложнее могут оказаться и объективные условия, и не совсем идеальной может оказаться наша тактика. Поэтому реально могут быть периоды обострения классовой борьбы и ее форм, связанные с перегруппировками общественных классов. Мы переживаем сейчас один из таких периодов обострения классовой борьбы, когда мы не можем сказать, что наша работа «сводится» к «культурничеству». Было бы, конечно, абсолютно неправильно, если бы мы не учитывали особых черт каждого отдельного этапа нашей борьбы. Но в то же самое время основные положения тов. Ленина о характере нашего развития остаются глубоко правильными. *И это должно остаться теоретическим фундаментом при определении нашей большой тактической дороги.*

III. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА И ЕЕ ОЦЕНКА

В своем политическом завещании Ленин отнюдь не ограничивается этими общими вопросами: от общего он идет к частному, ко все более конкретному и рукой мастера набрасывает все более живые и яркие краски, ставя все более и более животрепещущие проблемы. Владимир Ильич был международным революционером, первоклассным марксистом-теоретиком, и, само собой разумеется, он понимал, что наиболее крупные трудности, наиболее коварные угрозы и опас-

ности связаны с нашим *международным положением*. Мы забываем подчас, что́ писал Владимир Ильич в своем политическом завещании насчет нашего международного положения, а между тем там дан анализ, который, за немногими исключениями, подтвердился всем дальнейшим ходом мировых событий. В одном пункте жизнь внесла крупнейшую поправку, пункте, который я ставлю первым. Тов. Ленин так изображал международное положение: 1) В Западной Европе раскол империалистических государств: Германия лежит на дне, Германию клюют страны-победительницы и не дают ей подняться. Этот пункт в значительной мере «снят»: Германия, как известно, поднялась под живительным американским золотым дождем, хотя и натыкается на огромнейшие трудности. 2) С другой стороны, анализирует положение Ленин, победители, то есть Франция, Англия, Соед. Штаты, Япония, на основе своих побед могут укрепить свою власть, могут делать рабочему классу уступки, которые «все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира» [8]. Эта формулировка точна, правильна и в должной мере осторожна. 3) В то же время назревает революционное движение в странах Востока (Индия, Китай и т. д.) — в революционный водоворот втягивается большинство человечества. 4) Зреют внешние конфликты между, как пишет Владимир Ильич, «преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока...» [9]. 5) Зреют противоречия и конфликты между контрреволюционными империалистами и национально-революционным движением на Востоке, материальные силы которого еще малы. 6) Зреет конфликт между империализмом и Страной Советов.

Тогда, когда Владимир Ильич писал эти строки, мы не ставили вопроса относительно стабилизации капитализма — не было характеристики этой стабилизации. А Владимир Ильич, по сути дела, дал в основном тот анализ, до которого мы с огромнейшим трудом доработались лишь в течение целого ряда последующих лет. Владимир Ильич ни капли не боялся быть заподозренным в оппортунизме или каком-нибудь подобном смертном грехе и писал, что победившие империалистические государства будут «преуспевать»; а с другой стороны, он отмечал и те *противоречия*, которые рождает капиталистическая стабилизация. И, что особенно интересно, Владимир Ильич связывал следующий революционный взрыв непосредственно с *грядущей войной*.

Что касается крупных *народных движений*, то в первую очередь он искал их на Востоке, там видел он революционную ситуацию и возможность непосредственных революционных взрывов больших народных масс. Разве история не оправдала полностью этого прогноза?

IV. ОСНОВЫ НАШЕЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

В свете этого анализа международной обстановки Владимир Ильич определял и основы нашей стратегии и нашей тактики.

Тов. Ленин рассматривал наше международное положение в первую очередь с точки зрения *военной опасности*. Это он безусловно считал *основным*.

В самом деле, *как* он ставил вопрос? Как он его формулировал?

«Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны?» [10]

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами?» [11]

Какой тактики мы должны держаться, чтобы «помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас»? [12].

Кто знает точность выражения у Владимира Ильича, кто знает, насколько целомудрен был Владимир Ильич в обращении с «большими» словами, и кто вспомнит, что речь идет о его *политическом завещании*, тот не может в этих постановках вопроса не прочесть глубочайшей тревоги (тревоги серьезного мыслителя и мудрого стратега) за судьбы всего социалистического строительства, за судьбы всей революции. Ленин отнюдь не был легкомысленным «ура-патриотом», он серьезно учитывал могущественные силы врагов. Он *открыто* говорил и о наших слабостях, призывал *массы* к их преодолению. Он прежде всего указывал на *низкую производительность народного труда*. Он отмечал, что империалистам не удалось уничтожить Советское государство, но удалось его разорить, затруднить его развитие, затормозить это развитие, то есть что им удалось решить задачу наполовину («полурешение задачи»).

Нужно признать, что хотя мы и сделали большой скачок в область экономического и культурного развития, но мы живем вместе с тем в обстановке *полублокады*. А что касается «низкой производительности народного труда», то хотя мы и здесь сделали крупнейший скачок вперед, но, по сравнению с Западной Европой и Америкой, мы все еще находимся на чрезвычайно низкой, полуварварской ступени развития.

Но как же отвечал на поставленные выше вопросы сам Владимир Ильич? Он отвечал чрезвычайно осторожно. Он говорил: решение *общего* вопроса об исходе гигантской борьбы зависит от «многих обстоятельств», которые заранее учесть нельзя. *В конечном счете*, однако, наша победа основана на силе исполинской *массы*. Основная масса человечества (СССР, Индия, Китай и

т. д.) решит исход борьбы. Однако этот исход предполагает определенную тактику.

Итак: «Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства» [13].

Таким образом, когда Ленин ставил вопрос, что же является *основной внутренней гарантией* в борьбе против нападения империалистов, что является *основным тактическим правилом*, необходимым, чтобы революция пролетариата победила в борьбе против контрреволюционных западноевропейских правительств, он отвечал: *величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству*. В другом месте той же статьи он ясно, точно и с крайней скупостью в словах дал формулировки, которые тем более выразительны, чем более они кратки.

«Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику.

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии» [14].

На первый взгляд это как будто бы маловато для «нашего спасения» при нападении западноевропейских капиталистических держав. Но дальше тов. Ленин по всем направлениям развертывает из этих, как будто бы «бедных», директив богатейшую цепь все более конкретных указаний, причем одно звено цепляется за другое и вырастает вся сложная и живая практика революционной борьбы и строительства. Мысль, которую Ленин так могуче подчеркнул, обрушив ее тяжеловесной глыбой, как будто бедна: руководство над крестьянством, «величайшая осторожность», доверие крестьянства, сокращение аппарата до минимума — этого как будто слишком мало, все это как будто слишком просто.

Но простота бывает двоякого рода: бывает «простота», которая *«хуже воровства»*, и бывает *гениальная* простота, такая простота, которая представляет собою продукт глубочайшего проникновения в предмет и глубочайшего знания этого предмета. В области художественного творчества такая гениальная простота была у Льва Толстого. В области политики такая гениальная простота была у Владимира Ильича.

Из того, что я уже сказал, вытекает, что Владимир Ильич счи-

тал военное столкновение рано или поздно неизбежным и утверждал, что может выйти из него наша революция победоносно только тогда, когда крестьяне будут доверять рабочей власти. По ленинскому завещанию, это есть *решающая предпосылка*, без которой вся революция существовать не сможет. Это, в свою очередь, предполагает величайшую экономию в нашем хозяйствовании. Почему? Здесь тов. Ленин раскрывает все внутреннее богатство этих лозунгов: смысл «величайшей экономии» оказывается гораздо более глубоким, чем это кажется на первый взгляд.

V. ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В своей известной статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин развивает свой план по двум направлениям, которые увязаны с директивой союза рабочих и крестьян и с директивой экономии. Это — план *индустриализации* и план *кооперирования населения*. Поставив вопрос о том, что нам нужно сохранить доверие крестьян, изгонять все лишнее из наших общественных отношений, сократить госаппарат до минимума, накапливать постепенно, тов. Ленин вслед за этим спрашивает: но «не будет ли это царством крестьянской ограниченности?» [15].

Владимир Ильич хорошо знал наших людей, он отлично знал, что будут такого рода нападения, будто он проповедует «царство крестьянской ограниченности», будто он слишком много говорит о крестьянстве и т. д. В ответ на это Владимир Ильич говорит:

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее.

В этом и только в этом будет наша надежда» [16].

Тогда мы удержимся *наверняка* и притом «не на уровне мелкокрестьянской страны... а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии» [17].

В чем здесь «гвоздь»? В чем особо глубокая политическая мысль? В чем здесь то особое, что отличает ленинскую установку от всякой иной? Во-первых, то, что в основе всего плана лежит союз рабочих и крестьян и «величайшая осторожность» в этом пункте, осторожность, так резко отделяющая ленинскую «землю» от троцкистских «небес»; во-вторых, то, что здесь дан совершенно определенный ответ, *на чем* нам нужно строить дело индустриализации страны, где *источники тех добавочных сумм*, которые мы должны в возрастающей мере тратить на дело индустриализации страны. Эти источники могут быть разные. Они могут заключаться в *трате*

резервов, которые у нас были (возрастающий пассивный баланс), они могут заключаться в *выпуске бумажных денег* с риском инфляции и товарным голодом; они могут заключаться в переобложении крестьянства. Но все это не здоровая база индустриализации. Все это не солидно, не прочно; все это может угрожать разрывом с крестьянством. Тов. Ленин указывает другие источники. Эти источники есть прежде всего *максимальное сокращение всех непроизводительных расходов*, которые у нас поистине огромны, и повышение качественных показателей, в первую очередь *повышение производительности народного труда*. Не эмиссия, не проедание запасов (золотых, товарных, валютных), не переобложение крестьянства, а *качественное повышение производительности общенародного труда и решительная борьба с непроизводительными расходами — вот главные источники накопления*. Это есть определенная директива, определенная политическая линия, и мудрость ее заключается в том, что это единственная линия, при которой дело хозяйственного строительства, социалистического накопления и пр. будет иметь и на *экономической* стороне, и на стороне *социально-классовой* настоящую, *крепкую, здоровую базу*. Курс на индустриализацию, ответ на вопрос об источниках накопления, директива о том, чтобы политика индустриализации *не только не разрывала с крестьянством, а, наоборот, сплачивала союз с крестьянством*, и общая оценка вопроса об индустриализации как решающего вопроса («в этом и только в этом будет наша надежда»,— писал Ленин *о крупной машинной индустрии*) — вот те директивы, которые вытекают у Ленина из всей социально-хозяйственной обстановки и анализа международного положения.

Конкретизируя вопрос о том, *на какой же организационной базе* должна получиться смычка между растущей индустрией и мелкими и мельчайшими крестьянскими хозяйствами, Ленин развивает свой «кооперативный план», план смычки через «кооперативный оборот» [18]. *Почему* через кооперацию должна идти эта смычка? Почему кооперация предлагается в качестве решающего метода? Потому, что это есть переход, как очень осторожно выражается Владимир Ильич, к «новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*», когда население идет к социализму через кооперацию, *руководствуясь собственной выгодой*.

Вопрос о смычке между рабочим классом и крестьянством (с хозяйственной и социально-классовой точки зрения) можно, конечно, ставить по-разному. Можно поставить его так, что *рабочий класс* будет строить социализм, крестьянство же не строит никакого социализма, как мелкая буржуазия (собственники), которая *ни при каких условиях* не способна ни на что в этом отношении. Владимир Ильич *не так* ставил этот вопрос. Отметив, что коопе-

рация — самый простой и легкий способ вовлечения крестьянства, он продолжает:

«А ведь в этом, опять-таки, главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало» [19].

Последнее верно и по сей день.

Всем известно, как тов. Ленин вообще оценивал кооперацию: он говорил, что поголовное кооперирование населения в наших условиях — это есть социализм, и что нам нужно «только» это.

«Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего» [20].

Когда мы сейчас переживаем целый ряд новых трудностей с крестьянством, нам очень не вредно вспомнить это очень простое и в то же самое время очень мудрое правило. *Нам нужно зацеплять крестьянина за его интересы, не мудрствуя, без всяких выкрутас, нам нужно искать самые простые подходы к нему*. Для осуществления кооперативного плана нужна *культурная революция*, ибо для осуществления поголовного кооперирования нужно в первую очередь, чтобы кооператоры *цивилизованно торговали*. Наш кооператор, писал тов. Ленин буквально: «...торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски» [21].

Итак, за основу берется положение, что нужно исходить *из простых и доступных крестьянину методов*: зацепить «наше дело» за частные *интересы* крестьянина. В другом месте в той же статье Владимир Ильич в чрезвычайно острой форме ставит этот вопрос: нэп, пишет он, это «степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [22]. Ленин учил: зацепить крестьянина за его собственные выгоды и на этой базе, через кооперативный оборот, через кооперацию вести его к социализму. А для того чтобы кооперация привела к социализму, нужна *цивилизованная кооперация*, для чего нужно торговать *не по-азиатски, а по-европейски*.

VI. ВОПРОСЫ ОСНОВНЫХ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Владимир Ильич подходил ко всем экономическим вопросам не с точки зрения какой-то внеклассовой экономики: он увязывал любой крупный вопрос одним концом с международным положением, другим концом — с классовой борьбой в нашей стране. Экономика у него развивается вместе с постоянными передвижками и переплетами в области классового строения нашего общества. При этом *главной гарантией СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО* строительства у нас *есть забота о наиболее благоприятном сочетании классовых сил, которое обеспечивало бы нам возможность дальнейшего строительства социализма... забота о сочетании «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме, на этот раз «строительной» форме.* Это — *ГЛАВНОЕ.* Это — то, на что указывал Маркс, что, вопреки лассальянским традициям, вопреки всяким каутскианцам, меньшевикам и пр., является продолжением *марксистских взглядов.* Необходимость крепчайшего союза рабочих и крестьян особо подчеркивается тяжелой и трудной международной обстановкой. В связи с этим центральным положением Ленина находится то замечательное место, которое каждому из нас нельзя терять *ни на минуту.* Это место всем известно, но я считаю своим долгом его здесь еще раз напомнить:

«Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания неизбежности такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской республики» [23].

Я обращаю внимание на некоторые, казалось бы, для марксиста «чудовищные» вещи. Всем известно, что рабочий класс — это не то же, что крестьянство. Крестьянство, даже если говорить о крестьянине-середняке и бедняке, есть деревенская мелкая буржуазия (Владимир Ильич о кулаке вообще не упоминает в этих статьях). Всякому понятно, что если существуют два *класса,* то между этими двумя классами *есть классовые различия,* а Владимир Ильич дает такую формулировку, в которой говорится, что если возникнут *серьезные классовые разногласия* между этими классами, тогда раскол неизбежен и тогда гибель Советской республики неизбежна. В чем же дело? Отступил Ленин от марксизма или перестал Ленин считать крестьянство особым классом? Этого «дела» нельзя понять никак, если стоять на плоской, вульгарной, антиленинской точке зрения, если не понимать всей действительной диалектики оригинального, «советского» развития. Перед рабочим классом теперь стоит задача постоянно *переделывать крестьянство,* переделывать его «по образу и подобию своему», не отграничиваясь от него, а слившись со всей массой, вести его за собой. Совсем другое соотношение между пролетариатом и крестьянством существует в капиталистическом обществе. Наша Красная Армия, которая состоит в огромной степени из крестьян, это величайшая культурная машина для переделки крестьянина, который из нее выходит с новой психологией.

Владимир Ильич совершенно прав: раскол между этими двумя классами, то есть появление между ними *серьезных классовых разногласий,* которые этот механизм переделки одного класса другим уничтожили бы, *означает гибель Советской республики.* И поэтому совершенно понятно, что любое свое положение Владимир Ильич рассматривал под углом зрения соотношения рабочего класса с крестьянством. И именно отсюда следует его генеральная директива: *ГЛАВНАЯ задача всей нашей партии, всех ее органов состоит в том, чтобы смотреть, из чего может проистечь раскол, и, вовремя заметив опасность, ликвидировать ее.*

VII. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Итак, индустриализация плюс кооперирование. Но кооперирование предполагает культурную революцию. Тут Ленин, выставляя лозунг культурной революции, отнюдь не ограничивается этим голым лозунгом. Он и здесь раскрывает его конкретное содержание, он говорит, что нужно *делать,* на что нужно обратить самое *основное* внимание, где *здесь* «звено». Этому специально посвящена его статья, которая называется *«Страничка из дневника».* И этот вопрос Ленин ставит, конечно, с точки зрения соотношения между рабочим классом и крестьянством: «Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции» [24]. *Общая* установка ясна. Мы не делаем «главного»: *мы не поставили народного учителя на над-*

лежащую высоту. Вот одна директива. И Ленин сразу же идет дальше: взяв строение нашего государственного бюджета, он говорит: если хотите культурную революцию проводить, то моя директива вам: необходима перестановка *всего нашего госбюджета в сторону первоначального образования*. Значит, Ленин не только провозгласил лозунг культурной революции: он сейчас же сделал из этого практические указания, и притом указания очень широкого размаха. Никто не скажет, что это можно выполнить сразу и даже в текущем году, но директива смелая, революционная, глубоко правильная. Вы посмотрите, что́ в самом деле это значит: изгнать все излишества из наших общественных отношений, все барские игрушки, все ненужное; передвинуть госбюджет в сторону первоначального народного образования, поднять нашего народного учителя на надлежащую высоту. Это, конечно, целая «революция». Эту революцию *можно* провести, но против нее стоят стихийные силы привычек, быта, предрассудков, бюрократической рутины, обезьянничанья с бар. Владимир Ильич не стеснялся сказать, что мы «не делаем почти ничего для деревни помимо нашего официального бюджета или помимо наших официальных сношений» [25]. И, исходя из задач культурной революции, он выдвигает идею *массовых рабочих организаций*, которые бы проникали в деревню, ставит вопрос о шефских обществах, дает формулу, что рабочие-передовики должны нести коммунизм в деревню. Но сейчас же тов. Ленин расшифровывает содержание этого понятия, опять-таки зная, как у нас любят фразу и барабанный бой вместо дела. Он поясняет свою мысль:

нельзя «нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы» [26].

Это — мудрость организатора, который организует не ячейку молодых людей из советских служащих, а организует десятки и сотни миллионов и знает, как к этим десяткам миллионов подходить. Обсуждая вопрос о формах связи деревни с городом (шефство и т. д.), он настаивает: не делайте это бюрократически — и выдвигает лозунг *всевозможных объединений рабочих, избегая всемерно их бюрократизации*.

Так ставится Лениным вопрос о культурной революции и специально вопрос о деревне, причем характерно, как высоко оценивал Владимир Ильич эту работу. В статье «О кооперации» он говорит:

перед нами стоят две главные задачи: 1) переделка госаппарата и 2) культурная работа для крестьянства [27]. Эту культурную работу среди крестьянства он в другом месте оценивает как *всемирно-историческую культурную задачу*.

Вы видите, таким образом, какой широкий план выставляется Владимиром Ильичем касательно культурной работы и как он тесно связан, как он, можно сказать, «притерт» к другим его положениям: о кооперативной организации, об индустриализации страны, о борьбе с международным капитализмом и пр.

VIII. ВОПРОСЫ ГОСАППАРАТА И ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА

Тут Владимир Ильич подходит к тому, что одним из величайшей важности составных моментов культурной революции, одним из величайших рычагов социалистического накопления и вовлечения масс в строительство — а всякий мелкий крестьянин должен строить социализм! — является состояние госаппарата и качества руководства.

Этот вопрос развивается в двух статьях: «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». Интересен уже самый подход Владимира Ильича:

«Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить» [28].

Исходя из такой установки, которая предполагает «солидность», «прочность», «понятость» — вещи довольно простые, Владимир Ильич подходит к вопросу о нашем аппарате.

Вы помните, какие предпосылки в вопросе об аппарате у Владимира Ильича были: нужна *экономия*, потому что только тогда можно провести индустриализацию. Нужно упрощение, потому что только тогда мы можем *вовлечь массы*. Нужно добиться общего повышения *производительности труда*. Таким образом, вопрос о госаппарате с точки зрения вовлечения масс, экономии, производительности труда связывается со всеми вопросами. В вопросе о госаппарате связываются, как в фокусе, все вопросы — от экономических до культурных.

И это понятно. В конце концов государственный аппарат — это тот самый рычаг, та самая машина, через которую наша партия, победоносная руководительница пролетариата, направляет всю свою политику; в конечном счете если посмотреть с точки зрения перспективы, то наш госаппарат есть та самая организация, которая потом должна, охватывая миллионы, охватывая поголов-

но всех трудящихся, составить собой известный этап в переходе к государству-коммуне, от которой мы еще, к сожалению, очень и очень далеки. Так вот, товарищи, Владимир Ильич спрашивает: если встает так вопрос о государственном аппарате, то чем его чинить, куда мы должны обратиться, за какие рычаги мы должны ухватиться? И он дает замечательную формулировку. Он говорит: мы должны обратиться к самому глубокому источнику диктатуры: а этот самый глубокий источник — «передовые рабочие».

Итак, во-первых, нам нужно обратиться к *передовым рабочим*, а во-вторых, к «элементам действительно просвещенным» в нашей стране. Нужно позаботиться о сосредоточении в Рабкрине лучшего, «что есть в нашем социальном строе» [29], «человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов» [30].

С этого конца нужно чистить госаппарат.

Элементы, «действительно просвещенные», должны иметь такие свойства: они, во-первых, ни слова не возьмут на веру; во-вторых, ни слова не скажут против совести (совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике); в-третьих, они не побоятся признаться ни в какой трудности и, в-четвертых, не побоятся никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Вот какие требования предъявлял Владимир Ильич к этим людям.

Но этого мало. Для того чтобы обновлять госаппарат и начинать с Рабкрина, объединяемого с ЦКК, тов. Ленин предлагал ввести особые испытания, «экзамены» (*экзамен* на кандидата в служащие РКИ и *экзамен* на кандидата в члены ЦКК). Эти экзамены должны состоять в проверке знаний по устройству нашего государственного аппарата, по теории организации той отрасли труда, в которой они желают работать, и пр.

Сделав из РКИ такой первоклассный аккумулятор рационализаторской энергии, необходимо сделать его рычагом, *определяющим собой все другие наркоматы*, переделывающим весь строй работы, повышающим производительность труда. Но почему Владимир Ильич предлагал объединение с ЦКК, как это увязывается со всем планом? Это, товарищи, становится очень просто и понятно при внимательном изучении всего плана Владимира Ильича *в целом*. У него есть две главные оси плана: первое — лучшая работа, экономия, индустриализация, повышение производительности труда, повышение качественных показателей, второе — правильные соотношения между рабочим классом и крестьянством и забота о том, как бы не начался раскол между этими двумя классами через нашу партию, через раскол в нашей партии. Отсюда объединение РКИ и ЦКК, организация этого двуединого тела, которое должно смотреть за двумя главнейшими задачами, которое состоит из

самых лучших элементов страны. Этот организационный проект связан, таким образом, целиком со всем предыдущим, начиная от международной политики. И, наконец, в этом же плане развиты и соответствующие требования *насчет масс*. Эти требования Владимир Ильич в одной чрезвычайно короткой, но выразительной формуле свел воедино: *«действительное участие действительных масс»*. Ибо можно собрать кучу народа, но это не будет действительная масса; можно собрать их так, как будто они «участвуют», но они действительно не участвуют. Отсюда формула: «действительное участие действительных масс».

Итак, если мы теперь сведем весь план воедино, то мы видим, что помимо общей оценки нашей революции дана оценка международного положения, из этой международной обстановки выводится проблема *утверждения власти, ее укрепления* и главная директива рабочему классу *удержать власть над мелким и мельчайшим крестьянством*. Отсюда, в свою очередь, развивается курс на индустриализацию страны на основе сбережений, на основе повышения качества работы при кооперировании крестьянства, то есть наиболее легком, простом и без всякого насилия способе вовлечь крестьянство в социалистическое строительство. Отсюда опять-таки вытекают лозунги культурной революции, перестройки аппарата в деловой, хорошо работающей, вовлекающий массы аппарат; из заботы о правильном соотношении классов выводится забота о партийной линии, об единстве нашей партии; отсюда же строится и план двуединого органа (Рабкрин плюс ЦКК), который следит, с одной стороны, за качеством работы, совмещает в себе контроль, практические занятия и научно-теоретические занятия в области организации труда и, с другой стороны, следит за единством партии — и через нее — за дружным осуществлением рабоче-крестьянского союза.

Весь план грандиозный, весь план рассчитан на много лет. Весь план исходит из широчайшей перспективы. Весь план стоит на крепком фундаменте основных ленинских положений. И весь план в то же самое время конкретизирован, то есть дан целый ряд указаний действительно практического свойства.

Товарищи, я здесь попытался не пропустить ни одной важной мысли Ленина и не прибавил абсолютно ничего от себя, кроме некоторых комментариев, которые вытекают из соответствующих статей Владимира Ильича. Я старался представить их как нечто целое, как *политическое завещание Владимира Ильича*. Само собой понятно, что та большая историческая полоса, которую мы прожили со времени его кончины, внесла значительные изменения в объективные условия развития: и в области международных классовых соотношений, и в области отношений между империалистическими государствами и Советским Союзом; и в области

нашего экономического строительства, и в области соотношений между классами (сюда относится и возросшая активность кулачества), и в области перегруппировок внутри нашей партии, и т. д. и т. п. Можно, пожалуй, сказать, не рискуя ошибиться, что вряд ли кто-нибудь из нас ждал, что мы можем поставить целый ряд крупных рекордных цифр, скажем, в деле строительства промышленности. А мы действительно поставили целый ряд рекордных цифр, мы имеем много достижений и в области рационализации нашей промышленности, и в области научного оплодотворения хозяйства, и в области непосредственной технической реорганизации, и в области увеличения продукции, и т. д. и т. д. Экономически мы сделали огромный шаг вперед.

Мы в известной мере укрепились и на международной арене, хотя противоречия развития дают себя здесь знать наиболее остро. Однако наш рост шел крайне неравномерно, что вызвало целый ряд трудностей, о которых мы теперь так много говорим. Перед нашей партией был поставлен за последнее время целый ряд новых задач, которые буквами не написаны в текстах завещания Владимира Ильича.

Мы поставили вопросы колхозного строительства (что связано с кооперацией и на чем теперь мы делаем ударение), вопросы совхозного строительства, задачи технической реконструкции — вопросы и задачи, которые Владимир Ильич ставил только в общих чертах. У нас многие проблемы встали несколько по-иному. Но основной рисунок нашей политики, нашей стратегии, нашей тактики гениально Владимиром Ильичем предвосхищен и предопределен. И те трудности, которые сейчас переживают наша страна и наша партия, еще и еще раз заставляют нас обратиться к одному из неиссякаемых источников политической мудрости, к завещанию Владимира Ильича, и еще и еще раз самым внимательным образом просмотреть основной вопрос — об отношении рабочего класса с крестьянством. Ибо вопросы индустриализации, хлеба, товарного голода, обороны — это все те же вопросы о рабочем и крестьянине. Недаром наша партия на своей ближайшей конференции ставит этот вопрос в порядок дня.

Товарищи, пять лет назад в тихий зимний день отошел от нас гений пролетарской революции. Многим из нас выпало на долю счастье работать вместе с этим человеком, этим железным «Стариком», как мы его называли, вождем, революционером, ученым.

Через пять лет после его кончины, после проверки его заветов жестоким опытом жизни мы больше, чем когда бы то ни было, с большей горячностью, с большим упорством и с большим знанием действительности подымем наши красные стяги, чтобы идти *вперед и вперед!* (*Продолжительные аплодисменты. Оркестр играет «Интернационал».*)

Печатается по книге: Бухарин Н. И. Политическое завещание Ленина. М.: Изд-во «Правда» и «Беднота», 1929

ПРОГРАММА ОКТЯБРЯ

(К десятилетию программы нашей партии)

23 марта 1929 г.

Сегодня исполняется десятилетний юбилей Программы РКП(б), *первой* программы, которую выработала партия *победившего* пролетариата, и притом выработала ее под непосредственным руководством товарища *Ленина*.

Программа, принятая VIII съездом партии [1], имеет свою длинную историю. Ее истоки уходят к теоретическим битвам вокруг программных проектов старой РСДРП, когда происходили блестящие теоретические дуэли между Лениным и Плехановым и когда еще только намечалось едва уловимое различие между книжным марксизмом Плеханова и прирожденной гениальной диалектикой Ленина, в живом марксизме которого уже слышался нарастающий гул массового революционного движения. Но все это, включая и выработанную Программу РСДРП, и аграрные прения т. н. «Объединительного съезда» в Стокгольме, — лишь «предыстория» программы Октября. Ее «действительная история» начинается с того огромного исторического прыжка, который был сделан в феврале 1917 г., когда было свергнуто императорское самодержавие и заложены неимоверной силы фугасы под все здание капиталистической России.

I

Исходным пунктом явились здесь знаменитые *Апрельские тезисы тов. Ленина*, те самые тезисы, на которые даже часть большевиков, этой «соли» революционной «земли», смотрела испуганными глазами. Теперь, когда Советская власть существует двенадцатый год, когда ее реальность «вбивает диалектику» даже в самые тупые и самые «мистические» головы наших противников, представляется невероятным тот исторический факт, что в 1917 году тезисы о Советском государстве произвели впечатление с громом лопнувшей бомбы, взорванной «от отчаянной жизни» вынырнувшим из неведомого революционного подполья

диким фанатиком, фантазии которого нездоровым туманом плавают в каком-то особом измерении, ничего общего не имеющем с нашим трехмерным пространством.

А тем не менее этот, по словам Плеханова, «грёзофарс» (для оценки ленинских тезисов Георгий Валентинович схватился за лексикон будуарного златоуста Игоря Северянина [2]) был продуктом необыкновенно трезвого учета реальных общественных сил, внимательного проникновения в марксову теорию диктатуры, гениального понимания «изломов истории» *(Ленин)*, блестящего применения революционной диалектики.

В 1914 году, в эмиграции, Ленин, сложившийся и общепризнанный лидер революционного марксизма, его и теоретик и практик одновременно, штудирует Гегеля и записывает в своем конспекте «Науки Логики»:

«Афоризм: Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса $^1/_2$ века спустя!!» * [3].

А раньше, в том же конспекте «Большой Логики», он замечает:

> «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,— вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно,= эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» ** [4].

Не подлежит никакому сомнению, что у Ленина была врожденная гибкость гениального ума. Но не подлежит также никакому сомнению и то, что упорный научный *труд*, огромная — если можно так выразиться — диалектическая самотренировка дали возможность Ленину так замечательно *объективно* применить «гибкость понятий», так удивительно «теоретически схватить» величайшие «изломы истории» и так легко и свободно предугадать ее бешеный ритм, скрытый от тучи обывателей и социалистических «софистов», «гибкость понятий» которых была лишь жалкой гибкостью «применительно к подлости».

Книжный диалектик, человек с «физической силой ума» и очень образованный, *Г. В. Плеханов* обнаружил величайший консерватизм; он превратил революционную диалектику в простоватые софизмы о «простых правилах права и нравственности», обосновывая во время войны «право» царизма на «защиту» от германского империализма. После февраля он применил аналогичный прием, обосновывая для буржуазии «право на защиту» против «насильников» (т. е. большевиков). Об Апрельских тезисах, обозванных в «Единстве» «бредом», Плеханов писал в статье, носившей характерный заголовок: «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен», следующие примечательные вещи: «Я... сравниваю его (т. е. Ленина.— *Н. Б.*) тезисы с речами ненормальных героев названных великих художников (Плеханов имеет в виду Чехова и Гоголя.— *Н. Б.*) и в некотором роде наслаждаюсь ими. И думается мне, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин. Обстановка эта характеризуется следующей пометкой:

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».

Мы увидим, что именно при такой обстановке, т. е. при полном отвлечении от обстоятельств времени и места, написаны тезисы Ленина. А это значит, что совершенно прав был репортер «Единства», назвавший речь Ленина «бредовой» *.

Какой злой, какой ядовитой насмешкой над автором вышеприведенных строк, какой коварной иронией звучат эти слова теперь!

Какими седыми, какими обомшелыми, какими мертвенно-бледными софизмами представляются рассуждения Плеханова! В них не оказалось ни атома от *развивающейся реальности*. И наоборот: Ленин чувствовал и понимал все великое своеобразие начавшейся эпохи и весь конкретный «сок жизни». Это бурное кипение и клокотание революционной лавы, которая уже не могла быть замкнута границами буржуазной государственности; эта резко обозначившаяся роль пролетариата; этот оригинальнейший международный фон русской революции — разве они не должны были сказать *нового слова*, нового с точки зрения всемирной истории?

Тезисы Ленина и лозунг *Советской власти* были таким новым словом. И здесь родилась, по сути дела, *Программа Коммунистической партии*.

II

«Am Anfang war die Tat». «Вначале было дело». И «дело» революции, ее бешеная диалектика развертывались в буйном поступательном ходе событий, в скачке и необыкновенно быстрой смене исторических картин, калейдоско-

---

* Ленинский сборник IX, с. 198.
** Там же, с. 70.

* *Плеханов Г. В.* Год на Родине. Париж, ed. Povolozky, т. I, с. 21.

пической перегруппировке классов, во все новых и новых «ситуациях». Теоретическая мысль едва поспевала за этим галопом истории *.

В предисловии ко 2-му изданию I тома «Капитала» *Маркс* писал о диалектике:

«В своей рациональной форме она для буржуазии и ее глашатаев-доктринеров есть соблазн и безумие, потому что она объемлет не только положительное понимание существующего, но также понимание его отрицания, его необходимой гибели; потому что она всякую осуществленную форму созерцает и в ее движении, а, стало быть, как нечто преходящее; потому что ей, диалектике, ничто не может импонировать; потому что она по существу своему проникнута критическим и революционным духом» [5].

Революция шла так быстро вперед, что ленинская революционная диалектика *должна* была всем Плехановым показаться «соблазном и безумием», то есть «бредом». Но этот «бред» на самом деле вскрывал основную жилу исторического процесса. Тезисы Ленина совершенно объективно анализировали *империализм* и его войну. Но одновременно они взрывали на мельчайшие части социал-патриотизм, не оставляли камня на камне от идеологии «защиты отечества», а такими лозунгами, как лозунг братанья, прорывали фронт империалистической дисциплины. Они *весьма* и *весьма* «соответствовали» *и* времени, *и* месту, вопреки всем и всяческим проклятиям со стороны буржуазных клик куш. Тезисы Ленина совершенно объективно предугадали, опираясь на зародышевые формы пролетарской диктатуры, новый тип *государства-коммуны*. Тем самым они взрывали почти все «старые представления о предмете». Они сдирали кожу с буржуазной демократии, обнажали ее классовое существо. Они разоблачали до конца Львовых [18], Керенских, Милюковых [19] и всю «социалистическую» братию. А с другой стороны, они будили массы лозунгами *своей* власти, власти *трудящихся*, и лавина массового сочувствия вздымалась им навстречу. Они, вопреки Плеханову,

* Формально дело с программой шло так: тезисы Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» [5] (апрель); его же «Проект переработки теоретической, политической и некоторых других частей программы» [6] (апрель); обсуждение вопроса на Апрельской конференции [8], «Материалы по пересмотру партийной программы» [9], с предисловием Ленина (май 1917 г.); в то же время в Москве вышел сборник «Материалы по пересмотру партийной программы» [10] (статьи Милютина [11], Сокольникова [12], А. Ломова [13], В. Смирнова [14]); на VI съезде [15] обсудить программу не удалось; затем появилась статья Бухарина (в журн. «Спартак»); после этого — критическая статья Ленина «К пересмотру партийной программы» [16] («Просвещение»; см. т. XIV, ч. 2, с. 147—173); к VII съезду был роздан написанный Лениным «Черновой набросок проекта программы» [17] (но о дальнейшем — в тексте).

очень и *очень* соответствовали «моменту». Тезисы Ленина выставляли лозунг конфискации всех помещичьих земель и перехода к *«контролю* со стороны Советов рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов» * [20]. Они поэтому подымали на борьбу *миллионы* рабочих и крестьян, измученных войной и тянувшихся к земле, фабрике, власти. Наконец, они выставляли лозунг революционного Интернационала, «Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» ** [21]. Все это *весьма* и *весьма* соответствовало «текущему моменту», если только этот момент понимать именно как «текущий». Вот почему, несмотря на крутой излом событий в июле 1917 года, на попытку Корнилова [22] въехать на белом коне в революционные центры в августе, пролетариат, сплотившись вокруг «бреда», т. е. вокруг программы большевиков, сравнительно легко разбил противника и зажал в кулаке всех министров Временного правительства, а в залах Смольного провозгласил *Советскую власть*.

За это время действовала *«неписаная»* программа большевиков. Все знали уже ее основные пункты: мир, земля, рабочий контроль, Советская власть, курс на международную революцию и социализм. *Писаной* (т. е. законченной, принятой официально и т. д.) программы не было. Да и где же ее было написать? Книга Ленина «Государство и революция» была написана автором во время его нелегального «отпуска», когда за ним гонялись ищейки Керенского, юнкера и разведчики. Эта работа была тоже одной из важнейших подоснов будущей Программы. Но уже в «Послесловии к 1-му изданию» Ленин говорил:

«Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. *Такой «помехе» можно только радоваться.* Но второй выпуск брошюры... пожалуй, придется отложить надолго; *приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать»* *** [23].

А в это же примерно время *Г. В. Плеханов* (соавтор Ленина по старой Программе РСДРП), блестящий основоположник русского марксизма, завершая свое трагическое развитие, писал в «Открытом письме к петроградским рабочим»:

«Товарищи! Не подлежит сомнению, что многие из вас *рады* тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правитель-

* *Ленин.* Соч., 1921, т. XIV, с. 19.
** См. там же.
*** Там же, с. 396. Курсив ваш.

ство А. Ф. Керенского, и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Скажу вам прямо: меня эти события *огорчают* *.

Круг замкнулся. Проверка «программ» и «тактик» была дана. Миллионы «проголосовали» действием. Открылась новая страница всемирной истории. Категории «Поприщиных», «бреда», «грёзофарса» стали на свои действительные места: «утописты минимализма» стали в свои «огорчительные» позитуры, их «коалиционный» бред обнаружил себя именно как бред «титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина». История бросила их на свалку и зашагала своим путем.

III

После Апрельской конференции 1917 года первой попыткой обсудить программный вопрос была, по сути дела, попытка, сделанная на VII съезде партии, т. е. уже во время *брестских событий*. Внешние затруднения новой Советской власти достигли величайшего напряжения. Внутри страны шла глубокая борьба. Партия была разодрана противоречиями. И нужно отдать здесь дань величайшему мужеству и героическому коллективному хладнокровию нашей партии: под звон вражеских мечей, мобилизуя все возможные силы, она на своем съезде, решив вопрос о мире, поставила на обсуждение и вопрос о *Программе*.

Характерно и здесь, что теоретическое лидерство Ленина было насквозь проникнуто бесстрашным духом диалектики. Ленин с удивительным мастерством вскрывал и основную линию развития («эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов») [24], и пестроту картины («сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем») [25], и особенности развития в России («наш переход усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет») [26], и возможность того, что нас «откинут назад» (почему мы не должны отказываться «от использования буржуазного парламентаризма») ** [27]

Продвигая вперед все новое, все подлежащее завоеванию, «преобразуя мир», Ленин в то же время с крайним реализмом ставил вопрос о необходимости старой характеристики товарного хозяйства, чтобы и в программе была соблюдена та *мера*, которая соответствует отсталому строю нашей страны. Движение *масс*, государство *масс*, Советы как новый тип государства, переход к социализму и крупному производству в сельском хозяйстве через закон, «который современные идеологи ставшего на сторону пролетариев крестьянства назвали социализацией земли» *[28]; социалистическая организация производства через профсоюзы и фабзавкомы, принудительное объединение в потребительско-производственные коммуны, всеобщая трудовая повинность и т. д.— таковы были общие черты программы, причем чрезвычайно ярко подчеркивалась международно-революционная роль Советов.

«Черновой набросок» Ленина был наброском Программы в эпоху первых шагов пролетарской диктатуры. Еще не были — да, пожалуй, и не могли быть — нащупаны правильные основы хозяйственной политики (хотя подступы к решению задачи были сделаны). Теоретически Ленин говорил уже тогда о возможности разных переходных ступеней к социализму. Но их точная формулировка еще не была «найдена», и только *массовый опыт* наметил последующие решения. Некоторые «умники», крепкие задним умом, могут, конечно, открыть в этих черновиках немало «наивностей» (обязательные записи каждой сделки в потребительско-рабочие книжки, замена домашнего хозяйства «кормлением больших групп семей», обязательное держание денег в банках и т. д. и т. п.). Но нужно помнить, что даже великие исторические события необходимо измерять *историческим* масштабом.

На брестском «изломе истории» революция пролетариата ходила буквально по краю пропасти. И только комбинация международных событий и правильной тактики партии вывела диктатуру пролетариата из опаснейшего лабиринта. Нужна была поистине дьявольская «гибкость понятий», нужно было глубочайшее проникновение в пути истории, нужна была совершенно исключительная храбрость мысли, чтобы повернуть от «триумфального хода революции» к «похабному миру», от блестящего и героического факельцуга коммунизма к переговорам с генералом Гофманом и подписанию унизительных условий мира.

VII съезд партии не закончил работы над Программой. Эта задача досталась на долю VIII съезда партии. Но вскоре после съезда (в марте — апреле 1918 г.) Лениным была написана знаменитая брошюра «Очередные задачи Советской власти», где в форме крайне яркой, решительной и почти суровой намечены проблемы ближайшего периода. Эта брошюра и последовавшая за ней речь [29] стали фактически программной инструкцией для всей текущей работы партии. И здесь звучит грозная диалек-

---

* *Плеханов Г. В.* Год на Родине, т. 2, с. 244.

** См.: Протоколы VIII съезда. Госиздат, 1928, с. 148, 149, 152.

* Черновой набросок проекта программы. Протоколы VII съезда, с. 182—183.

тика эпохи: в условиях крайне тяжелых нужно организовывать и строить, наводить порядок и подтягивать.

«Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распущенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное?» * [30]

Руль партии был повернут. Он был повернут в сторону *дисциплинированного труда*.

IV

VIII съезд партии (18—23 марта 1919 г.) происходил уже в сильно изменившейся обстановке. Громадное обострение гражданской войны. Интервенция империалистов. Чехи и Колчак. Заговоры и восстания. Террор со стороны белых. Начало голода. Борьба за хлеб. Комбеды. Раскулачивание. Мятеж левых эсеров. А с другой стороны, гибель вильгельмовской монархии. Организация Коммунистического Интернационала. Аннулирование Брестского договора. Советская Венгрия (во время заседаний VIII съезда обмен приветствиями по радио!). Год напряженнейших битв, сложнейшей работы в деревне, где была полоса беспощадной борьбы с кулачеством, год великих мобилизаций пролетарского авангарда, год национализаций, год упорядочения органов пролетарской диктатуры, год создания Красной Армии и ВЧК, год создания широчайших массовых организаций, героический год борьбы.

Этот год подытоживал VIII съезд партии. И он — после всех предыдущих попыток — принял *Программу РКП (б)*, которая и до сего времени является официальной программой нашей партии.

Чрезвычайно интересно теперь проследить, по каким главным линиям шла программная дискуссия на съезде и как товарищ Ленин проводил свою точку зрения в спорных вопросах. Интересно это потому, что под оболочкой абстрактно-теоретических проблем двигалась живая масса конкретных потребностей момента, и Владимир Ильич, этот чуткий ко всем намечающимся силовым сдвигам полководец, прекрасно формировал «общественное

* *Ленин.* Соч., 1925, т. XV, с. 207—208.

мнение» партии, согласно объективным велениям громадной борьбы. Он больше всего боялся приукрашивания действительности. В заключительном программном слове он говорил:

«У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны» *[31].

Именно с этой точки зрения он подходил и к *программным* вопросам. Он протестовал против того, чтобы опустить характеристику «старого» капитализма. Он настаивал на том, что империализм есть «надстройка над капитализмом» [32] (44). Он указывал с удивительным упорством на «возвращение к самым первоначальным формам товарного производства» [33] (43). Постороннему наблюдателю эти споры могли бы показаться отвлеченными спорами об архитектонике Программы — и только. А между тем тов. Ленин сам с величайшей ясностью (которой тогда — увы! — многие не понимали) говорил о практически-политической *основе* своей установки:

«...Нас подвел (к соц. рев-ии.— *Н. Б.*) капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах. Надо все это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, *отношение к среднему крестьянству*» [34] (44).

Вторым спорным вопросом был *национальный вопрос*. Тут, как и в других важнейших проблемах, история международной революции, ее прихотливый ход, ее колониальные побеги — блестяще подтвердили ленинскую правоту, правоту человека, который уже после спартаковского восстания смело спрашивал своих оппонентов: «Дифференцировался ли германский пролетариат от буржуазии? Нет!» [35] (45). И делал вывод: «Отбросить самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно, потому что такая постановка не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций» [36] (47).

Этим, в сущности, исчерпывались *спорные* вопросы, по которым шла дискуссия.

Но интересно отметить и другое. Интересно посмотреть, какие вопросы Ленин считал наиболее существенными из конкретных вопросов своего программного доклада.

«На первом месте,— говорил он,— я поставил вопрос *о мелких собственниках и среднем крестьянике*» [37] (48). Ленин цитировал то место из проекта программы, где говорится против «мер

* VIII съезд Рос. Ком. партии (б-ков): Стеногр. отчет. М., 1919, с. 89.

подавления», где подчеркивается необходимость уступок среднему крестьянству «в определении способов проведения социалистических преобразований». И прибавлял при этом: «Мне кажется, здесь мы формулируем то, что много раз основоположники социализма говорили по отношению к среднему крестьянству» [38] (49).

Дальше В. И. останавливается на вопросе о кооперации («пресекать контрреволюционные поползновения», подчинить «аппарат»); о буржуазных специалистах («мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средствами буржуазной науки и техники сделаем его более доступным массам»; «заставить работать из-под палки целый слой нельзя»); о бюрократизме и вовлечении широких масс в советскую работу; наконец, «о руководящей роли пролетариата и лишении избирательного права» (избирательное «неравенство мы отменим, как только нам удастся поднять культурный уровень») [39].

Этими вопросами отнюдь не исчерпывается Программа. Она, конечно, гораздо богаче по своему содержанию. Нужно помнить, что ряд вопросов был подробно освещен на I конгрессе Коминтерна, ряд общих положений — согласно условленному разделению труда — был изложен в докладе пишущего эти строки. Текст Программы, написанный в значительнейшей части тов. Лениным, содержит некоторые поистине классические места: такова, напр., характеристика буржуазной демократии и пролетарской диктатуры как высшего типа демократии — характеристика, до сих пор не превзойденная. Такова формулировка отношения партии к различным слоям крестьянства. Такова вся общая часть Программы, поскольку она была написана заново. И т. д. и т. п.

Программа партии писалась в моменты наивысшего напряжения сил, в эпоху военного коммунизма, со всеми его положительными и отрицательными чертами, его героизмом и его иллюзиями, его попытками прямого перехода к социализму и подрывом производительных сил, с его массовым подъемом и непрестанным революционным горением. Программа партии носит на себе печать этой бурной и героической эпохи. Особенно это сказалось на *экономической* части Программы: проблемы рынка, денежного обращения, кредита, товарного обращения вообще, товарооборота между городом и деревней в частности, не могли получить в Программе партии своего надлежащего решения. Объективная основа — была замкнутая система военного коммунизма, «запертый товарооборот», как впоследствии говорил Владимир Ильич. Пока длилась гражданская война и огненные языки восстаний, белых нападений и империалистской интервенции лизали границы славной советской коммуны, на первом плане стояли интересы

обороны. Программа РКП(б) прозвучала на весь мир, как набатный колокол, как весть о победе, как знамя великой борьбы, как сигнал нового строительства.

V

Полоса гражданской войны и военного коммунизма была полосой борьбы за существование и утверждение *пролетарской диктатуры*. Эта сторона дела, учение о пролетарской диктатуре, получила в Программе наиболее блестящее развитие. Вот почему Программа РКП(б) сразу стала играть крупнейшую международную роль. «Советская идея» стала завоевывать под свои знамена все большие массы, проникая в самые, казалось бы, «тихие» закоулки земного шара. Она стала в то же время мощным рычагом собирания сил вокруг *Коммунистического Интернационала*.

Гражданская война кончилась. По-новому стал вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством. Военные потребности отошли назад. Хозяйственные потребности выдвинулись на первый план. Централизованная надстройка «запертого товарооборота» пришла в противоречие с конкретными потребностями хозяйственного подъема. Переход к «новой экономической политике» оказался объективной необходимостью. Доклад Ленина на X съезде партии, брошюра «О продналоге» заложили основу «правильных взаимоотношений с крестьянством». Этот переход неизбежно сопровождался перестройкой рядов, переорганизацией всего хозяйственного аппарата, «новыми» методами хозяйствования, приемами хозяйственного отступления и новыми приемами последующего наступления. Открылась следующая историческая страница.

На основе роста товарооборота очнулась от полупаралича хозяйственная жизнь страны. Вновь поднялись почти заснувшие заводские гиганты, стал собираться в городах рассыпавшийся пролетариат, заколосился хлеб на заброшенных полях, отогрелись замерзшие паровозы — начался *«восстановительный период»*. В короткий сравнительно срок страна, упавшая в бездну разорения, разметав вооруженной рукой своих злобных врагов, поднялась на довоенную основу. И ее пролетариат и партия этого пролетариата взвалили на свои плечи новые заботы, заботы *о великой перестройке страны*. Мы вступили в *«реконструктивный период»*. Индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, кооперирование индивидуальных хозяйств, новая техника, новая экономика, новая культура, новые люди — все это написано на знаменах, под которыми идут в хозяйственные сражения отряды закаленных бойцов. И здесь обнаруживаются

свои трудности, свои прорехи, свои ошибки. И здесь приходится учиться на опыте, на опыте массовом, на этой самой лучшей проверке политики. Эти уроки придется систематизировать и обобщить, со всею внимательностью взвесив итоги прошедших лет.

Многое в Программе партии уже устарело. Ко многому мы, наоборот, еще только-только подходим. Многое из *нового* обобщено в программе *Коммунистического Интернационала*. Многое подлежит еще обобщению. Опыт нэпа в наших условиях, его стадии, фазы его развития, закономерности этого развития, опасности и трудности этого пути, очертание грядущего преодоления нэпа через его собственное развитие — все это требует своей детализации.

Программа ВКП(б) должна быть пересмотрена в связи и с практикой и с решениями Коминтерна. Программа Коминтерна должна стать общей частью программы каждой «национальной» его секции, которая, в свою очередь, добавляет конкретную «национальную» программу на этой общей *международной* основе. Злобствующие социал-шовинисты, вроде Потресова [40] (см. его статью в № 1 «Gesellschaft»), производят программу Коминтерна в ранг апологетического документа московской «касты», нового московского сословия «правителей». Скорбный главою Фридрих Адлер [41] в «Kampf'e» всерьез задает вопрос о том, «что бы сделал Ленин» для спасения русской революции, якобы находящейся на ущербе и даже на грани гибели. Эти шамкающие, сюсюкающие и клевещущие старички и престарелые младенцы социал-демократии получат свой ответ от объективного хода событий. Этим ответом будет победоносное осуществление *программы Ленина, программы международной коммунистической революции.*

Печатается по книге: Бухарин Н. Программа Октября. (К десятилетию программы нашей партии). М.: Изд-во «Правда» и «Бедноты», 1929

ПРИМЕЧАНИЯ

ТЕОРИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ. 1919 г.

1 II Интернационал — международное объединение социалистических партий, основан в Париже в 1889 г. Создан при активном участии Ф. Энгельса, способствовал распространению марксизма, установлению связи между рабочими партиями. Начало деятельности II Интернационала было отмечено острой борьбой против анархистов, завершившейся победой марксизма. После смерти Энгельса (1895 г.) во II Интернационале усилились правооппортунистические тенденции, взявшие верх с развитием империализма. Оппортунистическому направлению (ревизионизму, центризму) противостояло во II Интернационале революционное, ведущей силой которого была партия большевиков во главе с В. И. Лениным. Нараставшая борьба между двумя направлениями ярко проявилась на конгрессах II Интернационала. С началом первой мировой войны оппортунистические лидеры II Интернационала встали на защиту империалистической политики своих буржуазных правительств. Ленин, анализируя деятельность II Интернационала в этот период, показал, что его лидеры потерпели идейно-политический крах.— *1.*

2 *Каутский (Kautsky) Карл* (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала. Редактор теоретического журнала германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое время»). В 80—90-е гг. написал ряд работ по вопросам марксистской теории: «Экономическое учение Карла Маркса», «Аграрный вопрос» и др., которые, несмотря на допущенные в них ошибки, сыграли положительную роль в пропаганде марксизма. С началом первой мировой войны окончательно порвал с революционным марксизмом. Стоял на позициях примиренчества с ревизионизмом, прикрывая социал-шовинизм фразами об интернационализме. Автор известной теории «ультраимпериализма». Открыто выступал против Октябрьской социалистической революции и диктатуры рабочего класса, против Советской власти.— *1.*

3 *Дан (Гуревич) Ф. И.* (1871—1947) — один из лидеров меньшевиков. В социал-демократическом движении участвовал с 90-х гг., входил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Был участником IV (Объединительного), V (Лондонского) съездов РСДРП и ряда партийных конференций. В годы реакции и нового революционного подъема возглавлял за границей группу ликвидаторов. Во время первой мировой войны — оборонец. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.— член Исполкома Петроградского Совета, член Президиума ЦИК первого созыва. Поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советской власти. В начале 1922 г. был выслан за границу.— *2.*

[4] *Керенский А. Ф.* (1881—1970) — эсер, один из видных буржуазных политических деятелей России от Февраля до Октября 1917 г. Депутат IV Государственной думы, где некоторое время примыкал к группе трудовиков, был ее председателем. В годы первой мировой войны — ярый оборонец. После Февральской революции 1917 г.— министр юстиции, военный и морской министр, а затем премьер-министр буржуазного Временного правительства. Верховный главнокомандующий. После победы Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти. Уже утром 26 октября 1917 г. вместе с генералом Красновым поднял контрреволюционный мятеж, который был разгромлен в течение нескольких дней. В 1918 г. бежал за границу.— *2.*

[5] *Шейдеман (Scheidemann) Филипп* (1865—1939) — лидер крайне правого, оппортунистического крыла германской социал-демократии. В феврале—июне 1919 г. возглавлял коалиционное правительство Веймарской республики. Один из организаторов кровавого подавления рабочего движения в Германии в 1918—1921 гг. В дальнейшем отошел от активной политической деятельности.— *2.*

[6] Свод законов Вавилонии, созданный ок. 1760 г. до н. э., — важнейший исторический памятник древневосточного рабовладельческого права. Отражал сравнительно высокую степень развития классовой и социальной дифференциации. Особое внимание в законах уделялось укреплению власти рабовладельцев, частной собственности вообще и охране интересов царских служилых людей. Законы демонстрировали широкое развитие в Вавилонии товарно-денежных отношений.— *3.*

[7] *См.: Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 171: «...государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно... является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса».— *4.*

[8] *Гумплович (Gumplowicz) Людвиг* (1838—1909) — польский буржуазный правовед и социолог. Представитель социального дарвинизма. Основу социальных процессов в целом видел в стремлении человека к удовлетворению материальных потребностей. В своих работах о государстве и социологии, провозгласив движущей силой истории борьбу рас, пытался затушевать классовую борьбу. Отрицал существование общественного прогресса, интерпретируя общественное развитие как круговорот.— *4.*

[9] *Оппенгеймер Франц* (1864—1943) — немецкий экономист и социолог, представитель так называемого «либерального социализма», видевший корни социальной несправедливости в монопольной собственности на землю.— *4.*

[10] *Дюринг (Dühring) Евгений Карл* (1833—1921) — немецкий философ-эклектик, вульгарный экономист, представитель реакционного мелкобуржуазного социализма. В философии сочетал идеализм, вульгарный материализм и позитивизм. В 1863—1877 гг.— приват-доцент Берлинского университета. Философские взгляды Дюринга, нашедшие поддержку среди определенной части германской социал-демократии, были подвергнуты критике Ф. Энгельсом в книге «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», в других произведениях также неоднократно критиковал эклектические воззрения Дюринга.— *4.*

[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 172: «...государство — это организация имущего класса для защиты его от неимущего».— *4.*

[12] «Политика является только методом настойчивости, инструментом сохранения и расширения собственности».— *4.*

[13] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 169—170: «...государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития...».— *6.*

[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 439: «Даже радикальные и революционные политические деятели ищут корень зла не в *сущности* государства, а в данной определенной *государственной форме*, которую они хотят заменить *другой* государственной формой».— *6.*

[15] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 305: «Все социалисты согласны в том, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами».— *6.*

[16] «Анти-Дюринг» — под таким названием вошел в историю классический труд Ф. Энгельса. Его первое отдельное издание под названием «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Философия. Политическая экономия. Социализм» вышло в Лейпциге в 1878 г.— *6.*

[17] *Реннер (Renner) Карл (Шпрингер)* (1870—1950) — лидер и теоретик австрийских правых социал-демократов, один из идеологов так называемого «австромарксизма» и создателей буржуазно-националистической теории «культурно-национальной автономии». В период первой мировой войны — социал-шовинист. В 1919—1920 гг.— канцлер Австрии, в 1945—1950 гг.— президент Австрии.

Австромарксизм — течение, сложившееся в начале XX в. в австрийской социал-демократии под влиянием теоретических работ и политической деятельности ее лидеров и идеологов К. Реннера, О. Бауэра, М. Адлера, Ф. Адлера и др. Для идеологии и политики австромарксизма характерен «центризм».— *6.*

[18] «Социал-демократ» — нелегальная газета, Центральный Орган РСДРП. Издавалась с февраля 1908 по январь 1917 г. Первый номер газеты, подготовленный большевиками и частично напечатанный в Вильно (Вильнюс), был конфискован охранкой. Была предпринята попытка выпускать газету в Петербурге, но большая часть тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем газета издавалась в Париже и Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения.

Газетой фактически руководил В. И. Ленин. В годы реакции и нового революционного подъема газета активно выступала против ликвидаторов, троцкистов, отзовистов, за сохранение нелегальной марксистской партии, укрепление ее единства, усиление связей с массами. Важную роль она сыграла в деле пропаганды большевистских лозунгов по вопросам войны, мира и революции, прежде всего лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую.— *9.*

[19] Журнал «Коммунист» был основан В. И. Лениным и издавался редакцией газеты «Социал-демократ» совместно с Г. Л. Пятаковым и Е. Б. Бош, финансировавшими его издание. В редакцию журнала входил Н. И. Бухарин. Вышел всего один двойной номер (1—2) в сентябре 1915 г. В нем были напечатаны статьи Ленина «Крах II Интернационала», «Честный голос французско-

го социализма» и «Империализм и социализм в Италии». Выявившиеся вскоре разногласия редакции «Социал-демократа» с Бухариным, Пятаковым и Бош по принципиальным вопросам программы и тактики партии — о праве наций на самоопределение, о роли демократических требований и программы-минимум и др. — вынудили Ленина поставить вопрос о невозможности продолжения выпуска журнала. С октября 1916 г. редакция газеты «Социал-демократ» стала выпускать «Сборник «Социал-демократа». — *9.*

[20] *Тафт (Taft) Уильям Хоуард* (1857—1930) — президент США в 1909—1913 гг., республиканец. В 1901—1904 гг. — губернатор Филиппин, в 1904—1908 гг. — военный министр США, участвовал в подавлении восстания на Кубе в 1906 г. В 1912 г. правительство Тафта осуществляло интервенцию в Никарагуа. С 1921 г. — председатель Верховного суда США. — *10.*

[21] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 305: «Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?». — *12.*

[22] Комитеты бедноты (комбеды) — организации сельской бедноты в Европейской России и Белоруссии, опорные пункты диктатуры пролетариата в деревне. Учреждены декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты», во многих районах становились фактически органами государственной власти: распределяли землю и сельскохозяйственные орудия, изымали хлеб у кулаков, проводили набор в Красную Армию, решали текущие вопросы жизни деревни. В конце 1918 г. комбеды передали свои функции сельским Советам. — *15.*

[23] Учредительное собрание в России — представительное учреждение, созванное на основе всеобщего избирательного права, предназначенное, в соответствии с буржуазными государственно-правовыми взглядами, для установления формы правления и выработки конституции. В. И. Ленин определил государственную форму диктатуры пролетариата как Республику Советов. По сравнению с ней парламентская республика, которую могло бы провозгласить Учредительное собрание, стала бы шагом назад в политическом развитии России. Но лозунг Учредительного собрания был популярен среди мелкобуржуазных масс и потому не был отброшен большевиками. В ноябре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Оно было открыто 5 января 1918 г. Контрреволюционное большинство Учредительного собрания отказалось обсуждать предложенную Я. М. Свердловым от имени ВЦИК «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятую II съездом Советов, не признало декретов Советской власти. Контрреволюционная сущность Учредительного собрания стала очевидной. 7 (20) января ВЦИК, по докладу В. И. Ленина, принял декрет о роспуске Учредительного собрания. — *15.*

[24] *Плеханов Г. В.* (1856 — 1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России. В 1883 г. создал в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу

«Освобождение труда». Плеханов боролся с народничеством, выступал против ревизионизма в международном рабочем движении. В начале 90-х гг. входил в редакции газеты «Искра» и журнала «Заря».

С 1883 по 1903 г. Плехановым был написан ряд работ, которые сыграли большую роль в защите и пропаганде материалистического мировоззрения. После II съезда РСДРП Плеханов встал на позиции примиренчества с оппортунизмом, а затем примкнул к меньшевикам. В период Первой российской революции 1905—1907 гг. по всем основным вопросам стратегии и тактики борьбы стоял на меньшевистских позициях. В годы реакции и нового революционного подъема выступал против махистской ревизии марксизма и ликвидаторства. Во время первой мировой войны перешел на позиции социал-шовинизма. Вернувшись после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. из эмиграции в Россию, возглавил группу меньшевиков-оборонцев «Единство». К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно, но в борьбе против Советской власти не участвовал.

В. И. Ленин высоко оценивал философские работы Г. В. Плеханова и его роль в распространении марксизма в России; в то же время он резко критиковал Плеханова за отступления от позиций марксизма и ошибки в политической деятельности. — *17.*

[25] Книга «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» написана В. И. Лениным в августе—сентябре 1917 г., издана отдельной книгой в 1918 г. в Петрограде (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33). — *19.*

[26] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 446. — *20.*

[27] Вопрос о создании Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) был поставлен сразу после победы Октябрьской революции. 26 или 27 октября (8 или 9 ноября) 1917 г. на совещании в Центральном совете фабзавкомов Петрограда с участием В. И. Ленина обсуждался проект создания руководящего хозяйственного органа. «Декрет о Высшем совете народного хозяйства» был утвержден и опубликован 5 (18) декабря в «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» № 25. С завершением национализации крупной промышленности ВСНХ превратился в орган управления государственной промышленностью Советской страны. — *21.*

[28] Полное название — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Избран I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (3—24 июня (16 июня — 7 июля] 1917 г.), на котором преобладали представители мелкобуржуазных партий. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов поддерживал буржуазное Временное правительство. После победы Октябрьской революции II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25—27 октября (7—9 ноября)) избрал новый состав ВЦИК Советов, ставший в РСФСР верховным органом Советской государственной власти в период между съездами. — *21.*

[29] Совет Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) — советское правительство, образованное на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 г. Председателем СНК был избран В. И. Ленин. — *21.*

[30] Статья В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» написана в конце сентября — 1 (14) октября 1917 г. Впервые была опубликована в октябре 1917 г. в № 1—2 журнала «Просвещение» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 287—339). — *21.*

НОВЫЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. 1921 г.

[1] Социально-политический кризис 1921 г. коренился в социально-классовых отношениях, сложившихся к тому времени в стране. Иностранная интервенция, гражданская война породили колоссальную хозяйственную разруху. В. И. Ленин отмечал, что «никогда страна не достигала такой усталости, изношенности, как теперь» (Полн. собр. соч., т. 43, с. 104, 133). Значительная часть лучших кадров рабочих погибла на фронтах. Многие заводы и фабрики закрывались, возникла безработица, рабочие уходили в деревню, деклассировались. Все это ослабляло социальную базу диктатуры пролетариата. В расстройство пришла денежная система, росли дороговизна и спекуляция. Остро встал вопрос об укреплении союза рабочего класса и крестьянства на новой, экономической основе, вопрос об отказе от продразверстки и переходе к продовольственному налогу в деревне, о развитии товарно-денежных отношений и хозрасчета. «...В 1921 году,— говорил Ленин,— мы наткнулись на большой,— я полагаю, на самый большой,— внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих» (Полн. собр. соч., т. 45, с. 282). Характерным проявлением социально-политического кризиса явился кронштадтский мятеж, вспыхнувший в феврале 1921 г.— *24*.

[2] Обращает на себя внимание крутой поворот во взглядах Н. И. Бухарина на методы социалистического строительства с изменением социально-экономических условий. В написанной ранее книге «Экономика переходного периода» основным методом социалистического строительства признавалась политика «военного коммунизма», с присущим ей революционным насилием (см.: *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода. М., 1920, с. 136—147).— *30*.

[3] Имеется в виду прибавочная стоимость.— *32*.

ЖЕЛЕЗНАЯ КОГОРТА РЕВОЛЮЦИИ. 1922 г.

[1] *Кейзерлинг (Keyserling) Герман* (род. в 1880) — немецкий философ-идеалист. Пытался соединить европейскую философию с восточной (индийской) философией. Проповедовал магические и теософистские доктрины. Пользовался влиянием среди реакционной и мистически настроенной интеллигенции Европы.— *35*.

[2] Несколько переиначенные слова («энергично фукцировать») из романа советского писателя Б. Пильняка «Голый год» (*Бор. Пильняк.* Голый год. М.; Л., 1927, с. 177).— *36*.

[3] *Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.)* (1873—1923) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, редактор газеты «Голос Социал-демократа», участник антипартийной августовской конференции (1912 г.). В период первой мировой войны занимал центристскую позицию. После Февральской революции 1917 г. возглавлял группу меньшевиков-интернационалистов. После Октябрьской социалистической революции выступал против Советской власти. В 1920 г. эмигрировал в Германию, издавал в Берлине меньшевистский «Социалистический вестник».— *36*.

[4] В принятый II Всероссийским съездом Декрет о земле был включен «Крестьянский наказ о земле», составленный на основании 242 местных крестьянских наказов, в подготовке которых приняли участие эсеры. Объясняя это обстоятельство, В. И. Ленин говорил на съезде: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда» (Полн. собр. соч., т. 35, с. 27).— *37*.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

(Беглые заметки). 1923 г.

[1] «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (*М.*: Госиздат, 1921). Книга представляет собой попытку систематического изложения исторического материализма. Последний раз издавалась в 1929 г.— *39*.

[2] Органическая школа в социологии — направление в буржуазной социологии конца XIX — начала XX в. Ученые этого направления пытались объяснить социальную жизнь биологическими закономерностями, вульгарно отождествляли общество с организмом, а социальное его расчленение рассматривали как аналогичное разделение функций между различными органами.— *39*.

[3] *Смит (Smith) Адам* (1723—1790) — шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. Идеолог промышленной буржуазии мануфактурного периода. Превратил политическую экономию в сравнительно стройную систему знаний, разработал важнейшие категории трудовой теории стоимости. Ошибочно полагал, что стоимость товара слагается из доходов, которые приносят капитал, земля и труд. Впервые провел деление буржуазного общества на классы наемных рабочих, капиталистов и земельных собственников.

Рикардо (Ricardo) Давид (1772—1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. Сторонник трудовой теории стоимости. Признавал факт эксплуатации рабочих капиталистами, хотя научно не мог его объяснить. Анализ экономического учения Рикардо дан К. Марксом.— *40*.

[4] *Бергсон (Bergson) Анри* (1859—1941) — французский философ-идеалист. Выступая против механицизма и догматического рационализма, он утверждал в качестве подлинной и первоначальной реальности жизнь, интерпретируемую как некую целостность, радикально отличающуюся как от материи, так и от духа, которые сами по себе являются продуктами распада жизненного процесса.— *40*.

[5] *Дриш Ганс* (1867—1941) — немецкий ученый-биолог, один из представителей витализма — идеалистического учения, согласно которому жизненные явления, в отличие от неживой природы, якобы управляются особыми нематериальными, сверхъестественными силами.— *40*.

[6] «Теория равновесия» была выдвинута А. Богдановым в работе «Всеобщая организационная наука» (ч. I, 1913; ч. II, 1917; ч. III, 1922). Согласно этой теории все существующее представляет собой изменяющиеся состояния подвижного равновесия, устанавливающегося в результате взаимодействия различно направленных сил. Состояния равновесия сменяются его нарушениями или кризисами. Все схемы, выводимые на этой основе Богдановым, имели, по его мнению, всеобщий характер. Они применялись им к познанию различных процессов как природы, так и общества, независимо от различия содержания объединяемых при посредстве той или иной схемы явлений.— *40*.

[7] *Адлер (Adler) Макс* (1873—1937) — австрийский философ, представитель «австромарксизма». Он утверждал, что марксистское понимание истории не имеет ничего общего с философским материализмом и представляет собой исторический позитивизм («теорию социального опыта»). «Социальное» Адлер рассматривал как особую форму восприятия, присущую познанию; производственные отношения понимались им как «явления духовной жизни». Диалектический метод превращался им в учение о сведении всего существующего к функциональным связям между явлениями, в которых «уже нет места для материальной субстанции».— *41*.

[8] Интерпретация гегелевской триады дана К. Марксом (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 131—133).

Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — один из классиков немецкой философии, создавший на основе объективного идеализма систематическую теорию диалектики. Гегелевская философия стала одним из теоретических источников марксизма.— *41*.

[9] «Психологическая школа» в общественной науке, психологизм в социологии получили распространение в конце XIX — начале XX в. Их представители объясняли общественную жизнь, ее развитие, исходя из определяющего значения человеческой психики, пытались дать объяснение общественной жизни в терминах желаний, чувств, интересов, верований и других психических явлений.— *43*.

[10] *Бём-Баверк (Böhm-Bawerk) Эйген* (1851—1914) — австрийский экономист. Пытался опровергнуть марксистскую теорию стоимости и прибавочной стоимости. Его воззрения подверг критике Н. И. Бухарин в статье «Теория субъективной ценности Бём-Баверка».— *43*.

[11] «...В пиквикском смысле» — словесный оборот по имени главного героя известного произведения Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», означающий обывательский подход.— *43*.

[12] *Богданов А. (Малиновский А. А.)* (1873—1928) — философ, социолог, экономист. По образованию врач. В 90-х гг. принимал участие в работе социал-демократических кружков. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. На III съезде партии был избран членом Центрального Комитета. Член редакции большевистских органов «Вперед» и «Пролетарий», один из редакторов газеты «Новая жизнь». В годы реакции становится главой отзовистов. В вопросах философии пытался создать собственную систему — «эмпириомонизм» (разновидность эмпириокритицизма), которую Ленин подверг критике в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909).

Для дальнейшей эволюции взглядов Богданова характерно отрицание философии в традиционном смысле, на место которой он ставил строго научные ценности, считал, что на смену философии приходит «организационная наука». Высказал идею создания науки об общих законах организации — тектологии, ряд положений которой предвосхитили идеи современного системного подхода, а также кибернетики.

После Октябрьской социалистической революции являлся одним из руководителей Пролеткульта. С 1926 г.— директор основанного им Института переливания крови.— *43*.

[13] *Шулятиков В. М.* (1872—1912) — русский литературный критик, публицист. Член РСДРП. В 1905 г. член литературно-лекторской группы МК РСДРП. В. И. Ленин резко критиковал Шулятикова за вульгаризацию марксистской материалистической философии (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 459—474). В 20—30-е гг. существовал термин «шулятиковщина» как синоним грубого упрощения и опошления марксистского метода. В то же время Шулятиков один из первых в марксистской литературной критике выдвинул ряд верных положений: о единстве формы и содержания, о литературных влияниях и др.— *45*.

[14] К. Маркс неоднократно использует в «Капитале» понятие «способ представления» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 410; т. 26, ч. I, с. 74, 134; ч. II, с. 178, 642; ч. III, с. 274).— *46*.

[15] *Крицман Л. Н.* (1890—1938) — советский экономист-аграрник. В революционном движении с 1905 г. Член партии с 1918 г. В первые годы Советской власти находился на хозяйственной работе. В 1923—1924 гг. член редакции «Правды», член Президиума Коммунистической академии. В 1925—1931 гг. член коллегии, затем зам. управляющего ЦСУ СССР, зам. председателя Госплана СССР. С 1928 г.— директор Аграрного института. С 1931 г.— занимался научно-исследовательской работой.— *48*.

ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ

(Доклад на торжественном заседании
Коммунистической академии)
17 февраля 1924 г.

[1] «Под знаменем марксизма» — философский и общественно-экономический журнал. Был создан в целях пропаганды воинствующего материализма и атеизма и борьбы против «дипломированных лакеев поповщины». Журнал выходил в Москве с января 1922 по июнь 1944 г. ежемесячно, в 1933—1935 гг.— раз в два месяца. Для этого журнала В. И. Лениным была написана статья «О значении воинствующего материализма».— *51*.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 5—6, 7.— *51*.

[3] VII Экстренный съезд РКП(б) — первый съезд Коммунистической партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции, состоялся 6—8 марта 1918 г. в Петрограде. Повестка дня съезда: отчет ЦК; вопрос о войне и мире; пересмотр программы и наименования партии; организационные вопросы; выборы ЦК. Работой съезда руководил В. И. Ленин, который выступил с Политическим отчетом, с докладом о пересмотре Программы и наименования партии, принял участие в обсуждении всех вопросов. Экстренный характер съезда был связан с необходимостью срочно рассмотреть вопрос о заключении Брестского мирного договора, по которому на съезде развернулась острая борьба. Ленин убедительно доказывал необходимость и неизбежность заключения Брестского мира. Против ленинской линии выступила группа «левых коммунистов» — А. Ломов, М. С. Урицкий, А. А. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Н. Осинский и др. во главе с Н. И. Бухариным. «Левые коммунисты» требовали объявить войну международному империализму, они готовы были даже идти на возможность утраты Советской власти «во имя интересов» мировой революции. Авантюристическую и демагогическую позицию занимал Л. Д. Троцкий, предлагавший объявить войну прекращенной, армию демобилизовать, но мира не подписывать. Съезд принял резолюцию о Брестском мире, предложенную Лениным. Бухарин тогда же, в 1918 г., открыто признал допущенную им ошибку по вопросу о Брестском мире. Ленин объяснял гибельную для Советской власти линию «левых коммунистов» отсутствием у них диалектической гибкости, нежеланием видеть

принципиальное различие между компромиссами предательскими и компромиссами обязательными, необходимыми (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 19).— *51*.

[4] Брестский мир — мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой; заключен в Бресте-Литовске (ныне Брест) 3 марта 1918 г., ратифицирован Чрезвычайным IV Всероссийским съездом Советов 15 марта. От имени Советского правительства договор подписали Г. Я. Сокольников (председатель делегации), Г. В. Чичерин, Г. И. Петровский и секретарь делегации Л. М. Карахан.— *51*.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 427.— *52*.

[6] В работе «Крах II Интернационала» В. И. Ленин указывал, что сознательные рабочие под крахом Интернационала «разумеют вопиющую измену большинства официальных социал-демократических партий своим убеждениям, торжественнейшим заявлениям в речах на Штутгартском и Базельском международных конгрессах, в резолюциях этих конгрессов...». Ленин подчеркивал, что «большинство социал-демократических партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата» (Полн. собр. соч., т. 26, с. 211, 212).— *54*.

[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 154: «...мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия... в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами».

Очевидно, имеется в виду Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. там же, т. 22, с. 541—544).— *56*.

[8] Институт Красной профессуры (ИКП) — специальное высшее учебное заведение, создано для подготовки кадров преподавателей общественных наук для вузов, а также работников для научно-исследовательских учреждений, центральных партийных и государственных органов. Организован согласно подписанному В. И. Лениным постановлению СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. в Москве. Общее руководство Институтом осуществлялось агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии. Ректором ИКП с 1921 по 1932 г. был известный историк М. Н. Покровский.— *58*.

[9] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 427: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь *с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*».— *60*.

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 168, 208—209, 216—219, 225—228, 309—310; т. 45, с. 3—5.— *65*.

[11] Здесь Н. И. Бухарин не цитирует В. И. Ленина, а излагает суть его отношения к проблеме смены лозунгов в зависимости от конкретно-исторической обстановки (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 264, 306, 313).— *66*.

[12] Н. И. Бухарин передает существо отношения В. И. Ленина к буржуазным специалистам (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 63; т. 36, с. 137—140, 310—311; т. 39, с. 406).— *66*.

[13] См.: *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полн. собр. соч., т. 11, с. 77—82.— *68*.

[14] *Гильдебранд (Hildebrand) Герард* — немецкий экономист, публицист. Был членом Социал-демократической партии Германии, в 1912 г. за оппортунизм исключен из партии. Выступал защитником империализма, его колониальной политики.— *70*.

[15] Имеется в виду статья Ленина «О брошюре Юниуса» (см.: Полн. собр. соч., т. 30, с. 1—16).— *70*.

[16] *Люксембург (Luxemburg) Роза* (1871—1919) — выдающаяся деятельница международного рабочего движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала. Одна из основателей социал-демократической партии Польши, выступала против национализма в рядах польского рабочего движения. С 1897 г. принимала активное участие в германском социал-демократическом движении, вела борьбу против бернштейнианства и милеранизма. Р. Люксембург была активной участницей Первой российской революции (в Варшаве), участвовала в работе V (Лондонского) съезда РСДРП. Однако в годы реакции и нового революционного подъема примиренчески относилась к ликвидаторам. С начала первой мировой войны заняла последовательно интернационалистскую позицию. Являлась одним из инициаторов создания в Германии группы «Интернационал», впоследствии переименованной в группу «Спартак», затем в «Союз Спартака». Одна из основателей Коммунистической партии Германии. В январе 1919 г. была арестована и зверски убита во время разгула контрреволюции. Ленин высоко ценил Люксембург, однако неоднократно выступал с критикой ее ошибок.— *70*.

[17] Положение Н. И. Бухарина о различных типах социализма ранее подвергалось критике в работах некоторых историков. В современных условиях, когда на социалистический путь развития вступили страны с различным уровнем развития, оно приобрело особую актуальность.— *80*.

[18] Очевидно, имеется в виду письмо Ф. Энгельса К. Шмидту 5 августа 1890 г.: «Но если рассуждать здраво, то можно все-таки 1) попытаться *отыскать* способ распределения, с которого будет *начато*, и 2) постараться найти *общую тенденцию* дальнейшего развития» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 370—371).— *80*.

[19] Имеется в виду речь В. И. Ленина на заседании коммунистической фракции V Всероссийского съезда союза рабочих металлистов 6 марта 1922 г. Съезд проходил в Москве 3—7 марта 1922 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 13—16).— *83*.

[20] «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» — работа В. И. Ленина, посвященная важнейшим вопросам стратегии и тактики коммунистических партий, международному значению истории большевизма и Октябрьской революции. Написана в апреле — мае 1920 г., к открытию 2-го конгресса Коминтерна. Важнейшие положения этого ленинского труда были положены в основу принятых конгрессом решений (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 1—104).— *84*.

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ О СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ИЛИ КАК МОЖНО ПОГУБИТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК. 1925 г.

[1] *Троцкий (Бронштейн) Л. Д.* (1879—1940) — в социал-демократическом движении с 1897 г. На II съезде РСДРП (1903 г.) примкнул к меньшевикам. Противопоставлял марксистско-ленинской теории социалистической революции теорию «перманентной революции». Участник Первой российской революции 1905—1907 гг., председатель Петербургского Совета. В годы реакции и нового революционного подъема под флагом «нефракционности» фактически стоял на позициях ликвидаторов. В период первой мировой войны занимал центристскую позицию. Вернувшись после Февральской революции 1917 г. из эмиграции, вошел в группу межрайонцев и вместе с ними на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. Избран членом Центрального Комитета партии (состоял до 1927 г.).

В сентябре — ноябре 1917 г.— председатель Петроградского Совета. После Октябрьской социалистической революции — нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики. В 1918 г. был противником заключения Брестского мира, в 1920—1921 гг. в дискуссии о профсоюзах выступил против позиции В. И. Ленина, с 1923 г. стал лидером внутрипартийной оппозиции, с 1926 г.— оппозиционного объединенного блока. Член Политбюро в 1919—1926 гг. В 1927 г. Троцкий был исключен из партии, в 1929 г. выслан из пределов СССР.— *86.*

[2] «Уроки Октября» (1924 г.) — статья Л. Д. Троцкого, опубликованная и как введение к третьему тому его Сочинений. Статья подверглась критике со стороны многих деятелей партии, оценивших содержащиеся в ней положения, как фальсификацию истории Великой Октябрьской социалистической революции.— *86.*

[3] Имеется в виду работа В. И. Ленина «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)» (см.: Полн. собр. соч., т. 45, с. 378—382).

Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) (1882—1940) — участник российского революционного движения, экономист и публицист. С 1903 г.— эсер, с 1917 г.— меньшевик. В политико-экономических статьях пытался сочетать народничество с марксизмом. Во время первой мировой войны объявил себя интернационалистом. После Февральской революции 1917 г.— член Исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК 1-го созыва. До 1920 г. примыкал к меньшевикам-интернационалистам, один из редакторов газеты «Новая жизнь». Выступал против ленинского курса на победу социалистической революции. После Октября 1917 г. работал в советских экономических учреждениях. Автор «Записок о революции», которые В. И. Ленин подверг критике. В 1931 г. осужден по делу «контрреволюционной меньшевистской организации». В 1939 г. осужден вторично.— *87.*

[4] *Преображенский Е. А.* (1886—1937) — в партии состоял с 1903 г. После Февральской революции 1917 г. работал на Урале. После Октябрьской социалистической революции находился на партийной и военно-политической работе. В вопросе о Брестском мире примыкал к «левым коммунистам». Во время профсоюзной дискуссии (1920—1921) — сторонник платформы Троцкого. В 1927 г. был исключен из партии, в 1929 г. восстановлен, но вскоре был снова исключен из партийных рядов. Репрессирован.— *88.*

[5] Развернутая критика ошибочных воззрений Е. А. Преображенского содержится в книге Н. И. Бухарина «К вопросу о закономерностях переходного периода. Критические замечания на книгу Преображенского «Новая экономика» (М.; Л., 1928).— *88.*

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 372.— *104.*

[7] Там же, с. 371.— *104.*

[8] Н. И. Бухарин здесь подходит к формулированию положений основного экономического закона социализма.— *107.*

ПАМЯТИ ИЛЬИЧА. 21 января 1925 г.

[1] Встреча Н. И. Бухарина с В. И. Лениным произошла в период эмиграции в Кракове осенью 1912 г.— *116.*

[2] *Малиновский Р. В.* (1876—1918) — провокатор, секретный сотрудник московского охранного отделения. В 1906 г. в корыстных целях примкнул к рабочему движению, давал полиции сведения о революционерах и их деятельности. В 1910 г. зачислен секретным агентом царской охранки. В 1912 г. на Пражской конференции РСДРП был избран членом Центрального Комитета партии. Депутат IV Государственной думы от рабочей курии Московской губернии. В 1914 г. под угрозой разоблачения сложил депутатские полномочия и скрылся за границу. В 1918 г. вернулся в Советскую Россию, был предан суду и расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК.— *117.*

[3] *Крыленко Н. В.* (1885—1938) — видный советский государственный деятель, член большевистской партии с 1904 г. После Февральской революции 1917 г. сотрудничал в газете «Солдатская правда», являлся председателем армейского комитета в 11-й армии Юго-Западного фронта, участник Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). Делегат I Всероссийского съезда Советов. Активный участник Октябрьской социалистической революции. На II Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК. Нарком по военным и морским делам в первом составе Совета Народных Комиссаров. В 1917—1918 гг.— Верховный главнокомандующий, руководил ликвидацией контрреволюционной Ставки. С 1918 г. работал в органах советской юстиции — член коллегии Наркомюста РСФСР, председатель Верховного революционного трибунала при ВЦИК, заместитель наркома юстиции, прокурор республики. С 1931 г.— нарком юстиции РСФСР, с 1936 г.— нарком юстиции СССР. На XV и XVI съездах ВКП(б) избирался членом ЦКК, был членом Президиума ВЦИК, членом ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.— *118.*

[4] Имеется в виду заседание ЦК РКП(б) 23 февраля 1918 г. (см.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 211).— *118.*

[5] *Деникин А. И.* (1872—1947) — царский генерал, ярый монархист, один из видных организаторов белогвардейских сил в годы гражданской войны, командующий Добровольческой армией. В январе 1919 г. провозгласил себя главнокомандующим вооруженными силами Юга России и возглавил, при поддержке Англии, Франции и США, военный поход против Советской респуб-

лики. После разгрома деникинских войск Красной Армией в начале 1920 г. бежал за границу. Автор пяти томов «Очерков русской смуты», изданных в Берлине.— *119.*

[6] *Колчак А. В.* (1874—1920) — царский адмирал. После Февральской революции 1917 г., под давлением матросских масс, отозван с поста командующего Черноморским флотом; Временным правительством был послан в командировку в Великобританию и США. В октябре 1918 г. прибыл в Омск, вошел как военный и морской министр в состав Уфимской директории, затем был провозглашен «Верховным правителем» России и возглавил борьбу всех белогвардейских сил против Советской власти. 7 февраля 1920 г. расстрелян по приговору Иркутского ревкома.— *119.*

[7] Здоровье товарищей по партии В. И. Ленин в шутку называл «казенным имуществом». По-видимому именно это имел в виду Н. И. Бухарин (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 177).— *120.*

[8] Имеется в виду доклад В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294).— *120.*

[9] *Цеткин (Zetkin) Клара* (1857—1933) — выдающаяся деятельница германского и международного рабочего и коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии, писательница, пламенный оратор и трибун. Находясь на левом крыле германской социал-демократии, Цеткин вместе с Р. Люксембург, Ф. Мерингом и К. Либкнехтом принимала активное участие в борьбе с Э. Бернштейном и другими оппортунистами. В годы мировой империалистической войны стояла на позициях революционного интернационализма, выступала против социал-шовинизма. В 1916 г. вошла в группу «Интернационал», а затем в «Союз Спартака». С 1919 г.— член Коммунистической партии Германии; была избрана в ЦК партии. На III конгрессе Коммунистического Интернационала избрана в Исполком Коминтерна, возглавляла его Международный женский секретариат. С 1924 г.— председатель Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР).— *120.*

О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ И НАШИХ ЗАДАЧАХ

(Доклад на собрании Московской организации 17 апреля 1925 г.)

[1] Наступление временной стабилизации капитализма констатировал расширенный пленум Исполкома Коминтерна и XIV конференция РКП(б) (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984, т. 3, с. 385). Стабилизация капитализма означала преодоление экономического кризиса первых послевоенных лет и спад революционного движения в европейских капиталистических странах.— *122.*

[2] *Ленин В. И.* О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия).— Полн. собр. соч., т. 43, с. 205—245.— *124.*

[3] См. там же, т. 43, с. 219, 220.— *125.*

[4] Тезис о взаимозависимости промышленности и сельского хозяйства, о значении крестьянского рынка для индустриального развития страны проходит через ряд произведений Н. И. Бухарина, посвященных экономической политике партии («Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», «Заметки экономиста» и др.).— *126.*

[5] *Мизес (Mises) Людвиг фон* (1881—1973) — американский экономист. Рассматривал государственное вмешательство в хозяйственную жизнь как нарушение естественного процесса экономического развития. Апологет капиталистического строя, который он провозглашал системой, соответствующей естественной природе человека — *127.*

[6] Деструктивный — разрушительный.— *127.*

[7] Постановку вопроса о рыночных отношениях сравни с брошюрой «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (см. с. 196 настоящего издания).— *128.*

[8] Н. И. Бухарин имеет в виду V конгресс Коммунистического Интернационала, проходивший в Москве летом 1924 г., на котором он выступил с докладом по программному вопросу. В разделе проекта «Низвержение буржуазии и борьба за коммунизм» намечались основные хозяйственные задачи на начальной стадии пролетарской диктатуры: «Пользуясь экономической силой крупной промышленности и транспорта, а также мощью государственного аппарата, необходимо так регулировать частное хозяйство и стимулы частнохозяйственной деятельности, чтобы в конечном счете обеспечить наиболее безболезненное преодоление этих форм. Самым важным здесь является приспособление к рынку и регулирование рыночных отношений. Через рыночные отношения и через конкурентную борьбу с остальными хозяйственными типами и непрерывно выделяемыми ими слоями новой буржуазии, торговцами, капиталистами и т. д., должен пролетариат обеспечить вытеснение этих хозяйственных форм» (см.: Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня — 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1925, ч. 2, с. 79—80). В постановлении конгресса говорилось, что он «принимает выработанный программной комиссией проект за основу для дискуссии в секциях» (там же, с. 66). Программа Коминтерна окончательно была принята VI конгрессом Коминтерна (1928 г.).— *128.*

[9] Постановка Н. И. Бухариным вопроса о двух планах у В. И. Ленина вызывала полемику в советской историографии. Некоторые историки, ссылаясь на выступление Н. К. Крупской на XIV съезде ВКП(б) (см.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 18—31 декабря 1925 г. М.; Л., 1926, с. 160), подвергли сомнению это высказывание Бухарина. Но несомненным является то, что с изменением обстановки менялись ленинские оценки роли кооперации и концессий в хозяйственном развитии страны. Поэтому высказанные Бухариным суждения заслуживают внимания.— *129.*

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 207.— *130.*

[11] Там же, с. 225.— *130.*

[12] Там же, т. 45, с. 375 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *131.*

[13] Там же, с. 376 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *131.*

[14] В 1921—1922 гг. действовало 9 концессионных договоров, в 1924—1925 гг.— 89 (см.: История СССР, 1959, № 4, с. 40).— *132.*

[15] Поскольку лозунг «обогащайтесь» подвергался критике в печати, Н. И. Бухарин в брошюре «Цезаризм под маской революции» писал: «Эта формулировка была, несомненно, ошибочной формулировкой того совершенно правильного положения, что партия должна держать путь на подъем благосостояния деревни» (*Бухарин Н. И.* Цезаризм под маской революции. М., 1925, с. 35).— *136.*

[16] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 363—368, 369—377.— *139.*

[17] Утверждая, что колхозы «не являются столбовой дорогой к социализму», Н. И. Бухарин исходил прежде всего из опыта политики «военного коммунизма», когда лишь немногие коллективные хозяйства проявили себя в экономическом отношении как провозвестники будущего. Деятельность же большинства из них, напротив, показывала пример того, «как не надо хозяйничать» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 60). В декабре 1920 г. В. И. Ленин констатировал, что «вопрос о колхозах не стоит как очередной» (см. там же, т. 42, с. 180). В дальнейшем, к концу 20-х гг., Бухарин признал необходимость развертывания коллективизации сельского хозяйства, но он по-прежнему исходил из ленинских принципов кооперирования — хозяйственной заинтересованности и добровольности при вступлении в колхозы (см., например, «Политическое завещание Ленина», с. 429 настоящего издания).— *142.*

[18] В. И. Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» указывал, что на социалистическую революцию пролетариат шел «вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, *против капитализма...*». «*Буржуазная* революция была нами доведена *до конца*. Крестьянство шло за нами *в целом*» (Полн. собр. соч., т. 37, с. 311, 313).— *145.*

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ. 1925 г.

[1] Брошюра «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» — одна из наиболее известных работ Н. И. Бухарина по проблемам экономической политики Коммунистической партии, выдержавшая ряд изданий.— *146.*

[2] В 1925—1926 гг. на долю иностранных концессий приходилось 0,4% промышленной продукции страны. На долю частнокапиталистических предприятий, включая и арендованные, приходилось в том же году 3,6%. Более значительные позиции занимал частный капитал в розничной торговле, где на его долю приходилось 40,7% товарооборота, но и там он вытеснялся быстро растущими государственной и кооперативной торговлей.— *148.*

[3] *Врангель П. Н.* (1878 — 1928) — генерал царской армии, барон, ярый монархист. В период иностранной военной интервенции и гражданской войны — ставленник англо-французских и американских империалистов; один из руководителей контрреволюции на Юге России. В апреле — ноябре 1920 г. был главнокомандующим белогвардейскими «вооруженными силами Юга России»; после разгрома их Красной Армией бежал за границу.— *163.*

[4] Сравни статью «Ленин как марксист» (см. с. 77—79 настоящего издания).— *174.*

[5] Постановка Н. И. Бухариным вопроса о возможности возникновения кулацких кооперативов и о неизбежности классовой борьбы на этой почве соответствовала политике партии, проводимой в середине 20-х гг. В решениях XIV конференции ВКП(б) (апрель 1925 г.) указывалось на необходимость предоставления всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, права участия в кооперации, но в уставах кооперативов предлагалось предусмотреть пункты, гарантирующие недопущение в правления кооперативов явно кулацких элементов (см.: КПСС в резолюциях..., 1984, т. 3, с. 369).— *183.*

[6] Позже, на апрельском (1929 г.) Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), тезис о врастании кулацких кооперативных гнезд в советскую хозяйственную систему расценивался как проявление теории врастания капитализма в социализм и затухания классовой борьбы (см.: *Сталин И. В.* Соч. М., 1952, т. 12, с. 28—29). В действительности Н. И. Бухарин рассматривал кулацкие кооперативы как элемент государственного капитализма в системе пролетарского государства (см.: XIV конференция РКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1925, с. 187).— *184.*

[7] См.: *Ленин В. И.* Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии).— Полн. собр. соч., т. 45, с. 387.— *185.*

[8] Н. И. Бухарин последовательно отстаивал ленинскую концепцию о решающей роли товарно-денежных (рыночных) отношений в переходе к социализму. Но в вопросе о товарно-денежных отношениях при социализме он оставался на прежних позициях — их отмирания и замены прямым распределением продуктов. Подход к новому пониманию этой проблемы, намеченный В. И. Лениным в работе «О кооперации», согласно которому товарно-денежные отношения сохраняются и при социализме, стал достоянием советской экономической науки в более позднее время.— *197.*

[9] См. примечание № 17 к работе «Ленин как марксист» (с. 459 настоящего издания).— *228.*

ДОКЛАД НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б) 10—11 февраля 1926 г.

[1] XXIII Чрезвычайная Ленинградская губернская конференция ВКП(б) проходила 10—12 февраля 1926 г. Конференция осудила позицию ленинградской делегации и деятельность «новой оппозиции» на XIV съезде ВКП(б) как раскольническую и признала недопустимым поведение губкома, пытавшегося и после съезда вести фракционную борьбу. На конференции был избран новый секретариат губкома во главе с С. М. Кировым.— *231.*

[2] Имеется в виду период обострения внутрипартийных разногласий, когда группа руководящих работников Ленинградского губкома во главе с Г. Е. Зиновьевым выдвинула свою платформу по вопросам строительства социализма.— *231.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 228 (курсив Н. И. Бухарина. *Ред.*).—*234.*

[4] Там же, т. 45, с. 376 (курсив Н. И. Бухарина. *Ред.*).—*235.*

[5] Там же, т. 44, с. 78.— *235.*

[6] *Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.* (1883—1936) — в партии состоял с 1901 г. После II съезда — большевик. Участник революции 1905—1907 гг. Партийную работу вел в Петербурге, от Петербургской организации участвовал в работе IV и V съездов партии. С V съезда РСДРП — член ЦК партии. С 1908 по апрель

1917 г. находился в эмиграции, входил в редакции газеты «Пролетарий» и ЦО партии «Социал-демократ», участвовал в конгрессах и конференциях II Интернационала. После Февральской революции 1917 г. вместе с В. И. Лениным возвратился в Россию, входил в Петроградский Совет. В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции проявил колебания, выступал против курса партии на вооруженное восстание. Опубликование Каменевым от своего имени и от имени Зиновьева в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» заявления о несогласии с резолюцией ЦК о вооруженном восстании явилось на деле разглашением секретного решения партии.

После Октябрьской социалистической революции с декабря 1917 г.— председатель Петроградского Совета. В ноябре 1917 г. был сторонником создания однородного социалистического правительства с участием меньшевиков и эсеров, вышел из ЦК из-за несогласия с политикой партии в этом вопросе, но вскоре признал ошибку и был возвращен к руководящей работе. До 1926 г. возглавлял Петроградскую (Ленинградскую) партийную организацию. Член ЦК партии в 1907—1927 гг., член Политбюро в 1921—1926 гг. (кандидат в 1919—1921). В 1919—1926 гг.— председатель Исполкома Коминтерна. Член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1927 и 1932 гг. исключался из партии по обвинению во фракционной деятельности, но затем восстанавливался в ее рядах. В декабре 1934 г. вновь исключен из партии и привлечен к судебной ответственности. Был дважды осужден — сначала по делу так называемого «московского центра» (январь 1935 г.), а затем по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского блока» (август 1936 г.). Незаконно репрессирован. 13 июня 1988 г. пленум Верховного Суда СССР приговор по делу Зиновьева отменил.— *236*.

[7] В работе Г. Е. Зиновьева «Ленинизм» содержался тезис о невозможности построения полного социалистического общества в условиях капиталистического окружения, без победы мировой революции. Советский экономический строй характеризовался как своеобразный государственный капитализм в пролетарском государстве.— *236*.

[8] Имеется в виду XIV съезд ВКП(б), который проходил 18—31 декабря 1925 г. в Москве. Порядок дня съезда: 1) Утверждение места работы съезда; 2) Политический отчет ЦК; 3) Организационный отчет ЦК; 4) Отчет Ревизионной комиссии; 5) Отчет ЦКК; 6) Отчет представительства РКП(б) в Исполкоме Коминтерна; 7) Очередные вопросы хозяйственного строительства; 8) О работе профсоюзов; 9) О работе комсомола; 10) Об изменении партийного Устава; 11) Выборы в центральные учреждения партии. На одном из заседаний был заслушан доклад о советской внешней политике. Съезд провозгласил переход к социалистической индустриализации как к решающему звену в борьбе за переустройство советской экономики, за ускорение темпов социалистического строительства. Одобрил курс партии на обеспечение преимущественного развития тяжелой индустрии, быстрого роста производства средств производства, поручил ЦК крепить союз рабочего класса и крестьянства. Съезд подчеркнул, что борьба за победу социализма в СССР является главной задачей партии. На XIV съезде содокладчиком по Политическому отчету ЦК от так называемой «новой оппозиции», сложившейся накануне съезда, выступил Г. Е. Зиновьев.

Съезд утвердил переименование РКП(б) во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) и принял новый Устав партии.— *237*.

[9] См.: *Ленин В. И.* Как нам реорганизовать Рабкрин.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 387.— *237*.

[10] Положение Н. И. Бухарина об ослаблении классовой борьбы по мере успехов социалистических преобразований противоречило выдвинутой в 30-х гг. Сталиным концепции ее обострения в процессе продвижения страны к социализму.— *238*.

[11] Н. И. Бухарин развивает мысли, высказанные им ранее в работе «Ленин как марксист» (см. с. 80—81 настоящего издания).— *243*.

[12] *Каменев (Розенфельд) Л. Б.* (1883—1936) — в партии состоял с 1901 г. После II съезда РСДРП — большевик. Входил в редакции газет «Пролетарий» и «Правда». Революционную работу вел в Закавказье, в Москве. Участник Первой российской революции 1905—1907 гг. Являлся делегатом III и V съездов РСДРП.

После Февральской революции 1917 г.— один из редакторов «Правды», член Исполкома Петроградского Совета и ВЦИК, делегат VII (Апрельской) конференции, избравшей его в члены ЦК РСДРП(б). Выступал против курса на социалистическую революцию. Был делегатом VI съезда партии. 10 октября 1917 г. избран в состав Политического бюро ЦК, созданного для руководства восстанием. Однако в октябре 1917 г. опубликовал в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» от своего имени и от имени Зиновьева заявление о несогласии с резолюцией ЦК о вооруженном восстании, что на деле явилось разглашением секретного решения партии. На II Всероссийском съезде Советов избран председателем ВЦИК. В ноябре 1917 г. был сторонником создания «однородного социалистического правительства» с участием меньшевиков и эсеров. По предложению В. И. Ленина был заменен на посту председателя ВЦИК Я. М. Свердловым. С марта 1919 г.— председатель Моссовета, с 1922 г.— заместитель В. И. Ленина по СНК и СТО, с июля 1923 г.— первый заместитель председателя СНК СССР, после смерти Ленина — председатель СТО (до 1926 г.). В 1923—1926 гг.— директор института Ленина. С января 1926 г.— нарком торговли СССР. В 1927 и 1932 гг. исключался из партии по обвинению во фракционной деятельности, затем восстанавливался в ее рядах. В 1926—1927 гг. был полпредом СССР в Италии. С 1929 г.— председатель Главконцесскома. В 1933 г. был назначен зав. издательством «Академия», в 1934 г. Л. Б. Каменев был назначен директором Института мировой литературы им. Горького. Член ЦК в 1917—1927 гг., член Политбюро ЦК в 1919—1926 гг. (кандидат в 1926 г.). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

20 декабря 1934 г. Каменев был вновь исключен из рядов ВКП(б) «как контрреволюционер». По фальсифицированным обвинениям Л. Б. Каменев в августе 1936 г. был незаконно репрессирован. 13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР приговор по делу Каменева отменил.— *245*.

[13] См.: XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии(б), 18—31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926, с. 257.— *245*.

[14] *Рудзутак Я. Э.* (1887—1938) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член партии с 1905 г. Активный участник Первой российской революции. В 1906 г.— член Рижского комитета партии. В 1907 г. был арестован и приговорен к десяти годам каторги, которую отбыл в Бутырской тюрьме. Освобожденный Февральской революцией, активно включился в революционную работу. После Октябрьской социалистической революции — член президиума ВСНХ, председатель Центротекстиля, член Президиума и Генеральный секретарь ВЦСПС. С 1920 г.— член ЦК РКП(б). В 1921—1924 гг.— председатель Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, Туркбюро ЦК ВКП(б), затем возглавлял Средазбюро ЦК РКП(б). Был членом советской делегации на Генуэзской конференции. В 1923—1924 гг.— секретарь ЦК РКП(б), в 1924—1930 гг.— нарком путей сообщения, с 1926 г.— зам. председателя СНК и СТО СССР. В 1932—1934 гг.— председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР. С IX по XVII съезд избирался членом ЦК партии. В 1926—1932 гг.— член Политбюро ЦК ВКП(б). С 1934 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК. Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован. Посмертно реабилитирован.— *248*.

[15] Отмечая возможность обострения классовой борьбы, Н. И. Бухарин решительно отвергал курс на ее обострение («О новой экономической политике и наших задачах» см. с. 144 настоящего издания).— *251.*

[16] *Вардин И. В. (Мгеладзе)* (1890—1943) — в партии состоял с 1907 г. После Февральской революции 1917 г.— член Саратовского губкома РСДРП(б) и исполкома, редактор газеты «Социал-демократ» в Саратове. После победы Октябрьской революции — на партийной работе: член Саратовского губкома партии, начальник политотдела 1-й Конной армии, зав. подотделом печати ЦК РКП(б). В 1918 г., в дни борьбы за Брестский мир,— «левый коммунист». В 1927 г. исключен из партии. В 1930 г. восстановлен в правах члена партии, а в 1935 г. вновь исключен из партии, затем необоснованно репрессирован.— *253.*

[17] «Ленинградская правда» — газета, орган Ленинградского обкома и горкома КПСС, начала выходить с 16 (3) марта 1918 г.— *253.*

[18] *Чемберлен Остин* (1863—1937) — государственный деятель Великобритании. В 1892 г.— член парламента, в 1919—1921 гг.— министр финансов, в 1921—1922 гг.— министр без портфеля, в 1924—1929 гг.— министр иностранных дел. Вел борьбу за усиление сфер влияния Великобритании в Европе, за ремилитаризацию Германии, чтобы использовать ее военную мощь против СССР и в качестве противовеса Франции. Один из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1927 г., попыток организовать новую военную интервенцию против СССР.— *254.*

[19] XIV партийная конференция проходила 27—29 апреля 1925 г. в Москве. На конференции рассматривались важнейшие проблемы политической и хозяйственной жизни: партийно-организационные вопросы; о кооперации; о сельскохозяйственном налоге; о металлопромышленности; о расширенном пленуме ИККИ; о революционной законности. Главными в содержании всей работы конференции были вопросы о судьбах социализма в СССР. Был рассмотрен вопрос о двух сторонах проблемы победы социализма в СССР (внутренней и международной). Конференция решительно выступила против утверждения Л. Д. Троцкого о невозможности построения социализма в нашей стране без государственной помощи победившего европейского пролетариата.— *256.*

[20] X съезд РКП(б) состоялся 8—16 марта 1921 г. в Москве. В повестке дня съезда стояли следующие вопросы: 1) Отчет Центрального Комитета; 2) Отчет Контрольной комиссии; 3) Профессиональные союзы и их роль в хозяйственной жизни страны; 4) Социалистическая республика в капиталистическом окружении, внешняя торговля, концессии и пр.; 5) О продработе, продразверстке и продналоге и вопрос о топливном кризисе; 6) Вопросы партийного строительства; 7) Очередные задачи партии в национальном вопросе; 8) Реорганизация армии и вопрос о милиции; 9) Главполитпросвет и агитационно-пропагандистская работа партии; 10) Доклад представителей РКП(б) в Коминтерне и его очередные задачи; 11) Доклад членов РКП(б) в Межсоапрофе; 12) Выборы в Центральный Комитет, в Контрольную и Ревизионную комиссии.

Съезд принял решения по коренным вопросам политической и хозяйственной жизни страны. Его работой руководил В. И. Ленин. Съезд принял решение о замене продовольственной разверстки натуральным налогом, о переходе партии от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике, рассчитанной на вовлечение многомиллионного крестьянства в строительство социализма, на построение экономического фундамента социалистического общества. Особое внимание съезд уделил вопросу единства партии. В принятой по предложению В. И. Ленина резолюции «О единстве партии» предписывалось распустить все фракционные группы. Были определены мероприятия по

расширению внутрипартийной демократии, перестройке деятельности партии в обстановке мирного социалистического строительства. Значительное место в работе съезда занял вопрос о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве. Съезд одобрил ленинскую «платформу 10-ти» и принял резолюцию, в которой определялись роль и задачи профсоюзов как школы управления, школы хозяйствования, школы коммунизма, выдвигались меры по расширению профсоюзной демократии.

В решениях съезда по национальному вопросу была поставлена задача ликвидации фактического неравенства наций и осуждены националистические уклоны.— *261.*

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 256—257.— *261.*

[22] См. примечание № 8, с. 476 настоящего издания.— *263.*

[23] *Залуцкий П. А.* (1887—1937) — член партии с 1907 г. С конца 1916 г.— член Исполнительной комиссии Петербургского комитета и Русского бюро ЦК РСДРП(б). После Февральской революции 1917 г.— член Петросовета. Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б). В Октябрьские дни член Петроградского ВРК. Участник гражданской войны. С 1921 г.— на партийной и советской работе. Член ЦК партии в 1923—1925 гг. (кандидат в 1920—1922 гг.). Член ВЦИК. В 1927 и 1934 гг. исключался из партии по обвинению во фракционной деятельности. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован — *263.*

[24] *Крупская Н. К.* (1869—1939) — член партии с 1898 г. Соратник и жена В. И. Ленина. Революционную деятельность начала в марксистских студенческих кружках Петербурга; в 1895 г. вступила в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Подвергалась репрессиям со стороны царского правительства, отбывала ссылку сначала в Шушенском, а затем в Уфе. В 1901 г. эмигрировала за границу, работала в редакциях газет «Искра» и «Заря», была секретарем большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», работала в редакции ЦО — «Социал-демократе». В апреле 1917 г. вместе с В. И. Лениным вернулась в Россию. Вела работу в Секретариате и Бюро печати ЦК РСДРП(б). Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б). Выполняла поручения Ленина, находившегося на нелегальном положении. В Октябрьские дни 1917 г. работала в Выборгском райкоме партии Петрограда. После Октября — член коллегии Народного комиссариата просвещения, с 1920 г.— председатель Главполитпросвета, с 1929 г.— зам. наркома просвещения РСФСР. Автор многих трудов по вопросам народного образования, женского движения, истории партии, воспоминаний о В. И. Ленине. С 1924 г.— член ЦКК, с 1927 г.— член ЦК ВКП(б); член ВЦИК, ЦИК СССР, член Президиума Верховного Совета СССР.— *264.*

[25] IV (Объединительный) съезд РСДРП состоялся 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 г. в Стокгольме. На нем формально объединились две части партии — большевики и меньшевики. На съезде численный перевес среди делегатов получили меньшевики, и это определило характер его решений по ряду вопросов стратегии и тактики во время Первой российской революции 1905—1907 гг. Большевики, возглавляемые Лениным, вели на съезде последовательную борьбу против оппортунизма меньшевиков. Основным вопросом, вокруг которого разгорелась острая борьба, был вопрос о пересмотре аграрной программы. Большевистский проект программы был разработан В. И. Лениным. Большинством голосов на съезде была утверждена меньшевистская аграрная программа муниципализации земли с поправками, предложенными большевиками.— *264.*

[26] Н. И. Бухарин имеет в виду выступление Н. К. Крупской на XIV съезде ВКП(б) (см.: XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18—31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926, с. 158—159).— *264.*

[27] *Фишер Рут (Э. Голькс)* (1895—1961) — активная деятельница Компартии Германии. С 1924 г.— в руководстве КПГ и Коминтерна. Вместе с А. Масловым выступала против тактики «единого фронта», проводила ультралевый курс, изолировавший КПГ от масс и политических союзников. Н. И. Бухарин резко критиковал левацкие ошибки Р. Фишер на VI и VII пленумах Коминтерна. В 1926 г. она была исключена из Компартии Германии, но продолжала пользоваться поддержкой со стороны оппозиционных групп в ВКП(б). После прихода фашизма к власти эмигрировала во Францию, а затем в США.— *265.*

[28] *Киров (Костриков) С. М.* (1886—1934) — видный партийный и государственный деятель, член партии с 1904 г. Активный участник трех российских революций. Вел революционную работу в Томске, Иркутске, Владикавказе. Возглавлял борьбу за власть Советов на Северном Кавказе. Один из руководителей героической обороны Астрахани в 1919 г. и освобождения Кавказа от белогвардейцев. В 1921—1925 гг.— секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, с 1926 г.— первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б); одновременно с 1934 г.— секретарь ЦК ВКП(б). Член ЦК партии с 1923 г. (кандидат с 1921 г.); член Политбюро с 1930 г. (кандидат с 1926 г.). Член ВЦИК, Президиума ЦИК СССР. Пал жертвой террористического акта 1 декабря 1934 г.— *266.*

[29] Имеются в виду работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и Н. И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм».— *267.*

[30] *Дзержинский Ф. Э.* (1877—1926) — видный государственный и партийный деятель страны, член партии с 1895 г. Один из организаторов социал-демократии Польши и Литвы. Неоднократно арестовывался, более 11 лет провел в тюрьмах, на каторге и в ссылке. С IV съезда партии (1906 г.) — член ЦК РСДРП. После Февральской революции 1917 г. вел работу в Москве. Активный участник Октябрьской социалистической революции в Петрограде, делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда партии, член Петроградского Военно-революционного комитета и партийного Военно-революционного центра по руководству восстанием, созданного ЦК РСДРП(б) на заседании 16 (29) октября 1917 г. После Октября 1917 г.— председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). В начале 1918 г. некоторое время занимал ошибочную позицию по вопросу о заключении Брестского мира. В 1919 г. Дзержинский — нарком внутренних дел, с 1921 г.— народный комиссар путей сообщения, с оставлением на постах председателя ВЧК и наркома внутренних дел. С 1924 г.— председатель Высшего Совета Народного Хозяйства СССР. С 1924 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК и член Оргбюро ЦК партии.— *267.*

[31] Тезис о замедленных темпах продвижения к социализму в условиях капиталистического окружения развивается и в ряде других работ Н. И. Бухарина (см., например, «Путь к социализму», с. 227 настоящего издания).— *268.*

[32] *Котов В. А.* (1885—1942) — член партии с 1915 г. В 1918 г.— организатор отрядов особого назначения при Сокольническом райкоме г. Москвы. С 1919 г.— секретарь Сокольнического райкома. В 1919 г. участвовал в обороне Петрограда. С 1925 г.— секретарь МК. На XIV и XV съездах партии избирался членом ЦК ВКП(б). С 1928 г.— член коллегии Наркомтруда СССР и начальник Центрального управления социального страхования Наркомтруда СССР.

В 1933—1936 гг.— заведующий бюро соцстраха ВЦСПС. С 1936 г.— управляющий Госотделстроя. Член ВЦИК и ЦИК. В 1936 г. незаконно репрессирован, посмертно реабилитирован.— *273.*

[33] *Молотов (Скрябин) В. М.* (1890—1986) — партийный и государственный деятель, член партии с 1906 г. Участник революции 1905—1907 гг. Во время Февральской революции — член Русского бюро ЦК партии. В Октябрьскую социалистическую революцию — член Петроградского ВРК. С 1919 г.— председатель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП(б). В 1920 г.— секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921—1930 гг.— секретарь ЦК ВКП(б). В 1930—1941 гг.— председатель СНК СССР. В 1941—1957 гг.— первый зам. председателя СНК (Совета Министров) СССР, одновременно, в 1941—1945 гг., зам. председателя ГКО, в 1939—1949 и 1953—1956 гг.— нарком, затем министр иностранных дел СССР. С 1957 г.— посол в МНР. В 1960—1962 гг.— постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии. Член ЦК партии в 1921—1957 гг. (кандидат в 1920 г.); член Политбюро, Президиума ЦК КПСС в 1926—1957 гг. (кандидат с 1921 г.). Член ВЦИК, ЦИК СССР.

После XX съезда партии, в июне 1957 г., был выведен из состава ЦК КПСС. С 1962 г.— на пенсии — *273.*

[34] *Ворошилов К. Е.* (1881—1969) — видный советский государственный и военный деятель. Член партии с 1903 г. Участник трех российских революций, гражданской войны в СССР. Один из организаторов и руководителей Красной Армии. С 1925 г.— нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР; с 1934 г.— нарком обороны СССР; с 1935 г.— Маршал Советского Союза; с 1940 г.— зам. председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР. В годы Великой Отечественной войны — член ГКО. С 1946 г.— зам. председателя Совета Министров СССР. В 1953—1960 гг.— председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии в 1921—1961 гг. и с 1966 г.; член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926—1960 гг.— *273.*

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОБЕДОНОСНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР 1926 г.

[1] *Базаров В. (Руднев В. А.)* (1874—1939) — философ, экономист. С конца 90-х гг. принимал участие в социал-демократическом движении. С 1904 г. член партии. В 1905—1907 гг. сотрудничал в ряде большевистских изданий, вместе с И. И. Скворцовым-Степановым перевел на русский язык «Капитал» К. Маркса (т. 1—3, 1907—1909 гг.). После поражения первой российской революции отошел от большевизма, пропагандировал «богостроительство» и эмпириокритицизм, был одним из главных представителей махистской ревизии марксизма. После Февральской революции 1917 г.— меньшевик-интернационалист, один из редакторов полуменьшевистской газеты «Новая жизнь». С 1921 г.— на работе в Госплане СССР. В последующие годы жизни занимался переводами художественной и философской литературы. В 1931 г. осужден по делу «контрреволюционной меньшевистской организации».— *277.*

[2] *Маслов П. П. (Икс)* (1867—1946) — социал-демократ, экономист, автор работ по аграрному вопросу, в которых содержались попытки ревизовать марксизм. После II съезда партии примкнул к меньшевикам, один из авторов меньшевистской программы муниципализации земли. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, в период первой мировой войны — социал-шовинист. После победы Октябрьской социалистической революции

отошел от активной политической деятельности. Занимался педагогической и научной работой. С 1929 г.— академик.— *278.*

[5] См. работы В. И. Ленина: «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (Полн. собр. соч., т. 26, с. 351—355) и «Военная программа пролетарской революции» (там же, т. 30, с. 131—143).— *280.*

[6] *Кунов (Силоу) Генрих* (1862—1936) — немецкий правый социал-демократ, историк и социолог. С 1917 по 1923 г.— редактор органа Германской социал-демократической партии «Die Neue Zeit». Примыкал к марксистам, затем выступил как ревизионист и фальсификатор марксизма. В. И. Ленин называл его «немецким апологетом империализма и аннексий» (см.: Полн. собр. соч., т. 27, с. 390).— *281.*

[7] В. И. Ленин в своих произведениях «Крах II Интернационала», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и ряде других подверг каутскианство уничтожающей критике.— *283.*

[8] *Либер (Гольдман) М. И.* (1880—1937) — один из лидеров Бунда. После поражения первой российской революции — ликвидатор, в 1912 г.— активный деятель созданного Л. Д. Троцким Августовского блока. В период первой мировой войны — социал-шовинист. После Февральской революции 1917 г.— член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Президиума ВЦИК первого созыва. Занимал меньшевистскую позицию, был сторонником коалиционного правительства. Октябрьскую социалистическую революцию не принял. Позже находился на хозяйственной работе. В 1937 г. был арестован и осужден.— *283.*

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 10—11.— *284.*

[10] Имеется в виду брошюра К. Каутского «Диктатура пролетариата», подвергнутая критике В. И. Лениным в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (см.: Полн. собр. соч., т. 37, с. 237—338).— *288.*

[11] *Бауэр Отто* (1882—1938) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала. В конце жизни признал как положительный факт успехи социализма в СССР.— *289.*

[12] *Парвус (Гельфанд) А. Л.* (1869—1924) — участник российского и германского социал-демократического движения. Жил в Германии. После II съезда партии (1903 г.) — меньшевик. Проповедовал теорию перманентной революции, заимствованную Л. Д. Троцким. В первую мировую войну — социал-шовинист. Позднее отошел от активной политической деятельности.— *290.*

[13] *Штребель Генрих* (1869—1945) — немецкий социал-демократ, центрист. В 1905—1916 гг.— член редакции центрального органа Германской социал-демократической партии «Vorwärts» («Вперед»). В начале первой мировой войны выступал против социал-шовинизма и империалистической войны, примыкал к левой группе «Интернационал». В 1916 г. перешел на позиции каутскианства. В 1917 г.— один из организаторов Независимой социал-демократической партии Германии. В 1918—1919 гг. входил в состав прусского правительства. В 1919 г. вернулся в социал-демократическую партию, а в 1931 г. вышел из нее, будучи не согласен с политикой партийного руководства. С 1922 г.— депутат германского рейхстага. Выступал с резкими нападками на ВКП(б) и СССР.— *290.*

[14] *Дилин Д. Ю.* (1889—1962) — философ. В 1921 г. выехал из СССР в Европу, в 1940 г. — в США. Профессор Пенсильванского университета. Один из теоретиков меньшевизма, автор ряда книг о Советском Союзе. Противник Коммунистической партии и СССР.— *293.*

[15] *Чернов В. М.* (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В 1902—1905 гг.— редактор центрального органа эсеров газеты «Революционная Россия». Выступал против марксизма, пытаясь доказать неприемлемость теории К. Маркса к практике развития сельского хозяйства. В 1917 г.— министр земледелия в буржуазном Временном правительстве. После победы Октябрьской социалистической революции — один из вдохновителей и организаторов антисоветских мятежей. В 1920 г. эмигрировав за границу, продолжал вести активную антисоветскую деятельность.— *294.*

[16] См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков): Протоколы. М., 1958, с. 64—65, 67—78, 78—86.— *297.*

[17] Имеется в виду письмо Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева в газету «Новая жизнь» в октябре 1917 г., в котором они выразили свое несогласие с готовившимся вооруженным восстанием, и их заявление о выходе из ЦК в ноябре 1917 г. в связи с отказом Центрального Комитета принять их требования о создании коалиционного правительства с участием соглашательских партий. Тогда же несколько членов Совнаркома по той же причине вышли из его состава.— *299.*

[18] *Шляпников А. Г.* (1885—1937) — в партии состоял с 1901 г. Активный участник трех российских революций. Партийную работу вел в Сормове, Муроме, Петербурге, Москве. В 1914 г. по поручению ЦК РСДРП вел в Стокгольме работу по установлению связей между Заграничным бюро ЦК и русской частью ЦК и ПК.

После Февральской революции 1917 г.— член Петербургского комитета РСДРП(б), Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Петроградского союза металлистов. После Октябрьской социалистической революции — нарком труда в первом советском правительстве. В годы гражданской войны — председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта, член РВС Южного фронта, чрезвычайный уполномоченный по продовольственному делу на Юге России. Затем находился на профсоюзной и хозяйственной работе. В 1920—1922 гг.— лидер «рабочей оппозиции». В 1933 г., во время чистки партии, был исключен из рядов ВКП(б). Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.— *299.*

[19] *Леви (Levi) (Гартштейн) Паул* (1883—1930) — немецкий социал-демократ, адвокат. Участник Циммервальдской конференции (1915), член швейцарской группы циммервальдских левых, входил в «Союз Спартака». На Учредительном съезде Коммунистической партии Германии был избран в состав ЦК КПГ. Делегат II конгресса Коминтерна. В 1920 г.— депутат рейхстага от КПГ. В КПГ занимал крайне правую позицию. В феврале 1921 г. вышел из ЦК КПГ, а в апреле был исключен из компартии за антипартийную фракционную деятельность. Позднее вернулся в социал-демократическую партию.— *303.*

[20] Н. И. Бухарин имеет в виду брошюру Р. Люксембург «Die russische Revolution. Eine kritische Würdigung. Aus dem Nachlaß von Rosa Luxemburg». Р. Люксембург писала ее в 1918 г. в тюрьме, не имея полной информации о положении дел в Советской России, что выразилось в ее неверных оценках тактики большевиков.— *303.*

[19] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 58.— *304.*

[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354—355.— *305.*

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 370 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *305.*

[22] Там же.— *305.*

[23] Там же, с. 376 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *306.*

[24] Книга «Азбука коммунизма» написана Н. И. Бухариным в соавторстве с Е. А. Преображенским. Впервые издана в 1919 г. Неоднократно переиздавалась.— *307.*

[25] *Смилга И. Т.* (1892—1938) — член партии с 1907 г. После Октябрьской социалистической революции — уполномоченный СНК РСФСР в Финляндии, член Реввоенсовета 3-й армии, Восточного, Юго-Западного и других фронтов. Член ЦК РКП(б) с 1917 г. С 1921 по 1923 г.— зам. председателя ВСНХ и начальник Главного управления по топливу. В 1923—1927 гг., в период обострения внутрипартийной борьбы,— сторонник Л. Д. Троцкого. В 1927 г. исключен из партии. В 1930 г. восстановлен в партии. Впоследствии был вновь исключен из партии. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.— *308.*

[26] *Слепков А. Н.* (1899—1937) — с 1921 г. слушатель исторического отделения ИКП, в 1924—1928 гг.— член редколлегии журнала «Большевик», в 1928 г.— член редколлегии «Правды». Работал ответственным инструктором ЦК ВКП(б) и в секретариате Исполкома Коминтерна. Разделял и пропагандировал взгляды Н. И. Бухарина. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.— *309.*

[27] *Гильфердинг Рудольф* (1877—1941) — один из оппортунистических лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик «австромарксизма». С 1907 по 1915 г.— редактор центрального органа Германской социал-демократической партии газеты «Vorwärts» («Вперед»). В 1910 г. опубликовал работу «Финансовый капитал», сыгравшую определенную положительную роль в исследовании проблем империализма. В годы первой мировой войны — центрист, отстаивал единство с социал-империалистами. Позже выступал как теоретик «организованного государственно-монополистического капитализма». С 1917 г.— лидер Независимой социал-демократической партии Германии. Неоднократно входил в состав буржуазного правительства Веймарской республики.— *312.*

[28] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 422.— *313.*

[29] Имеется в виду «заявление 46-ти», с которым выступили осенью 1923 г. участники ранее существовавших оппозиционных групп — «децисты», «левые коммунисты», троцкисты, а также ряд коммунистов, считавших настоятельно необходимым обсудить положение в партии.— *313.*

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ НА ПОРОГЕ XV ПАРТСЪЕЗДА

Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г.

[1] Имеется в виду Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (21—23 октября 1927 г.), одобривший тезисы докладов на XV съезде партии «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» и «О работе в деревне», принявший решение о начале предсъездовской внутрипартийной дискуссии. Пленум постановил исключить Зиновьева и Троцкого из состава ЦК ВКП(б) за продолжение фракционной деятельности.— *315.*

[2] XV съезд ВКП(б) проходил 2—19 декабря 1927 г. в Москве. В порядке дня съезда стояли следующие вопросы: 1) Отчет Центрального Комитета; 2) Отчет Центральной Ревизионной Комиссии; 3) Отчет ЦКК—РКИ; 4) Отчет делегации ВКП(б) в Коминтерне; 5) Директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства; 6) О работе в деревне; 7) Выборы центральных учреждений партии. Съезд признал первоочередной задачей партии переход в земледелии к крупному социалистическому производству, базирующемуся на новой технике, разработал директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, обратил внимание на укрепление единства партии, подвел итоги многолетней борьбы против троцкизма. XV съезд ВКП(б) вошел в историю как важный рубеж в подготовке наступления социализма по всему фронту.— *315.*

[3] Имеется в виду контрреволюционный мятеж в Грузии, вспыхнувший 28 августа 1924 г. Он был спровоцирован меньшевиками, воспользовавшимися недовольством крестьян, вызванным серьезными ошибками и перегибами партийных и советских органов при проведении аграрной реформы, налоговой политики и антирелигиозных мероприятий.— *318.*

[4] Имеется в виду, в частности, заявление Л. Б. Каменева на XIV съезде ВКП(б), что «не мы «регульнули» мужика в этом (1925.— *Ред.*) году, а мужичок «регульнул» нас» (см.: XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л., 1926, с. 263).— *320.*

[5] *Радек К. Б.* (1885—1939) — принимал участие в социал-демократическом движении Галиции, Польши и Германии с начала 900-х гг. В годы первой мировой войны стоял на интернационалистских позициях, проявляя, однако, колебания в сторону центризма; занимал ошибочную позицию по вопросу о праве наций на самоопределение. В большевистской партии с 1917 г. После Октябрьской социалистической революции работал в Наркомате иностранных дел, был секретарем Исполкома Коминтерна. На VIII—XII съездах РКП(б) избирался членом ЦК партии. В 1918 г.— «левый коммунист»; с 1923 г.— активный участник троцкистской оппозиции. В 1927 г. был исключен из партии. В 1929 г. был восстановлен в партии, в 1936 г. был снова исключен из ВКП(б). 30 января 1937 г. был осужден по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». Незаконно репрессирован. 13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР приговор по делу Радека отменил.— *320.*

[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 112.— *322.*

[7] Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б) (ЦКК ВКП(б)) — высший контрольный орган партии в 1920—1934 гг. Первоначальное название Контрольная

Комиссия РКП(б), с X съезда РКП(б) — Центральная Контрольная Комиссия РКП(б). Избиралась съездом партии.— *323.*

[8] «Термидор» — контрреволюционный переворот 27—28 июля 1794 г. во Франции, приведший к падению революционно-демократической якобинской диктатуры. В нарицательном смысле употреблялся оппозицией с целью обвинения партии в перерождении.

См. также с. 263 настоящего издания.— *324.*

[9] Н. И. Бухарин цитирует по изданию: *Ленин Н. (Ульянов В.)* Собрание сочинений. М.: Госиздат, 1924, т. XVIII, ч. 1, с. 225 (см.: Полн. собр. соч., т. 43, с. 233).— *324.*

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 382.— *326.*

[11] Имеется в виду доклад Н. И. Бухарина на 7-м московском губернском съезде профсоюзов (см.: Правда, 1927, 16, 18 октября).— *328.*

[12] НОП — новый обман пролетариата. Так преобразовали слово нэп враги партии.— *329.*

[13] Имеется в виду первый пятилетний план развития народного хозяйства (1929—1932 гг.), который был разработан на основе директив XV съезда ВКП(б) (1927 г.) и утвержден 5-м Всесоюзным съездом Советов (1929 г.). Главная задача пятилетки состояла в построении фундамента социалистической экономики, дальнейшем вытеснении капиталистических элементов города и деревни, в укреплении обороноспособности страны.— *330.*

[14] См. примечание 1.— *330.*

[15] Имеется в виду Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), проходивший 29 июля — 9 августа 1927 г. в Москве. Пленум обсудил вопросы международной политики, хозяйственного строительства и внутрипартийной жизни.— *331.*

[16] В брошюру Л. Д. Троцкого «Новый курс» (1923 г.) вошел ряд его статей. Она была распространена накануне XIII партконференции.— *343.*

[17] Сменовеховство — общественно-политическое течение, возникшее в 1921 г. в связи с переходом к нэпу. Характеристика дана в резолюции XII Всероссийской конференции РКП (б) (август 1922 г.) «Об антисоветских партиях и течениях» (см.: КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 590).— *344.*

[18] См. примечание 1.— *345.*

[19] Речь идет о юбилейной сессии ЦИК СССР, посвященной 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции, проходившей 15—20 октября 1927 г. в Ленинграде.— *345.*

[20] *Маслов А. (Чемеринский И.)* (1891—1941) — один из лидеров группы «ультралевых» в Коммунистической партии Германии. С 1921 г. возглавлял так называемую берлинскую оппозицию, которая в 1924 г. захватила руководство в ЦК КПГ. На V конгрессе Коминтерна избран кандидатом в члены ИККИ. В конце 1925 г. был снят с руководящих постов за фракционную и раскольническую деятельность и исключен из КПГ и Коминтерна. Впоследствии отошел от политической деятельности.— *346.*

[21] *Ломинадзе В. В.* (1897—1935) — советский государственный и партийный деятель, член КПСС с 1917 г. После Февральской революции 1917 г. работал в Военной организации Петербургского комитета РСДРП(б), затем секретарем Кутаисского комитета партии. В 1918—1919 гг.— председатель Тбилисского комитета; в 1919—1920 гг.— член Бакинского комитета РКП(б); член ЦК КП(б) Азербайджана. В 1920—1921 гг.— член бюро Орловского губкома партии. В 1922—1924 гг.— секретарь ЦК КП(б) Грузии. В 1925—1926 гг.— секретарь исполкома КИМ. В 1930 г.— первый секретарь Заккрайкома ВКП(б). В 1930—1935 гг. секретарь Магнитогорского горкома партии. В 1925—1927 гг.— кандидат в члены ЦК, в 1930 г.— член ЦК партии. В декабре 1930 г. выведен из состава ЦК ВКП(б). Покончил жизнь самоубийством.— *346.*

[22] *Гинденбург Пауль* (1847—1934) — главнокомандующий германскими войсками в первую мировую войну, затем президент Германской республики.— *346.*

[23] См.: КПСС в резолюциях..., 1984, т. 3, с. 429.— *347.*

[24] Имеется в виду выступление И. Т. Смилги на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшемся 21—23 октября 1927 г. в Москве.— *347.*

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 369.— *349.*

[26] Там же, с. 375.— *349.*

[27] Там же.— *349.*

[28] Там же, с. 376 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *349.*

[29] Там же (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *349.*

[30] Гоминьдан (национальная партия), политическая партия в Китае. Создана в 1912 г. До 1927 г. играла прогрессивную роль, затем превратилась в правящую партию буржуазно-помещичьей реакции, связанной с иностранным империализмом. Власть гоминьдана была свергнута китайским народом в 1949 г. После 1949 г. существует тайваньский гоминьдан.— *352.*

[31] Имеется в виду Манифест «Ко всем рабочим, трудящимся, крестьянам и красноармейцам СССР. К пролетариям всех стран и угнетенным народам мира», принятый Юбилейной сессией ЦИК СССР 15—20 октября 1927 г. в Ленинграде. Манифест объявил о переходе производственных фабрично-заводских рабочих на протяжении ближайших лет от 8-часового рабочего дня к 7-часовому. 2 января 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о 7-часовом рабочем дне.— *353.*

[32] «Августовский блок». Имеется в виду созданное Троцким объединение ревизионистских группировок в 1912 г., название которого стало нарицательным для беспринципных соглашений.— *353.*

[33] Масловская группа в Германии — группа «ультралевых», одним из лидеров которой был А. Маслов (см. примечание 20). Выступала против тактики единого фронта.— *353.*

[34] *Корш Карл* (1886—1961) — философ и публицист. В 1920 г. вступил в КПГ, был депутатом рейхстага. Занимал ультралевые позиции по вопросу о партийной тактике и отношении к союзникам рабочего класса. Выступал с кри-

философии и др. В 1922 г. выслан за границу, где основал религиозно-философский журнал «Путь», выходивший в Париже в 1925—1940 гг.— *369*.

[2] *Гейне (Heine) Генрих* (1797—1856) — немецкий поэт и публицист, выдающийся мастер лирической и политической поэзии.— *370*.

[3] *Брюсов В. Я.* (1885—1924) — русский советский поэт, член партии с 1920 г. Основоположник русского символизма. После Октябрьской революции 1917 г. активно включился в строительство советской культуры.— *371*.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 376 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*) — *375*.

[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 165—166: «Мы превосходно знаем, что значит культурная неразвитость России... как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен, как мы все это знаем. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало. Необходима масса работы воспитательной, организационной, культурной — чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадной длительной работы».— *376*.

[6] Имеются в виду в первую очередь теоретики и пропагандисты особой «пролетарской культуры» А. А. Богданов, В. Ф. Плетнев и их последователи. Нигилистическое отрицание культурного наследия, сепаратизм лидеров и идеологов Пролеткульта неоднократно критиковали В. И. Ленин, ЦК РКП(б), как теоретически неверные и практически вредные.— *377*.

[7] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 55: «...трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах».— *378*.

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 96, 97.— *378*.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 377 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *379*.

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 287.—*380*.

[11] *Шацкий С. Т.* (1878—1934) — советский педагог, член партии с 1928 г. После Октябрьской революции 1917 г. возглавил Первую опытную станцию по народному образованию Наркомпроса РСФСР. Она была комплексом научно-исследовательских педагогических учреждений, детских садов, школ, внешкольных учреждений для детей и культурно-просветительных — для взрослых. В ней разрабатывались и практически проверялись методы организации коммунистического воспитания. Особое внимание уделялось соединению обучения и общественно полезного труда. В 1929—1934 гг. Шацкий был членом коллегии Наркомпроса РСФСР, в 1932—1934 гг. руководил Центральной экспериментальной лабораторией Наркомпроса РСФСР и одновременно был директором Московской консерватории.— *380*.

[12] *Устрялов Н. В.* (псевд. *П. Сурмин*) (1890—1938) — русский политический деятель, юрист и публицист, видный деятель кадетов, один из идеологов сменовеховства. В 1916—1918 гг. приват-доцент Московского и Пермского университетов. После разгрома колчаковщины — эмигрант. В 1920 г. выдвинул программу «смены вех»: Устрялов рассчитывал на буржуазное перерождение советского строя. В публицистических работах выступал против фашизма. В 1920—1934 гг.— профессор Харбинского университета. В 1935 г. вернулся в Советский Союз. Был профессором Московского института инженеров транспорта. В 1937 г. был осужден по обвинению в антисоветской деятельности.— *383*.

[13] *Вольтер (Voltaire)* (наст. имя — *Франсуа Мари Аруэ*) (1694—1778) — французский философ, писатель, публицист. Один из представителей Просвещения XVIII в. В философских, художественных, публицистических произведениях подвергал всесторонней критике феодальные отношения, деспотическую форму правления, феодально-клерикальное мировоззрение. Принимал участие в создании французской «Энциклопедии» XVIII в., редакторами которой были Дидро и Д'Аламбер. Вольтер проявлял большой интерес к истории и культуре России.

Н. И. Бухарин привел высказывание героя произведения Вольтера «Кандид».— *389*.

[14] *Верхарн (Verhaeren) Эмиль* (1855—1916) — бельгийский поэт, драматург и критик. Глубокий и своеобразный лирик, одновременно реалист и символист. В некоторых произведениях Верхарн высказывается как социалист и сторонник революции.— *390*.

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

К началу нового хозяйственного года. 1928 г.

[1] Работа «Заметки экономиста» была впервые опубликована в газете «Правда» 30 сентября 1928 г. На заседании Политбюро было указано, что редакция «Правды» не должна была публиковать эту статью без ведома Политбюро. Тем самым подчеркивалось, что «Заметки экономиста» расходятся с позицией большинства членов Политбюро.— *391*.

[2] Made in Riga — «сделано в Риге» — иронически о газетных «утках», распространяемых в то время из Риги.— *393*.

[3] *Туган-Барановский М. И.* (1865—1919) — русский буржуазный экономист, в 90-х гг. видный представитель «легального марксизма». В период революции 1905—1907 гг.— член партии кадетов. После Октябрьской революции 1917 г.— активный деятель контрреволюции на Украине, министр финансов буржуазной Украинской Центральной рады.— *395*.

[4] «К вопросу о троцкизме» (М.; Л.: Госиздат, 1925) — сборник работ Н. И. Бухарина, касающихся его полемики с троцкистами.— *397*.

[5] Это положение ранее обосновывалось Н. И. Бухариным в работе «Новая экономическая политика и наши задачи».— *399*.

философии и др. В 1922 г. выслан за границу, где основал религиозно-философский журнал «Путь», выходивший в Париже в 1925—1940 гг.—*369*.

[2] *Гейне (Heine) Генрих* (1797—1856) — немецкий поэт и публицист, выдающийся мастер лирической и политической поэзии.— *370*.

[3] *Брюсов В. Я.* (1885—1924) — русский советский поэт, член партии с 1920 г. Основоположник русского символизма. После Октябрьской революции 1917 г. активно включился в строительство советской культуры.— *371*.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 376 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*) — *375*.

[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 165—166: «Мы превосходно знаем, что значит культурная неразвитость России... как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию. Советский аппарат на словах доступен всем трудящимся, на деле же он далеко не всем им доступен, как мы все это знаем. И вовсе не потому, чтобы этому мешали законы, как это было при буржуазии: наши законы наоборот, этому помогают. Но одних законов тут мало. Необходима масса работы воспитательной, организационной, культурной — чего нельзя сделать быстро законом, что требует громадной длительной работы».— *376*.

[6] Имеются в виду в первую очередь теоретики и пропагандисты особой «пролетарской культуры» А. А. Богданов, В. Ф. Плетнев и их последователи. Нигилистическое отрицание культурного наследия, сепаратизм лидеров и идеологов Пролеткульта неоднократно критиковали В. И. Ленин, ЦК РКП(б), как теоретически неверные и практически вредные.— *377*.

[7] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 55: «...трудящиеся объединены так, чтобы весом своего массового объединения раздавить капитализм. Они его и раздавили. Но от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах».— *378*.

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 96, 97.— *378*.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 377 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *379*.

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 287.—*380*.

[11] *Шацкий С. Г.* (1878—1934) — советский педагог, член партии с 1928 г. После Октябрьской революции 1917 г. возглавил Первую опытную станцию по народному образованию Наркомпроса РСФСР. Она была комплексом научно-исследовательских педагогических учреждений, детских садов, школ, внешкольных учреждений для детей и культурно-просветительных — для взрослых. В ней разрабатывались и практически проверялись методы организации коммунистического воспитания. Особое внимание уделялось соединению обучения и общественно полезного труда. В 1929—1934 гг. Шацкий был членом коллегии Наркомпроса РСФСР, в 1932—1934 гг. руководил Центральной экспериментальной лабораторией Наркомпроса РСФСР и одновременно был директором Московской консерватории.— *380*.

[12] *Устрялов Н. В.* (псевд. *П. Сурмин*) (1890—1938) — русский политический деятель, юрист и публицист, видный деятель кадетов, один из идеологов сменовеховства. В 1916—1918 гг. приват-доцент Московского и Пермского университетов. После разгрома колчаковщины — эмигрант. В 1920 г. выдвинул программу «смены вех»: Устрялов рассчитывал на буржуазное перерождение советского строя. В публицистических работах выступал против фашизма. В 1920—1934 гг.— профессор Харбинского университета. В 1935 г. вернулся в Советский Союз. Был профессором Московского института инженеров транспорта. В 1937 г. был осужден по обвинению в антисоветской деятельности.— *383*.

[13] *Вольтер (Voltaire)* (наст. имя — *Франсуа Мари Аруэ*) (1694—1778) — французский философ, писатель, публицист. Один из представителей Просвещения XVIII в. В философских, художественных, публицистических произведениях подвергал всесторонней критике феодальные отношения, деспотическую форму правления, феодально-клерикальное мировоззрение. Принимал участие в создании французской «Энциклопедии» XVIII в., редакторами которой были Дидро и Д'Аламбер. Вольтер проявлял большой интерес к истории и культуре России.

Н. И. Бухарин привел высказывание героя произведения Вольтера «Кандид».— *389*.

[14] *Верхарн (Verhaeren) Эмиль* (1855—1916) — бельгийский поэт, драматург и критик. Глубокий и своеобразный лирик, одновременно реалист и символист. В некоторых произведениях Верхарн высказывается как социалист и сторонник революции.— *390*.

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

К началу нового хозяйственного года. 1928 г.

[1] Работа «Заметки экономиста» была впервые опубликована в газете «Правда» 30 сентября 1928 г. На заседании Политбюро было указано, что редакция «Правды» не должна была публиковать эту статью без ведома Политбюро. Тем самым подчеркивалось, что «Заметки экономиста» расходятся с позицией большинства членов Политбюро.— *391*.

[2] Made in Riga — «сделано в Риге» — иронически о газетных «утках», распространяемых в то время из Риги.— *393*.

[3] *Туган-Барановский М. И.* (1865—1919) — русский буржуазный экономист, в 90-х гг. видный представитель «легального марксизма». В период революции 1905—1907 гг.— член партии кадетов. После Октябрьской революции 1917 г.— активный деятель контрреволюции на Украине, министр финансов буржуазной Украинской Центральной рады.— *395*.

[4] «К вопросу о троцкизме» (М.; Л.: Госиздат, 1925) — сборник работ Н. И. Бухарина, касающихся его полемики с троцкистами.— *397*.

[5] Это положение ранее обосновывалось Н. И. Бухариным в работе «Новая экономическая политика и наши задачи».— *399*.

[6] Имеется в виду Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 4—12 июля 1928 г. в Москве и рассмотревший вопросы: 1) Вопросы Коминтерна; 2) Программа Коминтерна; 3) Политика хлебозаготовок; 4) Об организации новых (зерновых) совхозов; 5) Об улучшении подготовки новых специалистов (втузы).— *400.*

[7] XII съезд РКП(б) проходил 17—25 апреля 1923 г. Это был первый съезд партии после Октября, на котором В. И. Ленин не присутствовал из-за болезни. Однако как подготовка к съезду, так и сам съезд проходили под знаком осуществления предложений Ленина, содержащихся в его последних письмах и статьях, в которых была дана развернутая программа построения социализма. В порядке дня съезда стояли следующие вопросы: 1) Отчеты ЦК: а) политический, б) организационный; 2) Отчет Ревизионной Комиссии; 3) Отчет ЦКК; 4) Отчет российского представительства в Исполкоме Коминтерна; 5) О промышленности; 6) Национальные моменты в партийном и государственном строительстве; 7) Налоговая политика в деревне; 8) О районировании; 9) Выборы центральных органов партии.

Съезд подытожил двухлетний опыт осуществления новой экономической политики и на основе ленинского плана строительства социализма определил пути развития народного хозяйства страны, укрепления партии и Советского государства.

Съезд подтвердил ленинскую линию на обеспечение единства партийных рядов. Он указал на необходимость быстрейшего создания тяжелой индустрии как фундамента социалистического строительства, на неразрывную связь подъема промышленности и сельского хозяйства.

Съезд высказался против предложений Л. Д. Троцкого о развитии индустрии за счет эксплуатации и разорения крестьян и о свертывании тяжелой индустрии под предлогом ее убыточности и невыгодности, которые съезд квалифицировал как подрыв диктатуры пролетариата и союза рабочего класса и крестьянства.

Съезд подтвердил незыблемость монополии внешней торговли, определил конкретные пути подъема крестьянского хозяйства, политического и экономического укрепления социалистических начал на селе. В решениях по национальному вопросу были намечены меры по ликвидации фактического неравенства между народами нашей страны.

На основании предложений В. И. Ленина о реорганизации РКИ съезд принял решение создать объединенный партийно-советский контроль — ЦКК — РКИ, возложив на него обязанность охраны единства партии, укрепления партийной и государственной дисциплины, отстаивания социалистической законности, всемерного совершенствования государственного аппарата.

На съезде обсуждались также вопросы, связанные с идеологической, массово-политической работой.— *400.*

[8] На XII съезде была отвергнута отстаиваемая Л. Д. Троцким идея о «диктатуре промышленности» над сельским хозяйством, которая, по существу, являлась требованием развивать промышленность за счет сверхэксплуатации крестьянства.— *400.*

[9] Имеется в виду закон стоимости.— *405.*

[10] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет. М., 1962, т. 2, с. 1444.— *409.*

[11] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет, т. 2, с. 1443.— *410.*

[12] В оригинале:

«Ходить бывает склизко
По камешкам иным
Итак, о том, что близко
Мы лучше помолчим»

(см.: *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1963, т. 1, с. 398).— *411.*

[13] *«Экономическая жизнь»* — газета, орган ВСНХ и хозяйственных наркоматов, затем орган Наркомфина СССР, Госбанка СССР и ЦК союза банковских работников. Выходила в 1918—1937 гг. в Москве.— *411.*

[14] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет, т. 2, с. 1443.— *412.*

[15] *Межлаук В. И.* (1893—1938) — советский государственный, партийный деятель, член партии с 1917 г. В революционном движении с 1917 г. В 1917 г.— член Харьковского комитета РСДРП(б), Совета и ВРК. В 1918—1920 гг.— губернский военком в Казани, наркомфин Донецко-Криворожской республики, член обкома КП(б)У Донбасса и Донецкого военного штаба. Член РВС 5, 10, 14, 2-й армий, член РВС Южного фронта, член РВС Тульского укрепрайона. В 1920—1924 гг.— комиссар Московско-Балтийской, Московско-Курской и Северной ж. д., зам. главного комиссара путей сообщения, член коллегии НКПС. В 1924—1931 гг.— член Президиума ВСНХ СССР, начальник Главметалла, зам. председателя ВСНХ СССР, зам. председателя СТО СССР и председатель Госплана. В 1937 г.— нарком тяжелой промышленности СССР, затем вновь зам. председателя СТО СССР и председатель Госплана СССР. На XV и XVI съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК, на XVII съезде избран членом ЦК ВКП(б). Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.— *412.*

[16] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет, т. 2, с. 1443—1444.— *415.*

[17] Рабоче-Крестьянская инспекция (Рабкрин, РКИ) — наркомат, орган государственного и общественного контроля в 1920—1934 гг. С 1923 г. действовал совместно с ЦКК ВКП(б). Главные задачи: контроль во всех областях хозяйства и государственного управления; борьба с бюрократизмом, волокитой; надзор за проведением в жизнь советских законов, своевременным рассмотрением в учреждениях жалоб и заявлений трудящихся.— *416.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина. 21 января 1929 г.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 363—406.— *419.*

[2] Там же, с. 405.— *420.*

[3] См. там же, с. 381.— *422.*

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 29, с. 37. 16 апреля 1856 г. Маркс писал Энгельсу: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно».— *422.*

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 376.— *422.*

[6] Там же.— *422.*

[7] Там же.—*423.*

[8] Там же, с. 402.— *424.*

[9] Там же, с. 403.— *424.*

[10] Там же, с. 403.— *425.*

[11] Там же.— *425.*

[12] Там же, с. 404.— *425.*

[13] Там же, с. 403.—*426.*

[14] Там же, с. 404—406.— *426.*

[15] Там же, с. 405.— *427.*

[16] Там же.— *427.*

[17] Там же, с. 405—406.— *427.*

[18] Там же, с. 371.— *428.*

[19] Там же, с. 370—371.— *429.*

[20] Там же, с. 372.— *429.*

[21] Там же, с. 373.— *429.*

[22] Там же, с. 370.— *429.*

[23] Там же, с. 387—388.— *430.*

[24] Там же, с. 366.— *431.*

[25] Там же, с. 367.— *432.*

[26] Там же.— *432.*

[27] См. там же, с. 376.— *433.*

[28] Там же, с. 390.— *433.*

[29] Там же, с. 391.— *434.*

[30] Там же, с. 389.— *434.*

ПРОГРАММА ОКТЯБРЯ

(К десятилетию программы нашей партии)
23 марта 1929 г.

[1] VIII съезд РКП(б) проходил 18—23 марта 1919 г. в Москве. В повестку дня съезда были включены вопросы: 1) Отчет ЦК; 2) Программа РКП(б); 3) Создание Коммунистического Интернационала; 4) Военное положение и военная политика; 5) Работа в деревне; 6) Организационные вопросы; 7) Выборы Центрального Комитета. Руководил работой съезда В. И. Ленин.

Основное место в работе съезда заняло обсуждение и принятие новой Программы партии, разработанной под руководством и при непосредственном участии В. И. Ленина. Одним из важнейших вопросов на съезде был вопрос об отношении к среднему крестьянству. По предложению Ленина съезд наметил новую политику партии в отношении середняка — переход от его нейтрализации к установлению прочного союза рабочего класса со средним крестьянством, при опоре на бедноту и решительной борьбе с кулачеством. Это способствовало укреплению военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. Важное место на съезде занимал военный вопрос. Против ленинских положений о военной политике партии выступила «военная оппозиция», включившая часть «левых коммунистов». Резкой критике были подвергнуты действия Л. Д. Троцкого, принижавшего роль партийных кадров в войсках. Съезд обсудил вопрос о партийном и советском строительстве, об усилении руководящей роли партии в Советах, отверг федеративный принцип строительства партии.— *437.*

[2] *Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич)* (1887—1941) — русский поэт-декадент. Его лучшие стихи отличаются лиризмом, музыкальностью. После Октябрьской революции 1917 г. эмигрировал.— *438.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.— *438.*

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.— *438.*

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 22: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».— *440.*

[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118.— *440.*

[7] См.: Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 139—144).— *440.*

[8] См. там же, т. 31, с. 237—265.— *440.*

[9] См. там же, т. 32, с. 135—162.— *440.*

[10] «Материалы по пересмотру партийной программы»: Сб. М., 1917.— *440.*

[11] *Милютин В. П.* (1884—1937) — советский государственный и партийный деятель. В социал-демократическом движении участвовал с 1903 г., примыкал к меньшевикам, с 1910 г.— большевик. На II Всероссийском съезде Советов вошел в Совет Народных Комиссаров в качестве наркома земледелия. В ноябре

1917 г.— сторонник создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров, заявил о несогласии с политикой партии, вышел из ЦК и из правительства, позже признал свою ошибку. В 1918—1921 гг.— зам. председателя ВСНХ, затем на ответственной советской и хозяйственной работе. Член ЦК партии в 1917 г., в 1920—1922 гг.— кандидат в члены ЦК, член ЦКК в 1924—1934 гг. Член СТО и ЦИК СССР. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.— *440*.

[42] *Сокольников (Бриллиант) Г. Я.* (1888—1939) — советский государственный и партийный деятель. Юрист, доктор экономических наук. В революционном движении с 1903 г. В партии с 1905 г. Участник революции 1905—1907 гг. В 1909—1917 гг. был в эмиграции. Вернулся в Россию после Февральской революции 1917 г. С апреля 1917 г.— член Московского комитета и Московского областного бюро РСДРП(б). Член исполкома Моссовета. На VII (Апрельской) конференции и VI съезде РСДРП(б) избирался членом ЦК. 23 (10) октября 1917 г. введен в состав Политбюро ЦК РСДРП(б), член редколлегии «Правды», участник вооруженного восстания в Петрограде. В 1918 г.— член делегации, подписавшей Брестский мирный договор. В 1918—1920 гг.— член реввоенсоветов 2-й и 9-й армий, командующий 8-й армии Южного фронта. С 1920 г.— командующий Туркестанским фронтом, председатель Туркестанского ВЦИК и СНК РСФСР, входил в первый состав Туркбюро ЦК РКП(б). Сторонник Н. И. Бухарина в период профсоюзной дискуссии. С 1921 г.— член коллегии Наркомфина, зам. наркома финансов. С 1929 г.— полпред в Англии, затем зам. наркомлеса СССР. На VII, XI—XV съездах партии избирался в члены ЦК, на XVI, XVII — кандидатом в члены ЦК ВКП(б), кандидат в члены ЦК в 1924—1926 гг. В 1926 г. исключен из ВКП(б), затем восстановлен в партии. Был незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.—*440*.

[43] *Ломов А. (Оппоков Г. И.)* (1888—1938) — советский партийный и государственный деятель. В партии с 1903 г. В 1917 г.— член Московского областного бюро и ЦК РСДРП(б), зам. председателя Моссовета. Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б). Активный участник Октябрьской революции, член Московского ВРК. Делегат II Всероссийского съезда Советов. Во время дискуссии о Брестском мире 1918 г.— «левый коммунист». В 1918—1921 гг — член Президиума и зам. председателя ВСНХ. С 1921 г.— на партийной, хозяйственной и государственной работе. Член ЦК партии в 1927—1934 гг. (кандидат в 1918—1919 гг. и 1925—1927 гг.). Член ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован. Посмертно реабилитирован.— *440*.

[44] *Смирнов В. М.* (1887—1937) — в революционном движении участвовал с 1904 г., член партии с 1907 г. В 1914—1917 гг. вел революционную агитацию среди солдат. В 1917 г.— член Московского революционного комитета. Делегат VI—IX съездов партии. Член редколлегии «Правды», «Экономической жизни». В 1920 г — член коллегии Промбюро ВСНХ Украины. В 1921 г.— член коллегии Госплана. В 1927 г.— член коллегии ЦСУ СССР. В 1927 г. исключен из партии. Незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.— *440*.

[45] VI съезд РСДРП(б) состоялся 26 июля (8 августа) — 3 (16) августа 1917 г. в Петрограде. Работал полулегально. Порядок дня съезда: 1) Доклад Организационного бюро; 2) Доклад ЦК РСДРП(б); 3) Отчеты с мест; 4) Текущий момент: а) война и международное положение; б) политическое и экономическое положение; 5) Пересмотр Программы; 6) Организационные вопросы; 7) Выборы в Учредительное собрание; 8) Интернационал; 9) Объединение партии; 10) Профессиональное движение; 11) Выборы; 12) Разное. Кроме того, на съезде обсуждался вопрос о явке В. И. Ленина на суд. Съезд высказался против явки Ленина на суд контрреволюционного Временного

правительства. Основными вопросами были политический отчет ЦК и доклад о политическом положении. Была дана ленинская оценка политической обстановки, анализ расстановки классовых сил, намечен курс на вооруженное восстание. Съезд выдвинул лозунг борьбы за полную ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии и завоевание власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством. Особое внимание было уделено вопросу о союзе рабочего класса с крестьянством. Съезд утвердил экономическую платформу партии, уделил большое внимание работе партии в профсоюзах, обсудил вопрос о руководстве партии союзами рабочей молодежи, принял новый Устав партии, принял в партию межрайонцев, избрал ЦК во главе с В. И. Лениным.— *440*.

[46] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 351—381.— *440*.

[47] См. там же, т. 36, с. 70—76.— *440*.

[48] *Львов Г. Е.* (1861—1925) — князь, крупный помещик, кадет. В период первой мировой войны — председатель Всероссийского земского союза, затем один из председателей объединенного союза земств и городов. После Февральской революции 1917 г.— председатель буржуазного Временного правительства и министр внутренних дел. Один из инициаторов кровавой расправы с рабочими и солдатами Петрограда в июльские дни 1917 г. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу, участвовал в организации иностранной военной интервенции против Советской России.— *440*.

[49] *Милюков П. Н.* (1859—1943) — лидер партии кадетов, историк, публицист. В 1909 г.— один из основателей партии кадетов, затем председатель ее ЦК и редактор центрального органа газеты «Речь». Депутат III и IV Государственных дум. В 1917 г.— министр иностранных дел в первом составе Временного правительства; проводил политику продолжения империалистической войны «до победного конца». В августе 1917 г.— один из вдохновителей корниловского мятежа. После Октябрьской революции 1917 г. принимал участие в организации иностранной военной интервенции против Советской России; активный деятель белой эмиграции.— *440*.

[50] *Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции.— Полн. собр. соч., т. 31, с. 116.— *441*.

[51] Там же.— *441*.

[52] *Корнилов Л. Г.* (1870—1918) — генерал царской армии, монархист. В июле — августе 1917 г.— верховный главнокомандующий русской армии. В августе возглавил контрреволюционный мятеж. После подавления мятежа был арестован и заключен в тюрьму, откуда бежал на Дон и стал одним из организаторов, а затем командующим белогвардейской Добровольческой армии. Убит во время боев под Екатеринодаром.— *441*.

[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 120 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).—*441*.

[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 48.— *442*.

[55] Там же.— *442*.

[56] Там же, с. 49.— *442*.

[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 54.— *442*.

[58] См. там же, с. 71.— *443*.

[29] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 165—208. Имеется в виду «Доклад об очередных задачах Советской власти» на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. (см. там же, с. 241—276). — *443.*

[30] Там же, с. 207.—*444.*

[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 180.— *445.*

[32] Там же, с. 154, 155.— *445.*

[33] Там же, с. 153.— *445.*

[34] Там же, с. 156 (курсив Н. И. Бухарина.— *Ред.*).— *445.*

[35] Там же, с. 157.— *445.*

[36] Там же, с. 160.— *445.*

[37] Там же, с. 162.— *445.*

[38] Там же.— *446.*

[39] См. там же, с. 165, 167, 169, 171, 172—173.— *446.*

[40] *Потресов* (псевд. *Старовер*) *А. Н.* (1869—1934) — участник российского революционного движения. В 1896 г. член Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1900 г. член редакции «Искры». С 1903 г. один из лидеров меньшевизма. После Октябрьской социалистической революции белоэмигрант.— *448.*

[41] *Адлер (Adler) Фридрих* (1879—1960) — один из лидеров австрийской социал-демократической партии и идеологов австромарксизма, центрист. Был в числе организаторов и лидеров II½ и Социалистического рабочего Интернационалов.— *448.*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. БУХАРИНА

1888 год

9 октября — В Москве в семье учителей начальной школы родился Н. И. Бухарин.

1900 год

Н. И. Бухарин окончил начальную школу и поступил в гимназию.

1904 год

В гимназии Н. И. Бухарин приобщается к работе организации учащихся, которая вскоре становится социал-демократической.

1905—1907 годы

Н. И. Бухарин участвует в Первой российской революции в Москве.

1906 год

Вторая половина года — Н. И. Бухарин вступил в РСДРП(б).
Работает пропагандистом, агитатором, организатором в Дорогомиловском, Хамовническом районах г. Москвы.

Между 1906—1910 гг.

Написана первая теоретическая статья Н. Бухарина «Теория развития народного хозяйства».

1907 год

Осень — Поступил в Московский университет, на экономическое отделение юридического факультета.

1908 год

Кооптирован в состав МК большевистской организации, назначается ответственным организатором Замоскворецкого района.

1909 год

23 мая — Н. И. Бухарин выбран в состав МК РСДРП(б).
Впервые подвергся аресту на собрании Московского комитета большевиков.

Осень — Вторично арестован по тому же делу; освобожден под залог.

1910 год

Конец года — Н. И. Бухарин вновь арестован в связи с разгромом Московской партийной организации.
После освобождения участвует в работе в легальных учреждениях, где ведет борьбу с ликвидаторами.

1911 год

20 декабря 1910—май 1911 года — Н. И. Бухарин арестовывается царской охранкой, содержится в Сущевской и Бутырской тюрьмах Москвы.

23 июня	Доставлен в г. Архангельск по пути в ссылку в г. Овегу.
30 августа	Бежит из ссылки в Москву.
Октябрь	Эмигрирует в Германию (г. Ганновер).
	1912 год
Сентябрь	Н. И. Бухарин на съезде германской социал-демократии в г. Хемнице представляет РСДРП(б).
Сентябрь	В Кракове состоялась первая встреча Н. И. Бухарина с В. И. Лениным. Ленин привлекает Бухарина к работе в газете «Правда» и журнале «Просвещение».
Конец года	Н. И. Бухарин переезжает из Германии в Вену.
	1912—1914 годы
	Выходит в свет ряд теоретико-экономических работ Н. И. Бухарина, статей и корреспонденций в журнале «Просвещение», газете «Правда».
	1913 год
	Опубликована статья Н. И. Бухарина «Карл Маркс и современная политическая экономия буржуазии».
	1914 год
Август	Н. И. Бухарин арестован в Австрии (г. Линце) в связи с начавшейся первой мировой войной.
	После ареста высылается в Швейцарию, живет в основном в Лозанне.
	В Вене вышла из печати первая книга Н. И. Бухарина «Политическая экономия рантье».
	В журнале «Просвещение» вышла работа Н. И. Бухарина «Теория субъективной ценности Бём-Баверка».
	1915 год
14—19 февраля	Н. И. Бухарин участвует в работе Бернской конференции заграничных секций РСДРП(б).
	В журнале «Коммунист» № 1—2 опубликована работа Н. И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм».
	1916 год
Июль	Н. И. Бухарин через Францию и Англию переезжает в Швецию.
Лето	Н. И. Бухарин арестован шведскими властями за антимилитаристскую пропаганду и высылается в Норвегию.
Август	Переезжает в Копенгаген.
	Публикует ряд статей в радикально-социалистических органах: голландской «De Tribune», норвежской «Klassekampen», бременском журнале «Arbeiter Politik», журнале «Jugendinternationale».
Октябрь	Н. И. Бухарин переезжает в США. В Нью-Йорке становится редактором газеты социалистических эмигрантов «Новый мир».
	1917 год
Начало апреля	Из США Н. И. Бухарин выезжает в Россию, в Челябинске арестовывается меньшевиками за агитацию среди солдат.

Начало июня	Н. И. Бухарин приезжает в Москву. Входит в состав Московского комитета большевиков, Московского областного бюро, избирается членом исполкома Моссовета, городской Думы, а также членом бюро большевистской фракции Учредительного собрания.
26 июля — 3 августа	Н. И. Бухарин участвует в работе VI съезда РСДРП(б).
27 июля	Выступает с речью по вопросу о явке В. И. Ленина на суд. По его предложению принимается резолюция о неявке т. Ленина на суд.
30 июля	Выступает с докладом о войне и международном положении. Избирается членом ЦК РСДРП(б). Назначается редактором партийной газеты «Социал-демократ», теоретического журнала «Спартак».
Июль	Выходит в свет книга Н. И. Бухарина «Классовая борьба и революция в России».
25—28 августа	Н. И. Бухарин принимает участие в работе Государственного совещания.
27 сентября — 5 октября	Участвует в работе Демократического совещания.
Ноябрь — декабрь	Как один из руководителей, Н. И. Бухарин участвует в Октябрьском вооруженном восстании в Москве.
Декабрь	Н. И. Бухарин назначается редактором газеты «Правда».
Конец декабря	Выходит из редакции газеты «Правда», как противник заключения Брестского мира. Возглавляет группу «левых коммунистов».
	1918 год
7 января	Участвует в работе I Всероссийского съезда профсоюзов.
10—18 января	Н. И. Бухарин участвует в работе III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
6—8 марта	Н. И. Бухарин участвует в работе VII Экстренного съезда РКП(б).
7 марта	Выступает с содокладом по вопросам о войне и мире.
8 марта	Выступает с заключительным словом по вопросу о войне и мире; о пересмотре Программы и изменении названия партии.
14—16 марта	Участвует в работе IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов.
26 мая — 4 июня	Н. И. Бухарин участвует в работе первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства. Выступает с приветствием съезду.
4—10 июля	От большевистской фракции Н. И. Бухарин участвует в работе V Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.
2 октября	Пленум ЦК РКП(б) утвердил Н. И. Бухарина ответственным редактором газеты «Правда».
Октябрь	Н. И. Бухарин выступает с критикой допущенной им ошибки в связи с «левацкой» позицией по Брестскому миру. Выходит в свет книга Н. И. Бухарина «От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата (классовая борьба и революция в России)».

1919 год

16—25 января	Н. И. Бухарин участвует в работе II Всероссийского съезда профессиональных союзов.
2—6 марта	Н. И. Бухарин в составе делегации РКП(б) участвует в работе I конгресса Коммунистического Интернационала.
3 марта	Выступает с докладом о теоретической платформе Коммунистического Интернационала. Избирается в Исполком Коминтерна.
18—23 марта	Н. И. Бухарин участвует в работе VIII съезда РКП(б). Избран в редакционную комиссию съезда.
19 марта	Выступает с содокладом о партийной Программе и с заключительным словом. Избирается членом ЦК.
25 марта	Пленум ЦК РКП(б) избирает Н. И. Бухарина кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б).
2—4 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе VIII Всероссийской конференции РКП(б).
4 декабря	Выступает с докладом о работе среди новых членов партии.
5—9 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе VII Всероссийского съезда Советов. Выходит в свет написанная Н. И. Бухариным в соавторстве с Е. А. Преображенским «Азбука коммунизма; популярное объяснение программы Российской коммунистической партии (большевиков)». Опубликована работа Н. И. Бухарина «Теория пролетарской диктатуры».

1920 год

29 марта — 5 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе IX съезда РКП(б).
31 марта	Выступает в прениях по докладам о хозяйственном строительстве.
1 апреля	Выступает с докладом «О профессиональных союзах и их задачах» и с заключительным словом.
6—13 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе III Всероссийского съезда профессиональных союзов.
6 апреля	Выступает с приветствием съезду от Центрального Комитета РКП(б).
Май	Выходит в свет книга Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода».
19 июля — 7 августа	Н. И. Бухарин участвует в работе II конгресса Коминтерна.
2 августа	Выступает с докладом о парламентаризме, в прениях по этому докладу.
2—10 октября	Н. И. Бухарин участвует в работе III Всероссийского съезда РКСМ.
2 октября	Выступает с речью от Центрального Комитета РКП(б).
Декабрь — январь 1921 года	Н. И. Бухарин во главе так называемой «буферной группы» участвует в дискуссии о профсоюзах.

1921 год

8—16 марта	Н. И. Бухарин участвует в работе X съезда РКП(б). Избирается в Президиум съезда.
11 марта	Выступает с докладом о партийном строительстве.
14 марта	Выступает с речью в прениях по вопросу о профсоюзах.
17—25 мая	Н. И. Бухарин участвует в работе IV Всероссийского съезда профсоюзов. Выступает с приветствием от Центрального Комитета РКП(б), с речью на заключительном заседании.
22 июня — 12 июля	Н. И. Бухарин участвует в работе III конгресса Коминтерна.
1 июля	Выступает в прениях по тактическим вопросам.
5 июля	Выступает в прениях по докладу В. И. Ленина о тактике РКП(б).
22—27 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе IX Всероссийского съезда Советов. Выходит в свет работа Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии». Выходит в свет брошюра Н. И. Бухарина «Новый курс экономической политики».

1922 год

2—5 апреля	Н. И. Бухарин в составе делегации ИККИ участвует в работе конференции трех Интернационалов в Берлине.
5 ноября — 5 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе IV конгресса Коминтерна.
18 ноября	Выступает с докладом по программным вопросам.

1923 год

17—25 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе XII съезда РКП(б).
19 апреля	Выступает с речью в прениях по отчетному докладу ЦК.
20 апреля	Выступает с докладом «Отчет Российского представительства в Исполкоме Коминтерна».
24 апреля	Выступает с речью в прениях по докладу о национальных моментах в партийном и государственном строительстве.

1924 год

16—18 января	Н. И. Бухарин участвует в работе XIII конференции РКП(б).
26 января — 2 февраля	Н. И. Бухарин участвует в работе II съезда Советов СССР.
26 января	Выступает с речью, посвященной памяти Владимира Ильича Ленина.
2 февраля	Выступает с докладом о международном положении.
17 февраля	Н. И. Бухарин на заседании Коммунистической Академии выступает с докладом «Ленин как марксист».
Апрель	Н. И. Бухарин утверждается редактором нового политико-экономического журнала ЦК РКП(б) «Большевик».
23—31 мая	Н. И. Бухарин участвует в работе XIII съезда РКП(б).
27 мая	Выступает с докладом «Отчет представителя РКП в Исполкоме Коминтерна».
29 мая	Выступает с докладом «О работе среди молодежи».

2 июня	Пленум ЦК РКП(б) избирает Н. И. Бухарина членом Политбюро ЦК РКП(б).
17 июня — 8 июля	Н. И. Бухарин в составе делегации РКП(б) участвует в работе V конгресса Коминтерна.
23 июня	Выступает с докладом по тактическим вопросам.
27 июня	Выступает с докладом по программному вопросу.
8 июля	Выступает с критикой «левой оппозиции» Бордиги, по норвежскому вопросу.
12—18 июля	Н. И. Бухарин участвует в работе VI Всесоюзного съезда РКСМ.
15 июля	Выступает с речью «Ленинское воспитание молодежи».
12 декабря	В газете «Правда» опубликована статья Н. И. Бухарина «Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. К вопросу об экономическом обосновании троцкизма».
	Выходит в свет сборник теоретических работ Н. И. Бухарина «Атака».
	1925 год
11—19 января	Н. И. Бухарин принимает участие в работе первого Всесоюзного съезда учителей.
17 января	Выступает с докладом «Учительство и комсомол».
23 марта	Н. И. Бухарин выступает с докладом на 9-м губернском съезде Московской организации РЛКСМ «Комсомол, за углубленную большевистскую работу».
27—29 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе XIV конференции РКП (б).
29 апреля	Выступает с речью в прениях по докладу «О кооперации».
Апрель — май	В журнале «Большевик» опубликован доклад Н. И. Бухарина на собрании актива Московской партийной организации «Новая экономическая политика и наши задачи».
13—20 мая	Н. И. Бухарин участвует в работе III съезда Советов СССР.
18 июня	На VI Всесоюзной конференции РЛКСМ Н. И. Бухарин делает доклад «Текущий момент и политика партии».
5—9 декабря	Н. И. Бухарин выступает с докладом «Переломный год нашего развития» на XIV Тульской губернской конференции РКП(б).
5—12 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе XIV Московской губернской конференции РКП(б).
6 декабря	Выступает с речью.
18—31 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе XIV съезда ВКП(б).
19 декабря	Выступает с речью в прениях по отчету ЦК.
30 декабря	Выступает с докладом «О работе комсомола» и с заключительным словом.
Декабрь	Выходит сборник статей Н. И. Бухарина «Некоторые вопросы экономической политики».
	Опубликована брошюра Н. И. Бухарина «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз».
	1926 год
5 января	На собрании актива Московской организации РКП(б) Н. И. Бухарин выступает с докладом «К итогам XIV съезда РКП(б)».

10—12 февраля	Направленный XIV съездом ВКП(б) в Ленинград, Н. И. Бухарин выступает с докладами «К итогам дискуссии» на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б), на Выборгской и Московско-Нарвской районных партконференциях.
23—30 мая	Н. И. Бухарин участвует в работе 3-го Всесоюзного совещания рабселькоров.
24 мая	Выступает с докладом «О партийном руководстве рабселькорами».
20 октября	В газете «Правда» опубликована работа Н. И. Бухарина «Цезаризм под маской революции. По поводу книги Н. Устрялова «Под знаком революции».
26 октября — 3 ноября	Н. И. Бухарин участвует в работе XV конференции ВКП(б).
26 октября	Выступает с докладом «О международном положении».
2 ноября	Выступает в прениях по вопросу «Об оппозиции и о внутрипартийном положении».
Октябрь	Выходит в свет работа Н. И. Бухарина «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР».
22 ноября — 16 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе VII расширенного пленума Исполкома Коминтерна.
22 ноября	Выступает со вступительным словом.
23 ноября	Делает доклад «Международное положение и ближайшие задачи Коминтерна»; представляет печатный доклад «Капиталистическая стабилизация и пролетарская революция».
9 декабря	Выступает в прениях по докладу «Внутрипартийные вопросы ВКП(б)».
6—18 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе VII съезда профсоюзов СССР.
Декабрь	Н. И. Бухарин входит в состав Политсекретариата ИККИ.
	1927 год
8—15 января	Н. И. Бухарин участвует в работе XV Московской губпартконференции. Выступает с докладом «О международном и внутреннем положении СССР».
21 января	В газете «Правда» публикуется статья Н. И. Бухарина «Ленинизм и строительный период пролетарской революции».
25—29 января	Н. И. Бухарин принимает участие в работе XXIV Ленинградской губернской партийной конференции.
18—23 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе IV съезда Советов СССР.
12 октября	На VII Московском губернском съезде профсоюзов Н. И. Бухарин выступает с докладом «К десятилетию Октябрьской революции».
26 октября	Н. И. Бухарин выступает с докладом «Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда» на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б).
20—28 ноября	Н. И. Бухарин участвует в работе XVI Московской губернской конференции ВКП(б).
23 ноября	Выступает с докладом «Очередные задачи партии».

2—19 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе XV съезда ВКП(б).
9—10 декабря	Выступает с отчетом делегации ВКП(б) в ИККИ «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала».
12 декабря	Выступает с заключительным словом.
	1928 год
21 января	Н. И. Бухарин выступает с докладом на объединенном заседании ЦК, ЦКК, МК, МКК ВКП(б), ЦК и МК ВЛКСМ, Института Ленина, ЦИК СССР и ВЦИК, губисполкома, ВЦСПС и МГСПС и других рабочих организаций, посвященном 4-й годовщине смерти В. И. Ленина.
5—16 мая	Н. И. Бухарин участвует в работе VIII съезда ВЛКСМ.
5 мая	Выступает с приветствием от ЦК ВКП (б).
6 мая	Выступает с докладом «Об итогах и перспективах социалистического строительства и задачах коммунистического воспитания рабочей молодежи».
17 июля — 1 сентября	Н. И. Бухарин участвует в работе VI конгресса Коминтерна.
17 июля	Выступает со вступительным словом.
18—19 июля	Выступает с докладом о деятельности ИККИ.
30 июля	Выступает с заключительным словом по докладу.
9 августа	Выступает с докладом о проекте Программы Коминтерна.
14 августа	Выступает с заключительным словом по докладу.
1 сентября	Выступает с докладом программной комиссии.
5 сентября	С докладом «Итоги VI конгресса Коммунистического Интернационала» Н. И. Бухарин выступает на собрании актива Московской организации ВКП(б).
30 сентября	В газете «Правда» опубликованы «Заметки экономиста (К началу нового хозяйственного года)» Н. И. Бухарина.
10—24 декабря	Н. И. Бухарин участвует в работе VIII съезда профессиональных союзов СССР.
Декабрь	Общим собранием Академии наук СССР Н. И. Бухарин избирается действительным членом Академии по социально-экономическим наукам.
	1929 год
20 января	В газете «Правда» опубликована статья Н. И. Бухарина «Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве».
21 января	Н. И. Бухарин выступает с докладом «Политическое завещание Ленина» на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти В. И. Ленина.
Февраль	На объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК оглашено совместное заявление Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского о политике партии.
23 марта	В газете «Правда» опубликована работа Н. И. Бухарина «Программа Октября (К десятилетию программы нашей партии)».
16—23 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Выступает с речью. Пленум принял решение об отстранении Бухарина от работы в газете «Правда» и Коминтерне.

	Пленум в резолюции «По внутрипартийным делам» осудил политические взгляды группы Бухарина, Рыкова, Томского.
23—29 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе XVI Всесоюзной конференции ВКП(б).
20—28 мая	Н. И. Бухарин участвует в работе V съезда Советов СССР.
26 мая	В газете «Правда» опубликована статья Н. И. Бухарина «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии».
30 мая	Н. И. Бухарин назначается заведующим Научно-техническим управлением ВСНХ (позднее Наркомтяжпрома).
30 июня	В газете «Правда» опубликована статья Н. И. Бухарина «Теория «организованной» бесхозяйственности».
Июнь	X пленум ИККИ освободил Н. И. Бухарина от поста члена Президиума Исполкома Коминтерна.
10—17 ноября	Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление о выводе Н. И. Бухарина из состава Политбюро ЦК ВКП(б).
	1930 год
19 февраля	В газете «Правда» опубликована статья Н. И. Бухарина «Великая реконструкция».
7 марта	В газете «Правда» опубликована статья-памфлет Н. И. Бухарина «Финансовый капитал в мантии папы».
26 июня — 13 июля	XVI съезд ВКП(б) избирает Н. И. Бухарина в состав ЦК ВКП(б).
	1931 год
8—17 марта	На VI съезде Советов СССР Н. И. Бухарин избирается членом ЦИК СССР.
6—11 апреля	Н. И. Бухарин участвует в работе первой Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы.
6 апреля	Выступает с докладом «Основы планирования научно-исследовательской работы».
	1932 год
30 января — 4 февраля	Н. И. Бухарин принимает участие в работе XVII конференции ВКП(б).
31 января	Выступает с речью в прениях по докладу «Итоги развития промышленности за 1931 г. и задачи 1932 г.».
29 февраля	Н. И. Бухарин выступает с речью на торжественном собрании Академии наук СССР «Техника и экономика современного капитализма».
Апрель	Н. И. Бухарин назначается членом коллегии Наркомтяжпрома и комиссии по разработке нового пятилетнего плана. Выходит в свет сборник работ Н. И. Бухарина «Этюды».
	1933 год
7—12 января	Н. И. Бухарин участвует в работе Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).
9 января	Выступает с речью.
Март	На общем собрании АН СССР, посвященном 50-летию со дня смерти К. Маркса, выступает с докладом «Учение Маркса и его историческое значение».

1934 год

26 января — 10 февраля	Н. И. Бухарин участвует в работе XVII съезда ВКП (б). Съезд избрал Н. И. Бухарина кандидатом в члены ЦК ВКП(б).
28 января	Выступает с речью в прениях по Отчетному докладу о работе ЦК ВКП(б).
27 февраля	Н. И. Бухарин назначается ответственным редактором газеты «Известия».
6, 18 марта	В газете «Известия» публикуется статья Н. И. Бухарина «Кризис капиталистической культуры и проблемы культуры в СССР».
17 августа — 1 сентября	Н. И. Бухарин участвует в работе первого Всесоюзного съезда советских писателей; выступает с докладом «Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР».

1935 год

28 января — 6 февраля	VII съездом Советов СССР Н. И. Бухарин избирается членом ЦИК СССР.
7 февраля	Н. И. Бухарин включен в состав Конституционной комиссии СССР.

1936 год

27 января	В газете «Известия» опубликована статья Н. И. Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука?».
Март — апрель	По поручению ЦК ВКП(б) в Париже Н. И. Бухарин решает вопросы приобретения архивов Социал-демократической партии Германии.
Декабрь	На Пленуме ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарину предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности.

1937 год

23 февраля — 5 марта	На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) принято решение об исключении Н. И. Бухарина из состава ЦК ВКП(б) и членов партии на основании материалов НКВД. Дело Бухарина передано следственным органам НКВД. Н. И. Бухарин арестован.

1938 год

2—13 марта	Происходит судебный процесс по делу так называемого «право-троцкистского блока», рассмотренный военной коллегией Верховного суда СССР.
15 марта	По приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта Н. И. Бухарин был расстрелян по клеветническим и сфальсифицированным обвинениям.
21 мая	Общее собрание АН СССР исключает Н. И. Бухарина из числа действительных членов и из состава президиума АН СССР.

* * *

4 февраля 1988 г. пленум Верховного суда СССР вынес постановление об отмене приговора и прекращении дела в отношении Н. И. Бухарина.

10 мая 1988 г. президиум АН СССР принял решение восстановить посмертно в звании действительного члена АН СССР (академика) Бухарина Николая Ивановича.

21 июня 1988 г. Комитет партийного контроля КПСС восстановил Н. И. Бухарина в рядах Коммунистической партии (посмертно).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . III

ТЕОРИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ. *1919 г.* . . . 1

НОВЫЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. *1921 г.* . . . 24

ЖЕЛЕЗНАЯ КОГОРТА РЕВОЛЮЦИИ. *1922 г.* . . . 34

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА *(Беглые заметки). 1923 г.* . . . 39

ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ. *Доклад на торжественном заседании Коммунистической академии. 17 февраля 1924 г.* . . . 50

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ О СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ИЛИ КАК МОЖНО ПОГУБИТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК. *К вопросу об экономическом обосновании троцкизма. 1925 г.* . . . 85

ПАМЯТИ ИЛЬИЧА. *21 января 1925 г.* . . . 116

О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ И НАШИХ ЗАДАЧАХ. *Доклад на собрании актива Московской организации. 17 апреля 1925 г.* . . . 122

ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ И РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ. *1925 г.* . . . 146

ДОКЛАД НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП(б). *10—11 февраля 1926 г.* . . . 231

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И О ВОЗМОЖНОСТИ ПОБЕДОНОСНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР. *1926 г.* . . . 277

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ НА ПОРОГЕ XV ПАРТСЪЕЗДА. *Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б). 26 октября 1927 г.* . . . 315

ЛЕНИНИЗМ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. *(Речь на траурном заседании памяти В. И. Ленина). 21 января 1928 г.* . . . 368

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА. *К началу нового хозяйственного года. 30 сентября 1928 г.* . . . 391

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА. *Доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина. 21 января 1929 г.* . . . 419

ПРОГРАММА ОКТЯБРЯ *(К десятилетию программы нашей партии). 23 марта 1929 г.* . . . 437

ПРИМЕЧАНИЯ . . . 449

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. БУХАРИНА . . . 489

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БУХАРИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Художник Л. Т. Рябыкина
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Т. Н. Полуянова

ИБ № 8171

Сдано в набор 13.07.88. Подписано в печать 22.08.88. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,88. Усл. кр.-отт. 30,40. Уч.-изд. л. 33,0. Тираж 200 000 (100001—200 000) экз. Заказ № 4129. Цена 2 р. 80 к.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Н. БУХАРИН

Памяти Ильича

